Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/bwb_Y0-CWP-782

3041

14, rue [illegible] Paris XV

3041

БИБЛЮТЕКА
РУССКИХЪ
ШОФФЕРОВЪ
14, rue Yvart, Paris XV°

Дневникъ Марiи Башкирцевой.

ПРИЛОЖЕНIЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССIИ“

ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.

Статья **У. Э. Гладстона.**

(Изъ журнала „Nineteenth Century“, 1889. October, № 152).

Какъ бы ни суживали мы опредѣленіе словъ — «замѣчательныя книги», мы должны признать замѣчательною каждую книгу, которая прибавляетъ новую главу въ изслѣдованіяхъ человѣческой природы или хоть одну страницу къ написанной уже главѣ. Дневникъ Маріи Башкирцевой какъ разъ удовлетворяетъ этому условію. Его можно даже назвать книгою, не имѣющею себѣ подобной. Однако же едва ли возможно представить ея содержаніе вкратцѣ, потому что ни въ одной части ея нѣтъ ничего такого, что не опровергалось бы въ другой. Но сочинительница дневника съ **наивностью,** которая никогда не оставляетъ ее, въ короткомъ предисловіи, написанномъ только за пять мѣсяцевъ до ея смерти, говоритъ о немъ: „C'est trés intéressant comme document humain“.

Читателю приходится приступать къ этой книгѣ при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. О ней, какъ о пѣсняхъ Гомера, слѣдуетъ выводить заключеніе изъ внутренней очевидности. Намъ неизвѣстно, кто отдалъ ее въ печать, и она, подобно ребенку, является на свѣтъ совершенно нагая. Трудъ издателя ограничивается въ настоящемъ случаѣ маленькимъ некрологомъ въ концѣ и составленіемъ оглавленія, въ которомъ ни одна часть не занимаетъ полныхъ двухъ страницъ. Дневнику предпослано хвалебное стихотвореніе Теріе и тамъ же помѣщенъ фотографическій портретъ, представляющій энергичную преждевременно развившуюся физіономію, а далѣе говорится о томъ, какъ ея обладательница, въ двѣнадца-

тилѣтнемъ возрастѣ, обожала свои руки за ихъ красоту *). Въ дневникѣ указанія на личную интимную обстановку рѣдки и кратки, и такіе важные факты, какъ семейныя отношенія, оставлены, повидимому, съ намѣреніемъ въ темнотѣ; ни на одинъ изъ нихъ не пролито ни малѣйшаго мерцанія свѣта. Къ счастію, въ «Женскомъ мірѣ» (Woman's World) за іюнь и августъ помѣщена живая и энергичная статья, подписанная именемъ Матильды Блайндъ, дающая много свѣдѣній на этотъ счетъ.

Книга Башкирцевой не можетъ удовлетворить тѣхъ читателей, которые ищутъ въ чтеніи только удовольствія. Въ ней нѣтъ того интереса, который итальянцы характеризуютъ словомъ avvenente или занимательный. Она возбудитъ удивленіе, но не довѣріе, восторгъ, но далеко не проникнутый симпатіею. Башкирцева то привлекаетъ, то отталкиваетъ читателя и, можетъ быть, отталкиваетъ болѣе, чѣмъ привлекаетъ. Только тогда, когда въ возрастѣ, не достигшемъ еще полныхъ двадцати четырехъ лѣтъ, и смерть обрываетъ нить ея напряженнаго и переутомленнаго существованія, и гробовой покровъ падаетъ на ея прахъ, глубокая симпатія овладѣваетъ читателемъ, созерцающимъ печальное прекращеніе дѣятельности этихъ разнообразныхъ способностей, угасаніе этого энергичнаго и блистательнаго свѣта. Но при обозрѣніи содержанія всего разсказа въ цѣломъ, даже этотъ трагическій интересъ блѣднѣетъ въ сравненіи съ преобладающею странностью повѣствованія, въ качествѣ психологическаго этюда. Въ предисловіи, которое въ сущности слѣдовало бы назвать послѣсловіемъ, Башкирцева говоритъ, что во все время она неослабно старалась обнажать истинное существо своей натуры передъ людьми, разсказывая о себѣ **все, все, все.** Она выставляетъ предъ нами великолѣпную ткань, вывороченную наизнанку. Будучи личностью феноменальною и подстрекаемая отважною искренностью, она безпрестанно роется въ глубинѣ своей души и вытаскиваетъ на поверхность все, что находитъ на днѣ, испещренномъ холмами и долинами, подобно дну океана. Часто она не досказываетъ фразы, но большею частью это происходитъ, повидимому, потому, что даже ея великое умѣніе владѣть языкомъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ и энергіи ея

*) Все это говорится о французскомъ изданіи.

мысли. Она представила не столько портретъ себя самой, сколько анатомическое демонстрированіе своей натуры. Глубокія линіи этого образа вырѣзаны съ такою настойчивостью, съ такою неослабѣвающею силой, что онѣ выдаются надъ всею его поверхностью. Тенденція и характеръ ея сочиненія видны повсюду и хотя въ дневникѣ насчитывается до тысячи страницъ, представляющихъ, притомъ, множество кажущихся противорѣчій, но почти каждая страница представляетъ собою моральное сокращеніе всей книги. Слово «психологія» слишкомъ холодно и технично для обозначенія дѣятельности этой анормально возбужденной и глубоко взволнованной души. Эта дѣятельность представляетъ собою наглядный урокъ въ изученіи человѣческой природы и показываетъ намъ новыя и странныя вещи относительно существующихъ въ послѣдней величайшихъ и самыхъ дикихъ контрастовъ.

Внѣшняя исторія жизни Башкирцевой можетъ быть набросана въ краткихъ словахъ. Она русская, и притомъ интенсивно русская, потому что она интенсивна во всемъ. Ея жизнь прошла почти цѣликомъ внѣ ея родины, сперва по семейнымъ обстоятельствамъ, а потомъ — также и ради здоровья. Главныя части ея упадаютъ на Ниццу, гдѣ она впервые почувствовала великолѣпіе природы, и на Парижъ, гдѣ она подвергается дисциплинѣ и со страстью предается изученію искусства. Съ десятилѣтняго возраста, когда начинается дневникъ, ея жизнь есть постоянное напряженіе; это не только усиліе, но усиліе, поднятое анормальной энергіей.

Въ пятилѣтнемъ возрастѣ — танцы, какъ идеалъ пріятнаго движенія; затѣмъ — пѣніе, какъ высшее примѣненіе звука; и, наконецъ, искусство живописи и ваянія, какъ изображеніе жизни въ доступныхъ творчеству предѣлахъ. Каждое изъ этихъ занятій поочередно опутываетъ ее своими могущественными чарами. Въ то же самое время ея умъ непрестанно работаетъ во всѣхъ другихъ направленіяхъ, внутри и внѣ, — направленіяхъ соціальномъ, пріобрѣтательномъ, рефлективномъ. Со всѣмъ этимъ она соединяетъ постоянное преслѣдованіе цѣли своего самоописанія, и ея дневникъ, уже самъ по себѣ, представляетъ немаловажный памятникъ труда для такой кратковременной жизни. Неудивительно, что при такой дѣятельности и при такомъ непрерывномъ треніи «мечъ истерся прежде своихъ ноженъ». Въ Ниццѣ, имѣя всего четырнадцать

лѣтъ отъ роду, она почувствовала какую-то боль въ правомъ легкомъ, черезъ два года послѣ того въ какомъ-то курортѣ, въ Германіи, докторъ объявилъ, что легкое повреждено. Въ девятнадцать лѣтъ она оплакиваетъ потерю своего голоса, который, какъ она думала одно время, сдѣлалъ бы ее властительницею міра, что засвидѣтельствовано какъ ею самою, такъ и другими. Она болѣе чѣмъ подозрѣваетъ существованіе смертельнаго недуга и желаетъ только того, чтобы онъ поскорѣе покончилъ съ нею. До этого времени она начала тяготиться своею почти постоянною, хотя далеко не полною глухотою, повидимому, случайно присоединившеюся къ легочному страданію. И ее гораздо болѣе волновало это неудобство, чѣмъ ея смертельная болѣзнь, очевидно потому, что первое мѣшало ея общественнымъ сношеніямъ, между тѣмъ какъ она смѣло пренебрегала предостереженіемъ и совѣтами другихъ относительно второй. Въ шестнадцать лѣтъ она начинаетъ систематически заниматься искусствомъ atelier (мастерской). Въ сентябрѣ 1884 года, когда ей исполнилось уже двадцать три года, она все еще продолжаетъ работать, 9-го октября она жалуется на свою чрезмѣрную слабость, хотя, по ея мнѣнію, состояніе ея легкихъ не ухудшилось, 20-го дневникъ прекращается, а 31-го она умираетъ.

Такимъ образомъ мы простились съ однимъ изъ тѣхъ анормальныхъ существъ, — чаще женщинъ, чѣмъ мужчинъ, — которыя въ той или другой странѣ, повидимому, появляются одинъ или два раза въ одно поколѣніе и которыя обыкновенно предаются напряженной жизненной дѣятельности ранѣе естественнаго срока. Онѣ, повидимому, служатъ для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, предостереженіемъ — не относиться къ нимъ сурово или пренебрежительно на томъ основаніи, что они выше насъ и находятся внѣ нашей сферы: мы не можемъ уловить ихъ. И такъ какъ они, между прочимъ, предназначены для того, чтобы преподать намъ уроки, а мы не можемъ учиться, не стараясь понять, что мы по необходимости должны составить нѣчто въ родѣ приговора о нихъ, хотя съ возможною сдержанностью и снисходительностью. И дѣйствительно, слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, относящееся ко всему характеру этой необыкновенной личности. Она была истинно геніальна, хотя нѣкоторыя изъ ея сужденій относительно литературы и искусства кажутся эксцентричными.

Но между тѣмъ, какъ ея способности во всѣхъ направленіяхъ развивались съ крайнею и преждевременною быстротою, великое качество, которое мы называемъ характеромъ, росло медленно и отличалось незрѣлостью. Мы видимъ вокругъ себя множество двѣнадцатилѣтнихъ и даже болѣе юныхъ дѣвочекъ, которыя въ этомъ главномъ отношеніи зрѣлѣе, чѣмъ была Марія Башкирцева въ день ея смерти. Нужно отдать ей справедливость: она видѣла аномаліи своей собственной натуры. Подымая глаза къ небу, она восклицаетъ:

Pourquoi dans ton oeuvre céleste
Tant d'élements si peu d'accord?

А передъ этимъ она говорила: «Я не могу жить; я создана неправильно; во мнѣ множество лишняго и множества вещей мнѣ недостаетъ, и я обладаю неустойчивымъ характеромъ».

Обладала ли она настоящею красотою — это вопросъ. Она сама часто обсуждаетъ его и обыкновенно, хотя и не однообразно, рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Она несомнѣнно обладала энергіей, обаятельностью и эффектностью. Женственною она была во многихъ женскихъ слабостяхъ; но она не имѣла болѣе утонченныхъ прелестей, которыя мы обозначаемъ эпитетомъ «женственный». Она достаточно сознавала это. «О, если бы только я была мужчиной»! «Но смерть была бы еще лучше». Она дѣлаетъ и болѣе категоричное заявленіе: «Я женщина только по внѣшней оболочкѣ». Волновавшія ее чувства были чудовищны по силѣ и дѣятельности, но ея привязанности не отличались особенною энергіей. По поводу смерти домашняго врача, котораго она любила, она спрашиваетъ себя: «Неужели это въ первый разъ въ жизни я проливала слезы не единственно изъ самолюбія или гнѣва?» Члены ея семейства были ея рабами; но такъ какъ они во всемъ были ниже ея, то она не чувствовала къ нимъ симпатіи и даже со своимъ больнымъ дѣдомъ она обыкновенно вела войну на словахъ. Она не была съ нимъ груба, но только обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Повидимому, величайшимъ ея недостаткомъ было отсутствіе чувства почтенія. Ея дарованія были блистательны и всесторонни. Въ дѣтствѣ она была чудомъ танцовальнаго искусства и танцовала только

для того, чтобы ее видѣли. Ея голосъ, не только по ея собственнымъ словамъ, но и по отзыву другихъ, былъ великолѣпенъ. Она усвоивала языки съ такою легкостью, что, повидимому, не встрѣчала въ ихъ изученіи ни малѣйшихъ трудностей. Она сама удивляется, найдя себя такъ хорошо говорящею поитальянски. Древніе языки она изучала, повидимому, безъ помощи учителя; и она читала Гомера серьезно, такъ какъ ни одно новѣйшее сочиненіе, сенсаціонное или чѣмъ-либо выдающееся, не производитъ на нее впечатлѣнія въ большей степени, чѣмъ описаніе разрушенія Трои. Страсть ея къ чтенію была ненасытна, способность работать — громадна. Всѣ предметы были пищею для ея ума; изъ-за политики она могла лишиться сна. Послѣ развитія, котораго она достигла къ шестнадцатилѣтнему возрасту, ея днивникъ повсюду свидѣтельствуетъ о ея способностяхъ наблюдать и размышлять.

Искусство было ея преобладающею страстью. Она привязалась къ нему и сохранила къ нему фанатическую вѣрность до конца. Она имѣла вѣрное представленіе о своемъ трудѣ, какъ о такомъ трудѣ, который достигаетъ, стремясь, къ недостижимому. «Никогда не слѣдуетъ быть довольнымъ самимъ собою», говоритъ она въ одномъ мѣстѣ. При началѣ своихъ занятій она изумила своихъ учителей, которые даже спрашивали ее — дѣйствительно ли ей самой принадлежатъ ея работы, такъ какъ они не могли понять, какимъ образомъ начинающая можетъ быть способна создать такія произведенія. Однако же и здѣсь, какъ и въ другихъ такъ называемыхъ accomplissements, которыя могутъ быть выставлены на показъ, она любила свои работы въ виду дальнѣйшей окончательной ихъ цѣли. На всѣ эти вещи она смотрѣла со своей особенной точки зрѣнія. Правда, она старалась достигнуть въ нихъ совершенства, но совершенства, ради славы, и притомъ не такой славы, которою она могла бы просто наслаждаться въ неопредѣленномъ будущемъ, а славы осязательной, знаменитости, выражающейся въ видимомъ и ощутительномъ поклоненіи, во взглядахъ толпы. Она съ неутомимою жаждой добивалась того, чтобы на нее указывали пальцами и говорили: вотъ она!

Digito monstrari, et dicier Haec est.

Она торговала на рынкѣ славы, но торговала только на наличныя деньги.

И поэтому довольно существенно, что были нѣкоторыя странности и, можетъ быть, даже несообразности въ ея идеалѣ. Она питала глубокое восторженное удивленіе къ Ватто и Грезу, но критиковала и отвергала Рафаэля, хотя обожала его страну. Ея энтузіазмъ къ прогрессу былъ безграниченъ, но ея цѣлью была реальность, а не красота. Относительно ультра-реализма ея, какъ художницы, есть одно маленькое, но знаменательное указаніе въ одномъ изъ ея двухъ произведеній, хранящихся въ Люксембургѣ. Въ группѣ **гамэновъ** оживленный разговоръ ведется возлѣ строенія, на бѣлой стѣнѣ котораго нацарапано изображеніе висѣлицы. Вѣроятно, это казалось ей самою подходящею темою для первоначальнаго опыта мальчишки. Если въ корнѣ всѣхъ ея стремленій была какая-нибудь идея, то это была идея властвованія. Этимъ усиленнымъ реализмомъ были проникнуты также ея литературные вкусы и, можетъ быть, имъ объясняется ея восторженное поклоненіе Золя, хотя ей, повидимому, были извѣстны нѣкоторыя изъ наиболѣе исключительныхъ произведеній этого автора, доводящаго реализмъ просто-напросто до грубости. Съ ея страстью къ искусству могла бы соперничать, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, только ея любовь къ явному поклоненію. Вечеръ въ театрѣ, хотя она смѣялась безпрестанно, былъ для нея потеряннымъ вечеромъ, потому что въ этотъ вечеръ она не занималась и ее не видѣли. Относительно одного большого собранія, гдѣ она присутствовала, она говоритъ: «я не произвела того эффекта, который намѣревалась произвести».

Любовь, какъ и можно было ожидать, проходитъ по сценѣ въ своихъ различныхъ формахъ: вначалѣ — въ видѣ дѣтской и мимолетной, но страстной привязанности; по временамъ — въ видѣ кокетства; иногда, какъ, напр., относительно Лепажа, живописца-реалиста, какъ и она, — въ формѣ восторженнаго удивленія, которое, повидимому, могло бы превратиться въ любовь. Однако же, когда появляется мысль о замужествѣ, ея взглядъ внезапно дѣлается практичнымъ и даже меркантильнымъ. Ей хотѣлось бы быть женою посла. Но такъ какъ въ цѣломъ брачныя узы были бы тягостнымъ и скучнымъ инцидентомъ, то она держитъ ихъ на почтительномъ отдаленіи.

Тамъ, гдѣ источники воспріимчивости такъ обильны, религія не могла не имѣть своей доли участія въ чувствахъ. Такъ

и было дѣйствительно съ Башкирцевой, — однако же болѣе въ ранніе періоды ея жизни, чѣмъ въ послѣдній. Въ 1878 году, когда она, повидимому, предусматривала свою печальную судьбу, она съ полною серьезностью говоритъ: «да исполнится воля Божія». Начиная курсъ ученія въ atelier, она торжественно посвящаетъ себя и свои труды «Отцу, Сыну и Святому Духу».

Послѣ этого ея идея о божествѣ, повидимому, потерпѣла искаженіе. Счастлива была бы она, если бы ея родители и учители руководили ее къ познанію того, «что есть добро, что слѣдуетъ принять, что есть совершенная воля Божія», и если бы въ этомъ изученіи она нашла руководящій принципъ характера и тайну душевнаго спокойствія. Она склонна относиться къ Всемогущему, какъ она относилась къ своему дѣду, en égal. Это было отношеніе, которое можно выразить словами: do ut des (даю, чтобы ты далъ) или даже словами: da, ut dem (дай, чтобы получить отъ меня). Если дѣла не устраиваются по ея желанію, она грозитъ, что перестанетъ вѣрить. «До сихъ поръ, — говоритъ она, — я всегда обращалась къ Богу; но такъ какъ Онъ совсѣмъ не слушаетъ меня, то я не вѣрю въ Него... почти». Но затѣмъ она высказываетъ, что чувствуетъ безусловную необходимость вѣры въ Бога для всѣхъ, за исключеніемъ развѣ людей очень счастливыхъ, и со свойственною ей чудовищною наивностью прибавляетъ: «Это не обязываетъ ни къ чему». Однако, читая эту книгу, мы повсюду и въ особенности здѣсь, должны помнить, что дневникъ Башкирцевой есть столько же актъ самообвиненія, какъ и самообожанія, и что она облекаетъ въ слова, и притомъ въ яркія слова, то, что мелькаетъ въ умѣ другихъ, но лежитъ тамъ въ видѣ зародыша или неформулированной мысли.

Въ числѣ назиданій, представляемыхъ этою книгой, мы должны по прочтеніи ея вынести чувство благодарности за то, что мы не поставлены судьями ближняго. Правда, нашъ приговоръ долженъ существовать, потому что безъ него мы не можемъ учиться; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть условнымъ, предположительнымъ, но никоимъ образомъ рѣшительнымъ и окончательнымъ. Чтобы быть понятыми, приведемъ слова Теннисона, которыя напоминаетъ намъ чтеніе дневника:

Не ладно что-то въ этомъ мірѣ,
Что будущность намъ разъяснитъ.

Марія Башкирцева напоминаетъ мнѣ развалины Селинунти, не похожія ни на какія другія развалины, которыя я когда-нибудь видѣлъ. Храмъ разрушенъ до такой степени, что можно сказать, что онъ превратился въ массу отдѣльныхъ камней; но каждый каменъ величественъ самъ по себѣ. Здѣсь были великія силы, нагроможденныя въ изобиліи, подобно матеріаламъ для возведенія храма Соломона. Онѣ погибли въ двойномъ разочарованіи, — такъ какъ, конечно, есть другое разочарованіе, помимо слишкомъ ранней смерти. Эта смерть — не подходящій предметъ для дѣланныхъ, изысканныхъ сѣтованій.

Пусть ни художникъ, ни поэтъ,
Съ ихъ сожалѣніемъ безплоднымъ,
Не тронутъ творчествомъ холоднымъ
Того, чего ужъ больше нѣтъ *).

Это такой урокъ, который слѣдуетъ изучить молча, и мы должны закрыть книгу съ горестною, но почтительною симпатіею къ той, которая, по яркому выраженію Терье, была „faite pour beaucoup souffrir et pour beaucoup faire souffrir“.

*) Изъ Alastor'а Шелли.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КАТАЛОГУ КАРТИНЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.

Лѣтомъ 1883 г. я пошелъ повидать одну мою русскую знакомую, остановившуюся у m-me Башкирцевой, въ Парижѣ, въ улицѣ Амперъ. Общество, которое я тамъ нашелъ, состояло исключительно изъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ, прекрасно говорящихъ по-французски съ тѣмъ особеннымъ акцентомъ, который придаетъ нашему языку въ устахъ русскихъ какую-то нѣжность и мягкость. Самый радушный пріемъ встрѣтилъ меня въ этой симпатичной средѣ, гдѣ все дышало счастьемъ.

Но едва я сѣлъ подлѣ самовара съ чашкой чая въ рукахъ, какъ вниманіе мое было поражено большимъ портретомъ одной изъ присутствующихъ дѣвушекъ, портретомъ поразительнаго сходства, написаннымъ широкою и свободною кистью истиннаго мастера.

— Это моя дочь Мари написала портретъ своей кузины, — сказала m-me Башкирцева.

Я началъ хвалебную фразу и не успѣлъ ее кончить: другой холстъ, потомъ третій, потомъ еще и еще привлекали мое вниманіе, обличая изъ ряда выходящаго художника. Я переходилъ отъ одной картины къ другой — стѣны гостиной были сплошь увѣшаны ими — и при каждомъ восклицаніи, вырывавшемся у меня отъ какого-то радостнаго изумленія, m-me Башкирцева повторяла мнѣ голосомъ, въ которомъ слышалось столько же нѣжности, сколько и гордости:

— Это моя дочь Мари!.. Это все моя дочь!..

Въ эту минуту вошла m-lle Башкирцева. Я видѣлъ ее только разъ, — я видѣлъ ее въ теченіе какого-нибудь одного часа — и никогда не забуду ее. Въ свои двадцать три года

она казалась гораздо моложе: небольшого роста, при изящномъ сложеніи, лицо круглое безупречной правильности: золотистые волосы, темные глаза, свѣтящіеся мыслью, горящіе желаніемъ все видѣть и все знать, губы, выражающія одновременно твердость, доброту и мечтательность, вздрагивающія ноздри дикой лошади. M-lle Марія Башкирцева производила съ перваго же взгляда необычайное впечатлѣніе: воли, прячущейся за нѣжностью, энергіи, скрытой въ граціи. Все обличало въ этой очаровательной дѣвушкѣ высшій умъ. Подъ этой женскою прелестью чувствовалась желѣзная, чисто мужская сила, и невольно приходилъ на память подарокъ Улисса юному Ахиллу: мечъ, скрытый между женскими уборами.

На мои поздравленія она отвѣчала мнѣ пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ, безъ всякой ложной скромности, признаваясь въ своихъ горделивыхъ замыслахъ и — бѣдное дитя, уже отмѣченное смертью! — въ своемъ нетерпѣливомъ ожиданіи славы.

Чтобы осмотрѣть другія ея работы, мы поднялись въ ея мастерскую. Большая комната была раздѣлена на двѣ части: собственно мастерскую, освѣщаемую широкимъ окномъ сверху, и болѣе темное отдѣленіе, загроможденное бумагами и книгами. Тамъ она работала, здѣсь читала.

Инстинктивно я направился прямо къ этому chef d'oeuvr'у —**Митингу,** привлекшему всеобщее вниманіе на послѣдней выставкѣ: группѣ уличныхъ мальчугановъ, серьезно разсуждающихъ между собою — вѣроятно о затѣваемой шалости — передъ досчатымъ заборомъ въ какой-нибудь глухой улицѣ парижскаго предмѣстья. Повторяю — это истинный chef d'oeuvre: физіономіи, позы дѣтей полны жизненной правды, уголокъ тоскливаго пейзажа замѣчательно передаетъ уныніе, разлитое въ этихъ затерянныхъ кварталахъ. На выставкѣ публика, толпившаяся передъ картиной, единогласно присуждала медаль Башкирцевой, уже удостоенной почетнаго отзыва въ прошломъ году. Почему этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе въ жюри? Потому, что художница иностранка? Кто знаетъ! Или потому, что она принадлежала къ богатой семьѣ? Она страдала отъ этой несправедливости и хотѣла отомстить за себя, удвоивая усилія. Въ одинъ часъ я пересмотрѣлъ здѣсь двадцат начатыхъ холстовъ, сто проектовъ, рисунки, этюды, эскизъ статуи, портреты, вызывавшіе

на уста имя Франца Гальса, сцены, подмѣченныя и схваченныя среди улицъ, полныя жизни, большой пейзажъ: октябрьскій туманъ на берегу рѣки, полуобнаженныя деревья, большіе желтые листья, усыпающіе землю, — словомъ, цѣлый рядъ твореній, гдѣ на каждомъ шагу обнаруживалось чувство самаго правдиваго и искренняго художника, самый своеобразный талантъ.

Между тѣмъ любопытство влекло меня въ другую болѣе темную часть мастерской, гдѣ я видѣлъ многочисленные томы на полкахъ, на рабочемъ столѣ. Я приблизился и посмотрѣлъ заглавія: тутъ были всѣ высокія творенія человѣческаго духа. Они были здѣсь всѣ на своихъ родныхъ языкахъ: французы, нѣмцы, русскіе, англичане, итальянцы, римляне и даже греки. И это вовсе не были книги «библіотечныя», выставленныя на показъ, но настоящія потрепанныя книги, читанныя, перечитанныя, изученныя. Платонъ лежалъ на столѣ, раскрытый на чудной страницѣ.

При видѣ моего изумленія, m-lle Башкирцева смущенно опустила глаза, между тѣмъ какъ мать ея, полная радости, говорила мнѣ о всестороннемъ образованіи своей дочери, показывала мнѣ толстыя тетради, испещренныя ея замѣтками, и открытый рояль, на которомъ ея прекрасныя руки передавали всѣхъ музыкальныхъ авторовъ.

Окончательно сконфуженная изліяніями материнской гордости, молодая художница прервала нашъ разговоръ шуткой.

Мнѣ уже пора было удалиться. И странно, я испытывалъ въ эти минуты какую-то внутреннюю тревогу, какой-то страхъ — я не рѣшаюсь сказать предчувствіе. При видѣ этой блѣдной, страстной дѣвушки, мнѣ представлялся необыкновенный тепличный цвѣтокъ прекрасный и ароматный до головокруженія, и тайный голосъ шепталъ въ глубинѣ моей души: слишкомъ много заразъ. Увы, это было дѣйствительно слишкомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ моего единственнаго визита въ улицу Амперъ, находясь вдалекѣ отъ Парижа, я получилъ письмо съ зловѣщимъ чернымъ ободкомъ, извѣщавшее меня, что Маріи Башкирцевой уже не было въ живыхъ. Она умерла двадцати трехъ лѣтъ отъ роду 31 октября 1884 года.

Я вновь увидѣлъ осиротѣлый домъ. Несчастная мать, оцѣпенѣвшая въ своей сухой, давящей скорби, не облегчае-

мой даже слезами, еще разъ показала мнѣ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ тѣ же картины и книги. Она долго говорила мнѣ о покойной. Она разсказывала о сокровищахъ этого сердца, доброта котораго ничего не потеряла съ развитіемъ ума. Задыхаясь отъ сухихъ рыданій, она провела меня въ дѣвическую спальню къ маленькой желѣзной кровати — простой солдатской кровати, гдѣ заснула вѣчнымъ сномъ юная героиня... Наконецъ, сообщивъ мнѣ, что всѣ произведенія ея дочери будутъ выставлены, она попросила меня сдѣлать для каталога предисловіе въ нѣсколько страницъ, которыя я хотѣлъ бы написать словами жгучими, какъ слезы.

Но что можно сказать о ней для публики? Передъ произведеніями Маріи Башкирцевой, передъ этой жатвой надеждъ, сраженныхъ вихремъ смерти, всякій самъ почувствуетъ хватающее за душу волненіе, ту глубокую грусть, которая сжимаетъ сердце при видѣ обрушившагося зданія, при видѣ свѣжихъ развалинъ, приникшихъ къ землѣ и еще не заросшихъ плющомъ и дикими цвѣтами.

Франсуа Коппе.

Парижъ, 9 февраля 1885.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ чему лгать и рисоваться! Да, несомнѣнно, что мое желаніе, хотя и не надежда, **остаться** на землѣ во что бы то ни стало. Если я не умру молодой, я надѣюсь остаться въ памяти людей, какъ великая художница, но если я умру молодой, я хотѣла бы издать свой дневникъ, который не можетъ не быть интереснымъ. Но такъ какъ я сама говорю объ изданіи, легко подумать, что мысль предстать на судъ публики испортила, т. е. лишила эту книгу ея единственнаго достоинства; это навѣрное! Во-первыхъ, я очень долго писала, совершенно объ этомъ не думая; а потомъ — я писала и пишу безусловно искренно именно потому, что надѣюсь быть изданной и прочитанной. Если бы эта книга не представляла **точной, абсолютной, строгой правды,** она не имѣла бы никакого смысла. И я не только все время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотѣла смягчать того, что могло бы выставить меня въ смѣшномъ или невыгодномъ свѣтѣ. Да и, наконецъ, я для этого слишкомъ высоко ставлю себя. Итакъ, вы можете быть вполнѣ увѣрены, благосклонный читатель, что я **вся** въ этихъ страницахъ. Быть можетъ, **я** не могу представить достаточнаго интереса для **васъ,** но не думайте, что это **я,** думайте, что это просто **человѣкъ**, разсказывающій вамъ всѣ свои впечатлѣнія съ самаго дѣтства. Это очень интересный человѣческій документъ. Спросите у Зола, или Гонкура, или Мопассана. Мой дневникъ начинается съ 12 лѣтъ, хотя представляетъ интересъ только съ 15—16 лѣтъ. Такимъ образомъ остается пополнить недостающее, и я намѣрена написать нѣчто въ родѣ предисловія, которое дастъ возможность лучше понять этотъ литературный и человѣческій памятникъ.

Итакъ, предположите, что я знаменита, и начнемъ.

Я родилась 11 ноября 1860 г. Отецъ мой былъ сынъ генерала Павла Григорьевича Башкирцева, столбового дворянина, человѣка храбраго, суроваго, жесткаго и даже жестокаго. Онъ былъ произведенъ въ генералы послѣ Крымской войны, если не ошибаюсь. Онъ женился на пріемной дочери одного очень знатнаго лица, которая умерла тридцати восьми лѣтъ, оставивъ ему пять человѣкъ дѣтей — моего отца и его четырехъ сестеръ.

Мать моя вышла замужъ двадцати одного года, отвергнувъ сначала нѣсколько прекрасныхъ партій. Она—урожденная Бабанина.

Со стороны Бабаниныхъ мы принадлежимъ къ старому дворянскому роду: дѣдушка всегда похвалялся тѣмъ, что происходитъ отъ татаръ временъ перваго нашествія. Бобá, Нинá — татарскія слова, изволите видѣть; — я могу только смѣяться надъ этимъ... Дѣдушка былъ современникомъ Пушкина, Лермонтова и др. Онъ былъ поклонникъ Байрона, человѣкъ образованный, поэтъ. Онъ былъ военный и жилъ на Кавказѣ... Еще очень молодымъ онъ женился на m-lle Жюли Корнеліусъ, кроткой и хорошенькой дѣвушкѣ, 15-ти лѣтъ. У нихъ было девять человѣкъ дѣтей.

Послѣ двухъ лѣтъ супружества мать моя переѣхала со своими двумя дѣтьми къ своимъ родителямъ. Я оставалась всегда съ бабушкой, которая обожала меня, и съ тетей, которая, впрочемъ, иногда уѣзжала вмѣстѣ съ моей матерью. Тетя — младшая сестра моей матери — женщина некрасивая, готовая жертвовать и дѣйствительно жертвующая собой для всѣхъ и каждаго.

Въ Ахтыркѣ, гдѣ поселилось все семейство, мы встрѣтили Р—ва. У него была тамъ сестра, съ которой онъ не видѣлся въ теченіе 20-ти лѣтъ и которая была гораздо богаче его. Здѣсь-то и явилась впервые идея женить его на моей тетѣ. Въ Одессѣ мы жили съ Р—вымъ въ одномъ отелѣ. Въ одинъ прекрасный день было рѣшено, что дѣло нужно покончить, потому что тетя моя никогда не найдетъ лучшей партіи.

Ихъ женили, и всѣ вернулись въ Ахтырку, а черезъ 3 дня по возвращеніи бабушка скончалась.

Въ 1870 г., въ маѣ мѣсяцѣ, мы отправились за границу.

Мечта, такъ долго лелѣемая матерью, исполнилась. Около мѣсяца провели мы въ Вѣнѣ, упиваясь новостями, прекрасными магазинами и театрами. Въ іюнѣ мы пріѣхали въ Баденъ-Баденъ, въ самый разгаръ сезона роскоши, свѣтской жизни. Вотъ члены нашей семьи: дѣдушка, мама, мужъ и жена Р—вы, Дина (моя двоюродная сестра), Поль и я; кромѣ того съ нами былъ милѣйшій, несравненный докторъ Валицкій. Онъ былъ по происхожденію полякъ, но безъ излишняго патріотизма, — прекрасная, но очень лѣнивая натура, не переносившая усидчиваго труда. Въ Ахтыркѣ онъ служилъ окружнымъ врачемъ. Онъ былъ въ университетѣ вмѣстѣ съ братомъ моей матери и не переставалъ бывать у насъ въ домѣ. При отъѣздѣ за границу понадобился докторъ для дѣдушки, и Валицкій отправился вмѣстѣ съ нами.

Въ Баденѣ я впервые познала, что такое свѣтъ и манеры, и испытала всѣ муки тщеславія. У казино собирались группы дѣтей, группы державшіяся отдѣльно. Я тотчасъ же отличила группу шикарныхъ, и моей единственной мечтой стало — примкнуть къ нимъ. Эти ребятишки, обезъянничавшіе со взрослыхъ, обратили на насъ вниманіе и одна маленькая дѣвочка, по имени Берта, подошла и заговорила со мной. Я пришла въ такой восторгъ, что замолола чепуху, и вся группа подняла меня на смѣхъ обиднѣйшимъ образомъ...

Но я еще недостаточно сказала о Россіи и о себѣ самой, это главное. По обычаю дворянскихъ семей, живущихъ въ деревнѣ, у меня были двѣ гувернантки: одна русская, другая француженка. Первая (русская), о которой я сохранила воспоминаніе, была нѣкто m-me Мельникова, свѣтская женщина, образованная, романтичная, разъѣхавшаяся съ мужемъ и сдѣлавшаяся гувернанткой скорѣе всего по безразсудству, подъ вліяніемъ чтенія безчисленныхъ романовъ. Она была другомъ дома, и съ ней обходились, какъ съ равной. Всѣ мужчины за ней ухаживали, и въ одно прекрасное утро она бѣжала послѣ какой-то удивительно романической исторіи. У насъ въ Россіи романтизмъ въ модѣ. Она могла бы преспокойно проститься и уѣхать, но славянская натура, приправленная французской цивилизаціей и чтеніемъ романовъ, — странная вещь! Въ качествѣ несчастной женщины, эта дама **должна** была обожать малютку, порученную ея попеченіямъ; я же, — од-

ной своей склонностью къ рисовкѣ уже отплачивала ей, въ ея глазахъ, за это обожаніе... И семья моя, жадная до всякихъ приключеній, вообразила, что ея отъѣздъ долженъ былъ пагубно отозваться на моемъ здоровьѣ; весь этотъ день на меня смотрѣли не иначе, какъ съ состраданіемъ, и я даже подозрѣваю, что бабушка заказала для меня, въ качествѣ больной, особенный супъ. Я чувствовала, что, дѣйствительно, блѣднѣю отъ этого изливавшагося на меня потока чувствительности...

Я была вообще худа, хила и некрасива, что не мѣшало всѣмъ видѣть во мнѣ существо, которое несомнѣнно, неизбѣжно должно было сдѣлаться со временемъ всѣмъ, что только можетъ быть наиболѣе красиваго, блестящаго и прекраснаго. Однажды мама отправилась къ гадальщику-еврею.

«У тебя двое дѣтей, сказалъ онъ ей, сынъ будетъ — какъ всѣ люди, но дочь твоя будетъ звѣздою...»

Одинъ разъ, когда мы были въ театрѣ, какой-то господинъ сказалъ мнѣ смѣясь:

— Покажите-ка вашу ручку, барышня! О! судя по перчаткѣ, можно съ увѣренностью сказать, что вы будете ужаснѣйшей кокеткой!

Я была въ полномъ восторгѣ!

Съ тѣхъ поръ какъ я сознаю себя — съ трехлѣтняго возраста (меня не отнимали отъ груди до трехъ съ половиною лѣтъ), всѣ мои мысли и стремленія были направлены къ какому-то величію. Мои куклы были всегда королями и королевами, все, о чемъ я сама думала, и все, что говорилось вокругъ моей матери — все это, казалось, имѣло какое-то отношеніе къ этому величію, которое должно было неизбѣжно придти.

Въ пять лѣтъ я одѣвалась въ кружева моей матери, украшала цвѣтами голову и отправлялась танцовать въ залу. Я изображала знаменитую танцовщицу Петипа, и весь домъ собирался смотрѣть на меня. Поль не былъ ничѣмъ выдающимся, да и Дина не заставляла предполагать въ себѣ ничего особеннаго, хотя была дочерью любимаго дяди Жоржа.

Еще одинъ эпизодъ: какъ только Дина появилась на свѣтъ Божій, бабушка безъ всякихъ церемоній отняла ее у ея матери и оставила у себя. Это было еще до моего рожденья.

Послѣ m-me Мельниковой моей гувернанткой была m-lle Софи Д... барышня 16 лѣтъ — о, святая Русь!!! — и другая, француженка, по имени m-me Брэнъ. Она носила прическу

временъ реставраціи, имѣла блѣдно-голубые глаза и выглядѣла весьма томной съ своими пятьюдесятью годами и со своею чахоткой. Я очень любила ее. Она заставляла меня рисовать. Помню, я нарисовала съ ней маленькую церковь—черточками. Вообще, я часто рисовала; когда взрослые садились за карты, я присаживалась рисовать на зеленомъ сукнѣ.

M-me Брэнъ умерла въ 1868 г. въ Крыму. Что до молоденькой русской, считавшейся членомъ семьи, то она чуть было не вышла замужъ за одного молодого человѣка, котораго привелъ докторъ и который былъ извѣстенъ своими неудачными попытками жениться. На этотъ разъ дѣло, казалось, шло прекрасно, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, войдя зачѣмъ-то въ ея комнату, я увидѣла m-lle Софи, которая рыдала, какъ безумная, уткнувшись лицомъ въ подушки.

Собралась вся семья:

— Что такое? что случилось?..

Наконецъ, послѣ долгихъ слезъ и рыданій, бѣдняжка говоритъ, что она никогда не могла бы... нѣтъ, никогда!.. — И снова слезы! Но что такое? отчего?..

— Оттого что... оттого что я никакъ не могу привыкнуть къ его лицу!..

Женихъ слышалъ это изъ сосѣдней залы. Черезъ часъ онъ уже упаковывалъ свой сундукъ, обливая его слезами, и уѣзжалъ. Это была семнадцатая неудачная попытка вступить въ бракъ!..

Я такъ хорошо помню это — «я не могу привыкнуть къ его лицу», это до такой степени исходило изъ души, что я тогда же поняла, до какой степени должно быть ужасно выйти замужъ за человѣка, къ лицу котораго не можешь привыкнуть.

Когда была объявлена война, мы перебрались изъ Баденъ-Бадена въ Женеву. Я уѣзжала съ сердцемъ, полнымъ горечи и проектовъ мщенія. Каждый вечеръ, ложась спать, я читала про себя слѣдующую дополнительную молитву:

«Господи! сдѣлай такъ, чтобы у меня никогда не было оспы, чтобы я была хорошенькая, чтобы у меня былъ прекрасный голосъ, чтобы я была счастлива въ семейной жизни, и чтобы мама жила какъ можно дольше!»

Въ Женевѣ мы жили въ «Hôtel de la Couronne» на берегу озера. Здѣсь мнѣ взяли учителя рисованія, который приносилъ мнѣ модели для срисовыванія: хижинки, гдѣ окна бы-

ли нарисованы въ видѣ какихъ-то палочекъ, и не имѣли ничего общаго съ настоящими окнами настоящихъ хижинъ. Мнѣ это не нравилось: я не могла допустить, чтобы окна были сдѣланы такимъ образомъ. Тогда добрѣйшій старикъ предложилъ мнѣ срисовать видъ изъ окна прямо съ натуры. Какъ разъ въ это время мы переѣхали изъ отеля въ одинъ семейный пансіонъ, откуда открывался видъ на Монбланъ, и я срисовала тщательнѣйшимъ образомъ все, что было видно изъ окна — часть Женевы и озера; но все это такъ и осталось тамъ, не помню ужъ хорошенько почему...

Въ Баденѣ успѣли снять съ насъ портреты, которые показались мнѣ просто безобразными, уродливыми въ ихъ усиліи казаться красивыми.

Когда я умру, прочтутъ мою жизнь, которую я нахожу очень замѣчательной (впрочемъ иначе и быть не можетъ). Но я ненавижу всякія предисловія (они помѣшали мнѣ прочесть много прекрасныхъ книгъ) и всякія предувѣдомленія этихъ извърговъ-издателей. Поэтому-то я и пишу сама мое предисловіе: безъ него можно было бы обойтись, если бы я издавала все, но я желала бы ограничиться тѣмъ, что начинается съ 18-лѣтняго возраста: все предшествующее слишкомъ длинно. Итакъ, я даю вамъ замѣтки, достаточныя для пониманія дальнѣйшаго: я часто возвращаюсь къ прошедшему по поводу того или другого.

Если я умру вдругъ, внезапно захваченная какой-нибудь болѣзнью!.. Быть можетъ, я даже не буду знать, что нахожусь въ опасности, — отъ меня скроютъ это. А послѣ моей смерти перероютъ мои ящики, найдутъ этотъ дневникъ, семья моя прочтетъ и потомъ уничтожитъ его, и скоро отъ меня ничего больше не останется, ничего, ничего! Вотъ что всегда ужасало меня! Жить, обладать такимъ честолюбіемъ, страдать плакать, бороться въ концѣ концовъ — забвеніе... забвеніе, какъ будто бы никогда и не существовалъ...

Если я не проживу достаточно, чтобы быть знаменитой, дневникъ этотъ все-таки заинтересуетъ натуралистовъ: это всегда интересно — жизнь женщины, записанныя изо дня въ день, безъ всякой рисовки, какъ будто бы никто въ мірѣ не

долженъ былъ читать написаннаго, и въ то же время съ страстнымъ желаніемъ, чтобы оно было прочитано; потому что я вполнѣ увѣрена, что меня найдутъ симпатичной; и я говорю все, все, все. Не будь этого — зачѣмъ бы... Впрочемъ будетъ само собой видно, что я говорю все.

Парижъ, 1 мая 1884 г.

1873 Г. (ВЪ 12-ЛѢТНЕМЪ ВОЗРАСТѢ). ЯНВАРЬ.

Ницца, вилла Aquá-Viva.

Тетя Софи играетъ на роялѣ малороссійскія пѣсни, и это напоминаетъ мнѣ деревню; я совсѣмъ перенеслась туда мысленно и о чемъ же я могу прежде всего вспомнить изъ того. времени, какъ не о бѣдной бабушкѣ. Слезы подступаютъ мнѣ къ глазамъ, онѣ уже на глазахъ и сейчасъ побѣгутъ; вотъ онѣ уже потекли и я счастлива.

Бѣдная бабушка! Мнѣ такъ грустно, что я больше уже не могу тебя видѣть. Какъ она любила меня, и какъ я ее любила. Но я была слишкомъ мала, чтобы любить тебя такъ, какъ ты этого заслуживала. Я такъ растрогана этимъ воспоминаніемъ! Воспоминаніе о бабушкѣ есть воспоминанье благоговѣйное, священное, дорогое, но оно не живо. Господи! Дай мнѣ счастья въ жизни, и я не буду неблагодарной! Но что я говорю? Мнѣ кажется, что я создана для счастья; сдѣлай меня счастливой, Боже мой!

Тетя Софи все играетъ. Звуки по временамъ доносятся до меня и проникаютъ мнѣ въ душу. Я не готовлю уроковъ, завтра праздникъ.

Господи! дай мнѣ герцога Г., я буду любить его и сдѣлаю его счастливымъ, и сама я буду счастлива и буду помогать бѣднымъ! Грѣшно думать, что можно купить милость Бога добрыми дѣлами, но я не знаю, какъ это выразить.

Я люблю герцога Г. Я не могу сказать ему, что я его люблю, да если бы я и сказала, онъ не обратилъ бы никакого вниманія. Боже мой, я молю тебя... Когда онъ былъ здѣсь, у меня была цѣль, чтобы выходить, наряжаться, а теперь!.. Я выходила на террасу въ надеждѣ увидѣть его издали хоть на одну секунду. Господи, помоги мнѣ въ моемъ горѣ, я не могу просить большаго, услышь же мою молитву. Твоя благость

такъ безконечна, Твое милосердіе такъ велико, Ты такъ много сдѣлалъ для меня!.. Мнѣ тяжело не видѣть его на прогулкахъ. Его лицо такъ выдѣлялось среди вульгарныхъ лицъ Ниццы.

Вчера m-me Говардъ пригласила насъ провести воскресенье съ ея дѣтьми. Мы были уже совсѣмъ готовы къ отъѣзду, когда m-me Говардъ вошла и сказала, что была у мамы и выпросила у нея позволенье оставить насъ у себя до вечера. Мы остались, а послѣ обѣда мы пошли въ большую залу, гдѣ было темно, и дѣвочки просили меня пѣть. Онѣ стали на колѣни, также и другія дѣти... Мы много смѣялись; потомъ я спѣла «Santa Lucia», «Солнце встало», «Я не больше какъ пастушка» и нѣсколько руладъ. Онѣ пришли всѣ въ такой восторгъ, что стали ужасно цѣловать меня — именно ужасно. Я спѣла недурно. Взрослые слушали меня изъ сосѣдней комнаты. Сначала я не знала этого, потомъ я и знала, но продолжала. Дѣти говорили со мной и смотрѣли на меня съ выраженіемъ удивленія и благоговѣнія къ моему голосу. Они предсказывали мнѣ блестящую будущность. Они были въ такомъ восторгѣ, что Лидія поцѣловала мнѣ плечо и даже руку; я не могу описать того фурора, который я произвела у нихъ. Мальчики также не отставали. Если бы я могла произвести такое же впечатлѣніе на публику, я не задумалась бы поступить на сцену сію же минуту.

Это такое великое чувство — сознавать, что тобой восхищаются за что-нибудь большее, чѣмъ туалетъ. Я такъ счастлива отъ этихъ восторженныхъ словъ дѣтей. Что же это было бы, если бы мною также восхищались **другіе**? Право я не ожидала, что такъ понравлюсь имъ.

Я создана для тріумфовъ и сильныхъ ощущеній, — поэтому лучше, что я могу сдѣлать, — это сдѣлаться пѣвицей. Если Богъ поможетъ мнѣ **сохранить, увеличить и укрѣпить** мой голосъ, — тогда я могу достигнуть тріумфа, котораго такъ жаждетъ душа моя. Итакъ, — я могу достигнуть счастья, быть знаменитой, извѣстной, обожаемой, и этимъ путемъ я могу пріобрѣсти того, кого люблю. Такою, какова я теперь, я имѣю мало надежды на его любовь, — онъ даже не знаетъ о моемъ существованіи. Но когда онъ увидитъ меня окружен-

ной славою!.. Мужчины честолюбивы... И я могу быть принята въ свѣтѣ, потому что я не буду знаменитостью, вышедшей изъ табачной лавки или грязной улицы. Я благороднаго происхожденія, я не имѣю необходимости что-нибудь дѣлать, мои средства позволяютъ мнѣ это, и слѣдовательно мнѣ будетъ еще легче возвыситься, и я достигну еще большей славы. Тогда жизнь моя будетъ совершенна. Слава, популярность, извѣстность повсюду — вотъ мои грезы, мои мечты.

Выходя на сцену — видѣть тысячу людей, которые съ замираніемъ сердца ждутъ минуты, когда раздастся ваше пѣніе. Сознавать, глядя на людей, что одна нота вашего голоса повергнетъ всѣхъ къ вашимъ ногамъ. Смотрѣть на нихъ гордымъ взглядомъ (я все могу!)—вотъ моя мечта, мое желанье, моя жизнь, мое счастье... И тогда герцогъ Г. придетъ вмѣстѣ съ другими повергнуться къ моимъ ногамъ, но онъ будетъ принятъ не такъ, какъ другіе.

Милый, ты будешь ослѣпленъ моимъ голосомъ и полюбишь меня, ты увидишь мое торжество, и ты, дѣйствительно, достоинъ только такой женщины, какой я надѣюсь быть. Я не дурна собой, я даже красива, — да, скорѣе красива; я очень хорошо сложена, какъ статуя, у меня прекрасные волосы, я хорошо кокетничаю, я умѣю держать себя съ мужчинами, я умѣю теперь очень хорошо позировать... Теперь я, конечно, не могу приложить этого на практикѣ, но потомъ... Словомъ— быть міровой знаменитостью.

Я честна, и никогда не дамъ ни одного поцѣлуя никому, кромѣ моего мужа, и я могу похвастаться тѣмъ, что не всегда могутъ сказать про себя дѣвочки 12—14 лѣтъ, тѣмъ, что еще никогда никто не цѣловалъ меня, и я сама никого не цѣловала. Тогда молодая дѣвушка, которую онъ увидитъ на высочайшей ступени славы, какая только доступна женщинѣ, дѣвушка, любящая его съ самого дѣтства, честная и чистая, удивитъ его, онъ захочетъ жениться на мнѣ во что бы то ни стало и женится на мнѣ — изъ гордости. Но что я говорю! Почему же я не могу предположить, что онъ можетъ полюбить меня! О, да, съ Божьей помощью... Богъ помогъ мнѣ найти средство привлечь того, кого я люблю... Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя.

Пятница, 14-го марта 1873 г. Сегодня утромъ я слышу стукъ экипажа на улицѣ, гляжу и вижу герцога Г., ѣдущаго

на четверкѣ лошадей со стороны бульвара. Боже мой! Вѣдь если онъ здѣсь, онъ будетъ участвовать въ апрѣльской охотѣ на голубей, я непремѣнно поѣду.

Сегодня я еще разъ видѣла герцога Г. Никто не умѣетъ держать себя, какъ онъ; онъ имѣетъ видъ какого-то короля, когда онъ ѣдетъ въ своей каретѣ.

Сегодня утромъ я читала Swiss Times, я просматривала списокъ путешественниковъ не только въ Ниццѣ, но вездѣ. Я нашла герцога Г. въ Неаполѣ. Этотъ списокъ — отъ 10-го марта. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты далъ мнѣ возможность узнать, гдѣ онъ былъ. Когда я прочла его имя, я не вѣрила глазамъ своимъ, — такъ оно для меня дорого.

На прогулкѣ я нѣсколько разъ видѣла Ж. всю въ черномъ.

Она очаровательна, впрочемъ не столько она, сколько ея волосы; ея туалетъ безупреченъ, нѣтъ ничего, что нарушало бы впечатлѣніе. Все благородно, богато, великолѣпно. Право ее можно было бы принять за даму высшаго круга. Вполнѣ естественно, что все это способствуетъ ея красотѣ, — ея домъ съ залами, маленькими уютными уголками, съ мягкимъ освѣщеніемъ, проходящимъ черезъ драпировку и зеленую листву. И она сама, причесаная, одѣтая, убранная какъ нельзя лучше, сидящая — какъ царица — въ прекрасномъ залѣ, гдѣ все приспособлено къ тому, чтобы выставить ее въ наилучшемъ свѣтѣ. Вполнѣ естественно, что она нравится, и что онъ любитъ ее. Если бы у меня была такая обстановка, я была бы еще лучше. Я была бы счастлива съ моимъ мужемъ, потому что я не стала бы распускаться, я заботилась бы о томъ, чтобы ему нравиться такъ же, какъ я заботилась объ этомъ, когда хотѣла понравиться ему въ первый разъ. Я вообще не понимаю, почему это мужчина и женщина — пока они еще не женаты — могутъ постоянно любоваться другъ другомъ и стараться другъ другу нравиться, а послѣ свадьбы распускаются и совершенно перестаютъ объ этомъ заботиться.

Почему это думаютъ, что съ словомъ бракъ все проходитъ и остается холодная, скучная дружба. Зачѣмъ опошлять понятіе о бракѣ, представляя себѣ при этомъ жену въ папильоткахъ, въ капотѣ, съ кольдъ-кремомъ на носу и постояннымъ желаніемъ раздобыть отъ мужа денегъ на туалетъ.

Почему женщина должна неглижировать собой передъ человѣкомъ, для котораго она должна была бы заботиться о своей внѣшности? Я не понимаю, какъ можно относиться къ мужу, какъ къ какому-то домашнему животному, а до свадьбы желать нравиться тому же самому человѣку. Почему бы не оставаться по отношенію къ мужу на столько же кокетливой и не относиться къ нему такъ же, какъ къ постороннему человѣку, который вамъ нравится, съ тѣмъ различіемъ, конечно, что постороннему человѣку нельзя позволить ничего лишняго? Неужели это потому, что можно любить другъ друга открыто, потому что это не считается предосудительнымъ и потому что бракъ благословленъ Богомъ? Неужели потому, что люди находятъ удовольствіе только въ томъ, что считается запрещеннымъ? Боже мой, это не должно быть такъ, я совсѣмъ иначе понимаю все это.

Я напрягаю свой голосъ, когда пою, и этимъ порчу его; я уже нѣсколько разъ давала себѣ слово не пѣть больше (слово, которое я уже сто разъ нарушала), — пока я не буду брать уроковъ, и я молила Бога усилить и укрѣпить мой голосъ. Чтобы запретить себѣ пѣть, я даю ужасный зарокъ, а именно, что я потеряю голосъ, если буду пѣть. Это ужасно, и я сдѣлаю все, чтобы выполнить этотъ зарокъ.

Пятница, 30 декабря 1873 г. Сегодня я въ моемъ допотопномъ платьицѣ, въ короткой юбочкѣ и бархатномъ казакѣ, въ тюникѣ и безрукавкѣ Дины; это очень мило. Я думаю это потому, что я умѣю носить платье и потому, что у меня хорошія манеры (я была похожа на маленькую старушку). Многіе на меня смотрѣли. Хотѣла бы я знать, почему на меня смотрѣли; потому что я смѣшна или потому, что красива. Я хотѣла бы спросить у кого-нибудь, — у какого-нибудь молодого человѣка, — красива ли я (самымъ наивнымъ тономъ). Я всегда предпочитаю вѣрить тому, что пріятнѣе, и потому предпочитаю вѣрить скорѣе, что я красива. Можетъ быть я и ошибаюсь, но если даже это иллюзія, я предпочитаю оставаться при ней, потому что это болѣе лестно. Что вы хотите? Въ этомъ мірѣ надо всегда стараться смотрѣть на вещи съ ихъ лучшей стороны. Жизнь такъ прекрасна и такъ коротка!

Я думаю о томъ, чѣмъ будетъ мой братъ Поль, когда онъ будетъ большой. Что онъ будетъ дѣлать? Онъ не можетъ проводить жизнь, какъ многіе другіе: сначала прогуливаться, по-

томъ броситься въ міръ игроковъ и кокотокъ, фи! Впрочемъ, онъ на это и не способенъ; я буду ему писать каждое воскресенье разсудительныя письма, не совѣты, а такъ — по-товарищески. Словомъ, я сумѣю взяться за дѣло, и съ Божьей помощью буду имѣть на него вліяніе, потому что онъ долженъ быть настоящимъ человѣкомъ.

Я была такъ занята, что почти забыла (какой стыдъ) объ отсутствіи герцога! Мнѣ кажется, что насъ раздѣляетъ такая громадная бездна, особенно, если мы поѣдемъ лѣтомъ въ Россію! У насъ серьзно объ этомъ поговариваютъ... Какъ могу я думать, что онъ будетъ моимъ! Онъ думаетъ обо мнѣ не больше, чѣмъ о прошлогоднемъ снѣгѣ, я для него не существую. Если мы останемся зимой въ Ниццѣ, я еще могу надѣяться, но мнѣ кажется, что съ отъѣздомъ въ Россію всѣ мои надежды разлетятся въ прахъ; все, что я считала возможнымъ, разрушается. Думая объ этомъ, я чувствую, что сердце мое — не то, что разбивается, но я чувствую какую-то тихую тупую боль, которая ужасна; я теряю все, что считала возможнымъ. Я достигла высшей ступени горя, это какое-то измѣненіе во всемъ моемъ существѣ. Какъ это странно, я только что думала объ удовольствіяхъ, о стрѣльбѣ въ цѣль, а теперь голова моя полна самыхъ грустныхъ мыслей.

Я совсѣмъ разбита этими мыслями. О, Боже мой! При мысли, что онъ никогда не полюбитъ меня, я просто умираю отъ тоски! У меня больше нѣтъ никакой надежды... Это было чистое безуміе — желать невозможнаго. Я хотѣла слишкомъ прекраснаго! Но, нѣтъ, я не должна такъ распускаться. Какъ я смѣю отчаиваться! Да развѣ нѣтъ Бога, который вемогущъ и который мнѣ покровительствуетъ! Какъ я смѣю думать такимъ образомъ! Развѣ Онъ не находится повсюду, заботясь о насъ. Онъ можетъ все, Онъ всемогущъ, для Него нѣтъ ни пространства, ни времени. Я могу быть въ Перу, а герцогъ въ Африкѣ, и если Онъ захочетъ, Онъ соединитъ насъ. Какъ я могла хоть на одну минуту допустить эти безнадежныя мысли, какъ я могла хоть на одну секунду забыть о Его божественной добротѣ! Неужели потому, что Онъ не даетъ мнѣ сейчасъ же того, что я желаю, я могу отрицать Его? Нѣтъ, нѣтъ. Онъ милосердъ и не допуститъ мою прекрасную душу терзаться преступными сомнѣніями.

О, Господи! Услышь мою молитву, поддержи меня.

Эти мысли сверкнули въ моей душѣ, какъ проблескъ свѣта, послѣ всѣхъ горестей, которыя наполняли мою голову. Я иду спать гораздо спокойнѣе, я вспомнила, что никакое разстояніе ничего не значитъ, если въ Его глазахъ я заслуживаю того, что прошу, и я молюсь. «Стучите и отворятъ вамъ»—эти святыя слова поддерживаютъ меня. Нѣтъ другого такого утѣшенія, какъ вѣра въ Бога! Какъ несчастны люди, которые ни во что не вѣрятъ.

Сегодня утромъ я показала m-lle Колиньонъ (моей гувернанткѣ) одного угольщика, говоря: посмотрите, какъ этотъ человѣкъ похожъ на герцога Г... Она сказала, улыбаясь: «Какой вздоръ!». Произнести его имя уже доставило мнѣ громадное удовольствіе. Но я вижу, что когда ни съ кѣмъ не говоришь о томъ, кого любишь, эта любовь какъ будто сильнѣе: это точно флаконъ съ эфиромъ, — если онъ закупоренъ, запахъ силенъ; если же оставить его открытымъ, онъ улетучивается. Потому-то любовь моя такъ сильна, что о ней никогда не говорятъ, ни сама я не говорю о ней и храню ее всю про себя.

Я въ такомъ грустномъ настроеніи, что не имѣю никакого опредѣленнаго представленія о моемъ будущемъ, т. е. я знаю, чего бы я хотѣла, но не знаю, что со мной будетъ въ дѣйствительности. Какъ я была весела прошлой зимой, все улыбалось мнѣ, я имѣла надежду. Я люблю какую-то тѣнь, которая, быть можетъ, никогда не будетъ моей. Я въ отчаяніи изъ-за платьевъ, я даже плакала. Мы были съ тетей у двухъ портнихъ, у нихъ все плохо. Надо будетъ написать въ Парижъ. Я не могу выносить здѣшнихъ платьевъ, они придаютъ мнѣ какой-то жалкій видъ.

Вечеромъ я была въ церкви, я говѣю: это первый день нашей страстной недѣли.

Я должна сказать, что мнѣ не нравится очень многое въ моей религіи, но не отъ меня зависитъ передѣлать это. Я вѣрю въ Бога, въ Христа, въ св. Дѣву Марію, я молюсь Богу каждый вечеръ, и мнѣ нѣтъ дѣла до нѣкоторыхъ бездѣлицъ, которыя не могутъ имѣть никакого значенія для истинной религіи, при истинной вѣрѣ. Я вѣрю въ Бога, и Онъ добръ ко мнѣ и даетъ мнѣ болѣе, чѣмъ необходимое. О, если бы Онъ далъ мнѣ то, чего я такъ желаю! Богъ сжалится надо мной, хотя я и могла бы обойтись безъ того, о чемъ прошу, но вѣдь

я была бы такъ счастлива, если бы герцогъ обратилъ на меня вниманіе, и я благословляла бы имя Божіе.

Я должна написать его имя, потому что если бы я оставалась долгое время, не говоря его никому и даже не написала бы его, я бы, кажется, не могла больше жить. Я бы треснула, честное слово. Это успокаиваетъ, когда, по крайней мѣрѣ, пишешь.

Сегодня на прогулкѣ я замѣчаю наемную карету и въ ней молодого человѣка — высокаго, худощаваго брюнета: мнѣ кажется, что я въ немъ узнаю кого-то. Я вскрикиваю отъ изумленія. Меня спрашиваютъ, что со мной, и я отвѣчаю, что m-lle Колиньонъ наступила мнѣ на ногу.

Между нимъ и его братомъ нѣтъ ничего общаго, но все-таки я довольна, что его встрѣтила. О, если бы хоть съ нимъ-то познакомились, тогда черезъ него можно было бы познакомиться и съ его братомъ. За обѣдомъ Валицкій вдругъ говоритъ: «Г.» Я покраснѣла, сконфузилась и пошла къ шкафу. Мама упрекнула меня за это, говоря, что моя репутація и т. д., что это нехорошо. Я думаю, что она нѣсколько догадывается, потому что каждый разъ, когда скажутъ «Г.», я краснѣю, или быстро выхожу изъ комнаты. Однако она не бранитъ меня.

Всѣ сидѣли въ столовой, преспокойно болтая, въ полной увѣренности, что я занята уроками. Они и не подозрѣвали, что со мной дѣлается и каковы теперь мои мысли.

Я должна быть или герцогиней Г. — этого я всего больше желаю (потому что Богъ видитъ, до какой степени я люблю его), или знаменитой актрисой; но эта будущность не улыбается мнѣ такъ, какъ первая. Это, конечно, лестно — видѣть благоговѣніе всего міра, начиная съ самыхъ малыхъ и кончая монархами, но другое...

Да, я буду обладать тѣмъ, кого люблю, это совсѣмъ въ другомъ родѣ, но я предпочитаю его.

Быть великосвѣтской женщиной, герцогиней — я предпочитаю быть въ этомъ обществѣ, чѣмъ считаться первой среди міровыхъ знаменитостей, потому что это — совсѣмъ другой міръ.

Нужно будетъ найти себѣ мужа со временемъ. Герцогъ... я больше не смѣю на это надѣяться, ни даже думать о немъ; сердце мое болитъ, я не смѣю больше любить его и нужно найти кого-нибудь другого, котораго я, быть можетъ, даже не

буду любить! Въ сотый разъ я поручаю себя Богу и умоляю Его дать мнѣ герцога. Онъ все можетъ, но, быть можетъ, Богъ не считаетъ меня достойной того, о чемъ я прошу. Кто позволилъ мнѣ думать, что онъ когда-нибудь будетъ моимъ. О, Боже мой, если я согрѣшила чѣмъ-нибудь, прости меня, прости маленькую безумницу! Господи, не наказывай меня! Жизнь кажется мнѣ такой прекрасной, улыбающейся, не разочаровывай меня! Я обѣщаю никогда не возгордиться отъ своего счастья, я буду помогать бѣднымъ... Прости, прости меня!

6 мая 1874 г. Мама встала и m-lle Колиньонъ тоже, она была больна. Послѣ дождя была такая чудесная погода, было такъ свѣжо, и деревья, освѣщенныя солнцемъ, были такъ прекрасны, что я не могла учиться, тѣмъ болѣе, что сегодня у меня есть время; я пошла въ садъ, поставила стулъ у ключа, и вокругъ меня была такая прекрасная картина: ключъ окруженъ деревьями, такъ что не видно ни земли, ни неба, видишь только струйку ручейка и камни, поросшіе мхомъ, и кругомъ деревья самыхъ разнообразныхъ породъ, освѣщенныя солнцемъ. Трава такая зеленая, зеленая и мягкая, такъ что хотѣлось бы просто поваляться на ней. Все вмѣстѣ образовало какъ бы лощинку, такую свѣжую мягкую, такую чудесную, что напрасно я бы старалась описать ее.

Если вилла и садъ не измѣнятся, я приведу его сюда, чтобы показать ему мѣсто, гдѣ я такъ много о немъ думала... Вчера вечеромъ я молилась Богу, и когда дошла до того мѣста, гдѣ прошу Его, чтобы мы познакомились и чтобы онъ былъ моимъ, я заплакала, стоя на колѣняхъ. Уже три раза Онъ внималъ моимъ молитвамъ: первый разъ я просила объ игрѣ въ крокетъ, и тетя привезла мнѣ его изъ Женевы. Другой разъ я просила Его помочь мнѣ научиться англійскому языку, я такъ молилась, такъ плакала, и мое воображеніе было такъ возбуждено, что мнѣ представился въ углу комнаты ообразъ Богородицы, Которая мнѣ обѣщала. Я могла бы даже узнать этотъ образъ.

Вчера Онъ опять услышалъ меня: я плакала; я уже два дня не могла плакать, а когда стала молиться, я заплакала. Онъ услышалъ меня; да святится имя Его.

Я ужъ полтора часа жду къ уроку m-lle Колиньонъ, и это вотъ каждый разъ такъ! А мама упрекаетъ меня и не знаетъ,

какъ это огорчаетъ меня самое. Досада, возмущенiе такъ и жжетъ меня. М-llе Колиньонъ пропускаетъ уроки, она заставляетъ меня терять время.

Мнѣ тринадцать лѣтъ; если я буду терять время, что же изъ меня выйдетъ!

Кровь моя кипитъ, я просто блѣднѣю, а минутами кровь ударяетъ мнѣ въ голову, сердце бьется, я не могу спокойно сидѣть на мѣстѣ, слезы душатъ мнѣ горло, я стараюсь ихъ удержать, но отъ этого я только еще болѣе чувствую себя несчастной; вѣдь все это разрушаетъ мое здоровье, портитъ мой характеръ, дѣлаетъ меня раздражительной, нетерпѣливой. У людей, которые проводятъ жизнь спокойно, это отражается и на лицѣ, а я то и дѣло возбуждена, слѣдовательно она крадетъ всю мою жизнь вмѣстѣ съ уроками.

Въ шестнадцать, семнадцать лѣтъ придутъ другiя мысли, а теперь-то и время учиться. Какое счастье, что я не принадлежу къ тѣмъ дѣвочкамъ, которыя воспитываются въ монастырѣ и, выходя оттуда, бросаются, какъ сумасшедшiя, въ круговоротъ удовольствiй, вѣрятъ всему, что имъ говорятъ модные фаты, а черезъ два мѣсяца уже чувствуютъ себя разочарованными, обманутыми во всѣхъ своихъ ожиданiяхъ.

Я не хочу, чтобы думали, что, окончивъ ученье, я только и буду дѣлать, что танцовать и наряжаться. Нѣтъ. Окончивъ дѣтское ученье, я буду серьезно заниматься музыкой, живописью, пѣнiемъ. У меня есть талантъ ко всему этому, и даже большой! Какъ это облегчаетъ, когда пишешь! Теперь я нѣсколько успокоилась; но все это влiяетъ не только на мое здоровье, но и на мой характеръ и даже на лицо. Меня бросаетъ въ краску, щеки мои горятъ, какъ огнемъ, а когда я потомъ и успокоюсь, онѣ уже не выглядятъ свѣжо и розово. И я выгляжу всегда какой-то блѣдной и вялой, это по винѣ m-llе Колиньонъ, потому что причиной всему этому волненiе, которое она меня заставляетъ переживать. У меня даже нѣсколько болитъ голова послѣ того какъ я прокиплю такъ нѣсколько времени. Мама обвиняетъ меня; она говоритъ, что я сама виновата, что не говорю по-англiйски; какъ это мнѣ обидно.

Я думаю, что когда-нибудь онъ прочтетъ этотъ дневникъ и найдетъ его глупымъ, особенно мои постоянныя изъясненiя въ любви; я столько разъ повторяла ихъ, что они потеряли всякую силу.

M-me Савельева при смерти; мы отправляемся къ ней, вотъ уже два дня, какъ она въ безсознательномъ состоянiи и ничего не говоритъ. Въ ея комнатѣ сидитъ старая m-me Патонъ. Я посмотрѣла на постель, но сначала не могла ничего различить и искала глазами больную; потомъ я увидѣла ея голову, но она такъ измѣнилась, что изъ женщины полной стала совсѣмъ худой; ротъ открытъ, глаза закрыты, дыханье сильное и тяжелое. Всѣ говорили шопотомъ, но она не подавала никакого признака жизни; доктора говорятъ, что она ничего не сознаетъ, но мнѣ кажется, что она слышитъ и понимаетъ все, что вокругъ нея дѣлается и только не можетъ ни крикнуть, ни даже ничего сказать. Когда мама прикоснулась къ ней, она тяжело вздохнула. Старикъ Савельевъ встрѣтилъ насъ на лѣстницѣ и, захлебываясь отъ слезъ и рыданiй, взялъ мамину руку и сказалъ: «Вы сами больны, вы совсѣмъ не бережетесь, моя бѣдная». Я молча оообняла его. Потомъ пришла ея дочь и бросилась къ постели, призывая мать свою. Бѣдная! Вотъ уже пять дней, какъ она въ этомъ состоянiи. Видѣть свою мать со дня на день умирающей! Я вышла со старикомъ въ другую комнату. Какъ онъ постарѣлъ за эти нѣсколько дней! Всѣ имѣютъ какое-нибудь утѣшенiе, у его дочери свои дѣти, а онъ одинокъ, проживъ со своей женой тридцать лѣтъ, это что-нибудь да значитъ! Хорошо-ли, дурно-ли онъ съ ней жилъ, привычка имѣетъ громадное значенiе.

Я нѣсколько разъ возвращалась къ больной. Экономка ходитъ совсѣмъ заплаканная; отрадно видѣть въ прислугѣ такую привязанность къ своей госпожѣ. Бѣдный старикъ совсѣмъ превратился въ ребенка.

Ахъ, если только подумать, какъ жалокъ человѣкъ! Каждое животное можетъ имѣть, смотря по желанiю, какую ему угодно физiономiю; оно не обязано улыбаться, когда ему хочется плакать. Когда оно не хочетъ видѣть себѣ подобныхъ, оно ихъ не видитъ, а человѣкъ рабъ всего и всѣхъ. И между тѣмъ меня лично это, вообще говоря, не тяготитъ, я люблю и выѣзжать, и принимать.

Это первый разъ, что мнѣ приходится идти противъ своего желанiя, а сколько еще разъ придется мнѣ заставлять себя улыбаться въ то время, какъ я буду готова плакать. Между тѣмъ я сама выбрала эту жизнь, эту свѣтскую жизнь!

Впрочемъ, когда я буду большая, у меня уже не будетъ непріятностей, я буду всегда весела...

M-me Савельева умерла вчера вечеромъ. Мама и я отправились къ ней; тамъ было много дамъ. Что сказать объ этой сценѣ? Скорбь направо, скорбь налѣво, скорбь написана на полу и на потолкѣ, скорбь въ пламени каждой свѣчи, скорбь даже въ воздухѣ. У ея дочери была истерика; всѣ плакали. Я цѣловала ея руки, повела ее и посадила рядомъ съ собой; я хотѣла сказать ей нѣсколько словъ утѣшенія и не могла. Да и какія утѣшенія? Одно время! Я вообще нахожу всякія утѣшенія банальными и глупыми. По-моему, больше всѣхъ жалко старика, который остался одинъ! Одинъ!! Одинъ!!! О, Боже, что дѣлать? По-моему, все должно кончиться. Я такъ думаю. Но если бы умеръ кто-нибудь изъ нашихъ, я бы не могла разсуждать такимъ образомъ.

Сегодня у меня былъ большой споръ съ учителемъ рисованія Бинза. Я ему сказала, что хочу учиться серьезно, начать сначала, что то, что я дѣлаю, ничему не научаетъ, что это пустая трата времени, что съ понедѣльника я хочу начать настоящее рисованіе. Впрочемъ, не его вина, что онъ училъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ думалъ, что до него я уже брала уроки и уже рисовала глаза, рты и т. д., и что рисунокъ, ему показанный, былъ мой первый рисунокъ въ жизни и притомъ сдѣланный **мною самою.**

Сегодняшній день нѣсколько отличается отъ другихъ дней, такихъ монотонныхъ и однообразныхъ. На урокѣ я попросила m-lle Колиньонъ дать мнѣ одно ариѳметическое объясненіе. На это она мнѣ сказала, что я должна понять сама. Я ей замѣтила, что вещи, для меня непонятныя, мнѣ должны объяснить. «Здѣсь нѣтъ никакихъ **должны**», сказала она. — «**Должны** умѣстно повсюду»! — отвѣчала я.—«Продолжайте». — «Подождите немного, я сначала пойму это, а потомъ уже перейду къ слѣдующему». Я отвѣчала наиспокойнѣйшимъ тономъ и она злилась, что не можетъ найти ничего грубаго въ моихъ словахъ. Она крадетъ мое время! Уже 4 мѣсяца моей жизни потеряны. Легко сказать! Положимъ, она больна, но зачѣмъ же вредить мнѣ? Заставляя меня терять время, она губитъ мое будущее счастье. Каждый разъ, когда я прошу ее что-нибудь объяснить мнѣ, она отвѣчаетъ мнѣ грубостями; я

не хочу, чтобы со мной говорили такимъ образомъ; она какая-то бѣшеная; особенно когда она больна, она невыносима. Однако я продолжаю. Она сдѣлала глаза вѣдьмы. «Дѣлайте то, что я вамъ говорю, вы привыкли грубить всѣмъ и каждому, но я этого не потерплю, слышите?»

— Зачѣмъ вы кричите? — сказала я ей такимъ спокойнымъ тономъ, что даже сама удивилась.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда я слишкомъ разсержена, или даже просто раздражена, я дѣлаюсь неестественно спокойна. Этотъ тонъ взбѣсилъ ее еще болѣе; она ожидала вспышки.

— Вамъ 13 лѣтъ, какъ вы смѣете!

— Именно, m-lle, мнѣ 13 лѣтъ, и я не хочу, чтобы со мной такъ говорили; прошу васъ не кричать.

Она вылетѣла, какъ бомба, крича и говоря разныя неблагопристойности. Я на все отвѣчала спокойно, отчего она приходила въ еще большее бѣшенство.

— «Это послѣдній урокъ, что я вамъ даю!»

— О, тѣмъ лучше! — сказала я.

Въ ту минуту, какъ она выходила изъ комнаты, я вздохнула такъ, какъ будто съ меня сняли сто пудовъ. Я вышла довольная и отправилась къ мамѣ. Она бѣжала по коридору и опять начала кричать, я продолжала свою тактику, дѣлая видъ, что ничего не слышу. Весь коридоръ мы прошли вмѣстѣ, она — какъ фурія, я — вполнѣ невозмутимо. Я пошла къ себѣ, а она просила позволенія переговорить съ мамой.

Сегодня ночью я видѣла ужасный сонъ. Мы были въ незнакомомъ мнѣ домѣ, какъ вдругъ, я и не знаю, кто еще, взглянули въ окно. Я вижу солнце, которое увеличивается и покрываетъ почти полнеба, но оно не блеститъ и не грѣетъ. Потомъ оно дѣлится, четверть исчезаетъ, остальное продолжаетъ дѣлиться, мѣняя цвѣта. Мы въ ужасѣ. Потомъ оно на половину покрывается облакомъ и всѣ вскрикиваютъ: «солнце остановилось!» Какъ будто обыкновенно оно вертится! Нѣсколько мгновеній оно оставалсь неподвижнымъ и блѣднымъ, потомъ вся земля сдѣлалась странной: не то что она качалась, — я не могу выразить, что это было, такъ какъ этого совсѣмъ не существуетъ среди того, что мы видимъ

обыкновенно. Нѣтъ словъ для выраженія того, чего мы не понимаемъ. Потомъ оно опять начало вращаться, какъ два колеса, одно въ другомъ, т. е. свѣтлое солнце минутами покрывалось облакомъ, такимъ же круглымъ, какъ оно само. Волненіе было общее; я спрашивала себя, не конецъ-ли это свѣта и мнѣ хотѣлось вѣрить, что это только такъ, не на долго. Мамы не было съ нами, она пріѣхала въ чемъ-то въ родѣ омнибуса и не казалась испуганной. Все было странно, и этотъ омнибусъ былъ не такой, какъ обыкновенные. Потомъ я стала пересматривать мои платья; мы уложили наши вещи въ маленькій сакъ-вояжъ. Но вдругъ опять все началось сначала. Это былъ конецъ свѣта, и я спрашивала себя, какъ это Богъ не предупредилъ меня и неужели я достойна въ живыхъ присутствовать при этомъ днѣ. Всѣ были въ страхѣ, мы съ мамой сѣли въ карету и поѣхали, — не знаю куда.

Что означаетъ этотъ сонъ? Посланъ ли онъ отъ Бога, чтобы предупредить о какомъ-нибудь важномъ событіи, или это просто нервы?

Я такъ живо помню этотъ сонъ! Небо было то темное, со звѣздами, и тогда солнца не было видно, то свѣтлое, какъ въ пять часовъ утра. Кончилось тѣмъ, что солнце совсѣмъ исчезло. Какъ же быть безъ солнца? Значитъ это конецъ міра? Потомъ происходили странныя вещи, я не могу ихъ описать, такъ какъ не существуетъ ничего подобнаго. Я не знаю словъ для выраженія того,что я видѣла, потому что оно сверхъестественно.

M-lle Колиньонъ уѣзжаетъ завтра. Во всякомъ случаѣ, это грустно. Вѣдь жаль даже собаку, съ которой долго прожилъ и которую вдругъ увозятъ. Каковы бы ни были наши отношенія, какой-то червь гложетъ мнѣ сердце.

Проѣзжая мимо виллы Ж., я взглянула на маленькую террасу направо. Въ прошломъ году, отправляясь на скачки, я видѣла его, сидящимъ тамъ съ ней. Онъ сидѣлъ въ своей обычной благородной и непринужденной позѣ и ѣлъ пирожокъ. Я такъ хорошо помню всѣ эти мелочи. Проѣзжая, мы смотрѣли на него, а онъ на насъ. Онъ единственный, о которомъ мама говоритъ, что онъ ей очень нравится; я этому такъ рада. Она сказала: «посмотри: Г. ѣстъ здѣсь пирожки, но и это у него вполнѣ естественно, онъ точно у себя дома».

Я еще не давала себѣ отчета въ томъ волненіи, которое я испытывала при видѣ его. Только теперь я вспоминаю и понимаю всѣ маленькія подробности, касающіяся его, всѣ слова, имъ сказанныя.

Когда Реми сказалъ мнѣ на скачкахъ, что онъ говорилъ съ герцогомъ Г., у меня сердце забилось, хотя я и не понимала отчего. Потомъ, когда на тѣхъ же скачкахъ Ж. сидѣла около насъ и говорила о немъ, я почти не слушала. О, что бы дала я теперь, чтобы услышать вновь ея слова! Потомъ, когда я была въ англійскомъ магазинѣ, онъ былъ тамъ и насмѣшливо смотрѣлъ на меня, какъ бы говоря: «какая смѣшная дѣвочка, что она о себѣ воображаетъ!» Онъ былъ правъ: я была очень смѣшна въ моемъ шелковомъ платьицѣ, да, я была очень смѣшна! Я не смотрѣла на него. Потомъ при каждой встрѣчѣ мое сердце до боли ударяло въ груди. Не знаю, испытывалъ ли это кто-нибудь; но я боялась, что мое сердце бьется такъ сильно, что это услышатъ другіе. Прежде я думала, что сердце не что иное какъ кусокъ мяса, теперь же вижу, что оно связано съ душой.

Теперь мнѣ понятно, когда говорятъ «мое сердце билось». Прежде, когда это говорили въ театрѣ, я не обращала вниманія, теперь же я узнаю испытанныя мною чувства.

Время мчится, какъ стрѣла. Утромъ я немного учусь музыкѣ; до двухъ часовъ Аполлонъ Бельведерскій, котораго я срисовываю. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ герцогомъ, — особенно въ тѣ минуты, когда на него смотрятъ; выраженіе очень похоже. Та же манера держать голову и такой же носъ.

Мой учитель музыки Manote былъ очень доволенъ мною сегодня утромъ. Я сыграла часть концерта Мендельсона безъ единой ошибки. Вчера были въ русской церкви по случаю Троицы.

Церковь вся украшена цвѣтами и зеленью. Читали молитвы, гдѣ священникъ молился о прощеніи грѣховъ; онъ ихъ всѣ перечислилъ; потомъ онъ молился, стоя на колѣняхъ. Все, что онъ говорилъ, такъ подходило ко мнѣ, что я какъ бы застыла, слушая и повторяя его слова.

Это второй разъ, что я молилась такъ хорошо въ церкви; первый разъ это было въ первый день новаго года.

Общественная служба сдѣлалась такой банальной; произносимыя слова не имѣютъ отношенія къ обыденной жизни и къ чувствамъ большинства. Я хожу къ обѣднѣ и не молюсь: молитвы и гимны не отвѣчаютъ тому, что говорятъ мое сердце и моя душа; они даже мѣшаютъ мнѣ свободно молиться. А между тѣмъ молитвы, гдѣ священникъ молится за всѣхъ, гдѣ каждый находитъ что-нибудь относящееся къ нему, проникаютъ мнѣ прямо въ душу.

Парижъ. Наконецъ я нашла то, что искала, сама того не сознавая: жизнь — это Парижъ, Парижъ — это жизнь!.. Я мучилась, такъ какъ не знала, чего хочу. Теперь я прозрѣла, я знаю, чего хочу! Переселиться изъ Ниццы въ Парижъ, имѣть помѣщеніе, обстановку, лошадей, какъ въ Ниццѣ; войти въ общество черезъ русскаго посланника; вотъ, вотъ чего я хочу! Какъ счастливъ тотъ, кто знаетъ, чего желаетъ. Но вотъ мысль, которая терзаетъ меня; мнѣ кажется, что я безобразна! Это ужасно!

Сердце — это кусокъ мяса, соединенный тоненькой ниточкой съ мозгомъ, который въ свою очередь получаетъ новости отъ глазъ и ушей. Можно сказать, что сердце **говоритъ** вамъ, потому что ниточка двигается и заставляетъ его биться сильнѣе обыкновеннаго и оно гонитъ кровь къ лицу.

Мы были у фотографа Valery; тамъ я видѣла портретъ Ж. Какъ она хороша! Но черезъ 10 лѣтъ она будетъ стара, черезъ 10 лѣтъ я буду взрослая; я была бы лучше, если бы я была больше. Я позировала 8 разъ; фотографъ сказалъ: «если на этотъ разъ удастся, я буду доволенъ». Мы уѣхали, не узнавъ результата.

Разразилась гроза; молніи были просто страшны; иногда онѣ падали на землю, оставляя на небѣ серебристую черту, — тонкую, какъ римская свѣча.

Ницца. Я смотрю на Ниццу, какъ на мѣсто изгнанія. Однако я должна заняться распредѣленіемъ дней и часовъ для учителей. Съ понедѣльника я начну занятія, такъ ужасно прерванныя m-lle Колиньонъ.

Съ зимою появится общество, а съ обществомъ веселье; тогда будетъ уже не Ницца, а маленькій Парижъ. А скачки!

Ницца имѣетъ свою хорошую сторону. Тѣмъ не менѣе 6 или 7 мѣсяцевъ, которые надо здѣсь провести, кажутся мнѣ цѣлымъ моремъ, которое надо переплыть. Я не спускаю глазъ съ моего маяка. Я не надѣюсь пристать, я не надѣюсь видѣть эту землю, но одинъ видъ ея даетъ мнѣ силу и энергію дожить до будущаго года, а затѣмъ... А зачѣмъ? Право я ничего не знаю! Но я надѣюсь, я вѣрю въ Бога, въ Его безграничное милосердіе—вотъ почему я не теряю бодрости. «Тотъ, кто живетъ подъ Его покровительствомъ, найдет свое спокойствіе въ милосердіи Всемогущаго. Онъ осѣнитъ тебя Своими крылами, подъ ихъ охраною ты будешь въ безопасности, ты не будешь бояться ни вліянія ночныхъ созвѣздій, ни дневныхъ несчастій...» Я не могу выразить, какъ я умилена и насколько сознаю милость Бога ко мнѣ.

Мама лежала, а мы всѣ были около нея, когда докторъ, вернувшись отъ Патонъ, сказалъ, что умеръ Абрамовичъ. Это ужасно, невѣроятно, изумительно! Я не могу повѣрить, что онъ умеръ! Нельзя умереть, будучи такимъ милымъ и привлекательнымъ! Мнѣ все кажется, что онъ вернется зимою, со своей знаменитой шубой и со своимъ пледомъ. Это ужасно — смерть! Меня просто сердитъ его смерть! Такіе люди, какъ С. и Ж., живутъ, а молодой человѣкъ, какъ Абрамовичъ, умираетъ!

Всѣ пришли въ ужасъ, даже у Дины вырвалось какое-то восклицаніе. Я спѣшу написать Еленѣ Говардъ. Всѣ были въ моей комнатѣ, когда пришла эта печальная вѣсть.

9 іюня 1873 г. Я начала учиться рисовать. Я чувствую себя усталой, вялой, неспособной работать. Лѣто въ Ниццѣ меня убиваетъ; никого нѣтъ, я готова плакать. Словомъ, я страдаю. Вѣдь живутъ только однажды. Провести лѣто въ Ниццѣ значитъ потерять полжизни. Я плачу, одна слеза упала на бумагу. О, если бы мама и другіе знали, чего мнѣ стоитъ здѣсь оставаться, они не заставляли бы меня жить въ этой ужасной пустынѣ. Я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій; уже такъ давно я не слышу даже его имени. Мнѣ кажется, что онъ умеръ. Я живу какъ въ туманѣ; прошедшее я едва помню, настоящее мнѣ кажется отвратительнымъ. Я совершенно измѣнилась; голосъ охрипъ, я стала некрасива: прежде, просыпаясь, я была розовая, свѣжая, а теперь! Что же это такое

меня гложетъ? Развѣ со мной что-нибудь случилось? или случится?

Наняли виллу Bacchi; говоря по правдѣ, жить въ ней будетъ страшно непріятно: для какихъ-нибудь буржуа это годится, но для насъ!.. Я аристократка и предпочитаю раззорившагося дворянина богатому буржуа, я вижу больше прелести въ старомъ шелкѣ, въ потерпѣвшей отъ времени позолотѣ, въ сломанныхъ колоннахъ и арабескахъ, чѣмъ въ богатомъ, но безвкусномъ, бьющемъ въ глаза убранствѣ. Самолюбіе настоящаго аристократа не удовлетворится блестящими, хорошо сшитыми сапогами и перчатками въ обтяжку. Нѣтъ, одежда должна быть до извѣстной степени небрежна... но между благородной небрежностью и небрежностью бѣдности такая большая разница.

Мы оставляемъ это помѣщеніе; мнѣ его жаль — не изъ-за его удобствъ и красоты, но потому, что это старый другъ, къ которому я привыкла. Какъ подумаешь, что я больше не увижу моей милой классной комнаты! Я здѣсь такъ много думала о немъ. Этотъ столъ, на который я теперь опираюсь и на которомъ я писала каждый день все, что было наиболѣе дорогого и священнаго въ моей душѣ! Эти стѣны, по которымъ столько разъ скользилъ мой взглядъ, желая проникнуть черезъ нихъ и устремиться въ безконечную даль... Въ каждомъ цвѣткѣ ихъ обой я видѣла его! Сколько воображала я себѣ въ этой комнатѣ сценъ, гдѣ онъ игралъ главную роль. Мнѣ кажется, нѣтъ въ мірѣ вещи, отъ наиболѣе обыкновенной, до самой фантастической, о которой я бы не передумала въ этой комнатѣ.

Вечеромъ Поль, Дина и я сидѣли вмѣстѣ. Потомъ я осталась совсѣмъ одна. Луна освѣщала мою комнату, и я не зажигала свѣчи. Я вышла на террасу и услышала вдали звуки скрипки, гитары и флейты. Я быстро вернулась и сѣла къ окну, чтобы лучше слышать. Это было чудесное тріо. Уже давно я не слушала музыки съ такимъ удовольствіемъ. Въ концертѣ болѣе занимаешься осмотромъ публики, — но въ этотъ вечеръ, совсѣмъ одна, при лунномъ сіяніи, я пожирала,

если можно такъ выразиться, эту серенаду. Молодые люди Ниццы давали намъ серенаду. Нельзя себѣ представить большей галантности. Къ несчастью свѣтскіе молодые люди не любятъ болѣе этого развлеченія; они предпочитаютъ кафешантаны; между тѣмъ какъ музыка... можетъ-ли быть что-нибудь благороднѣе серенады, какъ въ древней Испаніи? Честное слово, будь я на ихъ мѣстѣ — послѣ лошадей, я проводила бы жизнь подъ окнами моей красавицы, или въ концѣ концовъ — у ея ногъ.

Мнѣ такъ хочется имѣть лошадь; мама мнѣ обѣщаетъ, тетя тоже. Когда она была вечеромъ у себя, я вошла къ ней своей легкой и стремительной походкой и просила ее объ этомъ; она мнѣ серьезно обѣщала. Я ложусь совершенно счастливая. Всѣ мнѣ говорятъ, что я хорошенькая, но сама я право этому не вѣрю. Мое перо не можетъ писать, оно такъ и летаетъ! Я миленькая и только, иногда хорошенькая, но я счастлива.

У меня будетъ лошадь! Видано-ли, чтобы у такой маленькой, какъ я, была своя лошадь! Я прозведу фуроръ... А какіе цвѣта жокею? Сѣрый или ирисъ? Нѣтъ, зеленый и нѣжно розовый. Лошадь спеціально для меня! Какъ я счастлива и довольна! Какъ не отлить бѣднымъ отъ моей слишкомъ полной чаши. Мама даетъ мнѣ деньги, половину я буду отдавать бѣднымъ.

Я прибрала мою комнату; она красивѣе безъ стола посерединѣ; я поставила нѣсколько бездѣлушекъ, чернильницу, перо, два старыхъ дорожныхъ подсвѣчника, давно забытыхъ въ ящикѣ. Вотъ какъ я устроилась.

Свѣтъ — это моя жизнь; онъ меня зоветъ, онъ меня манитъ, мнѣ хочется бѣжать къ нему. Я еще слишкомъ молода для выѣздовъ, но я жду не дождусь этого времени; только если бы мама и тетя смогли стряхнуть свою лѣнь... Свѣтъ не Ниццы, а свѣтъ Петербурга, Лондона, Парижа. Только тамъ я могла дышать, такъ какъ стѣсненія свѣтской жизни для меня пріятны.

Поль еще не имѣетъ вкуса, онъ не понимаетъ женской красоты. Я слышала, какъ онъ называлъ красивыми страшныхъ уродовъ. Онъ еще думаетъ, что для того, чтобы быть

хорошо одѣтымъ, надо быть элегантнымъ; чтобы нравиться, надо быть внимательнымъ. Я должна сообщить ему манеры и вкусъ. Я еще не имѣю на него сильнаго вліянія, но надѣюсь имѣть его со временемъ. Уже теперь, едва замѣтнымъ образомъ, я сообщаю ему мои взгляды, даю ему уроки самой строгой нравственности, но въ легкой формѣ; это занимательно и въ то же время полезно. Если онъ женится, онъ долженъ любить свою жену, только свою жену; словомъ, я надѣюсь, если Богъ позволитъ, вложить ему хорошія мысли.

Вторникъ, 29 іюля. Мы на пути въ Вѣну. Въ общемъ отъѣздъ былъ очень веселый. По обыкновенію я была душой общества.

Начиная съ Милана, мѣстность восхитительна, такая зеленая, такая плоская, взглядъ простирается въ безконечность и никакая гора не встаетъ стѣною передъ глазами.

На австрійской границѣ, когда я поспѣшно одѣвалась, открылась дверь, и докторъ окурилъ насъ какимъ-то порошкомъ противъ болѣзни (которой я не рѣшаюсь назвать). Я опять уснула до 11 часовъ. Я не смѣла вновь открыть глаза. Какая зелень, какія деревья, какіе чистые дома, какія хорошенькія нѣмки, какъ обработаны поля! Прелестно, восхитительно, чудесно! Я совсѣмъ не безчувственна, какъ говорятъ, къ красотамъ природы; напротивъ. Конечно, я не могу восхищаться острыми скалами, тощими оливами, мертвыми пейзажами; но меня приводятъ въ восторгъ покрытыя деревьями поля, прекрасно обработанныя, или же покрытыя ковромъ зелени, съ работающими женщинами, крестьянами. Я не могла оторваться отъ окна. Ѣхали быстро, все летѣло мимо, все убѣгало и все было такъ прекрасно. Вотъ чѣмъ я любуюсь отъ всего сердца. Въ 8 часовъ я сѣла, такъ какъ была утомлена. На одной станціи маленькія нѣмки кричали какъ разъ надъ нашими ушами «Frisch Wasser! Frisch Wasser!» У Дины даже голова разболѣлась.

Я часто стараюсь понять, что это такое, что какъ будто стоитъ совсѣмъ передо мною и въ то же время скрыто отъ меня — словомъ, истину. Все, что я думаю, чувствую, это только внѣшнее. Ну, вотъ, — я не знаю, но мнѣ кажется, что ничего нѣтъ. Напримѣръ, когда я вижу герцога, я не знаю, ненавижу я его или боготворю; я хочу войти въ мою душу и не могу. Когда я рѣшаю трудную задачу, я думаю, начинаю,

мнѣ кажется, что я достигла, но въ ту минуту, когда я хочу все соединить, все исчезнетъ, все теряется, и моя мысль уходитъ такъ далеко, что я только удивляюсь и ничего не понимаю. Все, что я говорю, не есть еще моя сущность, мое существо; у меня ихъ еще нѣтъ. Я вижу только внѣшнимъ образомъ. Остаться или идти, имѣть или не имѣть — мнѣ безразлично; мои печали, мои радости — не существуютъ. Только тогда, когда я представляю себѣ маму или Г.., любовь наполняетъ мою душу. И вотъ это послѣднее тоже мнѣ кажется непонятнымъ; когда я размышляю объ этомъ, я какъ въ туманѣ; я ничего не понимаю.

Есть люди, которые говорятъ, что мужъ и жена могутъ позволять себѣ развлеченія и въ то же время очень любить другъ друга.

Это ложь; они не любятъ другъ друга, такъ какъ, разъ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка любятъ другъ друга, развѣ они могутъ думать о другихъ? Они бюбятъ другъ друга и находятъ въ этомъ совершенно достаточно развлеченія. Одинъ взглядъ, одна мысль о другой женщинѣ показываютъ, что уже не любятъ болѣе ту, которую любили. Потому что, еще разъ, если вы любите и васъ любятъ, можете-ли вы думать о любви къ другой? Нѣтъ. Итакъ, къ чему ревность и упреки? Можно поплакать, но надо утѣшиться какъ о мертвомъ, сказавъ себѣ, что никто не можетъ помочь. Разъ сердце полно одной женщиной, въ немъ нѣтъ мѣста другой; но какъ только оно начинаетъ пустѣть, другая входитъ въ него — съ той самой минуты, какъ вложила туда хоть кончикъ мизинца.

[Приписано на поляхъ съ помѣткой — **Мартъ, 1875 г.**

Я разсуждала тогда довольно правильно, только видно, что я была еще дитя. Это слово: «любовь», повторяемое такъ часто... Бѣдняжка!.. Есть ошибки во французскомъ языкѣ. надо бы все исправить. Я думаю, что теперь я пишу лучше, но все еще не такъ, какъ бы я хотѣла. Въ какія-то руки попадетъ мой дневникъ? До сихъ поръ онъ можетъ интересовать только меня и моихъ близкихъ. Хотѣла бы я сдѣлаться такой личностью, чтобы мой дневникъ былъ интересенъ для всѣхъ. Пока буду продолжать для себя, вѣдь будетъ очень пріятно перечесть потомъ всю свою жизнь].

29 августа, Ницца. Я взялась за распредѣленіе часовъ своихъ учебныхъ занятій, завтра кончу. Девять часовъ работы ежедневно. О, Боже мой! дай мнѣ силы и настойчивости въ ученіи. У меня есть сила, но хотѣлось бы еще больше.

2 сентября. Приходилъ учитель рисованія; я ему дала списокъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ учителей изъ лицея. Наконецъ-то я примусь за работу! Изъ-за путешествія и изъ-за m-lle Колиньонъ я потеряла четыре мѣсяца. Это громадная потеря. Бинза обратился къ директору, тотъ попросилъ для отвѣта день. Видя мои замѣтки, онъ спросилъ: «Сколько лѣтъ молодой дѣвушкѣ, которая хочетъ учиться всему этому и которая сумѣла составить такую программу?» А этотъ дуракъ Бинза сказалъ: «Пятнадцать лѣтъ». Я его страшно бранила, я раздосадована, я просто взбѣшена. Зачѣмъ говорить, что мнѣ 15 лѣтъ, — это ложь. Онъ извинялся, говоря, что по моимъ разсужденіямъ мнѣ можно дать 20, что онъ думалъ сдѣлать лучше, прибавляя мнѣ два года, что онъ никакъ не думалъ, и проч. и проч. Я потребовала сегодня же, за обѣдомъ, чтобы онъ сказалъ директору мои настоящіе года, я **потребовала этого.**

Пятница, 19 сентября. Я все время сохраняю хорошее расположеніе духа; не слѣдуетъ мучиться сожалѣніями. Жизнь коротка, нужно смѣяться, сколько можешь. Слезъ не избѣжать, онѣ сами приходятъ. Есть горести, которыхъ нельзя отвратить: это смерть и разлука, хотя даже послѣдняя не лишена пріятности пока есть надежда на свиданіе. Но портить себѣ жизнь мелочами — никогда! Я не обращаю никакого вниманія на мелочи, и, относясь съ отвращеніемъ къ мелкимъ ежедневнымъ непріятностямъ, я съ улыбкой прохожу мимо нихъ.

Суббота, 20 сентября. Приходилъ С., и, не помню по какому поводу, сказалъ, что люди перерожденныя обезьяны. Это мальчуганъ съ идеями дяди Николая. «Въ такомъ случаѣ, сказала я ему, вы не вѣрите въ Бога?»—«Я могу вѣрить лишь въ то, что я понимаю», возразилъ онъ.

О скверное животное! Всѣ мальчишки, у которыхъ начинаютъ пробиваться усы, разсуждаютъ такимъ образомъ. Это молокососы, воображающіе, что женщины не могутъ ни размышлять, ни понимать ихъ. Они смотрятъ на нихъ, какъ на какихъ-то говорящихъ куколъ, которые сами не понимаютъ того, что говорятъ. Они покровительственно **позволяютъ** имъ

говорить. Я высказала ему все это, исключая только «скверное животное» и «молокососовъ». Онъ навѣрно прочелъ какую-нибудь книгу, не понялъ ее, и теперь цитируетъ изъ нея отдѣльныя мѣста. Онъ доказываетъ, что міръ созданъ не Богомъ, ссылкой на то, что на полюсѣ найдены оледенѣлые скелеты и растенія: слѣдовательно, они жили, а теперь ихъ нѣтъ!..

Я не говорю ничего противъ этого, но развѣ наша земля еще до сотворенія человѣка не подвергалась разнымъ измѣненіямъ? Нельзя же буквально принимать слова, что Богъ создалъ міръ въ шесть дней. Элементы образовывались вѣками, вѣками и вѣками. Но Богъ есть; можно ли отрицать это, видя солнце, деревья и самихъ людей. Какъ не признать, что есть рука, которая направляетъ, отнимаетъ и вознаграждаетъ, и что это рука Бога?..

Понедѣльникъ, 13 октября. Я отыскивала заданный урокъ, когда малютка Хедеръ, моя гувернантка, англичанка, сказала мнѣ: «Знаете, герцогъ женится на герцогинѣ М.». Я приблизила книгу къ лицу, почувствовавъ, что покраснѣла, какъ огонь. Я чувствовала, какъ будто острый ножъ вонзился мнѣ въ грудь. Я начала дрожать такъ сильно, что едва держала книгу. Я боялась потерять сознаніе; но книга спасла меня. Чтобы успокоиться, я нѣсколько минутъ дѣлала видъ, что ищу... Урокъ свой я отвѣчала прерывающимся отъ неровнаго дыханія голосомъ. Я собрала все свое мужество, какъ бывало бросаясь въ воду съ мостика купальни, и сказала себѣ, что надо преодолѣть себя. Я попросила диктовать мнѣ, чтобы хоть нѣсколько времени имѣть возможность не говорить.

Съ наслажденіемъ ушла я наконецъ къ роялю — попробовала играть, но пальцы были холодны и непослушны. Княгиня попросила меня научить ее играть въ крокетъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчала я весело, но голосъ мой еще дрожалъ. Подали карету, я побѣжала одѣваться. Въ зеленомъ платьѣ съ золотистыми волосами, бѣленькая и розовая — я хороша какъ ангелъ или какъ женщина. Мы ѣдемъ.

Все время я думаю: онъ женится! возможно-ли? Я несчастна, несчастна не по прежнему — изъ-за обой или мебели, но дѣйствительно несчастна.

Я не знаю, какъ сказать княгинѣ, что онъ женится (потому что вѣдь когда-нибудь они все равно узнаютъ это), и сознаю, что лучше сказать самой. Я выбираю моментъ, когда она садится на диванъ такъ, что свѣтъ падаетъ сзади меня. Моего лица не видно. «Княгиня, знаете новость (мы говоримъ по-русски): герцогъ Г. женится». Наконецъ! Сказано... Я не покраснѣла, я спокойна, но что дѣлается во мнѣ, въ глубинѣ моей!!!

Съ того несчастнаго момента, какъ эта болтушка сообщила мнѣ этотъ ужасъ, я все какъ будто запыхалась, точно я пробѣжала цѣлую версту, — то же ощущеніе: сердце бьется до боли.

Я играла на роялѣ съ какимъ-то бѣшенствомъ, но посреди фуги пальцы мои ослабѣли и я должна была прислониться къ спинкѣ стула. Я начинала снова, — та же исторія; въ теченіе пяти минутъ я начинала и бросала... У меня въ горлѣ образуется что-то такое, что мѣшаетъ дышать. Разъ десять я вскакивала изъ-за фортепіано; я выбѣгаю на балконъ. О, Господи, что за состояніе!

Вечеромъ я не могла писать. Я бросилась на колѣни и плакала. Вошла мама; чтобы она не увидала меня въ этомъ видѣ, я притворилась, что иду посмотрѣть не готовъ ли чай. И еще я должна брать латинскій урокъ! Какая мука! Какая пытка! Я не могу ничего дѣлать, не могу смириться! Нѣтъ въ мірѣ словъ для выраженія моихъ чувствъ! Но что меня волнуетъ, бѣситъ, убиваетъ — это зависть; она меня раздираетъ, злитъ, сводитъ съ ума! Если бы я могла ее высказать! но ее надо скрывать и быть спокойной; и отъ этого я еще болѣе **жалка себѣ.** Когда откупориваютъ шампанское, оно пѣнится и успокаивается, но когда лишь пріоткрываютъ пробку, оно шипитъ, но не успокаивается. Нѣтъ, это сравненіе невѣрно, я страдаю, я совсѣмъ разбита!!!....

Я забуду все это, конечно, со временемъ!.. Сказать, что мое горе вѣчно, было бы смѣшно; нѣтъ ничего вѣчнаго! Но дѣло въ томъ, что теперь я не могу думать ни о чемъ другомъ. Онъ не женится — его женятъ. Это дѣло рукъ его матери. [Приписка на поляхъ 1880. Все это изъ-за господина, котораго я видѣла разъ десять на улицѣ, котораго я не знала и который даже не подозрѣваетъ о моемъ су-

committee ществованіи]. О, я его ненавижу! Я не хочу, нѣтъ я хочу видѣть его съ ней! Она въ Баденѣ, въ Баденѣ, который я такъ любила! Эти прогулки, эти прогулки, эти магазины, гдѣ я его видѣла! [1880 г. Все это я вновь видѣла и все это ничего болѣе не пробудило во мнѣ...]

Сегодня я измѣнила въ моей молитвѣ все, что относилось къ нему; я болѣе не буду просить у Бога сдѣлаться его женой!..

Не молиться объ этомъ кажется мнѣ невозможнымъ, смертельнымъ! Я плачу, какъ дура! Ну, ну, дитя мое, будемъ же болѣе благоразумны!

Кончено! Ну, и прекрасно, — кончено! О, теперь я вижу, что не все дѣлается такъ, какъ хочется!

Приготовимся къ пыткѣ при перемѣнѣ молитвы. О, это самое ужасное на свѣтѣ, — это конецъ всего! **Аминь!**

Суббота, 18 октября. Странное я созданіе: никто не страдаетъ такъ, какъ я, а между тѣмъ я живу, пишу, пою. Какъ я измѣнилась съ этого рокового дня, 13 октября. Страданія постоянно выражаются на лицѣ моемъ. Его имя уже не составляетъ благотворнаго тепла; это огонь, это укоръ, пробужденіе зависти и скорби. Я изведала величайшее несчастье, какое только можетъ случиться съ женщиной!.. Горькая насмѣшка!

Начинаю серьезно думать о своемъ голосѣ; я такъ хотѣла бы хорошо пѣть!.. Но къ чему теперь?!.

Онъ былъ какъ бы свѣтильникомъ въ моей душѣ, и этотъ свѣтильникъ погасъ. Темно, мрачно, грустно, не знаешь, куда идти. Прежде въ моихъ маленькихъ непріятностяхъ я всегда имѣла точку опоры, свѣтъ, который указывалъ мнѣ дорогу и давалъ мнѣ силу, а теперь я ищу, смотрю, пробую, и нахожу только пустоту и мракъ. Ужасно, ужасно, когда нѣтъ ничего въ глубинѣ души...

Вторникъ, 21 октября. Мы возвращаемся, когда наши уже обѣдаютъ и вмѣсто предобѣденной закуски получаемъ маленькій выговоръ отъ мамы. Милая семейная жизнь входитъ въ свои права. Мама бранитъ Поля; дѣдушка перебиваетъ маму, онъ вмѣшивается не въ свое дѣло и подрываетъ въ Полѣ уваженіе къ мамѣ. Поль уходитъ, ворча, какъ лакей. Я выхожу въ коридоръ и прошу дѣдушку не вмѣшиваться въ дѣла «администраціи» и предоставить мамѣ

поступать по своему усмотрѣнію. Грѣшно возстановлять дѣтей противъ родителей, хотя бы по недостатку такта. Дѣдушка начинаетъ кричать; это меня смѣшитъ; всѣ эти бури всегда смѣшатъ меня, а затѣмъ возбуждаютъ жалость ко всѣмъ этимъ несчастнымъ, которые страдаютъ только отъ бездѣлья... Господи, если бы я была на 10 лѣтъ старше! Если бы я была свободна! Но что дѣлать, когда связанъ по рукамъ и по ногамъ всѣми этими тетушками, дѣдушкой, уроками, наставницами, семьей?.. Цѣлая свита, — въ тысячу трубачей!

Я говорю такимъ цвѣтистымъ слогомъ, что становится просто глупо... Чѣмъ больше я говорю, тѣмъ больше хочу сказать. А между тѣмъ я не могу вполнѣ выразить того, что чувствую! Я похожа на тѣхъ несчастныхъ живописцевъ, которые замышляютъ картину не по силамъ себѣ.

Вторникъ, 28 октября. Никогда не понравится мнѣ человѣкъ ниже меня по положенію; всѣ банальные люди мнѣ **противны,** раздражаютъ меня. Человѣкъ бѣдный теряетъ половину своего достоинства; онъ кажется маленькимъ, жалкимъ, имѣетъ видъ какой-то пѣшки. Тогда какъ человѣкъ богатый, независимый полонъ **гордаго покоя.** Увѣренность всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто побѣдоносное. И я люблю въ Г... этотъ видъ, — увѣренный, капризный, фатоватый и жестокій; въ немъ есть что-то Нероновское.

Суббота, 8 ноября. Никогда не нужно позволять заглядывать въ свою душу даже тѣмъ, кто насъ любитъ. Нужно держаться средины и, уходя, оставлять по себѣ сожалѣніе и иллюзіи. Такимъ образомъ будешь казаться лучше, оставишь лучшее впечатлѣніе. Люди всегда жалѣютъ о томъ, что прошло, и васъ захотятъ снова увидѣть; но не удовлетворяйте этого желанія немедленно, заставьте страдать, однако не слишкомъ. То, что стоитъ намъ слишкомъ многаго страданія, теряетъ свою цѣну, когда, наконецъ, пріобрѣтается послѣ столькихъ затрудненій: кажется, что можно было надѣяться на лучшее. Или ужъ заставьте слишкомъ страдать, болѣе, чѣмъ слишкомъ... тогда вы царица.

Я думаю, что у меня лихорадка; я необыкновенно болтлива, особенно тогда, когда внутренно плачу. Никто не заподозрилъ бы этого. Я пою, смѣюсь, шучу, и чѣмъ болѣе

я.. несчастна, тѣмъ болѣе весела. Сегодня я не въ состояніи шевельнуть языкомъ, я почти ничего не ѣла.

Только теперь, глядя на маму глазами посторонней, я открываю, что она очаровательна, прекрасна, какъ день, несмотря на усталость отъ всевозможныхъ непріятностей и болѣзней. Когда она говоритъ, у нея такой мягкій голосъ, не звонкій, но сильный и мягкій; прекрасныя манеры при полной естественности и простотѣ.

Я никогда въ жизни не видѣла человѣка, менѣе думающаго о себѣ, чѣмъ моя мать. Если бы только она побольше заботилась о своемъ туалетѣ, всѣ восхищались бы ею. Что ни говори, а туалетъ имѣетъ большое значеніе. Она одѣвается въ какія-то тряпки, я не знаю, во что. Сегодня на ней хорошенькое платье и, ей Богу, она очаровательна!

Суббота, 29 ноября. Я не могу успокоиться ни на одну минуту, я хотѣла бы куда-нибудь спрятаться, далеко, далеко, гдѣ никого нѣтъ. Можетъ быть тогда я пришла бы въ себя.

Я чувствую ревность, любовь, зависть, обманутую надежду, оскорбленное самолюбіе, все, что есть самаго ужаснаго въ этомъ мірѣ!.. Но больше всего я чувствую утрату **его!** Я люблю его! Зачѣмъ не могу я выбросить изъ души моей все, что наполняетъ ее. Но я не понимаю, что въ ней происходитъ, я знаю только, что я очень мучусь, что что-то гложетъ, душитъ меня, и все, что я говорю, не высказываетъ сотой доли того, что я чувствую.

Лицо мое закрыто одной рукой, другой я держу плащъ, который окутываетъ меня всю, даже съ головой, чтобы быть въ темнотѣ, чтобы собрать свои мысли, которыя разбѣгаются во всѣ стороны и производятъ во мнѣ какой-то хаосъ. Бѣдная голова!..

Одна вещь мучитъ меня, что черезъ нѣсколько лѣтъ я буду сама надъ собой смѣяться и забуду его (*Ps. 1875.* **Прошло уже два года, и я не смѣюсь надъ собой и не забыла!**). Всѣ эти горести будутъ казаться мнѣ ребячествомъ, аффектаціей. Но нѣтъ, заклинаю тебя, — не забывай! Когда ты будешь читать эти строки, возвратись мысленно къ прошлому, представь себѣ, что тебѣ тринадцать лѣтъ, что

ты въ Ниццѣ, что все это происходитъ въ эту минуту! Думай, что все это еще живетъ!.. Ты поймешь!.. Ты будешь счастлива!..

1874.

Пятница, 9 января. Возвращаясь съ прогулки, я говорила себѣ, что не буду похожа на другихъ, которыя сравнительно серьезны и сдержанны. Я не понимала, какимъ образомъ приходитъ эта серьезность? Какимъ образомъ совершается этотъ переходъ отъ дѣтства къ положенію молодой дѣвушки? Я спрашивала себя, какимъ образомъ совершается это? Постепенно или вдругъ? Что, дѣйствительно, заставляетъ созрѣвать, развиваетъ, измѣняетъ — такъ это несчастье или любовь. Если бы я гналась за остроуміемъ, я сказала бы, что это синонимъ; но я не скажу этого, потому что любовь — это самое лучшее, что только можетъ быть въ мірѣ.

Я могу сравнить себя съ водой, замерзшей въ глубинѣ и волнующейся только на самой поверхности, потому что ничто не интересуетъ и не занимаетъ меня въ моей глубинѣ.

Четвергъ, 24 іюня. Всю эту зиму я не могла взять ни одной ноты; я была въ отчаяніи, мнѣ казалось, что я потеряла голосъ, и я молчала и краснѣла, когда мнѣ говорили о немъ; теперь онъ возвращался, мой голосъ, мое сокровище, мое богатство! Я сознаю это впервые, со слезами на глазахъ и преклоняюсь передъ Богомъ!.. Я ничего не говорила, но я была ужасно огорчена, я не смѣла говоритъ объ этомъ и молилась Богу, и Онъ услышалъ меня!.. Какое счастье!.. Какое удовольствіе хорошо пѣть! Сознаешь себя всемогущей, сознаешь себя царицей! Чувствуешь себя счастливой, благодаря своему собственному достоинству. Это не та гордость, которую даетъ золото или титулъ. Становишься болѣе чѣмъ женщиной, чувствуешь себя безсмертной. Отрываешься отъ земли и несешься на небо! И всѣ эти люди, которые слѣдятъ за движеніемъ вашихъ губъ, которые слушаютъ ваше пѣніе, какъ божественный голосъ, которые наэлектризованы, взволнованы, восхищены!.. Вы владѣете всѣми ими! Послѣ настоящаго царства — это первое, что слѣдуетъ искать. Господство красоты слѣдуетъ уже за этимъ, потому что оно не всемогуще

по отношенію ко всѣмъ; но пѣніе поднимаетъ человѣка надъ землей; онъ царитъ въ облакахъ, подобно Венерѣ, явившейся Энею!

Ницца, 4 іюля. Мы отправляемся въ церковь св. Петра, однѣ барышни. Я усердно молилась, ставши на колѣни и облокотившись подбородкомъ на руку, очень бѣлую и тонкую. Потомъ, вспомнивъ, гдѣ я, я прятала руки и въ наказаніе себѣ старалась стать такъ, чтобы казаться некрасивой. Я въ такомъ же настроеніи, какъ вчера: я надѣла тетино платье и шляпу.

Въ такомъ состояніи духа я не могу возвратиться домой и веду всю компанію въ монастырь, который какъ разъ напротивъ церкви и сообщается задней дверью съ домомъ, гдѣ живетъ С. Мы входимъ въ монастырь и вносимъ съ собой столько шаловливости и веселья, что торжественный покой нарушенъ, и сестры — всегда тихія, всѣ въ бѣломъ, — оживились и высовываютъ изъ дверей свои любопытныя лица. Сквозь двойную рѣшетку мы видимъ мать игуменью; она уже сорокъ лѣтъ въ монастырѣ... Ужасъ! Оттуда мы идемъ въ пріемную пансіонерокъ, и я заставляю танцовать сестру Терезу. Она хочетъ завербовать меня и хвалитъ мнѣ монастырь, а я тоже хочу завербовать ее и хвалю ей міръ.

Мы — по горло въ католической религіи. Что-жъ! Я понимаю страсть къ церквамъ и монастырямъ.

Вторникъ, 6 іюля. Ничто не пропадаетъ въ этомъ мірѣ. Когда перестаютъ любить одного, привязанность немедленно переносятъ на другого, — даже не сознавая этого, а когда думаютъ, что никого не любятъ, — это просто ошибка. Если даже не любишь человѣка, — любишь собаку или мебель и съ такою же силою, — только въ иной формѣ. Если бы я любила, я хотѣла бы быть любимой такъ же сильно, какъ люблю сама; я не потерпѣла бы ничего, даже ни одного слова, сказаннаго кѣмъ-нибудь другимъ. Но такой любви нигдѣ не встрѣтишь. И я никогда не полюблю, потому что никто не полюбитъ меня такъ, какъ я умѣю любить.

14 іюля. Разговоръ зашелъ о латинскомъ языкѣ, лицеѣ, экзаменахъ; это возбуждаетъ во мнѣ ужасное желаніе учиться, и, когда приходитъ Брюне, я тотчасъ же забрасываю его вопросами относительно экзаменовъ. Онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ подготовки я буду въ состояніи держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Я занимаюсь латынью съ февраля этого года; теперь іюль. Въ пять мѣсяцевъ я сдѣлала, по словамъ Брюне, столько, сколько проходятъ въ лицеѣ за три года. Это поразительно! Никогда не прощу я себѣ потери этого года, это всегда будетъ для меня ужаснымъ горемъ; никогда не забуду я этого!..

Я въ дурномъ настроеніи, ничто у меня не идетъ на ладъ, ничто мнѣ не удается. Я буду наказана за мою гордость и за мою глупую надменность. Читайте, добрые люди, и поучайтесь! Этотъ дневникъ — самое полезное и самое поучительное изъ всего, что было, есть и будетъ написано! Тутъ вся женщина, со всѣми своими мыслями и надеждами, разочарованіями, со всѣми своими скверными и хорошими сторонами, съ горестями и радостями. Я еще не вполнѣ женщина, но я буду ею. Можно будетъ прослѣдить за мной съ дѣтства до самой смерти. А жизнь человѣка, вся жизнь, какъ она есть, безъ всякой замаскировки и прикрасъ, — всегда великая и интересная вещь.

Пятница, 16 іюля. Соотвѣтственно моей теоріи о перенесеніи любви, вся сумма ея, которой я обладаю, сосредоточена въ настоящій моментъ на Викторѣ, одной изъ моихъ собакъ. Я завтракаю, а онъ напротивъ меня положилъ на столъ свою славную большую морду. Будетъ любить собакъ, однѣхъ только собакъ! Люди и кошки — недостойныя твари. А между тѣмъ, собака — грязна, она жадными глазами слѣдитъ за тѣмъ, какъ вы ѣдите, она привязывается за то, что ее кормятъ. Однако, я никогда не кормлю своихъ собакъ, а онѣ любятъ меня. А Пратеръ, который покинулъ меня изъ ревности къ Виктору и перешелъ къ мамѣ!.. А люди, развѣ они не такъ же ждутъ подачки, развѣ они не такъ же прожорливы и продажны.

Суббота, 17 іюля. Говорятъ, что въ Россіи есть шайка негодяевъ, которые добиваются коммуны; это ужасъ, что такое! Все отобрать и имѣть все сообща. И ихъ проклятая секта такъ распространена, что журналы дѣлаютъ отчаянныя воззванія къ обществу. Неужели отцы семействъ не положатъ конца этому безобразію? Они хотятъ все погубить. Чтобы не было больше цивилизаціи, искусства, прекрасныхъ и великихъ вещей: одни матеріальныя средства къ существованію! Работа также сообща, никто не будетъ имѣть право выдвинуться, благодаря какому-нибудь достоинству, выдѣляющему его изъ дру-

гихъ. Хотятъ уничтожить университеты, высшее образованіе, чтобы сдѣлать изъ Россіи какую-то карикатуру Спарты!

Д..., кажется, пораженъ всѣмъ, что я говорю, и удивляется, видя во мнѣ такую лихорадочную жизнь. Мы говоримъ о нашей мебели; онъ весь такъ и разсыпался при описаніи моей комнаты: «Да это храмъ! Сказка изъ **тысячи и одной ночи»!** восклицаетъ онъ; «да сюда надо входить на колѣняхъ. Чудно, поразительно, ни съ чѣмъ не сравнимо!» Онъ хочетъ разъяснить себѣ мой характеръ и спрашиваетъ, гадаю-ли я на маргариткахъ. — «Да, очень часто, — чтобы знать, хорошъ-ли будетъ обѣдъ!» — «Но какъ? Такая поэтическая, сказочная комната и вмѣстѣ съ тѣмъ гаданье на маргариткѣ, какъ удался повару обѣдъ? О, нѣтъ! Это невѣроятно!» — Его очень забавляетъ, что, по моему увѣренію, во мнѣ два сердца. Я дурачилась, заставляя его восклицать и удивляться множеству контрастовъ. Я поднималась на небо и потомъ безъ всякаго перехода спускалась на землю и такъ далѣе; я изображала изъ себя личность, которая хочетъ жить и забавляться и даже не подозрѣваетъ возможности любить. А онъ удивляется, говоритъ, что боится меня, что это изумительно, сверхъ-естественно, ужасно!..

Что я люблю больше всего — это когда нѣтъ никого, для кого хотѣлось бы существовать, т. е. уединеніе.

Волосы мои, завязанные узломъ на манеръ прически Психеи, рыжѣе, чѣмъ когда-либо. Платье шерстяное, особеннаго бѣлаго цвѣта, очень граціознаго и идущаго ко мнѣ; на шеѣ кружевная косынка. Я похожа на одинъ изъ портретовъ первой имперіи: для дополненія картины нужно было бы только, чтобы я сидѣла подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ. Я люблю, уединившись передъ зеркаломъ, любоваться своими руками, такими бѣлыми, тонкими и только слегка розоватыми въ серединѣ.

Это, можетъ быть, глупо такъ хвастаться, но люди, которые пишутъ, всегда описываютъ свою героиню, а я сама своя героиня. Да и было бы странно унижать себя изъ ложной скромности. Вѣдь унижаютъ себя на словахъ только тогда, когда въ сущности вполнѣ увѣрены въ своей высотѣ. А въ моихъ писаніяхъ всякій увидитъ, что я говорю только правду, и еще подумаютъ, что я безобразна и глупа: это было бы нелѣпо.

Къ счастью или несчастью, но я вижу въ себѣ такое сокровище, котораго никто не достоинъ, и на тѣхъ, кто смѣетъ поднимать глаза на такое сокровище, я смотрю, какъ на людей едва достойныхъ жалости. Я вижу въ себѣ какое-то божество и не допускаю, чтобы такой человѣкъ, какъ Ж..., возымѣлъ идею мнѣ понравиться. Я едва, едва могла бы обращаться, какъ съ равнымъ, съ какимъ-нибудь королемъ. Я думаю, что это очень хорошо. Я смотрю на людей съ такой высоты, что кажусь имъ весьма милой, потому что нельзя даже презирать людей, которые находятся такъ низко. Я смотрю на нихъ, какъ заяцъ смотрѣлъ бы на мышей.

Понедѣльникъ, 2 августа. Послѣ цѣлаго дня бѣготни по магазинамъ, портнымъ и модисткамъ, прогулокъ и кокетства, я надѣваю пеньюаръ и читаю своего любезнаго друга Плутарха.

У меня гигантское воображенiе; я мечтаю о романическихъ приключенiяхъ прошедшихъ вѣковъ, не сомнѣваясь, притомъ, что я самая романтическая изъ женщинъ и что это очень вредно! Я очень легко прощаю себѣ мое обожанiе къ герцогу, потому что нахожу его достойнымъ меня во всѣхъ отношенiяхъ.

Вторникъ, 17 августа. Я видѣла во снѣ Фронду. Я только что поступила на службу къ Аннѣ Австрiйской, она остерегалась меня, и я проводила ее среди взбунтовавшагося народа, восклицая: «да здравствуетъ королева», а народъ кричалъ вокругъ меня: «да здравствуетъ королева!»

Среда, 18 августа. Мы проводимъ день въ восхищенiяхъ мною. Мама восхищается мной, княгиня Ж. восхищается мной; она постоянно говоритъ, что я похожа на маму или на ея дочь. Что же это самый большой комплиментъ, какой только могутъ сдѣлать! Ни о комъ не думаютъ лучше, чѣмъ о себѣ. Да и правда, — я красива. Въ Венецiи, въ большой залѣ герцогскаго палаццо живопись на потолкѣ Павла Веронезе изображаетъ Венеру въ образѣ высокой, свѣжей, бѣлокурой женщины; я напоминаю ее. Мои фотографическiе портреты никогда не передадутъ меня, въ нихъ недостаетъ красокъ, а моя свѣжесть, моя безподобная бѣлизна составляетъ мою главную красоту. Но стоитъ только привести меня въ дурное настроенiе, раздосадовать, чѣмъ-нибудь, стоитъ мнѣ устать, — прощай моя красота! Нельзя представить себѣ ничего бо-

лѣе непостояннаго. Но когда я счастлива, спокойна, — тогда только я очаровательна.

Когда я утомлена или разсержена, я вовсе не красавица, даже скорѣе безобразна. Я расцвѣтаю отъ счастья, какъ цвѣтокъ отъ солнца. Меня еще увидятъ, еще есть время — слава Богу! Я только начинаю дѣлаться тѣмъ, чѣмъ буду въ двадцать лѣтъ...

Я—какъ Агарь въ пустынѣ; я жду и жажду живой души.

Парижъ, вторникъ, 24 августа. Я надѣюсь вступить въ свѣтъ, въ свѣтъ, который я призываю къ себѣ всѣми фибрами души, стоя на колѣняхъ, потому что въ немъ моя жизнь, мое счастье. Я уже начинаю жить и стараюсь приводить въ исполненіе мои мечты — сдѣлаться знаменитой; меня знаютъ уже довольно многіе. Я смотрюсь въ зеркало и вижу, что я хорошенькая. Я — хорошенькая, чего мнѣ еще нужно! Развѣ я не могу сдѣлать все, обладая этимъ? Боже мой, давъ мнѣ эту бездѣлицу красоты (я говорю бездѣлицу — изъ скромности), Ты далъ мнѣ уже слишкомъ много! Я сознаю себя красивой, и мнѣ кажется, что все удастся мнѣ. Все улыбается мнѣ, и я чувствую себя счастливой, счастливой, счасливой!

Шумъ Парижа, этотъ громадный, какъ городъ, отель, со всѣмъ этимъ людомъ, вѣчно ходящимъ, говорящимъ, читающимъ, курящимъ, глазѣющимъ, — голова идетъ кругомъ! Я люблю Парижъ, и сердце мое бьется. Я хочу жить скорѣе, скорѣе, скорѣе... («Я никогда не видалъ такой лихорадочной жизни», сказалъ Д..., глядя на меня). Это правда, я боюсь только, что это желаніе жить на всѣхъ парахъ есть признакъ недолговѣчности. Кто знаетъ? Ну вотъ мнѣ становится грустно... Нѣтъ, не хочу грустить.

Воскресенье, 5 сентября. Въ Булонскомъ лѣсу встрѣчается столько жителей Ниццы, что на одинъ моментъ мнѣ показалось, что я въ Ниццѣ. Ницца такъ прекрасна въ сентябрѣ... Я вспоминаю о прошломъ годѣ: мои утреннія прогулки съ моими собаками. Небо такое ясное, серебристое море... Здѣсь нѣтъ ни утра, ни вечера. Утромъ—вездѣ выметаютъ, вечеромъ — эти безчисленные фонари просто раздражаютъ меня. Здѣсь я теряюсь, не умѣю различить утренней зари отъ вечерней. А

тамъ — такъ хорошо! Чувствуешь себя какъ въ гнѣздышкѣ, окруженномъ горами, — не слишкомъ высокими и не безплодными. Съ трехъ сторонъ — точно граціозная драпировка, а спереди—громадное окно, безконечный горизонтъ, вѣчно тотъ же и вѣчно новый. Я люблю Ниццу; Ницца — моя родина; въ Ниццѣ я выросла, Ницца дала мнѣ здоровье, свѣжія краски. Тамъ такъ хорошо! Просыпаешься съ зарей и видишь, какъ восходитъ солнце тамъ, налѣво, изъ-за горъ, которыя рѣзко выдѣляются на голубомъ серебристомъ небѣ, туманномъ и краткомъ, и задыхаешься отъ радости! Къ полудню солнце противъ меня. Становится жарко, но воздухъ не раскаленъ, тихій береговой вѣтерокъ всегда приноситъ прохладу. Все, кажется, заснуло. На бульварѣ ни души, развѣ какіе-нибудь два, три жителя Ниццы, задремавшіе на скамейкѣ. Тогда я дышу свободно и наслаждаюсь. Вечеромъ опять небо, море, горы. Но вечеромъ все кажется чернымъ или темно-синимъ. А когда свѣтитъ луна, по морю бѣжитъ точно громадная дорога или рыба съ алмазной чешуей; я остаюсь въ своей комнатѣ у окна, съ зеркаломъ и двумя свѣчами, — спокойно, одна, ничего мнѣ не нужно, и я благодарю Бога! О! нѣтъ! Никогда не поймутъ того, что я хочу высказать. Не поймутъ, потому что не испытали этого. Нѣтъ, это все не то: каждый разъ, когда я хочу выразить то, что чувствую, я прихожу въ отчаяніе!! Это точно кошмаръ, когда не хватитъ силъ вскрикнуть!

Впрочемъ, никакое описаніе не можетъ дать понятія о дѣйствительной жизни. Какъ передать эту свѣжесть, это благоуханіе воспоминанія? Можно выдумать то или другое, можно создать, но нельзя воспроизвести... Какъ бы живо ни чувствовалъ при описаніи, въ результатѣ получаются самыя обыкновенныя слова: лѣсъ, гора небо, луна; всѣ говорятъ то же самое. Да и къ чему все это? Какое до этого дѣло другимъ? Другіе никогда не поймутъ, потому что это они, а не я; я одна понимаю, потому что я вспоминаю. И потомъ люди не стоятъ того, чтобы мы старались передать имъ все это. Всякій чувствуетъ, какъ я, всякій за себя. Я хотѣла бы достигнуть того, чтобы другіе чувствовали то же, что я, за меня; но это невозможно: для этого нужно, чтобы они были **мной.**

Ахъ, дитя мое, оставь все это въ покоѣ, ты забираешься въ излишнія тонкости. Ты опять совсѣмъ обезумѣешь, какъ тогда съ своей «сущностью»... Вѣдь есть столько умныхъ лю-

дей... Ахъ, да нѣтъ! Я хотѣла сказать, что это ихъ дѣло разобраться въ этомъ... Нѣтъ, нѣтъ! Они могутъ создать что-нибудь, но разобрать, — нѣтъ, нѣтъ, сто тысячъ разъ нѣтъ! Во всемъ этомъ ясно только одно: что на меня нашла тоска по Ниццѣ.

Понедѣльникъ, 6 сентября. При всемъ моемъ изнеможеніи и ежеминутной ужасной тоскѣ, я не проклинаю жизни; напротивъ, я люблю ее и нахожу ее прекрасной. Повѣрять-ли мнѣ? Я нахожу **все** прекраснымъ и пріятнымъ, даже слезы, даже страданіе. Я люблю плакать, люблю приходить въ отчаяніе, люблю быть огорченной и печальной. Я смотрю на все это, какъ на развлеченіе, и люблю жизнь, несмотря ни на что. Я хочу жить. Было бы жестоко заставить меня умереть, когда я такъ нетребовательна. Я плачу, я жалуюсь, и въ то же время мнѣ это нравится... нѣтъ, не это... Я не знаю какъ выразить... Ну, словомъ, все въ жизни мнѣ нравится, все я нахожу пріятнымъ. И, желая счастья, я нахожу счастье даже въ несчастьѣ. То есть, собственно, это не **я** нахожу: тѣло мое плачетъ и кричитъ, но что-то, находящееся во мнѣ, но стоящее выше меня, радуется всему. Не то, чтобы я предпочитала слезы радости, нѣтъ, но я далека отъ того, чтобы проклинать жизнь въ минуты отчаянія, я благословляю ее и говорю: я несчастна, я жалуюсь, но я нахожу самую жизнь такой прекрасной, что все кажется мнѣ прекраснымъ и счастливымъ, и я хочу жить! Вѣроятно, этотъ «нѣкто», стоящій выше меня и радовавшійся даже слезамъ, покинулъ меня сегодня, потому что я чувствую себя очень несчастной.

Я еще никому не сдѣлала зла, а меня уже оскорбили, унизили, оклеветали! Какъ могу я любить людей! Я ненавижу ихъ, а Богъ запрещаетъ ненависть. Но Богъ покинулъ меня, Богъ испытываетъ меня. Но если Онъ спытываетъ меня, Онъ долженъ прекратить испытаніе. Онъ видитъ, какъ я принимаю это, Онъ видитъ, что я не скрываю скорби подъ подлымъ лицемѣріемъ, какъ этотъ плутъ Іовъ, который, разыгрывая комедію передъ Господомъ, хотѣлъ провести Его.

Одна вещь огорчаетъ меня больше всего. Это... не то, чтобы **разрушеніе** всѣхъ моихъ плановъ, нѣтъ, но **сожалѣніе о послѣдствіяхъ,** оставляемыхъ непріятностями. И не то, чтобы это было сожалѣніе за себя, но... я не знаю, поймутъ-ли меня: это сожалѣніе ощущается потому же, почему тяжело видѣть, какъ накопляются пятна на бѣломъ платьѣ, которое хотѣлось бы сохранить чистымъ.

При каждомъ маленькомъ огорченіи, сердце мое сжимается — не за меня, но отъ сожалѣнія, потому что каждое огорченіе — точно капля чернилъ, падающая въ стаканъ съ водой: оно никогда не изглаживается, а прибавляется ко всѣмъ предшествующимъ — дѣлаетъ стаканъ чистой воды сѣрой, черной, грязной. Сколько потомъ ни прибавляй воды, она все-таки останется грязной. Сердце мое сжимается, потому что это каждый разъ неизгладимое пятно на моей жизни, на моей душѣ. Не правда-ли? всегда ощущаешь глубокую грусть при видѣ непоправимой вещи, какъ бы незначительна она ни была.

Воскресенье, 12 сентября. (Путешествіе во Флоренцію). Вечеромъ мы уже во Флоренціи. Городъ кажется мнѣ посредственнымъ, но оживленіе большое. На всѣхъ углахъ продаютъ арбузы цѣлыми грудами. Эти арбузы, красные и свѣжіе, очень соблазняютъ меня. Окно наше выходитъ на площадь и на Арно. Я велю принести себѣ программу празднествъ: первый день уже былъ сегодня. Я думала, что мой двоюродный братецъ Викторъ-Эммануилъ сумѣетъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, представляющимся ему: столѣтіе Микель-Анджело Буанароти! Въ твое царствованіе! И ты не созываешь всѣхъ монарховъ, не задаешь имъ празднествъ, какихъ бы еще никто не видывалъ! Не поднимаешь никакого шума!!! О, король, твой сынъ, твой внукъ и твои правнуки будутъ царствовать и не будутъ имѣть этого случая, о, безчувственная душа! Король безъ честолюбія, безъ самолюбія! Предполагается много различныхъ собраній, концертовъ, иллюминація, балъ въ казино, прежнемъ дворцѣ Боргезе... но ни одного государя! Ничего, какъ я люблю! Ничего, какъ мнѣ хотѣлось бы!..

Понедѣльникъ, 13 сентября. Ну, я нѣсколько собираюсь съ мыслями. Чѣмъ больше у меня есть чего разсказать, тѣмъ

меньше я пишу... Это потому, что я нетерпѣлива, слишкомъ возбуждена, когда мнѣ надо много сказать.

Мы объѣзжаемъ городъ въ ландо, въ полномъ туалетѣ. Ахъ, какъ я люблю эти мрачныя дома, эти портики, эти колонны, эту массивную, величественную архитектуру! Стыдитесь архитекторы французскіе, русскіе, англійскіе, спрячьтесь отъ стыда подъ землю. Обратитесь, провалитесь сквозь землю парижскіе дворы! Не Луврь, — онъ безукоризненъ, — но все остальное. Никогда больше не достигнуть этого чуднаго великолѣпія итальянцевъ. Я гляжу во всѣ глаза на громадные камни палаццо Питти! Городъ грязенъ, чуть не въ лохмотьяхъ, но сколько въ немъ красоты! О, страна Данте, Медичи, Саванаролы! Какъ ты полна чудныхъ воспоминаній для тѣхъ, кто думаетъ, чувствуетъ, понимаетъ! Сколько дивныхъ твореній! Сколько развалинъ! О, негодный король! О, если бы я была королевой!..

Я обожаю живопись, скульптуру, искусство, гдѣ бы оно ни проявлялось. Я могла бы проводить цѣлые дни въ этихъ галлереяхъ; но тетя нездорова, едва можетъ ходить со мной, и я жертвую этимъ. Впрочемъ, жизнь для меня еще впереди, еще будетъ время увидѣть.

Въ плаццо Питти я не нахожу ни одного костюма, достойнаго подражанія, но какая красота, какая живопись!..

Признаться ли? я не смѣю... Всѣ будутъ кричать: караулъ! караулъ! Ну-ка, признавайся!.. Дѣло въ томъ, что «сидящая Богородица» Рафаэля мнѣ не нравится. Лицо Богородицы блѣдно, цвѣтъ лица какой-то неестественный, выраженіе — подходящее скорѣе какой-нибудь горничной, чѣмъ Святой Дѣвѣ, матери Христа... Но зато тамъ есть «Магдалина» Тиціана, которая привела меня въ восторгъ. Только... всегда есть какое-нибудь «только» — у ней полныя, слишкомъ пухлыя руки: прекрасныя руки для пятидесятилѣтней женщины. Есть также нѣкоторыя вещи Рубенса, Ванъ-Дика, очаровательныя. «Ложь» Сальватора Розы очень хороша, очень правдива. Я сужу не въ качествѣ знатока; мнѣ нравится то, что всего правдивѣе, что ближе къ природѣ. Да и не состоитъ-ли въ этомъ подражаніи природѣ самая цѣль живописи.

Я очень люблю полную и свѣжую фигуру жены Павла

Веронезе, имъ написанную. Я люблю этотъ жанръ его живописи. Я обожаю Тиціана, Ванъ-Дика; но этотъ несчастный Рафаэль! Только не узналъ бы кто-нибудь, что я пишу! Меня приняли бы за дуру. Я не критикую Рафаэля, я не понимаю его; со временемъ я, конечно, пойму его красоты. Однако портретъ папы Льва — не помню котораго — X, кажется, — просто удивителенъ.

«Святая Дѣва съ младенцемъ Христомъ» Мурильо также привлекала мое вниманіе: это — свѣжо, естественно.

Къ моему великому удовольствію оказалось, что картинная галлерея меньше, чѣмъ я думала. Это убійственно, когда галлереи безконечны, какъ лабиринтъ, и при томъ иногда еще болѣе ужасные, чѣмъ на Критѣ.

Я провела во дворцѣ два часа, не садясь ни на минуту, и не устала!.. Вещи, которыя я люблю, не утомляютъ меня. Когда приходится смотрѣть картины и особенно статуи — я точно изъ желѣза. А если-бъ меня заставили ходить по магазинамъ Лувра или «Bon Marché», даже Ворта, — да я бы черезъ три четверти часа расплакалась.

Ни одно путешествіе еще не доставляло мнѣ такого удовлетворенія, какъ это; наконецъ-то я нахожу вещи, достойныя осмотра. Я обожаю эти мрачные дворцы Строцци. Я обожаю эти громадныя двери, эти великолѣпные дворы, галлереи, колонны. Это такъ величественно, мощно, прекрасно!.. Ахъ, міръ вырождается; хотѣлось бы сравнять съ землей современныя постройки, когда сравниваешь ихъ съ этими гигантскими камнями, нагроможденными другъ на друга и высящимися до небесъ. Приходится проходить подъ мостиками, соединяющими дворцы на страшной, невѣроятной высотѣ...

Ну, дитя мое, умѣрь свои выраженія; что же скажешь ты послѣ этого о Римѣ?

1875.

Ницца, четвергъ, 30 сентября. Я спускаюсь въ свою лабораторію и, — о ужасъ! — всѣ мои склянки, баллоны, всѣ мои соли, всѣ мои кристаллы, всѣ мои кислоты, всѣ мои трубочки откупорены и свалены въ грязный ящикъ въ ужаснѣй-

шемъ безпорядкѣ. Я прихожу въ такую ярость, что сажусь на полъ и начинаю окончательно разбивать вещи, попорченныя только на половину. То, что уцѣлѣло, я не трогаю, — я никогда не забываюсь.

— А! Вы думали, что Мари уѣхала, такъ ужъ она и умерла! Можно все перебить, все разбросать! кричала я, разбивая склянки.

Тетя сначала молчала, потомъ сказала:

— Что это? Развѣ это барышня! Это какое-то страшилище, ужасъ что такое!

И среди моей злобы я не могу удержаться отъ улыбки. Потому что въ сущности — все это дѣло внѣшнее, не затрогивающее глубины моей души, а въ эту минуту, къ счастью, я заглядываю въ эту глубину, и совершенно успокоиваюсь и смотрю на все это такъ, какъ будто бы это касалось не меня, а кого-нибудь другого.

Пятница, 1 октября. Богъ не исполняетъ того, о чемъ я молюсь, и я покоряюсь (нѣтъ, вовсе нѣтъ, я жду). Ахъ, какъ это скучно ждать и не быть въ состоянiи сдѣлать что бы то ни было, какъ только ждать. Всѣ эти непрiятности и затрудненiя окружающей жизни губятъ женщину.

«Если бы человѣкъ тотчасъ же по рожденiи въ своихъ первыхъ движенiяхъ не встрѣчалъ затрудненiй въ своемъ соприкосновенiи съ окружающей средой, онъ не могъ бы въ конць-концовъ отличить себя отъ внѣшняго мiра, считалъ бы, что этотъ мiръ — есть часть его самаго, его тѣла; и по мѣрѣ своего соприкосновенiя со всѣмъ — жестомъ или шагами, онъ только убѣждался бы, что **все** находится отъ него въ зависимости и есть просто протяженiе его личнаго существа, и сказалъ бы: — Вселенная это я».

Вы, конечно, вполнѣ въ правѣ утверждать, что это слишкомъ хорошо сказано, чтобы принадлежать мнѣ; да я и не подумаю приписывать это себѣ. Это сказалъ философъ, а я только повторяю. Такъ вотъ — **такъ** я мечтала жить, но соприкосновенiе съ окружающими вещами надѣлало мнѣ синяковъ, и это ужасно сердитъ меня.

Безпорядокъ въ домѣ очень огорчаетъ меня; всѣ эти мелочи въ службѣ, комнаты безъ мебели, этотъ видъ какого-то запустѣнiя, нищенства надрываетъ мнѣ сердце. Господи,

сжалься надо мной, помоги мнѣ устроить все это! Я одна. Для тети все равно: хоть домъ обрушься, хоть садъ весь высохни!.. Не говорю уже о мелочахъ... А я, — всѣ эти мелочи недосмотра раздражаютъ меня, портятъ мнѣ характеръ. Когда все кругомъ меня прекрасно, удобно и богато, я добра, весела, и все хорошо. Но это разореніе и запустѣніе заставляютъ меня отъ всего приходить въ отчаяніе, вездѣ видѣть эту пустоту. Ласточка вьетъ гнѣздо свое, левъ устраиваетъ свою нору, какъ же это человѣкъ, стоящій такъ высоко сравнительно съ животными, не хочетъ ничего дѣлать?

Если я говорю: «стоящій такъ высоко»..., это вовсе не означаетъ, что я его уважаю, нѣтъ. Я глубоко презираю родъ людской—и по убѣжденію. Я не жду отъ него ничего хорошаго. Я не нахожу того, чего ищу въ немъ, что надѣюсь встрѣтить — доброй, совершенной души. Добрые — глупы, умные — или хитры, или слишкомъ заняты своимъ умомъ, чтобы быть добрыми. И потомъ — всякое созданіе въ сущности эгоистично. А поищите-ка доброты у эгоиста. Выгода, хитрость, интрига, зависть!! Блаженны тѣ, у кого есть честолюбіе, — это благородная страсть; изъ самолюбія и честолюбія стараешься быть добрымъ передъ другими, хоть на минуту, и это все-таки лучше, чѣмъ не быть добрымъ никогда.

Ну-съ, дочь моя, исчерпали вы свою мудрость? Для настоящаго времени, да. По крайней мѣрѣ такъ у меня будетъ меньше разочарованій!.. Никакая подлость не огорчитъ меня, никакая низость не удивитъ меня. Конечно, настанетъ день, когда мнѣ покажется, что я нашла человѣка, но въ этотъ день я обману себя безобразнѣйшимъ образомъ. Я отлично предвижу этотъ день. Я буду ослѣплена, и говорю это теперь, когда вижу такъ ясно... Но тогда зачѣмъ жить, если **все** въ этомъ мірѣ низость и злодѣйство?.. Зачѣмъ? Потому что я **понимаю,** что это такъ. Потому что,—что ни говори,—жизнь прекрасна. И потому что, не слишкомъ углубляясь, можно жить счастливо. Не разсчитывать ни на дружбу, ни на благородство, ни на вѣрность, ни на честность; смѣло подняться выше человѣческаго ничтожества и занять положеніе между людьми и Богомъ. Брать отъ жизни все, что можно, не дѣлать зла своимъ ближнимъ; не упускать ни одной минуты удовольствія, обставить свою жизнь удобно, блестяще и великолѣпно; главное подняться какъ можно выше надъ другими; быть мо-

гущественнымъ! Да, могущественнымъ! могущественнымъ! Во что бы то ни стало!.. тогда тебя боятся и уважаютъ. Тогда чувствуешь себя сильнымъ, и это верхъ человѣческаго блаженства, потому что тогда люди обузданы или своей подлостью, или чѣмъ-то другимъ, и не кусаютъ тебя.

Не странно-ли видѣть меня, разсуждающей такимъ образомъ? Да, но эти разсужденія въ устахъ такого щенка, какъ я, — только лишнее доказательство, чего стоитъ міръ!.. Онъ долженъ быть хорошо пропитанъ грязью и злобой, чтобы въ такой короткій срокъ до такой степени озлобить меня. Мнѣ едва пятнадцать лѣтъ.

И это доказываетъ явное милосердіе Божіе, потому что, когда я вполнѣ постигну всѣ безобразія міра, я увижу, что только и есть **Онъ,** тамъ, на верху, на небѣ, **я** внизу, на землѣ. Это убѣжденіе дастъ мнѣ величайшую силу. Если я коснусь окружающей пошлости, то только для того, чтобы подняться, и я буду счастлива, когда не буду принимать къ сердцу всѣ эти мелочи, вокругъ которыхъ люди вертятся, борятся, грызутся, рвутъ другъ друга на части какъ голодныя собаки.

Но все это **слова!..** Куда же я поднимусь? И какъ? О пустыя бредни!..

Я все поднимаюсь, все поднимаюсь мысленно, душа моя расширяется, я чувствую себя способной на громадныя вещи, но къ чему все это служитъ? Я живу въ темномъ углу, и никто не знаетъ меня!

И вотъ я уже начинаю сожалѣть своихъ ближнихъ! Да я и никогда не пренебрегала ими, напротивъ, я ищу ихъ; безъ нихъ нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ. Только, — только я цѣню ихъ на столько, на сколько они стоятъ, и хочу этимъ воспользоваться.

Толпа, — въ ней все. Что мнѣ нѣсколько выдающихся существъ, мнѣ нужны **всѣ,** мнѣ нужно блеска, шума.

Когда я думаю, что... Возвратимся къ этому вѣчному, скучному, но необходимому, слову: подождемъ!.. О, если-бъ кто-нибудь зналъ, чего мнѣ стоитъ ждать!

Но я люблю жизнь, люблю ея горести и радости. Люблю Бога, и весь его міръ, со всѣми его дурными сторонами, несмотря на всѣ эти дурныя стороны и можетъ быть даже вслѣдствіе нихъ.

Почему это никогда нельзя говорить безъ преувеличеній? Мои черныя размышленія были бы справедливы, если бы были нѣсколько спокойнѣе; ихъ неистовая форма лишаетъ ихъ естественности.

Есть черствыя души, но есть и прекрасные поступки и честныя души, но все это порывами и такъ рѣдко, что нельзя смѣшивать ихъ съ остальнымъ міромъ.

Скажутъ, пожалуй, что я говорю все это, потому что у меня какія-нибудь непріятности; нѣтъ, — у меня только мои обычныя непріятности и ничего особеннаго. Не ищите ничего такого, что не находилось бы въ этомъ журналѣ, я добросовѣстна и никогда не прохожу молчаніемъ ни какой-нибудь мысли, ни сомнѣнія. Я воспроизвожу себя такъ точно, какъ только позволяетъ мнѣ мой бѣдный умъ. А если мнѣ не вѣрятъ, если ищутъ чего-нибудь сверхъ того или подъ тѣмъ, что я говорю, тѣмъ хуже! Ничего не увидятъ, потому что ничего и нѣтъ.

Суббота, 9 октября. Если бы я родилась принцессой Бурбонской, какъ madame de Longueville, если бы мнѣ прислуживали графы, если бы родственниками и друзьями моими были короли, если бы съ самаго своего рожденія я только и встрѣчала, что преклоненныя головы заискивающихъ придворныхъ, если бы я ходила только по коврамъ, украшеннымъ гербами, и спала подъ королевскими балдахинами, если бы у меня былъ цѣлый рядъ предковъ одинъ славнѣе другого; — если бы у меня было все это, я не могла бы быть ни болѣе гордой, ни болѣе надменной, чѣмъ теперь, О, Боже мой, какъ я благодарю Тебя! Эти мысли, которыя Ты посылаешь мнѣ, помогутъ мнѣ устоять на вѣрномъ пути и не дозволятъ мнѣ ни на минуту упустить изъ глазъ блестящую звѣзду, къ которой я иду.

Мнѣ кажется, что въ эту минуту я вовсе не иду. Но я пойду — изъ-за такихъ пустяковъ не говорятъ такой прекрасной фразы...

О, какъ я устала отъ этой неизвѣстности. Я чахну отъ этого бездѣйствія, я покрываюсь плѣсенью въ этихъ потемкахъ! Солнца, солнца, солнца!..

Но съ какой стороны придетъ оно? Когда? Гдѣ? Какъ? Я ничего не хочу знать, только бы оно пришло!

Въ моментъ моей маніи величія всѣ предметы кажутся мнѣ недостойными прикосновенія, перо мое отказывается пи-

сать обыденныя имена. Я смотрю съ сверхъестественнымъ пренебреженіемъ на все, что окружаетъ меня, а потомъ говорю себѣ со вздохомъ: ну, подбодрись, — это время только переходъ, ведущій меня куда-то, гдѣ мнѣ будетъ хорошо.

Пятница, 15 октября. Тетя пошла купить фруктовъ около церкви Св. Репарата, я была съ ней.

Женщины тотчасъ же окружили меня. Я спѣла вполголоса Rossingno che volla. Это привело ихъ въ восторгъ, и даже самыя старыя принялись плясать; я сказала, что могла, на ниццарскомъ нарѣчіи. Словомъ — народное торжество. — Торговка яблоками сдѣлала мнѣ реверансъ, восклицая: Che bella regina!

Я не знаю, почему это простые люди любятъ меня, я и сама чувствую себя хорошо среди нихъ; я воображаю себя царицей, я говорю съ ними съ **благоволѣніемъ** и ухожу послѣ маленькой оваціи, какъ сегодня. Если бы я была королевой, народъ обожалъ бы меня.

Понедѣльникъ, 27 декабря. Я видѣла странный сонъ. Я летала высоко-высоко надъ землей. Въ рукѣ я держала лиру, струны которой ежеминутно обрывались, и я не могла извлечь изъ нея ни одного аккорда. Я поднималась все выше и выше, предо мной открывались громадные горизонты — какія-то облака—голубыя, желтыя, красныя, смѣшанныя, золотистыя, серебристыя, разорванныя, странныя; потомъ все становилось сѣрымъ, потомъ снова ослѣпительно сверкало; и я все поднималась, пока не достигла, наконецъ, такой высоты, что духъ захватывало. Но я не боялась. Облака казались внизу застывшими, сѣроватыми и блестящими какъ свинецъ. Все стало какъ-то неопредѣленно; я держала въ рукѣ свою лиру, съ слабо-натянутыми струнами, а вдали, подъ моими ногами, виднѣлся красноватый шаръ — земля.

Вся моя жизнь въ этомъ журналѣ; мои наиболѣе спокойныя минуты — когда я пишу. Это можетъ быть мои единственныя спокойныя минуты.

Если я умру скоро, я все сожгу, но если я не умру, доживъ до старости, всѣ прочтутъ этотъ журналъ. Я думаю, что еще не существуетъ такой фотографіи,—если можно такъ выразиться — цѣлой жизни женщины, всѣхъ ея мыслей, всего, всего. Это будетъ интересно. Если я умру молодой, скоро, и — по несчастью — не успѣю сжечь этого журнала, скажутъ про

меня: «бѣдное дитя! Она любила, и отсюда все ея отчаяніе!» Пусть говорятъ, я не буду доказывать противнаго, потому что чѣмъ больше я буду говорить, тѣмъ меньше мнѣ повѣрятъ.

Можетъ-ли быть что-нибудь болѣе плоское, болѣе подлое, болѣе презрѣнное, чѣмъ родъ людской? Ничего! Ничего! Родъ человѣческій былъ созданъ къ погибели... ну, да, я хотѣла сказать — къ погибели рода человѣческаго.

Уже три часа утра, а, какъ говоритъ тетя, я ничего не выиграю, проводя безсонныя ночи. О, какое нетерпѣніе. Мое время придетъ, я охотно вѣрю этому, — а что-то все шепчетъ мнѣ, что оно никогда не придетъ, что всю мою жизнь я буду только ждать... вѣчно ждать. Все ждать... ждать!

Я такъ сержусь; я не плакала, не ложилась на полъ. Я спокойна. Это плохой знакъ; ужъ лучше, когда приходишь въ бѣшенство...

Вторникъ, 28 декабря. Мнѣ холодно, губы мои горятъ. Я отлично знаю, что это недостойно сильнаго ума такъ предаваться мелочнымъ огорченіямъ, грызть себѣ пальцы изъ-за пренебреженія такого города, какъ Ницца *); но покачать головой, презрительно улыбнуться и больше не думать объ этомъ — это было бы слишкомъ. Плакать и бѣситься доставляетъ мнѣ больше удовольствія. Я дошла до такого нервнаго возбужденія, что любой отрывокъ музыкальной пьесы, если только это не галопъ, заставляетъ меня плакать. Въ каждой оперѣ я усматриваю себя, самыя обыкновенныя слова поражаютъ меня прямо въ сердце.

Подобное состояніе дѣлало бы честь женщинѣ въ тридцать лѣтъ. Но въ пятнадцать лѣтъ говорить о нервахъ, плакать, какъ дура, отъ каждой глупой сентиментальной фразы!

Только-что я опять упала на колѣни, рыдая и умоляя Бога, протянувъ руки и устремивъ глаза впередъ, какъ будто бы Богъ былъ здѣсь, въ моей комнатѣ.

Повидимому, Богъ и не слышитъ меня, а между тѣмъ я кричу довольно громко. Кажется я говорю дерзости Богу.

Въ эту минуту я въ такомъ отчаяніи, чувствую себя такой несчастной, что ничего не желаю! Если бы все враждебное об-

---

*) Намекъ на грязную сплетню, распространившуюся въ Ниццѣ о семействѣ Башкирцевыхъ. *Прим. пер.*

щество Ниццы пришло и стало передо мной на колѣни, я бы не двинулась!

Да, да, я бы дала ему пинка ногою!.. Потому что въ самомъ дѣлѣ, что мы ему сдѣлали?

Боже мой, неужели вся моя жизнь будетъ такова?

Я хотѣла бы обладать талантомъ всѣхъ авторовъ, вмѣстѣ взятыхъ, чтобы выразить всю бездну моего отчаянія, моего оскорбленнаго самолюбія, всѣхъ моихъ неудовлетворенныхъ желаній.

Стоитъ только мнѣ пожелать — чтобы ужъ ничто не исполнилось!..

Найду-ли я когда-нибудь какую-нибудь собачонку на улицѣ, голодную и избитую уличными мальчишками, какую-нибудь лошадь, которая съ утра до вечера возитъ невѣроятныя тяжести, какого-нибудь осла на мельницѣ, какую-нибудь церковную крысу, учителя математики безъ уроковъ, разстриженнаго священника, какого-нибудь дьявола, достаточно раздавленнаго, жалкаго, грустнаго, униженнаго, забитаго, — чтобъ сравнить его съ собой?

Что ужасно во мнѣ, такъ это то, что пережитыя униженія не скользятъ по моему сердцу, но оставляютъ въ немъ свой мерзкій слѣдъ!

Никогда вы не поймете моего положенія, никогда вы не составите понятія о моемъ существованіи. Вы засмѣетесь... смѣйтесь, смѣйтесь! Но можетъ быть найдется хоть кто-нибудь, кто будетъ плакать. Боже мой, сжалься надо мной, услышь мой голосъ; клянусь Тебѣ, что я вѣрую въ Тебя.

Такая жизнь, какъ моя, съ такимъ характеромъ, какъ мой характеръ!!!

1876.

Римъ, суббота, 1 января. О Ницца, Ницца, есть-ли въ мірѣ другой такой чудный городъ послѣ Парижа? Парижъ и Ницца, Ницца и Парижъ! Франція, одна только Франція! Жить только во Франціи...

Дѣло идетъ объ ученьѣ, потому что вѣдь для этого я и пріѣхала въ Римъ. Римъ вовсе не производитъ на меня впечатлѣнія Рима.

Да неужели это Римъ? Можетъ быть я ошиблась. Возможно-ли жить гдѣ-нибудь, кромѣ Ниццы? Объѣхать различные города, осмотрѣть ихъ — да, но поселиться здѣсь!..

Впрочемъ, я привыкну.

Здѣсь я — точно какое-нибудь бѣдное пересаженное растеніе. Я смотрю въ окно и, вмѣсто Средиземнаго моря, вижу какіе-то грязные дома; хочу посмотрѣть въ другое окно и, вмѣсто замка, вижу коридоръ гостиницы. Вмѣсто часовъ въ башнѣ бьютъ стѣнные часы гостиницы.

Это гадко — заводить привычки и ненавидѣть перемѣну.

Среда, 5 января. Я видѣла фасадъ собора святого Петра. Онъ чудно хорошъ; это привело въ восторгъ мое сердце, особенно лѣвая колоннада, потому что ни одинъ домъ ея не загораживаетъ, и эти колонны на фонѣ неба производятъ удивительное впечатлѣніе. Кажется, что переносишься въ древнюю Грецію.

Мостъ и крѣпость св. Ангела тоже въ моемъ вкусѣ.

Это величественно, прекрасно.

А Колизей?

Но что мнѣ сказать о немъ послѣ Байрона.

Понедѣльникъ, 10 января. Наконецъ мы идемъ въ Ватиканъ. Я еще никогда не видѣла вблизи «сильныхъ міра сего» и не имѣла никакого понятія, какъ къ нимъ приступаютъ, тѣмъ не менѣе мое чутье говорило мнѣ, что мы поступали не такъ, какъ было нужно. Подумайте, вѣдь кардиналъ Антонелли — папа на дѣлѣ, если не по имени, — пружина, заставлявшая двигаться всю папскую машину.

Мы подходимъ съ очаровательнѣйшимъ довѣріемъ подъ правую колоннаду, я проталкиваюсь, не безъ труда, сквозь окружающую насъ толпу проводниковъ и внизу, у лѣстницы, обращаюсь къ первопопавшемуся солдату и спрашиваю у него, гдѣ его преосвященство. Солдатъ этотъ отсылаетъ меня къ начальнику, который даетъ мнѣ довольно смѣшно одѣтаго солдата, и онъ ведетъ насъ черезъ четыре огромныхъ лѣстницы изъ разноцвѣтнаго мрамора, и мы выходимъ, наконецъ, на четыреугольный дворъ, который, вслѣдствіе неожиданности, сильно поражаетъ меня. Я не предполагала ничего подобнаго внутри какого бы то ни было дворца, хотя и знала по описаніямъ, что такое Ватиканъ.

Послѣ того, какъ я видѣла эту громаду, я не хотѣла бы уничтоженія папъ. Они велики уже тѣмъ, что создали нѣчто столь величественное, и достойны уваженія за то, что употребили свою жизнь, могущество и золото, чтобы оставить потомству этотъ могучій колоссъ, называемый Ватиканомъ.

Въ этомъ дворѣ мы находимъ обыкновенныхъ солдатъ, и солдата и двухъ сторожей, одѣтыхъ, какъ карточные валеты. Я еще разъ спрашиваю его преосвященство. Офицеръ вѣжливо проситъ меня дать свое имя, я пишу, карточку уносятъ, и мы ждемъ. Я жду, удивляясь нашей дикой выходкѣ.

Офицеръ говоритъ мнѣ, что мы дурно выбрали время, что кардиналъ обѣдаетъ, и, очень вѣроятно, не будетъ въ состояніи принять кого бы то ни было. Дѣйствительно, человѣкъ возвращается и говоритъ намъ, что его преосвященство только-что удалился въ свои покои и не можетъ принять, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ; но что, если мы будемъ такъ любезны и потрудимся оставить свою карточку внизу и придти «завтра утромъ», онъ, вѣроятно, приметъ насъ.

И мы уходимъ, посмѣиваясь надъ нашимъ маленькимъ визитомъ кардиналу Антонелли.

Пятница, 14 января. Въ одиннадцать часовъ пришелъ К..., молодой полякъ, мой учитель живописи, и привелъ съ собой натурщика, лицо котораго вполнѣ подходило бы для Христа, если нѣсколько смягчить линіи и оттѣнки. У этого несчастнаго только одна нога; онъ позируетъ только для головы. К... сказалъ мнѣ, что онъ бралъ его всегда для своихъ Христовъ.

Я должна признаться, что нѣсколько оробѣла, когда онъ сказалъ, чтобы я прямо рисовала съ натуры, такъ, вдругъ, безъ всякаго приготовленія; я взяла уголь и смѣло набросала контуры. «Хорошо, сказалъ учитель; теперь сдѣлайте то же самое кистью». Я взяла кисть и сдѣлала, что онъ сказалъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ еще разъ, — теперь пишите.

И я стала писать, и черезъ полтора часа все было готово.

Мой несчастный натурщикъ не двигался, а я не вѣрила глазамъ своимъ. Съ Бенза мнѣ нужно было два-три урока для контура и еще при копировкѣ какого-нибудь холста, тогда какъ здѣсь все было сдѣлано въ одинъ разъ — и съ натуры

— контуръ, краски, фонъ. Я довольна собой, и если говорю это, значитъ ужъ заслужила. Я строга, и мнѣ трудно удовлетвориться чѣмъ-нибудь, особенно самой собою.

Ничто не пропадаетъ въ этомъ мірѣ. Куда же пойдетъ моя любовь? Каждая тварь, каждый человѣкъ имѣетъ одинаковую долю этого «эфира», заключеннаго въ немъ. Только, смотря по свойствамъ человѣка, его характеру и его обстоятельствамъ, кажется, что онъ обладаетъ ею въ большей или меньшей степени. Каждый человѣкъ любитъ **постоянно,** но только любовь эта обращается на разные предметы, а когда кажется, что онъ вовсе не любитъ, «эфиръ» этотъ изливается на Бога, или на природу, въ словахъ, или письменно, или просто во вздохахъ и мысляхъ.

Затѣмъ есть существа, которыя пьютъ, ѣдятъ, смѣются и ничего больше не дѣлаютъ; у нихъ этотъ «эфиръ» или совсѣмъ заглушенъ животными инстинктами, или расходится на всѣ предметы и на всѣхъ людей вообще, безъ различія, и это-то тѣ люди, которыхъ обыкновенно называютъ добродушными и которые вообще не умѣютъ любить.

Есть также люди, которые, какъ говорятъ въ общежитіи, никого не любятъ. Это не точно; они все-таки любятъ когонибудь, но только особеннымъ, не похожимъ на другихъ, способомъ. Но есть еще несчастные, которые дѣйствительно не любятъ, потому что они любили и больше не любятъ. И опять вздоръ! Говорятъ, они не любятъ, — хорошо. Но почему же тогда они страдаютъ? Потому что они все-таки любятъ, а думаютъ, что разлюбили, — или изъ-за неудачной любви, или изъ-за потери дорогой личности.

У меня еще болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, эфиръ даетъ себя чувствовать и проявляется безпрестанно; если бы мнѣ нужно было замкнуть его въ себѣ, мнѣ пришлось бы разорваться.

Я изливаю его, какъ благодѣтельный дождь, на негодный, красный гераніумъ, который даже и не подозрѣваетъ этого... Это одна изъ моихъ причудъ. Мнѣ такъ нравится, и я воображаю бездну разныхъ вещей и привыкаю думать о немъ, а, разъ привыкнувъ, отвыкаю съ трудомъ.

Четвергъ, 20 января. Сегодня Фачіо заставилъ меня пропѣть всѣ мои ноты: у меня три октавы безъ двухъ нотъ.

Онъ былъ изумленъ. Что до меня — я просто не чувствую себя отъ радости. Мой голосъ, — мое сокровище! Моя мечта — выступить со славой на сценѣ. Это въ моихъ глазахъ такъ же прекрасно, какъ сдѣлаться принцессой. Мы были въ мастерской Монтеверде, потомъ въ мастерской маркиза д'Эпине, къ которому у насъ было письмо. Д'Эпине дѣлаетъ очаровательныя статуи; онъ показалъ мнѣ свои этюды, всѣ свои наброски. Madame M. говорила ему о Маріи, какъ о существѣ необыкновенномъ, какъ о художницѣ. Мы любуемся и просимъ его сдѣлать мою статую. Это будетъ стоить двадцать тысячъ франковъ. Это дорого, но зато прекрасно. Я сказала ему, что очень люблю себя. Онъ сравниваетъ мою ногу съ ногой статуи — моя меньше; д'Эпине восклицаетъ, что это Сандрильона.

Онъ чудно одѣвается и причесываетъ свои статуи. Я горю нетерпѣніемъ видѣть свою статую.

Боже мой, услышь меня! Сохрани мой голосъ; если я все потеряла, мнѣ останется мой голосъ. Господи, будь такъ же добръ ко мнѣ, какъ до сихъ поръ, сдѣлай такъ, чтобы я не умерла отъ досады и тоски. Мнѣ такъ хочется выѣзжать въ свѣтъ! Время идетъ, а я не подвигаюсь, я пригвождена къ моему мѣсту, я, которая хотѣла бы жить, жить, летѣть, жить на всѣхъ парахъ, я горю и захлебываюсь отъ нетерпѣнія.

«Я никогда не видалъ такой лихорадочной жизни», говорилъ мнѣ Дорія.

Если вы меня знаете, вы представите себѣ мое нетерпѣніе, мою тоску!

Суббота, 22 января. Дину причесываетъ парикмахеръ; меня тоже; но это глупое животное причесываетъ меня безобразнѣйшимъ образомъ. Въ десять минутъ я все передѣлываю, и мы отправляемся въ Ватиканъ. Я никогда не видѣла ничего, что можно было бы сравнить съ лѣстницами и комнатами, черезъ которыя мы проходимъ. Какъ у святого Петра, я нахожу все безупречнымъ. Слуга, одѣтый въ красное дама́, проводитъ насъ черезъ длинную галлерею, украшенную чудной живописью, съ бронзовыми медальонами и камеями по стѣнамъ. Направо и налѣво довольно жесткіе стулья, а въ глубинѣ бюстъ Пія IX, у подножія котораго стоитъ прекрасное золоченое кресло, обитое краснымъ бархатомъ. Назначенное

время было безъ четверти двѣнадцать, но только въ часъ портьера отдергивается, и, предшествуемый нѣсколькими тѣлохранителями, офицерами, въ формѣ и окруженный нѣсколькими кардиналами, появляется святой отецъ, одѣтый въ бѣлое, въ красной мантіи, опираясь на посохъ съ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

Я хорошо знала его по портретамъ, но въ дѣйствительности онъ гораздо старше, такъ что нижняя губа его виситъ, какъ у старой собаки.

Всѣ стали на колѣни. Папа подошелъ прежде всего къ намъ и спросилъ, кто мы; одинъ изъ кардиналовъ читалъ и докладывалъ ему имена допущенныхъ къ аудіенціи.

— Русскіе? Значитъ изъ Петербурга?

— Нѣтъ, святой отецъ, — сказала мама, — изъ Малороссіи.

— Это ваши барышни? — спросилъ онъ.

— Да, святой отецъ.

Мы стояли направо; находившіеся съ лѣвой стороны стояли на колѣняхъ.

— Встаньте, встаньте, — сказалъ святой отецъ. Дина хотѣла встать.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ— это относится къ тѣмъ, которые налѣво, вы можете остаться.

И онъ положилъ руку ей на голову такъ, что нагнулъ ее очень низко. Потомъ онъ далъ намъ поцѣловать свою руку и прошелъ къ другимъ, каждому обращая по нѣсколько словъ. Когда онъ прошелъ налѣво, мы должны были въ свою очередь подняться. Потомъ онъ сталъ въ серединѣ, и тогда снова всѣ должны были стать на колѣни, и онъ сказалъ намъ маленькую рѣчь на очень дурномъ французскомъ языкѣ, сравнивая просьбы объ индульгенціяхъ по случаю приближенія юбилея, съ раскаяніемъ, которое наступаетъ въ моментъ смерти, и говоря, что нужно снискивать царствіе небесное постепенно, каждый день дѣлая что-нибудь пріятное Богу.

— Нужо постепенно пріобрѣтать себѣ отечество, — сказалъ онъ,—но отечество это—не Лондонъ, не Петербугъ, не Парижъ, а царствіе небесное! — Не нужно откладывать до послѣдняго дня своей жизни, нужно думать объ этомъ ежедневно, и не дѣлать, какъ при второмъ пришествіи. *Non e vero?* прибавилъ онъ по-итальянски, оборачиваясь къ одному

изъ своей свиты, *anché il cardinale...* (имя ускользнуло отъ меня) *lo sá.*

Кардиналъ засмѣялся, также и всѣ остальные: это должно было имѣть для нихъ особенный смыслъ, и святой отецъ ушелъ, улыбаясь и очень довольный, послѣ того, какъ далъ свое благословеніе людямъ, четкамъ, образкамъ и т. п. У меня были четки, которыя я, тотчасъ по приходѣ домой, заперла въ ящикъ для мыла.

Пока этотъ старикъ раздавалъ благословенія и говорилъ, я молила Бога сдѣлать такъ, чтобы благословеніе папы было для меня истиннымъ благословеніемъ и избавило меня отъ всѣхъ моихъ горестей.

Было нѣсколько кардиналовъ, смотрѣвшихъ на меня такъ, какъ бывало при выходѣ изъ театра въ Ниццѣ.

Воскресенье, 23 января. Ахъ, какая тоска! Если бы по крайней мѣрѣ мы были всѣ вмѣстѣ! Что за безумная идея такъ разлучаться! Нужно всегда быть вмѣстѣ, тогда всѣ непріятности легче, и лучше себя чувствуешь. Никогда, никогда не нужно больше такъ раздѣляться на двѣ семьи. Намъ было бы въ тысячу разъ лучше, если бы всѣ были вмѣстѣ: дѣдушка, тетя, всѣ, и Валицкій.

Понедѣльникъ, 7 февраля. Когда мы выходимъ изъ коляски у крыльца отеля, я замѣчаю двухъ молодыхъ римлянъ, которые смотрятъ на насъ. Сейчасъ же по возвращеніи, мы садимся за столъ, а молодые люди эти помѣщаются посреди площадки и смотрятъ къ намъ въ окна.

Мама, Дина и другіе уже начали смѣяться, но я, болѣе осторожная, изъ опасенія поднять шумъ изъ-за какихъ-нибудь негодяевъ, — потому что я вовсе не была увѣрена, что это были тѣ же самые, которыхъ мы видѣли у дверей отеля, — я послала Леони въ лавку напротивъ, приказавъ ей хорошенько разсмотрѣть этихъ людей и потомъ описать мнѣ ихъ. Леони возвращается и описываетъ мнѣ того, который поменьше. «Это совершенно приличные молодые люди», говоритъ она. Съ этой минуты наши только и дѣлаютъ разныя предположенія относительно этихъ несчастныхъ, стоящихъ подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ.

Было 6 часовъ, когда мы возвратились, и эти два ангела простояли на площади до безъ четверти одиннадцать, ожидая

насъ. И что за ноги нужно имѣть, чтобы простоять, не сходя съ мѣста, пять часовъ подъ рядъ!

Вторникъ, 15 февраля. Р.. приходитъ къ намъ сегодня и тотчасъ же его начинаютъ разспрашивать, кто этотъ господинъ. «Это графъ А..., племянникъ кардинала!» Чортъ возьми! Онъ и не могъ быть никѣмъ другимъ.

Графъ А... похожъ на Ж., который, какъ извѣстно, замѣчательно красивъ.

Сегодня вечеромъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на меня меньше, я больше могла смотрѣть на него. Итакъ, я смотрѣла на А... и хорошо разглядѣла его. Онъ хорошъ собой, но нужно замѣтить, что мнѣ не везетъ, и что тѣ, на кого я смотрю, не смотрятъ на меня. Онъ лорнировалъ меня, но прилично, какъ въ первый день. Онъ также много рисовался, а когда мы встали, чтобы выйти, онъ схватилъ свою лорнетку и не отрывалъ глазъ.

— Я спросила васъ, кто этотъ господинъ,—сказала мамá Р. — потому что онъ очень напоминаетъ мнѣ моего сына.

— Это славный юноша, — сказалъ Р. — онъ нѣсколько *passerello*, но очень веселъ, остроуменъ и хорошъ собой.

Я въ восторгѣ, слыша это! Давно ужъ я не испытывала столько удовольствій, какъ сегодня вечеромъ. Я скучала и была ко всему равнодушна, потому что не было никого, о комъ мнѣ думать.

— Онъ очень похожъ на моего сына, говоритъ моя мать.

— Это славный юноша, говоритъ Р..., — и если вы хотите, я вамъ представлю его, я буду очень радъ.

Пятница, 18 февраля. Въ Капитоліи сегодня вечеромъ большой парадный балъ—костюмированный и маскированный. Въ одиннадцать часовъ мы туда отправляемся — я, Дина и ея мать. Я не надѣла домино; черное шелковое платье съ длиннымъ шлейфомъ, узкій корсажъ, черный газовый тюникъ, убранный серебряными кружевами, задрапированный спереди и подобранный сзади въ видѣ граціознѣйшаго въ мірѣ капюшона, черная бархатная маска съ чернымъ кружевомъ, свѣтлыя перчатки, роза и ландыши на корсажѣ. Это было очаровательно. Наше прибытіе производитъ величайшій эффектъ.

Я очень боялась и не смѣла ни съ кѣмъ заговорить, но всѣ мужчны окружили насъ, и я кончила тѣмъ, что взяла подъ рука одного изъ нихъ, котораго никогда и въ глаза не видыва-

ла. Это очень весело, но я думаю, что большинство меня узнало. Не нужно было одѣваться съ такимъ кокетствомъ. Ну, да все равно.

Трое русскихъ подумали, что узнали меня, и пошли сзади насъ, громко говоря по-русски въ надеждѣ, что мы какъ-нибудь выдадимъ себя. Но вмѣсто того я собрала цѣлый кругъ вокругъ себя, громко говоря по-итальянски. Они ушли, говоря, что они были глупы и что я итальянка.

Входитъ герцогъ Цезаро.

— Кого ты ищещь?

— Г. А... Онъ придетъ?

— Да; а пока останься со мной... изящнѣйшая женщина въ мiрѣ!

— А! Вотъ онъ... Мой милый, я тебя искала.

— Ба!

— Но только, такъ какъ мнѣ въ первый разъ придется слушать тебя, позаботься о своемъ произношенiи, ты сильно теряешь вблизи. Позаботься о своемъ разговорѣ!

Должно быть это было остроумно, потому что Цезаро и два другихъ начали смѣяться, какъ люди чѣмъ-нибудь восхищенные. Я ясно сознавала, что всѣ они узнаютъ меня.

— Тебя узнаютъ по фигурѣ, — говорили мнѣ со всѣхъ сторонъ. Почему ты не въ бѣломъ?

— Я, ей Богу, думаю, что я играю здѣсь роль подсвѣчника, — сказалъ Цезаро, видя, что мы не перестаемъ говорить съ А...

— Я тоже это думаю, сказала я, уходя!

И взявши подъ руку молодого фата, я отправилась по всѣмъ заламъ, занимаясь всѣми остальными не болѣе, чѣмъ уличными собаками.

А... безусловно красивъ: матовый цвѣтъ лица, черные глаза, носъ длинный и правильный, красивыя уши, маленькiй ротъ, недурные зубы и усы двадцатитрехлѣтняго человѣка. Я называла его притворщикомъ, молодымъ фатомъ, несчастнымъ, безпутнымъ, а онъ мнѣ разсказывалъ серьезнѣйшимъ въ мiрѣ образомъ, какъ онъ въ девятнадцать лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, какъ онъ окунулся по горло въ жизнь и до какой степени онъ теперь всѣмъ пресыщенъ, далѣе — что онъ никогда не любилъ и т. д.

— Сколько разъ ты любила? спросилъ онъ.

— Два раза.

— О! О!

— Можетъ быть и больше.

— Я хотѣлъ бы, чтобы это больше пришлось на мою долю.

— Какая самонадѣянность... Скажи мнѣ, почему всѣ эти люди приняли меня за даму въ бѣломъ?

— Да ты на нее похожа. Оттого-то я и хожу съ тобой. Я влюбленъ въ нее до безумія.

— Это не очень-то любезно съ твоей стороны говорить такимъ образомъ.

— Что-жъ дѣлать, если это такъ!

— Ты, слава Богу, достаточно таки лорнируешь ее, а она довольна этимъ и рисуется?

— Нѣтъ, никогда. Она никогда не рисуется... Можно сказать что угодно про нее, только не это!

— Это однако очень замѣтно, что ты влюбленъ.

— Да, влюбленъ, въ тебя. Ты на нее похожа.

— Фи! Развѣ я не лучше сложена?

— Все равно. Дай мнѣ цвѣтокъ.

Я дала ему цвѣтокъ, а онъ далъ мнѣ въ обмѣнъ вѣтку плюща. Его акцентъ и его томный видъ раздражаютъ меня.

— Ты имѣешь видъ священника. Это правда, что ты будешь посвященъ?

Онъ засмѣялся.

— Я терпѣть не могу священниковъ. Я былъ военнымъ.

— Ты? Да ты былъ только въ семинаріи.

— Я ненавижу іезуитовъ; изъ-за этого-то я и ссорюсь постоянно съ моей семьей.

— Э, милый мой, ты честолюбивъ и тебѣ было бы весьма пріятно, чтобы люди прикладывались къ твоей туфлѣ.

— Что за очаровательная маленькая ручка! воскликнулъ онъ, цѣлуя, ее, — операція, которую онъ повторялъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ.

Я видѣла мужчинъ только на бульварѣ, въ театрѣ и у насъ. Боже, до чего они мѣняются на маскированномъ балѣ! Такіе величественные и сдержанные въ своихъ каретахъ, такіе увивающіеся, плутовскіе и глупые здѣсь!

Десять разъ я оставляла своего молодого собесѣдника и десять разъ онъ снова находилъ меня.

Доминика говорила, что пора ѣхать, но онъ насъ удерживалъ. Наконецъ, намъ удается найти два кресла и тогда разговоръ мѣняется.

Мы говоримъ о святомъ Августинѣ и аббатѣ Прево.

Наконецъ, мы спасаемся съ бала, никѣмъ не преслѣдуемыя, потому что всѣ видѣвшіе меня на улицѣ стали меня узнавать.

Я веселилась и... разочаровалась.

А... не вполнѣ нравится мнѣ, и однако...

Ахъ! этотъ несчастный сынъ священника унесъ мою перчатку и поцѣловалъ мою лѣвую руку.

— Ты знаешь, сказалъ онъ, я не скажу, что всегда буду носить эту перчатку на сердцѣ — это было бы глупо; но это будетъ пріятное воспоминаніе.

Понедѣльникъ, 21 февраля. Имѣю честь представить вамъ сумасшедшую. Посудите сами. Я ищу, я нахожу, я измышляю человѣка, я живу, я только имъ и клянусь—я замѣшиваю его рѣшительно во все, а когда онъ вполнѣ войдетъ въ мою голову, открытую всѣмъ вѣтрамъ, я начну скучать и, можетъ быть, грустить и плакать. Я далека отъ того, чтобы желать этого, но говорю это по предвидѣнью.

Когда же наступитъ настоящій римскій карнавалъ! До сихъ поръ я видѣла только балконы, убранные бѣлой, красной, голубой, желтой, розовой матеріей и нѣсколько масокъ.

Пятница, 25 февраля. Наши сосѣди появились, дама очень любезна; есть очаровательные экипажи. Тройли и Джорджіо — въ прекрасной коляскѣ съ большими лошадьми, и лакеями въ бѣлыхъ панталонахъ. Это былъ самый красивый экипажъ. Они забрасываютъ насъ цвѣтами. Дина совсѣмъ красная, и мать ея сіяетъ.

Наконецъ раздался пушечный выстрѣлъ: сейчасъ начнутся бѣга лошадей, а А... еще не пришелъ; но вчерашній молодой человѣкъ приходитъ, и такъ какъ наши балконы смежны — мы заговариваемъ. Онъ даетъ мнѣ букетъ, я даю ему камелію, и онъ говоритъ мнѣ все, что только можетъ сказать дамѣ нѣжный и влюбленный человѣкъ, не имѣвшій чести быть ей представленнымъ. Онъ клянется мнѣ вѣчно хранить ее, засушивъ въ своихъ часахъ. И онъ обѣщаетъ мнѣ пріѣхать въ Ниццу, чтобы показать мнѣ лепестки цвѣтка, который оста-

нется навсегда свѣжимъ въ его памяти. Это было очень весело.

Графъ Б... (это имя прекраснаго незнакомца) старался занимать меня, когда, опустивъ глаза на толпу, бывшую внизу, я вдругъ увидѣла А..., который мнѣ кланялся. Дина бросила ему букетъ, и руки десяти негодяевъ протянулись, чтобы схватить его на лету. Одному удалось это; но А..., съ величайшимъ хладнокровіемъ схватилъ его за горло и держалъ его своими нервными руками, пока, наконецъ, несчастный не бросилъ своей добычи. Это было такъ хорошо, что А... былъ въ эту минуту почти прекрасенъ. Я пришла въ восторгъ и, забывъ о томъ, что я покраснѣла, и краснѣя снова, я спустила ему камелію, и нитка упала вмѣстѣ съ нею. Онъ взялъ ее, положилъ въ карманъ и исчезъ. Тогда, все еще взволнованная, я обернулась къ Б..., который воспользовался случаемъ наговорить мнѣ комплиментовъ относительно моей манеры говорить по-итальянски и всякой всячины.

Barberi летятъ, какъ вѣтеръ, посреди гиканья и свистковъ народа, а на нашемъ балконѣ только и говорятъ объ очаровательной манерѣ, съ которой А... отнялъ букетъ. Дѣйствительно, онъ былъ похожъ въ эту минуту на льва, на тигра: я не ожидала такой вещи со стороны этого изящнаго молодого человѣка.

Это, какъ я сказала сначала, — странная смѣсь какой-то томности и силы.

Мнѣ все еще видятся его руки, сжимающія горло негодяя.

Вы, можетъ быть, будете смѣяться надъ тѣмъ, что я сейчасъ вамъ скажу, но я все-таки скажу.

Такъ вотъ, — такимъ поступкомъ мужчина можетъ тотчасъ же заставить полюбить себя. Онъ имѣлъ такой спокойный видъ, держа за горло этого бездѣльника, что у меня духъ захватило.

Весь вечеръ я только объ этомъ и говорю, я прерывала всѣ разговоры, чтобы еще и еще поговорить объ этомъ. — Не правда-ли, А... очарователенъ? Я говорю это, какъ будто бы смѣясь, но боюсь, что я думаю это серьезно. Теперь я стараюсь увѣрить нашихъ, что я очень занята А... и мнѣ не вѣрятъ; но стоитъ мнѣ сказать противоположное тому, что я говорю теперь, этому повѣрятъ, и будутъ правы.

Я опять горю нетерпѣніемъ, я хотѣла бы заснуть, чтобы сократить время до завтра, когда мы пойдемъ на балконъ.

Понедѣльникъ, 28 февраля. Выходя на балконъ на Корсо, я уже застаю всѣхъ нашихъ сосѣдей на своемъ посту, и карнавалъ въ полномъ разгарѣ. Я смотрю внизъ, прямо передъ собою и вижу А... съ кѣмъ-то другимъ. Замѣтивъ его, я смутилась, покраснѣла и встала, но негоднаго сына священника уже не было, и я обернулась къ мамѣ, которая протягивала кому-то руку... Это былъ А.

А! Въ добрый часъ! Ты пришелъ на мой балконъ,—тѣмъ лучше!

Онъ остается требуемое вѣжливостью время съ мамой, а потомъ садится подлѣ меня.

Я занимаю, по обыкновенію, крайнее мѣсто съ правой стороны балкона, смежнаго, какъ извѣстно, съ балкономъ англичанки. Б. опоздалъ; его мѣсто занято какимъ-то англичаниномъ, котораго англичанка мнѣ представляетъ и который оказывается очень услужливымъ.

— Ну, какъ вы поживаете? говоритъ А... своимъ спокойнымъ и мягкимъ тономъ. Вы не бываете больше въ театрѣ?

— Я была нездорова, у меня и теперь еще болитъ палецъ.

— Гдѣ? (и онъ хотѣлъ взять мою руку). Вы знаете, я каждый день ходилъ къ Аполлону, но оставался тамъ всего пять минутъ.

— Почему?

— Почему? повторилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ зрачки.

— Да почему?

— Потому, что я ходилъ туда для васъ, а васъ тамъ не было.

Онъ говоритъ мнѣ еще много вещей въ томъ же родѣ, катаетъ глазами, бѣснуется и очень забавляетъ меня.

— Дайте мнѣ розу.

— Зачѣмъ?

Согласитесь, что я дѣлала затруднительный вопросъ. Я люблю дѣлать вопросы, на которые приходится отвѣчать глупо, или совсѣмъ не отвѣчать.

Б... приподноситъ мнѣ большую корзину цвѣтовъ; онъ краснѣетъ и кусаетъ себѣ губы; не пойму, право, что это съ нимъ. Но оставимъ въ покоѣ эту скучную личность и возвратимся къ глазамъ Піетро А...

У него чудные глаза, особенно когда онъ не слишкомъ открываетъ ихъ. Его вѣки, на четверть закрывающія зрачки, даютъ ему какое-то особенное выраженіе, которое ударяетъ мнѣ въ голову и заставляетъ биться мое сердце.

— По крайней мѣрѣ, чтобъ помучить Піетро, будь подобрѣе съ Б... говоритъ Дина.

— Помучить! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія. Мучить, возбуждать ревность, фи! Въ любви — это похоже на бѣлила и румяна, которыми мажутъ лицо. Это вульгарно, это низко. Можно мучить невольно, естественно, такъ сказать... дѣлать это нарочно, фи!!

Да и потомъ, я несмогла бы сдѣлать это нарочно, у меня не хватило бы характера. Есть-ли какая-нибудь возможность говорить и быть любезной съ какимъ-нибудь уродомъ, когда А... тутъ и можно съ нимъ говорить!

Среда, 8 марта. Я надѣваю свою амазонку, а въ четыре часа мы уже у воротъ del Popolo, гдѣ А... ждетъ меня съ двумя лошадьми. Мама и Дина слѣдуютъ за нами въ коляскѣ.

— Поѣдемъ здѣсь, говоритъ мой кавалеръ.

— Поѣдемъ.

И мы въѣхали въ поле — славное, зеленое мѣстечко, называемое Фарнезиной. Онъ опять началъ свое объясненіе, говоря:

— Я въ отчаяніи.

— Что такое отчаяніе?

— Это когда человѣкъ желаетъ чего-нибудь и не можетъ имѣть то, чего желаетъ.

— Вы желаете луны?

— Нѣтъ, солнца.

— Гдѣ же оно? говорю я, глядя на горизонтъ; — оно, кажется, уже зашло.

— Нѣтъ, мое солнце здѣсь: это вы.

— Вотъ какъ!

— Я никогда не любилъ, я терпѣть не могу женщинъ, у меня были только интрижки съ женщинами легкаго поведенія.

— А увидѣвъ меня — вы полюбили?

— Да, въ ту же минуту, въ первый же вечеръ, въ театрѣ.

— Вы вѣдь говорили, что это прошло.

— Я шутилъ.

— Какъ же я могу различать, когда вы шутите и когда вы серьезны?

— Да это сейчасъ видно!

— Это правда; это почти всегда видно, серьезно-ли говоритъ человѣкъ, но вы не внушаете мнѣ никакого довѣрія, а ваши прекрасныя понятія о любви — еще менѣе.

— Какія это мои понятія? Я васъ люблю, а вы мнѣ не вѣрите. А! говоритъ онъ, кусая губы и глядя въ сторону, — въ такомъ случаѣ я — ничто, я ничего не могу!

— Ну, полноте, что вы притворяетесь! говорю я, смѣясь.

— Притворяюсь! восклицаетъ онъ, оборачиваясь съ бѣшенствомъ, — всегда притворяюсь! Вотъ какого вы обо мнѣ мнѣнія!

— Да еще воотъ что. Помолчите, слушайте. Если бы въ эту минуту проходилъ мимо какой-нибудь изъ вашихъ друзей, вы бы повернулись къ нему и подмигнули бы ему глазомъ и разсмѣялись бы!

— Я притворяюсь! О! Если такъ... прекрасно, прекрасно!

— Вы мучите свою лошадь, намъ надо спускаться.

— Вы не вѣрите, что я васъ люблю? — говоритъ онъ, стараясь поймать мой взглядъ и наклоняясь ко мнѣ, съ выраженіемъ такой искренности, что у меня сердце сжимается.

— Да нѣтъ, — говорю я едва слышно. — Держите свою лошадь, мы спускаемся.

Ко всѣмъ его нѣжностямъ примѣшивались еще наставленія въ верховой ѣздѣ.

— Ну можно-ли не любоваться вами? — говоритъ онъ, останавливаясь на нѣсколько шаговъ ниже и глядя на меня.— Вы такъ хороши, — опять началъ онъ, — только мнѣ кажется, что у васъ нѣтъ сердца.

— Напротивъ, у меня прекрасное сердце, увѣряю васъ.

— У васъ прекрасное сердце, а вы не хотите любить!

— Это смотря по обстоятельствамъ.

— Вы — балованное дитя, неправда-ли?

— Почему-жъ бы меня и не баловать? Я не невѣжда, я добра, только я вспыльчива.

Мы все спускались, но шагъ за шагомъ, потому что спускъ былъ очень крутой, и лошади цѣплялись за неровности земли, за пучки травы.

— Я... — у меня дурной характеръ, я бѣшеный, вспыльчивый, злой. Я хочу исправиться... Перескочимъ черезъ эти рвы, хотите?

— Нѣтъ.

И я переѣхала по маленькому мостику въ то время, какъ онъ перескакивалъ черезъ ровъ.

— Поѣдемъ мелкой рысью до коляски, — говоритъ онъ, — такъ какъ мы уже спустились.

Я пустила свою лошадь рысью, но за нѣсколько шаговъ до коляски, она вдругъ поскакала галопомъ. Я обернулась направо. А... былъ позади меня; моя лошадь неслась въ галопъ; я попробовала удержать ее, но она понесла въ карьеръ... Долина была очень велика; всѣ мои усилія удержаться были напрасны, волосы разсыпались мнѣ по плечамъ, шляпа скатилась на землю, я слабѣла, мнѣ становилось страшно. Я слышала А... позади себя, я чувствовала, какое волненіе происходило въ коляскѣ, мнѣ хотѣлось спрыгнуть на землю, но лошадь неслась какъ стрѣла.

«Это глупо, — быть убитой такимъ образомъ, — думала я, теряя послѣднія силы, — нужно, чтобы меня спасли»!

— Удержите ее!—кричалъ А..., который никакъ не могъ догнать меня.

— Я не могу, — говорю я едва слышно.

Руки мои дрожали. Еще минута,и я потеряла бы сознаніе, когда онъ подскакалъ ко мнѣ совсѣмъ близко, ударилъ хлыстомъ по головѣ моей лошади, и я схватила его руку, столько же для того, чтобы удержаться, сколько для того, чтобы коснуться ея.

Я взглянула на него: онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; никогда еще я не видала такого взволнованнаго лица.

— Господи! — повторялъ онъ, — какъ вы испугали меня!

— О, да! безъ васъ я бы упала; я больше не могла удержать ее. Теперь — кончено. Ну, нечего сказать, это мило, прибавила я, стараясь засмѣяться. — Дайте мнѣ мою шляпу.

Дина вышла изъ коляски, мы подошли къ ландо. Мама была внѣ себя, но она ничего не сказала мнѣ: она знала, что между нами что-то было и не хотѣла надоѣдать мнѣ.

— Мы поѣдемъ потихоньку, шагомъ, до воротъ.

— Да, да.

— Но какъ вы испугали меня! А вы — не испугались?
— Нѣтъ, увѣряю васъ, что нѣтъ.
— О, право-же — да это видно.
— Это ничего, совершенно ничего.

И черезъ минуту мы принялись спрягать глаголъ «любить»на всѣ лады. Онъ разсказываетъ мнѣ все — съ самаго перваго вечера, когда онъ увидалъ меня въ оперѣ и, видя Р... выходящимъ изъ нашей ложи, вышелъ изъ своей и пошелъ ему навстрѣчу.

— Вы знаете, говоритъ онъ, — что я никогда никого не любилъ, моя единственная привязанность была къ моей матери; остальное... Я никогда не смотрѣлъ ни на кого въ театрѣ, не ходилъ на Пинчіо. Это глупо, я надъ всѣми смѣялся, а теперь я хожу туда.

— Для меня?

— Для васъ. Я обязанъ...

— Обязаны?

— Нравственной силой: конечно, я могъ бы произвести впечатлѣніе на ваше воображеніе, если бы сдѣлалъ вамъ объясненіе въ любви изъ романа, но это глупо, я только о васъ и думаю, только вами и живу. Конечно, человѣкъ — матерьяльное созданіе; онъ встрѣчаетъ массу людей, и массу другихъ мыслей занимаетъ его. Онъ ѣстъ, говоритъ, думаетъ о другихъ вещахъ, но я часто думаю о васъ — вечеромъ.

— Въ клубѣ, можетъ быть?

— Да, въ клубѣ. Когда наступаетъ ночь, я остаюсь тамъ мечтать, курю и думаю о васъ. Потомъ, особенно, когда темно, когда я одинъ, я думаю, мечтаю и дохожу до такой иллюзіи, что мнѣ кажется — я вижу васъ. Никогда, — продолжалъ онъ, — я не испытывалъ того, что испытываю теперь. Я думаю о васъ, я выхожу для васъ. Доказательство — что съ тѣхъ поръ, какъ вы не бываете въ оперѣ, я тоже не хожу туда. И особенно — когда я одинъ, я всегда думаю о васъ. Я представляю себѣ мысленно, что вы здѣсь; увѣряю васъ, что я никогда не чувствовалъ того, что теперь; отсюда я заключаю, что это любовь. Мнѣ хочется видѣть васъ, я иду на Пинчіо... Мнѣ хочется васъ видѣть, я сержусь, потомъ мечтаю о васъ. Такимъ образомъ я началъ испытывать удовольствіе любви.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года. Я началъ жить съ семнадцати

лѣтъ, я ужъ сто разъ могъ бы влюбиться и однако не влюблялся. Я никогда не былъ похожъ на этихъ восемнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, которые добиваются цвѣтка, портрета; все это глупо. Если бы вы знали, иногда — я думаю, и мнѣ столько хочется сказать и... и...

— И вы не можете?

— Нѣтъ, не то — я влюбился и совсѣмъ оглупѣлъ.

— Не думайте этого, вы вовсе не глупы.

— Вы не любите меня, говоритъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Я такъ мало знаю васъ, что право это невозможно, отвѣчаю я.

— Но когда вы побольше узнаете меня, говоритъ онъ потихоньку, глядя на меня очень застѣнчиво (тутъ онъ понизилъ голосъ), — вы, можетъ быть, немножко полюбите меня?

— Можетъ быть, говорю я также тихо.

Была почти ночь; мы пріѣхали. Я пересѣла въ коляску. Онъ начинаетъ извиняться передъ мамой, которая даетъ ему нѣкоторыя порученія относительно лошадей.

— До свиданія! — говоритъ А... мамѣ.

Я молча протягиваю ему руку, и онъ сжимаетъ ее не по прежнему.

Я возвращаюсь, раздѣваюсь, накидываю пеньюаръ и растягиваюсь на диванѣ, утомленная, очарованная; голова моя идетъ кругомъ. Я сначала ничего не понимаю. Въ теченіе двухъ часовъ я не могу ничего припомнить и только черезъ два часа я могу собрать въ нѣчто цѣлое все, что вы только что прочли. Я была бы на верху счастья, если бы вѣрила ему, но я сомнѣваюсь, несмотря на его искренній, милый, даже наивный видъ. Вотъ что значитъ быть самому канальей. Впрочемъ, это лучше.

Десять разъ я бросаю тетрадь, чтобы растянуться на постели, чтобы возстановить все въ своей головѣ, и мечтать, и улыбаться. Вотъ видите, добрые люди, я вся въ волненіи, а онъ, безъ сомнѣнія, преспокойно сидитъ въ клубѣ.

Я чувствую себя совсѣмъ другой; я спокойна, но еще совершенно оглушена тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ.

Я думаю теперь о той минутѣ, когда онъ сказалъ: «я васъ люблю», а я въ сотый разъ отвѣчала: «это неправда». Онъ покачнулся на сѣдлѣ и, наклоняясь и бросая поводья, «вы

не вѣрите мнѣ?» воскликнулъ онъ, стараясь встрѣтить мои глаза, которые я держала опущенными (не изъ кокетства, клянусь вамъ). О! въ эту минуту онъ говорилъ правду. Я подняла голову и увидѣла его безпокойный взглядъ, его темные каріе глаза — большіе, широко раскрытые, которые, казалось, хотѣли прочесть мою мысль до самой глубины души. Они были безпокойны, взволнованы, раздражены уклоненіемъ моего взгляда. Я дѣлала это не нарочно: если бы я взглянула на него прямо, я бы расплакалась. Я была возбуждена, смущена, я не знала, что дѣлать съ собой, а онъ думалъ, можетъ быть, что я кокетничала. Да, въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, я знала, что онъ не лгалъ.

— Теперь вы меня любите, а черезъ недѣлю разлюбите, — отвѣчала я.

— Ахъ, зачѣмъ вы это говорите. Я вовсе не изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь поютъ для барышень, я никогда ни за кѣмъ не ухаживалъ, никого не любилъ. Есть одна женщина, которая во что бы то ни стало хочетъ добиться моей любви. Она назначала мнѣ пять или шесть свиданій; я всегда уклонялся, потому что я не могу ее любить, — вы теперь видите!..

Ну, да я никогда бы не кончила, если бы погрузилась въ свои воспоминанія и стала ихъ записывать. Такъ много было сказано! Ну, полно, пора спать.

Вторникъ, 14 марта. Кажется, я обѣщала Піетро опять ѣхать кататься верхомъ. Мы встрѣтили его въ цвѣтномъ платьѣ и маленькой шапочкѣ; бѣдняжка ѣхалъ на извозчикѣ.

— Почему вы не попросите лошадей у вашего отца? — говорю я ему.

— Я просилъ, но если бы вы знали, до чего всѣ А... суровы.

Мнѣ было непріятно видѣть его въ этомъ жалкомъ извозчичьемъ экипажѣ.

Сегодня мы уѣзжаемъ изъ отеля Лондонъ, мы наняли большое и прекрасное помѣщеніе въ первомъ этажѣ на *Via Babuino*. Передняя, маленькая зала, большая зала, четыре спальни, *studio* и комнаты для прислуги.

16 марта. Къ десяти часамъ приходитъ Піетро. Зала очень велика и очень хороша; у насъ два рояля — одинъ съ длиннымъ хвостомъ, другой — маленькій. Я принялась ти-

хонько наигрывать «пѣсню безъ словъ» Мендельсона, а А... запѣлъ свой собственный романсъ. Чѣмъ серьезнѣе и горячѣе онъ становился, тѣмъ болѣе я смѣялась и становилась холодна. Для меня невозможно представить А... серьезнымъ.

Все, что говоритъ любимая женщина, кажется очаровательнымъ. Я иногда могу быть забавной для людей равнодушныхъ ко мнѣ, для неравнодушныхъ — и подавно. Среди фразы, преисполненной любви и нѣжности, я говорила какую-нибудь вещь, неодолимо смѣшную для него, и онъ смѣялся. Тогда я упрекала его за этотъ смѣхъ, говоря, что я не могу вѣрить ребенку, который никогда не бываетъ серьезенъ и который смѣется, какъ сумасшедшій, отъ всякаго пустяка. И такъ — много разъ, такъ что онъ наконецъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ сталъ разсказывать, какъ это началось: съ перваго вечера на представленіи **Весталки.**

— Я такъ люблю васъ, — сказалъ онъ, — что готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать для васъ. Скажите, чтобы я выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера, я сейчасъ сдѣлаю это.

— А что бы сказала ваша мать?

— Мать моя плакала бы, а братья мои сказали бы: «вотъ насъ стало двое, вмѣсто троихъ».

— Это безполезно, я не хочу подобнаго доказательства.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Скажите! Хотите, чтобы я бросился изъ этого окна вонъ въ тотъ бассейнъ?

Онъ бросился къ окну, я удержала его за руку, и онъ не хотѣлъ больше выпускать ее.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, глотая, какъ кажется, слезы, — я теперь спокоенъ; но была минута... Господи! Не доводите меня до такого безумія, отвѣчайте мнѣ, скажите что-нибудь.

— Все это — глупости.

— Да, можетъ быть глупости молодости. Но я не думаю: никогда я не чувствовалъ того, что сегодня, теперь, здѣсь. Я думалъ, что съ ума сошелъ.

— Черезъ мѣсяцъ я уѣду, и все будетъ забыто.

— Я поѣду за вами повсюду.

— Вамъ не позволятъ.

— Кто же мнѣ можетъ помѣшать? — воскликнулъ онъ, бросаясь ко мнѣ.

— Вы слишкомъ молоды, — говорю я, перемѣняя музы-

ку и переходя отъ Мендельсона къ ноктюрну, болѣе нѣжному и болѣе глубокому.

— Женимся. Передъ нами такое прекрасное будущее.

— Да, если бы я захотѣла его!

— Вотъ-те на! конечно, вы хотите!

Онъ приходилъ все въ большій и большій восторгъ; я не двигалась, даже не мѣнялась въ лицѣ.

— Хорошо, — говорю я, предположимъ, что я выйду за васъ замужъ, а черезъ два года вы меня разлюбите.

Онъ задыхался.

— Нѣтъ, къ чему эти мысли?

И, захлебываясь, со слезами на глазахъ онъ упалъ къ моимъ колѣнямъ.

Я отодвинулась, вспыхнувъ отъ досады. О, спасительный рояль!

— У васъ долженъ быть такой добрый характеръ, — сказалъ онъ.

— Еще бы! Иначе я бы уже давно прогнала васъ, — отвѣтила я, отворачиваясь со смѣхомъ.

Потомъ я встала, спокойная и удовлетворенная, и отправилась выполнить долгъ любезности съ другими.

Но нужно было уходить.

Ужъ пора? — сказалъ его вопросительный взглядъ.

— Да, — говоритъ мама.

Передавъ все вкратцѣ мамѣ и Динѣ, я запираюсь въ своей комнатѣ и, прежде чѣмъ взяться за перо, сижу цѣлый часъ, закрывъ лицо руками, съ пальцами въ волосахъ, стараясь отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ ощущеніяхъ.

Кажется, я понимаю себя!

Бѣдный Піетро, — не то, чтобъ я ничего не чувствовала къ нему, напротивъ, но я не могу согласиться быть его женой. Богатства, виллы, музеи всѣхъ этихъ Рисцоли, Доріа, Торлоніа, Боргезе, Чіара — постоянно давили бы меня. Я прежде всего честолюбива и тщеславна. Приходится сказать, что такое созданіе любятъ только потому, что хорошенько не знаютъ его! Если бы его знали, это созданіе... О, полно! Его все-таки любили бы.

— Честолюбіе — благородная страсть.

И почему это именно А... вмѣсто кого-нибудь другого?

И я постоянно повторяю эту фразу, подставляя другое имя.

Суббота, 18 марта. Мнѣ никогда не приходится ни на минуту остаться наединѣ съ А... — это меня сердитъ. Я люблю, когда онъ говоритъ, что любитъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ все высказалъ мнѣ, я постоянно сижу, опершись локтями на столъ, и думаю. Я люблю, можетъ быть. Всегда, когда я утомлена и наполовину дремлю, мнѣ кажется, что я люблю Піетро. Зачѣмъ я такъ тщеславна? Зачѣмъ я честолюбива? Зачѣмъ я такъ разсудительна ?Я не способна посвятить минутѣ удовольствія цѣлые годы величія и удовлетвореннаго тщеславія.

Да, говорятъ романисты, но этой минуты удовольствія достаточно, чтобы освѣтить ея лучами цѣлое существованіе. О! Нѣтъ! Теперь мнѣ холодно, и я люблю, завтра мнѣ будетъ тепло, и я не буду любить. И отъ такихъ измѣненій температуры зависятъ судьбы людей!

Уходя, А... говоритъ: «прощайте» и беретъ меня за руку, которую не выпускаетъ изъ своей, дѣлая въ то же время десять различныхъ вопросовъ, чтобы промедлить время.

Все это я сейчасъ же разсказала мамѣ: я ей все разсказываю.

20 марта. Я преглупо вела себя сегодня вечеромъ.

Я говорила шепотомъ съ этимъ повѣсой и дала поводъ надѣяться на такія вещи, которыя никогда не могутъ исполниться. Въ обществѣ онъ нисколько не занимаетъ меня; когда же мы остаемся вдвоемъ, онъ говоритъ мнѣ о любви и бракѣ. Онъ ревнивъ, до бѣшенства ревнивъ. Къ кому? ко всѣмъ. Я слушаю его рѣчи съ высоты моего холоднаго равнодушія и въ то же время позволяю ему завладѣть моей рукой. Я беру его руку съ почти материнскимъ видомъ, и если онъ еще не совсѣмъ омраченъ своей **страстью,** какъ онъ говоритъ, онъ долженъ видѣть, что, отталкивая его своими словами, я въ то же время удерживаю его взглядами.

И, говоря ему, что я никогда не буду любить его, я его люблю, или, по крайней мѣрѣ, веду себя такъ, какъ будто бы любила его. Я говорю ему всевозможныя глупости. Другой былъ бы доволенъ, другой человѣкъ, постарше, а онъ разрываетъ салфетку, ломаетъ двѣ пары щипцовъ, прорываетъ

холстъ. Всѣ эти эволюціи позволяютъ мнѣ взять его за руку и сказать ему, что онъ сумасшедшій.

Тогда онъ глядитъ на меня съ дикой неподвижностью, и взглядъ его черныхъ глазъ теряется въ моихъ сѣрыхъ глазахъ. Я говорю ему безъ всякаго смѣха: «сдѣлайте гримасу», и онъ смѣется, а я дѣлаю видъ, что недовольна.

— Значитъ, вы меня не любите?

— Нѣтъ.

— Я не долженъ надѣяться?

— Боже мой! Да всегда можно надѣяться; надежда — въ натурѣ человѣка, но что до меня, вы ничего отъ меня не добьетесь. И такъ какъ я говорю это, смѣясь, онъ уходитъ до нѣкоторой степени удовлетворенный.

Понедѣльникъ, 27 марта. Вечеромъ у насъ были гости, между прочимъ и А...

Опять за роялемъ... «Я знаю, кто будетъ имѣть у васъ успѣхъ. Человѣкъ, который будетъ очень терпѣливъ и будетъ гораздо меньше любить васъ. Но вы, вы меня не любите».

— Нѣтъ, — говорю я еще разъ.

И наши лица были такъ близко одно отъ другого, что я удивляюсь, какъ не произошло «искры».

— Вотъ видите! — воскликнулъ онъ. — Что тутъ можно сдѣлать, когда только одинъ любитъ? Вы холодны, какъ снѣгъ, а я васъ люблю.

— Вы меня любите? Нѣтъ, но это можетъ придти.

— Когда?

— Черезъ шесть мѣсяцевъ.

— О! Черезъ шесть мѣсяцевъ!.. Я васъ люблю, я съ ума схожу, а вы надо мной смѣетесь.

— Да, дѣйствительно! Вы удивительно догадливы. Послушайте, если бы даже я любила васъ, это было бы все-таки чрезвычайно трудно устроить: я слишкомъ молода, и потомъ— еще различіе религій.

— Ну! Я такъ и зналъ! Да вѣдь у меня тоже будутъ затрудненія; вы думаете — нѣтъ?.. Вы не можете меня понять, потому что вы меня не любите. А если бы я предложилъ вамъ бѣжать со мной?

— Что за ужасъ!

— Постойте.. я вамъ этого не предлагаю. Это ужасно, я

знаю, когда не любятъ. Но если бы вы любили меня, это не было бы для васъ такъ ужасно.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Да я и не говорю. Я говорилъ бы вамъ объ этомъ, если бы вы меня любили.

— Я не люблю васъ.

Я не люблю его и въ то же время позволяю говорить себѣ всѣ эти вещи; что за нелѣпость!

Я предполагаю, что онъ говорилъ объ этомъ своему отцу, но былъ принятъ не ласково. Я не могу рѣшиться; я не знаю условій, а ни за что въ мірѣ не согласилась бы я жить въ чужой семьѣ. Довольно мнѣ и моей; что бы это было съ чужими? Не правда-ли — я полна разсудительности для моего возраста.

— Я всюду послѣдую за вами, — сказалъ онъ какъ-то разъ, прежде.

— Пріѣзжайте въ Ниццу,—сказала я ему сегодня. Онъ молча опустилъ голову, и это служитъ для меня лишнимъ подтвержденіемъ того, что онъ говорилъ съ своимъ отцомъ.

— Я совершенно ничего не понимаю. Я люблю — и не люблю.

Четвергъ, 30 марта. Сегодня, запершись на ключъ одна въ своей комнатѣ, я должна обсудить серьезнѣйшую вещь.

Вотъ уже нѣсколько дней въ положеніе мое закралась какая-то фальшь, и почему? Потому что Піетро просилъ меня быть его женой, потому что я не отказала ему окончательно, потому что онъ говорилъ объ этомъ со своими родителями, потому что съ его родителями трудно сговориться объ этомъ, и потому что Висконти сказалъ слѣдующее:

— Нужно знать, сударыня, гдѣ вы хотите выдать дочь свою замужъ,—началъ Висконти, наговоривъ похвалъ богатству и личности Піетро.

— Право, у меня на этотъ счетъ нѣтъ никакого опредѣленнаго понятія, сказала мама, и къ тому же моя дочь такъ молода!

— Нѣтъ, сударыня, тутъ нуженъ рѣшительный отвѣтъ. Хотите вы выдать ее замужъ за границей или въ Россіи?

Я предпочла бы за границей, потому что, мнѣ кажется, она была бы счастливѣе за границей, такъ какъ была здѣсь воспитана.

— Но нужно еще узнать, согласится ли вся ваша семья

видѣть ее замужемъ за католикомъ, а также, какъ взглянетъ она на то, что дѣти, родившіяся отъ этого брака, также будутъ крещены по католическому обряду.

— Наша семья съ радостью согласится на все, что только принесетъ счастье моей дочери.

— Піетро А... прекрасный молодой человѣкъ, и онъ будетъ очень богатъ, но папа вмѣшивается во всѣ дѣла семейства А... и представитъ различныя затрудненія.

— Однако, милостивый государь, къ чему вы говорите все это? Рѣчь вовсе не идетъ о бракѣ. Я очень люблю этого молодого человѣка, какъ дитя, но вовсе не какъ будущаго зятя.

Вотъ приблизительно все то, что мнѣ удалось узнать объ этомъ отъ моей матери.

Самое благоразумное было бы уѣхать, тѣмъ болѣе, что ничего не пропадетъ, если мы отложимъ все до будущей зимы.

Завтра же надо ѣхать; надо приготовиться къ этому, т. е. пойти осмотрѣть римскія достопримѣчательности, которыхъ я еще не видѣла.

Да, но что раздражаетъ меня, такъ это то, что препятствія исходятъ не съ нашей стороны, а со стороны А... Это безобразно, и гордость моя возмущается.

Уѣдемъ изъ Рима.

Не очень-то пріятно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть это нежеланіе принять меня къ себѣ, когда я сама не желаю войти къ нимъ. Римъ — городъ до того полный сплетенъ, что всѣ уже говорятъ объ этомъ, а я послѣдняя замѣчаю это! И это вѣчно такъ. Я, конечно, прихожу въ бѣшенство при мысли, что у меня хотятъ отнять Піетро, но, благодаря Бога, я желаю большаго для себя и стремлюсь не къ такому величію! Если бы А... былъ человѣкъ, входящій въ мою программу, я бы не сердилась; но человѣкъ, которому я въ своемъ сознаніи уже отказала, какъ неудовлетворяющему меня... И смѣютъ говорить, что папа не позволяетъ этого.

Я просто въ бѣшенствѣ, но... погодите немного. Наступаетъ вечеръ, а съ вечеромъ появляется А... Мы принимаемъ его довольно холодно вслѣдствіе того, что говорилъ баронъ Висконти и вслѣдствіе бездны разныхъ «предположеній», потому что съ самаго разговора съ Висконти у насъ то и дѣло предполагаютъ что-нибудь.

— Завтра, — говоритъ Піетро по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, — я уѣзжаю.

— Куда?

— Въ Террачину. Я думаю остаться тамъ восемь дней.

— Его посылаютъ туда, — шепчетъ мама по-русски.

Я такъ и думала; но что за стыдь! Хоть плачь отъ бѣшенства!

— Да, это непріятно, — отвѣчала я.

О, гадкій попъ! Понимаете ли вы, до чего это унизительно!

Разговоръ на эотмъ останавливается. Мама до того оскорблена, до того взбѣшена, что ея головная боль усиливается, и ее уводятъ въ ея комнату. Дина удаляется еще прежде. Всѣ какъ-будто молча сговорились оставить меня съ нимъ наединѣ, чтобы добиться истины.

Оставшись одна, я приступила храбро, хотя не безъ нѣкоторой внутренней дрожи.

— Зачѣмъ вы уѣзжаете? Куда вы ѣдете?

О, какъ бы не такъ! Если вы думаете, что онъ отвѣтилъ мнѣ такъ же прямо, какъ я его спросила, то очень ошибаетесь.

Я спросила, но онъ уклонялся отъ отвѣта.

— Какой вашъ девизъ? — спросилъ онъ.

— Ничего — прежде меня, ничего — послѣ меня, ничего — кромѣ меня.

— Прекрасно. Таковъ же и мой.

— Тѣмъ хуже!

Тогда начались выраженія любви, сыпавшіяся безъ всякаго порядка — до того они были правдивы. Безсвязныя слова любви безъ начала и конца, порывы бѣшенства, упреки. Я выдержала этотъ градъ съ такимъ же достоинствомъ, какъ и спокойствіемъ.

— Я такъ люблю васъ, что умереть можно,—продолжалъ онъ, — но я вамъ не вѣрю. Вы всегда насмѣхались надо мною, всегда смѣялись, всегда были холодны со своими экзаменаторскими вопросами. Что-жъ вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ, когда я вижу, что вы никогда не любили меня!

Я слушала непреклонно и неподвижно, не позволяя даже коснуться своей руки. Я хотѣла знать во что бы то ни стало;

я чувствовала себя слишкомъ жалкой въ своемъ безпокойствѣ, приправленномъ милліономъ подозрѣній.

— Я! Полноте! сказала я, — вы хотите, чтобы я любила человѣка, котораго я не знаю, который все отъ меня скрываетъ! Скажите, — и я повѣрю. Скажите, — и я обѣщаю вамъ дать отвѣтъ. Слышите — послѣ этого я обѣщаю вамъ дать отвѣтъ.

— Да вы будете надо мною смѣяться, если я скажу вамъ. Поймете вы, что это секретъ! Сказать его — это значитъ разоблачить себя всего! Есть вещи до того интимныя, что ихъ никому въ мірѣ нельзя сказать.

— Скажите, я жду.

— Я скажу вамъ, но вы будете смѣяться надо мной.

— Я клянусь вамъ, что нѣтъ.

Послѣ многочисленныхъ обѣщаній съ моей стороны не смѣяться и никому не говорить, онъ, наконецъ, разсказалъ мнѣ.

Въ прошломъ году, будучи солдадтомъ въ Виченцѣ, онъ надѣлалъ на тридцать четыре тысячи франковъ долговъ; съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся домой — т. е. вотъ уже десять мѣсяцевъ — онъ не въ ладахъ со своимъ отцомъ, который не хотѣлъ платить ихъ. Наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ онъ сдѣлалъ видъ, что уѣзжаетъ, говоря, что дома съ нимъ слишкомъ дурно обращаются. Тогда его мать вышла къ нему и сказала, что отецъ заплатитъ его долгъ съ условіемъ, что онъ будетъ вести блгоразумную жизнь. «А чтобы начать ее, прежде чѣмъ онъ примирится съ родителями, онъ долженъ примириться съ Богомъ». Онъ уже давно не говѣлъ.

Словомъ — онъ отправляется на восемь дней въ монастырь San Giovani et Paolo, около Колизея.

Такъ вотъ въ чемъ секретъ!

Я облокотилась о каминъ и о стулъ, отвернувъ глаза, которые — Богъ ихъ знаетъ отчего — были наполнены слезами. Онъ облокотился подлѣ меня, и мы оставались такъ нѣсколько секундъ молча, не глядя другъ на друга. Цѣлый часъ мы простояли такимъ образомъ, говоря о чемъ? О любви, конечно. Я знаю все, что хотѣла знать, я все вытянула изъ него.

Онъ не говорилъ со своимъ отцомъ, но разсказалъ все своей матери; онъ назвалъ меня.

— Вообще, сказалъ онъ, — вы можете быть увѣрены,

что мои родители ничего не имѣютъ противъ васъ; затрудненіе только въ религіи.

— Я знаю, что они ничего не могутъ имѣть противъ меня, потому что если бы я согласилась выйти за васъ замужъ, это было бы честью для васъ, а не для меня.

Я стараюсь выказать себя суровой, щепетильной, какова я, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ, а также выставить свои нравственные принципы безусловной чистоты, чтобъ онъ разсказалъ все это своей матери, такъ какъ онъ все говоритъ ей.

Онъ никогда еще не говорилъ со мной, какъ сегодня вечеромъ.

Тотчасъ же я бѣгу, чтобы успокоить непріятно задѣтое самолюбіе мамы, и все разсказываю ей, но смѣясь, чтобы не показаться влюбленной.

Ну, теперь довольно! Я спокойна, счастлива, особенно счастлива за моихъ, которые, было, ужъ повѣсили уши.

Уже поздно, однако, пора спать.

Пятница, 31 марта. Это замѣчательное доказательство любви, — то, что онъ все разсказалъ мнѣ. Я не смѣялась. Онъ просилъ дать ему мой портретъ, чтобы взять его съ собой въ монастырь.

— Никогда! Какъ можно — такое искушеніе.

— Все равно, я все время буду думать о васъ.

Ну, не смѣшно-ли это — восемь дней въ монастырѣ! Что сказали бы его друзья въ Caccia-Club, если бы они это знали!

Я никогда никому не скажу этого. Мама и Дина не считаются: онѣ будутъ молчать, какъ я. Монастырь для Піетро чистая пытка!

А если онъ все это выдумалъ? Это ужасно — такой характеръ! Я никому не довѣряю.

Бѣдный Піетро, — въ рясѣ, запертый въ своей кельѣ, четыре проповѣди въ день, обѣдня, всенощная, заутреня, — просто не вѣрится — такъ это странно.

Боже мой! Не наказывай свое тщеславное созданіе! Клянусь тебѣ, что въ сущности, я честна и не способна къ подлости или низости. Я — честолюбива, вотъ мое несчастье!

Красоты и развалины Рима кружатъ мнѣ голову. Я хочу быть Цезаремъ, Августомъ, Маркомъ Авреліемъ, Нерономъ, Каракаллой, дьяволомъ, папой!..

Хочу... — и сознаю, что я — ничто...

Но я всегда одна и та же; вы можете убѣдиться въ этомъ, читая мой дневникъ. Подробности, оттѣнки мѣняются, но глубокія строки его всегда однѣ и тѣ же.

---

3 апрѣля. Теперь весна. Говорятъ, что всѣ женщины хорошѣютъ, въ это время года; это вѣрно, — судя по мнѣ... Кожа становится тоньше, глаза блестящѣе, краски живѣе.

Ужъ третье апрѣля! Остается только пятнадцать дней въ Римѣ.

Какъ странно! Пока я носила фетровую шляпу, казалось, что все еще зима; вчера я надѣла соломенную, — и тотчасъ же, казалось, наступила весна. Часто какая-нибудь шляпа или платье производятъ такое впечатлѣніе, точно такъ же, какъ очень часто какое-нибудь слово или жестъ ведутъ за собой серьезную вещь, уже давно подготавливающуюся, но все не проявлявшуюся до этого маленькаго толчка.

Среда, 5 апрѣля. Я пишу и говорю о всѣхъ, кто за мной ухаживаетъ... Все это происходитъ изъ-за отсутствія удовлетворяющей меня дѣятельности. Я рисую и читаю, но этого недостаточно.

Такому тщеславному человѣку, какъ я, нужно привязаться къ живописи, потому что это вѣчно живая неизсякаемая дѣятельность.

Я не буду ни поэтомъ, ни философомъ, ни ученой. Я могу быть только пѣвицей и художницей.

Это уже очень много. И потомъ — я хочу быть популярной, это главное.

Не пожимайте плечами, строгіе умы, не критикуйте меня съ аффектированнымъ безучастіемъ. Если вы будете добросовѣстны, вы увидите, что въ сущности вы таковы же! Вы остерегаетесь выказываться, но это не мѣшаетъ вамъ сознавать передъ судомъ своей совѣсти, что я говорю правду.

Тщеславіе! Тщеславіе! Тщеславіе!

Начало и конецъ всего, вѣчная и единственная причина всего.

Что не произведено тщеславіемъ, произведено страстями.

Страсти и тщеславіе — вотъ единственные владыки міра!

Четвергъ, 6 апрѣля. Я пришла къ своему журналу, прося его облегчить мою пустую, грустную, жаждущую, завидующую, несчастную душу.

Да, со всѣми моими стремленіями, со всѣми моими громадными желаніями и моей лихорадочной жизнью я вѣчно и вездѣ останавливаюсь, какъ конь, сдерживаемый удилами. Онъ бѣсится, онъ становится на дыбы, онъ весь въ мылѣ, — но онъ стоитъ!

Пятница, 7 апрѣля. Какъ это мучитъ меня! О, какъ вѣрно русское выраженіе: «кошки скребутъ на сердцѣ!» У меня кошки скребутъ на сердцѣ.

Мнѣ всегда причиняетъ невѣроятную боль мысль, что человѣкъ, который мнѣ нравится, можетъ не любить меня.

Піетро не пришелъ; только сегодня вечеромъ онъ долженъ былъ выйти изъ монастыря. Я видѣла и его брата — этого лицемѣрнаго причетника — Павла А... Что за мелкое, плоское существо: маленькій, черный, желтый, гаденькій, лицемѣрный іезуитъ!

Если все это дѣло съ монастыремъ — правда, онъ долженъ знать его, и какъ онъ долженъ смѣяться со своимъ ехиднымъ видомъ, какъ онъ долженъ разсказывать объ этомъ своимъ друзьямъ! Петръ и Павелъ терпѣть не могутъ другъ друга.

Воскресенье, 9 апрѣля. Съ горячей вѣрой, растроганнымъ сердцемъ и размягченной душой я исповѣдывалась и причастилась. Мама и Дина тоже; потомъ мы прослушали обѣдню, я прислушивалась къ каждому слову и молилась.

Не возмутительно-ли это — чувствовать себя подчиненной какой-то власти — неизвѣстной, но непреодолимой! Я говорю о власти, отнявшей у меня Піетро. Для кардинала нѣтъ ничего невозможнаго, когда дѣло касается какого-нибудь приказанія духовенству. Власть духовенства огромна, и нѣтъ возможности проникнуть въ ихъ тайныя козни.

Остается удивляться, бояться ихъ и преклоняться! Стоитъ прочесть исторію народовъ, чтобы замѣтить ихъ вліяніе во всѣхъ историческихъ событіяхъ. Ихъ виды на все такъ обширны, что для неопытнаго наблюдателя они стушевываются, расплываются въ неопредѣленномъ.

Съ самаго начала міра во всѣхъ странахъ имъ принадлежала высшая власть явно или скрытно.

Нѣтъ, послушайте, это было бы слишкомъ, если бы такъ вдругъ у насъ отняли бы Піетро навсегда! Онъ не можетъ не вернуться въ Римъ, онъ такъ увѣрялъ, что вернется!

Неужели же онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы вернуться. Неужели онъ не ломаетъ всего окружающаго? Неужели онъ не кричитъ?

Боже мой! Я исповѣдывалась и получила отпущеніе, и уже клянусь, и сержусь до бѣшенства!

Извѣстное количество грѣховъ также необходимо человѣку, какъ извѣстное количество воздуха, чтобы жить.

Зачѣмъ люди точно привязаны къ землѣ? Тяжесть, лежащая у нихъ на совѣсти, притягиваетъ ихъ къ землѣ! Если бы совѣсть ихъ была чиста, они были бы слишкомъ легки и понеслись бы въ небеса... какъ красные воздушные шары.

Вотъ странная теорія. Ну, что-жъ за бѣда! А Піетро все не приходитъ.

Но вѣдь я же не люблю его! Я хочу быть разсудительной, спокойной и... не могу.

Это благословеніе и портретъ папы принесли мнѣ несчастье.

Говорятъ, что онъ приноситъ несчастье.

Въ груди моей — какое-то стѣсненье, у меня красные ногти, и я кашляю.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ не быть въ состояніи молиться. Молитва — единственное утѣшеніе для тѣхъ, кто не можетъ дѣйствовать. Я молюсь, но не вѣрю. Это ужасно. Это не моя вина.

Среда, 12 апрѣля. Всю эту ночь я видѣла его во снѣ, онъ увѣрялъ меня, что, правда, былъ въ монастырѣ.

Наши укладываются, сегодня вечеромъ мы ѣдемъ въ Неаполь. Я терпѣть не могу уѣзжать.

Когда же я буду имѣть счастье жить у себя, постоянно въ одномъ и томъ же городѣ? Видѣть постоянно одно и то же общество и время отъ времени дѣлать путешествія, чтобы освѣжиться.

Я хотѣла бы жить, любить и умереть въ Римѣ. Нѣтъ, — я хотѣла бы жить, гдѣ мнѣ будетъ хорошо, любить вездѣ и умереть... нигдѣ.

Однако я люблю итальянскую жизнь, т. е. римскую, хотѣла я сказать: на ней еще лежитъ нѣкоторый легкій отпечатокъ древняго великолѣпія.

Очень часто составляютъ себѣ совершенно ложное понятіе объ Италіи и итальянцахъ. Ихъ воображаютъ себѣ бѣдными, какими-то подкупными, — въ полномъ паденіи. На самомъ дѣлѣ — совершенно обратное. Очень рѣдко въ другихъ странахъ можно встрѣтить такія богатыя семьи и дома, содержимые съ такой роскошью. Я говорю, разумѣется, объ аристократіи.

Римъ во время господства папъ былъ совершенно особеннымъ городомъ и въ своемъ родѣ онъ владычествовалъ надъ цѣлымъ міромъ. Тогда каждый римскій принцъ былъ какъ бы маленькимъ царькомъ, имѣлъ свой дворъ и своихъ кліентовъ, какъ въ древности. Этому-то положенію вещей и обязаны своимъ величіемъ римскія семьи. Конечно, — черезъ какія-нибудь два поколѣнія, не будетъ больше ни этого величія, ни богатствъ, потому что Римъ подчиненъ теперь королевскимъ законамъ и скоро сравняется съ Неаполемъ, Миланомъ и другими итальянскими городами.

Крупныя богатства будутъ раздроблены, музеи и галлереи — пріобрѣтены правительствомъ, римскіе князья — превращены въ мелкихъ человѣчковъ, прикрывающихъ свое ничтожество именами, какъ старой театральной мантіей. И когда эти великія имена, прежде настолько уважаемыя, будутъ низвержены въ грязь, когда король будетъ воображать себя единственнымъ авторитетомъ, сбросивъ всю знать къ ногамъ своимъ, онъ долженъ будетъ понять въ одно прекрасное мгновеніе, что такое страна, гдѣ никого нѣтъ между народомъ и королемъ. Взгляните на Францію...

Нѣтъ, взгляните лучше на Англію; — тамъ люди свободны, счастливы. Въ Англіи такъ много нищеты! — скажете вы. Но вообще, англичане — самый счастливый народъ. Я не говорю о его коммерческомъ благоденствіи, но о его внутреннемъ состояніи.

Пусть желающій учрежденія республики въ своей странѣ начнетъ съ введенія ея въ своемъ домѣ.

Но довольно диссертацій на тему о вещахъ, о которыхъ я имѣю только бѣдное понятіе и совершенно личное мнѣніе.

Неаполь, четвергъ, 13 апрѣля.—«Видѣть Неаполь и умереть»; я не желаю ни того, ни другого.

Уѣхалъ-ли онъ **самъ**, или его заставили уѣхать *That is the guestion*.

Запершись у себя, я нѣсколько разъ плакала, какъ бывало въ Римѣ. Господи, какъ я ненавижу перемѣну! Какой жалкой чувствую я себя въ новомъ городѣ!..

Ему велѣли, онъ послушался, а чтобы послушаться, надо было весьма мало любить меня.

Вѣдь вотъ же — небось онъ не послушался, когда дѣло шло о военной службѣ. Довольно, довольно, фи!

Ничтожество, фи! Низость! Я не могу больше останавливаться мысленно на такомъ человѣкѣ. **Если я жалуюсь, то на свою несчастную судьбу, на свою бѣдную жизнь, которая едва только началась и въ теченіе которой я только и видѣла, что разочарованіе.**

Конечно,—такъ же, какъ всѣ люди, можетъ быть, и больше другихъ, — я грѣшила, но во мнѣ есть также и хорошія стороны и несправедливо унижать меня во всемъ.

Я стала, было, на колѣни среди комнаты, сложивъ руки и поднявъ глаза, — но что-то говоритъ мнѣ, что молитва безполезна: я буду имѣть только то, что на мою долю назначено.

И ни однимъ горемъ не меньше, ни однимъ страданіемъ не больше, какъ говоритъ г-нъ Ф.

Остается только одно: безропотно покориться.

Я отлично знаю, что это трудно, но иначе въ чемъ же была бы и заслуга?

Я вѣрю, безумная, что порывы страстной вѣры, что горячія молитвы могутъ что-нибудь сдѣлать!

Богъ хочетъ нѣмецкой покорности, а я къ ней неспособна!

Думаетъ ли Онъ, что покоряющіеся такимъ образомъ должны были для этого преодолѣть себя?

О! Вовсе нѣтъ! Они покоряются потому, что у нихъ въ жилахъ вода, вмѣсто крови, потому что это для нихъ легче.

Развѣ это заслуга — быть спокойнымъ, если это спокойствіе въ натурѣ человѣка? Если бы я могла покориться, я добилась бы этого, потому что это было бы прекрасно. Но я не могу. Это уже не трудность, это невозможность. Въ моментъ упадка силъ я буду покорна, но это будетъ не по моей волѣ, а **просто потому, что это будетъ.**

Боже мой, сжалься надо мной, успокой меня! Дай мнѣ какую-нибудь душу, къ которой я могла бы привязаться. Я устала, такъ устала. Нѣтъ, нѣтъ, я устала не изъ-за бури, а изъ-за разочарованій.

15 апрѣля. — Чтобы провѣтрить свою комнату, полную дыма, я открыла окно. Въ первый разъ послѣ трехъ долгихъ мѣсяцевъ я увидѣла чистое небо и море, проглядывающее сквозь деревья, море, освѣщенное луной. Я въ такомъ восторгѣ, что невольно берусь за перо. Господи, какъ хорошо! Послѣ этихъ черныхъ, узкихъ улицъ Рима такая спокойная, такая чудная ночь! Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь!

Вы, можетъ быть, принимаете это за любовь?

Невозможно спать, когда такъ чудно-хорошо.

Подлый, слабый, недостойный человѣкъ! Недостойный послѣдней изъ моихъ мыслей!

Свѣтло-Христово Воскресеніе, 16 апрѣля. — Неаполь мнѣ не нравится. Въ Римѣ дома черныя и грязны, но зато это дворцы по архитектурѣ и древности. Въ Неаполѣ — такъ же грязно, да къ тому же всѣ дома точно изъ картона на французскій ладъ.

Французы, конечно, будутъ въ бѣшенствѣ. Пусть успокоятся. Я цѣню и люблю ихъ болѣе, чѣмъ какую-либо другую націю, но я должна признать, что ихъ дворы никогда не достигнутъ мощнаго, великолѣпнаго и грандіознаго величія итальянскихъ дворцовъ, особенно римскихъ и флорентійскихъ.

Вторникъ, 18 апрѣля. — Въ полдень мы отправляемся въ путь къ Помпеѣ. Мы ѣдемъ въ коляскѣ, потому что дорога очень красива и можно любоваться Везувіемъ и городами Кастелломаръ и Сорренто. Администрація, прислуга раскопокъ превосходна. Странно и любопытно прогуливаться по улицамъ этого мертваго города.

Мы взяли стулъ съ носильщикомъ, и мама, и я, по очереди, отдыхали на немъ.

Склеты ужасны: эти несчастные застыли въ самыхъ раздирательныхъ позахъ. Я смотрѣла на остатки домовъ, на фрески, я старалась мысленно возстановить все это, я населяла въ своемъ воображеніи всѣ эти дома и улицы...

Что за ужасная сила, эта стихія, поглотившая цѣлый городъ.

Я слышала, какъ мама говорила о замужествѣ.

— Женщина создана для страданія, — говорила она, — даже съ лучшимъ изъ мужей.

— Женщина до замужества, — говорю я, — это Помпея

до изверженія, а женщина послѣ замужества — Помпея послѣ изверженія.

Быть можетъ, я права!

Я очень утомлена, взволнована, огорчена. Мы возвращаемся только къ восьми часамъ.

Среда, 19 апрѣля. — Посмотрите до чего невыгодно мое положеніе.

У Піетро и безъ меня есть кружокъ, свѣтъ, друзья, словомъ — все, кромѣ меня, а у меня безъ Піетро ничего нѣтъ.

Я для него только развлеченіе, роскошь. Онъ былъ для меня всѣмъ. Онъ заставлялъ меня развлекаться отъ моихъ мыслей — играть какую-нибудь роль въ мірѣ, и я только и думала, только и занималась, что имъ, безконечно довольная, что могу избавиться отъ своихъ мыслей.

Чѣмъ бы я ни сдѣлалась, я завѣщаю свой журналъ публикѣ. Всѣ книги, которыя читаются, — только измышленія, положенія въ нихъ — натянуты, характеры фальшивы. Тогда какъ это — фотографія цѣлой жинзи. Но — скажете вы — эта фотографія скучна, тогда какъ измышленія — интересны. Если вы говорите это, вы даете мнѣ далеко нелестное понятіе о вашемъ умѣ. Я представляю вамъ здѣсь нѣчто невиданное. Всѣ мемуары, всѣ журналы, всѣ опубликованныя письма, — только подкрашенныя измышленія, предназначенныя къ тому, чтобы вводить въ заблужденіе публику. Мнѣ же нѣтъ никакой выгоды лгать. Мнѣ не надо ни прикрашивать какого-нибудь политическаго акта, ни утаивать какого-нибудь преступнаго дѣянія. Никто не заботится о томъ, люблю-ли я, или не люблю, плачу или смѣюсь. Моя величайшая забота состоитъ только въ томъ, чтобы выражаться какъ можно точнѣе.

Однако я открыла тетрадь вовсе не для того, чтобы распространяться обо всемъ этомъ, я хотѣла сказать, что еще нѣтъ полудня, а я предаюсь, болѣе чѣмъ когда-либо, своимъ мучительнымъ мыслямъ, что мнѣ тѣснитъ грудь, и мнѣ хотѣлось бы просто... рычать. Впрочемъ, это мое обычное состояніе.

Небо сѣро, и на Chiaja виднѣются только извозчики да грязные пѣшеходы. Глупыя деревья, которыми съ обѣихъ сторонъ засажена улица, заслоняютъ море. Въ Ниццѣ — съ одной стороны виллы Promenade des Anglais, а съ другой— море, свободно плещущее и разбивающееся о прибрежные

камни. А здѣсь, съ одной стороны — дома, съ другой — оградъ какого-то сада, который тянется вдоль всей улицы и отдѣляетъ ее отъ моря, отъ котораго самъ онъ отдѣляется довольно большимъ пространствомъ совершенно голой земли, покрытой камнями и кое-какими постройками и представляющей картину самой безотрадной тоски.

Сѣрая погода всегда дѣлаетъ меня нѣсколько грустной; но здѣсь, сегодня, она давитъ меня.

Эта мертвая тишина въ нашихъ комнатахъ, этотъ раздражающій шумъ извозчиковъ и телѣжекъ съ бубенцами на улицѣ, это сѣрое небо, этотъ вѣтеръ, треплющій занавѣски! О! какая я жалкая! И нечего сердиться ни на море, ни на землю.

Пятница, 21 апрѣля. Послушайте, вотъ что: если душа существуетъ, если душа оживляетъ тѣло, если одна только эта прозрачная субстанція чувствуетъ, любитъ, ненавидитъ, желаетъ, если, наконецъ, одна только эта душа заставляетъ насъ **жить,** — какимъ же образомъ происходитъ, что какая-нибудь царапина этого бреннаго тѣла, какой-нибудь внутренній безпорядокъ, излишекъ вина или пищи, — какимъ образомъ все это можетъ заставить душу покинуть тѣло?

Положимъ, я верчу колесо: я остановлю его только тогда, когда сама пожелаю этого. Это глупое колесо не можетъ остановить мою руку. Также и душа, приводящая въ движеніе всѣ отправленія нашего тѣла, не должна быть изгнана, — она, разумная сущность, — какой-нибудь раной въ головѣ или разстройствомъ пищеваренія изъ-за какого-нибудь омара. **Не должна** быть изгнана, и изгоняется! Откуда приходится заключить, что душа — чистый вымыселъ. А это заключеніе заставляетъ рушиться одно за другимъ, какъ театральныя декораціи при пожарѣ, всѣ наши вѣрованія, самыя существенныя, самыя дорогія.

Римъ, Понедѣльникъ, 24 апрѣля. Я собиралась разсказать весь день, но ни о чемъ больше не помню. Знаю только, что на Корсо мы встрѣтили А., что онъ подбѣжалъ, радостный и сіяющій, къ нашей каретѣ и спросилъ, дома-ли мы сегодня вечеромъ. Мы дома. Увы!

Онъ пришелъ, и я вышла въ гостиную, и принялась говорить совершенно просто, какъ остальные. Онъ сказалъ, что пробылъ четыре дня въ монастырѣ, остальные — въ деревнѣ. Теперь онъ въ мірѣ со своими родителями, онъ будетъ вы-

ѣзжать въ свѣтъ, будетъ благоразумно вести себя и думать о будущемъ. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ, что я преспокойно веселилась въ Неаполѣ, была по своему обыкновенію кокетлива и что все доказываетъ, что я не люблю его. Онъ также сказалъ мнѣ, что видѣлъ меня въ то воскресенье подлѣ монастыря Giovanni et Paolo. И чтобы доказать, что говоритъ правду, онъ описалъ мнѣ, какъ я была одѣта и что дѣлала; я должна сказать — совершенно точно.

Вторникъ, 25 апрѣля. Мнѣ кажется, что онъ меня больше не любитъ. Что-жъ — въ добрый часъ. И отъ этой мысли мнѣ становится жарко, у меня кипитъ кровь, и холодъ пробѣгаетъ по спинѣ!

Я гораздо больше люблю это, о да, по крайней мѣрѣ я въ бѣшенствѣ, въ бѣшенствѣ, въ бѣшенствѣ,

Сегодня вечеромъ, противъ всякаго ожиданія, у насъ довольно многочисленное собраніе, между другими — А.

Все общество вокругъ стола, я съ Піетро — у другого. Мы разсуждали о любви вообще и о любви Піетро въ частности. У него на этотъ счетъ отчаянные принципы, или вѣрнѣе, онъ теперь такъ безумствуетъ, что вовсе не имѣетъ ихъ. Онъ говорилъ въ такомъ легкомъ тонѣ о своей любви ко мнѣ, что я не знаю, что и думать. Впрочемъ, онъ такъ похожъ на меня характеромъ, что это просто удивительно.

Не помню, что тутъ было сказано, но уже черезъ пять минутъ мы были въ мирѣ, объяснились и заговорили о бракѣ, — онъ, по крайней мѣрѣ, я большую часть времени молчала.

— Вы уѣзжаете въ четвергъ?

— Да, и вы меня забудете.

— О, да нѣтъ же! Я пріѣду въ Ниццу.

— Когда?

— Какъ только можно будетъ. Теперь я не могу.

— Почему? Скажите, скажите, сейчасъ же!

— Мой отецъ не позволилъ бы мнѣ.

— Но вамъ остается только сказать ему правду.

— Конечно, я ему скажу, что ѣду туда для васъ, что я люблю васъ, что я хочу жениться, но только не теперь. Вы не знаете моего отца, онъ только что простилъ меня, но я еще не смѣю ни о чемъ просить его.

— Переговорите съ нимъ завтра.

— Я не смѣю. Я еще не заслужилъ его довѣрія. Подумайте, — цѣлыхъ три года онъ не говорилъ со мной... Черезъ мѣсяцъ я буду въ Ниццѣ.

— Черезъ мѣсяцъ меня уже тамъ не будетъ.

— Куда же вы поѣдете?

— Въ Россію. И вотъ — я уѣду, и вы меня забудете.

— Ну, черезъ пятнадцать дней я буду въ Ниццѣ, и тогда... И тогда мы поѣдемъ вмѣстѣ... Я васъ люблю, я васъ люблю! — повторилъ онъ, падая на колѣни.

— Вы счастливы?—спросила я, сжимая его голову своими руками.

— О, да! Потому что я вѣрю въ васъ, вѣрю вашему слову.

— Пріѣзжайте въ Ниццу теперь же, — сказала я.

— О! Если бы я могъ!

— Люди могутъ все, чего хотятъ.

Четвергъ, 27 апрѣля. Господи! Ты былъ такъ добръ ко мнѣ до сихъ поръ, помоги, мнѣ теперь, сжалься надо мной!

И Богъ помогъ мнѣ.

На вокзалѣ я расхаживаю вдоль и поперекъ съ Піетро.

— Я васъ люблю! воскликнулъ онъ, — и я вѣчно буду любить васъ, можетъ быть, на горе себѣ.

— И вы видите, что я уѣзжаю, и вамъ это все равно.

— О, не говорите этого! Вы не можете говорить этого, вы не знаете, что я выстрадалъ! И я вѣдь зналъ все время, гдѣ вы и что вы дѣлаете... Съ той минуты, какъ я васъ увидѣлъ, я совершенно измѣнился: посмотрите хорошенько. Но вы вѣчно третируете меня, какъ я не знаю кого! Ну, если я и дѣлалъ глупости въ своей жизни, — кто же ихъ не дѣлалъ, — этого еще недостаточно, чтобы считать меня какимъ-то негодяемъ, какимъ-то взбалмошнымъ повѣсой. Для васъ я все сдѣлалъ; для васъ я примирился съ семьей.

— Ну, это не для меня! Я совершенно не понимаю причемъ я въ этомъ примиреніи.

— Ахъ! Ну да поэтому, что я серьезно думалъ о васъ.

— Какъ?

— Вы вѣчно хотите, чтобы вамъ выкладывали все въ подробностяхъ, математически, а есть извѣстныя вещи, которыя должны подразумѣваться и отъ этого нисколько не менѣе очевидны! И вы просто смѣетесь надо мной.

— Это неправда.

— Вы меня не любите?

— Да, и послушайте, вотъ что. Я не имѣю привычки повторять два раза. Я хочу, чтобъ мнѣ вѣрили сейчасъ же. Я еще никогда никому не говорила того, что сказала вамъ. Я очень оскорблена, потому что мои слова, вмѣсто того, чтобы быть принятыми, какъ милость, приняты чрезвычайно легкомысленно и подвергаются какимъ-то толкованіямъ. И вы смѣете сомнѣваться въ томъ, что я говорю! Право, вы Богъ знаетъ до чего доведете меня.

Онъ сконфузился и извинился; мы больше почти не говорили.

— Вы мнѣ напишите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, этого я не могу, но я позволяю вамъ написать мнѣ.

— А-а! Прекрасная любовь, нечего сказать! — воскликнулъ онъ.

— Послушайте, —сказала я серьезно,—не просите слишкомъ многаго. Это вѣдь еще очень большое снисхожденіе, если молодая дѣвушка позволяетъ написать себѣ. Если вы этого не знали, то примите къ свѣдѣнію. Но сейчасъ мы должны садиться въ вагонъ, не будемъ тратить время на пустые споры. Вы мнѣ напишите?

— Да. И что бы вы ни говорили, я чувствую, что люблю васъ, какъ никогда никого больше не буду любить. Вы любите меня?

Я сдѣлала утвердительный знакъ головой.

— Вы всегда будете любить меня?

Тотъ же знакъ.

— Ну, до свиданія же, — сказала я.

— До какихъ поръ?

— До будущаго года.

— Нѣтъ!

— Ну, прощайте же!

И, не подавая ему руки, я вскочила въ вагонъ, гдѣ уже были всѣ наши.

— Вы не пожали мнѣ руки, — сказалъ А..., подходя.

Я протянула ему руки.

— Я васъ люблю, сказалъ онъ, очень блѣдный.

— До свиданія, говорю я тихонько.

— **Думайте иногда обо мнѣ,** сказалъ онъ, блѣднѣя еще больше, а я только о васъ и буду думать!

— Да... До свиданія!

Поѣздъ тронулся, и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній я еще могла его видѣть; онъ глядѣлъ на меня съ такимъ умиленнымъ видомъ, что могъ показаться спокойнымъ; потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но такъ какъ я была еще видна, онъ снова остановился, какъ вкопанный, потомъ надвинувъ шляпу на самые глаза, сдѣлалъ еще шагъ впередъ; потомъ мы были уже слишкомъ далеко, чтобы видѣть.

Я было бы въ отчаяніи, покидая Римъ, къ которому я такъ привыкла, если-бъ, около четырехъ часовъ, при видѣ новолунія, мнѣ не блеснула одна идея.

— Видишь ты этотъ мѣсяцъ? — спросила я у Дины.

— Да, — отвѣтила она.

— Ну, такъ этотъ серпъ будетъ прекраснѣйшей луной черезъ одиннадцать-двѣнадцать дней.

— Конечно.

— Видѣла ты Колизей при свѣтѣ луны?

— Да.

— А я не видѣла.

— Знаю.

— Но ты, можетъ быть, не знаешь, что я хочу его видѣть.

— Возможно.

— Да. Откуда слѣдуетъ, что черезъ десять или двѣнадцать дней я снова буду въ Римѣ, столько же для бѣговъ, сколько для Колизея.

— О!

— Да. Я поѣду съ тетей. И это будетъ славно; безъ тебя, безъ мамы, а съ тетей! Мы будемъ преспокойно прогуливаться, и я буду очень веселиться.

— Хорошо, — говоритъ мама, такъ это и будетъ, я тебѣ обѣщаю!

И она поцѣловала меня въ обѣ щеки.

Пятница, 28 апрѣля. Я заснула и видѣла сны ужасные, какъ кошмары.

Въ одиннадцать часовъ я уже легла, чтобъ не видѣть маслинъ и красноватой земли, а въ часъ мы уже подъѣзжали къ вокзалу Ниццы, къ величайшей радости тети, которая

очень волновалась, пришедши намъ навстрѣчу въ сопровожденіи M-lle Колиньонъ, С. и т. д., и т. д.

— Вы знаете, — кричала я имъ еще прежде, чѣмъ открыли дверцы, — мнѣ очень досадно, что я должна была возвратиться, и это только оттого, что иначе было невозможно.

И я обняла ихъ всѣхъ заразъ.

Домъ омеблированъ очаровательнѣйшимъ образомъ; моя комната ослѣпительна, обитая небесно-голубымъ атласомъ съ пуговками. Открывъ дверь на балконъ и взглянувъ на нашъ красивый садъ, бульваръ и море, я должна была высказать вслухъ:

— Что бы ни говорили, ничего не можетъ быть такого очаровательно-простого и чудно-поэтическаго, какъ Ницца!

Четвергъ, 4 мая. Настоящій сезонъ въ Ниццѣ начинается въ маѣ. Въ это время здѣсь просто до безумія хорошо. Я вышла побродить по саду при свѣтѣ еще молодого мѣсяца, пѣніи лягушекъ и ропотѣ волнъ, тихо набѣгающихъ и плещущихъ о прибрежные камни. Божественная тишина и божественная гармонія!..

Говорятъ о чудесахъ Неаполя; что до меня — я предпочитаю Ниццу. Здѣсь берегъ свободно купается въ морѣ, а тамъ оно загорожено глупой стѣной съ перилами, и даже этотъ жалкій берегъ застроенъ лавками, бараками и всякой гадостью.

«Думайте иногда обо мнѣ, а я только о васъ буду думать!»

Прости ему, Господи, онъ самъ не зналъ, что говорилъ. Я ему позволяю писать мнѣ, а онъ не пользуется даже этимъ позволеніемъ! Пошлетъ-ли онъ хоть обѣщанную мамѣ телеграмму?

Пятница, 5 мая. Итакъ, я говорила... что? — Да, что Піетро ведетъ себя непростительно по отношенію ко мнѣ.

Я не могу понять эту нерѣшительность, даже не любя его!

Я читала въ романахъ, что часто человѣкъ кажется забывчивымъ и равнодушнымъ именно потому, что любитъ.

Хотѣла бы я вѣрить романамъ.

Мнѣ скучно и хочется спать, и въ этомъ состояніи мнѣ хочется видѣть Піетро и слышать его разсужденія о любви. Мнѣ хотѣлось бы видѣть во снѣ, что онъ тутъ, мнѣ хотѣлось бы видѣть хорошій сонъ. Дѣйствительность опасна.

нѣжна.

Когда же, наконецъ, кончится эта жизнь тоски, разочарованій, зависти и огорченій!

Когда же, наконецъ, буду я жить, какъ бы мнѣ хотѣлось! Замужемъ за человѣкомъ очень богатымъ, съ громкимъ именемъ и симпатичнымъ, потому что я вовсе не такъ корыстолюбива, какъ вы думаете. Впрочемъ, если я и не корыстолюбива, то тоже изъ эгоизма.

Это было бы ужасно— жить съ человѣкомъ, котораго ненавидишь. Ни богатство, ни положеніе не могло бы удовлетворить меня. О, Боже мой, Святая Дѣва Марія, помоги мнѣ!

6 мая. Знаете, — я безумно хотѣла бы видѣть Піетро. Сегодня вечеромъ я даю праздникъ, какихъ уже много лѣтъ не видѣла rue de France. Вы, можетъ быть, знаете, что въ Ниццѣ существуетъ обычай **встрѣчать май,** т. е. вѣшать вѣнокъ и фонарь и плясать подъ нимъ въ хороводѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ницца принадлежитъ Франціи, обычай этотъ постепенно исчезаетъ; во всемъ городѣ едва можно было видѣть какихъ-нибудь три, четыре фонаря.

И вотъ, я даю имъ *rossigno*; я называю это такъ потому, что Rossigno che vola — самая популярная и самая красивая пѣсня въ Ниццѣ.

Я велю приготовить заранѣе и повѣсить посреди улицы громадную махину изъ вѣтвей и цвѣтовъ, украшенную венеціанскими фонариками.

У стѣны нашего сада Трифону (слуга дѣдушки) было поручено устроить фейерверкъ и освѣщать сцену время отъ времени бенгальскими огнями. Трифонъ не чувствуетъ подъ собой ногъ отъ радости. Все это великолѣпіе сопровождается музыкой арфы, флейты и скрипки и поливается виномъ въ изобиліи. Добрыя женщины пришли пригласить насъ на ихъ террасу, потому что я и Ольга смотрѣли однѣ со ступенекъ деревянной лѣстницы.

Мы отправляемся на террасу сосѣдей — я, Ольга, Мари и Дина, потомъ становимся посреди улицы, созываемъ танцующихъ и съ успѣхомъ стараемся возбудить оживленіе.

Я пѣла и кружилась съ остальными, къ удовольствію добродушныхъ горожанъ Ниццы, особенно — людей нашего

квартала, которые всѣ знаютъ меня и называютъ «mademoiselle Marie».

Не будучи въ состояніи дѣлать что-нибудь, я стараюсь быть популярной, и это льститъ мамѣ. Она не смотритъ ни на какія издержки. Особенно понравилось всѣмъ, что я пѣла и сказала нѣсколько словъ на ихъ нарѣчіи.

Въ то время, какъ я стояла на лѣстницѣ съ Ольгой, которая ежеминутно дергала меня за юбки, мнѣ очень хотѣлось произнести рѣчь, но я благоразумно удержалась, на этотъ годъ... Я смотрѣла на пляску и слушала крики, совершенно замечтавшись, какъ это часто бываетъ со мной. Когда же фейерверкъ закончился великолѣпнымъ «солнцемъ», мы вернулись домой, среди ропота удовлетворенія.

Воскресенье, 7 мая. Я нахожу извѣстное удовлетвореніе въ разумномъ презрѣніи ко всему человѣческому роду. По крайней мѣрѣ не поддаешься иллюзіямъ. Если Піетро забылъ меня, — это кровное оскорбленіе, и вотъ еще одно имя на моихъ табличкахъ ненависти и мщенія...

Нѣтъ, таковъ, каковъ онъ есть, — родъ человѣческій мнѣ нравится, и я люблю его и составляю часть его, и живу со всѣми этими людьми, и отъ нихъ зависитъ все мое богатство и все мое счастье.

Впрочемъ, все это глупо. Но въ этомъ мірѣ все, что не грустно, — глупо, и все, что не глупо, — грустно.

Завтра въ три часа я уѣзжаю въ Римъ, столько же, чтобы развлечься, сколько для того, чтобы презирать А..., если онъ подастъ къ этому поводъ.

Четвергъ, 11 мая. Я выѣхала вчера въ два часа съ тетей.

Это ужасное доказательство любви, которое я, повидимому, даю Піетро.

Что же! Тѣмъ хуже! Если онъ думаетъ, что я люблю его, если онъ вѣритъ въ такую невозможно-громадную вещь— онъ просто глупъ.

Въ два часа мы уже въ Римѣ! я бросаюсь на извозчика, тетя слѣдуетъ за мной и... и... я въ Римѣ! Боже! Какая радость!

Наши вещи пріѣдутъ только завтра. Чтобы идти смотрѣть на бѣга, мы принуждены довольствоваться нашими дорожными платьями. Впрочемъ, это было очень мило — мой сѣрый костюмъ и фетровая шляпа. Я веду тетю на Корсо (что

за прелестная вещь опять увидѣть Корсо послѣ Ниццы!). Я оглушила ее всякими глупостями и объясненіями: мнѣ все казалось, что она ничего не видитъ.

А вотъ и *Caccia-Club*; мой проходъ вызываетъ волненіе; **монахъ** остается съ разинутымъ ртомъ, потомъ снимаетъ шляпу и улыбается до ушей.

Мы идемъ на виллу Боргезе, гдѣ въ настоящее время областной конкурсъ земледѣлія. Всѣ очень удивлены, видя меня, появляющейся уже третій разъ. Я очень извѣстна въ Римѣ.

Я дѣлаю знакъ Піетро подойти; онъ такъ и сіяетъ и смотритъ на меня глазами, говорящими, что онъ принимаетъ все это въ серьезъ.

Онъ заставилъ насъ очень много смѣятся, описывая свое пребываніе въ монастырѣ. Онъ согласился, говоритъ онъ, отправиться туда всего на четыре дня, а какъ только онъ попалъ туда, его продержали цѣлыхъ семнадцать дней.

— Зачѣмъ же вы лгали, говоря, что были въ Террачинѣ?

— Да мнѣ было стыдно сказать правду!

— А друзья въ клубѣ знаютъ это?

— Да. Сначала я говорилъ, что былъ въ Террачинѣ, потомъ со мной заговорили о монастырѣ, и я кончилъ тѣмъ, что все разсказалъ, и самъ я смѣялся, и всѣ смѣялись. Торлоніа былъ въ бѣшенствѣ.

— Почему?

— Да потому, что я не сказалъ ему всего сначала. Потому, что я не имѣлъ къ нему достаточно довѣрія.

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ — чтобы понравиться отцу — онъ сдѣлалъ видъ, будто бы нечаянно уронилъ изъ кармана четки: чтобы тотъ вообразилъ, что онъ всегдо носитъ ихъ на себѣ. Я осыпала его насмѣшками и дерзостями, на которыя онъ отвѣчалъ прекрасно, надо ему отдать справедливость.

Суббота, 13 мая. Я не скрываю ни чувствъ, ни мыслей своихъ, и у меня не хватаетъ даже силъ вынести свои огорченія съ достоинствомъ: я плакала. И въ то время, какъ я пишу, я слышу шорохъ отъ слезъ, падающихъ на бумагу, крупныхъ слезъ, свободно бѣгущихъ безъ всякой гримасы на лицѣ. Я легла, было, на спину, чтобы вогнать ихъ назадъ, но это не удалось.

Вмѣсто того, чтобы сказать, что заставило меня плакать, я разсказываю, какъ я плачу! Да и какъ сказать — по-

чему? Я ни въ чемъ не отдаю себѣ отчета. Какъ! — говорила я себѣ, лежа съ закинутой головой на диванѣ, — какъ же это такъ? Такъ онъ забылъ? Конечно, потому что онъ повелъ самую равнодушную бесѣду, перемѣшанную съ какими-то словами, произнесенными такъ тихо, что я даже не слыхала ихъ; да, наконецъ, еще и повторилъ, что онъ любитъ меня только вблизи, что я — ледяная, что онъ уѣдетъ въ Америку, что, видя меня вблизи, онъ меня любитъ, а какъ только я вдали — забываетъ.

Я очень сухо просила его больше не говорить объ этомъ.

Ахъ, я не могу писать, и вы сами видите, что я должна чувствовать, и какъ я оскорблена!

Я не могу писать. И однако что-то мнѣ приказываетъ. Пока я не разскажу всего, что-то внутри мучитъ меня.

Я болтала и преспокойно сидѣла за чаемъ до половины одиннадцатаго. Тогда пришелъ Піетро. С. скоро ушелъ, и мы остались втроемъ. Разговоръ зашелъ о моемъ дневникѣ, т. е. о разбираемыхъ въ немъ вопросахъ, и А... попросилъ меня прочесть ему оттуда что-нибудь относительно Бога и души. Тогда я пошла въ переднюю и, ставши на колѣни передъ знаменитой бѣлой шкатулкой, стала искать, а Піетро держалъ свѣчу... Но отыскивая, я натыкалась на многіе эпизоды общаго интереса, я прочитывала, и это продолжалось около получаса.

Потомъ, возвратившись въ гостиную, онъ сталъ разсказывать различные анекдоты изъ своей жизни, начиная съ восемнадцатилѣтняго возраста.

Я слушала все, что онъ разсказывалъ, съ нѣкоторымъ страхомъ и нѣкоторой долей ревности.

Эта полная его зависимость леденитъ меня: запрети они ему любить меня, онъ послушается — я увѣрена.

Его семья, эти священники, монахи пугаютъ меня. Хотя онъ и говорилъ мнѣ объ ихъ добротѣ, но меня охватываетъ ужасъ — при мысли объ этихъ безобразіяхъ и этой тираніи. Да! Они внушаютъ мнѣ страхъ, и оба его брата — также; но дѣло не въ этомъ, я всегда свободна согласиться или отказать.

Я благодарю Бога за то, что онъ развязалъ мнѣ перо; вчера, — это была пытка, я ни въ чемъ не могла отдать себѣ отчета.

Все, что я слышала сегодня, всѣ заключенія, которыя я отсюда вывела, и все предыдущее — какъ-то слишкомъ тяжело для моей головы. И потомъ, это просто сожалѣніе о томъ, что онъ ушелъ; до завтра — такъ долго! Я почувствовала желаніе плакать отъ неизвѣстности, а, можетъ быть, и отъ любви.

Среда, 17 мая. У меня накопилось много чего сказать, еще со вчерашняго дня, но все стушевывается передъ сегодняшнимъ вечеромъ.

Онъ опять заговорилъ со мной о своей любви; я увѣряла его, что это безполезно, потому что мои родители все равно бы никогда не согласились.

— Они въ своемъ родѣ правы, говорилъ онъ мечтательно: я не способенъ никому дать счастья. Я сказалъ это матери, я говорилъ съ ней о васъ, я сказалъ: «она такая религіозная и добрая, а я ни во что не вѣрю, я совершенно негодный человѣкъ». Подумайте сами: я пробылъ семнадцать дней въ монастырѣ, я молился, размышлялъ, и не вѣрю въ Бога, и религія для меня не существуетъ; я ни во что не вѣрю.

Я посмотрѣла на него испуганными, широко-раскрытыми глазами.

— Нужно вѣрить, говорю я, взявъ его руку, надо исправиться, надо быть добрымъ.

— Это не возможно, никто не можетъ меня любить такимъ, каковъ я есть; не правда-ли?

— Гм... Гм...

Я очень несчастливъ. Вы никогда не составите себѣ понятія о моемъ положеніи. Повидимому, я добръ со своими, но это только повидимому; я ихъ всѣхъ ненавижу — моего отца, моихъ братьевъ, даже мою мать; я очень несчастливъ. А спросятъ меня почему? Я не знаю!.. О, эти священники! — воскликнулъ онъ, сжимая кулаки и зубы и поднимая къ небу лицо, искаженное ненавистью.—Эти попы! О! если бы вы только знали, что это!..

Онъ едва пришелъ въ себя.

— И однако я люблю васъ, и васъ одну. Когда я съ вами, я счастливъ.

— А доказательство?

— Приказывайте.

— Пріѣзжайте въ Ниццу.

— Вы выводите меня изъ себя, говоря это. Вы знаете, что я не могу.

— Почему?

— Потому что мой отецъ не хочетъ мнѣ давать денегъ, потому что мой отецъ не хочетъ, чтобъ я ѣхалъ въ Ниццу.

— Я понимаю; но если вы ему скажете, зачѣмъ вы туда ѣдете?

— Онъ не захочетъ. Я говорилъ матери; она мнѣ не вѣритъ. Они всѣ такъ привыкли къ моему дурному поведенію, что больше не вѣрятъ мнѣ.

— Надо исправиться; надо пріѣхать въ Ниццу.

— Да вѣдь вы говорите, что мнѣ будетъ отказано.

— Я не сказала, что будетъ отказано мною.

— Это было бы слишкомъ, — сказалъ онъ, близко глядя на меня, — это было бы... какъ сонъ.

— Но хорошій сонъ, неправда-ли?

— О, да!

— Такъ вы спросите у вашего отца?

— Конечно, да; но онъ не хочетъ, чтобы я женился. Нѣтъ, я говорю, что для этого надо заставить говорить духовника.

— Ну что-жъ, заставьте его говорить.

— Боже мой! И это вы говорите?

— Да, вы понимаете, что я не держусь особенно за васъ, но я просто хочу дать это удовлетвореніе своей оскорбленной гордости.

— Я несчастный, проклятый человѣкъ въ этомъ мірѣ!

Безполезно, да и невозможно передать всѣ эти сотни фразъ. Скажу только, что онъ повторялъ сто разъ, что любитъ меня, такимъ нѣжнымъ голосомъ и съ такими умоляющими глазами, что я сама приблизилась къ нему, и мы говорили, какъ добрые друзья, о множествѣ различныхъ вещей. Я увѣряла его, что существуетъ Богъ на небѣ и счастье на землѣ. Я хотѣла, чтобы онъ повѣрилъ въ Бога, чтобы онъ увидѣлъ его моими глазами и молился ему моимъ гососомъ...

— Ну, такъ и кончено, говорю я, отодвигаясь, прощайте!

— Я васъ люблю.

— Я вамъ вѣрю, говорю, я, сжимая обѣ его руки, и мнѣ васъ жаль!

— Вы никогда не полюбите меня?

— Когда вы будете свободны.

— Когда я умру.

— Я не могу теперь, потому что я васъ жалѣю и презираю. Вамъ скажутъ, чтобы вы не любили меня, и вы послушаетесь.

— Можетъ быть!

— Это ужасно!

— Я васъ люблю, — говорилъ онъ въ сотый разъ.

Онъ заплакалъ и вышелъ. Я приблизилась къ столу, гдѣ сидѣла тетя, и сказала ей по-русски, что монахъ наговорилъ мнѣ комплиментовъ, о которыхъ я разскажу завтра.

Онъ еще разъ возвратился, и я простилась съ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не прощайтесь.

— Да, да, да. Прощайте. Я любила васъ до этого разговора **(1881. Я никогда не любила его; все это было только дѣйствіе романически-настроеннаго воображенія, ищущаго романа)**. Да, тѣмъ хуже, я сказала, я любила васъ; я ошибалась, я знаю это.

— Но... — началъ онъ.

— Прощайте.

— Такъ вы больше не поѣдете верхомъ въ Тиволи завтра?

— Нѣтъ.

— И вы отказываетесь не изъ-за усталости?

— Нѣтъ! Усталость только предлогъ, я больше не хочу васъ видѣть.

— Но, нѣтъ! Это невозможно, говорилъ А., держа мои руки.

— До свиданія!

— Вы сказали мнѣ, чтобы я переговорилъ съ отцемъ и пріѣхалъ въ Ниццу? — говоритъ А... на лѣстницѣ передъ уходомъ.

— Да.

— Я это сдѣлаю, и я пріѣду во что бы то ни стало, клянусь вамъ.

И онъ ушелъ.

Три дня тому назадъ у меня явилась новая идея, что я скоро умру; я кашляю... Третьяго дня я сидѣла въ залѣ, было уже два часа утра; тетя торопила меня идти спать, а я не двигалась, говоря, что это доказательство тому, что я скоро умру.

— Что-жъ, — говоритъ тетя, — при такихъ условіяхъ я не сомнѣваюсь, что ты умрешь.

— И тѣмъ лучше для васъ, будетъ меньше расходовъ, не надо будетъ столько платить Лаферрьеръ!

И въ сильномъ припадкѣ кашля я откинулась на диванъ, къ великому испугу тети, которая выбѣжала изъ комнаты, дѣлая видъ, что сердится.

Пятница, 19-мая. Тетя пошла въ Ватиканъ, а я, не имѣя возможности быть съ Піетро, предпочитаю побыть одна. Онъ придетъ къ пяти часамъ; я бы такъ хотѣла, чтобы тетя къ тому времени еще не возвратилась. Я хотѣла бы остаться съ нимъ наединѣ, но такъ, чтобы это казалось невольнымъ, потому что я не могу больше показывать ему, что я ищу встрѣчи съ нимъ.

— Я только что пѣла и чувствую боль въ груди. И вотъ вы уже видите, что я позирую какъ бы въ роли мученицы! Какъ это глупо!

Я причесана, какъ Венера Капитолійская, одѣта въ бѣлое, какъ Беатриче, съ четками и перламутровымъ крестомъ на шеѣ.

Что ни говори, а есть въ человѣкѣ извѣстная потребность въ идолопоклонствѣ, въ матеріальныхъ ощущеніяхъ! Бога въ простотѣ Его величія не достаточно. Нужны образа, чтобы глядѣть на нихъ, и кресты, чтобы къ нимъ прикладываться.

Вчера вечеромъ я сосчитала буски своихъ четокъ: ихъ шестьдесятъ, и я шестьдесятъ разъ положила земной поклонъ, каждый разъ прикасаясь лбомъ къ самому полу. У меня, наконецъ, захватило дыханіе отъ этого, и мнѣ казалось, что этотъ поступокъ пріятенъ Богу. Это, конечно, вздоръ, и однако въ это вложено искреннее желаніе угодить Богу.

Придаетъ-ли Богъ цѣну этому желанію?

Ахъ да, у меня есть Новый Завѣтъ, прочтемъ... Не находя святой книги, я читаю Дюма. Это далеко не одно и то же!

Тетя возвратилась въ четыре часа, а черезъ двадцать пять минутъ я очень ловко возбудила въ ней желаніе посмотрѣть церковь Sante Maria Maggiore. Теперь уже половина пятаго. Я глупо сдѣлала: нужно было услать ее въ пять часовъ, а то боюсь, какъ бы она все-таки не пришла слишкомъ рано.

Когда доложили о приходѣ графа А., я была еще одна,

потому что тетѣ пришла мысль осмотрѣть Пантеонъ, кромѣ Sante Maria Maggiore. ердце мое стучало такъ сильно, что я боялась, какъ бы этого не было слышно, какъ говорятъ въ ъроманахъ.

Онъ сѣлъ возлѣ меня и хотѣлъ взять мою руку, которую я тотчасъ же высвободила.

Тогда онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня. Я отвѣчала вѣжливой улыбкой.

— Тетя сейчасъ возвратится, — сказала я, — будьте терпѣливы.

— Мнѣ столько надо вамъ сказать!

— Правда?

— Но ваша тетя сейчасъ возвратится!

— Ну, такъ поторопитесь.

— Это серьезныя вещи.

— Посмотримъ.

— Во-первыхъ, вы дурно сдѣлали, что писали обо мнѣ всѣ эти вещи.

— Нечего говорить объ этомъ. Я васъ предупреждаю, я очень нервна, такъ что вы лучше сдѣлаете, если будете говорить попроще или ужъ лучше совсѣмъ не говорите.

— Послушайте, я говорилъ съ матерью, а мать сказала отцу.

— Ну, и что же?

— Я хорошо сдѣлалъ, не правда-ли?

— Это меня не касается; то, что вы сдѣлали, вы сдѣлали для себя.

— Вы меня не любите?

— Нѣтъ.

— А я люблю васъ, какъ безумный.

— Тѣмъ хуже для васъ, — говорю я, улыбаясь и оставляя въ его рукахъ свои руки.

— Нѣтъ, послушайте, будемъ говорить серьезно; вы никогда не хотите быть серьезной... Я васъ люблю! я говорилъ съ матерью. Будьте моей женой, — говорилъ онъ.

— Наконецъ-то! воскликнула я внутренно, но ничего не отвѣтила ему.

— Ну, что же? — спросилъ онъ?

— Хорошо, — отвѣтила я, улыбаясь.

— Знайте, — сказалъ онъ, ободрившись, — надо будетъ кого-нибудь посвятить во все это.

— Какъ?

— Да; я самъ не могу устроить все это, нужно, чтобъ кто-нибудь взялъ на себя, какой-нибудь человѣкъ — почтенный, серьезный, который поговорилъ бы объ этомъ съ отцомъ, словомъ устроилъ бы все это. Кто бы напримѣръ?

— Висконти, — говорю я, смѣясь.

— Да, — отвѣчаетъ онъ совершенно серьезно. — Я и самъ думалъ о Висконти, это именно такой человѣкъ, какого нужно. Онъ такъ старъ, что только и пригоденъ для роли Меркурія... Только, — сказалъ онъ, — я не богатъ, вовсе не богатъ. О, я согласился бы быть горбатымъ, чтобы только обладать милліонами.

— Вы этимъ ничего не выиграли бы въ моихъ глазахъ.

— О! о! о!

— Мнѣ кажется, что это, наконецъ, обидно, — говорю я, поднимаясь съ мѣста.

— Да нѣтъ, я не говорю о васъ, вы — вы исключеніе.

— Ну, такъ и не говорите мнѣ о деньгахъ.

— Боже мой! Какъ вы, право... никогда нельзя понять, чего вы хотите... Согласитесь, согласитесь быть моей женой.

Онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку, но я подставила ему крестъ моихъ четокъ, который онъ поцѣловалъ; потомъ, поднимая голову, сказалъ:

— Какъ вы религіозны, — скзалъ онъ, глядя на меня.

— А вы, вы ни во что не вѣрите?

— Я, я васъ люблю. Любите вы меня?

— Я не говорю такихъ вещей.

— Ну, ради Бога, дайте это какъ-нибудь понять мнѣ, по крайней мѣрѣ.

Послѣ минутнаго колебанія я протянула ему руку.

— Вы согласны?

— Отчасти, говорю я, вставая, — вы знаете, вѣдь у меня еще есть дѣдушка и отецъ, которые будутъ имѣть очень много противъ католическаго брака.

— Ахъ! Еще это!

— Да, еще это!

— Онъ взялъ меня за руку и посадилъ рядомъ съ собой,

противъ зеркала. Мы были очень хороши такимъ образомъ.

— Мы поручимъ это Висконти, — сказалъ А...

— Да.

— Это именно человѣкъ, какого нужно. Но такъ какъ мы еще очень молоды для брака, думаете-ли вы, что мы будемъ счастливы?

— Прежде всего еще нужно мое согласіе.

— Разумѣется. Ну, предположимъ, если вы согласитесь, будемъ-ли мы счастливы.

— Если я соглашусь, могу поклясться своей головой, что не будетъ никого въ мірѣ счастливѣе васъ.

— Ну, такъ мы женимся. Будьте моей женой.

Я улыбнулась.

— О! воскликнулъ онъ, прыгая по комнатѣ, — какъ я буду счастливъ, какъ это будетъ смѣшно, когда у насъ будутъ дѣти!

— Вы съ ума сошли!

— Да, отъ любви!

Въ эту минуту послышались голоса на лѣстницѣ; я спокойно сѣла и стала ждать тетю, которая очень скоро вошла.

У меня точно большая тяжесть отлегла отъ сердца, я развеселилась, а А. былъ просто внѣ себя.

Я была спокойна, счастлива, но мнѣ хотѣлось очень много высказать и выслушать.

За исключеніемъ нашего помѣщенія, весь нижній этажъ отеля пустой. Вечеромъ мы беремъ свѣчу и обходимъ всѣ громадные покои, еще дышащіе прежнимъ величіемъ итальянскихъ дворцовъ; но тетя была съ нами. Я не знала какъ быть.

Мы останавливаемся болѣе, чѣмъ на полчаса, въ большой желтой залѣ, и Піетро изображаетъ кардинала, своего отца и своихъ братьевъ.

Тетя забавляется тѣмъ, что пишетъ А... разныя глупости по-русски.

— Спишите это, — говорю я, взявъ книгу и написавъ нѣсколько словъ на первой страницѣ.

— Что?

— Читайте.

Я написала ему въ восьми словахъ слѣдующее:

«Уходите въ двѣнадцать часовъ, поговорю съ вами внизу».

— Поняли? — спрашиваю я, стирая.

— Да.

Съ этой минуты я почувствовала облегченіе и была какъ-то странно возбуждена. А.. каждую минуту оборачивался на часы, такъ что я боялась, какъ бы не поняли, наконецъ, причину этого. Какъ будто бы можно было отгадать! Только нечистая совѣсть способна мучить себя этими страхами. Въ двѣнадцать часовъ онъ всталъ и простился, крѣпко сжимая мнѣ руку.

— Прощайте, — сказала я ему.

Глаза наши встрѣтились, и я не сумѣю описать, какъ между ними пробѣжала искра.

— Итакъ, тетя, завтра утромъ мы уѣзжаемъ; идите къ себѣ, я васъ тамъ запру, а то вы будете мнѣ здѣсь мѣшать писать; я скоро лягу.

— Ты обѣщаешь?

— Конечно.

Я заперла тетю и, бросивъ взглядъ въ зеркало, спустилась по лѣстницѣ, куда Піетро уже раньше проскользнулъ, какъ тѣнь.

— Когда любишь, столько говорится другъ другу даже молча! По крайней мѣрѣ, я васъ люблю! — прошепталъ онъ.

Я забавлялась, разыгрывая сцену изъ романа и невольно думая о Дюма.

— Я завтра ѣду. И намъ надо серьезно переговорить, я чуть было не забыла!..

— Да, просто ничего въ голову не идетъ...

— Пойдемте, — говорю я, притворяя дверь такъ, что сквозь щель падалъ слабый лучъ свѣта.

И я сѣла на послѣдней ступенькѣ маленькой лѣсенки, въ глубинѣ коридора. Онъ сталъ на колѣни.

Каждую минуту мнѣ казалось, что кто-то идетъ, я неподвижно застывала, содрагаясь отъ каждой капли дождя, ударявшаго въ стекла.

— Да это ничего, — говорилъ мой нетерпѣливый обожатель.

— Вамъ хорошо говорить! Если бы кто-нибудь пришелъ, вы будете польщены, а я пропала бы!

Закинувъ голову, я смотрѣла на него сквозь рѣсницы.

— Со мной? — сказалъ онъ, понявъ мои слова въ другомъ смыслѣ, — со мной? Я слишкомъ люблю васъ, вы можете быть вполнѣ спокойны.

Я протянула ему руку, услышавъ эти благородныя слова.

— Развѣ я не былъ всегда приличенъ и почтителенъ.

— О, нѣтъ, не всегда. Разъ вы даже хотѣли меня обнять.

— Не говорите объ этомъ, прошу васъ. Вѣдь я такъ просилъ васъ простить меня. Будьте добрая, простите меня.

— Я простила васъ, — сказала я потихоньку.

Мнѣ было такъ хорошо!.. Такъ ли это бываетъ, думала я, когда любятъ? Серьезно ли это?.. Мнѣ все казалось, что онъ сейчасъ разсмѣется, — такъ онъ былъ сосредоточенъ и нѣженъ.

Я опустила глаза передъ этимъ необычайнымъ блескомъ его глазъ.

— Ну, видите, мы опять забыли говорить о дѣлахъ; будемъ серьезны и поговоримъ.

— Да, поговоримъ.

— Во-первыхъ, какъ быть, если вы уѣзжаете завтра? Не уѣзжайте, прошу васъ, не уѣзжайте!

— Это невозможно; тетя...

— Она такая добрая! останьтесь.

— Она добра, но она не согласится... И поэтому — прощайте... можетъ быть навсегда!

— Нѣтъ, нѣтъ же, вѣдь вы согласились быть моей женой.

— Когда?

— Въ концѣ этого мѣсяца я буду въ Ниццѣ. Если вы согласитесь на то, чтобы я удралъ, сдѣлавъ долгъ, я поѣду завтра же.

— Нѣтъ, я этого не хочу; въ такомъ случаѣ я васъ больше не увижу.

— Но вы не можете помѣшать мнѣ ѣхать безумствовать въ Ниццу.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я вамъ это запрещаю!

— Ну, такъ надо ждать, чтобы мой отецъ далъ мнѣ денегъ.

— Послушайте, я надѣюсь, что онъ будетъ разсудителенъ.

— Да онъ ничего не имѣетъ противъ, мать говорила съ нимъ; но если онъ не дастъ мнѣ денегъ? Вы знаете, какъ я зависимъ, какъ я несчастливъ!

— Потребуйте.

— Дайте мнѣ совѣтъ, вы разсуждающая какъ книга, вы, говорящая о душѣ, о Богѣ; дайте мнѣ совѣтъ?

— Молитесь Богу, — говорю я, подавая ему мой крестъ и готовая разсмѣяться, если онъ приметъ это въ шутку, и соблюсти свой строгій видъ, если онъ приметъ это серьезно.

Онъ увидѣлъ мой невозмутимый видъ, приложилъ крестъ ко лбу и опустилъ голову въ молитвѣ.

— Я помолился, — сказалъ онъ.

— Правда?

— Правда. Но дальше... Итакъ, мы поручимъ это барону Висконти.

— Хорошо.

Я говорила «хорошо», а думала: «это мы еще посмотримъ».

— Но это еще нельзя сдѣлать такъ скоро, — сказала я.

— Черезъ два мѣсяца.

— Вы смѣетесь? — спросила я, какъ будто это было совершенно невозможно.

— Черезъ шесть.

— Нѣтъ.

— Черезъ годъ?

— Да, черезъ годъ. Вы подождете?

— Если нужно; только бы я могъ видѣть васъ каждый день.

— Пріѣзжайте въ Ниццу, потому что черезъ мѣсяцъ я уѣзжаю въ Россію!

— Я поѣду за вами.

— Это невозможно.

— Почему?

— Мать моя не захочетъ.

— Никто не можетъ помѣшать мнѣ путешествовать.

— Не говорите глупостей.

— Но вѣдь я васъ люблю!

Я нагнулась къ нему, чтобы не потерять ни одного его слова.

— Я всегда буду любить васъ,—сказалъ онъ. — Будьте моей женой.

Мы входимъ въ банальности влюбленныхъ, банальности, которыя становятся божественными, когда люди дѣйствительно полюбили навсегда.

— Да, право, — говорилъ онъ, — это было бы такъ хо-

рошо прожить жизнь вмѣстѣ, у вашихъ ногъ... обожая васъ... Мы оба будемъ стары, такъ стары, что будемъ нюхать табакъ, и все-таки всегда будемъ любить другъ друга. Да, да, да... милая!..

Онъ не находилъ другъ словъ, и эти слова, такія обыкновенныя, становились въ его устахъ величайшей лаской.

Онъ смотрѣлъ на меня, сложивъ руки. Потомъ мы разсуждали, потомъ онъ бросился къ моимъ ногамъ, крича задыхающимся голосомъ, что я не могу его любить, какъ онъ меня любитъ, что это невозможно. Потомъ онъ захотѣлъ, чтобы мы признались другъ другу въ своемъ прошломъ.

— О! ваше прошлое, милостивый государь, меня не интересуетъ.

— О! скажите мнѣ, сколько разъ вы любили?

— Разъ.

— Кого?

— Человѣка, котораго я не знаю, котораго я видѣла десять или двѣнадцать разъ на улицѣ, который не знаетъ о моемъ существованіи. Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ и я никогда съ нимъ не говорила.

— Это сказка!

— Это правда!

— Но вѣдь это романъ, фантазія; это не возможно, это тѣнь какая-то!

— Да, но я чувствую, что я не стыжусь этой любви и что онъ сталъ для меня чѣмъ-то въ родѣ божества. Я ни съ кѣмъ его не сравниваю и не нахожу для этого никого достойнаго.

— Гдѣ же онъ?

— Да я не знаю. Очень далеко; онъ женатъ.

— Вотъ безуміе!

И мой чудакъ Піетро имѣлъ весьма недовѣрчивый и пренебрежительный видъ.

— Да это правда. И вотъ — я и люблю васъ, но это ужъ не то.

— Я вамъ даю все мое сердце, а вы мнѣ даете только половину своего, — говорилъ онъ.

— Не просите слишкомъ многаго и постарайтесь удовлетвориться.

— Но это вѣдь не все? Есть еще что-нибудь?

— Это все.

— Простите меня, но позвольте мнѣ на этотъ разъ вамъ не повѣрить. (Какъ вамъ понравится такая испорченность!)

— Нужно вѣрить правдѣ.

— Не могу.

— Ну, тѣмъ хуже! — воскликнула я, разсердившись.

— Это превосходитъ мое пониманіе, — сказалъ онъ.

— Это потому, что вы очень испорчены.

— Можетъ быть.

— Вы не вѣрите тому, что я еще никогда не позволяла поцѣловать себѣ руку?

— Простите, но я не вѣрю.

— Сядьте подлѣ меня, — говорю я, — поговоримъ и скажите мнѣ все.

И онъ разсказываетъ мнѣ все, что ему говорили и что онъ говорилъ.

— Вы не разсердитесь? — говоритъ онъ.

— Я разсержусь только въ томъ случаѣ, если вы что-нибудь скроете отъ меня.

— Ну, такъ вотъ что! Вы понимаете — наша семья здѣсь очень извѣстна...

— Да.

— А вы иностранцы въ Римѣ.

— Что же изъ этого?

— Ну, такъ моя мать написала въ Парижъ разнымъ лицамъ.

— Это вполнѣ естественно; что же обо мнѣ говорятъ.

— Пока ничего. Но, что бы тамъ ни говорили, я буду вѣчно любить васъ.

— Я не нуждаюсь въ снисхожденіи...

— Теперь, говоритъ онъ, затрудненіе въ религіи.

— Да, въ религіи.

— О! — протянулъ онъ съ спокойнѣйшимъ видомъ. — Сдѣлайтесь католичкой.

Я остановила его **очень рѣзко**.

— Хотите, чтобы я перемѣнилъ религію? — воскликнулъ А...

— Нѣтъ, если бы вы это сдѣлали, я бы стала васъ презирать.

Въ дѣйствительности я сердилась бы только изъ-за кардинала.

— Какъ я васъ люблю! Какъ вы прекрасны! Какъ мы будемъ счастливы!

Вмѣсто всякаго отвѣта, я взяла его голову въ свои руки и стала цѣловать его въ лобъ, въ глаза, въ волосы. Я сдѣлала это больше для него, чѣмъ для себя.

— Мари! Мари! — закричала тетя наверху.

— Что такое? — спросила я спокойнымъ голосомъ, просунувъ голову въ дверь, чтобы казалось, что голосъ раздается изъ моей комнаты.

— Два часа, пора спать...

— Я сплю.

— Ты раздѣта?

— Да, не мѣшайте мнѣ писать.

— Ложись.

— Да, да.

Я спустилась и нашла пустое мѣсто: несчастный спрятался подъ лѣстницу.

— Теперь, — сказалъ онъ, возвращаясь на свое мѣсто, — поговоримъ о будущемъ.

— Поговоримъ.

— Гдѣ мы будемъ жить? Любите вы Римъ?

— Да.

— Ну, такъ будемъ жить въ Римѣ; только отдѣльно отъ моей семьи, совсѣмъ одни!

— Еще бы, да мама никогда бы не позволила мнѣ жить въ семьѣ моего мужа.

— Она была бы совершенно права. И къ тому же у моей семьи такіе странные принципы! Это была бы пытка. Мы купимъ маленькій домикъ въ новомъ кварталѣ.

— Я предпочла бы большой.

И я подавила многозначительную гримасу.

— Ну, хорошо, большой.

И мы принялись, онъ, по крайней мѣрѣ, — строить планы на будущее.

Сейчасъ видно было, что этотъ человѣкъ торопится измѣнить свое положеніе.

— Мы будемъ выѣзжать въ свѣтъ, — сказала я, — мы будемъ жить широко, не правда-ли?

— О, да! говорите, разсказывайте мнѣ все.

— Да, когда собираешься провести вмѣстѣ жизнь, нужно обставить себя какъ можно лучше.

— Я понимаю. Вы знаете все о моей семьѣ. Но дѣло еще за кардиналомъ.

— Надо будетъ какъ-нибудь поладить съ нимъ.

— Еще бы, я это непремѣнно сдѣлаю. И вы знаете: большая доля его богатства достанется тому, кто первый будетъ имѣть сына; и надо непремѣнно сейчасъ же имѣть сына. Только вѣдь я не богатъ.

— Что же такое! — сказала я, нѣсколько непріятно задѣтая, но владѣя собой настолько, чтобы не сдѣлать презрительнаго жеста; быть можетъ, это была съ его стороны ловушка.

Потомъ, какъ бы утомленный этой серьезной бесѣдой, онъ опустилъ голову.

Occhi neri, — сказала я, закрывая ихъ рукой, потому что эти глаза пугали меня.

Онъ бросился къ моимъ ногамъ и наговорилъ мнѣ столько, столько, — что я удвоила бдительность и велѣла ему сѣсть подлѣ меня.

Нѣтъ, это не настоящая любовь. При настоящей любви не могло бы быть сказано ничего мелкаго, вульгарнаго.

Я чувствовала въ глубинѣ души недовольство.

— Будьте благоразумны!

— Да, сказалъ онъ, складывая руки, — я благоразуменъ, я почтителенъ, я люблю васъ!

Любила ли я его дѣйствительно, или только вообразила это? Кто могъ бы мнѣ сказать навѣрное? Однако, съ той минуты, какъ существуетъ сомнѣніе... сомнѣніе уже не существуетъ.

— Да, я васъ люблю, — говорю я, взявъ и сильно сжимая обѣ его руки.

Онъ ничего не отвѣтилъ; быть можетъ, онъ не понялъ всего значенія, какое я придавала этимъ словамъ; быть можетъ, они показались ему совершенно естественными? Сердце мое перестало биться. Конечно, это былъ чудный моментъ, потому что онъ остался неподвиженъ, какъ я, не произнося ни одного слова. Но мнѣ стало страшно, и я сказала ему, что пора идти.

— Ужъ пора.

— Уже? Подождите еще минуту, подлѣ меня. Какъ намъ хорошо! Вы меня любите? — сказалъ онъ, — и ты всегда будешь любить меня, скажи, ты всегда будешь любить меня? Это «ты» охладило меня и показалось унизительнымъ.

— Всегда! — говорила я, недовольная, всегда, и вы меня любите?

— О! Какъ можете вы спрашивать такія вещи! О! милая, я хотѣлъ бы, чтобы отсюда никогда нельзя было выйти!

— Мы бы умерли съ голоду, — сказала я, оскорбленная этимъ ласкательнымъ именемъ, которое онъ далъ мнѣ, и не зная какъ отвѣтить.

— Но какая прекрасная смерть! Такъ значитъ черезъ годъ? — сказалъ онъ, пожирая меня глазами.

— Черезъ годъ, — повторила я болѣе для формы, чѣмъ для чего-либо другого. Я дѣйствовала въ роли влюбленной, проникнутой сознаніемъ своего чувства, опьяненной, вдохновленной, серьезной и торжественной.

Въ эту минуту я слышу тетю, которая, видя все еще свѣтъ въ моей комнатѣ, вышла изъ терпѣнья.

— Слышите? — говорю я.

Мы поцѣловались, и я убѣжала безъ оглядки. Это какъ въ сценѣ изъ романа, который я когда-то гдѣ-то читала. Фи! Я недовольна собой. Буду-ли я всегда собственнымъ критикомъ или это потому, что я не люблю по настоящему?

— Ужъ четыре часа! — кричала тетя.

— Во-первыхъ, тетя, теперь только десять минутъ третьяго, а во вторыхъ — оставьте меня въ покоѣ.

Я раздѣлась, не переставая думать: если бы кто-нибудь видѣлъ меня входящей въ залу подлѣ лѣстницы въ полночь и выходящей оттуда въ два часа, послѣ двухъ часовъ, проведенныхъ съ глазу на глазъ съ однимъ изъ самыхъ безпутныхъ итальянцевъ, да этотъ человѣкъ не повѣрилъ бы самому Господу Богу, если бы Ему вздумалось спуститься съ неба, чтобы засвидѣтельствовать, насколько это было невинно.

Я сама, на мѣстѣ этого человѣка, не повѣрила бы и, однако, видите! Или нужно не обращать вниманія на внѣшнее? Часто такимъ образомъ судятъ и дѣлаютъ рѣшительныя заключенія, когда въ сущности **почти ничего** не было.

— Это ужасно! Ты умрешь, если будешь сидѣть такъ поздно! — кричала тетя.

— Послушайте, — говорю я, открывая дверь, — не бранитесь, или я вамъ ничего не скажу.

— О! Дьяволъ! Дьяволъ!

— О! тетя, вы раскаетесь...

— Что еще такое! О! что за дѣвушка.

— Во-первыхъ, я не писала, а сидѣла съ Пiетро.

— Гдѣ еще, **несчастная?**

— Внизу.

— Какой ужасъ!

— А! Если вы кричите, вы ничего не узнаете.

— Ты была съ А?..

— Да!

— Прекрасно, — сказала она голосомъ, который заставилъ меня содрогнуться, — я это прекрасно знала, когда только-что позвала тебя.

— Какъ?

— Я видѣла во снѣ, что мама пришла и сказала мнѣ: «Не оставляй Мари одну съ А...».

Я почувствовала холодъ въ спинѣ, понявъ, что подвергалась дѣйствительной опасности. Я выразила свои опасенiя, какъ бы не пустили печатной клеветы, какъ въ Ниццѣ.

— Ну, объ этомъ нечего говорить, — сказала тетя, — если даже стали бы говорить, писать не посмѣютъ.

Ницца. Вторникъ, 23 мая. Я хотѣла бы, однако отдать себѣ отчетъ въ одномъ: люблю я или не люблю?

У меня сложился такой взглядъ на величiе и богатство, что Пiетро кажется мнѣ очень ничтожнымъ человѣкомъ. О, Г..!

А если бы я подождала? Но чего ждать? Какого-нибудь миллiонера-князя, какого-нибудь Г.. А если я ничего не дождусь?

Я стараюсь увѣрить себя, что А... очень **шикаренъ,** но когда я вижу его совершенно вблизи, онъ кажется мнѣ еще незначительнѣе, чѣмъ онъ, быть можетъ, есть на самомъ дѣлѣ.

Что за печальный день! Я начала портретъ Колиньонъ на фонѣ голубого занавѣса. Онъ уже набросанъ, и я очень довольна собой и своей моделью, потому что она очень хорошо позируетъ.

Я отлично знаю, что А... еще не можетъ написать мнѣ, и, однако, я безпокоюсь. Сегодня вечеромъ я люблю его. Хо-

рошо ли я поступаю, принявъ его предложенiе? Пока будетъ продолжаться любовь, это будетъ хорошо, а потомъ?

Боюсь, что золотая посредственность заставитъ меня когда-нибудь повѣситься отъ бѣшенства! Я разсуждаю и спорю, какъ будто бы была полной хозяйкой въ этомъ положенiи вещей. О, ничтожество изъ ничтожествъ!

Ждать? Чего ждать?

А если ничто не придетъ? Ба! Съ моей физiономiей всегда можно найти, и доказательство... это то, что мнѣ едва шестнадцать лѣтъ, а я уже два съ половиной раза могла сдѣлаться графиней. Я говорю «съ половиной» относительно Пiетро.

Среда, 24 мая. Сегодня вечеромъ, уходя, я поцѣловала маму.

— Она цѣлуетъ, какъ Пiетро, — сказала она смѣясь.

— Развѣ онъ тебя цѣловалъ? спросила я.

— А тебя онъ цѣловалъ? — сказала Дина, смѣясь, думая, что говоритъ самую невозможную вещь и заставляя меня почувствовать сильное раскаянiе, почти стыдъ.

— О! Дина! — сказала я съ такимъ видомъ, что мама и тетя обернулись къ ней съ видомъ упрека и неудовольствiя.

— Чтобы Мари поцѣловалъ какой-нибудь господинъ! Гордую, строгую, высокомѣрную Мари, помилуйте! Мари, которая такъ хорошо разсуждаетъ объ этомъ!..

Все это заставило меня устыдиться. Дѣйствительно, для чего измѣнила я своимъ принципамъ? Я не хочу допустить, что это была слабость, увлеченiе. Если бы я это признала, я перестала бы себя уважать! Я не могу сказать, что это была любовь.

Достаточно прослыть за неприступную. Всѣ такъ привыкли видѣть меня такой, что не повѣрили бы своимъ глазамъ, даже я сама, столько разъ говорившая о щепетильности въ такихъ вещахъ, не повѣрила бы этому, не будь у меня этого журнала.

Къ тому же надо быть **доступной** только для такого человѣка, въ любви котораго увѣренъ и который не выдастъ; относительно же людей, которые только ухаживаютъ, надо быть покрытой иглами, какъ ежъ.

Будемъ легкомысленны съ серьезнымъ любящимъ человѣкомъ, но будемъ суровы съ человѣкомъ легкомысленнымъ.

Боже! какъ я довольна, что написала совершенно точно то, что я думаю!

Пятница, 26 мая. Тетя говоритъ, что А... еще вполнѣ ребенокъ.

— Это правда, — говоритъ мама.

Эти совершенно справедливыя слова показываютъ мнѣ, что я замаралась изъ-за ничего, такъ какъ все-таки я замаралась, безъ любви и безъ интереса... Вотъ что досадно.

Послѣ его отъѣзда въ Римъ, я посмотрѣлась въ зеркало, думая, что мои губы измѣнили цвѣтъ. Я такая недотрога, какъ никто въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ запачкано мое лицо, я чувствую себя грязной, точно послѣ двадцатичетырехчасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ.

А... будетъ имѣть право говорить, что я его любила и была очень несчастна, что свадьба не состоялась.

Несостоявшаяся свадьба всегда пятно въ жизни молодой дѣвушки.

Всѣ будутъ говорить, что мы любили другъ друга. И никто не скажетъ, что отказала я. Для этого мы недостаточно популярны и недостаточно важны.

Притомъ, повидимому, они будутъ правы; это приводитъ меня въ бѣшенство!..

Если бы не эти нѣсколько словъ В..., я никогда бы не зашла такъ далеко... «О, молодая дѣвица! вы еще очень юны!.. Право, мнѣ было нужно, для успокоенія моего самолюбія, получить всѣ эти предложенія. Замѣтьте, что я не сказала ничего положительнаго, я позволяла говорить, но такъ же, какъ я позволяла брать мои руки и цѣловать ихъ; молодой фатъ не замѣтилъ моего тона и, вполнѣ счастливый и возбужденный, не сталъ ни въ чемъ сомнѣваться. Я отлично знала, что онъ относился серьезно, но хотя и ожидая, я все-таки не ожидала, что его семья и всѣ эти люди поднимутъ такой шумъ. Я этого не ожидала, потому что говорила не серьезно.

Надо вамъ сказать, что человѣкъ — это мѣшокъ, наполненный самолюбіемъ и покрытый тщеславіемъ. Одно только меня немного утѣшаетъ: передъ большимъ объясненіемъ онъ мнѣ часто повторялъ, что онъ сильно страдалъ, что моимъ кокетствомъ и моимъ ледянымъ сердцемъ я дѣлала его очень несчастнымъ.

Это меня утѣшаетъ, но не удовлетворяетъ.

Чтобы ослабить всѣ записанныя мною жалобы, я хотѣла бы воспроизвести всѣ его жалобы и его страданія, которыя мнѣ казались ничтожными, потому что не я ихъ испытывала.

Говорятъ, что бѣлокурая женщина — женщина поэтическая, а я говорю, что бѣлокурая женщина — женщина по преимуществу матеріальная.

Взгляните на эти золотистые волосы, на эти пунцовыя губы, на эти темно-сѣрые глаза, на это розовое тѣло, и скажите мнѣ, какія мысли приходятъ вамъ въ голову? Впрочемъ, мы имѣемъ Венеру у язычниковъ и Магдалину у христіанъ,— обѣ бѣлокурыя.

Между тѣмъ, какъ брюнетка, которая въ сущности такая же нелѣпость, какъ бѣлокурый мужчина, — брюнетка съ бархатными глазами, съ лицомъ цвѣта слоновой кости, можетъ оставаться чистой, дивной.

Есть во дворцѣ Борджіа чудная картина Тиціана, подъ названіемъ: **Любовь чистая и любовь нечистая.** Любовь чистая это прекрасная женщина, съ розовыми щеками, съ черными волосами, нѣжно смотрящая на своего ребенка, котораго она купаетъ въ какомъ-то бассейнѣ.

Любовь нечистая — бѣлокурая женщина, быть можетъ, рыжеватая, облокотилась, не помню уже на что, ея руки сложены надъ головой.

Нормальная женщина — блондинка, **нормальный** мужчина — брюнетъ.

Разнородности и феномены бываютъ иногда удивительные, но это нелѣпости.

Никогда не увижу я ничего подобнаго герцогу Г...; онъ высокъ, силенъ, съ пріятно рыжеватыми волосами, такими же усами, небольшими, проницательными, сѣрыми глазами, съ губами точно скопированными съ губъ Аполлона Бельведерскаго.

И во всей его личности было столько величія, даже высокомѣрія и такъ ему всѣ были безразличны!

Быть можетъ, я смотрю на него глазами влюбленной. Гм!.. Не думаю.

Какъ любить человѣка некрасиваго: брюнета, очень худого, обладающаго прекрасными глазами, но еще несмѣлою

походкой,—человѣка еще совершенно неопредѣлившагося, послѣ такого человѣка, какъ герцогъ, любить даже на разстояніи трехъ лѣтъ? И примите во вниманіе, что три года — отъ тринадцати до шестнадцати — въ жизни молодой дѣвушки это три вѣка.

Итакъ, я не люблю никого кромѣ герцога! Онъ не будетъ этимъ гордиться, ему нѣтъ дѣла до этого. Часто я разсказываю себѣ сказки, я представляю себѣ людей знакомыхъ и незнакомыхъ; и знаете: даже императору я не говорю: «я васъ люблю» съ убѣжденіемъ. Есть нѣкоторые, которымъ я совсѣмъ не могу сказать этого!.. Стой! я это сказала въ дѣйствительности!..

Боже мой, да, но я такъ мало это думала, что объ этомъ не стоитъ и говорить.

Воскресенье, 28 мая. Я вернулась съ прогулки и подошла къ окну. Странно — ничто, повидимому, не измѣнилось; мнѣ кажется, что это прошлый годъ. Никогда пѣсни Ниццы не казались мнѣ такъ прекрасны; кваканье лягушекъ, журчанье фонтана, отдаленное пѣніе, — все это теряется при прозаическомъ шумѣ кареты.

Я читаю Горація и Тибула. Послѣдній говоритъ только о любви, а это ко мнѣ подходитъ. И при томъ у меня есть при латинскомъ французскій текстъ; это служитъ мнѣ упражненіемъ. Однако, какъ бы вся эта затѣянная мною исторія съ Піетро не повредила мнѣ! Я этого очень боюсь.

Не надо было ничего обѣщать А..., надо было бы ему отвѣтить:

«Благодарю васъ, милостивый государь, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, но безъ совѣта своихъ я не могу вамъ ничего сказать. Пусть ваши переговорятъ съ моими. Что же касается меня, — могла бы я прибавить для смягченія, — я не буду ничего имѣть противъ васъ».

Этого, въ сопровожденіи одной изъ моихъ любезныхъ, милыхъ улыбокъ и руки для поцѣлуя, было бы достаточно.

И я бы себя не скомпрометировала, и объ этомъ не болтали бы въ Римѣ, и все было бы хорошо.

У меня есть умъ, но всегда онъ является слишкомъ поздно.

Конечно я поступила бы лучше, отвѣтивъ, какъ вы сейчасъ прочли, но это убавило бы у меня столько удовольствія,

и при томъ жизнь такъ коротка!.. и при томъ, всегда есть какое-нибудь **при томъ!**

Я дурно поступила, не отвѣтивъ такъ прекрасно, но, право, я была такъ взволнована; разсудительные скажутъ, что да, чувствительные скажутъ, что нѣтъ.

Среда, 31 мая. Не говорятъ ли, что умные люди сходятся въ своихъ мнѣніяхъ? Я вотъ читаю Ларошфуко и нахожу у него многое, что у меня написано здѣсь. Я думала, что дѣлаю открытія, а это все уже извѣстно, все давнымъ-давно сказано... Затѣмъ я читала Горація, Лабрюера и еще третьяго.

Я боюсь за свои глаза. Во время рисованія я должна была нѣсколько разъ останавливаться, такъ какъ ничего не видѣла. Я ихъ слишкомъ утомляю, потому что я все время рисую, читаю или пишу.

Сегодня вечеромъ я просмотрѣла мои конспекты классиковъ, это меня заняло. И кромѣ того я открыла очень интересное сочиненіе о Конфуціи — латинскій текстъ и французскій переводъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ занятый умъ; работа все побѣждаетъ, — особенно умственная работа.

Я не понимаю женщинъ, которыя все свободное время проводятъ за вязаньемъ и вышиваньемъ, сидя съ занятыми руками и пустой головой. Должна приходить масса ненужныхъ, опасныхъ мыслей, а если еще есть что-нибудь особенное на сердцѣ, мысль, постоянно работая надъ однимъ и тѣмъ же, должна производить прискорбные результаты.

Если бы я была счастлива и спокойна, я могла бы, я думаю, исполнять ручную работу, размышляя о моемъ счастьѣ... Нѣтъ, тогда я стала бы думать о немъ съ закрытыми глазами, я ничего не могла бы дѣлать.

Спросите всѣхъ, кто меня знаетъ, о моемъ расположеніи духа, и вамъ скажутъ, что я дѣвушка самая веселая, самая беззаботная, съ самымъ твердымъ характеромъ и самая счастливая, такъ какъ я испытываю величайшее наслажденіе казаться сіяющей, гордой и недоступной и одинаково охотно пускаюсь въ ученый споръ или пустую болтовню.

Здѣсь меня видятъ съ внутренней стороны. Съ наружной я совсѣмъ другая. Можно подумать, что у меня нѣтъ ни одной непріятности, что я привыкла къ тому, что мнѣ повинуются и люди, и обстоятельства.

Суббота, 3 іюня. Сейчасъ, выходя изъ своей уборной, я

суевѣрно испугалась. Я увидѣла съ боку женщину въ длинномъ, бѣломъ платьѣ, со свѣчей въ рукѣ, грустно наклоненной головой, похожую на призракъ нѣмецкихъ легендъ. Разувѣрьтесь, — это было ничто иное, какъ мое отраженіе въ зеркалѣ.

О! Мнѣ страшно, я боюсь, что послѣдуетъ какое-нибудь физическое нездоровье изъ-за всѣхъ этихъ нравственныхъ мученій.

Почему все обращается противъ меня же?

Господи, прости мнѣ, что я плачу! Есть люди несчастнѣе меня, есть люди, которые терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, между тѣмъ какъ я сплю на кружевной постели; есть люди, которые ранятъ свои босыя ноги о камни мостовой, между тѣмъ какъ я хожу по коврамъ; — которымъ кровомъ служитъ только небо, между тѣмъ какъ надо мною голубой атласный потолокъ. Быть можетъ, Господи, ты меня наказываешь за мои слезы; такъ сдѣлай такъ, чтобы я болѣе не плакала!

Ко всему, мною уже выстраданному, присоединяется еще личный стыдъ, стыдъ за мою душу!

«Графъ А... просилъ ея руки, но этому воспротивились; онъ раздумалъ и ретировался».

Видите, какъ вознаграждаются добрые порывы!

О! если бы вы знали, какія отчаянныя чувства овладѣли моимъ существомъ, какая невыразимая тоска охватываетъ меня, когда я гляжу кругомъ! Все, до чего я дотрогиваюсь, вянетъ и разрушается.

И снова работаетъ воображеніе, снова, мнѣ кажется, я слышу:

«Графъ А... просилъ ея руки» и т. д., и т. д.

Воскресенье, 4 іюня. Когда Христосъ исцѣлилъ бѣсноватаго, ученики спросили его, почему тѣ, которые пробовали исцѣлить его, не могли этого сдѣлать? Христосъ отвѣчалъ имъ: это изъ-за вашего невѣрія, потому что истинно говорю вамъ, если бы вы имѣли вѣру съ горчичное зерно и сказали бы этой горѣ — «перейди сюда», она перешла бы и ничего не было бы невозможнаго для васъ.

Читая эти слова, я какъ бы прозрѣла и, быть можетъ, въ первый разъ повѣрила въ Бога. Я поднималась, я не чувствовала себя; я складывала руки, я поднимала глаза, я улыбалась, я была въ экстазѣ.

Никогда, никогда не буду я болѣе сомнѣваться,— не для того, чтобы заслужить что-нибудь, но потому, что я убѣждена, потому что я вѣрю.

До двѣнадцати лѣтъ меня баловали, исполняли всѣ мои желанія, но никогда не заботились о моемъ воспитаніи. Въ двѣнадцать лѣтъ я попросила дать мнѣ учителей, я сама составила программу. Я всѣмъ обязана самой себѣ...

Понедѣльникъ, 5 іюня. Дина, m-lle Колиньонъ и я оставались до двухъ часовъ на моей террасѣ, любуясь луной, отражавшейся въ морѣ.

Я разсуждала о дружбѣ и объ отношеніи къ ближнимъ; разговоръ произошелъ по поводу того, что С. еще не писали. Извѣстно восхищеніе, которое питаетъ къ нимъ m-lle Колиньонъ. Къ тому же она имѣетъ потребность обожать кого-нибудь; это самая романическая, самая сентиментальная женщина на свѣтѣ. Она видитъ дружбу и счастье въ довѣріи. Я — наоборотъ.

Подумайте, какъ бы я была несчастна, если бы питала большую дружбу къ С. Никогда не раскаиваются въ благодѣяніе, въ любезности, въ услугѣ, въ порывѣ, исходящемъ изъ сердца; раскаиваются только тогда, когда за это платятъ неблагодарностью. И для сердечнаго человѣка большое горе знать, что симпатія, которую чувствуешь, дружба, которую къ кому-нибудь испытываешь, потеряны!

— О! Мари, я несогласна съ вами.

— Но нѣтъ, послушайте... Вотъ я, напримѣръ, изъ силъ выбиваюсь, стараясь что-нибудь объяснить вамъ, я исчерпываю всевозможныя разсужденія и когда цѣлый часъ я говорила, убѣждала, увѣряла — вдругъ замѣчаю, что вы глухи...

— Тогда, разумѣется.

— Я васъ не обвиняю, я никогда ни въ чемъ не обвиняю, потому что я ничего и ни отъ кого не жду. Противоположность неблагодарности могла бы меня удивить. Увѣряю васъ, лучше смотрѣть на жизнь и на людей, какъ я, не давать имъ никакого мѣста въ своемъ сердцѣ и пользоваться ими какъ ступеньками лѣстницы.

— Мари! Мари!

— Что хотите! Вы созданы иначе, чѣмъ я! Послушайте, я увѣрена, что вы уже говорили С. и другимъ довольно дурно обо мнѣ. Я увѣрена въ этомъ такъ же, какъ если бы слышала

это собственными ушами. И между тѣмъ я отношусь къ вамъ какъ относилась прежде, какъ буду относиться всегда.

— Это чтеніе фолософовъ внушаетъ вамъ подобныя мысли, вы подозрѣваете весь міръ.

—Я не подозрѣваю, я только не довѣряю; а это большая разница.

— Нѣтъ, Мари, вы ни къ кому не питаете дружбы!..

— Но подумайте, что было бы, если бы я ее питала! Предположимъ, что вмѣсто того, чтобы принимать Мари и Ольгу за то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. за добрыхъ дѣвушекъ, которыя немало подсмѣивались надо мной, какъ и я надъ ними — что я бы нѣжно подружилась съ Ольгой. Я пишу ей изъ Рима, она отвѣчаетъ мнѣ три слова черезъ три недѣли; я пишу ей еще и на этотъ разъ она мнѣ совсѣмъ не отвѣчаетъ. Что вы скажите объ этомъ? И это не первый примѣръ.

— Но какъ вы можете требовать чего-нибудь отъ вашихъ подругъ, когда сами ничего имъ не даете?

— Мы не понимаемъ другъ друга. Я оказываю имъ всевозможное вниманіе. Я готова сдѣлать для нихъ все, что я могу; пусть онѣ попросятъ у меня, что угодно, я все сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ; но я не даю моимъ подругамъ моего сердца, потому что, повѣрьте, мнѣ досадно давать его, ничего не получая взамѣнъ.

— Никогда не можетъ быть досадно, когда поступишь хорошо, когда исполнишь свой долгъ.

— Дружба не есть долгъ. Вы не дѣлаете ни добра, ни зла, даря вашу дружбу. Такая дружба, какъ ваша, не чувствительна, потому что у васъ это постоянная потребность; но если она идетъ изъ глубины сердца, то очень прискорбно видѣть, что на нее отвѣчаютъ неблагодарностью.

—Если кто-нибудь неблагодаренъ, тѣмъ хуже для него.

— Вотъ это эгоистично. Прежде я думала, что люблю весь міръ; но я вижу, что всемірная любовь есть ничто иное, какъ всемірное равнодушіе. Я питаю величайшее расположеніе къ себѣ подобнымъ. Я вижу, какіе они дурные, и это дѣлаетъ меня въ высшей степени снисходительной... Читали вы Эпиктета? Я нахожу, что въ дружбѣ надо быть стоикомъ. Вы получаете толчокъ, и вы не можете удержать проявленія удивленія или страха, — это не отъ васъ зависитъ; но отъ васъ

зависитъ — не покориться вашимъ первымъ чувствамъ. Нельзя помѣшать себѣ почувствовать то или другое предпочтеніе, но можно помѣшать себѣ **покориться ему.**

— Эти чтенія ведутъ къ атеизму. Вы кончите полнымъ невѣріемъ.

— О, нѣтъ. Если бы вы знали мои мысли, вы бы этого не сказали.

— Философовъ вредно читать.

— Нѣтъ, не вредно, когда имѣешь солидный умъ... Но знаете, — сказала я, — если взвѣсить хорошенько, только одно на свѣтѣ стоитъ чего-нибудь (я говорю о чувствахъ) — любовь.

— Да.

— Нѣтъ на свѣтѣ бо̀льшаго наслажденія, какъ любить и быть любимой.

— Это правда.

— Но и тутъ, ради Бога, не углубляйтесь! Не будемъ искать ничего, кромѣ удовольствія, которое намъ даютъ и которое мы даемъ. Любовь сама по себѣ божественна, т. е. божественна, пока она продолжается; она дѣлаетъ человѣка совершеннымъ по отношенію къ любимому предмету; преданность, нѣжность, страсть, постоянство, искренность, — въ ней есть все. Будемъ углубляться въ любовь, но не въ человѣка. Человѣка можно сравнить съ гротомъ, въ глубинѣ котораго есть или сырость, или грязь, или выходъ, т. е. отсутствіе всякой глубины. Все это не мѣшаетъ мнѣ любить моихъ ближнихъ.

— Нельзя ничѣмъ наслаждаться, если быть ко всему равнодушнымъ.

— Постойте, постойте пожалуйста, я не равнодушна, но я цѣню людей по достоинству.

Мама сегодня плакала; у тети совсѣмъ разстроенное лицо; онѣ говорили обо мнѣ и о моихъ мученіяхъ.

Я возвращалась къ себѣ съ опущенными руками, съ устремленными впередъ глазами, съ сдвинутыми бровями; я задыхалась, несмотря на голубое небо, на брызжущій фонтанъ, на покрытый плодами кустъ кизиля, на чистый воздухъ. Я шла впередъ, сама того не замѣчая.

Почему не предположить, что я люблю его, такого недостойнаго, каковъ онъ есть.

О небо! объясните же мнѣ, что это за человѣкъ и что это за любовь?

Во мнѣ все должно быть раздавлено: самолюбіе, гордость, любовь.

Вторникъ, 6 іюня. Я прочла то, что записала вчера, и нашла одно горе и слезы.

Къ двумъ часамъ я настолько оправилась, что больше не сердилась и вздыхала только отъ презрѣнія. Эти мысли недостойны, не слѣдуетъ вспоминать объ оскорбленіяхъ, когда нельзя отомстить за нихъ. Думать о нихъ значитъ придавать слишкомъ много значенія людямъ недостойнымъ, — это униженіе; и я думаю не о людяхъ, а о себѣ, о своемъ положеніи, о беззаботности моихъ родителей.

Если бы А... подняли вопросъ о религіи, это только позабавило бы меня; и если бы они стали просить меня выйти за Піетро, я бы не согласилась.

Но меня мучитъ стыдъ и мысль, что имъ сказали про насъ дурное.

Всѣ говорили объ этомъ бракѣ и уже, конечно, не скажутъ, что отказъ идетъ отъ насъ. Впрочемъ, они будутъ правы. Развѣ я не согласилась? Чтобы тянуть, чтобы сохранить его во всякомъ случаѣ; я въ этомъ не раскаиваюсь, я хорошо поступила, и если это дурно вышло, то не по моей винѣ.

Насъ не знаютъ, слышатъ одно слово здѣсь, другое тамъ, преувеличиваютъ, придумываютъ... О, Господи Боже! И не быть въ состояніи ничего сдѣлать!

Поймите меня, я не жалуюсь, я разсказываю, — вотъ и все.

Я глубоко презираю весь міръ, и потому я не могу ни жаловаться, ни сердиться на кого бы то ни было.

Значитъ любовь такая, какой я себѣ представляла ее, не существуетъ? Это только фантазія, идеалъ.

Итакъ, высшая чистота, высшая скромность просто выдуманныя мною слова?

Когда я сошла внизъ, чтобы говорить съ нимъ наканунѣ отъѣзда, онъ въ моемъ поступкѣ видѣлъ простое любовное свиданіе?

Когда я опиралась на его руку, онъ дрожалъ только отъ желаній?

Когда я смотрѣла на него, серьзная и вдохновенная, какъ древняя жрица, онъ видѣлъ только женщину и свиданіе?

А я, — значитъ я его любила? Нѣтъ, или, вѣрнѣе, я его любила за его любовь ко мнѣ.

Но такъ какъ я не способна къ подлости въ любви, я любила или чувствовала, какъ будто я его любила.

Это отъ экзальтаціи, фанатизма, близорукости, глупости; да, отъ глупости.

Если бы я была умнѣе, я бы лучше поняла характеръ этого человѣка.

Онъ любилъ меня, какъ умѣлъ. Это ужъ я должна была распознать и понять, что не слѣдуетъ метать бисеръ передъ свиньями.

Наказаніе жестоко; надолго разрушенныя иллюзіи и упреки самой себѣ. Я была не права.

Надо быть прозаичной и вульгарной, какъ другіе.

Разумѣется, меня заставила такъ поступить моя крайняя молодость. Къ чему эти понятія изъ другого міра? Ихъ не понимаютъ, потому что свѣтъ не измѣнился...

И вотъ я опять впадаю въ общее заблужденіе, и вотъ опять я обвиняю весь свѣтъ за негодность одного. Изъ-за того, что одинъ оказался подлымъ, я отрицаю величіе души и ума!

Я отрицаю любовь этого человѣка, потому что онъ ничего не сдѣлалъ ради этой любви. И если ему даже угрожали лишить его наслѣдства, проклясть его, могло ли это помѣшать ему написать мнѣ? Нѣтъ, нѣтъ. Это подлецъ...

Четвергъ, 8 іюня. Философскія книги потрясаютъ меня. Это продукты воображенія, поворачивающіе все вверхъ дномъ. Читая много, современемъ я къ нимъ привыкну, но теперь у меня духъ захватываетъ.

Когда мною овладѣетъ лихорадка чтенія, я прихожу въ какое-то бѣшенство, и мнѣ кажется, что никогда не прочту я всего, что нужно; я бы хотѣла **все** знать, голова моя готова лопнуть, и я снова словно окутываюсь плащемъ пепла и хаоса.

Я спѣшу, какъ сумасшедшая, читать Горація.

О! когда я только подумаю, что есть избранные, кото-

рыя веселятся, двигаются, наряжаются, смѣются, танцуютъ, пляшутъ, любятъ, которые, наконецъ, предаются всѣмъ прелестямъ свѣтской жизни, а я — я плѣснѣвѣю въ Ниццѣ!

Я остаюсь еще довольно разсудительной, пока не думаю о томъ, что живутъ только одинъ разъ. Нѣтъ, вы только подумайте, **живутъ только разъ** и жизнь такъ коротка!

Когда я подумаю объ этомъ, то становлюсь безумной, и мозгъ мой кипитъ отъ отчаянія.

Живешь только разъ! А я теряю эту драгоцѣнную жизнь, запрятанная дома, никого не видя.

Живешь только разъ! А мнѣ еще портятъ эту жизнь!

Живешь только разъ! А меня заставляютъ недостойно терять мое время! А дни все бѣгутъ и бѣгутъ, они уже никогда не вернутся, они все укорачиваютъ мою жизнь!

Живешь только разъ! И неужели жизнь, безъ того короткую, нужно еще укорачивать, портить, красть, да, красть подлыми обстоятельствами.

О, Боже!

Пятница, 9 іюня. Перечитывая о моемъ пребываніи въ Римѣ и о моихъ мученіяхъ со времени исчезновенія Піетро, я очень удивлена живостью написаннаго.

Я читаю и пожимаю плечами. Я бы не должна была удивляться, зная, какъ легко мнѣ вскружить голову.

Бываютъ минуты, когда я сама не знаю, что я ненавижу, что люблю, чего желаю, чего боюсь. Тогда мнѣ все безразлично, и я стараюсь во всемъ дать себѣ отчетъ, и тогда происходитъ въ моемъ мозгу такой вихрь, что я качаю головой, зажимаю свои уши и предпочитаю состояніе отупѣнія этимъ изслѣдованіямъ самой себя.

Суббота, 10 іюня. Знаете ли, — сказала я доктору,—что я харкаю кровью, и что надо меня лѣчить?

— О! сказалъ Валицкій, если вы будете продолжать ложиться каждый день въ три часа утра, у васъ будутъ всѣ болѣзни.

— А почему я ложусь поздно, какъ вы думаете? Потому что мой умъ не спокоенъ. Дайте мнѣ спокойствіе, и я буду спокойно спать.

— Вы могли получить его. У васъ былъ случай въ Римѣ.

— Какой?

— Выходили бы замужъ за А..., не мѣняя религіи.

— О! другъ мой Валицкій, какой ужасъ! За такого человѣка, какъ А...! Подумайте, что вы говорите! За человѣка, у котораго нѣтъ ни убѣжденій, ни воли! Какую глупость вы сказали! О! Какъ это возможно!

И я тихонько засмѣялась.

— Онъ не пріѣзжаетъ, не пишетъ, продолжала я; это бѣдный ребенокъ, значеніе котораго мы преувеличили. Нѣтъ, голубчикъ, это не человѣкъ, и мы ошиблись, думая иначе.

Я сказала эти послѣднія слова такъ же спокойно, какъ говорила въ продолженіе всего разговора, такъ какъ была убѣждена, что говорю правдиво и вѣрно.

Я вернулась къ себѣ, и мой умъ какъ бы сразу освѣтился. Я поняла, наконецъ, что я была не права, позволивъ себѣ поцѣлуй, хотя бы и одинъ, назначая свиданіе на лѣстницѣ; что если бы я не пошла ни въ коридоръ, ни куда бы то ни было, если бы я искала *tête-a-tête*, **этотъ человѣкъ имѣлъ бы ко мнѣ больше уваженія, а у меня не было бы ни досады, ни слезъ.**

(Какъ я себѣ нравлюсь, когда такъ разсуждаю! Какъ я мила! Парижъ, 1877 г.).

Всегда надо держаться этого принципа: я отъ него удалилась, я сдѣлала глупость, происходящую отъ привлекательности новизны, отъ того, что легко воодушевляюсь, отъ моей неопытности.

О! Какъ хорошо начинаю я все понимать!

Что дѣлать, мои милые друзья! молодость заставляетъ дѣлать ошибки. А... научилъ меня поведенію съ ухаживателями.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Какъ я ясно вижу, какъ я спокойна, я совсѣмъ больше не испытываю любви!

Каждый день я буду выѣзжать, веселиться, надѣяться.

Я пою Миньону, и сердце мое полно!

Какъ прекрасна луна, отражающаяся въ морѣ! Какъ восхитительна Ницца!

Я люблю весь міръ! Всѣ люди проходятъ передо мной такіе милые, улыбающіеся.

Кончено! Я уже говорила, что это не можетъ продолжаться. Я хочу жить спокойно! Я поѣду въ Россію! это улучшитъ наше положеніе; я привезу въ Римъ моего отца.

Вторникъ, 13 іюня. Я, которая хотѣла бы сразу жить семью жизнями, живу только четвертью жизни. Я скована.

Богъ сжалится надо мной, но я чувствую себя такой слабой, и мнѣ кажется, что я умираю.

Я уже сказала, что или я хочу **имѣть** все то, что Богъ далъ мнѣ понять, и тогда я буду достойна достигнуть всего этого, или я умру!

Но Богъ, не будучи въ состояніи дать мнѣ, безъ несправедливости, **все,** не заставитъ жить несчастную, которой онъ далъ пониманіе и желаніе обладать тѣмъ, что она понимаетъ.

Богъ не безъ намѣренія создалъ меня такою, какъ я есть. Онъ не могъ дать мнѣ способность **все видѣть,** только для того, чтобы мучить меня, ничего не давая. Это предположеніе не согласуется съ природой Бога, который есть сама доброта и милосердіе.

Я буду имѣть все или умру. Пусть Онъ дѣлаетъ, какъ знаетъ! Я люблю Его, я въ Него вѣрю, я Его благословляю, я умоляю Его простить мнѣ мои дурные поступки.

Онъ далъ мнѣ это пониманіе, чтобы удовлетворить Его, если я буду достойна.

Если я не буду достойна, Онъ пошлетъ мнѣ смерть!..

Среда, 14 іюня. Кромѣ торжества, которое я доставляю этому итальянскому мальчишкѣ и которое такъ мучитъ меня, я еще предвижу скандалъ, какъ результатъ этого дѣла.

Я не ожидала приключенія такого рода, я не предвидѣла ничего подобнаго! Я никогда не воображала, что такая вещь можетъ случиться со мной! Я знала, что это случается, но я этому не вѣрила, я не отдавала себѣ въ этомъ отчета, какъ не даютъ себѣ отчета въ смерти, не видавъ никогда смерти. О, моя жизнь, моя бѣдная жизнь!..

Если я такъ хороша собой, какъ я говорю, отчего меня не любятъ? На меня смотрятъ, въ меня влюбляются. Но меня не любятъ! Меня, которая такъ нуждается въ любви!

Это романы возбуждаютъ мое воображеніе. Нѣтъ, я читаю романы, потому что воображеніе мое возбуждено. Я перечитываю старое, я выискиваю съ прискорбной жадностью сцены, слова любви, я ихъ пожираю, потому что мнѣ кажется, что я люблю, потому что мнѣ кажется, что меня не любятъ.

Я люблю, да, потому, что я не хочу назвать иначе то, что я чувствую.

Хорошо же, нѣтъ, не этого я хочу. Я хочу выѣзжать въ свѣтъ, я хочу блистать въ немъ, хочу занимать въ немъ выдающееся положеніе. Я хочу быть богата, хочу имѣть картины, дворцы, бриллiанты; я хочу быть центромъ какого-нибудь блестящаго кружка, политическаго, литературнаго, благотворительнаго, фривольнаго. Я хочу всего этого... пусть Богъ поможетъ мнѣ!

Боже, не наказывай меня за эти безумно-честолюбивыя мысли.

Развѣ нѣтъ людей, которыя родятся среди всего этого и находятъ обладаніе всѣмъ этимъ совершенно естественнымъ, которые не благодарятъ даже за это Бога.

Виновата-ли я, если желаю быть великой?

Нѣтъ, потому что я хочу употребить мое величіе на то, чтобы благодарить Бога и чтобы стремиться къ счастью! Развѣ запрещено желать счастья?

Тѣ, кто находятъ свое счастье въ скромномъ и удобномъ домѣ, развѣ они честолюбивы менѣе меня? Нѣтъ, такъ какъ они бо̀льшаго не понимаютъ.

Развѣ тотъ, кто довольствуется скромной жизнью въ кругу семьи, можетъ быть названъ человѣкомъ скромнымъ, умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ изъ добродѣтели, изъ убѣжденія, изъ мудрости? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ таковъ потому, что счастливъ этимъ, что для него жить въ неизвѣстности есть высшее счастье. И если онъ не желаетъ извѣстности, то только потому, что, имѣя ее, онъ былъ бы несчастенъ. Есть тоже люди, которымъ не хватаетъ смѣлости, — это не мудрецы, а подлецы! они глухо стремятся и не двигаются впередъ, — не изъ христіанской добродѣтели, но изъ-за своей робкой и неспособной натуры. Боже, если я разсуждаю неправильно, научи меня, сжалься надо мной.

Четвергъ, 23 іюня. Я смѣялась, когда мнѣ хвалили Италію, и спрашивали себя, почему такъ много говорятъ объ этой странѣ, и почему говорятъ о ней, какъ о чемъ-то особенномъ. А потому, что это правда. Потому, что въ ней иначе дышется. Жизнь другая — свободная, фантастическая, широкая, безумная и томная, жгучая и нѣжная, какъ ея солнце, ея небо, ея равнина. Я поднимаюсь на крыльяхъ поэзіи (ино-

гда я бываю совсѣмъ поэтомъ, а иногда съ одной какой-нибудь стороны) и готова воскликнуть вмѣстѣ съ Миньоной:

Italia, reggio di cielo,
Sol beato!

Суббота, 24 іюня. Я ждала, чтобы меня позвали къ завтраку, когда совсѣмъ запыхавшійся докторъ пришелъ сказать мнѣ, что получено письмо отъ Піетро. Я очень сильно покраснѣла и, не поднимая глазъ отъ книги, которую читала, сказала:

— Хорошо, хорошо, что же онъ тамъ пишетъ?

Ему не даютъ денегъ; впрочемъ, я не знаю, вы сами увидите лучше.

Я очень удерживалась, чтобы не спѣшить спрашивать; мнѣ было стыдно высказать столько интереса.

Противъ обыкновенія, я была первая за столомъ, я ѣла съ нетерпѣніемъ, но ничего не говорила.

— Правда, что сказалъ мнѣ докторъ? — наконецъ спросила я.

— Да, — отвѣтила тетя, — А. ему написалъ.

— Докторъ, гдѣ письмо?

— У меня.

— Дайте его мнѣ.

Это письмо помѣчено 10-мъ іюня, но такъ какъ А... написалъ просто въ Ниццу, то оно пропутешествовало по Италіи, прежде чѣмъ пришло сюда.

«Я употребилъ все это время, — писалъ онъ, — на то, чтобы упросить моихъ родителей отпустить меня сюда, но они положительно не хотятъ слышать объ этомъ». Такъ что ему невозможно пріѣхать и ничего не остается кромѣ надежды въ будущемъ, а это всегда невѣрно...

Письмо написано по-итальянски, и всѣ ждали отъ меня перевода. Я не говорю ни слова, но съ аффектированной медлительностью подбираю шлейфъ, чтобы не подумали, что я убѣгаю, выхожу изъ комнаты, прохожу садъ съ спокойствіемъ на лицѣ, съ адомъ въ сердцѣ.

Это не отвѣтъ на телеграмму его друга изъ Монако. Это отвѣтъ мнѣ, это признаніе. И это мнѣ! мнѣ, которая вознеслась на воображаемую высоту!.. Это мнѣ онъ говоритъ все это!

Умереть? Богъ этого не хочетъ. Сдѣлаться пѣвицей? Но я не обладаю ни достаточнымъ здоровьемъ, ни достаточнымъ терпѣніемъ.

Въ такомъ случаѣ что же, что?

Я бросилась въ кресло и, устремивъ безсмысленно глаза въ пространство, старалась понять письмо, думать о чемъ-нибудь...

— Хочешь ѣхать къ сомнамбулѣ? — закричала мнѣ мама изъ сада.

— Да, — отвѣтила я, быстро поднимаясь, — когда?

— Сію минуту.

Все, все, все, чтобы не оставаться одной, не сойти съ ума, чтобы убѣжать отъ самой себя.

Сомнамбула оказалась уѣхавшей. Это поѣздка по жарѣ не принесла мнѣ никакой пользы. Я взяла горсть папиросъ и мой журналъ съ намѣреніемъ отравить себѣ легкія и написать зажигательныя страницы. Но воля, казалось, совсѣмъ покинула меня. Я прошла прямо и тихо, какъ во снѣ, къ моей кровати и сразу бросилась на нее, отодвинувъ разомъ кружевной занавѣсъ.

Невозможно передать мое горе, притомъ бываютъ минуты, когда уже не можешь жаловаться. Раздавленная, какъ я... — на что хотите вы, чтобы я жаловалась?

Невозможно себѣ представить, какое глубокое отвращеніе, какой упадокъ духа я испытываю. Любовь! о, незнакомое для меня слово! Такъ вотъ истина! Этотъ человѣкъ никогда меня не любилъ и смотрѣлъ на бракъ, какъ на средство освобожденія. Что касается его обѣщаній, я о нихъ не говорю, я ничего не говорила о нихъ вслухъ, я не придавала имъ достаточной вѣры, чтобы серьезно говорить о нихъ.

Я не говорю, что онъ всегда лгалъ: почти всегда думаютъ то, что говорятъ въ ту минуту, когда говорятъ; но... потомъ?

И, несмотря на всѣ разсужденія, несмотря на Евангеліе, я горю желаніемъ отомстить. Я дождусь своего времени, будьте спокойны, и я отомщу.

Chi lungo a tempo aspetta
Vede al fin la sua vendetta.

Я пришла къ себѣ, написала нѣсколько строкъ и затѣмъ, вдругъ потерявъ бодрость, начала плакать. О! все-таки я еще ребенокъ! Всѣ эти горести **слишкомъ тяжелы** для меня одной, и мнѣ хотѣлось пойти разбудить тетю. Но она подумаетъ, что я оплакиваю мою любовь, а я не могу этого вынести.

Сказать, что тутъ совершенно не было мѣста любви, было бы не справедливо, мнѣ теперь стыдно всего этого.

Мальчишка, горемыка, подбитый проказникомъ и покрытый іезуитомъ, ребенокъ! И это я любила! Ба! отчего нѣтъ? Любитъ же мужчина кокотку, гризетку, дрянь какую-нибудь, крестьянку. Великіе люди и великіе короли любили ничтожества и не были за то развѣнчаны.

Я были близка къ сумасшествію отъ бѣшенства и безсилія; всѣ мои нервы были напряжены; я начала пѣть; это успокаиваетъ.

Если я просижу хотя всю ночь, я не сумѣю сказать всего, что я хочу, а если я и сумѣю высказать, то не скажу ничего новаго, ничего такого, чего бы я еще не говорила.

Въ самомъ дѣлѣ все, что я видѣла и слышала въ Римѣ, приходитъ мнѣ на умъ, и, думая объ этомъ странномъ смѣшеніи благочестія, разврата, религіозности, низости, подчиненія, разнузданности, неприступности, высокомѣрной гордости и подлости, я говорю себѣ: въ самомъ дѣлѣ, Римъ — городъ единственный въ своемъ родѣ, странный, дикій и утонченный.

Все въ немъ отличается отъ другихъ городовъ. Словно находишься не на землѣ, а на другой планетѣ.

И дѣйствительно, Римъ, имѣющій баснословное начало, баснословное процвѣтаніе, баснословное паденіе, долженъ быть чѣмъ-то поражающимъ и въ нравственномъ, и во внѣшнемъ отношеніи.

Это городъ Бога, или, вѣрнѣе, городъ поповъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ король, все тамъ мѣняется, но только у міранъ. Попы всегда одинаковы. Поэтому-то я ничего не понимаю изъ того, что говорилъ мнѣ А..., и я всегда смотрѣла на его дѣла, какъ на сказки, или на нѣчто совсѣмъ особое. Между тѣмъ это было, какъ все въ Римѣ.

Нужно же мнѣ было напасть какъ разъ на жителя луны, древней луны, древняго Рима, — хочу я сказать, — на племянника кардинала.

Ба! это интересно для меня, такъ какъ я люблю необыкновенное. Это оригинально. Нѣтъ, все-таки все это... страшно — и Римъ, и римляне.

Вмѣсто того, чтобы удивляться, я лучше разскажу, что я знаю о Римѣ и римлянахъ; это гораздо удивительнѣе, чѣмъ мои удивленія и восклицанія.

Знаете, когда шесть лѣтъ тому назадъ, Піетро почти умиралъ, мать заставляла его ѣсть бумажныя полосы, на которыхъ было написано безъ счету: Марія, Марія, Марія. Это для того, чтобы Богородица исцѣлила его. Быть можетъ, поэтому онъ и былъ влюбленъ въ Марію... хотя очень земную. Кромѣ того, вмѣсто лѣкарствъ, его заставляли пить святую воду.

Но это еще ничего. Мало-по-малу я все вспомню, и тогда обнаружатся крайне любопытныя вещи.

Кардиналъ, напримѣръ, не добръ и когда ему сказали, что племянникъ его на исправленіи въ монастырѣ, онъ смѣялся, говоря, что это глупость, что двадцатитрехлѣтній человѣкъ не сдѣлается умнѣе, просидѣвъ восемь дней въ монастырѣ, что, если онъ покажется исправившимся, значитъ ему надо денегъ.

Пятница, 30 іюня. Мнѣ жаль стариковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дѣдушка совсѣмъ ослѣпъ; мнѣ такъ его жалко!

Сегодня я должна была свести его съ лѣстницы и накормить. Онъ совѣстится, вслѣдствіе особаго рода самолюбія, изъ желанія всегда казаться молодымъ, такъ что надо было обращаться съ нимъ съ большой деликатностью. Дѣйствительно, онъ принималъ мои услуги съ благодарностью, потому что я ихъ предлагаю съ безцеремонной, но нѣжной, настойчивостью, которой нельзя противиться.

Воскресенье, 2 іюля. О, какая жара! О, какая скука! Я не права, говоря — скука; нельзя скучать съ тѣми внутренними рессурсами, которые есть во мнѣ. Я не скучаю, потому что я читаю, пою, рисую, мечтаю, но я чувствую безпокойство и грусть.

Неужели моя бѣдная молодая жизнь ограничится столовой и домашними сплетнями? Женщина живетъ отъ шестнадцати до сорока лѣтъ. Я дрожу при мысли, что могу потерять хоть мѣсяцъ моей жизни.

Я имѣю понятіе обо всемъ, но изучила глубже только исто-

рію, литературу и физику, чтобы быть въ состояніи читать все, все, что интересно. А все интересное возбуждаетъ во мнѣ настоящую лихорадку.

Ни одной живой души, съ которой можно было бы обмѣняться словомъ. Одна семья не удовлетворяетъ шестнадцатилѣтнее существо, особенно же такое существо, какъ я.

Конечно, дѣдушка человѣкъ образованный, но старый, слѣпой и раздражающій со своимъ Трифономъ и постоянными жалобами на обѣдъ.

У мамы много ума, но мало образованія, никакого умѣнія жить, отсутствіе такта, да и умъ ея огрубѣлъ и заплѣсневѣлъ оттого, что она говоритъ только съ прислугой о моемъ здоровьѣ да о собакахъ.

Тетя немного болѣе образована, она даже импонируетъ тѣмъ, кто ее мало знаетъ.

Понедѣльникъ, 3 іюля. Amor *) decrescit ubique crescere non possit.

«Любовь уменьшается, когда не можетъ больше возрастать».

Поэтому-то, когда люди вполнѣ счастливы, они начинаютъ незамѣтно любить меньше и кончаютъ тѣмъ, что отдаляются другъ отъ друга.

Завтра я уѣзжаю. Не знаю, почему-то мнѣ жаль покидать Ниццу.

Я отобрала ноты, которыя увезу съ собой, нѣсколько книгъ: энциклопедію, одинъ томъ Платона, Данте, Аріоста, Шекспира, затѣмъ массу романовъ Бульвера, Коллинза и Диккенса.

Я наговорила грубостей тетѣ и ушла на террасу. Я оставалась въ саду до сумерокъ, которыя такъ хороши на морѣ — фономъ служитъ безконечность, и эта роскошная растительность, эти широколистныя деревья и для контраста бамбуки и пальмы. Фонтанъ, гротъ съ каплями воды, безпрерывно падающими съ уступа на уступъ, прежде чѣмъ попадутъ въ бассейнъ; все окружающее, густыя деревья придаютъ этому уголку уютность и таинственность, располагающія къ лѣни и мечтательности.

*) Я говорю amor, вмѣсто dolor, потому что это изреченіе можно примѣнить и къ тому, и къ другому.

Почему вода всегда располагаетъ къ мечтательности?

Я оставалась въ саду, глядя на вазу, въ которой распускается великолѣпная, розовая саппа, представляя себѣ, какъ красивы въ этомъ прелестномъ саду мое бѣлое платье и зеленый вѣнокъ.

Неужели у меня нѣтъ другой цѣли въ жизни, какъ только одѣваться съ такимъ искусствомъ, украшать себя зеленью и думать объ эффектѣ?

Откровенно говоря, я думаю, что если бы прочли, что я пишу, меня нашли бы скучной. Я еще такъ молода! Я такъ мало знаю жизнь!

Я не могу говорить такъ авторитетно и беззастѣнчиво, какъ писатели, имѣющіе непомѣрную претензію знать людей, диктовать законы и предписывать правила.

Я выдвинула ящикъ моего стола. А! вотъ чего мнѣ особенно жаль!.. Моего журнала... Это половина меня самой!

Погода такая чудная!

Какъ хорошо: наканунѣ моего отъѣзда чудесная блѣдная луна освѣщаетъ всѣ красоты моего города!

Невольно чувствуешь себя грустной въ такую ночь!

Я прошлась два раза по комнатѣ, мнѣ чего-то недоставало, хотя я не чувствовала себя несчастной, напротивъ. Я ничего не желаю, я всегда хотѣла бы чувствовать себя такъ спокойно и хорошо. Моя душа расширялась этимъ чувствомъ тихаго счастья, она, казалось, рвалась, наружу; я сѣла за рояль, и мои длинные, блѣдные пальцы стали блуждать по клавишамъ, но мнѣ недоставало чего-то, быть можетъ, кого-то...

Я ѣду въ Россію... Мнѣ бы хотѣлось наканунѣ дня, ожидаемаго съ такимъ нетерпѣніемъ, лечь пораньше, чтобы сократить время.

Меня тянетъ въ Римъ. Римъ такой городъ, который не сразу поддается пониманію. Сначала я видѣла въ Римѣ только Pincio и Corso. Я не понимала простой и полной воспоминаній красоты равнины, лишенной деревьевъ и домовъ. Одна волнообразная равнина, словно океанъ въ бурю, усѣянная тутъ и тамъ стадами овецъ, которыхъ стерегутъ пастухи, подобные тѣмъ, о которыхъ говоритъ Виргилій.

Вѣдь только наше безпутное сословіе претерпѣваетъ ты-

сячи измѣненій, а люди простые, люди природы, не мѣняются и сходны во всѣхъ странахъ.

Рядомъ съ этой огромной пустынной мѣстностью, изборожденной водопроводами, прямыя линіи которыхъ перерѣзываютъ горизонтъ, производя захватывающій эффектъ, видны прекраснѣйшіе памятники какъ варварства, такъ и всемірной цивилизаціи. Зачѣмъ говорить варварства? Развѣ потому только, что мы, современные пигмеи, съ нашей маленькой гордостью считаемъ себя цивилизованнѣе, благодаря тому, что родились послѣдними.

Никакое описаніе не можетъ дать полнаго понятія объ этой граціозной и великолѣпной странѣ, объ этой странѣ, солнца, красоты, ума, генія, искусства, объ этой странѣ, такъ низко упавшей и лишенной возможности подняться.

Оставить здѣсь мой дневникъ, вотъ истинное горе!

Этотъ бѣдный дневникъ, содержащій въ себѣ всѣ эти порывы къ свѣту, — всѣ эти порывы, къ которымъ отнесутся съ уваженіемъ, какъ къ порывамъ генія, если конецъ будетъ увѣнчанъ успѣхомъ, и которые назовутъ тщеславнымъ бредомъ зауряднаго существа, если я буду вѣчно коснѣть.

Выйти замужъ и имѣть дѣтей? Но это можетъ сдѣлать каждая прачка!

Но чего же я хочу? О! вы отлично знаете. Я хочу славы.

Мнѣ не дастъ ея этотъ дневникъ. Этотъ дневникъ будетъ напечатанъ только послѣ моей смерти; въ немъ я **слишкомъ обнажена,** чтобы показать его, пока я жива. Къ тому же онъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ дополненіемъ къ замѣчательной жизни. Жизнь, исполненная славы! Это безуміе — результатъ историческаго чтенія и слишкомъ живого воображенія.

Я не знаю въ совершенствѣ ни одного языка. Моимъ роднымъ языкомъ я владѣю хорошо только для домашняго обихода. Я уѣхала изъ Россіи десяти лѣтъ; я хорошо говорю по-итальянски и по-англійски. Я думаю и пишу по-французски, а между тѣмъ, кажется, дѣлаю еще грамматическія ошибки. Часто мнѣ приходится искать словъ, и съ величайшей досадой я нахожу у какого-нибудь знаменитаго писателя мою мысль, выраженную легко и изящно!

Вотъ послушайте: «Путешествіе, что бы тамъ ни говорили, одно изъ печальнѣйшихъ удовольствій жизни; если вы чув-

ствуете себя хорошо въ какомъ-нибудь чужомъ городѣ, это значитъ, что вы начинаете создавать себѣ новое отечество».

Это говоритъ авторъ **Коринны.** А сколько разъ съ перомъ въ рукахъ, я выходила изъ себя, не умѣя выразить того, что хотѣла, и кончала тѣмъ, что разражалась восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: я ненавижу новые города; новыя лица для меня пытка!

Всѣ чувствуютъ одинаково; разница только въ выраженіи; всѣ люди созданы изъ одного матеріала, но какъ они отличаются чертами лица, ростомъ, цвѣтомъ лица, характеромъ!

Вотъ увидите, что на этихъ же дняхъ я прочту что-нибудь въ этомъ родѣ, но высказанное умно, увлекательно и красиво.

Что я такое? Ничто. Чѣмъ я хочу быть? Всѣмъ.

Дадимъ отдыхъ моему уму, утомленному этими порывами къ безконечному. Вернемся къ А...

Бѣдный Піетро! Моя будущая слава мѣшаетъ мнѣ думать о немъ серьезно. Мнѣ кажется, что она упрекаетъ меня за тѣ мысли, которыя я ему посвящаю.

Я сознаю, что Піетро только развлеченіе, музыка, чтобы заглушить вопли моей души... И все-таки я упрекаю себя за мысли о немъ, разъ онъ мнѣ не нуженъ! Онъ даже не можетъ быть первой ступенью той дивной лѣстницы, на верху которой находится удовлетворенное тщеславіе.

Парижъ, 4 іюля. Amor, ut lacryma, oculo oritur in pectus capit. Publius Syrus.

Среда, 5 іюля. Вчера въ два часа я уѣхала изъ Ниццы съ тетей и Амаліей (моей горничной). Шоколада, у котораго болятъ ноги, пришлютъ намъ только черезъ два дня.

Мама уже три дня оплакиваетъ мое будущее отсутствіе, поэтому я очень нѣжна и кротка съ ней.

Любовь къ мужу, къ возлюбленному, къ другу, къ ребенку исчезаетъ и возобновляется, ибо каждаго изъ нихъ можно имѣть дважды.

Но мать только одна и мать единственное существо, которому можно довѣриться вполнѣ, любовь котораго безкорыстна, предана и вѣчна. Я почувствовала это, можетъ быть, въ первый разъ при прощаніи. И какъ мнѣ кажется смѣшна лю-

бовь къ Г..., Л... и А...! И какъ они всѣ мнѣ кажутся ничтожны!

Дѣдушка растрогался до слезъ. Впрочемъ, всегда есть что-то особенное въ прощанiи старика; онъ благословилъ меня и далъ мнѣ образъ Божiей Матери.

Мама и Дина провожали насъ на станцiю.

По обыкновенiю я старалась казаться какъ можно веселѣе; но все-таки я была очень огорчена.

Мама не плакала, но я чувствовала, что она несчастна, и у меня явился цѣлый рядъ упрековъ самой себѣ за то, что я уѣзжаю и что часто я была жестока по отношенiю къ ней. Но, думала я, глядя на нее изъ окна нашего вагона, я была жестока не отъ злости, а отъ горя и отчаянiя; теперь же я уѣзжаю, чтобы измѣнить нашу жизнь.

Когда поѣздъ тронулся, я почувствовала, что глаза мои полны слезъ. И я невольно сравнивала этотъ отъѣздъ съ моимъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Рима.

Оттого ли это было такъ, что мое чувство было слабѣе, и я не чувствовала, что оставляю за собою горе столь же великое, какъ горе матери?

Я начала читать **Коринну.** Это описанiе Италiи имѣетъ совершенно особую прелесть для меня. Съ какимъ счастьемъ, читая, я видѣла снова Римъ!.. мой чудный Римъ со всѣми его сокровищами!

Я признаюсь совершенно просто, что не сразу поняла Римъ. Самое сильное впечатлѣнiе произвелъ на меня Колизей, и, если бы я умѣла писать то, что думаю, я бы написала массу прекрасныхъ вещей, которыя пришли мнѣ въ голову въ то время, какъ я молча стояла въ ложѣ весталокъ противъ ложи цезарей.

Въ половинѣ второго мы прiѣхали въ Парижъ и, надо сознаться, что если Парижъ не самый красивый, то, по крайней мѣрѣ, самый изящный и умный изъ городовъ. Развѣ нѣтъ и у него тоже своей исторiи величiя, паденiя, революцiи, славы и террора? О! да, но все блѣднѣетъ передъ Римомъ, такъ какъ изъ Рима произошли всѣ остальныя державы.

Римъ поглотилъ Грецiю, родину цивилизацiи, искусствъ, героевъ и поэтовъ. Все, что съ тѣхъ поръ было построено, изваяно, продумано —развѣ все это не подражанiе древнимъ?

У насъ новое—только среднiе вѣка. А почему? Почему

міръ такъ обветшалъ? Развѣ умъ человѣческій далъ уже все, что онъ могъ дать?

Понедѣльникъ, 10 іюля. Легко разсуждать и писать романы, но могущество и блескъ (эти ничтожныя сокровища сего міра) образуютъ какъ бы ореолъ около того, что мы любимъ и заставляютъ почти любить **то, чего мы не любимъ.**

Такъ же вѣрно и ясно, несмотря на возраженія чувствительныхъ душъ, и то, что даже самые умные люди поддавались вліянію призрачныхъ благъ.

Но отложимъ все это въ сторону и взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія сердца.

Не правда ли, ужасно быть въ разлукѣ по нелѣпой причинѣ, страдать отъ сомнѣній, разлуки, печали, изъ-за денегъ?.. Я презираю деньги, но знаю, что онѣ необходимы.

Когда человѣкъ счастливъ матеріально, то умъ и сердце свободны, и тогда можно любить безъ расчета, безъ заднихъ мыслей, безъ подлостей.

Почему столько женщинъ любили королей?

Потому что король есть воплощеніе могущества, потому что женщина любитъ властвовать, но ей нужно опираться на что-нибудь сильное, какъ нѣжному, хрупкому растенію, нужно прислониться къ дереву.

Не приписывайте моего поведенія ужаснымъ расчетамъ. Я не потому люблю человѣка, что онъ богатъ, но потому, что онъ свободенъ, воленъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Я хочу богатства, чтобы не думать болѣе о силѣ, не подчиняться этой грубой, но несомнѣнной, неизбѣжной силѣ.

Я хотѣла продолжать, но все, что я могу сказать, сводится всегда къ слѣдующему: полное нравственное счастье можетъ существовать только тогда, когда матеріальная сторона удовлетворена и не заставляетъ заботиться о себѣ, на подобіе пустого желудка.

Когда любовь достигаетъ высшей степени, страсть торжествуетъ надъ всѣмъ, но только на мгновеніе; и настолько сильнѣе чувствуется потомъ все то о чемъ я говорила!

Все, что я говорю, я не вычитала изъ книгъ и не испытала сама, но пусть всѣ тѣ, которые пожили, кому не шестнадцать лѣтъ, какъ мнѣ, отложатъ въ сторону ложный стыдъ, который испытываютъ, признаваясь въ такихъ вещахъ и пусть признаются: скажутъ ли они, что мои слова неправда?

Если кто-нибудь довольствуется малымъ, то только потому, что не видитъ дальше того, что имѣетъ.

Четвергъ, 13 іюля. Вечеромъ мы были у графини М. Она говорила со мной о замужествѣ.

— О, нѣтъ! — отвѣчала я,—я не хочу; я хочу сдѣлаться пѣвицей!.. Знаете, милая графиня, надо сдѣлать вотъ что: я одѣнусь бѣдной дѣвушкой, а вы съ тетей отвезите меня къ лучшему профессору пѣнія здѣсь, въ Парижѣ, какъ итальяночку, которой вы покровительствуете и которая подаетъ надежды сдѣлаться пѣвицей.

— О! о!

— Потому что, — продолжала я спокойно, — это единственное средство узнать правду о моемъ голосѣ. У меня есть одно прошлогоднее платье, которое произведетъ такой эффектъ! — договорила я то подбирая, то вытягивая губы.

— Въ самомъ дѣлѣ, конечно, вотъ прекрасная мысль!

Боже мой! Какая мысль тревожитъ меня? Парижъ, да, Парижъ! Центръ ума, славы! центръ всего, Парижъ! свѣтъ и тщеславіе! Голова кружится.

Боже мой! Дай мнѣ такую жизнь, какой я хочу, или пошли мнѣ смерть...

Пятница, 14 іюля. Съ утра я тщательно оберегаю свою особу, ни разу не кашляю громко, не двигаюсь, умираю отъ жары и жажды, но не пью.

Только въ часъ я выпила чашку кофе и съѣла яйцо, но такое соленое, что скорѣе это была соль съ яйцомъ, чѣмъ яйцо съ солью.

Я увѣрена, что соль полезна для гортани.

Наконецъ, мы отравляемся, заѣзжаемъ за графиней и подъѣзжаемъ къ № 37, Chausse d' Antin, къ Вартелю, первому парижскому профессору.

Графиня М. была у него и говорила объ одной молодой дѣвушкѣ, которую особенно рекомендовали въ Италіи, и о которой родители хотѣли знать, чего можно ожидать въ будущемъ отъ ея голоса.

Вартель отвѣчалъ, что будетъ ждать ее завтра и только съ большимъ трудомъ достигли того, чтобы онъ назначилъ это свиданіе въ четыре часа.

Насъ ввели въ небольшую залу, примыкавшую къ той, гдѣ находился учитель, въ это время дававшій урокъ.

— Вѣдь въ четыре часа, — сказалъ какой-то молодой человѣкъ, входя.

— Da, monsieur, но вы позволите этой молодой дѣвушкѣ послушать?

— Конечно.

Въ продолженіе часа слушали мы пѣніе англичанки; голосъ гадкій, но метода! Я никогда не слыхала, чтобы такъ пѣли.

Стѣны той комнаты, гдѣ мы сидѣли, увѣшаны портретами извѣстнѣйшихъ артистовъ съ самыми сердечными посвященіями.

Наконецъ, бьетъ четыре часа, англичанка уходитъ; я чувствую, что дрожу и теряю силы.

Вартель дѣлаетъ мнѣ знакъ, означающій: войдите! Я не понимаю.

— Войдите же, — говоритъ онъ, — войдите!

Я вхожу въ сопровожденіи моихъ двухъ покровительницъ, которыхъ я прошу вернуться въ маленькій залъ, потому что онѣ меня стѣсняютъ, и дѣйствительно мнѣ очень страшно.

Вартель очень старъ, но аккомпаніаторъ довольно молодъ.

— Вы читаете ноты?

— Да.

— Что вы умѣете пѣть?

— Ничего, но я спою гамму или сольфеджіо.

— Попробуйте сольфеджіо, M-r Chose. Какой у васъ голосъ, сопрано?

— Нѣтъ, контральто.

— Посмотримъ.

Вартель, который не встаетъ съ кресла, сдѣлалъ знакъ начать. Я начала сольфеджіо, сначала дрожа, потомъ съ досадой и довольная собой въ концѣ. Я не сводила глазъ съ длинной фигуры учителя. Это удивительно.

— Ну, — сказалъ онъ, — у васъ скорѣе меццо-сопрано. Это голосъ, который будетъ увеличиваться.

— Что же вы скажете? — спросили обѣ дамы, входя.

— Я скажу, что голосъ есть, но вы знаете, надо много работать. Это голосъ совсѣмъ молодой, онъ будетъ расти, на-

конецъ, онъ будетъ слѣдовать за развитіемъ молодой дѣвушки. Есть матеріалъ, есть органъ, надо работать.

— Такъ что вы думаете, что это стоитъ труда?

— Да, да, надо работать. О, да, надо работать!

— Я дурно спѣла сказала я наконецъ, — я такъ боялась!

— Ахъ! барышня, нужно привыкнуть, нужно превозмочь этотъ страхъ, онъ былъ бы совершенно неумѣстенъ на сценѣ!

(Но я была въ восторгѣ уже отъ того, что онъ сказалъ, потому что то, что онъ сказалъ, страшно много для бѣдной дѣвушки, которая не доставитъ ему никакой выгоды. Привыкнувъ къ лести, я приняла было этотъ холодный разсудительный тонъ за холодность, но скоро поняла, что въ сущности онъ остался доволенъ).

Онъ продолжалъ:

— Нужно работать, у васъ есть данныя... Это уже страшно много!

Между тѣмъ аккомпаніаторъ мѣрилъ меня взглядомъ съ ногъ до головы, тщательно осматривая мою талію, плечи, руки, фигуру. Я опустила глаза, прося провожавшихъ меня дамъ выйти.

Вартель сидѣлъ, я стояла передъ его кресломъ.

— Вы брали уроки?

— Никогда... то есть только десять уроковъ.

— Да. Словомъ, нужно работать. Не можете-ли-ли спѣть какой-нибудь романсъ?

— Я знаю одну неаполитанскую пѣсню, но у меня здѣсь нѣтъ нотъ.

— Арію Миньоны!—закричала тетя изъ другой комнаты.

— Отлично, спойте арію Миньоны.

— По мѣрѣ того, какъ я пѣла, лицо Вартеля, выражавшее сначала только вниманіе, стало выражать нѣкоторое удивленіе, потомъ прямо изумленіе и, наконецъ, онъ дошелъ до того, что сталъ качать въ тактъ головой, пріятно улыбаться и подпѣвать.

— Гм... — произнесъ аккомпаніаторъ.

— Да, да, — отвѣчалъ профессоръ наклоненіемъ головы.

Я пѣла въ большомъ возбужденіи.

— Держитесь на мѣстѣ, не шевелитесь, ну, отдохните!

— Ну, что же? — спросили мы всѣ три заразъ.

— Что-жъ! Хорошо! Заставьте-ка ее сдѣлать... (А, чортъ, я забыла слово, которое онъ сказалъ!)

Аккомпаніаторъ заставилъ меня сдѣлать... ну, все равно, какое слово; онъ заставилъ меня взять одну за другой всѣ мои ноты.

— До *si naturel*, — сказалъ онъ старичку.

— Да. Это меццо-сопрано; что-жъ, это еще лучше, гораздо выгоднѣе для сцены.

Я продолжала стоять передъ нимъ.

— Сядьте, барышня! — сказалъ аккомпаніаторъ, снова осматривая меня съ головы до ногъ.

Я присѣла на край дивана.

— Что-жъ, барышня, — сказалъ строгій Вартель, — надо работать, вы добьетесь.

Онъ говорилъ мнѣ еще много разныхъ вещей относительно театра, пѣнія, уроковъ, — все это со своимъ невозмутимымъ видомъ!

— Сколько времени потребуется, чтобы сформировать ея голосъ? — спросила графиня.

— Вы понимаете, сударыня, что это, смотря по ученицѣ; для нѣкоторыхъ нужно очень немного времени; это зависитъ отъ ея понятливости.

— Ну, у этой ея болѣе чѣмъ достаточно.

— А! Тѣмъ лучше. Въ такомъ случаѣ это легче.

— Ну, сколько именно времени?

— Чтобы вполнѣ сформироваться, чтобъ ее закончить,— нужно добрыхъ три года... да, добрыхъ три года работать, добрыхъ три года...

Я молчала, обдумывая, какъ бы отомстить негодному аккомпаніатору, выраженіе котораго говорило: «хорошо сложена и миленькая! Это будетъ занимательно!»

Сказавъ еще нѣсколько словъ, мы поднялись. Вартель, не вставая съ мѣста, снисходительно протянулъ мнѣ руку. Я искусала себѣ всѣ губы.

Какъ только мы вышли, я попросила тетю вернуться и разсказать ему, кто мы такія.

Мы снова вошли въ комнату, отъ души смѣясь. Тетя протянула свою карточку. Я объяснила строгому маэстро весь этотъ фарсъ.

Но что за мину сострoилъ аккомпаніаторъ! Я никогда этого не забуду! Я была отомщена.

— Если бы вы поговорили еще нѣсколько времени, я призналъ бы васъ за русскую, — сказалъ Вартель.

— Еще бы! И однако, развѣ я не говорила!

Тетя и графиня М. объяснили ему мое желаніе узнать истину изъ его знаменитыхъ устъ.

— Я уже сказалъ вамъ, сударыня! голосъ есть; нужно только, чтобы былъ талантъ.

— Онъ будетъ! Онъ есть у меня: вы сами увидите это.

Я была такъ довольна, что согласилась идти пѣшкомъ до Grand Hôtel.

— Все равно, моя милость, — сказала графиня, — я изъ другой комнаты наблюдала за лицомъ профессора, и когда вы пѣли Миньону, онъ былъ просто изумленъ. Вѣдь онъ самъ подпѣвалъ, и это со стороны такого-то человѣка! И по отношенію къ маленькой итальянкѣ, которую онъ судилъ съ величайшей строгостью!..

Мы обѣдали вмѣстѣ. Я была очень довольна и высказалась вся, какъ есть, со всѣми своими странностями, причудами, со всѣми своими надеждами.

Послѣ обѣда мы долго оставались на балконѣ, наслаждаясь свѣжестью воздуха и зрѣлищемъ проходящихъ по двору взадъ и впередъ путешественниковъ.

Итакъ, я буду учиться съ Вартелемъ. А Римъ? Надо это обдумать...

Уже поздно, я скажу это завтра.

Вторникъ, 18 іюля. Сегодня я видѣла такъ много необык-
К., княгини S., во мнѣ просыпаются всѣ мои дурные инстинкты, т. е. зависть. Она хороша, но это красота горничной, одѣтой въ причудливый костюмъ, красота женщины, предназначенной обувать и обмахивать другихъ большимъ вѣеромъ.

А между тѣмъ она королева, королева въ моментъ, неоцѣненный для честолюбивыхъ. Конечно, ея роль отмѣчена исторіей.

А я!!!

Вторникъ, 18 іюля. Сегодня я видѣла такъ много необыкновеннаго. Мы посѣтили знаменитаго сомнамбулиста Alexis. Онъ консультируетъ почти исключительно о здоровьи.

Насъ ввели въ полуосвѣщенную комнату, и такъ какъ графиня М. сказала, что мы пришли спросить не о здоровьѣ, то докторъ вышелъ, оставивъ насъ однихъ со спящимъ человѣкомъ.

То, что передо мною былъ мужчина и особенно отсутствіе всякаго **внѣшняго** шарлатанства, возбудило во мнѣ недовѣрчивость.

— Дѣло не касается вопроса о здоровьѣ, — сказала графиня, кладя мою руку въ руку Alexis.

— А! — сказалъ онъ съ полузакрытыми и стеклянными, какъ у мертвеца, глазами. — Въ ожиданіи чего другого, ваша маленькая пріятельница очень больна.

— О, — вскрикнула я испуганно и хотѣла просить его не говорить о моей болѣзни, боясь услышать что-нибудь ужасное. Но прежде чѣмъ я успѣла это сдѣлать, онъ мнѣ назвалъ мою болѣзнь — воспаленіе гортани, нѣчто хроническое: воспаленіе гортани, при очень сильныхъ легкихъ, что меня и спасло.

— Легкія были прекрасны, — сказалъ Alexis съ сожалѣніемъ, — теперь они попорчены; вамъ надо беречься.

Надо было бы записывать, такъ какъ я не запомнила всего сказаннаго о бронхахъ и гортани; для этого я вернусь завтра.

— Я пришла, — сказала я,—спросить васъ объ этой личности.

И я вручила ему запечатанный конвертъ съ фотографіей кардинала.

Но прежде чѣмъ разсказывать всѣ эти необыкновенныя вещи, надо замѣтить, что съ внѣшней стороны не было ничего, могущаго указывать на то, что я интересуюсь кардиналомъ. Я никому не говорила объ этомъ. Да и зачѣмъ бы, казалось, молодой, изящной русской дѣвушкѣ идти къ сомнамбулисту говорить о папѣ, кардиналѣ, о дьяволѣ?

Alexis держался за лобъ и соображалъ; я теряла терпѣніе.

— Я его вижу, — сказалъ онъ наконецъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ большомъ городѣ, въ Италіи; онъ во дворцѣ; окруженъ очень многими; это человѣкъ молодой... Нѣтъ, меня обмануло его выразительное лицо. Онъ сѣдой... онъ въ формѣ... ему за шестьдесятъ...

Я, слушавшая до сихъ поръ съ возростающей жадностью, была непріятно поражена.

— Въ какой формѣ? — спросила я, это странно: онъ не военный.

— Разумѣется, нѣтъ!

— Нѣтъ, тогда какая же на немъ форма?

— Странная; не нашей страны... это...

— Это?

— Это священническая одежда... Подождите... Онъ занимаетъ очень высокій постъ, онъ управляетъ другими, онъ епископъ... нѣтъ! онъ кардиналъ.

Я вскочила и сбросила мои калоши на другой конецъ комнаты. Графиня умирала со смѣху, глядя на мое волненіе.

— Кардиналъ? — повторила я.

— Да.

— О чемъ онъ думаетъ?

— Онъ думаетъ объ очень важномъ дѣлѣ, онъ очень занятъ имъ!

Медлительность Alexis'а и трудность, съ которой онъ произносилъ слова, раздражали меня.

— Дальше, посмотрите съ кѣмъ онъ? Что онъ говоритъ?

— Онъ съ двумя молодыми людьми... военными, два молодыхъ человѣка, которыхъ онъ видитъ часто, они придворные.

Я всегда видѣла на субботнихъ аудіенціяхъ двухъ военныхъ, довольно молодыхъ, которые находились въ папской свитѣ.

— Онъ съ ними говоритъ, — продолжалъ Alexis, говоритъ на иностранномъ языкѣ... на итальянскомъ!

— На итальянскомъ?

— Э, да онъ очень образованъ, этотъ кардиналъ, онъ знаетъ почти всѣ европейскіе языки.

— Видите вы его въ эту минуту?

— Да, да. Тѣ, которые его окружаютъ, тоже духовные. Одинъ изъ нихъ очень высокій, худой, въ очкахъ, приближается и тихо говоритъ съ нимъ; онъ видитъ только вблизи, онъ долженъ подносить предметы къ самымъ почти глазамъ, чтобы видѣть... — А, чортъ! это портретъ того, имя котораго я постоянно забываю; онъ очень извѣстенъ въ Римѣ, — это тотъ, который говорилъ обо мнѣ на обѣдѣ въ виллѣ Matei.

— Чѣмъ занятъ кардиналъ,—спросила я, — что онъ намѣренъ дѣлать, кого онъ видѣлъ въ послѣднее время?

— Вчера!.. вчера у него было большое собраніе... люди, имѣющіе отношеніе къ церкви... всѣ! Да, обсуждали важный вопросъ, очень важный, вчера, въ понедѣльникъ. Онъ очень безпокоится, такъ какъ дѣло идетъ о...

— О чемъ?

— Говорили, стараются, хотятъ...

— Чего? смотрите же!

— Хотятъ его сдѣлать... папой!

— Ого!!!

Тонъ, которымъ это было сказано, удивленіе сомнамбулиста и слова сами по себѣ дали мнѣ какъ бы электрическій толчокъ; я не чувствовала ничего подъ ногами, я сбросила шляпу, растрепала волосы, вытащивъ шпильки и бросивъ ихъ на средину комнаты.

— Папой! — воскликнула я.

— Да, папой, — повторилъ Alexis, — но есть большія препятствія. У него шансовъ для этого меньше, чѣмъ у другого.

— Но онъ будетъ папой?

— Я не читаю въ будущемъ.

— Но попробуйте, вы можете, ну...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вижу будущаго! я его не вижу.

— Но кто этотъ кардиналъ, какъ его имя? Не можете-ли вы видѣть изъ окружающаго, изъ того, что ему говорятъ?

— А... Постойте. А! — сказалъ онъ, я держу его изображеніе... и, — прибавилъ онъ съ неожиданной живостью, — вы такъ волнуетесь, что страшно утомляете меня; ваши нервы даютъ толчки моимъ; будьте спокойнѣе.

— Да, но вѣдь вы говорите вещи, которыя заставляютъ меня просто подпрыгивать. Итакъ, имя этого кардинала?

Онъ началъ сжимать голову и ощупывать конвертъ (который былъ сѣрый, двойной и очень толстый).

— Антонелли!

— Мнѣ больше нечего было сбрасывать; я откинулась въ креслѣ.

— Думаетъ онъ обо мнѣ?

— Мало... и дурно. Онъ противъ васъ... Существуетъ какое-то недовольство... политическіе мотивы...

— Политическіе мотивы?

— Да.

— Но онъ будетъ папой?

— Этого я не знаю. Французская партія будетъ разбита, то-есть французскій кандидатъ имѣетъ такъ мало шансовъ, онъ почти ихъ не имѣетъ... его партія соединяется съ партіей Антонелли, или съ партіей другого итальянца.

— Съ которой изъ двухъ? Которая восторжествуетъ?

— Я буду въ состояніи сказать это только тогда, когда они будутъ уже дѣйствовать, но многіе противъ А... это другой...

— А они скоро начнутъ дѣйствовать?

— Этого нельзя знать: папа еще есть, нельзя же убивать папу! Папа долженъ жить...

— А Антонелли долго проживетъ?

Alexis покачалъ головой.

— Значитъ, онъ очень боленъ?

— О, да!

— Что съ нимъ?

— У него болятъ ноги, у него подагра, и вчера... нѣтъ третьяго дня у него былъ страшный припадокъ. У него разложеніе крови; я не могу говорить этого дамѣ.

— Да это и не нужно.

— Не волнуйтесь, — сказалъ онъ. — Вы меня утомляете. Думайте спокойнѣе, я не могу слѣдить за вами...

Его рука дрожала и заставляла дрожать меня всѣмъ тѣломъ; я отпустила его руку и успокоилась.

— Возьмите это, — сказала я ему, подавая письмо Піетро, запечатанное въ конвертъ, совершенно подобный предыдущему.

Онъ взялъ его и точно такъ же, какъ предыдущій, прижалъ къ сердцу и ко лбу.

— Эге, сказалъ онъ, — этотъ моложе, онъ очень молодъ. Это письмо написано уже нѣсколько времени тому назадъ; оно написано въ Римѣ и съ тѣхъ поръ эта личность уже уѣхала оттуда. Она все еще въ Италіи... но не въ Римѣ... Тамъ есть море... Этотъ человѣкъ въ деревнѣ. О, конечно, онъ переселился со вчерашняго дня, не болѣе сутокъ... Но этотъ этотъ человѣкъ имѣетъ какое-то отношеніе къ папѣ, я его вижу

сзади папы... Онъ связанъ съ Антонелли; между ними близкое родство.

— Но каковъ его характеръ, каковы его наклонности, мысли?

— Это странный хракатеръ... замкнутый, **мрачный**, честолюбивый... Онъ думаетъ о васъ постоянно... но болѣе всего онъ хочетъ достигнуть своей цѣли... Онъ честолюбивъ.

— Онъ меня любитъ?

— Очень; но это странная натура, несчастная. Онъ честолюбивъ.

— Но тогда онъ меня не любитъ?

— Нѣтъ, онъ васъ любитъ, но у него любовь и честолюбіе идутъ рука объ руку. **Вы ему нужны.**

— Опишите мнѣ его подробнѣе съ нравственной стороны.

— Онъ противоположность вамъ, — сказалъ Alexis, улыбаясь, — хотя такой же нервный.

— Видаетъ онъ кардинала?

— Нѣтъ, они не ладятъ; кардиналъ давно уже противъ него изъ-за политическихъ мотивовъ.

— Я вспомнила, что Pietro мнѣ говорилъ всегда: «Дядя не сталъ бы сердиться на меня за клубъ или за волонтаріатъ; что ему до всего этого? это онъ изъ-за **политики.**

— Но онъ его близкій родственникъ, — продолжалъ Alexis. — Кардиналъ имъ недоволенъ.

— Въ послѣднее время они не видѣлись?

— Подождите! Вы думаете о слишкомъ многихъ вещахъ; эти вопросы трудны, я смѣшиваю этотъ листокъ съ **другимъ!** Они были въ одномъ конвертѣ.

Это вѣрно; вчера они были въ одномъ конвертѣ.

— Смотрите же, постарайтесь увидѣть.

— Я вижу! Они видѣлись два дня тому назадъ, но они были не одни: я его вижу съ дамой.

— Молодой?

— Молодой, его матерью.

— О чемъ они говорили?

— Ни о чемъ ясно; что-то стѣснило ихъ... Сказали лишь нѣсколько неопредѣленныхъ словъ, почти ничего, объ этомъ бракѣ.

— О какомъ бракѣ?

— О бракѣ съ вами.

— Кто говорилъ объ этомъ?

Они. Антонелли не говорилъ, онъ предоставлялъ имъ говорить. Онъ противъ этого брака, особенно съ самаго начала. Теперь онъ смотритъ на это лучше и нѣсколько лучше переноситъ эту мысль.

— А каковы мысли молодого?

— Онѣ уже установились; онъ хочетъ жениться на васъ... но Антонелли этого не хочетъ. Съ очень недавняго времени онъ все-таки менѣе враждебенъ.

Графиня М. очень смущала меня, но я храбро продолжала, хотя мое радостное настроеніе совершенно исчезло.

— Если этотъ человѣкъ думаетъ только о своей цѣли, то онъ не думаетъ обо мнѣ.

— О! но я же вамъ говорю, что для него вы и честолюбіе составляете одно и то же.

— Значитъ онъ меня любитъ?

— О! очень.

— Съ какихъ поръ?

— Вы слишкомъ волнуетесь, вы меня утомляете, вы задаете мнѣ слишкомъ трудные вопросы... я не вижу.

— Ну... постарайтесь!

— Я не вижу... давно! нѣтъ, я не вижу.

— Какое отношеніе онъ имѣетъ къ Антонелли?

— Близкій родственникъ.

— А Антонелли имѣетъ свои виды на этого молодого человѣка?

— О, да, но они разъединены политикой, хотя теперь все обстоитъ лучше.

— Вы говорите, что Антонелли противъ меня?

— Очень. Онъ не хочетъ этого брака изъ-за религіи... Но онъ начинаетъ смягчаться... о, очень мало... все это зависитъ отъ политики. Я же вамъ говорю, что Антонелли и этотъ молодой человѣкъ нѣсколько времени тому назадъ были совершенно разъединены. Антонелли былъ безусловно противъ него...

Итакъ, что скажете вы обо всемъ этомъ? Вы, считающіе всѣ эти вещи шарлатанствомъ? Если это и шарлатанство, то оно даетъ удивительные результаты!

Я записала все совершенно точно; быть можетъ, я что-нибудь пропустила, но ничего не прибавила. Развѣ это не удивительно, развѣ это не странно?

Тетя разыграла невѣрующую, такъ какъ она ужасно разсердилась на кардинала; она начала противъ Alexis цѣлый рядъ фразъ, безъ цѣли и смысла, которыя страшно раздражали меня, такъ какъ я знала, что она не думаетъ ничего изъ того, что говоритъ.

Насколько вчера мое настроеніе было **повышено,** на столько же оно **понизилось** сегодня.

Суббота, 22 іюля. Я больше не думаю о Піетро, онъ недостоенъ этого, и, славу Богу, я не люблю его.

До третьяго дня я каждый вечеръ просила Бога, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ его и далъ возможность одержать побѣду. Я больше не молюсь объ этомъ. Но Богъ знаетъ, какъ я желала бы отомстить, хотя не смѣю просить на это Его помощи.

Месть, конечно, чувство не христіанское, но оно благородно; предоставимъ мелкимъ людямъ забвеніе оскорбленій. Да, впрочемъ, это возможно только тогда, когда ничего другого не остается дѣлать.

Воскресенье, 23 іюля. Римъ... Парижъ... Сцена, пѣніе... живопись! Нѣтъ, нѣтъ. Прежде всего — Россія! Это самое главное. Итакъ, разсуждая благоразумно, будемъ благоразумны и на дѣлѣ. Не позволимъ сбить насъ съ пути блуждающимъ огнямъ воображенія.

Прежде всего Россія! Только бы Богъ помогъ мнѣ.

Я написала мамѣ. Я отдѣлалась отъ любви и ушла по уши въ дѣла. О, только бы Богъ помогъ мнѣ, и все пойдетъ хорошо.

Да будетъ моей заступницей Святая Дѣва Марія!

Четвергъ, 27 іюля. Наконецъ, вчера въ 7 часовъ утра мы выѣхали изъ Парижа. Во время путешествія я занималась преподаваніемъ исторіи Шоколаду, и разбойникъ, благодаря этому, уже имѣетъ нѣкоторое понятіе о древнихъ грекахъ, о Римѣ во время царей, республикѣ и, наконецъ, имперіи, и изъ исторіи Франціи — начиная съ «короля, котораго свергли съ престола». Я объяснила ему сущность различныхъ теперешнихъ исторій, и Шоколадъ находится au courant всего; онъ даже знаетъ, что такое депутатъ. Я ему разсказывала, а затѣмъ спрашивала его.

Кончивъ, я спросила его, къ какой партіи примкнулъ бы онъ, и этотъ разбойникъ отвѣчалъ мнѣ:

«Я бонапартистъ!»

Вотъ какъ онъ разсказываетъ все то, чему я его научила: послѣднимъ королемъ былъ Людовикъ XVI, который былъ очень добръ, но республиканцы — люди, ищущіе денегъ и почестей, казнили какъ его, такъ и жену его Марію-Антуанету и учредили республику. Франція была въ это время очень ничтожна; а на островѣ Корсикѣ родился, между тѣмъ, человѣкъ, Наполеонъ Бонапартъ, который былъ такъ уменъ и храбръ, что его избрали сначала полковникомъ, потомъ генераломъ. Онъ покорилъ весь міръ и французы очень любили его. Но, отправляясь въ походъ на Россію, онъ забылъ взять шубы для своихъ солдатъ, и они очень страдали отъ холода; русскіе же сожгли Москву. Тогда Наполеонъ, бывшій въ это время уже императоромъ, возвратился во Францію; но такъ какъ онъ былъ несчастливъ, а французы, которые любятъ только тѣхъ, кому благопріятствуетъ счастье, больше не любили его, то и всѣ остальные государи, чтобы отомстить ему, принудили его сложить съ себя власть. Тогда онъ отправился на островъ Эльбу; потомъ на сто дней онъ возвратился было въ Парижъ, но его опять заставили спасаться бѣгствомъ. Увидѣвъ одно англійское судно, онъ сталъ умолять экипажъ его о спасеніи, но едва онъ взошелъ туда, его объявили плѣнникомъ и отвезли на островъ св. Елены, гдѣ онъ и умеръ.

Увѣряю васъ, что Шоколадъ былъ во многомъ правъ.

Наконецъ, сегодня утромъ мы прибыли въ Берлинъ. Городъ произвелъ на меня въ общемъ впечатлѣніе пріятное. Дома очень красивы.

Не могу написать сегодня ни слова толкомъ; дорога ужасно утомляетъ.

«Два чувства свойственны натурамъ гордымъ и любящимъ: величайшая чуткость къ мнѣнію о нихъ и величайшая горечь, когда мнѣніе это несправедливо».

Пятница, 28 іюля. Берлинъ напоминаетъ мнѣ Флоренцію... Позвольте — онъ напоминаетъ мнѣ Флоренцію, потому что я опять съ тетей и веду тотъ же образъ жизни.

Прежде всего мы осмотрѣли музей. Ничего подобнаго я не ожидала встрѣтить въ Пруссіи — можетъ быть по невѣжеству, можетъ быть по предубѣжденію.

По обыкновенію, статуи удержали меня всего дольше, и мнѣ кажется, что я обладаю какой-то особенной, большей, чѣмъ у другихъ людей, чуткостью въ отношеніи **пониманія** статуй.

Въ большой залѣ находится одна статуя, которую я приняла за Аталанту, вслѣдствіе пары сандалій, которыя могли бы выражать здѣсь главную идею; но надпись гласитъ, что это Психея. Все равно, Психея или Аталанта, — это замѣчательная фигура по красотѣ и естественности.

Осмотрѣвъ греческіе гипсы, мы прошли далѣе. Глаза и голова моя уже устали, и я узнала египетскій отдѣлъ только по его сжатымъ и бѣглымъ линіямъ, напоминающимъ круги, произведенные на водѣ паденіемъ какого-нибудь предмета.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ быть гдѣ-нибудь съ человѣкомъ, которому скучно то, что для васъ интересно. Тетя скучала, торопилась, ворчала. Правда, что мы проходили тамъ два часа!.. Что очень интересно, такъ это историческій музей: миніатюръ, статуй, древнихъ гравюръ и миніатюрныхъ портретовъ. Я обожаю это. Я обожаю эти портреты и, глядя на нихъ, фантазія моя дѣлаетъ невѣроятныя путешествія, создаетъ различныя приключенія, драмы...

Но довольно...

Затѣмъ картины.

Мы достигли времени, предназначеннаго для крайняго усовершенствованія живописи, — идеала искусства. Начали съ жесткихъ линій, съ красокъ слишкомъ яркихъ, не сливающихся между собой, потомъ перешли къ мягкости, доходящей до неясности очертаній. Полнаго подражанія природѣ, вполнѣ

вѣрнаго снимка съ нее, — что бы тамъ ни говорили и ни писали, — еще не было.

Закроемъ глаза на все, что было между самой примитивной и современной *) манерой въ живописи и сосредоточимъ на нихъ все вниманіе.

Жестокость, ослѣпительныя краски, рѣзко проведенныя линіи — вотъ въ чемъ состоитъ первая.

Мягкость, краски, настолько сплывающіяся между собой, что рисунокъ проигрываетъ въ рельефности, какое-то избѣганіе линій — вотъ вторая.

Теперь нужно было бы, такъ сказать, взять концомъ кисти слишкомъ яркія краски древнихъ картинъ и перенести ихъ на безжизненныя современныя. Тогда было бы совершенство.

Есть еще родъ живописи, еще совершенно новый, состоящій въ томъ, что пишутъ картины «пятнами». Но это ужасно, хотя такимъ образомъ и достигается нѣкоторый эффектъ.

Въ картинахъ новыхъ мастеровъ значеніе обстановки обыденныхъ предметовъ, какъ то: мебели, домовъ, церквей, — недостаточно оцѣнено. Пренебрегаютъ точностью въ передачѣ обстановки и такимъ образомъ производятъ какую-то **сбивчивость** линій; слишкомъ злоупотребляютъ ретушевкой (тогда какъ можно было бы пользоваться ею, не возводя этого въ обыкновеніе); такимъ образомъ фигуры выдѣляются недостаточно рѣзко и кажутся такими же мертвенными, какъ окружающіе ихъ предметы, которые сдѣланы не съ достаточной **точностью,** и представляются какъ бы не вполнѣ твердо стоящими и неподвижными. Въ такомъ случаѣ, дитя мое, такъ какъ, повидимому, ты столь хорошо понимаешь, что нужно для совершенства... Не безпокойтесь, я буду работать, и что еще лучше, добьюсь въ этомъ успѣха!

Я возвратилась страшно усталая, купивъ себѣ тридцать два англійскихъ тома, отчасти переводы, первоклассныхъ нѣмецкихъ писателей.

— Какъ! И здѣсь уже библіотека! — воскликнула тетя въ ужасѣ.

Чѣмъ болѣе я читаю, тѣмъ болѣе я чувствую потребность

---

*) Подъ современными я подразумѣваю здѣсь Рафаэля, Тициана и другихъ великихъ мастеровъ.

читать, и чѣмъ болѣе я учусь, тѣмъ болѣе открывается передо мной рядъ вещей, которыя хотѣлось бы изучить. Я говорю это вовсе не изъ пустого подражанія извѣстному мудрецу древности. Я дѣйствительно испытываю то, что говорю.

И вотъ я въ роли Фауста! Старинное нѣмецкое бюро, передъ которымъ я сижу; книги, тетради, свертки бумаги... Гдѣ же Мефистофель? Гдѣ Маргарита? Увы! Мефистофель всегда со мной: мое безумное тщеславіе, — вотъ мой дьяволъ, мой Мефистофель.

О, честолюбіе, ничѣмъ не оправдываемое! Безплодный порывъ, безплодное стремленіе къ какой-то неизвѣстной цѣли!

Я ненавижу больше всего золотую середину. Мнѣ нужна или жизнь... шумная, или абсолютное спокойствіе.

Не знаю, отчего это зависитъ, но я чувствую, что совершенно не люблю А..., не только я не люблю его, но я больше и не думаю о немъ, и **все это** кажется мнѣ какимъ-то сномъ.

Но Римъ привлекаетъ меня; я чувствую, что тамъ только и буду въ состояніи работать. Римъ, — шумъ и тишина, развлеченія и тихія грезы, свѣтъ и тѣни... Позвольте... свѣтъ и тѣни... Это ясно: гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни и... *versaicev*... Нѣтъ, но я смѣюсь сама надъ собой, — серьезно! И, право, есть чего—только пожелай!.. Я хочу ѣхать въ Римъ, это единственное мѣсто, подходящее къ моимъ наклонностямъ, единственное мѣсто, которое я люблю за него самого.

Берлинскій музей прекрасенъ и богатъ, но обязанъ ли онъ этимъ Германіи? Нѣтъ, Греціи, Египту, Риму! Послѣ созерцанія всей этой древности, я сѣла въ карету съ глубокимъ отвращеніемъ къ нашимъ искусствамъ, нашей архитектурѣ, нашимъ модамъ.

Я думаю, что если бы другіе, выходя изъ такого рода мѣстъ, проанализировали свои чувства, то оказалось бы, что всѣ думаютъ такъ же. Впрочемъ, къ чему желать быть во всемъ похожей на другихъ!

Я не люблю нѣмцевъ за ихъ **сухость** и матеріализмъ, но нужно отдать имъ справедливость: они очень вѣжливы, очень предупредительны. И что мнѣ въ нихъ особенно нравится, такъ это ихъ уваженіе къ государямъ и ихъ исторіи. Это зависитъ отъ того, что они еще не испорчены всѣми прелестями республики.

Ничто не можетъ сравниться съ идеальной республикой. Но республика — какъ горностай: малѣйшее пятно убиваетъ ее. А гдѣ вы найдете республику безъ единаго пятна?

Нѣтъ, эта жизнь просто невозможна, это ужасная страна! Прекрасные дома, широкія улицы, но... но ничего для души и воображенія. Самый маленькій городишко Италіи стоитъ Берлина.

Тетя спрашиваетъ меня, сколько страницъ я исписала. «Страницъ сто, я думаю», — говоритъ она.

Дѣйствительно можетъ показаться, что я все время пишу; но нѣтъ. Я думаю, мечтаю, читаю, потомъ напишу два слова,— и такъ цѣлый день.

Удивительно, какъ хорошо я стала понимать благодѣтельныя стороны республики съ тѣхъ поръ, какъ причислила себя къ бонапартистамъ.

Нѣтъ, правда, — республика это единственный счастливый родъ правленія, но только во Франціи это невозможно.

Да и потомъ французская республика выстроена на грязи и крови.

Но.. ну не будемъ же больше думать о республикѣ: вотъ ужъ недѣля, какъ я объ этомъ раздумываю, и что же? въ сущности, развѣ Франція стала несчастнѣй съ тѣхъ поръ, какъ она республика? Нѣтъ, напротивъ. Но тогда какъ же? А злоупотребленія-то! Они повсюду.

Что дѣйствительно нужно, — такъ это хорошая либеральная конституція и во главѣ ея человѣкъ, который не былъ бы вполнѣ властителемъ, но чѣмъ-то въ родѣ хорошей вывѣски, которая, не возвышая сама по себѣ цѣнности магазина, внушаетъ довѣріе и пріятно привлекаетъ зрѣніе. Впрочемъ, президентъ не можетъ быть этимъ.

Но довольно на этотъ вечеръ, другой разъ, когда буду знать больше, поговорю объ этомъ еще.

Воскресенье, 30 іюля. Ничего не можетъ быть печальнѣе этого Берлина! Городъ носитъ печать простоты, но простоты безобразной, неуклюжей. Всѣ эти безчисленные памятники, загромождающіе улицы, мосты и сады, скверно расположены и имѣютъ какой-то глупый видъ. Берлинъ похожъ на картинку въ часахъ, гдѣ въ извѣстные моменты военные выходятъ изъ казармы, лодочники гребутъ, дамы въ шляпкахъ проходятъ, держа за руку безобразныхъ дѣтей.

Наканунѣ момента, когда я пріѣду въ Россію и останусь совсѣмъ одна, безъ мамы, безъ тети, я падаю духомъ и боюсь. Безпокойство, которое я причиняю тетѣ, огорчаетъ меня.

Все это дѣло, неизвѣстность исхода, все это... и потомъ, и потомъ, — я не знаю, право, но я боюсь, что ничего не измѣню.

Мысль — начать по возвращеніи тотъ же самый образъ жизни, и теперь уже безъ надежды на перемѣну, на эту «Россію», которая утѣшала меня во всемъ и подкрѣпляла мои силы... Боже мой! Сжалься надо мной! Ты видишь состояніе моей души, будь ко мнѣ милостивъ.

Черезъ два часа мы выѣзжаемъ изъ Берлина; завтра я буду въ Россіи. И нѣтъ же, нѣтъ, я не падаю духомъ, я сильна.

Только... если я ѣду напрасно! Вотъ что ужасно. Но не слѣдуетъ отчаиваться заранѣе.

О! Если бы только кто-нибудь зналъ, что я испытываю!

Понедѣльникъ, 31 іюля. Вчера мы всѣ — тетя, я, Шоколадъ и Амалія, прибыли на станцію въ десять часовъ.

Я была довольно утомлена, но при видѣ купэ, большого и удобнаго, какъ маленькая комнатка, совсѣмъ ободрилась, тѣмъ болѣе, что вагонъ былъ освѣщенъ газомъ, и мы могли быть увѣрены, что останемся одни. Мнѣ очень хотѣлось наканунѣ предстоящей разлуки поговорить съ тетей; но я не бываю разговорчива, когда во мнѣ преобладаетъ какое-нибудь глубокое чувство, а тетя молчала, боясь огорчить или раздражить меня, если станетъ говорить со мной. Такимъ образомъ, волей-неволей, я погрузилась въ «Свѣтскій бракъ» Октава Фелье. Вотъ благотворное чтеніе! Оно внушило мнѣ самое глубокое отвращеніе ко всѣмъ этимъ гадостямъ... На этихъ разсужденіяхъ я заснула, чтобы проснуться за три часа до границы, въ Эйдкуненѣ, куда мы пріѣхали около четырехъ часовъ.

Мѣстность здѣсь низменная, деревья густы и зелены, но листья, несмотря на свою свѣжесть и яркость, производятъ грустное впечатлѣніе послѣ крупной и роскошной зелени юга.

Мы отправились въ гостиницу, которая называется «Hôtel de Russie», и помѣстились въ двухъ маленькихъ комнаткахъ съ выбѣленными известью потолками, съ деревянными полами и съ простою, свѣтлою деревянною мебелью.

Благодаря моему дорожному несессеру я тотчасъ же устроила себѣ ванну и туалетъ и, поѣвъ яицъ и напившись молока, поданнаго толстой и свѣжею нѣмкой, я принимаюсь писать.

Я нахожу, что сама я имѣю извѣстную прелесть въ этой бѣдной маленькой комнаткѣ, въ моемъ бѣломъ пеньюарѣ, съ моими красивыми, обнаженными руками, съ моими золотистыми волосами.

Я только посмотрѣла въ окно. Безконечность утомляетъ взоръ. Это полное отсутствіе холмовъ, эта равнина представляется мнѣ вершиною горы, которая возвышается надъ всею вселенной.

Шоколадъ очень тщеславный мальчикъ.

— Ты мой курьеръ, — сказала я ему, — ты долженъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ.

Мальчикъ отвѣчалъ, что говоритъ по-французски, по-итальянски, по-ниццарски, немного по-русски и что онъ будетъ говорить по-нѣмецки, если я соглашусь научить его.

Онъ пришелъ весь въ слезахъ, сопровождаемый смѣхомъ Амаліи, и сталъ жаловаться на то, что хозяинъ указалъ ему постель въ той комнатѣ, гдѣ уже помѣстился какой-то торгашъ.

Я приняла серьезную мину и сдѣлала видъ, будто нахожу вполнѣ естественнымъ, что его помѣстили вмѣстѣ съ торгашемъ. Шоколадъ такъ плакалъ, что я начала смѣяться и, чтобы его утѣшить, велѣла ему прочесть нѣсколько страничекъ всемірной исторіи, купленной спеціально для него.

Этотъ негритенокъ забавляетъ меня — это живая игрушка: я даю ему уроки, учу его прислуживать, выслушиваю его капризы — словомъ, это моя собачка и моя кукла.

Мнѣ положительно нравится жизнь въ Эйдкуненѣ; я занимаюсь воспитаніемъ молодого Шоколада, который дѣлаетъ огромные успѣхи въ нравственности и философіи.

Сегодня вечеромъ онъ отвѣчалъ мнѣ священную исторію; дойдя до того мѣста, гдѣ разсказывается о предательствѣ Іуды, онъ въ трогательныхъ словахъ передалъ мнѣ разсказъ о томъ, какъ Іуда продалъ Спасителя за тридцать серебренниковъ и выдалъ его стражѣ поцѣлуемъ.

— Шоколадъ, другъ мой, сказала я, — согласился ли бы ты продать меня врагамъ за тридцать франковъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, опуская голову.

— А за шестьдесятъ?

— Также нѣтъ.

— А за сто двадцать?

— Тоже нѣтъ.

— Ну, а за тысячу франковъ? продолжала я допрашивать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Шоколадъ, теребя край стола своими обезьяньими пальцами, не поднимая глазъ и шевеля ногами.

— Ну, Шоколадъ, а если бы тебѣ дали десять тысячъ? ласково настаивала я.

— Тоже нѣтъ.

— Славный мальчикъ! Но если бы тебѣ предложили сто тысячъ франковъ? спросила я для успокоенія совѣсти.

— Нѣтъ, — сказалъ Шоколадъ, и голосъ его перешелъ въ шопотъ, — я взялъ бы больше.

— Что?!

— Я взялъ бы больше.

— Ну, милый человѣкъ, скажи, сколько же, говори же. Два, три, четыре милліона?

— Пять или шесть.

— Несчастный, вскричала я, — развѣ не все равно продать, за тридцать франковъ, или за шесть милліоновъ?

— О, нѣтъ! когда у меня будетъ столько денегъ... другіе ничего не посмѣютъ мнѣ сдѣлать.

И, вопреки всякой нравственности, я упала на диванъ, разражаясь смѣхомъ, а Шоколадъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, удалился въ другую комнату.

Но знаете-ли вы, кто приготовилъ мнѣ обѣдъ?—Амалія. Она зажарила двухъ цыплятъ, — а то я просто умирала съ голоду; что же касается жажды — намъ подали бутылку невозможнаго шато-лароза.

Нѣтъ, право, странно: это Эйдкуненъ! Увидимъ, что-то будетъ въ Россіи.

Вторникъ, 1-го августа. Я хотѣла бы опять приняться за рыцарскій романъ; тотъ, который я начала, брошенъ на дно бѣлой шкатулки.

Мы съ тетей все еще въ гостиницѣ Эйдкунена и ждемъ пріѣзда моего многоуважаемаго дядюшки.

Мнѣ надоѣло сидѣть взаперти, и около половины девятаго я сама пошла на станцію къ поѣзду, а такъ какъ мнѣ сказали, что мои часы идутъ на нѣсколько минутъ впередъ, т я отправилась погулять съ Амаліей.

Въ Эйдкуненѣ есть хорошенькая аллея, хорошо вымощенная и тѣнистая, съ маленькими домиками по сторонамъ; тутъ есть даже два кафе и нѣчто въ родѣ ресторана. Свистокъ поѣзда раздался во время моей прогулки и, не смотря на мои маленькія ноги и большіе каблуки, я пустилась бѣжать черезъ огороды, черезъ кучи камней, черезъ рельсы, чтобы только поспѣть къ поѣзду, и напрасно!

Что же это думаетъ мой прекрасный дядюшка?

Среда, 2-го августа. Въ ожиданіи другихъ огорченій, у меня начинаютъ падать волосы. Кто этого не испыталъ, тотъ не можетъ понять, какое это для меня горе!

Дядя Степанъ телеграфируетъ изъ Конотопа, что выѣзжаетъ только сегодня. Еще сутки въ Эйдкуненѣ — какъ вамъ это нравится? Сѣрое небо, холодный вѣтеръ, нѣсколько бѣдныхъ евреевъ на улицѣ, стукъ телѣги отъ времени до времени и всевозможныя невыносимыя безпокойства!

Сегодня вечеромъ тетя заговорила со мной о Римѣ... Давно уже я не плакала — не отъ любви, нѣтъ! но отъ униженія при воспоминаніи о нашей жизни въ Ниццѣ, которую я оплакивала еще сегодня вечеромъ!

Четвергъ, 3-го августа.

Пятница, 4-го августа (23-го іюля по русскому стилю). Вчера въ три часа я пошла къ поѣзду и, къ счастью, дядя былъ тамъ. Но онъ могъ остаться только на четверть часа: на русской границѣ, въ Вержболовѣ, онъ съ трудомъ добился позволенія пріѣхать сюда безъ паспорта и долженъ былъ дать честное слово одному изъ тамошнихъ чиновниковъ, что вернется со слѣдующимъ же поѣздомъ.

Шоколадъ побѣжалъ за тетей, когда оставалось всего нѣсколько минутъ. Когда она пріѣхала, они успѣли только перекинуться двумя словами. Тетя, въ своемъ безпокойствѣ за меня, придя въ гостиницу, вообразила, что у дяди былъ какой-то странный видъ и своими полунамеками довела меня до того, что и я начала безпокоиться. Наконецъ, въ полночь я вошла въ вагонъ; тетя плакала; я дѣлала надъ собой усиліе, стараясь, не опускать глазъ и не двигать ими, чтобы сдержать

слезы. Кондукторъ подалъ знакъ, и въ первый разъ въ жизни я осталась одна!

Я начала громко плакать; но не думайте, что я не извлекла изъ этого выгоды!.. Я изучала по опыту, какъ люди плачутъ.

Ну, довольно же, дитя мое, сказала я сама себѣ и встала. Я была уже въ Россіи. Меня приняли въ свои объятія дядя, два жандарма и два таможенныхъ чиновника. Со мною обошлись, какъ съ принцессой, даже не смотрѣли моихъ вещей. Здѣсь большая станція, чиновники изящны и замѣчательно вѣжливы. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ идеальной странѣ — такъ все хорошо. Здѣсь простой жандармъ лучше офицера во Франціи.

Замѣтимъ, кстати, въ оправданіе нашего бѣднаго государя, котораго обвиняютъ въ томъ, что у него странные глаза, — что у всѣхъ, носящихъ каски (а ихъ немало въ Вержболовѣ), глаза такіе же, какъ у государя. Не знаю, кроется-ли причина въ каскѣ, которая падаетъ и давитъ на глаза, или же это просто подражаніе. Что касается подражанія, то вѣдь во Франціи всякому извѣстно, что всѣ солдаты похожи на Наполеона.

Мнѣ дали отдѣльное купэ, и, поговоривъ съ дядей о дѣлахъ и о прочемъ, я заснула, продолжая сердиться на себя за мою депешу къ А.

На станціяхъ въ буфетѣ очень чисто, такъ что я выходила часто.

Мои соотечественники не возбуждаютъ во мнѣ никакого особеннаго волненія или того восторга, какой я испытываю, когда снова вижу знакомыя мѣста; но я чувствую къ нимъ симпатію, и мнѣ пріятно быть съ ними.

И потомъ все такъ хорошо устроено, всѣ такъ вѣжливы, въ самой манерѣ держать себя у каждаго русскаго столько сердечности, доброты, искренности, что сердце радуетя.

Дядя явился сегодня будить меня въ десять часовъ.

Здѣсь топятъ локомотивы дровами, что избавляетъ отъ ужасающей угольной пыли. Я проснулась совсѣмъ чистая и весь день то болтала, то спала, то смотрѣла въ окно на нашу прекрасную русскую равнину, напоминающую окрестности Рима.

Въ половинѣ десятаго было еще свѣтло. Мы проѣхали Гатчину, древнюю резиденцію Павла I, котораго такъ преслѣдовали при жизни его блестящей матери; вотъ мы, наконецъ, въ Царскомъ Селѣ и черезъ двадцать пять минутъ будемъ въ Петербургѣ.

Я остановилась въ отелѣ Демутъ, въ сопровожденіи дяди, горничной, негра и многочисленнаго багажа и съ 50-ю рублями въ карманѣ. Что вы на это скажете?

Пока я ужинала въ довольно просторной гостиной безъ ковра и безъ живописи на потолкѣ, вошелъ дядя.

— Знаете-ли кто здѣсь, у меня? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, а кто?

— Угадайте, принцесса.

— Я не знаю!

— П. И. Можно позвать ее сюда.

— Да, пусть войдетъ.

И. въ Петербургѣ вмѣстѣ съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, Альбединскимъ. Онъ получилъ мою депешу изъ Эйдкунена въ минуту отъѣзда; служба не позволяла ему отлучиться, и онъ поручилъ графу Муравьеву выйти ко мнѣ навстрѣчу. Но графъ былъ потревоженъ напрасно: мы проѣзжали Вильну въ три часа ночи, и я спала, какъ праведница.

Кто станетъ отрицать мою доброту, послѣ того какъ я скажу, что я была весела сегодня вечеромъ, чувствовала, что И. радъ меня видѣть? А можетъ быть это эгоизмъ?

Я радовалась только удовольствію, которое доставляла другому. Вотъ и кавалеръ, который будетъ служить мнѣ въ Петербургѣ; вѣдь я въ Петербургѣ!

Я въ Петербургѣ, но не видѣла еще ничего, кромѣ дрожекъ — экипажа въ одно мѣсто, съ восьмью рессорами (какъ въ большихъ экипажахъ Биндера) и въ одну лошадь; замѣтила я Казанскій соборъ съ его колоннадой, сдѣланной по образцу колоннады римскаго собора св. Петра и множество «питейныхъ домовъ».

Со всѣхъ сторонъ слышатся восхваленія принцессы Маргариты, ея простоты и доброты. Никто не цѣнитъ простоты въ обыкновенныхъ женщинахъ — не принцессахъ; будьте просты и добры, и любезны, и низшіе будутъ позволять себѣ вольности, между тѣмъ какъ равные скажутъ: «славная да-

мочка», и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ отдавать предпочтеніе женщинамъ, въ которыхъ нѣтъ ни простоты, ни доброты.

О! если бы я была королевой! Передо мной переклонялись бы, я была бы популярной!

Итальянская принцесса, ея мужъ и свита еще въ Россіи; въ настоящее время они въ Кіевѣ, въ «матери русскихъ городовъ», какъ назвалъ его Владиміръ Св., принявъ христіанство и окрестивъ половину Руси въ Днѣпрѣ.

Кіевъ богаче всѣхъ городовъ въ мірѣ церквами, монастырями, монахами и мощами; что же касается драгоцѣнныхъ камней, находящихся въ этихъ монастыряхъ, то количество ихъ баснословно; ими наполнены цѣлые погреба, точно въ сказкахъ **Тысячи и одной ночи.** Я была въ Кіевѣ лѣтъ восемь тому назадъ и еще помню подземные ходы, которые проходятъ подъ всѣми улицами и соединяютъ между собою монастыри, представляя такимъ образомъ коридоръ, тянущійся на много верстъ и уставленный по обѣ стороны гробницами святыхъ. Боже мой... прости мнѣ дурную мысль... но невозможно, чтобы ихъ было такъ много.

Воскресенье, 6-го августа. Вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, я проспала, и Нина увезла меня къ себѣ завтракать. Попугай ея говорилъ, дочери ея кричали. Я пѣла, и мы воображали, что мы въ Ниццѣ. Двумѣстная карета въ проливной дождь повезла трехъ грацій осматривать Исаакіевскій соборъ, извѣстный своими колоннами изъ малахита и изъ ляписъ-лазури. Эти колонны необычайно роскошны, но безвкусны, такъ какъ зеленый цвѣтъ малахита и голубой цвѣтъ ляписъ-лазури уничтожаютъ эффектъ другъ друга. Мозаики и картины идеальны — настоящія лица святыхъ, Богоматери, ангеловъ. Вся церковь мраморная, четыре фасада съ гранитными колоннами красивы, но не гармонируютъ съ византійскимъ позолоченнымъ куполомъ. Внѣшній видъ вообще оставляетъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ куполъ слишкомъ великъ, и передъ нимъ исчезаютъ четыре маленькіе купола надъ фасадами, которые безъ этого были бы такъ красивы.

Обиліе золота и украшеній внутри собора эффектно, самая пестрота гармонична, съ большимъ вкусомъ, кромѣ двухъ колоннъ изъ ляписъ-лазури, которыя были бы прелестны въ другомъ мѣстѣ.

Въ это время происходила свадьба; женихъ и невѣста,

изъ простого народа, были некрасивы, и мы смотрѣли недолго. Я люблю русскій народъ, — добрый, честный, прямой, наивный. Мужчины и женщины останавливаются передъ каждою церковью, передъ каждой часовней или иконой и крестятся на улицѣ, точно они дома.

Изъ Исаакіевскаго собора мы отправились въ Казанскій. И тутъ свадьба и прелестная невѣста. Этотъ соборъ — подражаніе Петропавловскому собору въ Римѣ, но колоннада кажется излишнею, точно не принадлежащей къ зданію; она недостаточно длинна, такъ что не образуетъ полнаго полукруга, а это невыгодно для цѣлаго и придаетъ ему незаконченный видъ.

Далѣе, на Невскомъ, памятникъ Екатерины Великой. А передъ Сенатомъ, недалеко отъ Зимняго дворца, который, скажу мимоходомъ, сильно напоминаетъ собою казармы. — конная статуя Петра Великаго, одной рукой указывающаго на Сенатъ, а другою — на Неву. Народъ своеобразно толкуетъ это указаніе. Царь, говоритъ онъ, указываетъ одной рукой на Сенатъ, а другою — на рѣку, какъ бы желая этимъ выразить, что лучше утопиться въ Невѣ, чѣмъ судиться въ Сенатѣ.

Статуя Николая замѣчательна тѣмъ, что поддерживается не тремя опорами — ногами и хвостомъ лошади, а только двумя ногами; это навело меня на мрачное разсужденіе: коммунарамъ будетъ меньше дѣла, такъ какъ недостаетъ поддержки хвоста.

Я обѣдала одна съ моими граціями; дядя Степанъ и Поль были зрителями; они серьезно называютъ себя моею свитой и сердятъ меня ужасно. Я хотѣла бы видѣть только Жиро и Мари.

Идетъ дождь, и у меня насморкъ. Я пишу мамѣ: «Петербургъ — гадость! Мостовыя — невозможныя для столицы, трясетъ на нихъ нестерпимо; Зимній дворецъ — казармы. Большой театръ — тоже; соборы роскошны, но не складны и плохо передаютъ мысль художника».

Прибавьте къ этому климатъ,—и вы поймете всю прелесть.

Я попробовала воодушевиться, глядя на портретъ Піетро А..., но онъ кажется мнѣ недостаточно красивымъ, для того чтобы я могла забыть, что онъ низкій человѣкъ, тварь, которую можно только презирать.

Я больше не сержусь на него, потому что вполнѣ его презираю, и не за личное оскорбленіе, а за его жизнь, за его слабость... Постойте, я дамъ опредѣленіе тому чувству, которое только что назвала. Слабость, влекущая за собой добро, нѣжныя чувства, прощеніе обидъ,—можетъ называться этимъ именемъ; но слабость, которая ведетъ къ злу и низости, называется **подлостью!**

Я думала, что буду живѣе чувствовать отсутствіе своихъ; я **недовольна,** но это происходитъ скорѣе отъ присутствія людей непріятныхъ и пошлыхъ, чѣмъ отъ присутствія тѣхъ, кого я люблю.

Понедѣльникъ, 7-го августа, 1876 (26-го іюля). «Оригинальны у насъ только средніе вѣка», сказала я въ послѣдней тетради моего дневника.

У кого — у насъ? У христіанъ. Дѣйствительно ли міръ возродился или же, хотя и съ другимъ оттѣнкомъ, со времени сотворенія міра все продолжаетъ течь та же самая жизнь, не переставая стремиться къ усовершенствованію?

Жизни народовъ похожи на рѣки, которыя тихо текутъ то по скаламъ, то по песку, то между двумя горами, то подъ землею, то черезъ океанъ, съ которымъ онѣ смѣшиваются, пересѣкая его, но изъ котораго онѣ снова вытекаютъ сами собой, перемѣняя названіе и даже **направленіе,** — и все это для того только, чтобы слѣдовать **одному** направленію — тому, которое предназначено и неизвѣстно...

Кѣмъ?

Богомъ? Или природой? Если Богъ и природа — одно и то же, какіе мы ничтожные глупцы: природѣ нечего дѣлать съ людьми и съ ихъ интересами.

Въ философскихъ ученіяхъ прекрасно доказывается бытіе Высшаго Существа при помощи ссылки на механизмъ вселенной; но развѣ доказано существованіе такого Бога, какимъ мы себѣ его представляемъ?

Природа заставляетъ свѣтила двигаться, **заботится** о физическомъ состояніи нашей земли. Но нашъ умъ, наша душа? Необходимо предположить существованіе иного Бога, чѣмъ неопредѣленное олицетвореніе всеміpнаго механизма.

Необходимо, но зачѣмъ?

Здѣсь меня прервали, и я потеряла нить мысли.

Я заходила на почту и получила мои фотографіи и депешу отъ отца: онъ телеграфируетъ въ Берлинъ, что мой пріѣздъ будетъ для него «настоящимъ счастьемъ».

Заставъ Жиро уже въ постели, я осталась у нея на нѣсколько времени; мы заговорили о Римѣ, и я разсказала съ увлеченіемъ и съ жестикуляціей мои похожденія въ этомъ городѣ. Я останавливалась только тогда, когда смѣялась, а Жиро и Мари катились отъ смѣху въ своихъ постеляхъ. Несравненное тріо! я могу такъ смѣяться только съ моими граціями.

И по внезапной, если не естественной реакціи, я впала, по возвращеніи, въ меланхолію. Вернулась я въ полночь съ дядей и съ Ниной.

Петербургъ выигрываетъ ночью. Не могу себѣ представить ничего великолѣпнѣе Невы, съ цѣпью фонарей по набережнымъ, составляющей контрастъ съ луной и темносинимъ, почти сѣрымъ небомъ. Недостатки домовъ, мостовыхъ, мостовъ ночью скрадываются въ пріятныхъ тѣняхъ. Ширина набережныхъ выступаетъ во всей красотѣ. Шпицъ Адмиралтейства теряется въ небѣ, и въ голубомъ туманѣ, окаймленномъ свѣтомъ, виднѣются куполъ и изящныя формы Исаакіевскаго собора, который кажется какой-то тѣнью, спустившейся съ неба.

Мнѣ хотѣлось бы быть здѣсь зимою.

Среда, 9-го августа, (28 іюля) 1876. У меня нѣтъ ни копейки денегъ. Пріятное положеніе! Дядя Степанъ — отличный человѣкъ, но онъ всегда оскорбляетъ мои задушевныя чувства. Сегодня утромъ я разсердилась, но полчаса спустя уже смѣялась, точно ничего и не случилось.

Здѣсь былъ докторъ N..., и я хотѣла попросить у него средства противъ моей простуды; но у меня не было денегъ, а этотъ господинъ ничего не сдѣлаетъ даромъ. Очень щекотливое положеніе, увѣряю васъ. Но я не плачу заранѣе: непріятность уже достаточно несносна тогда, когда она разыгрывается, чтобы нужно было заранѣе плакать.

Въ четыре часа Нина съ тремя граціями поѣхала въ коляскѣ на Петергофскую станцію. Мы трое были въ бѣломъ, въ длинныхъ cachepoussière.

Поѣздъ готовился отходить, мы сѣли безъ билетовъ; но насъ сопровождали четыре гвардейскіе офицера, которыхъ, безъ сомнѣнія, плѣнило мое бѣлое перо и красные каблуки

моихъ грацій. Вотъ мы и пріѣхали; я и Жиро, какъ благородныя военныя лошади, заслышавъ музыку, настораживаемъ уши, съ блестящими глазами и въ радостномъ настроеніи.

Вернувшись, я застала ужинъ, дядю Степана и деньги, которыя прислалъ мнѣ дядя Александръ. Я поужинала, отослала дядю и спрятала деньги.

И, странное дѣло, я почувствовала большую пустоту, грусть; я взглянула въ зеркало — у меня были такіе же глаза, какъ въ послѣдній вечеръ въ Римѣ. Воспоминаніе наполнило и голову, и сердце.

Въ тотъ вечеръ онъ просилъ меня остаться еще на одинъ день. Я закрыла глаза и мысленно перенеслась туда.

«Я останусь, шептала я, точно онъ былъ здѣсь, — я останусь для моей любви, для моего жениха, для моего дорогого! Я тебя люблю, я хочу тебя любить; ты этого не заслуживаешь — все равно, мнѣ нравится тебя любить»...

И, пройдясь по комнатѣ, я начала плакать передъ зеркаломъ; слезы въ небольшомъ количествѣ идутъ ко мнѣ.

Раздражившись по капризу, я успокоилась отъ усталости и сѣла писать, тихонько смѣясь надъ собою.

Часто я такимъ образомъ выдумываю себѣ героя, романъ, драму и плачу надъ вымысломъ, какъ надъ дѣйствительностью.

Я въ восхищеніи отъ Петербурга, но здѣсь нельзя спать: теперь уже свѣтло — такъ коротки ночи.

Четвергъ, 10-го августа (29-го іюля), 1876. Сегодня знаменательный вечеръ. Я окончательно перестаю смотрѣть на герцога Г... какъ на любимый образъ. Я видѣла у Бергамаско портретъ великаго князя Владиміра и не могла оторваться отъ этого портрета: нельзя представить себѣ болѣе совершенной и пріятной красоты. Жиро восхищалась вмѣстѣ со мною, и мы дошли до того, что цѣловали портретъ въ губы. Знакомо-ли вамъ наслажденіе, которое ощущаешь, цѣлуя портретъ?

Мы поступили, какъ истыя институтки: у нихъ мода обожать государя и великихъ князей; да, право, они такъ безупречно красивы, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но этотъ поцѣлуй привелъ меня въ какую-то необъяснимую меланхолію, заставившую меня промечтать цѣлый часъ. Я обожала герцога, когда могла бы обожать одного изъ русскихъ

великихъ князей; это глупо, но такія вещи не дѣлаются по заказу, и я вначалѣ смотрѣла на Г..., какъ на равнаго мнѣ, какъ на человѣка, предназначеннаго для меня. Я его забыла. Кто будетъ моимъ идоломъ? Никто. Я буду искать славы и человѣка.

Избытокъ чувства выльется, какъ онъ вылился случайно, — на дорогу, въ пыль, но сердце не опустѣетъ; оно будетъ постоянно наполняться обильными источниками, которые не изсякнутъ никогда въ его глубинѣ.

Гдѣ вы вычитали это, сударыня? — спросятъ меня. — Въ моемъ умѣ, назойливые читатели.

И вотъ я свободна, я никого не люблю, но я ищу того, кого буду боготворить. Я хотѣла бы, чтобы это было поскорѣе: жизнь безъ любви то же, что бутылка безъ вина. Но нужно, чтобы и вино было хорошее.

Воображеніе мое воспламенено; буду-ли я счастливѣе, чѣмъ тотъ грязный сумасшедшій, котораго звали Діогеномъ?

Суббота, 12-го августа (31-го іюля). Все было готово, И... простился со мною, С... вы проводили меня на станцію, какъ вдругъ... о, досада! у насъ не хватало денегъ, — мы невѣрно разсчитали. Я принуждена была ждать у Нины до 7-ми часовъ вечера, пока дядя искалъ для меня денегъ въ городѣ.

Въ семь часовъ я уѣхала, достаточно униженная этимъ происшествіемъ; но въ минуту отъѣзда я была пріятно поражена появленіемъ двѣнадцати гвардейскихъ офицеровъ и шести солдатъ въ бѣломъ со знаменами. Эта блестящая молодежь только-что проводила двухъ офицеровъ, которые, съ разрѣшенія правительства, отправляются въ Сербію. Сербія вызываетъ настоящую эмиграцію; такъ какъ государь не хочетъ объявлять войны, вся Россія подписывается и поднимается въ защиту сербовъ. Только о нихъ говорятъ, и всѣ восхищаются геройскою смертью одного полковника и двухъ офицеровъ изъ русскихъ.

Можно чувствовать только состраданіе къ нашимъ братьямъ, которыхъ мы давали душить и рѣзать на куски этимъ ужаснымъ дикарямъ-туркамъ, этой націи безъ генія, безъ цивилизаціи, безъ нравственности, безъ славы.

И я даже не могу подписаться!

За часъ до пріѣзда я отложила въ сторону книгу, чтобы видѣть Москву, нашу настоящую столицу, истинно русскій го-

родъ. Петербургъ — копія съ нѣмцевъ, но лучше нѣмцевъ, такъ какъ сдѣлана русскими. А здѣсь все русское: архитектура, вагоны, дома, мужикъ, наблюдающій на краю дороги за поѣздомъ, деревянный мостикъ, переброшенный черезъ что-то въ родѣ рѣки, грязь на дорогѣ; все это русское, сердечное, прямое, простодушное.

Церкви съ ихъ куполами, напоминающими и формою, и цвѣтомъ опрокинутыя зеленыя смоквы, производятъ пріятное впечатлѣніе при приближеніи къ городу.

Артельщикъ, пришедшій взять наши вещи, снялъ фуражку и поклонился намъ, какъ друзьямъ, съ широкой улыбкой, полной уваженія.

Здѣсь люди далеки отъ французскаго нахальства и отъ нѣмецкой положительности — и глупой, и тяжеловѣсной.

Я не переставала смотрѣть въ окно экипажа, въ которомъ мы поѣхали въ гостиницу. Было свѣжо, но не тою сырою и нездоровой свѣжестью, какъ въ Петербургѣ. Москва — самый обширный городъ во всей Европѣ по занимаемому имъ пространству; это старинный городъ, вымощенный большими неправильными камнями, съ неправильными улицами: то поднимаешься, то спускаешься, на каждомъ шагу повороты, а по бокамъ — высокіе, хотя и одноэтажные дома, съ широкими окнами. Избытокъ пространства здѣсь такая обыкновенная вещь, что на нее не обращаютъ вниманія и не знаютъ, что такое нагроможденіе одного этажа на другой.

«Славянскій базаръ»—гостиница,—какъ «Grand Hôtel» въ Парижѣ; здѣсь есть даже большой ресторанъ. «Славянскій Базаръ» хотя и не такъ роскошенъ, какъ «Grand Hôtel», но несравненно чище и дешевле, особенно по сравненію съ отелемъ Демутъ.

Дворники — въ черныхъ жилеткахъ, шароварахъ, въ высокихъ сапогахъ и фуражкахъ.

Попадается много національныхъ костюмовъ — весь народъ носитъ ихъ, и не видно этихъ противныхъ нѣмецкихъ куртокъ; нѣмецкія вывѣски здѣсь рѣже, хотя все-таки встрѣчаются, къ сожалѣнію.

Извозчики съ такою готовностью предлагаютъ свои услуги, что, отдавая предпочтеніе одному, боишься нанести смертельную обиду другому. Наконецъ, мы усѣлись въ какой-то узкій фаэтонъ, и началась скачка съ препятствіями.

Мы неслись съ быстротою вѣтра по камнямъ мостовой, по рельсамъ, среди экипажей и прохожихъ, несмотря на тряску и опасенія ежеминутно вылетѣть изъ коляски. Дядя вскрикивалъ отъ безпокойства, а я смѣялась надъ нимъ, надъ собою, надъ нашей дикой скачкой, надъ вѣтромъ, который растрепалъ мои волосы и отъ котораго разгорались мои щеки, смѣялась надъ всѣмъ и передъ каждой церковью, каждой часовней или иконой набожно крестилась, въ подражаніе встрѣчнымъ. Непріятно поразили меня только босоногія женщины.

Я была въ пассажѣ Солодовникова и шла съ поднятой головой, опущенными руками и улыбающимся лицомъ, какъ у себя дома. Я уѣду завтра; я ничего не могу купить: денегъ хватитъ только на то, чтобы доѣхать къ дядѣ Степану.

Тріумфальная арка Екатерины II краснаго цвѣта съ зелеными колоннами и желтыми украшеніями. Несмотря на яркость красокъ, вы не повѣрите, какъ это красиво; при томъ же, это подходитъ къ крышамъ домовъ и церквей, крытыхъ листовымъ желѣзомъ зеленаго или краснаго цвѣта. Самое простодушіе внѣшнихъ украшеній заставляетъ чувствовать доброту и простоту русскаго народа. А нигилисты стараются совратить его, какъ Фаустъ, погубившій Маргариту. Пропаганда дѣлаетъ свое дѣло, и день, когда возстанетъ этотъ добрый народъ, возмущенный и обманутый, будетъ ужасенъ: если въ мирное и спокойное время онъ кротокъ и простъ, какъ ягненокъ, то, возставъ, онъ былъ бы свирѣпъ до ярости, жестокъ до изступленія.

Но любовь къ Государю еще сильна, слава Богу, такъ же, какъ уваженіе къ религіи. Есть что-то трогательное въ благочестіи и простодушіи народа.

На площади Большого театра прогуливаются цѣлыя стаи сѣрыхъ голубей: они нисколько не боятся экипажей, которые проѣзжаютъ почти рядомъ съ ними, не пугая ихъ. Знаете, русскіе не ѣдятъ этихъ птицъ, потому что Духъ святой являлся въ видѣ голубя.

Я не пойду никуда сегодня. Въ Москвѣ нельзя оставаться меньше недѣли. На обратномъ пути, когда у меня будутъ деньги, я осмотрю всѣ историческія достопримѣчательности. Я видѣла только Кремль, и то мелькомъ: въ ту минуту, когда мнѣ

его показывали, все мое вниманіе было приковано къ дрожкамъ, выкрашеннымъ подъ малахитъ.

Между именами лицъ, остановившихся въ гостиницѣ, я прочла имя княгини Суворовой и немедленно послала узнать Шоколада, можетъ-ли она принять меня; оказалось, что княгини нѣтъ дома до семи часовъ.

На обѣденной картѣ напечатано отчаянное воззваніе къ русскому народу и духовенству отъ славянскаго комитета въ Москвѣ; мнѣ вручили это раздирающее душу воззваніе сегодня утромъ, какъ только я пріѣхала. Я сохраню его.

Оно взволновало меня. Отчего не просятъ войны у Государя? Если бы весь народъ сталъ умолять Государя пойти на помощь своимъ братьямъ, страдающимъ отъ неистовства дикарей, кто посмѣлъ бы отказать?

Но нигилисты, вотъ въ чемъ несчастье. Когда войска удалятся, они возмутятъ всѣхъ каторжниковъ и негодяевъ и, устроивъ небольшую коммуну, **начнутъ...**

Поймите, быть тутъ, въ центрѣ своей родины, гдѣ такъ хорошо и гдѣ является столько надеждъ, и чувствовать, что вамъ угрожаютъ всѣ эти ужасы!.. Я бы хотѣла унести ее на рукахъ, какъ ребенка, которому зажимаютъ уши и глаза, чтобы онъ не слышалъ проклятій и не видалъ грязи...

Господи! какъ могла я поцѣловать его! я, первая! Безумное, презрѣнное существо! Это заставляетъ меня плакать и дрожать отъ ярости. *Turpis, execrabilis*.

Онъ подумалъ, что для меня это обычное дѣло, что это случилось не въ первый разъ! Ватиканъ и Кремль! Я задыхаюсь отъ ярости и стыда.

Чашка бульона, горячій калачъ и свѣжая икра—таково ни съ чѣмъ несравнимое начало моего обѣда. Чтобы имѣть понятіе о калачѣ, нужно поѣхать въ Москву: московскіе калачи почти такъ же знамениты, какъ Кремль. Кромѣ того мнѣ подали телячью котлету громадныхъ размѣровъ, цѣлаго цыпленка, а блюдечко, наполненное икрой, представляло полпорціи.

Дядя засмѣялся и сказалъ человѣку, что въ Италіи этого хватило бы на четверыхъ. Человѣкъ, высокій и худой, какъ Джанетто Дорія, и неподвижный, какъ англичанинъ, отвѣчалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что это потому, что италь-

янцы худы и малы ростомъ, а русскіе, прибавилъ онъ, очень любятъ плотно поѣсть и потому здоровы. Затѣмъ неподвижное существо улыбнулось и вышло изъ комнаты, какъ деревянная кукла.

Достоинство здѣшней пищи не только въ количествѣ, но и въ качествѣ. Хорошая пища вызываетъ хорошое настроеніе духа, а въ хорошемъ настроеніи болѣе наслаждаешься счастьемъ, болѣе философски переносишь несчастье и чувствуешь расположеніе къ ближнимъ. Обжорство въ женщинѣ — уродство, но любить хорошо поѣсть такъ же необходимо, какъ умъ, какъ хорошія платья, не говоря уже о томъ, что тонкая и простая пища поддерживаетъ свѣжесть кожи и округлость формъ. Доказательство—мое тѣло. Мари С... а права, говоря, что при такомъ тѣлѣ нужно было бы гораздо болѣе красивое лицо, а я далеко не безобразна. Воображая себѣ, какова я буду въ двадцать лѣтъ, я только прищелкиваю языкомъ!.. Въ тринадцать лѣтъ я была слишкомъ толста, и мнѣ давали шестнадцать. Теперь я тоненькая, хотя съ вполнѣ развившимися формами, замѣчательно стройная, пожалуй даже слишкомъ; я сравниваю себя со всѣми статуями и не нахожу такой стройности, такихъ широкихъ бедеръ, какъ у меня. Это недостатокъ? Плечи должны быть чуть-чуть круглѣе.

Русскіе и обѣ ихъ столицы совершенно новы для меня. До отъѣзда за границу я знала только Малороссію и Крымъ. Изрѣдка заходившіе къ намъ странствующіе торговцы изъ русскихъ казались намъ почти чужими, и всѣ смѣялись надъ ихъ одеждой и языкомъ.

Что бы я тамъ ни говорила, но губы мои почернѣли со времени постыднаго поцѣлуя.

Вы, мудрые люди и циничныя женщины, я прощаю вамъ улыбку презрѣнія надъ моей напускной скромностью!.. Но я уже, кажется, нисхожу до того, что допускаю мысль о недовѣріи къ себѣ? Быть можетъ, ужъ не прикажете-ли мнѣ побожиться?.. О, нѣтъ, достаточно того, что я говорю мои малѣйшія мысли, когда ничего меня къ тому не обязываетъ; но я и не считаю это достоинствомъ: мой дневникъ—это моя жизнь, и среди всѣхъ удовольствій я думаю: «Какъ много мнѣ придется рзсказывать сегодня вечеромъ!» Какъ будто это моя обязанность!

Понедѣльникъ, 14 августа (2 авг.). Вчера въ часъ мы уѣхали изъ Москвы; она была полна движенія и убрана флагами по случаю пріѣзда греческаго и датскаго королей.

Всю дорогу дядя выводилъ меня изъ терпѣнія.

Вообразите себѣ чтеніе о Клеопатрѣ и Маркѣ Антоніи, ежеминутно прерываемое фразами, въ родѣ слѣдующихъ: не хочешь-ли поѣсть? Не холодно-ли тебѣ? Вотъ жареный цыпленокъ и огурцы. Не хочешь-ли грушу? Не закрыть-ли окно? Что ты будешь ѣсть, когда мы пріѣдемъ? Я телеграфировалъ, чтобы тебѣ приготовили ванну, наша царица; я выписалъ мраморную ванну, и весь домъ приготовленъ къ твоему пріѣзду.

Онъ несомнѣнно добръ, но безспорно надоѣдливъ.

За Амаліей ухаживаютъ, какъ за дамой, вполнѣ приличные люди; а Шоколадъ изумляетъ меня своей независимостью и своей неблагодарной и лукавой кошачьей природой.

На станціи Грусское насъ встрѣтили двѣ коляски, шесть слугъ-крестьянъ и мой милѣйшій братецъ. Онъ большого роста, полонъ, но красивъ, какъ римская статуя; ноги у него сравнительно невелики. До Шпатовки мы ѣдемъ полтора часа, и за это время я успѣваю замѣтить массу всяческихъ несогласій и шпилекъ между моимъ отцомъ и Бабаниными; но я не опускаю головы и не выказываю моихъ ощущеній брату, который, впрочемъ, очень радъ меня видѣть. Я не хочу принадлежать ни къ той, ни къ другой партіи. Отецъ мнѣ нуженъ,

— Грицко (малороссійское уменьшительное Григорій) двѣ недѣли ждалъ тебя, — сказалъ мнѣ Поль, — мы думали, что ты ужъ не пріѣдешь.

— Онъ ужъ уѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ остался въ Полтавѣ и очень желаетъ тебя видѣть. «Ты понимаешь, — сказалъ онъ мнѣ, — я зналъ ее совсѣмъ маленькой».

— Такъ онъ считаетъ себя мужчиной, а меня дѣвочкой?

— Да.

— И я также. Что онъ изъ себя представляетъ?

— Онъ всегда говоритъ по-французски, ѣздитъ въ свѣтъ въ Петербургѣ. Говорятъ, что онъ скупъ; но онъ только благоразуменъ и comme il faut. Мы съ нимъ хотѣли встрѣтить тебя

съ оркестромъ въ Полтавѣ; но папа́ сказалъ, что такъ можно встрѣчать только королеву.

Я замѣчаю, что отецъ боится показаться хвастливымъ и тщеславнымъ, — скоро его успокою; я и сама обожаю всѣ эти пустяки, которымъ онъ придаетъ такое значенiе.

Проѣхавъ восемнадцать верстъ между обработанными полями, мы въѣхали въ деревню, состоящую изъ низкихъ и бѣдныхъ хижинъ. Крестьяне, завидѣвъ издали коляску, снимаютъ шапки. Эти добрыя, терпѣливыя и почтительныя лица умиляютъ меня; я улыбаюсь имъ, и они, удивленные этимъ, отвѣчаютъ улыбками на мои привѣтливые поклоны.

Домъ небольшой, одноэтажный, съ большимъ, довольно запущеннымъ садомъ. Деревенскiя бабы замѣчательно хорошо сложены, красивы и интересны въ своихъ костюмахъ, которые обрисовываютъ формы тѣла и оставляютъ ноги незакрытыми до колѣнъ.

Тетя Мари встрѣчаетъ насъ на крыльцѣ. Я беру ванну, и мы садимся обѣдать. Происходитъ нѣсколько стычекъ съ Полемъ; онъ старается меня уколоть, быть можетъ самъ этого не желая, но невольно подчиняясь толчку, данному отцомъ. Но я искусно обрываю его, и онъ является униженнымъ, когда хотѣлъ унизить меня. Я читаю въ его душѣ. Недовѣрiе къ моимъ успѣхамъ, шпильки по отношенiю къ нашему положенiю въ свѣтѣ. Меня называютъ царицей; отецъ хочетъ развѣнчать меня, но я заставляю покориться его самого. Я знаю его: онъ — это я во многихъ отношенiяхъ.

Вторникъ, 15 августа (3 авг.). Домъ свѣтлый и веселый, какъ фонарь. Цвѣты благоухаютъ, попугай болтаетъ, канарейки поютъ, лакеи суетятся. Около 11 часовъ звонъ колокольчиковъ возвѣщаетъ намъ прибытiе сосѣда. Это г. Гамалей. Можно подумать англичанинъ? Ничуть не бывало: это старинная малороссiйская фамилiя. Его жена одна изъ здѣшнихъ Броджеръ.

Такъ какъ мой багажъ еще не привезенъ (мы вышли станцiей раньше, чѣмъ слѣдовало), я должна была выйти въ бѣломъ пеньюарѣ. Какая огромная разница сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ я была годъ тому назадъ! Тогда я едва осмѣливалась говорить, «не знала, что сказать». Теперь я взрослая, какъ Маргарита. Этотъ господинъ завтракалъ съ нами; но что

сказать о немъ и о тѣхъ, кого я вижу? Прекрасные люди, но за версту отдающіе провинціей.

Передъ обѣдомъ, который слѣдуетъ скоро за завтракомъ, еще посѣтитель — братъ названнаго выше: молодой человѣкъ, много путешествовавшій и очень предупредительный.

Неожиданно привезли мои восемь чемодановъ, и я могла спѣть два романса и играть на роялѣ. Наконецъ я занялась вышиваніемъ, погрузившись въ разговоръ о французской политикѣ и выказывая познанія выше моего... пола. Потомъ я пѣла до одиннадцати часовъ, утомляя свой бѣдный голосъ, едва оправившійся отъ сквернаго петербургскаго климата.

Второй, бородатый, Гамалей оставался до десяти часовъ.

Въ благословенной Шпатовкѣ только и дѣлаютъ, что ѣдятъ: поѣдятъ, потомъ погуляютъ полчаса, потомъ опять ѣдятъ — и такъ весь день.

Я слегка опиралась на руку Поля, и мысли мои блуждали Богъ знаетъ гдѣ, какъ вдругъ, когда мы проходили подъ вѣтвями, очень низко спускавшимися надъ нашими головами, образуя сплошной потолокъ изъ перемежающихся листьевъ, мнѣ пришло въ голову, что бы сказалъ А..., если бы я проходила по этой аллеѣ съ нимъ подъ руку. Онъ сказалъ бы, слегка наклонившись ко мнѣ, своимъ томнымъ и вкрадчивымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ только со мною... онъ сказалъ бы мнѣ: «Какъ здѣсь хорошо и какъ я васъ люблю!»

Ничто не можетъ сравниться съ нѣжностью его голоса, когда онъ говорилъ, предназначая свои слова для меня одной. Эти движенія кошки-тигра, эти жгучіе глаза, этотъ упоительный голосъ, глухой и дрожащій, шепчущій слова любви, жалобный или умоляющій съ такой покорностью, съ такой нѣжностью, съ такой страстью! Онъ говорилъ такъ только со мною.

Но такого рода нѣжность свойственна всѣмъ, а онъ казался проникнутымъ ею потому, что это его манера: есть люди, которые всегда точно спѣшатъ куда-то, другіе какъ будто удивлены, третьи — огорчены, хотя этого и нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать правду во всемъ этомъ. Я желала бы вернуться въ Римъ уже замужемъ; иначе, это было бы униженіемъ. Но я не хочу выходить замужъ, я хочу быть свободной и учиться: я нашла свою дорогу.

Къ тому же, говоря откровенно, было бы глупо выходить замужъ для того, чтобы уколоть А...

Это не то, но я хочу жить, какъ всѣ.

Я недовольна собою сегодня вечеромъ и не знаю, за что особенно.

Среда, 16 августа (4 авг.). Съѣхалась толпа сосѣдей и сосѣдокъ — все сливки здѣшнихъ благословенныхъ мѣстъ. Одна изъ дамъ была въ Римѣ, любитъ древности и имѣетъ дочь, которая не произноситъ ни слова. Совершенно неожиданно явились три амура: судебный слѣдователь, нотаріусъ и секретарь. Дядя уже семь лѣтъ мировой судья и постоянно имѣетъ дѣло съ этими чиновниками.

Черезъ два года онъ будетъ статскимъ совѣтникомъ и сгораетъ нетерпѣніемъ получить орденъ.

Я надѣла голубое шелковое платье и восхитительные башмачки.

Всѣ эти господа не раздражали меня, какъ, бывало, запыленные жители Ниццы, а заставили меня только смѣяться отъ чистаго сердца; они не посмѣли даже приблизиться ко мнѣ, и мы любовались другъ другомъ на разстояніи.

Воскресенье, 20 августа (8 авг.). Я уѣхала вмѣстѣ съ Полемъ, который отлично служитъ мнѣ. Въ Харьковѣ пришлось ждать два часа. Тамъ былъ дядя Александръ. Несмотря на мои депеши, онъ былъ изумленъ при видѣ меня. Онъ говоритъ мнѣ о безпокойствѣ отца, о его опасеніяхъ, что я къ нему не пріѣду. Отецъ постоянно присылалъ за депешами, которыя я писала дядѣ, чтобы знать, гдѣ я.

Словомъ, величайшее желаніе видѣть меня какъ можно скорѣе, если не изъ любви ко мнѣ, то изъ самолюбія.

Дядя Александръ бросилъ нѣсколько камней въ его огородъ, но моя политика — оставаться нейтральной. Онъ досталъ мнѣ карету, или, вѣрнѣе, представилъ мнѣ жандармскаго полковника Мензенканова, который уступилъ мнѣ свою.

Я хорошо себя чувствую на родинѣ, гдѣ всѣ знаютъ меня или моихъ. Нѣтъ этой двусмысленности въ положеніи: можно ходить и дышать свободно. Но я не желала бы жить здѣсь — о, нѣтъ, нѣтъ!

Въ шесть часовъ утра мы были въ Полтавѣ. На станціи ни души. Пріѣхавъ въ гостиницу, я пишу слѣдующее письмо (рѣзкость часто удается):

«Пріѣзжаю въ Полтаву и не нахожу даже коляски. Пріѣзжайте немедленно, я жду васъ въ 12 часовъ. Не могли даже встрѣтить меня прилично. Марія Башкирцева».

Едва успѣла я отправить письмо, какъ въ комнату вбѣжалъ отецъ. Я бросилась къ нему въ объятія съ благородной сдержанностью. Онъ былъ видимо доволенъ моею внѣшностью, такъ какъ счелъ первымъ долгомъ поспѣшно разсмотрѣть мою наружность.

— Какая ты большая! Я и не ожидалъ! И хорошенькая; да, да, хороша, очень хороша, право.

— Такъ-то меня принимаютъ, даже коляски не прислали! Получили вы мое письмо?

— Нѣтъ, я только-что получилъ телеграмму и примчался. Я надѣялся поспѣть къ поѣзду; я весь въ пыли. Чтобы ѣхать скорѣе, я сѣлъ въ тройку молодого Э...

— А я написала вамъ недурное письмо.

— Въ родѣ послѣдней депеши?

— Почти.

— Хорошо, да, очень хорошо.

— Ужъ я такая; мнѣ нужно служить.

— Такъ же, какъ и я; но видишь-ли, я капризенъ, какъ чортъ.

— А я, какъ два.

— Ты привыкла, чтобы за тобой бѣгали, какъ собаченки

— За мною должны бѣгать, иначе ничего не добьешься

— Нѣтъ, со мною такъ нельзя.

— Какъ вамъ угодно.

— Но зачѣмъ обращаться со мною, какъ со старикомъ Я еще живой, молодой человѣкъ!

— Прекрасно и тѣмъ лучше.

— Я не одинъ. Со мною князь Мишель Э... и Павелъ Г. твой кузенъ.

— Такъ позовите же ихъ.

Э... совершенный фатъ, страшно забавный и смѣшной низко кланяющійся, въ панталонахъ втрое шире обыкновенныхъ и въ воротничкѣ, доходящемъ до ушей. Другого называютъ Пашей; фамилія его слишкомъ замысловатая. Это сильный и здоровый малый, съ каштановыми волосами, хорош выбритый, съ русской фигурой — широкоплечій, искренні

серьезный, симпатичный, но мрачный или очень занятой, я еще не знаю.

Меня ждали съ невыразимымъ любопытствомъ. Отецъ въ восторгѣ. Его восхищаетъ моя фигура: тщеславному человѣку пріятно показывать меня.

Мы были готовы ѣхать, но пришлось ждать прислугу и багажъ, чтобы отправиться съ полной торжественностью. Ѣхала карета, запряженная четверкой, коляска и тарантасъ молодого князя съ бѣшеной тройкой.

Мой родитель смотрѣлъ на меня съ удовольствіемъ и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ и даже равнодушнымъ. Желаніе не выражать своихъ чувствъ — въ его характерѣ.

На половинѣ дороги я пересѣла въ тарантасъ, чтобы мчаться, какъ вѣтеръ. Въ 25 минутъ мы сдѣлали 10 верстъ. За двѣ версты отъ Гавронцева я опять сѣла къ отцу, чтобы доставить ему удовольствіе торжественнаго въѣзда.

На крыльцѣ встрѣтила насъ княгиня Э..., мачиха Мишеля и сестра моего отца.

— Посмотри-ка, — сказалъ отецъ, — какая она большая... и интересная, неправда ли? а?

Надо полагать, что онъ доволенъ мною, если рѣшился на такое изліяніе при одной изъ своихъ сестеръ (но эта очень милая).

Управляющій и другіе пришли поздравить меня съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Имѣніе расположено живописно: холмы, рѣка, деревья, прекрасный домъ и нѣсколько маленькихъ строеній. Всѣ зданія и садъ содержатся хорошо, домъ къ тому же былъ передѣланъ и почти весь вновь меблированъ нынѣшней зимою. Живутъ на широкую ногу, но стараются имѣть видъ простоты и какъ будто говорятъ: «это такъ каждый день».

Разумѣется, за завтракомъ шампанское. Претензія на аристократизмъ и простоту доходитъ до натянутости.

На стѣнахъ портреты предковъ, доказательства древности рода, которыя мнѣ очень пріятны. Красивая бронза, севрскій и саксонскій фарфоръ, предметы искусства. По правдѣ сказать, я не ожидала всего этого.

Отецъ мой прикидывается несчастнымъ, покинутымъ же-

ною, тогда какъ самъ онъ желалъ быть образцовымъ супругомъ.

Большой портретъ maman, сдѣланный въ ея отсутствіе, является выраженіемъ сожалѣнія о потерянномъ счастьѣ и ненависти къ моему дѣду и бабушкѣ, которые разбили это счастье... Мнѣ усиленно желаютъ показать, что мой пріѣздъ ничего не мѣняетъ въ привычкахъ.

Сѣли играть въ карты: я принялась работать по канвѣ и иногда говорила что-нибудь, что слушалось съ любопытствомъ.

Папа всталъ изъ-за картъ и подсѣлъ ко мнѣ, отдавъ карты Пашѣ. Я говорила съ нимъ, продолжая вышивать, и онъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ.

Потомъ онъ предложилъ прогулку; сначала я шла подъ руку съ нимъ, потомъ съ братомъ и съ молодымъ княземъ. Мы зашли къ моей кормилицѣ, которая сдѣлала видъ, будто утираетъ слезы; она кормила меня только три мѣсяца, а настоящая моя кормилица въ Черняковкѣ.

Меня повели довольно далеко.

— Это для того, чтобы возбудить въ тебѣ аппетитъ.

Я жаловалась на усталость и увѣряла, что боюсь травы, гдѣ есть змѣи и другія «дикія животныя».

Отецъ и дочь оба сдержаны. Если бы не было княгини, Мишеля и Паши, было бы гораздо лучше.

Онъ усадилъ меня рядомъ съ собою, чтобы видѣть гимнастическія штуки Мишеля, который изучалъ гимнастику въ циркѣ; онъ слѣдовалъ за циркомъ даже на Кавказъ изъ любви къ молодой наѣздницѣ.

Какъ только я пришла къ себѣ, я вспомнила фразу отца, сказанную случайно или нарочно и, преувеличивая ея значеніе въ моемъ воображеніи, я сѣла въ уголъ и долго плакала, не двигаясь и не моргая глазами, но упорно разсматривая цвѣтокъ на обояхъ. Я была поражена, встревожена, и отчаяніе мое доходило до равнодушія.

Вотъ въ чемъ дѣло, Говорили объ А. и спрашивали меня о немъ. Противъ обыкновенія, я отвѣчала сдержано и не рас-
о немъ. Противъ обыкновенія, я отвѣчала сдержанно и не рас-
или отгадывать, и отецъ замѣтилъ съ большимъ равнодушіемъ:

— Я слышалъ, что А... женился три мѣсяца тому назадъ.

Придя къ себѣ, я не разсуждала; я вспомнила эти слова,

легла и лежала, ничего не понимая и чувствуя себя несчастной.

Я взглянула на его письмо: «Мнѣ необходимо слово утѣшенія отъ васъ», — эти слова взволновали меня, и я чуть было не начала обвинять себя.

И потомъ... О, какой ужасъ думать, что любишь, и не любить! Я не могу любить такого человѣка — существо почти невѣжественное, слабое, зависимое. И у меня нѣтъ любви, мнѣ это только причиняетъ непріятности.

У меня зеленая спальня и голубая гостиная, не странно ли это, когда представить себѣ мои странствованія съ этой зимы! А съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи, сколько разъ мѣнялись мои проводники, мои помѣщенія! Перемѣна помѣщеній, родныхъ, знакомыхъ не вызываетъ во мнѣ никакого удивленія, какъ это было прежде. Всѣ эти равнодушные или покровительствующіе люди, всѣ эти предметы роскоши или пользы смѣшиваются, и я остаюсь хладнокровной и спокойной.

.. **Вторникъ, 22—10 августа.** Здѣшняя жизнь далека отъ искренняго гостепріимства дяди Степана и тети Марьи, которые уступили мнѣ свою комнату и служили мнѣ, какъ негры.

Да это совсѣмъ иное дѣло. Тамъ я была у друзей, у себя; сюда же я пріѣзжаю, минуя установившіяся отношенія и попирая моими маленькими ножками сотни ссоръ и милліоны непріятностей.

Отецъ — человѣкъ сухой, съ дѣтства поломанный страшнымъ генераломъ, отцомъ своимъ. Едва сдѣлавшись свободнымъ и богатымъ, онъ набросился на все и въ половину разорился.

Полный тщеславія и гордости, онъ предпочитаетъ казаться чудовищемъ, чѣмъ показать то, что онъ чувствуетъ, особенно если что-нибудь его трогаетъ, — и въ этомъ отношеніи я на него похожа.

Слѣпой бы увидѣлъ, какъ онъ счастливъ, что я здѣсь, и онъ даже немного показываетъ это, когда мы остаемся одни.

Въ два часа мы поѣхали въ Полтаву. Сегодня утромъ у насъ ужъ была стычка по поводу Бабаниныхъ, а въ коляскѣ отецъ позволилъ себѣ бранить ихъ, вспоминая свое утраченное счастье и обвиняя во всемъ бабушку. Кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я рѣзко просила его оставить мертвыхъ въ покоѣ.

— Оставить мертвыхъ! вскричалъ онъ. Но если бы я могъ взять прахъ этой женщины и...

— Замолчите! Вы дерзки и неблаговоспитаны

— Шоколадъ можетъ быть дерзкимъ, а не я.

— Вы также, милый папа, и всѣ тѣ, кому недостаетъ деликатности и воспитанія. Если я настолько деликатна, что молчу, странно, что другіе жалуются. Вамъ нѣтъ дѣла до Баниныхъ, вы имѣете дѣло съ вашей женою и дѣтьми; а о другихъ не говорите, какъ я не говорю о вашихъ родныхъ. Оцѣните мое умѣнье держать себя и берите съ меня примѣръ.

Говоря такимъ образомъ, я была очень довольна собою.

— Какъ ты можешь говорить мнѣ такія вещи?

— Я говорю и повторяю: я жалѣю, что я здѣсь.

Я сидѣла спиною къ нему; слезы и рыданія душили меня.

Отецъ смутился, сконфузился, началъ смѣяться и попытался меня поцѣловать и обнять:

— Ну, Мари, помиримся, мы никогда не будемъ говорить объ этомъ; я не буду говорить объ этомъ съ тобой, даю тебѣ честное слово.

Я приняла обычное положеніе и не выражала ни прощенія, ни расположенія, и потому папа удвоилъ свою любезность.

Дитя мое, мой ангелъ (я обращаюсь къ самой себѣ), ты ангелъ, положительно ангелъ!! Если бы ты всегда такъ умѣла держать себя! Но ты еще не могла и только теперь начинаешь прилагать къ дѣйствительности свои теоріи!

Въ Полтавѣ отецъ мой — царь, но какое плачевное царство!

Отецъ очень гордится своей парой буланыхъ лошадей; когда намъ подали ихъ, запряженныхъ въ городскую коляску, я едва вымолвила: «Очень мило».

Мы проѣхались по улицамъ... безлюднымъ, какъ въ Помпеѣ.

Какъ эти люди могутъ такъ жить?.. Но я здѣсь не для того, чтобы изучать нравы города, а потому—мимо...

— Если бы ты пріѣхала немного раньше, сказалъ отецъ, — то застала бы много народа; можно было бы устроить балъ или что-нибудь. Теперь, послѣ ярмарки, не встрѣтишь и собаки.

Мы зашли въ магазинъ заказать полотно для картины:

въ этомъ магазинѣ собираются всѣ полтавскіе франты, но мы не встрѣчали тамъ никого.

Въ городскомъ саду — то же самое.

Отецъ, неизвѣстно почему, никого мнѣ не представляетъ; можетъ быть, онъ боится слишкомъ сильной критики?

Во время обѣда пріѣхалъ М...

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ Одессѣ maman часто видѣлась съ m-me М..., и сынъ ея, Грицъ, каждый день приходилъ играть съ Полемъ и со мною, ухаживалъ за мной, приносилъ мнѣ конфеты, цвѣты, фрукты. Надъ нами смѣялись, и Грицъ говорилъ, что онъ не женится ни на комъ, кромѣ меня; на это одинъ господинъ всякій разъ отвѣчалъ: «О, о! какой мальчикъ! онъ хочетъ, чтобы у него была жена министръ!» М... провожали насъ на пароходъ, который долженъ былъ отвезти насъ въ Вѣну. Я была большая кокетка, хотя еще ребенокъ; я позабыла свой гребень, и Грицъ далъ мнѣ свой, а въ минуту разставанія мы поцѣловались съ разрѣшенія родителей. Далеки эти счастливые дни дѣтства!

— Знаете, прелестная кузина, Грицъ глуповатъ и глуховатъ, сказалъ Мишель Э..., пока М. поднимался по лѣстницѣ ресторана.

— Я его знаю хорошо, онъ не глупѣе насъ съ вами, а глухъ онъ немного послѣ болѣзни и особенно потому, что кладетъ вату въ уши, боясь простудиться.

Нѣсколько человѣкъ вошли и пожимали руку отцу, сгорая нетерпѣніемъ быть представленными дочери, пріѣхавшей изъ-за границы, но отецъ не исполнилъ ихъ желанія, сдѣлавъ презрительную гримасу. Я боялась, что съ Грицемъ будетъ то же самое.

— Мари, позволь представить тебѣ Григорія Львовича М..., — сказалъ онъ мнѣ.

— Мы уже давно знакомы, — отвѣчала я, граціозно протягивая руку другу моего дѣтства.

Онъ совсѣмъ не перемѣнился: тотъ же прекрасный цвѣтъ лица, тотъ же тусклый взглядъ, тотъ же маленькій и слегка презрительный ротъ, крошечные усики. Отлично одѣтъ и прекрасныя манеры.

Мы смотрѣли другъ на друга съ любопытствомъ, при чемъ Мишель саркастически улыбался. Папа подмигивалъ, какъ всегда.

Я совсѣмъ не была голодна. Пора было ѣхать въ театръ, который находился въ саду, какъ и ресторанъ.

Я предложила сначала погулять. Примѣрный отецъ бросился между мною и Грицемъ и, когда пора было идти въ театръ, онъ съ живостью предложилъ мнѣ руку. Вотъ настоящій отецъ, — честное слово, какъ въ книжкахъ.

У насъ огромная ложа перваго яруса, обтянутая краснымъ сукномъ, противъ губернаторской.

Князь привезъ букетъ; онъ цѣлый день дѣлаетъ мнѣ признанія и получаетъ въ отвѣтъ: «Уйдите, пожалуйста!» или: «Вы олицетвореніе фатовства, кузенъ!»

Народу немного, и пьеса незначительная. Но въ нашей ложѣ было много интереснаго.

Паша странный человѣкъ. Искренній и откровенный до рябячества, онъ все принимаетъ за чистую монету и говоритъ все, что онъ думаетъ, съ такою простотою, что я готова подозрѣвать, что подъ этимъ добродушіемъ скрывается духъ сарказма.

Иногда онъ молчитъ десять минутъ и, если заговорить съ нимъ, онъ какъ будто пробуждается отъ сна. Если улыбнуться на его комплиментъ и сказать: «какъ вы любезны!», онъ обижается и уходитъ, бормоча: «я совсѣмъ не любезенъ; я говорю это потому, что я такъ думаю».

Я сѣла впереди, чтобы польстить самолюбію отца.

— Вотъ, говорилъ онъ, — вотъ я теперь въ роли отца. Это даже забавно. Вѣдь я еще молодой человѣкъ!

— А, папа, такъ вотъ ваша слабость! Хотите быть моимъ старшимъ братомъ, и я буду называть васъ Константиномъ? Хорошо?

— Отлично!

Намъ очень хотѣлось поговорить наединѣ съ М., но Поль, Э... или папа мѣшали намъ. Наконецъ, я сѣла въ уголъ, составляющій отдѣльную маленькую ложу, обращенную на сцену, и оттуда видны приготовленія актеровъ. Мишель, конечно, послѣдовалъ за мною, но я послала его за стаканомъ воды, и Грицъ сѣлъ рядомъ со мною.

— Я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, — сказалъ онъ, раз-

сматривая меня съ любопытствомъ. — Вы совсѣмъ не перемѣнились.

— О! это меня огорчаетъ: я была некрасива въ десять лѣтъ.

— Нѣтъ, не то, но вы все та же.

— Гм...

— Я вижу, что означалъ этотъ стаканъ воды, — сказалъ князь, подавая мнѣ стаканъ, — я вижу!

— Смотрите, вы прольете мнѣ на платье, если будете такъ наклоняться.

— Вы не добры, вы моя кузена, а говорите все съ нимъ.

— Онъ мнѣ другъ дѣтства, а вы для меня только мимолетный франтъ.

Мы принялись вспоминать всякія мелочи.

— Мы были оба дѣтьми, и какъ все это остается въ памяти, когда были дѣтьми... вмѣстѣ, неправда-ли?

— Да.

М... умомъ старикъ. Какъ странно слышать, когда этотъ свѣжій, розовый молодой человѣкъ говоритъ о предметахъ серьезныхъ и полезныхъ! Онъ спросилъ, хорошая-ли у меня горничная, потомъ замѣтилъ:

— Это хорошо, что вы много учились: когда у васъ будутъ дѣти...

— Вотъ идея!

— Что же, развѣ я не правъ?

— Да, вы правы.

— Вотъ твой дядя Александръ, — сказалъ мнѣ отецъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, напротивъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тутъ, съ женою. Дядя Александръ пришелъ къ намъ, но въ слѣдующій антрактъ отецъ отослалъ его къ тетѣ Надѣ. Эта милая женщина рада мнѣ, я также радуюсь.

Въ одинъ изъ антрактовъ я пошла въ садъ съ Полемъ; отецъ побѣжалъ за мною и повелъ меня подъ руку.

— Видишь, — сказалъ онъ мнѣ, — какъ я любезенъ съ твоими родственниками. Это доказываетъ мое умѣнье жить.

— Прекрасно, папа; кто хочетъ быть со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, долженъ исполнять мои желанія и служить мнѣ.

— Ну, нѣтъ!

— Да! какъ вамъ угодно! Но признайтесь, что вамъ пріятно имѣть такую дочь, какъ я: хорошенькую, хорошо сложенную, хорошо одѣвающуюся, умную, образованную... Признайтесь.

— Признаюсь, это правда.

— И несмотря на то, что вы молоды и что всѣ удивлены видѣть у васъ такихъ большихъ дѣтей?

— Да, я еще очень молодъ.

— Папа, давайте ужинать въ саду!

— Это не принято.

— Но съ отцомъ, съ предводителемъ дворянства, котораго здѣсь всѣ знаютъ, который стоитъ во главѣ полтавской золотой молодежи!

— Но насъ ждутъ лошади.

— Я хотѣла просить васъ, чтобы вы отослали ихъ; мы вернемся на извозчикѣ.

— Ты на извозчикѣ? никогда! А ужинать не принято.

— Папа, когда я снисхожу до того, чтобы находить что-нибудь приличнымъ, странно, что со мной не соглашаются.

— Ну, хорошо, мы будемъ ужинать, но только для твоего удовольствія. Мнѣ все это наскучило.

Мы ужинали въ отдѣльной залѣ, которую потребовали изъ уваженія ко мнѣ. Тутъ были Башкирцевы; отецъ и сынъ, дядя Александръ съ женою, Паша, Э... М. и я. Послѣдній постоянно накидывалъ мнѣ на плечи плащъ, увѣряя, что иначе я простужусь.

Пили шампанское; Э. откупоривалъ бутылку за бутылкой и наливалъ мнѣ послѣднюю каплю.

Провозгласили нѣсколько тостовъ, и другъ моего дѣтства взялъ свой бокалъ и, нагнувшись ко мнѣ, тихо сказалъ: «за здоровье вашей матушки!» Онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и я отвѣчала ему также тихо взглядомъ искренней благодарности и дружеской улыбкой.

Черезъ нѣсколько минутъ я сказала громко:

— За здоровье мамы!

Всѣ выпили. М. ловилъ мои малѣйшія движенія и старался поддѣлаться подъ мои мнѣнія, мои вкусы, мои шутки. А я забавлялась тѣмъ, что измѣняла ихъ и конфузила его. Онъ все слушалъ меня и наконецъ воскликнулъ:

— Но она прелестна—съ такой искренностью, простотой и радостью, что мнѣ самой это доставило удовольствіе.

Тетя Надя вернулась въ коляскѣ съ папа; я поѣхала къ ней, и мы вдоволь наболтались.

— Милая Муся, — сказалъ дядя Александръ, — ты меня восхищаешь; я въ восторгѣ отъ твоего достойнаго поведенія съ твоими родителями и особенно съ твоимъ отцомъ. Я боялся за тебя, но если ты будешь такъ продолжать, все устроится хорошо, увѣряю тебя!

— Да, — сказалъ Поль,—въ одинъ мѣсяцъ ты покоришь отца, а это было бы счастьемъ для всѣхъ.

Отецъ взялъ комнату рядомъ со мною, направо, и въ моей передней положилъ спать своего лакея.

— Надѣюсь, что она въ сохранности, сказалъ онъ дядѣ. — Я веселый человѣкъ, но когда мать поручаетъ ее мнѣ, я оправдаю ея довѣріе и свято исполню свой долгъ.

Вчера я взяла у отца 25 рублей и сегодня имѣла удовольствіе возвратить ихъ ему.

Мы уѣхали тѣмъ же порядкомъ, какъ вчера.

Какъ только мы выѣхали въ поле, отецъ спросилъ меня:

— Что же, мы будемъ еще сражаться сегодня?

— Сколько угодно.

Онъ обнялъ меня, завернулъ меня въ свою шинель и положилъ мою голову къ себѣ на плечо.

А я закрыла глаза — я всегда такъ дѣлаю, когда хочу быть ласковой.

Мы сидѣли такъ нѣсколько минутъ.

— Теперь сядь прямо, — сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ шинель, а то мнѣ будетъ холодно.

Онъ укуталъ меня въ шинель, и я начала разсказывать о Римѣ, о заграничной жизни, о свѣтскихъ удовольствіяхъ, старалась доказать, что намъ было тамъ хорошо, говорила о г-нѣ Фаллу, о баронѣ Висконти, о папѣ. Я заговорила о полтавскомъ обществѣ.

— Проводить жизнь за картами... Разоряться въ глуши провинціи на шампанское въ трактирахъ! Погрязнуть, заплѣснѣвѣть!.. Что бы ни было, всегда слѣдуетъ быть въ хорошемъ обществѣ.

— Ты, кажется, намекаешь на то, что я въ дурномъ обществѣ, — сказалъ онъ, смѣясь.

— Я? нисколько, я говорю вообще, ни о комъ особенно.

Мы договорились до того, что онъ спросилъ, сколько можетъ стоитъ въ Ниццѣ большое помѣщеніе, гдѣ бы можно было устраивать празднества.

— Знаешь, сказалъ онъ, — если бы я поѣхалъ туда на одну зиму, положеніе бы совсѣмъ измѣнилось.

— Чье положеніе?

— Птицъ небесныхъ, — сказалъ онъ смѣясь, какъ будто чѣмъ-то задѣтый.

— Мое положеніе? да, правда. Но Ницца непріятный городъ... Отчего-бы вамъ не пріѣхать на эту зиму въ Римъ?

— Мнѣ? гмъ!.. Да... гмъ!

Все равно: первое слово сказано и упало на добрую почву. Я боюсь только вліяній. Мнѣ надо пріучить къ себѣ этого человѣка, сдѣлаться ему пріятной, необходимой и воздвигнуть для моей тетки Т. стѣну между ея братомъ и ея злостью.

Онъ радъ, что я могу говорить обо всемъ. Передъ обѣдомъ я говорила о химіи съ К., отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ, огрубѣвшимъ отъ жизни въ провинціи и отъ всеобщихъ насмѣшекъ. Это всегдашній посѣтитель.

Отецъ сказалъ, вставая:

— Неправда-ли, Паша, она очень ученая?

— Вы смѣетесь, папа?

— Нисколько, нисколько, но это очень хорошо, да. Очень хорошо, гмъ... очень хорошо!

. . **Среда, 23 августа (11 августа).** Я пишу maman почти столько же, сколько въ мой дневникъ. Это будетъ ей полезнѣе всѣхъ лѣкарствъ въ мірѣ. Я кажусь вполнѣ довольной; но я еще не довольна; я все разсказала съ точностью, но не увѣрена въ успѣхѣ, пока не доведу дѣла до конца. Во всякомъ случаѣ увидимъ. Богъ очень добръ.

Паша мнѣ двоюродный братъ, сынъ сестры моего отца. Этотъ человѣкъ меня интересуетъ. Сегодня утромъ зашелъ разговоръ о моемъ отцѣ, и я сказала, что сыновья всегда критикуютъ поступки отцовъ, а ставъ на ихъ мѣсто, поступаютъ такъ же и вызываютъ такую же критику.

— Это совершенно вѣрно, сказалъ Паша, — но мои сы-

новья не будутъ критиковать меня, такъ какъ я никогда не женюсь.

— Еще не бывало молодыхъ людей, которые не говорили бы этого, — сказала я, послѣ минутнаго молчанія.

— Да, но это другое дѣло.

— Почему же?

— Потому, что мнѣ двадцать два года, а я не былъ влюбленъ, и ни одна женщина не была для меня привлекательна.

— Это вполнѣ естественно. До этихъ лѣтъ и не слѣдуетъ быть влюбленнымъ.

— Какъ? А всѣ эти мальчики, которые влюблены съ 14-ти лѣтъ?

— Всѣ эти «влюбленности» не имѣютъ никакого отношенія къ любви.

— Можетъ быть, но я не похожъ на другихъ; я вспыльчивъ, гордъ, т. е. самолюбивъ, и потомъ...

— Но все это качества, которыя вы называете...

— Хорошія?

— Да, конечно.

Потомъ, не знаю по какому поводу, онъ сказалъ мнѣ, что сошелъ бы съ ума, если бы умерла его мать.

— Да, на годъ, а потомъ...

— О, нѣтъ, я сошелъ бы съ ума, я это знаю.

— На годъ... все забывается, когда видишь новыя лица.

— Значитъ, вы отрицаете вѣчныя чувства и добродѣтель?

— Совершенно.

— Странно, Муся, сказалъ онъ, — какъ скоро сближаешься, когда нѣтъ натянутости. Третьяго дня я говорилъ вамъ: «Марья Константиновна», вчера «m-lle Муся, а сегодня...

— Просто Муся; я вамъ это приказала.

— Мнѣ кажется, что мы всегда были вмѣстѣ, такъ вы просты и привлекательны.

— Неправда ли?

Я заговорила съ крестьянами, которые попадались намъ на дорогѣ и въ лѣсу, и вообразите — я очень недурно говорю по-малороссійски.

Ворскла, протекающая въ имѣніи отца, лѣтомъ такъ

мелка, что ее переходятъ въ бродъ, но весной это большая рѣка. Мнѣ вздумалось войти съ лошадью въ воду; я такъ и сдѣлала, приподнявъ мою амазонку. Это пріятное чувство и прелестное зрѣлище для других. Вода доходила до колѣнъ лошади.

Я согрѣвалась отъ жары и ѣзды и попробовала мой голосъ, который понемногу возвращается. Я спѣла «Lacrymosa» изъ заупокойной мессы, какъ пѣла въ Римѣ.

Отецъ ожидалъ насъ подъ колоннадой и осматривалъ насъ съ удовольствіемъ.

— Что же, обманула я васъ и плохо ѣзжу верхомъ? Спросите Пашу, какъ я ѣзжу. Хороша я такъ?

— Это правда, да, гм!.. очень хорошо, право. Онъ разглядывалъ меня съ удовольствіемъ. Я нисколько не жалѣю, что привезла тридцать платьевъ; отца можно побѣдить, дѣйствуя на его тщеславіе.

Въ эту минуту пріѣхалъ М... съ чемоданомъ и камердинеромъ. Когда онъ поклонился мнѣ, и я отвѣтила на обычные комплименты, я ушла перемѣнить платье, сказавъ: «Я сейчасъ вернусь».

Я вернулась въ платьѣ изъ восточнаго газа со шлейфомъ длиною въ два метра, въ шелковомъ корсажѣ, открытомъ спереди, какъ во времена Людовика XV, и связанномъ большимъ бѣлымъ бантомъ; юбка, конечно, вся гладкая, и шлейфъ четыреугольный.

М... говорилъ со мною о туалетахъ и восхищался моимъ платьемъ.

Его считаютъ глупымъ, но онъ говоритъ обо всемъ: о музыкѣ, объ искусствѣ, о наукѣ. Правда, что говорю я, а онъ только отвѣчаетъ: «Вы правы, это вѣрно».

Я не говорила о моихъ занятіяхъ, боясь его испугать. Но за обѣдомъ я была къ этому вынуждена; я сказала латинскій стихъ, и у меня завязался съ докторомъ разговоръ о классической литературѣ и современныхъ подражаніяхъ.

Всѣ воскликнули, что я удивительное существо, что нѣтъ ничего въ мірѣ, о чемъ бы я не могла говорить, нѣтъ такого предмета разговора, въ которомъ бы я не чувствовала себя свободно.

Папа дѣлалъ усилія, достойныя героя, чтобы не дать замѣтить своей гордости. Потомъ цыпленокъ съ трюфелями вы-

звалъ разговоръ о кулинарномъ искусствѣ, и я выказала такія гастрономическія познанія, что М... еще больше раскрылъ глаза и ротъ.

Потомъ, переходя къ «поддѣлкамъ», я начала объяснять всю пользу хорошей кухни, доказывая, что хорошая кухня создаетъ хорошихъ людей.

Я поднялась въ первый этажъ. Гостиныя очень большія, особенно бальная зала; туда только вчера поставили фортепіано.

Я начала играть. Бѣдный К. дѣлалъ отчаянные жесты, чтобы заставить Поля прекратить его болтовню.

— Боже мой, — восклицалъ этотъ добрый малый, — слушая васъ, я забываю, что уже шесть лѣтъ я ржавѣю и плѣснеѣю въ провинціи. Я оживаю.

Я нехорошо играла сегодня, я часто мазала; но нѣкоторыя вещи я играла недурно; все равно, я знала, что бѣдный К. говоритъ искренно, и удовольствіе, которое я ему доставляла, доставляло удовольствіе и мнѣ.

Капитаненко стоялъ на лѣво отъ меня, Э... и Поль сзади, а Грицъ смотрѣлъ на меня и слушалъ съ сдерживаемымъ восторгомъ; другихъ я не видѣла.

Когда я кончила играть «Ручей», всѣ они поцѣловали мнѣ руку.

Папа подмигивалъ, лежа на диванѣ. Княгиня работала, не говоря ни слова; она добрая женщина.

Я чувствую себя свободно у отца, одного изъ первыхъ лицъ губерніи, я не боюсь ни недостатка уваженія, ни легкомыслія.

Въ десять часовъ папа подалъ знакъ, что пора расходиться, и поручилъ Полю молодыхъ людей, которые помѣщаются вмѣстѣ съ нимъ въ красномъ домѣ.

Я сказала отцу: «Вотъ какъ мы сдѣлаемъ; когда я поѣду за границу, вы поѣдете со мною».

— Я подумаю объ этомъ, да, можетъ быть.

Я была довольна; наступило молчаніе; потомъ мы заговорили о другомъ, и, когда онъ вышелъ, я отправилась къ княгинѣ, чтобы посидѣть съ нею четверть часа.

Я просила отца пригласить сюда дядю Александра, и онъ написалъ ему очень любезное письмо.

Что вы обо мнѣ скажете?

Я скажу, что я ангелъ, только бы Богъ продолжалъ быть добрымъ.

Не смѣйтесь надъ моею набожностью; только начните, и вы найдете все страннымъ въ моемъ дневникѣ. И если бы я стала критиковать себя, какъ писателя, я провела бы надъ этимъ всю жизнь.

Четвергъ, 24 августа (12 авг.). Въ девять часовъ я пришла къ отцу. Я застала его безъ сюртука, завязывающаго съ усиліями галстукъ. Я завязала ему галстукъ и поцѣловала его въ лобъ.

Мужчины сошлись пить чай; пришелъ и Паша. Вчера вечеромъ его не было, и лакей объявилъ, что онъ «лежитъ, какъ больной». Другіе смѣялись надъ его медвѣжьей предупредительностью по отношенію ко мнѣ, но онъ такъ глубоко чувствуетъ малѣйшую вещь, что объ этомъ не говорили ни слова сегодня утромъ.

Э... выписалъ для моего удовольствія кегли, крокетъ и микроскопъ съ коллекціей блохъ.

Произошло нѣчто въ родѣ скандала. Впрочемъ, посудите сами. Поль вынулъ изъ своего альбома портретъ актрисы, хорошо знакомой отцу; папа, замѣтивъ это, вынулъ и свой портретъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ Поль съ удивленіемъ.

— Я боюсь, что ты бросишь и мои портреты.

Я не обратила на это вниманія, но сегодня Поль отвелъ меня въ другую комнату и показалъ мнѣ свой пустой альбомъ, съ портретомъ одной только актрисы.

— Я сдѣлалъ это для отца, но я долженъ былъ вынуть всѣ другіе портреты; вотъ они всѣ.

— Покажи мнѣ.

Я отобрала всѣ фотографіи дѣдушки, бабушки, maman и мои и положила ихъ въ карманъ.

— Что это значитъ? вскричалъ Поль.

— Это значитъ, — отвѣчала я спокойно, — что я беру назадъ наши портреты; здѣсь они въ слишкомъ дурномъ обществѣ.

Братъ чуть не заплакалъ, разорвалъ альбомъ и вышелъ. Я сдѣлала это въ гостиной, при другихъ, и отецъ это узнаетъ.

Мы долго гуляли по саду, были въ часовнѣ и склепѣ, гдѣ

лежатъ останки дѣдушки и бабушки Башкирцевыхъ. М... былъ моимъ кавалеромъ и помогалъ мнѣ подниматься и опускаться.

Мишель слѣдовалъ за мною, точно собака на заднихъ лапкахъ, и дѣлалъ Грицу отчаянные жесты.

Папа шелъ впереди и иногда смотрѣлъ на меня такъ злобно, что я отворачивалась.

Если бы мама знала, что за ужиномъ въ Полтавѣ я выпила послѣднюю каплю шампанскаго и что, когда пили за мое здоровье, руки тети Нади, дяди Александра, мои и Грица скрестились, какъ для свадьбы! .. Бѣдная мама, какъ бы она была счастлива!

Грицъ, безъ сомнѣнія, таетъ, но я въ глубинѣ души молюсь о томъ, чтобы онъ не дѣлалъ мнѣ предложенія. Ограниченный, тщеславный, а мать настоящая вѣдьма!

Мы вспоминали наше дѣтство, общественный садъ въ Одессѣ.

— Я тогда ухаживалъ за вами.

Я отвѣчаю самыми любезными улыбками, пока нашъ фатъ съ умоляющимъ видомъ проситъ позволить ему нести мой шлейфъ. Онъ уже вчера несъ его и получилъ прозваніе пажа.

Мы сыграли партію въ крокетъ. Пріятно возбужденная, я вернулась въ китайскую гостиную (названную такъ по вазамъ и кукламъ) и, сѣвъ на полъ, начала разбирать мои кисти и краски. Отецъ не довѣряетъ моимъ талантамъ. Я усадила Мишеля въ кресло. Грица въ другое и, сидя на полу, въ четверть часа сдѣлала каррикатуру Мишеля на доскѣ, которую поддерживалъ Грицъ, служа мнѣ мольбертомъ. И пока я проводила кистью направо и налѣво, я чувствовала, что меня пожираютъ глазами.

Отецъ былъ доволенъ, а Мишель поцѣловалъ мнѣ руку.

Я взошла наверхъ и сѣла за рояль. Паша слушалъ меня издали. Скоро пришли другіе и размѣстились, какъ вчера. Но, когда перешли отъ музыки къ разговору, Грицъ и Мишель начали говорить о томъ, какъ они проведутъ зиму въ Петербургѣ.

— Воображаю, что вы тамъ будете дѣлать, — сказала я. — Хотите, я опишу вамъ вашу жизнь, а вы мнѣ скажете, правда ли это?

— Да, да!

— Прежде всего, вы меблируете квартиру самой нелѣпой

мебелью, купленной у ложныхъ антикваріевъ и украсите самыми обыкновенными картинами, выдаваемыми за оригиналы: вѣдь страсть къ искусству и рѣдкостямъ необходима. У васъ будутъ лошади, кучеръ, который будетъ позволять себѣ шутить съ вами; вы будете совѣтоваться съ нимъ, и онъ будетъ вмѣшиваться въ ваши сердечныя дѣла. Вы будете выходить съ моноклемъ на Невскій и подойдете къ группѣ друзей, чтобы узнать новости дня. Вы будете смѣяться до слезъ надъ остротами одного изъ этихъ друзей, ремесло котораго состоитъ въ томъ, чтобы говорить остроумныя вещи. Вы спросите, когда бенефисъ Жюдикъ и былъ ли кто-нибудь у m-me Дамы. Вы посмѣетесь надъ княжной Лизой и будете восторгаться молодой графиней Софи. Вы зайдете къ Борелю, гдѣ будетъ непремѣнно знакомый вамъ Франсуа, Батистъ или Дезире, который подбѣжитъ къ вамъ съ поклономъ и разскажетъ вамъ, какіе ужины были и какихъ не было; вы услышите отъ него о послѣднемъ скандалѣ князя Пьера и о происшествіи съ Констанціей. Вы проглотите съ ужасной гримасой рюмку чего-нибудь очень крѣпкаго и спросите, лучше ли приготовлено то, что подавалось на послѣднемъ ужинѣ князя, чѣмъ вашъ ужинъ. И Франсуа и Дезире отвѣтятъ вамъ: «Князь, развѣ эти господа думаютъ объ этомъ?» Онъ скажетъ вамъ, что индѣйки выписаны изъ Японіи, а трюфели изъ Китая. Вы бросите ему два рубля, оглядываясь вокругъ, и сядете въ экипажъ, чтобы слѣдовать за женщинами, смѣло изгибаясь направо и налѣво и обмѣниваясь замѣчаніями съ кучеромъ, который толстъ, какъ слонъ, и извѣстенъ вашимъ друзьямъ тѣмъ, что выпиваетъ по три самовара въ день чаю. Вы поѣдете въ театръ и, наступая на ноги тѣхъ, которые пріѣхали раньше васъ, и пожимая руки или, вѣрнѣе, протягивая пальцы друзьямъ, которые говорятъ вамъ объ успѣхѣ новой актрисы, вы будете лорнировать женщинъ съ самымъ дерзкимъ видомъ, надѣясь произвести эффектъ.

И какъ вы ошибаетесь! И какъ женщины видятъ васъ насквозь!

Вы готовы будете разориться, чтобы быть у ногъ парижской звѣзды, которая, погаснувъ тамъ, пріѣхала блистать у васъ.

Вы ужинаете и засыпаете на коврѣ, но лакеи ресторана не оставляютъ васъ въ покоѣ: вамъ подкладываютъ подушку

подъ голову и покрываютъ васъ одѣяломъ сверхъ вашего фрака, облитаго виномъ, и сверхъ вашего помятаго воротничка.

Утромъ вы возвращаетесь домой, чтобы лечь спать, или, скорѣе, васъ привозятъ домой. И какіе вы тогда блѣдные, некрасивые, всѣ въ морщинахъ! И какъ вы жалко сами себѣ!

А тамъ, тамъ... около тридцати пяти или сорока лѣтъ вы кончите тѣмъ, что влюбитесь въ танцовщицу и женитесь... Она будетъ васъ бить, а вы будете играть самую жалкую роль за кулисами, пока она танцуетъ.

Тутъ меня прервали, Грицъ и Мишель падаютъ на колѣни и просятъ позволенія поцѣловать мою руку, говоря, что это баснословно и что я говорю, какъ книга!

— Только послѣднее... — сказалъ Грицъ. — Все вѣрно, кромѣ танцовщицы. Я женюсь только на свѣтской женщинѣ. У меня есть семейныя наклонности: я буду счастливъ, когда у меня будетъ мой домъ, жена, толстыя дѣти, которыя кричатъ. Я буду безумно любить ихъ.

Мы играли въ крокетъ, папа наблюдалъ за нами. Онъ замѣчаетъ ухаживаніе Грица. И какъ ему не ухаживать? я здѣсь одна.

Онъ долженъ былъ уѣхать въ четыре часа, но въ пять часовъ онъ просилъ у меня позволенія остаться обѣдать, а послѣ обѣда объявилъ, что ему было бы пріятнѣе не пускаться въ путь ночью.

Я говорила о мебели, объ экипжахъ, о ливреяхъ, о порядкѣ дома. И мнѣ было пріятно видѣть, какъ отецъ ловилъ мои слова и дѣлалъ мнѣ всевозможные вопросы, забывая свою сдержанность и гордость.

Грицъ говорилъ много, какъ человѣкъ неумный, но свѣтскій и знакомый со всѣми.

У меня были въ рукахъ всѣ мои фотографіи, и онъ просилъ меня дать ему одну. Я не умѣю отказывать, да къ тому же это старый другъ, и я дала ему.

Но я не согласилась дать ему маленькую карточку, за которую онъ готовъ былъ отдать «два года своей жизни».

О! Dio mio!

Пятница, 25 августа (13 авг.). М... и Мишель уѣхали послѣ завтрака.

Отецъ предложилъ поѣхать въ Павловскъ, свое другое имѣніе.

Ко мнѣ онъ относится какъ нельзя лучше, но сегодня я нервна и говорила мало: малѣйшіе разговоры могли бы вызвать у меня слезы.

Но, думая о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на maman это полное отсутствіе празднествъ и блеска, я сказалу отцу, что мнѣ хочется видѣть людей и имѣть развлеченія и что я нахожу мое положеніе страннымъ.

— Если ты этого желаешь, — отвѣтилъ онъ, — твое желаніе будетъ исполнено! Хочешь, я повезу тебя къ губернаторшѣ?

— Хочу.

— Ну, хорошо.

Успокоившись на этотъ счетъ, я спокойно побывала на работахъ, на хуторѣ, и даже входила въ подробности того, что меня не занимало, но могло мнѣ пригодиться, чтобы при случаѣ сдѣлать замѣчаніе знатока о хозяйствѣ и удивить кого-нибудь разговоромъ о посѣвѣ ячменя или о качествѣ ржи, рядомъ со стихомъ изъ Шекспира и тирадой изъ философіи Платона.

Вы видите, я извлекаю пользу изъ всего.

Паша досталъ мнѣ мольбертъ и передъ обѣдомъ мнѣ прислали изъ Полтавы два большихъ холста черезъ М...

— Какъ ты находишь М...? — спросилъ папа.

Я сказала, что думаю о немъ.

— Мнѣ, — сказалъ Паша, — онъ въ первый день не понравился, а потомъ я полюбилъ его.

— А я понравилась вамъ съ перваго раза?—спросила я.

— Вы? Зачѣмъ?

— Скажите же.

— Ну, хорошо, вы мнѣ понравились. Я не ожидалъ, что вы такая, я думалъ, что вы не умѣете говорить по-русски, что вы неестественны... и... и вотъ!

— Хорошо.

Я сказала ему, какое печальное впечатлѣніе производятъ на меня деревня и сжатыя поля.

— Да, — сказалъ Паша, — все желтѣетъ. Какъ время летитъ! Мнѣ кажется, что еще вчера была весна.

— Всегда говорятъ одно и то же. Мы тамъ гораздо

счастливѣе: у насъ не бываетъ такихъ замѣтныхъ перемѣнъ.

— Но зато вы не наслаждаетесь весною, — сказалъ Паша съ увлеченіемъ.

— Тѣмъ лучше для насъ. Рѣзкія перемѣны вредятъ ровности настроенія, и жизнь гораздо лучше, когда мы спокойны.

— Какъ вы говорите?

— Я говорю, что весна въ Россіи время, благопріятное для обмановъ и подлостей.

— Какъ такъ?

— Зимою, когда все вокругъ насъ холодно, мрачно, спокойно, мы сами мрачны, холодны, недовѣрчивы. Настаютъ жаркіе, солнечные дни, и мы мѣняемся, такъ какъ погода сильно дѣйствуетъ на характеръ, настроеніе и даже убѣжденія человѣка. Весною чувствуешь себя счастливѣе и потому лучше; отсюда недовѣріе къ злу и къ подлости людей. Какимъ образомъ, — когда я такъ счастливъ, такъ восторженно настроенъ къ добру, — какимъ образомъ можетъ оставаться мѣсто для дурныхъ помысловъ въ сердцахъ другихъ? Вотъ что говоритъ себѣ каждый. А у насъ не испытываешь этого опьяненія или испытываешь гораздо слабѣе; я думаю, что это состояніе болѣе нормальное и почти всегда одинаково.

Паша пришелъ въ такой восторгъ, что просилъ дать ему мой портретъ, обѣщая носить его въ медальонѣ всю жизнь.

— Потому, что я люблю и уважаю васъ, какъ никого на свѣтѣ.

Княгиня широко раскрыла глаза, а я засмѣялась и просила Пашу поцѣловать мнѣ руку.

Онъ противился, краснѣлъ и, наконецъ, повиновался.

Странный и дикій человѣкъ. Сегодня днемъ я говорила о моемъ презрѣніи къ человѣческому роду.

— А, такъ вы вотъ какъ! — воскликнулъ онъ.—Такъ я, значитъ, только жалкій подлецъ!..

И весь красный и дрожащій онъ выбѣжалъ изъ гостиной.

Суббота, 26 августа (14 авг.). Можно умереть съ тоски въ деревнѣ!

Съ изумительной быстротой я сдѣлала эскизы двухъ портретовъ отца и Поля въ тридцать пять минутъ. Сколько женщинъ, которыя не могли бы этого сдѣлать!

Отецъ, считавшій мой талантъ за тщеславное хвастовство, теперь призналъ его и остался очень доволенъ; я была въ восторгѣ, такъ какъ рисовать значитъ приближаться къ одной изъ моихъ цѣлей. Каждый часъ, употребленный не на это или не на кокетство (такъ какъ кокетство ведетъ къ любви, а любовь, можетъ быть, къ замужеству), падаетъ мнѣ на голову, какъ тяжесть. Читать? нѣтъ! Дѣйствовать? Да!

Сегодня утромъ отецъ вошелъ ко мнѣ и когда послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, Поль вышелъ, водворилось молчаніе; я чувствовала, что отецъ хочетъ что-то сказать и такъ какъ я хотѣла говорить съ нимъ о томъ же, я нарочно молчала, сколько для того, чтобы не начинать первой, столько и для того, чтобы видѣть колебаніе и затруднительное положеніе другого.

— Гмъ... что ты сказала? — спросилъ онъ наконецъ.

— Я, папа? Ничего.

— Гмъ... ты сказала... гмъ... чтобы я поѣхалъ съ тобой въ Римъ. Такъ какъ же?

— Очень просто.

— Но...

Онъ колебался и перебиралъ мои щетки и гребни.

— Но если я поѣду съ тобою... гмъ... и maman не пріѣдетъ? Тогда... видишь ли, если она не пріѣдетъ... гмъ... то какъ же быть?

А! а! милѣйшій папа! Наконецъ-то! Это вы колеблетесь... это чудесно! Это отлично!

— Мама? мама пріѣдетъ.

— Ты думаешь?

— Мама сдѣлаетъ все, чего я хочу. Ея больше нѣтъ, существую только я.

Тогда, видимо облегченный, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно того, какъ мама проводитъ время, спросилъ и о многихъ другихъ вещахъ.

Отчего это мама предостерегала меня отъ злобнаго направленія его ума, отъ его привычки смущать и унижать людей? Потому что это правда.

Но почему же я не унижена, не сконфужена, между тѣмъ какъ это было всегда съ мамой.

Потому, что отецъ умнѣе мамы, а я умнѣе его.

Кремѣ того, онъ уважаетъ меня, потому что я всегда его побѣждаю, и разговоръ со мною полонъ интереса для чело-

вѣка, ржавѣющаго въ Россіи, но достаточно образованнаго для того, чтобы оцѣнить познанія другихъ.

Я напомнила ему о моемъ желаніи видѣть полтавское общество, но по его отвѣтамъ я видѣла, что онъ не хочетъ мнѣ показывать людей, среди которыхъ онъ блистаетъ. Но когда я сказала, что желаю этого непремѣнно, онъ отвѣтилъ, что желаніе мое будетъ исполнено и вмѣстѣ съ княгиней принялся составлять списокъ дамъ, къ которымъ нужно поѣхать.

— А m-me М... вы съ ней знакомы? — спросила я.

— Да, но я не ѣзжу къ ней; она живетъ очень уединенно.

— Но мнѣ нужно будетъ поѣхать къ ней съ вами; она знала меня ребенкомъ, она дружна съ maman и, когда она меня знала, я производила невыгодное впечатлѣніе въ физическомъ отношеніи. Я бы желала изгладить это дурное впечатлѣніе.

— Хорошо, поѣдемъ. Но я на твоемъ мѣстѣ не поѣхалъ бы.

— Почему?

— Потому... гм... что можетъ подумать...

— Что?

— Разныя вещи.

— Нѣтъ, скажите; я люблю, когда говорятъ прямо, и намеки меня раздражаютъ.

— Она подумаетъ, что ты имѣешь виды... Она подумаетъ, что ты желаешь, чтобы сынъ ея сдѣлалъ тебѣ предложеніе.

— Грицъ М..! О, нѣтъ папа́, она этого не подумаетъ. М... прекрасный молодой человѣкъ, другъ дѣтства, котораго я очень люблю, но выйти за него замужъ! Нѣтъ, папа́, не такого мужа я желаю. Будьте покойны.

Кардиналъ умираетъ.

Ничтожный человѣкъ (я говорю о племянникѣ)! За обѣдомъ говорили о храбрости, и я сказала замѣчательно вѣрную вещь: тотъ, кто боится и идетъ навстрѣчу опасности, болѣе храбръ, чѣмъ тотъ, кто не боится, чѣмъ больше страхъ, тѣмъ больше заслуга.

Воскресенье, 27 августа (15 авг.). Въ первый разъ въ жизни я наказала кого-нибудь, именно Шоколада.

Онъ написалъ свой матери, прося у нея позволенія остаться въ Россіи на болѣе выгодномъ мѣстѣ, чѣмъ у меня.

Эта неблагодарность огорчила меня за него; я позвала его, обличила его передъ всѣми и приказала ему стать на колѣни. Мальчикъ заплакалъ и не повиновался. Тогда я должна была взять его за плечи и скорѣе отъ стыда, чѣмъ отъ насилія онъ сталъ на колѣни, пошатнувъ этажерку съ севрскимъ фарфоромъ. А я, стоя среди гостиной, метала громы моего краснорѣчія и кончила тѣмъ, что грозила отправить его во Францію въ четвертомъ классѣ, вмѣстѣ съ быками и баранами, при посредствѣ консула негровъ.

— Стыдно, стыдно, Шоколадъ! Ты будешь ничтожный человѣкъ! Встань и уйди.

Я разсердилась не на шутку, а когда черезъ пять минутъ эта обезьянка пришла просить прощенія, я сказала, что, если онъ раскаивается по приказанію г. Поля, то мнѣ не нужно его раскаянія.

— Нѣтъ, я самъ.

— Такъ ты самъ раскаиваешься?

Онъ плакалъ, закрывъ глаза кулаками.

— Скажи, Шоколадъ, я не разсержусь.

— Да...

— Ну, хорошо, иди, я прощаю, но понимаешь ли ты, что все это для твоей же пользы?

Шоколадъ будетъ или великимъ человѣкомъ или великимъ негодяемъ.

Понедѣльникъ, 28 августа (16 авг.). Отецъ былъ въ Полтавѣ по службѣ. Что же касается меня, то я пыталась разсуждать съ княгиней, но скоро мы перешли на разговоръ о любви, о мужчинахъ и короляхъ.

Мишель привезъ дядю Александра, а позднѣе пріѣхалъ Грицъ.

Есть дни, когда чувствуешь себя не по себѣ. Сегодня такой день.

М... привезъ букетъ княгинѣ и, минуту спустя, началъ говорить съ дядей Александромъ о разведеніи барановъ.

— Я предпочитаю, чтобы вы говорили о букетахъ, чѣмъ о баранахъ, Грицъ, — сказалъ отецъ.

— Ахъ, папа́,—замѣтила я,—вѣдь бараны даютъ букетъ.

У меня не было никакой задней мысли, но всѣ переглянулись, и я покраснѣла до ушей.

А вечеромъ мнѣ очень хотѣлось, чтобы дядя видѣлъ, что Грицъ ухаживаетъ за мною, но не удалось. Этотъ глупый человѣкъ не отходилъ отъ Мишеля.

Впрочемъ, онъ въ самомъ дѣлѣ глупъ, и всѣ здѣсь говорятъ это. Я хотѣла было вступиться за него, но сегодня вечеромъ, вслѣдствіе ли дурного настроенія или по убѣжденію, я согласна съ другими.

Когда всѣ ушли въ красный домъ, я сѣла за рояль и излила въ звукахъ всю мою скуку и раздраженіе. А теперь я лягу спать, надѣясь увидѣть во снѣ великаго князя; можетъ быть это меня развеселитъ.

Здѣсь луна какъ-то безжизненна; я смотрѣла на нее, пока стрѣляли изъ пушки. Отецъ уѣхалъ на два дня въ Харьковъ. Пушки составляютъ его гордость: у него ихъ девять, и сегодня вечеромъ стрѣляли въ то время, когда я смотрѣла на луну.

Вторникъ, 29 августа (17 авг.). Вчера я слышала, какъ Поль говорилъ дядѣ Александру, указывая глазами на меня:

— Если бы ты зналъ, милый дядя! Она все перевернула въ Гавронцахъ! Она передѣлываетъ по своему папа! Ей все повинуется.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлала ли я все это? Тѣмъ лучше.

Мнѣ хочется спать и скучно съ утра. Я еще не допускаю для себя скуки отъ недостатка развлеченій или удовольствій и, когда мнѣ скучно, ищу этому причины; я убѣждена въ томъ, что это болѣе или менѣе непріятное состояніе происходитъ отъ **чего-нибудь** и не является слѣдствіемъ недостатка удовольствій или одиночества.

Но здѣсь, въ Гавронцахъ, я ничего не желаю, все идетъ согласно моему желанію, и все-таки мнѣ скучно. Неужели я просто скучаю въ деревнѣ? Nescio... Но къ чорту!

Когда сѣли за карты, я осталась съ Грицемъ и Мишелемъ въ моей мастерской. Грицъ рѣшительно измѣнился со вчерашняго дня. Въ его движеніяхъ проглядываетъ смущеніе, котораго я не могу себѣ объяснить.

Завтрашняя поѣздка откладывается до четверга, и онъ хочетъ отправиться въ далекое путешествіе.

Я задумалась, и это замѣтили другіе. Впрочемъ, уже съ нѣкотораго времени я витаю между двухъ міровъ и не слышу, когда со мной говорятъ.

Мужчины пошли купаться въ рѣкѣ, которая прелестна, глубока и осѣнена деревьями въ томъ мѣстѣ, гдѣ купаются; а я осталась съ княгиней на большомъ балконѣ, который образуетъ навѣсъ для экипажей.

Княгиня, между прочимъ, разсказала мнѣ любопытную исторію. Вчера Мишель приходитъ къ ней и говоритъ:

— Maman, жените меня.

— На комъ?

— На Мусѣ.

— Глупецъ! да тебѣ только восемнадцать лѣтъ!

Онъ настаивалъ такъ серьезно, что она вынуждена была отправить его къ чорту.

— Только не разсказывайте ему этого, милая Муся, — прибавила она, — а то онъ не дастъ мнѣ покоя.

Молодые люди застали насъ на балконѣ изнемогающими отъ нестерпимой жары; о воздухѣ нечего и говорить, а вечеромъ не было ни малѣйшаго вѣтерка. Видъ прелестный. Напротивъ — красный домъ и разбросанныя бесѣдки, направо — гора съ стоящей на ея склонѣ церковью, утонувшею въ зелени, дальше — фамильный склепъ. И подумать, что все это принадлежитъ намъ, что мы полные хозяева всего этого, что всѣ эти дома, церковь, дворъ, напоминающій маленькій городокъ, все, все наше, и прислуга, почти шестьдесятъ человѣкъ, и все!..

Я съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣда: мнѣ хотѣлось пойти къ Полю, чтобы спросить у него объясненія нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ во время игры въ крокетъ и непріятно меня поразившихъ.

— Ты не замѣтила, — сказалъ мнѣ Поль, — что Грицъ измѣнился со вчерашняго дня?

— Я? нѣтъ, я ничего не замѣтила.

— А я замѣтилъ, и все это благодаря Мишелю.

— Какъ?

Мишель хорошій малый, но онъ встрѣчался съ женщинами только за ужиномъ и не умѣетъ держать себя; кромѣ того, у него злой языкъ, что доказываетъ эта исторія. Онъ сказалъ, что желаетъ... словомъ, онъ безумно влюбленъ въ тебя, и способенъ на всякую подлость. Я говорилъ объ этомъ съ дядей Александромъ, и онъ сказалъ, что слѣдовало бы мнѣ выдрать его за уши. Тетя Наташа того же мнѣнія... Постой! я думаю, что Грица увѣрили мать или знакомые, что его ловятъ, чтобы женить, изъ-за его богатства. Ну, вотъ... до вчерашняго дня онъ превозносилъ тебя до небесъ, а вчера... Конечно, ты не хочешь выходить за него, я знаю, что тебѣ до этого дѣла нѣтъ, но это нехорошо. Это Мишель всегда сплетничаетъ.

— Да, но что же дѣлать?

— Нужно... ты достаточно умна для этого... нужно сказать, дать понять; онъ глупъ, но это онъ пойметъ. Словомъ, это нужно... За обѣдомъ я тебѣ помогу, и ты разскажешь исторію или что-нибудь.

Это была и моя мысль.

— Мы увидимъ, братъ.

Дядя Александръ былъ въ театрѣ послѣ насъ и слышалъ, какъ говорили о пріѣздѣ дочери Башкирцева, замѣчательной красавицы.

Въ фойе онъ встрѣтилъ Грица, который отвелъ его въ сторону и говорилъ ему обо мнѣ съ увлеченіемъ.

Я не могла лишить себя удовольствія порисоваться на большой лѣстницѣ! Я сѣла посрединѣ; молодые люди, которые шли наверхъ вмѣстѣ со мною, сѣли ниже, на ступеньки, а князь сталъ на колѣни. Видѣли вы гравюру, изображающую Элеонору Гете? Это было точно такъ же, даже мой костюмъ былъ тотъ же. Только я ни на кого не смотрѣла, я смотрѣла на лампы.

Если бы Поль не потушилъ одной изъ нихъ, я бы долго такъ просидѣла.

Покойной ночи. Ахъ! какъ мнѣ скучно!

Среда, 30 августа (18 авг.). Пока молодые люди преслѣдовали экономку и бросали ей подъ ноги фейерверкъ, княгиня, дядя и я говорили о папѣ и о Римѣ.

Я дѣлала видъ, что смерть кардинала меня тревожитъ.

Я видѣла во снѣ, будто Пьетро А. умеръ; я подошла къ его гробу и надѣла ему на шею четки изъ топаза съ золотымъ крестомъ. Какъ только я это сдѣлала, я замѣтила, что мертвый человѣкъ совсѣмъ не Пьетро.

Смерть во снѣ, кажется, означаетъ бракъ. Вы поймете мое раздраженіе, а у меня раздраженіе всегда выражается неподвижностью и полнымъ молчаніемъ. Но берегись тотъ, кто меня дразнитъ или только говоритъ со мною!

Говорили о полтавскихъ нравахъ. Распущенность тамъ большая; говорятъ, что ночью встрѣтили M-me M., въ пеньюарѣ, съ М. Ж., на улицѣ, какъ о вещи весьма обыкновенной. Барышни ведутъ себя съ такой вѣтренностью... Но когда принялись говорить о поцѣлуяхъ, я начала быстро шагать по комнатѣ.

Одинъ молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, и она любила, но черезъ нѣкоторое время онъ же-

нился на другой. Когда его спросили о причинѣ такой перемѣны, онъ отвѣчалъ:

— Она поцѣловала меня, слѣдовательно цѣловала или будетъ цѣловать другихъ.

— Это вѣрно, — сказалъ дядя Александръ. — И всѣ мужчины такъ разсуждаютъ.

Разсужденіе въ высшей степени ложное, но благодаря ему, я сижу у себя, раздѣтая, и внѣ себя отъ досады.

Мнѣ казалось, что говорили про меня. Такъ вотъ причина!

Но дайте же, ради Бога, возможность забыть! О, Господи, развѣ я совершила преступленіе, что ты заставляешь меня такъ мучиться?

Ты хорошо дѣлаешь, Господи, и моя совѣсть, не давая мнѣ ни минуты покоя, излѣчитъ меня.

Чему не могли научить меня ни воспитаніе, ни книги, ни совѣты, тому научитъ меня опытъ.

Я благодарю за это Бога и совѣтую молодымъ дѣвушкамъ быть немного болѣе подлыми въ глубинѣ души и опасаться всякаго чувства. Ихъ сначала компрометируютъ, а потомъ обращаютъ въ посмѣшище.

Чѣмъ выше чувство, тѣмъ легче обратить его въ смѣшное; чѣмъ оно выше, тѣмъ смѣшнѣе. И нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе смѣшного и унизительнаго, чѣмъ любовь, обращенная въ смѣшное.

Я поѣду съ отцомъ въ Римъ, буду выѣзжать, и тогда посмотримъ.

Очаровательная прогулка! Тройка князя, несмотря на тяжесть дяди Александра, летѣла какъ молнія. Мишель правилъ. Я обожаю быструю ѣзду; всѣ три лошади понесли въ карьеръ и на нѣсколько минутъ у меня захватило дыханіе отъ удовольствія и волненія.

Потомъ крокетъ задержалъ насъ до обѣда, къ которому пріѣхалъ М... Я уже думала о томъ, какую бы разсказать «исторію», когда княгиня назвала молодыхъ дѣвицъ Р.

— Онѣ очень милы, но очень несчастны, — сказалъ Грицъ.

— Чѣмъ же?

— Онѣ только и дѣлаютъ, что разъѣзжаютъ въ погонѣ за мужьями и не находятъ... Онѣ даже меня хотѣли поймать!

Тутъ всѣ засмѣялись.

— Васъ поймать? — спрашивали его. — Такъ вы имъ, значитъ, нравились?

— Я думаю... но они видѣли, что я не желаю.

— Знаете, — сказала я, — вѣдь это несчастье быть такимъ! Не говоря уже о томъ, что несносно для другихъ.

Всѣ смѣялись и обмѣнивались взглядами, вовсе не лестными для М...

Нѣтъ! какое несчастье быть глупымъ!

Въ его манерахъ я замѣтила то же смущенiе, какъ вчера. Можетъ быть, онъ думаетъ, что его желаютъ поймать.

И все это благодаря Мишелю.

Грицъ едва осмѣливался говорить со мною изъ отдаленнаго угла гостиной, и только около половины десятаго онъ рѣшился сѣсть рядомъ со мною. Я улыбалась отъ презрѣнiя.

Господи, какъ глупо быть глупымъ! Я сдѣлалась холодной и строгой и подала знакъ, что пора расходиться.

Я отлично вижу, что Мишель начиняетъ его всевозможными глупостями. Княгиня говорила мнѣ: «Вы не знаете, что за человѣкъ Мишель, какой онъ злой и хитрый».

Но какое несчастье быть глупымъ!

Четвергъ, 31 августа (19 авг.). Поль въ полномъ разочарованiи; пришелъ мнѣ объявить, что папá не желаетъ ѣхать обѣдать въ лѣсъ.

Я накинула пеньюаръ и пошла сказать ему, что мы поѣдемъ.

Черезъ три минуты онъ уже былъ у меня. Послѣ многихъ, весьма комичныхъ недоразумѣнiй, мы поѣхали въ лѣсъ; я — въ отличномъ настроенiи, противъ всякаго ожиданiя. Грицъ держитъ себя такъ же просто, какъ въ первый день, и нашихъ натянутыхъ и непрiятныхъ отношенiй больше не существуетъ.

Мы обѣдали въ лѣсу, какъ дома. Всѣ были голодны и ѣли съ большимъ аппетитомъ, насмѣхаясь надъ Мишелемъ. Это онъ долженъ былъ устроить пикникъ, но сегодня утромъ постыдно отказался, и припасы были посланы изъ Гавронцевъ.

Пустили нѣсколько ракетъ и заставляли жида говорить глупости. Жидъ въ Россiи занимаетъ среднее положенiе между обезьяной и собакой. Жиды все умѣютъ дѣлать, и ихъ употребляютъ на все. У нихъ занимаютъ деньги, ихъ бьютъ, ихъ подпаиваютъ, имъ поручаютъ дѣла, ими забавляются.

Вернувшись въ свою комнату, я почувствовала себя до того разстроенной, что готова была провести всю ночь въ слезахъ, но Амалія начала болтовню, которая направила мои мысли на другое.

Всегда нужно **прервать** чѣмъ-нибудь дурное настроеніе; это предупреждаетъ сцены со слезами и катанье по полу.

И я ненавижу дѣлать эти сцены.

Бѣдный Грицъ! Теперь мнѣ стало жаль его; онъ уѣхалъ не совсѣмъ здоровый.

Суббота, 2-го сентября (21-го августа). Мнѣ сдѣлалось дурно отъ жары и когда къ обѣду пріѣхали два полтавскихъ «крокодила», я надѣла нарядное платье, но осталась въ дурномъ настроеніи. Пустили фейерверкъ, на который мы смотрѣли съ балкона, украшеннаго фонариками такъ же, какъ красный домъ и дворъ.

Потомъ отецъ предложилъ идти гулять, такъ какъ ночь была замѣчательно хороша. Я переодѣлась, и мы отправились въ село. Мы сѣли передъ шинкомъ, вызвали скрипача и дурачка, чтобы заставить его плясать. Но скрипачъ — вторая скрипка — не хотѣлъ понять, что первой скрипки нѣтъ и не хотѣлъ играть своей второй партіи. Черезъ четверть часа мы направились къ дому съ предательскимъ намѣреніемъ. Именно: отецъ, я и Поль взобрались на колокольню по ужаснѣйшей лѣстницѣ и начали бить въ набатъ. Я звонила изо всѣхъ силъ. Мнѣ никогда не случалось быть такъ близко къ колоколамъ; если заговорить во время звона, то на насъ нападаетъ какой-то ужасъ: кажется, что слова замираютъ на губахъ, точно въ кошмарѣ.

Словомъ, все это было нисколько не весело, и я была очень рада вернуться къ себѣ; ко мнѣ пришелъ отецъ, и мы имѣли съ нимъ длиннѣйшій разговоръ.

Но я была разстроена и вмѣсто того, чтобы говорить, я все время плакала. Между прочимъ, онъ говорилъ со мной объ М..., утверждая, что maman навѣрно считаетъ его прекрасной партіей, но что онъ не сдѣлаетъ и шагу, чтобы это устроить, такъ какъ М... только животное, нагруженное деньгами. Я поспѣшила его разувѣрить. Потомъ мы говорили обо всемъ. Отецъ старался высказать упорство, я не уступала ему ни въ чемъ, и мы разстались въ отличныхъ отношеніяхъ. Впрочемъ онъ былъ, какъ всегда съ нѣкоторыхъ поръ, замѣчательно деликатенъ и говорилъ мнѣ по своему обыкновенію сухо и жестко такія нѣжныя вещи, что я была тронута.

Я не стѣснялась относительно его сестры Т...; я даже сказала отцу, что онъ находится подъ ея вліяніемъ и что я поэтому не могу на него разсчитывать.

— Я! вскричалъ онъ,—о, нѣтъ! я люблю ее меньше другихъ сестеръ. Будь спокойна; увидѣвъ тебя здѣсь, она будетъ льстить тебѣ, какъ собака, и ты увидишь ее у своихъ ногъ.

Воскресенье, 3-го сентября (22-го августа). Со стороны кажется, что мнѣ весело. Меня несли на коврѣ, какъ Клеопатру, я укротила коня, какъ Александръ, и рисовала... еще не такъ, какъ Рафаэль.

Утромъ отправились большою компаніей ловить рыбу сѣтями. Лежа на коврѣ (я нарочно говорю это — я не хочу, чтобы думали, что я лежала въ пыли) на берегу рѣки, очень красивой и глубокой въ этомъ мѣстѣ, въ тѣни деревьевъ кушая арбузы, привезенные полтавскими «крокодилами», мы провели ни худо, ни хорошо два часа. При возвращеніи, я играла роль Клеопатры; до забора меня несли на коврѣ, а потомъ Мишель и Капитаненко сдѣлали носилки изъ своихъ скрещенныхъ рукъ. Наконецъ, меня несъ одинъ Паша. Испытавъ такимъ образомъ всѣ способы передвиженія, я оказалась внизу большой лѣстницы, по которой поднялась уже сама, при чемъ Мишель неизмѣнно несъ конецъ моего шлейфа.

Я явилась къ завтраку въ восхитительномъ костюмѣ: неаполитанская рубашка изъ китайскаго крепа небесно-голубого цвѣта, обшитая старинными кружевами, очень длинная юбка изъ бѣлой тафты, спереди задрапированная кускомъ полосатой восточной матеріи, состоящей изъ цвѣтовъ — бѣлаго, голубого и золотого и связанной сзади. Вся матерія падаетъ естественными складками, какъ простыня, завязанныя передникомъ. Вы не можете себѣ представить ничего болѣе красиваго и болѣе страннаго.

Пока одни играли въ карты, а другіе ворчали на жару, кто-то заговорилъ о буланыхъ лошадяхъ; восхищались ихъ молодостью, свѣжестью и силой.

Уже на-дняхъ поднимался вопросъ о томъ, чтобы осѣдлать мнѣ одну изъ нихъ; но тутъ же являлось цѣлое море опасеній, и я было оставила эту мысль. Но сегодня, досадуя ли на свою трусость или желая наполнить мѣшокъ новостей «крокодиловъ», я приказала осѣдлать лошадь.

Пока я играла, отецъ, лежа на травѣ, то и дѣло подмигивалъ и переводилъ глаза съ меня на «крокодиловъ». Онъ былъ доволенъ производимымъ мною впечатлѣніемъ.

Мой оригинальный, но прелестный костюмъ былъ дополненъ бѣлымъ фуляромъ, которымъ я повязала голову спереди и который спускался низко на лобъ, при чемъ концы завязаны были спереди, какъ у египтянки, а затылокъ и шея были закрыты. Привели лошадь, и поднялся хоръ возраженій. Наконецъ, Капитаненко сѣлъ на лошадь, вспоминая свою службу въ гвардіи; но уже съ первыхъ шаговъ его начало такъ подбрасывать, что всѣ разразились самымъ глупымъ смѣхомъ.

Лошадь становилась на дыбы, останавливалась, горячилась, и Капитаненко, среди общаго смѣха, объявилъ, что мнѣ можно ѣздить на ней... черезъ три мѣсяца. Я смотрѣла на вздрагивавшее животное, кожа котораго ежеминутно покрывалась жилами, какъ поверхность воды покрывается рябью. Я говорила сама себѣ: «Ты покажешь, что храбрость твоя была напускная, дитя мое, и «крокодиламъ» нечего будетъ о тебѣ разсказывать. Ты боишься? Тѣмъ лучше: храбрость состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать то, чего другіе боятся и что вамъ не страшно; настоящая, единственная храбрость — это заставить себя сдѣлать то, что страшно».

Перескакивая черезъ ступеньки, я поднялась по лѣстницѣ, надѣла черную амазонку, черную бархатную шапочку и сбѣжала внизъ для того, чтобы подняться... на лошадь.

Я объѣхала шагомъ вокругъ газона. Капитаненко ѣхалъ рядомъ на другой лошади. Чувствуя, что глаза присутствующихъ направлены на меня, я вернулась къ крыльцу, чтобы успокоить ихъ. Отецъ сѣлъ въ кабріолетъ съ однимъ изъ молодыхъ людей; другіе помѣстились въ тройкѣ князя, и я поѣхала по большой аллеѣ въ сопровожденіи всѣхъ этихъ экипажей. Не знаю какъ это случилось, но не дѣлая никакихъ усилій, я поѣхала галопомъ, сперва мелкимъ, потомъ крупнымъ, затѣмъ рысью и вернулась къ экипажамъ, чтобы слышать похвалы.

Я была въ восторгѣ, и мое раскраснѣвшееся лицо, казалось, метало искры, какъ и ноздри лошади. Я сіяла отъ радости; на этой лошади еще никогда не ѣздили верхомъ.

Вечеромъ пускали фейерверкъ, дома были иллюминованы, и со всѣхъ сторонъ красовался мой вензель. Крестьяне плясали подъ окнами подъ звуки деревенской музыки.

Столъ накрыли на другомъ концѣ дома, и намъ пришлось проходить черезъ толпу любопытныхъ.

— Точно крестный ходъ, — сказалъ женскій голосъ въ толпѣ, — а вотъ и плащаница.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, были освѣщены факелами, и Мишелъ несъ мой шлейфъ, а въ страстную пятницу носятъ полотно съ изображеніемъ Спасителя.

Мишель выкидывалъ свои гимнастическія штуки, и деревенскіе мальчишки смотрѣли на него съ удивленіемъ, уцѣпившись за веревки и качели, что напоминало повѣшенныхъ, какъ они изображены на старинныхъ гравюрахъ.

Эти славные люди окружили меня; я напрасно называю ихъ славными, такъ какъ мужчины и женщины, какъ придворные, говорили мнѣ комплименты въ такомъ родѣ:

— Лошадь хороша, а наѣздница-то еще лучше.

Знаете, я очень люблю быть за панибрата съ народомъ; я говорила со всѣми и еще немного, я пустилась бы плясать. Пляска нашихъ крестьянъ, съ виду покорныхъ и простодушныхъ, но на дѣлѣ хитрыхъ какъ итальянцы, — пляска ихъ настоящій парижскій канканъ самаго соблазнительнаго свойства. Ногъ они до носа не поднимаютъ, да это и некрасиво, но мужчина съ женщиной кружатся, приближаются другъ къ другу, преслѣдуютъ другъ друга, и все это сопровождается такими движеніями, вскрикиваніями и улыбками, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

Дѣвушки пляшутъ мало и очень просто. Имъ «поднесли» и, покинувъ этихъ любезныхъ дикарей, я хотѣла идти спать; но на лѣстницѣ я остановилась, какъ наканунѣ вечеромъ, и молодые люди собрались на ступенькахъ. Шоколадъ пропѣлъ намъ, къ моему великому удовольствію, ниццскую пѣсню.

За пѣніемъ слѣдовала музыка. Я извлекла изъ скрипки самые невозможные звуки, и эти пронзительные, серьезные, крикливые, неясные звуки смѣшили меня до слезъ, а отъ моего смѣха съ этимъ ужаснымъ аккомпаниментомъ помирали со смѣху другіе, даже Шоколадъ.

Четвергъ, 7-го сентября (2-го августа). Будничный нарядъ хохлушки состоитъ изъ холщевой рубашки съ широкими, оттопыривающимися рукавами, расшитыми краснымъ и синимъ, и изъ куска чернаго крестьянскаго сукна, которымъ онѣ завертываются, начиная съ пояса; эта юбка короче рубашки, такъ что виденъ вышитый низъ ея; сукно сдерживается цвѣтнымъ шерстянымъ поясомъ. На шею надѣвается множество бусъ, а голова повязывается лентой. Волосы запле-

тены въ одну косу, въ которую вплетается одна или нѣсколько лентъ.

Я послала купить себѣ такой костюмъ, надѣла его и пошла по селу въ сопровожденіи молодыхъ людей. Крестьяне не узнавали меня, такъ какъ я была одѣта не барышней а крестьянской дѣвушкой, женщины одѣваются иначе. На ногахъ у меня были черные башмаки съ красными каблуками.

Я кланялась всѣмъ и, дойдя до шинки, сѣла у двери.

Отецъ былъ удивленъ, но... въ восторгѣ.

— Все къ ней идетъ! — воскликнулъ онъ.

И, посадивъ насъ всѣхъ въ телѣжку, онъ началъ катать насъ по улицамъ деревни. Я громко смѣялась, къ великому изумленію добрыхъ людей, которые никакъ не могли понять, что это за дѣвушка катается съ «старымъ бариномъ» и «молодыми господами».

Успокойтесь, папа не старъ.

Китайскій тамтамъ, скрипка и шарманка увеселяли общество.

Мишель ударялъ въ тамтамъ, я играла на скрипкѣ (играла! Господи, Боже мой!), а шарманка играла одна.

Вмѣсто того, чтобы лечь рано по своему обыкновенію, мой родитель оставался съ нами до полуночи. Если я не одержала другихъ побѣдъ, то одержала побѣду надъ отцомъ. Когда онъ говоритъ, онъ ищетъ моего одобренія, слушаетъ меня со вниманіемъ, позволяетъ мнѣ говорить все, что угодно о его сестрѣ Т... и соглашается со мною.

Шарманка — его подарокъ княгинѣ; мы всѣ подарили ей что-нибудь — сегодня ея именины. Лакеи съ радостью служатъ мнѣ и очень довольны, что избавлены отъ «французовъ». Я даже обѣдъ заказываю! А мнѣ прежде казалось, что я въ чужомъ домѣ, я боялась установившихся привычекъ и назначенныхъ часовъ.

Меня ждутъ такъ же, какъ въ Ниццѣ, и я сама назначаю часы.

Отецъ обожаетъ веселье и не пріученъ къ нему своими.

Пятница, 8-го сентября (27 авг.). Проклятый страхъ, я тебя преодолѣю! Не вздумала ли я бояться ружья? Правда, оно было заряжено, и я не знала сколько Поль положилъ пороху и не знала самаго ружья; оно могло бы выстрѣлить, и это была бы нелѣпая смерть или изуродованное лицо.

Тѣмъ хуже! Трудно сдѣлать только первый шагъ; вчера

я выстрѣлила на 50-ти шагахъ и сегодня стрѣляла безъ всякаго страха; кажется, боюсь ошибиться, попадала всякій разъ.

Если мнѣ удастся портретъ Поля, это будетъ чудо, такъ какъ онъ не позируетъ, и сегодня я рисовала четверть часа одна, то-есть не совсѣмъ одна, такъ какъ противъ меня сидѣлъ Мишель, который имѣетъ смѣлость быть въ меня влюбленнымъ.

Такъ прошло время до девяти часовъ. Я тянула время, видя нетерпѣніе отца. Я знала, что онъ ждетъ только того, чтобы мы ушли изъ гостиной для того, чтобы убѣжать въ лѣсъ... какъ волкъ.

Я снова собрала свой придворный штатъ на лѣстницѣ... Я люблю лѣстницы — по нимъ поднимаешься вверхъ. Паша хотѣлъ уѣхать завтра, но я такъ старалась удержать его, что онъ вѣроятно, останется; было бы благоразумнѣе уѣхать, такъ какъ для двадцатидвухлѣтняго деревенскаго жителя и мечтателя любить меня, какъ сестру, опасно.

Я держу себя съ нимъ и съ Мишелемъ какъ нельзя лучше, и онъ меня очень любитъ. Но съ глупыми мужчинами я сама глупѣю; я не знаю, что сказать, чтобы имъ было понятно, и боюсь, что они могутъ заподозрить, что я въ нихъ влюблена. Напримѣръ, этотъ бѣдный Грицъ: онъ думаетъ, что всѣ барышни хотятъ выйти за него замужъ, и въ каждой улыбкѣ видитъ ловушку и покушеніе на его холостую жизнь...

Какъ только я услыхала, что отецъ ушелъ, я побѣжала къ княгинѣ, каталась по ея постели, причесывала Пашу, приглаживала Мишеля и наговорила столько глупостей, что до сихъ поръ въ восторгѣ отъ нихъ.

Боже мой, не допусти, чтобы я возненавидѣла Пашу! Онъ такой честный и славный.

Читали вслухъ Пушкина и говорили о любви.

Какъ бы мнѣ хотѣлось любить, чтобы знать, что это такое! Или я уже любила? Въ такомъ случаѣ любовь ничтожная вещь, которую можно поднять для того, чтобы бросить.

— Ты никогда не любишь, — сказалъ мнѣ отецъ.

— Если бы это было правда, я благодарила бы небо, — отвѣчала я.

Я и желаю и не желаю этого.

Впрочемъ, въ моихъ мечтахъ, **я люблю.** Да, но воображаемаго героя.

Но А...? Я его люблю? Развѣ такъ любятъ? Нѣтъ. Если бы онъ не былъ племянникомъ кардинала, если бы онъ не былъ окруженъ священниками, монахами, если бы не было вокругъ него развалинъ, папы, я бы его не любила.

И зачѣмъ мнѣ объяснять это? Вы знаете все лучше меня; вы знаете, что музыка оперы и А... въ «barcaccia» производили прелестное впечатлѣніе, вы знаете также силу музыки. Это была игра, а не любовь.

Когда же я буду любить? Я еще буду забавляться тѣмъ, что буду расточать избытокъ чувства, буду еще воодушевляться, плакать... и все изъ пустяковъ!..

Суббота, 9-го сентября (28 авг.) Дни уходятъ, и я теряю драгоцѣнное время въ самые лучшіе годы жизни.

Вчера въ тѣсномъ кругу, шутка, веселость, которую вношу я... Потомъ заставишь Мишеля и другого нести себя вверхъ и внизъ по большой лѣстницѣ въ креслѣ. Спускаясь, разсматриваешь въ зеркалѣ свои башмаки... и такъ всякій день.

Какая тоска! Ни одного умнаго слова, ни одной фразы образованнаго человѣка... а я, къ несчастью, педантка и такъ люблю, когда говорятъ о древнихъ и о наукѣ... Поищите-ка этого здѣсь! Карты — и ничего больше. Я бы могла уйти къ себѣ читать, но цѣль моя — заставитъ себя любить, а это былъ бы оригинальный способъ ея добиваться.

Какъ только устроюсь на зиму, я начну учиться попрежнему.

Вечеромъ у Поля была исторія съ прислугой. Отецъ поддерживалъ лакея, я **сдѣлала выговоръ** (именно выговоръ) отцу, и онъ **проглотилъ** его. Это вульгарное выраженіе, но мой дневникъ наполненъ ими. Прошу не думать, что я вульгарно выражаюсь изъ невѣжества или изъ вульгарности. Я усвоила себѣ эту манеру, какъ наиболѣе удобную и легкую для выраженія многихъ мыслей. Словомъ, раздраженіе носилось въ воздухѣ, я разсердилась, и въ головѣ у меня звучали дрожащія ноты, которыя предвѣщаютъ грозу.

Поль не умѣетъ себя держать, и я вижу изъ этого, что моя мать была **въ правѣ** быть несчастной.

Воскресенье, 10 сентября (29 авг.). Мое величество, отецъ, братъ и двое кузеновъ отправились сегодня въ Полтаву.

Я могу только восторгаться собою: мнѣ уступаютъ,

льстятъ и, что важнѣе, меня любятъ. Отецъ, сначала желавшій низвести меня съ трона, теперь почти вполнѣ понялъ, почему мнѣ оказываютъ царскія почести и, несмотря на нѣкоторую жестокость характера, оказываетъ мнѣ ихъ.

Этотъ сухой человѣкъ, чуждый семейныхъ чувствъ, ко мнѣ имѣетъ порывы отеческой нѣжности, которые удивляютъ окружающихъ. У Поля поэтому явилось ко мнѣ двойное уваженіе, а такъ какъ я добра ко всѣмъ, то всѣ меня любятъ.

— Ты такъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, что я тебя не видалъ, — сказалъ мнѣ сегодня отецъ.

— Какъ?

— Но... гм, если ты освободишься отъ нѣкоторой незначительной рѣзкости (впрочемъ, она въ моемъ характерѣ), ты будешь совершенствомъ и настоящимъ сокровищемъ.

Это значитъ, что... Знающіе этого человѣка могутъ оцѣнить значеніе этихъ словъ.

А сегодня вечеромъ онъ обнялъ меня, поцѣловалъ (вещь неслыханная, по словамъ Поля) съ нѣжностью и сказалъ:

— Посмотри, Мишель, посмотрите всѣ, какая у меня дочь. Вотъ дочь, которую можно любить!

— Неправда-ли, папа́? Я сокровище. Мишель,—продолжала я,— я обѣщаю женить васъ на моей дочери: подумайте только о чести: это можетъ быть будетъ принцесса крови.

Я пишу изъ Полтавы.—Дождь идетъ съ утра, и лошади не хотѣли взбираться на эту ужасную гору, которая находится на половинѣ дороги. Отецъ сѣлъ на козлы, кучеръ слѣзъ и пошелъ за нами по грязи, погоняя лошадей, которыхъ нужно было пустить въ галопъ, чтобы не давать имъ задумываться передъ препятствіями. Звонъ колокольчика, удары кнута, крики лакея, кучера и папа́, нѣмое изумленіе Шоколада... это зрѣлище могло бы взволновать хоть кого. Точно скачка, возбудившая много споровъ и приближающаяся къ концу.

Въ городъ мы пріѣхали въ восемь часовъ прямо къ князю, который уѣхалъ сегодня въ пять часовъ утра, чтобы приготовить намъ домъ. Домъ маленькій и очень простой снаружи, но прелестный внутри. Еще ничего не было кончено; коверъ былъ разложенъ, зеркала, лампы, кровати были куплены и поставлены.

Во всѣхъ русскихъ домахъ входъ изъ прихожей въ залу; эта зала вся бѣлая, за ней слѣдуетъ прелестная коричневая гостиная и спальня для меня, наполненная всѣми необходимы-

ми и пріятными мелочами, на каждомъ шагу видно вниманіе... Подумайте, на туалетѣ я нашла бѣлила и румяна!

Только въ семь часовъ догадались, что намъ нечего будетъ ѣсть. Когда мы пріѣхали, Мишель сдѣлалъ видъ, что уже пересталъ ждать насъ, солгавъ очень неловко и, преслѣдуемый нашими насмѣшками, сидѣлъ за обѣдомъ совсѣмъ смущенный; обѣдъ принесли изъ клуба около десяти часовъ вечера. Я соблазнилась серебряными вызолоченными бокалами и выпила ихъ два, послѣ чего похорошѣла, и языкъ мой развязался настолько, что я оживилась. Впрочемъ, я оживлена уже съ утра.

Планъ отца не удался; всѣ тѣ, къ которымъ онъ хотѣлъ везти меня, разъѣхались. Когда Мишель ушелъ, мы говорили о глупости Грица.

— Какъ онъ глупъ!—воскликнула я.—Нѣтъ, подумайте только! Съ моими честолюбивыми планами, съ моимъ образованіемъ, выйти замужъ за г-на М...!

— Гмъ... — сказалъ отецъ,—да, онъ, конечно, глупъ.— И онъ смотрѣлъ на меня, не зная, принять ли ему презрительный видъ или высказать свою мысль, которая навѣрно была слѣдующая: «М... желательная партія, даже для тебя».

А теперь я лягу спать въ постель, сдѣланную самимъ г-мъ княземъ.

— Онъ сдѣлалъ постель!—восклицала Амалія. Un principe! Dio! Точно для королевы!

Я сейчасъ слышала пронзительные крики. Это кричитъ Амалія, потому что Поль открылъ окно въ галлерею и смотритъ, какъ она купается. Каковъ мальчикъ! Паша и князь уже давно спятъ.

На столѣ едва помѣщается тетрадь, — онъ заставленъ флаконами, коробочками для пудры, щетками, саше и т. д.

Внѣ себя отъ радости, что я сумѣла завоевать отца, я восклицаю: только грубые люди могутъ не любить меня и только подлецы могутъ любить меня не такъ, какъ слѣдуетъ.

Вторникъ, 12 сентября (31 авг.). Провести день въ Полтавѣ! Это невѣроятно! Не зная, что дѣлать, отецъ повелъ меня пѣшкомъ по городу, и мы видѣли колонну Петра Великаго, которая стоитъ среди сада.

Въ понедѣльникъ ночью уѣхали изъ Полтавы, а сегодня мы въ Харьковѣ. Путешествіе было веселое! мы завладѣли цѣлымъ вагономъ.

Около Харькова меня разбудили букетомъ отъ князя Мишеля.

Харьковъ — большой городъ и освѣщается газомъ. Гостиница, въ которой мы остановились, называется «Большой гостиницей» и оправдываетъ свое названіе. Содержатель ея Андріе. Домъ представляетъ всѣ удобства; впрочемъ, здѣсь всегда ужинаетъ, завтракаетъ, обѣдаетъ золотая молодежь, обращаясь съ содержателемъ гостиницы, какъ съ равнымъ; но онъ не забывается, вотъ что меня удивляетъ. Странные здѣсь нравы!

Меня причесалъ Луи, другой французскій живодеръ.

Потомъ пили чай съ пряниками...

Ахъ, да! я была въ звѣринцѣ; видъ этихъ бѣдныхъ животныхъ въ клѣткахъ разстроилъ меня.

Я видѣлась съ дядей Н—ъ, младшимъ въ семьѣ, который дѣлаетъ видъ, что занимается медициной. Бѣдный дядя когда-то помогалъ мнѣ играть въ куклы, я била его и дергала за уши.

Я поцѣловала его и чуть не заплакала. — Войди, безъ церемоній, — сказала я ему.— Папа тебя не любитъ, но я люблю тебя отъ души. Я все та-же, только немного побольше, вотъ и все. Милый Nicolas, я не оставляю тебя завтракать: я не одна, тутъ много чужихъ, но приходи завтра, непремѣнно.

Я пришла въ отдѣльную, только что отдѣланную, столовую.

— Сердиться не на что, — сказалъ отецъ. — Если бы ты хотѣла, ты пригласила бы его, а я ушелъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ.

— Папá, вы не добры сегодня, и нечего объ этомъ больше говорить, довольно!

Четвергъ, 2 (14-го) сентября. Говорили о намѣреніи Паши уѣхать, пока тотъ ходилъ взадъ и впередъ и пересматривалъ ружья, такъ какъ онъ «охотникъ передъ Господомъ», какъ Нимвродъ. Отецъ просилъ его остаться, но разъ этотъ упрямый человѣкъ сказалъ «нѣтъ!», то не измѣнитъ слова ни за что на свѣтѣ.

За его молодость и мечтательность я прозвала его «зеленымъ человѣкомъ». Скажу безъ обиняковъ, такъ какъ увѣрена въ этомъ: «зеленый человѣкъ» считаетъ меня лучшимъ существомъ въ мірѣ. Я сказала ему, чтобы онъ остался.

— Не просите меня остаться, умоляю васъ, потому что я не могу васъ послушаться.

Мои просьбы были напрасны, но мнѣ пріятно бы было удержать его, особенно потому, что я знала, что это невозможно.

На станціи мы встрѣтились съ тетей Лелей, его матерью, и съ дядей Николаемъ, которые пришли проводить меня.

Толпа была огромная, по случаю отъѣзда 57-ми волонтеровъ въ Сербію. Я бѣгала по станціи то съ Полемъ, то съ Мишелемъ, съ тетей, съ Пашей, съ каждымъ поочередно.

— Право, Паша не любезенъ,—сказала тетя Леля, услыхавъ, въ чемъ дѣло.

Тогда, стараясь не смѣяться, я подошла къ Пашѣ и прочла ему внушеніе сухимъ и оскорбленнымъ тономъ, но такъ какъ у него были слезы на глазахъ, а я боялась разсмѣяться, то я ушла, чтобы не нарушить смѣхомъ произведеннаго впечатлѣнія.

Трудно было двигаться, и мы добрались до нашего отдѣленія.

Мнѣ пріятно было видѣть толпу послѣ деревни, и я подошла къ окну. Давка, крикъ... но вдругъ меня поразили молодые мужскіе голоса, которые лучше и чище женскихъ. Они пѣли церковную пѣснь, и могло показаться, что это хоръ ангеловъ. Это были архіерейскіе пѣвчіе, пѣвшіе на молебнѣ за волонтеровъ.

Всѣ обнажили головы, и у меня захватило дыханіе отъ этихъ звучныхъ голосовъ и этой божественной гармоніи. Когда молебенъ кончился, я увидѣла, какъ всѣ машутъ шляпами, платками, руками, и съ блестящими отъ одушевленія глазами, тяжело дыша, я могла только прокричать: ура! какъ кричали другіе, и плакать, и смѣяться.

Крики продолжались нѣсколько минутъ и замолкли только тогда, когда тотъ же хоръ запѣлъ «Боже, царя храни».

Но молитва за Государя показалась безсодержательной послѣ молитвы за тѣхъ, которые шли умирать и спасать своихъ братьевъ.

И Государь оставляетъ въ покоѣ турокъ! Боже!

Поѣздъ тронулся среди неистовыхъ «ура»!

Я обернулась и увидѣла Мишеля, который смѣялся, и папа́, который кричалъ: Дуракъ. Это вмѣсто того, чтобы кричать «ура»!

— Папа́, Мишель! Да какъ же можно! Кричите же! Изъ чего вы созданы, Господи!

— Вы не прощаетесь со мною? — спросилъ Паша, не перемѣнившій своего рѣшенія и весь красный.

Поѣздъ уже тронулся.

— До свиданія, Паша, — сказала я, протягивая ему руку, которую онъ схватилъ и молча поцѣловалъ.

Мишель играетъ роль ревниваго и влюбленнаго. Я наблюдаю за нимъ, когда онъ слишкомъ долго на меня смотритъ, потомъ броситъ свою шляпу и уйдетъ взбѣшенный. Я наблюдаю за нимъ и смѣюсь.

Вотъ я снова въ Полтавѣ, въ этомъ гадкомъ городѣ. Харьковъ болѣе знакомъ мнѣ: я провела тамъ цѣлый годъ передъ отъѣздомъ въ Вѣну. Я помню еще всѣ улицы, всѣ магазины и сегодня на станціи узнала даже доктора, который лѣчилъ бабушку. Я подошла къ нему и говорила съ нимъ.

Онъ былъ удивленъ, увидѣвъ меня взрослою, хотя дядя Николай уже обращался ко мнѣ при немъ.

Мнѣ хочется вернуться **туда**. «Ты знаешь край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ?». Не въ Ниццу, а въ Италію.

Пятница 15 (3) сентября. Сегодня утромъ Поль привелъ ко мнѣ маленькаго Степу, сына дяди Александра. Въ первую минуту я его не узнала. Я не обратила вниманія на большее или меньшее удовольствіе, которое доставило отцу присутствіе одного изъ Бабаниныхъ, и занялась миленькимъ мальчикомъ.

Наконецъ, отецъ поѣхалъ со мною къ полтавской знати.

Прежде всего, мы были у губернаторши. Губернаторша — свѣтская женщина, очень любезная, что можно сказать и о губернаторѣ. У него было «собраніе», но онъ вышелъ въ гостиную и сказалъ отцу, что никакое собраніе не можетъ помѣшать ему посмотрѣть на такую очаровательную барышню.

Губернаторша проводила насъ въ переднюю, и мы отправились къ другимъ порядочнымъ людямъ.

Мы были у вице-губернатора, у начальницы «института для благородныхъ дѣвицъ», у m-me Волковысской, дочери Кочубея. Потомъ я взяла извозчика и отправилась къ дядѣ Александру, который здѣсь въ гостиницѣ съ женой и дѣтьми.

Ахъ! какъ хорошо быть у своихъ! Не боишься ни критики, ни сплетенъ... Можетъ быть, семья отца кажется мнѣ холодной и злой по сравненію съ нашей, гдѣ всѣ замѣчательно дружны, согласны и любятъ другъ друга.

Въ разговорахъ о дѣлахъ, о любви, о сплетняхъ я провела очень пріятно два часа, по прошествіи которыхъ ко мнѣ на-

чали являться посланные отъ отца. Но такъ какъ я отвѣчала, что еще не расположена уѣзжать, то онъ пріѣхалъ самъ, и я промучала его еще полчаса, копалась, искала булавокъ, мой платокъ и т. д.

Наконецъ мы уѣхали, и, когда мнѣ показалось, что онъ успокоился, я сказала:

— Мы сдѣлали большое невѣжество.

— Какое?

— Мы были у всѣхъ, кромѣ m-me M..., которая знаетъ maman и знала меня ребенкомъ.

Послѣдовалъ цѣлый разговоръ, окончившійся отказомъ.

Когда губернаторъ спросилъ меня, сколько времени я пробуду у отца, я сказала, что надѣюсь увезти его съ собою.

— Ты слышала, что сказалъ губернаторъ, когда ты сказала, что собираешься увезти меня? — спросилъ мой славный родитель.

— А что?

Онъ сказалъ, что на это нужно разрѣшеніе министра, какъ предводителя дворянства.

— Ну такъ хлопочите скорѣе, чтобы ничто не могло задержать насъ.

— Хорошо.

— Такъ вы ѣдете со мною?

— Да.

— Серьезно?

— Да.

Было болѣе восьми часовъ, въ каретѣ было темно, и я могла говорить, не боясь вмѣшательства моего несноснаго лица.

Суббота, 16 (4) сентября. Я все еще продолжаю быть довольной; похвалы губернатора и губернаторши еще возвысили меня въ глазахъ отца.

Впечатлѣніе, производимое мною, льститъ его самолюбію; я и сама не сержусь на то, что говорятъ: «Вы знаете, дочь Башкирцева замѣчательная красавица». (Эти бѣдные дураки ничего, значитъ, не видали!).

Гавронцы. — Воскресенье, 17 сентября. Въ ожиданіи моей будущей извѣстности, я хожу на охоту въ мужскомъ платьѣ, съ ягташемъ черезъ плечо.

Мы отправились въ шарабанѣ — отецъ, Поль, князь и я, около двухъ часовъ.

Теперь я въ состояніи описывать, не зная даже названія

всѣхъ предметовъ охоты; ежевика, тростникъ, трава, лѣсъ такой густой, что едва можно было проѣхать, вѣтки, хлеставшія насъ по лицу со всѣхъ сторонъ, чудесный чистый воздухъ и мелкій дождикъ, очень пріятный для охотниковъ..., которымъ жарко.

Мы бродили, бродили, бродили.

Я обошла съ заряженнымъ ружьемъ вокругъ маленькаго озера, готовясь выстрѣлить, если вылетитъ утка. Но... ничего! Я уже хотѣла выстрѣлить въ ящерицъ, которыя прыгали у меня подъ ногами, или въ Мишеля, который шелъ за мною, не спуская съ меня глазъ: я была въ мужскомъ костюмѣ, и это возбуждало въ немъ самыя преступныя мысли.

Я нашла золотую середину, ту золотую середину, которой никакъ не можетъ найти Франція: я убила наповалъ ворону, сидѣвшую на верхушкѣ дуба и ничего не подозрѣвавшую, тѣмъ болѣе, что отецъ и Мишель, лежавшіе на лужайкѣ, привлекли ея вниманіе.

Я вырвала перья изъ ея хвоста и сдѣлала себѣ хохолокъ.

Другіе даже ни разу не стрѣляли, а только шли впередъ.

Поль убилъ дрозда, и тѣмъ охота и кончилась.

Мать, думающая, что ребенокъ ея умеръ и умеръ по ея же винѣ, не увѣренная въ его смерти и не рѣшающаяся ничего сказать, боясь въ ней убѣдиться, — вдругъ опять находитъ этого оплакиваемаго ребенка, причинившаго столько горя, столько сомнѣній и страданій... Эта мать должна быть счастлива. Мнѣ кажется, что она должна чувствовать то, что переживаю я, когда у меня послѣ хрипоты возвращается голосъ.

Посмѣявшись въ гостиной, я остановилась на минуту и вдругъ почувствовала, что **могу** пѣть.

Я этимъ обязана лѣкарству доктора Валицкаго.

Вторникъ, 19 сентября. Меня раздражаютъ постоянные оскорбительные намеки на моихъ и невозможность обижаться. Я бы сумѣла зажать ротъ отцу, если бы не было этого опасенія потерять мое средство... Онъ добръ ко мнѣ... Съ моей стороны очень мило повторять это. Какъ могъ бы онъ относиться иначе къ умной, образованной, милой, кроткой и доброй дочери (я здѣсь такая — онъ самъ это говоритъ), которая ничего у него не проситъ, пріѣхала къ нему изъ любезности и всѣми способами льститъ его тщеславію.

Придя въ мою комнату, я почувствовала желаніе броситься на землю и плакать, но я сдержалась, и это прошло. Я

всегда такъ буду поступать. Нельзя допускать, чтобы люди, вамъ безразличные, могли заставить васъ страдать. Страданіе меня всегда унижаетъ; мнѣ противно думать, что тотъ или другой могъ меня оскорбить.

И все-таки жизнь лучше всего на свѣтѣ!

Пятница, 22 сентября. Съ меня положительно довольно такой жизни! Деревня дѣйствуетъ на меня одуряющимъ, притупляющимъ образомъ. Я сказала это отцу; а когда я сказала ему, что желаю выйти замужъ за короля, онъ сталъ мнѣ доказывать, что это невозможно, и снова началъ свои насмѣшки надъ моею семьею. Я ему не вторила (можно говорить самому извѣстныя вещи, но невозможно позволять, чтобы ихъ говорили другіе).

Я сказала, что все это выдумки его сестры Т... Я не щажу ее, эту тетку, и употребила вѣрное средство, чтобы пошатнуть ея вліяніе.

О, Римъ, Пинчіо, возвышающійся какъ островъ среди Кампаньи, пересѣкаемой водопроводами, ворота del Populo, обелискъ, церкви кардинала Гастоло по обѣ стороны Корсо, дворецъ венеціанской республики, эти темныя, узкія улицы, эти дворцы, почернѣвшіе отъ времени, развалины небольшого храма Минервы и наконецъ Колизей!.. Мнѣ кажется, что я вижу все это. Я закрываю глаза и мысленно проѣзжаю по городу, посѣщаю развалины, вижу...

Я противоположна тѣмъ людямъ, которые говорятъ: съ глазъ долой — изъ сердца вонъ. Исчезнувъ съ глазъ моихъ, предметъ получаетъ двойное значеніе: я его разбираю, восхищаюсь имъ, люблю его.

Я много путешествовала, много видала городовъ, но только два изъ нихъ привели меня въ восторгъ.

Первый — Баденъ-Баденъ, гдѣ я пробыла два лѣта ребенкомъ; я еще помню эти очаровательные сады. Второй — Римъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе, но болѣе сильное, если только это возможно.

Нѣкоторыхъ людей сначала не любишь, но чувство къ нимъ понемногу усиливается; то же и съ Римомъ. Такія привязанности прочны, полны нѣжности и не лишены страсти.

Я люблю Римъ, одинъ только Римъ! А соборъ св. Петра? Соборъ св. Петра, когда падаетъ сверху лучъ солнца, и тѣни ложатся такъ же правильно, какъ сама архитектура ко-

лоннъ и алтарей! Лучъ солнца, создающій среди этого мраморнаго храма храмъ свѣта!..

Закрывъ глаза, я переношусь въ Римъ... Но теперь ночь, а завтра пріѣдутъ полтавскіе «гиппопотамы». Нужно быть хорошенькой... и я буду хорошенькой.

Въ деревнѣ я замѣчательно поправилась; я никогда не была такой прозрачной и свѣжей.

Римъ!.. и я не поѣду въ Римъ!.. почему? Потому, что не хочу. И если бы вы знали, чего мнѣ стоитъ это рѣшеніе, вы пожалѣли бы меня. Я даже плачу...

Воскресенье, 24 сентября 1876 г. Начинаетъ становиться холодно, и я съ довольно сильнымъ неудовольствіемъ велѣла разбудить себя въ семь часовъ. Въ восемь часовъ я старалась отвоевать еще нѣсколько минутъ, а въ девять я была уже въ гостиной, въ черной бархатной шапочкѣ и въ амазонкѣ, приподнятой такъ, что видно было оружіе, вышитое на сапогахъ.

Охотники уже всѣ собрались: Каменскій, настоящій Портосъ; Волковысскій, похожій на фурію Ифигеніи въ Тавридѣ; Павелка, ужасный адвокатъ; Салько, отвратительный архитекторъ; Швабе, обладатель семнадцати охотничьихъ собакъ; Любовичъ, чиновникъ, почти такого же огромнаго роста, какъ Каменскій; господинъ, имени котораго я не знаю, отецъ, Мишель и я.

Всѣ осматривали ружья, говорили о патронахъ, пили чай и обмѣнивались пошлыми вульгарными шутками, исключая отца и нашихъ двухъ молодыхъ людей.

Я сѣла въ экипажъ съ отцомъ и нашими двумя ружьями. За нами на близкомъ разстояніи слѣдовали четыре коляски.

Знаете ли вы, какъ происходитъ охота на волка въ Россіи?

Вотъ какъ это дѣлается.

Объ охотѣ за недѣлю оповѣщаютъ общинѣ, старостѣ, чтобы онъ собралъ достаточное количество людей, но такъ какъ въ Полтавѣ ярмарка, то ихъ явилось только сто двадцать. Собралось всего человѣкъ двѣсти, и сѣти разставили на 6—8 километровъ. Князь Кочубей прислалъ свои сѣти, такъ какъ самъ не могъ пріѣхать.

Я дрожала отъ холода. Отецъ всѣхъ безъ различія размѣстилъ по обѣ стороны дороги, сосчиталъ насъ и раздѣлилъ на двѣ партіи — на вооруженныхъ и невооруженныхъ. Нашлось человѣкъ 20 съ ружьями между мужиками: другимъ

роздали багры, предназначенные для того, чтобы подлымъ образомъ убить животное, когда оно попадется въ сѣти.

Сѣти располагаются такъ, что звѣрь, преслѣдуемый криками людей, запутывается въ нихъ, сначала пробѣжавъ мимо охотниковъ, поставленныхъ въ засаду впереди.

Охота начинается. Управляющій-полякъ, верхомъ, въ клеенчатомъ колпакѣ, похожемъ по формѣ на каску, держа въ рукѣ багоръ, который то опускается до земли, то поднимается надъ его головой, ѣздитъ взадъ и впередъ въ галопъ и ничего не дѣлаетъ.

Я заряжаю ружье, поправляю мою охотничью сумку, въ которой находится носовой платокъ и пара перчатокъ, откашливаюсь, и я готова.

И вотъ я остаюсь одна въ лѣсу, съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, съ ощущеніемъ сырости въ ногахъ, насквозь проникнутая холодомъ. Мои стальные каблуки уходили въ мокрую землю, что усиливало ощущеніе холода и мѣшало ходить. Какъ вы думаете, что я дѣлала, когда осталась одна? О, это очень просто. Сначала я посмотрѣла, не видно ли чего среди деревьевъ и увидѣла сѣрое, холодное небо, потомъ я посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла высокія деревья, безъ листьевъ, а затѣмъ, замѣтивъ на землѣ шинель отца, я легла и стала думать. Тутъ я почувствовала что то теплое рядомъ со мною... оборачиваюсь... Господи! три кроткихъ и ласковыхъ собаки: большая черная собака и двѣ маленькихъ: — Жукъ I и Жукъ II.

Наконецъ я услышала выстрѣлъ; то былъ сигналъ. Раздались крики мужиковъ издалека. По мѣрѣ того, какъ они приближались, мысли мои разлетались, и когда мужики были настолько близко, что я могла чувствовать волненіе отъ приближающихся криковъ толпы, я вскочила на ноги, бросилась къ ружью и насторожила ужи. Крик все приближались: слышала, какъ ударяли баграми по вѣтвямъ, чтобы усилить шумъ. Каждую минуту мнѣ казалось, что я слышу трескъ въ кустарникѣ (волки любятъ густыя мѣста).

Крики становились сильнѣе и сильнѣе, и когда я увидѣла людей, сердце мое нервно забилось, я даже вздрогнула, — но люди никого не гнали передъ собою, сѣти были пусты: въ нихъ нашли только несчастнаго зайца, котораго великанъ Каменскій уложилъ на мѣстѣ, толкнувъ его ногой.

Всѣ поздравляли другъ друга съ общей неудачей и въ довольно веселомъ настроеніи направились къ долинѣ, гдѣ

подъ стогомъ сѣна или соломы расположились ѣсть соленые припасы и пить водку. Мужиковъ угощали жареной бараниной, пирогами и водкой. Все это кажется невѣроятнымъ и возможно только въ Россіи.

Эти добрыя полу-животныя, полу-люди съ любопытствомъ разсматривали меня — не то женщину, не то мужчину, или скорѣе женщину, которая улыбалась имъ во весь ротъ. Отецъ говорилъ съ ними о законахъ, касающихся лошадей. Я думала, что онъ говоритъ съ ними о Сербіи.

Отдохнувъ, мы опять углубились въ лѣсъ, но такъ какъ вмѣсто волковъ загоняли зайцевъ, пряишлось ходить, ходить, ходить, слѣдовать за двадцатью девятью собаками, за которыми шелъ охотникъ, присланный вчера княземъ Кочубеемъ.

Показалось солнце, и я бы развеселилась, если бы сырость не смѣнилась усталостью. Пряоходивъ два часа, мы не видѣли даже заячьяго хвоста. Это вывело меня изъ себя и, отыскавъ нашу коляску, я возвратилась съ отцомъ, «al paternotetto». Я приказала натереть себя духами, одѣлась и сошла внизъ къ друзьямъ, которые принесли трехъ зайцевъ. Я была очаровательно красива (говоря относительно, насколько я могу быть красивой), но совсѣмъ напрасно; ни одинъ изъ этихъ уродовъ не похожъ на человѣка.

Съ крестьянами я разговорчива и держу себя просто; съ равными мнѣ по образованію я довольно мила кажется, но съ этими олухами! Во избѣжаніе разговоровъ съ ними, я начала играть въ карты и проиграла около сотни франковъ великану.

Сѣли играть опять а я пошла въ библіотеку писать письмо въ Петербургъ лошадиному барышнику. Какъ будто имѣя на то причину, князь послѣдовалъ за мною, попросилъ позволенія поцѣловать мнѣ руку, которую я дала ему даже безъ особеннаго отвращенія, посмотрѣлъ на меня, вздохнулъ и спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ.

— Шестнадцать.

— Когда вамъ будетъ двадцать пять, я буду за вами ухаживать.

— Очень хорошо.

— И тогда вы оттолкнете меня, какъ теперь.

Этотъ блестящій день закончился концертомъ на лѣстницѣ. Мой голосъ, т. е. половина моего голоса, изумилъ ихъ, но мнѣ кажется, что они въ этомъ ничего не понимаютъ и восхищаются на-удачу.

Понедѣльникъ, 23 сентября. Отецъ позвалъ меня въ галлерею посмотрѣть на деревенскихъ новобрачныхъ, которые пришли къ отцу съ поклономъ. Свадьба была вчера. Мужъ одѣтъ, какъ обыкновенно: сапоги до колѣнъ, темныя шаровары и свита, родъ верхняго платья, собраннаго у пояса, изъ коричневаго крестьянскаго сукна; отъ вышитой рубашки видна только грудь, на мѣстѣ петлицы — цвѣтной бантъ.

Женщина въ юбкѣ и въ «корсеткѣ», похожей на мужской жилетъ, но изъ болѣе свѣтлой матеріи. Голова ея не убрана, какъ у дѣвушекъ, цвѣтами и лентами, а повязана шелковымъ платкомъ, такъ что закрыты волосы и даже весь лобъ, а уши и шея открыты.

Они вошли въ гостиную вмѣстѣ съ дружками, дѣвушками и сватами.

Мужъ и жена трижды поклонились отцу въ ноги.

Среда, 27 сентября. Я говорю съ отцомъ въ шутливомъ тонѣ и потому могу говорить все. Моя послѣдняя фраза третьяго дня его оскорбила.

Онъ жалуется, говоритъ, что велъ безумную жизнь, что онъ веселился, но что ему чего-то не хватаетъ, что онъ несчастливъ...

— Въ кого же ты влюбленъ? — спросила я въ насмѣшку надъ его вздохомъ.

— Ты хочешь знать это?

И онъ покраснѣлъ такъ, что захватилъ руками свою голову, чтобы скрыть свое лицо.

— Я хочу, скажи!

— Въ maman.

Голосъ его дрожалъ, и я взволновалась до того, что громко засмѣялась, чтобы скрыть свое волненіе.

— Я зналъ, что ты не поймешь меня! — вскричалъ онъ.

— Извини, но эта супружеско-романическая страсть такъ мало на тебя похожа.

— Потому что ты меня не знаешь! Но клянусь тебѣ, клянусь, что это правда, передъ образомъ, передъ этимъ крестомъ, благословеніемъ моего отца! и онъ перекрестился на образъ и крестъ, висящій надъ постелью.

— Можетъ быть, это потому, что я представляю ее себѣ молодою, какъ тогда, что въ воображеніи я вижу прошедшимъ. Когда насъ разлучили, я былъ какъ сумасшедшій, я пѣшкомъ ходилъ къ Ахтырской Божіей Матери; но говорятъ,

что она приноситъ несчастье, и это правда, такъ какъ потомъ все еще больше запуталось. И потомъ... сказать ли... ты будешь смѣяться... Когда вы жили въ Харьковѣ, я ѣздилъ туда тайкомъ одинъ, бралъ извозчика и цѣлый день ждалъ у вашего дома, чтобы видѣть, какъ она выйдетъ, и потомъ возвращался, никѣмъ не замѣченный.

— Если это правда, это очень трогательно.

— Скажи мнѣ, такъ какъ мы уже заговорили о maman. У нея... у нея нѣтъ ко мнѣ отвращенія?

— Отвращенія? Да почему же? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

— Иногда... бываютъ... такія непреодолимыя антипатіи.

— Да нѣтъ же, нѣтъ.

Однимъ словомъ, мы долго говорили объ этомъ.

Я говорила о ней, какъ о святой, какою помню ее съ тѣхъ поръ, какъ поняла ея положеніе.

Было поздно, я пошла спать. У себя я бы поужинала, читала, писала.

Сегодня въ восемь часовъ утра мы должны были уѣхать въ Полтаву, но явилась Елена К., мать Паши, горбатая, очень любезная, немного аффектированная.

Мы вмѣстѣ пили чай и потомъ уѣхали. Отцу моему нужно быть въ городѣ для предсѣдательства.

Холодно, по временамъ идетъ дождь. Гуляя, я зашла къ фотографу; я снялась крестьянкой, стоя, сидя, въ лежачемъ положеніи, какъ будто спящей.

Мы встрѣтили Г.

— Вы видѣли мою дочь? — спросилъ отецъ.

— Да, я видѣлъ ее...

— Лучше не найдешь, неправда ли? И нѣтъ, и не было подобной ей.

— Извините, были въ тѣ времена, когда существовалъ Олимпъ.

— Я вижу, что вы умѣете говорить комплименты.

Этотъ господинъ довольно дуренъ собою, довольно черноволосъ, довольно порядочный, довольно свѣтскій, немного авантюристъ, игрокъ и довольно честный человѣкъ. Въ Полтавѣ его считаютъ самымъ образованнымъ и порядочнымъ человѣкомъ.

При первомъ морозѣ я надѣла мою зимнюю шубу; она была уложена и еще сохранила тотъ запахъ, какой имѣла въ Римѣ, и этотъ запахъ, этотъ мѣхъ!..

Замѣтили ли вы, что для того, чтобы перенестись въ какое-нибудь мѣсто, достаточно вспомнить запахъ, воздухъ, цвѣтъ?.. Провести зиму въ Парижѣ? О! нѣтъ!..

Четвергъ, 28 сентября. Я плачу отъ скуки; мнѣ хочется уѣхать, я здѣсь чувствую себя несчастной, теряю время, жизнь, страдаю и раздражена до послѣдней степени.

Эта жизнь меня измучила. Господи Іисусе Христе, избавь меня отъ этой муки!

Пятница, 29 сентября. Вчера я была въ отчаяніи: мнѣ казалось, что я на всю жизнь заключена въ Россіи; это приводило меня въ неистовство, я готова была лѣзть на стѣну и горько плакала.

Мать Паши стѣсняетъ меня. Почему? Потому что она сказала нѣсколько фразъ, по которымъ я вижу, въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ ея сынъ говорилъ съ нею обо мнѣ. Когда же я стала настаивать на томъ, чтобы она уговорила его пріѣхать, она отвѣтила полушутя, полусерьезно:

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ останется тамъ. Тебѣ здѣсь скучно, тебѣ нечего дѣлать, и ты его мучишь; онъ пріѣхалъ ко мнѣ совсѣмъ разсѣянный и измученный.

На это я отвѣчала съ большой сдержанностью:

— Я не считаю Пашу такимъ человѣкомъ, который можетъ оскорбляться дружелюбными шутками. Я шучу и немножко дразню его потому, что онъ мнѣ близкій родственникъ, почти братъ.

Она долго смотрѣла на меня и сказала:

— Знаете, въ чемъ состоитъ верхъ сумасшествія?

— Нѣтъ.

— Въ томъ, чтобы влюбиться въ Мусю.

Инстинктивно связывая эту фразу съ другими, я краснѣю до ушей.

Воскресенье, 1 октября. Мы были у князя Сергѣя Кочубея.

Отецъ одѣлся отлично, даже надѣлъ слишкомъ свѣтлыя перчатки.

— Я была въ бѣломъ, какъ на скачкахъ въ Неаполѣ, только шляпа была въ черныхъ перьяхъ и такого фасона, который въ Россіи признанъ образцомъ хорошаго тона. Я не люблю этого фасона, но онъ подходитъ къ случаю.

Имѣніе князя въ 8-ми верстахъ отъ Гавронцевъ — это

знаменитая Диканька, воспѣтая Пушкинымъ вмѣстѣ съ любовью Мазепы и Маріи Кочубей.

Особенно хорошо устроено было имѣніе княземъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, великимъ канцлеромъ имперіи, замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, отцомъ нынѣшняго князя.

По красотѣ сада, парка, строеній, Диканька можетъ соперничать съ виллами Боргезе и Доріа въ Римѣ. Исключая неподражаемыя и незамѣнимыя развалины, Диканька, пожалуй, даже богаче, это почти городокъ. Я не считаю крестьянскихъ избъ, а говорю только о домѣ и службахъ. И это среди Малороссіи! Какъ жаль, что даже не подозрѣваютъ о существованіи этого мѣста. Тамъ нѣсколько дворовъ, конюшенъ, фабрикъ, машинъ, мастерскихъ. У князя манія строить, фабриковать, отдѣлывать. Но лишь только войдешь въ домъ, всякое сходство съ Италіей исчезаетъ. Передняя убрана бѣдно въ сравненіи съ остальными комнатами, и вы входите въ прекрасный барскій домъ: этого блеска, этого величія, этого божественнаго искусства, которое приводитъ васъ въ восторгъ въ дворцахъ Италіи, нѣтъ и слѣда.

Князь — человѣкъ лѣтъ 50—55-ти, овдовѣвшій, кажется, года два тому назадъ. Это типичный русскій вельможа, одинъ изъ людей стараго времени, на которыхъ уже начинаютъ смотрѣть, какъ на существа иного рода, чѣмъ мы сами.

Его манеры и разговоръ сначала смутили меня, такъ какъ я успѣла уже отвыкнуть отъ общества, но черезъ пять минутъ я была очень довольна.

Онъ повелъ меня подъ руку показать свои лучшія картины черезъ всѣ залы. Столовая великолѣпна. Я сѣла на почетное мѣсто направо, налѣво — князь и отецъ. Дальше сѣло нѣсколько человѣкъ, которые не были представлены и скромно заняли свои мѣста, — точно средневѣковые ленники.

Все шло отлично, но вдругъ у меня закружилась голова; я встала изъ-за стола, впрочемъ, когда уже кончили.

Войдя въ мавританскую гостиную, я сѣла, и мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Мнѣ показывали картины, статуэтки, портретъ князя Василія и его забрызганную кровью рубашку, висящую въ шкапу, къ которому портретъ служилъ дверцой. Насъ повели смотрѣть лошадей, но я ничего не видѣла, и мы должны были уѣхать.

Суббота, 14 октября. Я получила изъ Парижа платья. Одѣвшись, я вышла гулять съ Полемъ.

Полтава болѣе интересный городъ, чѣмъ думаютъ. Прежде всего достойна вниманія маленькая церковь Петра Великаго. Она деревянная, и для сохраненія ея сдѣланы снаружи стѣны изъ кирпичей, — между ними и стѣнами церкви свободно помѣщается человѣкъ.

Рядомъ съ церковью находится колонна на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ государь, выигравъ битву 1709 года, отдыхалъ, сидя на камнѣ. Колонна вылита изъ бронзы.

Я вошла въ старую деревянную церковь, стала на колѣни и три раза поклонилась въ землю. Говорятъ, что если молиться такъ въ церкви, гдѣ находишься въ первый разъ, то сбудется то, о чемъ молишься.

Продолжая осматривать достопримѣчательности, я отправилась въ большой полтавскій монастырь.

Онъ стоитъ на вершинѣ второго холма. Полтава построена на двухъ холмахъ.

Тамъ замѣчателенъ только деревянный иконостасъ, удивительной рѣзной работы.

Тутъ же похороненъ мой прадѣдъ, отецъ дѣдушки Бабанина; я поклонилась его могилѣ.

Вторникъ, 17 октября. Мы играли въ крокетъ.

— Паша, что вы бы сдѣлали съ человѣкомъ, который бы меня оскорбилъ, смертельно оскорбилъ?

— Я бы убилъ его, — отвѣтилъ онъ просто.

— У васъ прекрасная слова на языкѣ!!! Но вы смѣетесь, Паша.

— А вы?

Онъ называетъ меня бѣсомъ, ураганомъ, демономъ, бурей... Все это со вчерашняго дня.

Я только тогда становлюсь болѣе спокойной, когда выражаю противорѣчивыя мнѣнія о любви.

У моего двоюроднаго брата замѣчательно широкіе взгляды, и Данте могъ бы позаимствоваться у него божественною любовью къ Беатриче.

— Я, конечно, влюблюсь, но не женюсь, — сказалъ онъ.

— Вѣдь за такія рѣчи стоитъ высѣчь человѣка!

— Потому, — продолжалъ онъ, — что я бы желалъ, чтобы любовь моя длилась вѣчно, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, сохраняя божественную чистоту и силу. Бракъ уничтожаетъ любовь именно потому, что даетъ ее.

— О! о! — сказала я.

— Отлично! — замѣтила его мать, пока нелюдимый ораторъ краснѣлъ, смущенный собственными словами.

А въ это время я смотрѣлась въ зеркало и подрѣзала волосы на лбу, сдѣлавшіеся слишкомъ длинными.

—Вотъ вамъ, — сказала я Пашѣ, бросая ему прядь золотистыхъ нитей, — я даю вамъ это на память.

Онъ не только взялъ ихъ, но даже голосъ у него задрожалъ; а когда я хотѣла отнять, онъ такъ уморительно посмотрѣлъ на меня, какъ смотритъ ребенокъ, завладѣвшій игрушкой, которая кажется ему сокровищемъ.

Я дала ему читать «Коринну», и онъ ушелъ. Коринна и лордъ Мельвиль пѣшкомъ переходятъ черезъ мостъ св. Ангела... «Когда я переходилъ черезъ этотъ мостъ, — говоритъ лордъ Мельвиль, возвращаясь изъ Капитоліи, — я въ первый разъ долго думалъ о васъ». Я не знаю, что есть особеннаго въ этой фразѣ... но я буквально замерла, прочитавъ ее вчера вечеромъ. Впрочемъ, я всегда бываю такъ поражена, когда прочитываю ее.

Не говорили ли и мнѣ чего-нибудь подобнаго? Въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ заключается какая-то волшебная сила, можетъ быть, это ихъ простота? или же это ассоціація?

Пятница, 20 октября. Въ восемь часовъ утра, въ сѣрую погоду, мы уже отправились на охоту. Земля была покрыта легкимъ слоемъ снѣга, какъ лицо m-me Б. пудрой. Мишель привелъ свою стаю борзыхъ собакъ. Какъ только мы выѣхали въ поле, я сѣла верхомъ, не снимая шубки, которую я перевязала вокругъ таліи ремнемъ; мнѣ дали держать трехъ собакъ.

Иней, снѣгъ, лошади, острыя мордочки борзыхъ собакъ: все это радовало меня; я торжествовала.

Паша тоже ѣхалъ верхомъ и былъ очень любезенъ, что къ нему совсѣмъ не идетъ и смущаетъ меня. Но этими перемѣнами настроенія нельзя пренебрегать.

— Паша, есть одна личность, которая меня страшно стѣсняетъ (успокойтесь, это не тетя Т...), и мнѣ хотѣлось бы избавиться отъ этой личности приличнымъ образомъ.

— Хорошо, располагайте мною.

— Правда?

— Попытайтесь.

— Четное слово? и вы ничего не скажете?

— Честное слово, никому ничего...

Благодаря нѣсколькимъ словамъ, которыми мы обмѣнялись, между мною и «зеленымъ человѣкомъ» установилась извѣстнаго рода связь.

Мы иногда говоримъ между собою шопотомъ, по-англійски, въ отсутствіе его матери.

Паша пытался продолжать быть любезнымъ. Но я дала ему поцѣловать обѣ мои руки, прочесть стихотвореніе Виктора Гюго и вообще обращаюсь съ нимъ, какъ съ братомъ, что онъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Понедѣльникъ, 23 октября. Вчера, усѣвшись въ карету, запряженную шестерней, мы уѣхали въ Полтаву.

Переѣздъ былъ веселый. Слезы въ часъ отъѣзда изъ родительскаго дома вызвали всеобщія изліянія, а Паша воскликнулъ, что влюбленъ безумно.

— Клянусь, что это правда, но не скажу, въ кого.

— Если вы влюблены не въ меня, — воскликнула я, то я васъ проклинаю.

Моимъ ногамъ было холодно, онъ снялъ свою шубу и покрылъ мнѣ ноги.

— Паша, побожитесь, что скажете мнѣ правду.

— Клянусь!

— Въ кого вы влюблены?

— Зачѣмъ?

— Мнѣ это интересно, мы родственники, я любопытна и потомъ... это меня забавляетъ.

— Видите, это васъ **забавляетъ!**

— Конечно, но не понимайте меня въ дурномъ смыслѣ; я интересуюсь вами и вы хорошій человѣкъ.

— Вы смѣетесь, а потомъ будете насмѣхаться надо мною.

— Вотъ вамъ моя рука и мое слово, что я не смѣюсь.

Но лицо мое смѣялось.

— Въ кого вы влюблены?

— Въ васъ.

— Правда?

— Честное слово! Я никогда не говорю такъ, такъ говорятъ въ романахъ, и развѣ нужно падать на колѣни и говорить кучу глупостей.

— О! мой милый, вы подражаете кому-то, кого я знаю.

— Какъ хотите, Муся, а я говорю правду.

— Но это безуміе!

— Да, конечно, и это-то мнѣ и нравится! Это безнадежная любовь, а мнѣ этого и нужно. Мнѣ нужно страдать, мучиться, а потомъ... мнѣ будетъ о чемъ думать, о чемъ сожалѣть. Я буду терзаться, и въ этомъ будетъ мое счастье.

— Молодо-зелено!

— Молодо? зелено?

— Но мы братъ и сестра.

— Нѣтъ, мы двоюродные...

— Это одно и то же.

— О, нѣтъ!

Тогда я принялась дразнить моего поклонника. И всегда не тотъ, кого я ищу!

Я уѣхала съ Полемъ, отославъ Пашу въ Гавронцы. На станціи мы встрѣтили графа М..., и онъ оказалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ услугъ.

Меня разбудили на третьей станціи, и я, вся заспанная, прошла мимо графа и слышала, какъ онъ сказалъ:

— Я нарочно не засыпалъ, чтобы видѣть, какъ вы пройдете.

Меня ждали въ Черняковкѣ, но я была такъ разбита, что сейчасъ же легла спать.

Дядя Степанъ и Александръ съ женами и дѣтьми пришли ко мнѣ, когда я уже легла.

Мнѣ хочется вернуться къ моимъ! Уже здѣсь я чувствую себя лучше. Тамъ я буду спокойна.

Я видѣла мою кормилицу Марѳу.

Вторникъ, 24 октября. У меня не было дѣтства, но домъ, въ которомъ я жила ребенкомъ, мнѣ симпатиченъ, если не дорогъ. Мнѣ знакомы всѣ люди и предметы. Слуги, переходившіе отъ отца къ сыну и состарѣвшіеся въ этомъ домѣ, удивились, увидя меня такой большой, и я бы предавалась пріятнымъ воспоминаніямъ, если бы не была занята слѣдующими соображеніями.

Меня называли мухой, но я не могла выговорить **х** и горила мука. Мрачное совпаденіе.

Я видѣла во снѣ А.. въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Ниццы.

Доминика съ дочерью пріѣхали сегодня вечеромъ; я писала имъ утромъ. Долго сидѣли въ столовой, которая соединяется съ залой посредствомъ арки, безъ всякой драпировки.

Мое платье «Agrippine» имѣетъ большой успѣхъ. Я пѣла, не переставая ходить, чтобы преодолѣть этотъ страхъ, который всякій разъ охватываетъ меня, когда я начинаю пѣть.

— Къ чему писать? О чемъ мнѣ разсказывать? Я, вѣроятно, навожу отчаянную скуку... Терпѣніе!

Сикстъ V былъ только свинопасомъ, и онъ сдѣлался папой!

Будемъ писать дальше.

Тетя Лена вноситъ струю воздуха изъ Рима... Мнѣ казалось, что мы только что вернулись изъ оперы или съ Пинчіо.

Громадная библіотека дѣдушки представляетъ большой выборъ любопытныхъ и рѣдкихъ сочиненій. Я выбрала изъ нихъ нѣсколько, чтобы читать съ тетей Лелей.

Четвергъ, 26 октября. Благословляю желѣзныя дороги! Мы въ Харьковѣ, въ знаменитой гостиницѣ Андріе, и уѣхали на тридцатилѣтнихъ дѣдушкиныхъ лошадяхъ. Отъѣздъ былъ взрывомъ искренней, простой веселости. Даже дышишь иначе съ людьми, которые желаютъ вамъ только добра.

Гнѣвъ мой прошелъ, и я опять думаю о Пьетро. Въ театрѣ я не слушала пьесы и мечтала, но я въ томъ возрастѣ, когда мечтаешь о чемъ бы то ни было, лишь бы мечтать.

Ѣхать ли мнѣ въ Римъ или работать въ Парижѣ?

Россія нестерпима въ томъ видѣ, въ какомъ я вижу ее, благодаря обстоятельствамъ. Отецъ вызываетъ меня телеграммой.

Суббота, 27 октября. Вернувшись изъ Чернякова въ наше старое гнѣздо, я нашла письмо отъ папа.

Весь вечеръ дядя Александръ и жена его совѣтовали мнѣ увезти отца въ Римъ.

— Ты можешь это сдѣлать, — сказала тетя Надя, — сдѣлай: это будетъ настоящее счастье.

Я отвѣчала односложно, такъ какъ дала себѣ нѣчто въ родѣ обѣщанія не говорить объ этомъ ни съ кѣмъ.

Придя къ себѣ, я сняла одинъ за другимъ всѣ образа, оправленные въ золото и серебро. Я поставлю ихъ въ мою образную, **тамъ.**

Воскресенье, 29 (17) октября. Я сняла также картины, какъ и образа. Говорятъ, есть одна картина Веронезе, одна Дольчи, я это узнаю въ Ниццѣ. Принявшись снимать картины, я захотѣла увезти съ собою все. Дядя Александръ ка-

зался недовольнымъ, но мнѣ трудно было сдѣлать только первый шагъ, а потомъ я продолжала спокойно.

Тетя Надя попечительница сосѣднихъ школъ. Она съ удивительной энергіей взялась за дѣло просвѣщенія здѣшнихъ крестьянъ.

Сегодня утромъ я вмѣстѣ съ тетей Надей побывала въ ея школѣ, а потомъ разбирала старыя платья и раздавала ихъ направо и налѣво.

Явилась цѣлая толпа женщинъ, надо было дать что-нибудь каждой.

Вѣроятно, я больше никогда не увижу Черняковки. Я долго бродила изъ комнаты въ комнату, и это мнѣ было очень пріятно. Обыкновенно смѣются надъ людьми, для которыхъ мебель, картины составляютъ пріятныя воспоминанія, такъ что они привѣтствуютъ ихъ и видятъ друзей въ этихъ кускахъ дерева и матеріи, которые, послуживъ вамъ, пріобрѣтаютъ частицу вашей жизни и кажутся вамъ частью вашего существованія. Смѣйтесь! Самыя нѣжныя чувства всего легче обратить въ смѣшное; а гдѣ царствуетъ насмѣшка, тамъ нѣтъ мѣста нѣжнымъ чувствамъ.

Среда, 1 ноября. Когда Поль вышелъ, я осталась наединѣ съ этимъ честнымъ и чудеснымъ существомъ, котораго зовутъ Пашей.

— Такъ я вамъ все еще нравлюсь?

— Ахъ, Муся, какъ мнѣ говорить объ этомъ съ вами!

— Очень просто. Къ чему молчать? Почему не быть прямымъ и откровеннымъ? Я не буду смѣяться; когда я смѣюсь, это нервы и ничего больше. Такъ я вамъ больше не нравлюсь?

— Почему?

— Потому, потому что... я сама не знаю.

— Въ этомъ нельзя отдать себѣ отчета.

— Если я вамъ не нравлюсь, вы можете это сказать — вы достаточно для того откровенны, а я достаточно равнодушна. Скажите, что именно, — носъ? или глаза?

— Видно, что вы никогда не любили.

— Почему?

— Потому что съ той минуты, когда начинаешь разбирать черты, когда носъ находишь лучше глазъ, а глаза лучше рта... это значитъ, что уже больше не любишь.

— Это совершенно вѣрно. Кто вамъ это сказалъ?

— Никто.

— Улиссъ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не знаю, что въ васъ мнѣ нравится... скажу вамъ откровенно: вашъ видъ, ваши манеры, особенно вашъ характеръ.

— Что же, у меня хорошій характеръ?

— Да, если бы вы только не играли комедіи, чего невозможно дѣлать всегда.

— И это правда... А мое лицо?

— Есть красота, которую называютъ классической.

— Да, мы это знаемъ. Далѣе?

— Далѣе, есть женщины, которыя проходятъ мимо насъ, которыхъ называютъ красивыми и о которыхъ потомъ не думаешь... Но есть лица и красивыя и очаровательныя... которыя оставляютъ впечатлѣніе надолго, возбуждаютъ чувство пріятное... прелестное.

— Отлично... а потомъ?

— Какъ вы меня допрашиваете?

Я пользуюсь случаемъ, чтобы узнать немножко, что обо мнѣ думаютъ; я не скоро встрѣчу другого, кого мнѣ можно будетъ такъ допрашивать, не компрометируя себя.

— И какъ явилось у васъ это чувство — вдругъ или мало-по-малу?

— Мало-по-малу.

— Гмъ... Гмъ...

— Это лучше, это прочнѣе. Что полюбишь въ одинъ день, то въ одинъ день и разлюбишь.

Разговоръ длился еще долго, и я почувствовала уваженіе къ этому человѣку, для котораго любовь — религія и который никогда не замаралъ ее ни словомъ, ни взглядомъ.

— Вы любите говорить о любви? — спросила я вдругъ.

— Нѣтъ: равнодушно говорить о ней святотатство.

— Но это забавно.

— Забавно! — воскликнулъ онъ.

— Ахъ, Паша, жизнь ничтожность!.. А я была когда-нибудь влюблена?

— Никогда! отвѣчалъ онъ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Изъ вашего характера; вы можете любить только по капризу... Сегодня человѣка, завтра платье, послѣзавтра кошку.

— Я въ восторгѣ, когда обо мнѣ такъ думаютъ. А вы, мой милый братъ, были когда-нибудь влюблены?

— Я вамъ говорилъ. Я вамъ говорилъ, и вы знаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю не о томъ, — сказала я съ живостью, — но прежде?

— Никогда.

— Это странно. Иногда мнѣ кажется, что я ошибаюсь, и что приняла васъ за нѣчто большее, чѣмъ вы есть.

Мы говорили о безразличныхъ вещахъ, и я ушла къ себѣ. Вотъ человѣкъ... Нѣтъ, не будемъ думать, что онъ прекрасный — разочарованіе было-бы слишкомъ непріятно. Онъ признался мнѣ, что будетъ солдатомъ.

— Для того, чтобы прославиться, говорю откровенно. И эта фраза, сказанная изъ глубины сердца полузастѣнчиво и полусмѣло, правдивая, какъ сама правда, доставила мнѣ огромное удовольствіе. Я, можетъ быть, преувеличиваю свои заслуги, но мнѣ кажется, что прежде честолюбіе было ему незнакомо. Я помню, какъ его поразили мои первыя слова о честолюбіи, и когда я говорила однажды о честолюбіи во время рисованія, онъ вдругъ всталъ и началъ шагать по комнатѣ, бормоча:

— Нужно что-нибудь сдѣлать, нужно что-нибудь сдѣлать.

Четвергъ, 2 ноября. Отецъ придирается ко мнѣ изъ-за всего. Сто разъ мнѣ хочется отправить все къ черту...

Только благодаря «исторіямъ», отца можно было увезти въ Полтаву сегодня вечеромъ. Въ дворянскомъ собраніи концертъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать, чтобы показать себя, но явились препятствія безъ конца.

Недостаточно еще того, что онъ не доставилъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, удалилъ людей, которые могли бы быть мнѣ равными, не обращалъ вниманія на всѣ мои намеки и даже просьбы, касающіеся ничтожнаго любительскаго спектакля. Этого недостаточно! Послѣ трехъ мѣсяцевъ ласки, вниманія, интереса, который я доставляла, любезности, я встрѣчаю... сильное сопротивленіе тому, чтобы я ѣхала въ этотъ противный концертъ. И это еще не все: вышла исторія съ моимъ туалетомъ. Требовали, чтобы я надѣла шерстяное платье, костюмъ для гулянья. Какъ это все мелко и недостойно разумныхъ существъ!

Да и мнѣ вовсе не нуженъ былъ отецъ. Со мной были те-

тя Надя и дядя Александръ, Поль и Паша, котораго я увезла изъ каприза и къ моему же великому неудовольствію.

Отецъ нашелъ меня слишкомъ красивой, и это вызвало новую исторію; онъ боялся, что я буду слишкомъ отличаться отъ полтавскихъ дамъ, и умолялъ меня на этотъ разъ одѣться иначе, — онъ, который просилъ меня одѣться такимъ образомъ въ Харьковѣ. Послѣдствіемъ этого были — пара метенокъ, разорванныхъ въ клочки, злобные глаза, невыносимое настроеніе духа и... никакой перемѣны въ туалетѣ.

Мы пріѣхали въ серединѣ концерта; я вошла подъ руку съ отцомъ съ видомъ женщины, которая увѣрена, что ею будутъ любоваться. Тетя Надя, Поль и Паша слѣдовали за мною. Я прошла мимо m-me Абаза, не поклонившись ей, и мы сѣли рядомъ съ нею въ первомъ ряду. Я была у m-lle Дитрихъ, которая, сдѣлавшись m-me Абаза, не отдала мнѣ визита. Я держалась самоувѣренно и не поклонилась ей, несмотря на всѣ ея взгляды. Насъ тотчасъ же всѣ окружили. Всѣ клубные дураки (клубъ находится въ томъ же домѣ) пришли въ залу, «чтобы посмотрѣть».

Концертъ скоро кончился, и мы уѣхали въ сопровожденіи здѣшнихъ кавалеровъ.

— Ты поклонилась m-me Абаза? — спросилъ меня нѣсколько разъ отецъ.

— Нѣтъ.

И я произнесла нравоученіе, совѣтуя поменьше презирать другихъ и прежде обращать вниманіе на себя. Я задѣла его за живое; онъ вернулся въ клубъ и пришелъ сказать мнѣ, что Абаза ссылается на всѣхъ слугъ гостиницы и увѣряетъ, что на другой же день отдалъ мнѣ визитъ съ племянницей.

Впрочемъ, папа сіяетъ: его осыпали комплиментами на мой счетъ.

Суббота, 4 ноября (23 октября). Я должна была предвидѣть, что отецъ будетъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить женѣ. Я говорила это себѣ неопредѣленно, но я вѣрила въ доброту Бога. Maman не виновата, съ такимъ человѣкомъ жить нельзя. Онъ вдругъ обнаружился, и теперь я могу судить.

Съ утра идетъ снѣгъ, земля вся бѣлая, деревья покрыты инеемъ, что вечеромъ образуетъ прелестные, неопредѣленные оттѣнки. Хотѣлось бы погрузиться въ этотъ сѣроватый туманъ лѣса; онъ кажется другимъ міромъ.

Однако, тихое колыханіе кареты, чудесный запахъ перваго снѣга, неопредѣленность, вечеръ—всѣ эти успокоительныя силы ничуть не уменьшили моего негодованія при воспоминаніи объ А... — воспоминаніи, которое преслѣдуетъ меня, преслѣдуетъ, какъ дикаго звѣря, не давая мнѣ ни минуты покоя.

Какъ только мы пріѣхали въ деревню и вошли въ гостиную, отецъ началъ дѣлать непріятные намеки, но видя, что я молчу, воскликнулъ:

— Твоя мать говоритъ, что я кончу жизнь у нея въ деревнѣ! Никогда!

Отвѣтить — значило бы сейчасъ уѣхать. «Еще одна жертва, — думала я, — и по крайней мѣрѣ я все сдѣлала и не буду себя обвинять». Я сидѣла и не сказала ни слова; но я долго буду помнить эту минуту — вся кровь во мнѣ остановилась, и сердце, на секунду переставшее биться, потомъ забилось, какъ птица въ предсмертныхъ судорогахъ.

Я сѣла за столъ, все еще молча и съ рѣшительнымъ видомъ. Отецъ понялъ свою ошибку и началъ находить все дурнымъ, бранить прислугу, чтобы потомъ оправдаться раздраженіемъ.

Вдругъ онъ сѣлъ на край моего кресла и обнялъ меня. Я тотчасъ же освободилась изъ его объятій.

— О! нѣтъ, — сказала я твердымъ голосомъ, въ которомъ на этотъ разъ не слышно было слезъ, — я не хочу сидѣть рядомъ съ тобою.

— Да нѣтъ, нѣтъ!

Онъ старался обратить все въ шутку.

— Мнѣ слѣдовало-бы сердиться! — прибавилъ онъ.

— Да я не сержусь...

Вторникъ, 7 ноября. Я разбила зеркало! Смерть или большое несчастье. Это повѣрьте бросаетъ меня въ холодъ, а если взглянуть въ окно, становится еще холоднѣе: все бѣло... свѣтло-сѣрое небо... Я давао ае видала такой картины.

Поль, съ свойственной молодости жаждою показать новымъ лицамъ новое для нихъ, велѣлъ заложить маленькія санки и съ торжествующимъ видомъ повезъ меня гулять. Эти сани недостойны своего названія: это просто нѣсколько сколоченныхъ жердей — внутри набросано сѣно, и все покрыто ковромъ. Лошадь, находившаяся совсѣмъ близко отъ насъ,

бросала намъ снѣгъ въ лицо, въ рукава, въ мои туфли, въ глаза. Снѣжная пыль покрыла мою кружевную косынку на головѣ, собиралась въ ея складкахъ и замерзала.

— Вы сказали, чтобы я ѣхалъ за границу въ одно время съ вами, — вдругъ сказалъ Паша.

— Да, и не изъ каприза; вы мнѣ оказали бы благодѣяніе, если бы пріѣхали, и не хотите! Вы ничего не дѣлаете для меня, для кого же будете что-нибудь дѣлать?

— Вѣдь вы знаете, что я не могу пріѣхать.

— Нѣтъ!

— Но вы знаете... потому что, поѣхавъ съ вами, я буду продолжать васъ видѣть, а для меня это будетъ мученіемъ.

— Почему?

— Потому, что я васъ люблю.

— Но вы оказали бы мнѣ такую услугу, если бы согласились пріѣхать!

— Я былъ бы вамъ полезенъ?

— Да.

— Нѣтъ, я не могу пріѣхать... Я буду смотрѣть на васъ издалека... И если бы вы знали, — продолжалъ онъ тихимъ и раздирающимъ душу голосомъ, — если бы вы знали, какъ я страдаю! Надо имѣть мою силу воли, чтобы не измѣнять себѣ и всегда казаться спокойнымъ. Не видя васъ больше...

— Вы меня забудете.

— Никогда.

— Но что же?

Голосъ мой потерялъ всякій оттѣнокъ насмѣшливости; я была тронута.

— Я не знаю, — сказалъ онъ, — но такое положеніе дѣлъ для меня слишкомъ мучительно.

— Бѣдный!

Я тотчасъ же спохватилась: это сожалѣніе оскорбительно.

Почему такъ пріятно слышать, когда вамъ признаются въ страданіяхъ, которымъ вы причина? Чѣмъ болѣе несчастенъ кто-нибудь изъ любви къ вамъ, тѣмъ вы счастливѣе.

— Поѣзжайте съ нами; отецъ не хочетъ брать съ собою Поля, поѣзжайте.

— Я...

— Вы не можете — мы это знаемъ. Я больше и не прошу васъ объ этомъ. Довольно!

Я приняла видъ инквизитора или человѣка, который собирается позабавиться своей злостной продѣлкой.

— Такъ я имѣю честь быть вашей первой страстью? Это чудесно! Но вы лжецъ!

— Потому что мой голосъ не измѣняется и потому, что я не плачу. У меня желѣзная воля, вотъ и все.

— А я хотѣла вамъ что-то дать.

— Что?

— Вотъ это.

И я показала ему образокъ Божьей Матери, который висѣлъ у меня на шеѣ, на бѣлой лентѣ.

— Дайте мнѣ это.

— Вы недостойны.

— Муся, — сказалъ онъ, вздыхая, — увѣряю васъ, что я достоинъ. Я чувствую привязанность собаки, безпредѣльную преданность.

— Подойдите, молодой человѣкъ, я дамъ вамъ мое благословеніе.

— Благословеніе?

— Да, и отъ чистаго сердца. Если я заставляю васъ говорить такъ, то для того, чтобы знать, что чувствуютъ тѣ, кто любятъ; вѣдь и я могу когда-нибудь полюбить... мнѣ нужно знать признаки.

— Дайте мнѣ образокъ, — сказалъ Паша, не спускавшій съ него глазъ.

Онъ всталъ на колѣни на тотъ стулъ, на спинку котораго я опираюсь руками, и хотѣлъ взять образокъ, но я остановила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, надѣньте на шею.

Я надѣла ему на шею образокъ, еще теплый отъ моего тѣла.

— О, — сказалъ онъ,—заэто спасибо, большое спасибо!

И онъ въ первый разъ **самъ** отъ себя поцѣловалъ мнѣ руку.

Среда, 8 ноября. Снѣгъ лежитъ на аршинъ глубиною, но погода ясная и хорошая. Мы опять поѣхали кататься въ саняхъ, также дурно устроенныхъ, хотя и побольше: снѣгъ еще недостаточно твердъ, чтобы вынести тяжелыя сани, обитыя желѣзомъ.

Поль правилъ и, пользуясь минутой, когда Паша сидѣлъ наиболѣе неловко, погонялъ лошадей, осыпая насъ снѣгомъ,

вызывая крики Паши и смѣхъ моей уважаемой особы. Онъ возилъ насъ по такимъ дорогамъ и сугробамъ, что мы все время просили его сжалиться и хохотали. Прогулка въ саняхъ, какъ бы серьезны ни были люди, всегда дѣтская игра.

Поль сидѣлъ отъ меня направо, Паша налѣво; я велѣла ему протянуть сзади руку, и такимъ образомъ составилось очень удобное кресло.

Холодъ раздражалъ меня меньше; на мнѣ была только шубка и мѣховая шапочка, такъ что я могла свободно двигаться и говорить.

Вечеромъ я сѣла за рояль и сыграла «Чтеніе письма Венеры» — чудесное мѣсто изъ «Прекрасной Елены».

«Прекрасная Елена» — прелестная вещь. Тогда Оффенбахъ только начиналъ и еще не писалъ грошевыхъ оперетокъ.

Я играла долго... не знаю что — что-то тихое и страстное, нѣжное и прелестное, какъ только могутъ быть «Пѣсни безъ словъ» Мендельсона, вѣрно понятыя.

Я выпила четыре чашки чаю, говоря о музыкѣ.

— На меня она очень дѣйствуетъ, — сказалъ Паша, — я странно себя чувствую, дѣлаюсь... сентиментальнымъ... и, слушая ее, говорю, что нельзя выразить иначе.

— Это предательница, Паша. Не довѣряйте музыкѣ: подъ ея вліяніемъ дѣлаешь такія вещи, какихъ не сдѣлалъ бы въ спокойномъ состояніи. Она забираетъ васъ, запутываетъ, увлекаетъ... и это ужасно.

Я говорила о Римѣ и о ясновидящемъ Alexis. Паша слушалъ и вздыхалъ въ своемъ углу; когда же онъ подошелъ къ свѣту, выраженіе его лица сказало мнѣ яснѣе всѣхъ словъ въ мірѣ, какъ онъ страдаетъ.

(Замѣтьте это яростное тщеславіе, эту жажду видѣть страданія, которыя причиняешь. Я пошлая кокетка или... нѣтъ, я женщина, вотъ и все).

— Мы что-то грустны сегодня вечеромъ, — сказала я мягко.

— Да, — отвѣчалъ онъ съ усиліемъ, — вы играли... и я не знаю... у меня, кажется, лихорадка.

— Идите спать, мой другъ, и я также пойду наверхъ. Только помогите мнѣ отнести книги.

Четвергъ, 9-го ноября. Мое пребываніе здѣсь по крайней мѣрѣ дало мнѣ возможность познакомиться съ блестящей ли-

тературой моей родины. Но о чемъ говорятъ эти поэты и писатели? О томъ, что **тамъ**.

Сначала укажемъ на Гоголя, нашего геніальнаго юмориста. Его описаніе Рима вызвало у меня слезы и стоны и, только прочитавъ его, можно составить себѣ понятіе объ этомъ описаніи.

Завтра оно будетъ переведено. И тѣ, кто имѣли счастье видѣть Римъ, поймутъ мое волненіе.

О, когда, наконецъ, я вырвусь изъ этой страны — сѣрой, холодной, непривѣтной даже лѣтомъ, даже при солнечномъ свѣтѣ? Листья мелки, и небо не такъ сине, какъ тамъ...

Пятница, 10 ноября. До сихъ поръ я все читала... мнѣ надоѣлъ мой дневникъ, я тревожусь и унываю... **Римъ,** я ничего больше не могу сказать.

Я просидѣла минутъ пять съ поднятымъ вверхъ перомъ и не знаю, что сказать — такъ полно мое сердце. Но приближается время, когда я увижу А... Мнѣ страшно его увидѣть. И все-таки я думаю, что не люблю его, я даже увѣрена въ этомъ. Но это воспоминаніе, но мое горе, но безпокойстно за будущее, боязнь оскорбленія... А..! Какъ часто я пишу это слово и какъ оно мнѣ противно!

Вы думаете, что я желаю умереть! Безумные! Я люблю жизнь такою, какова она есть, и горе, и муки, и слезы, посылаемыя мнѣ Богомъ, и я ихъ благосовляю, и я счастлива.

Право... я такъ пріучила себя къ мысли, что я несчастна, что, только углубившись въ себя, запершись у себя одна, вдали отъ людей и отъ міра, я говорю, что, пожалуй, меня нечего особенно жалѣть...

Зачѣмъ же тогда плакать?

Суббота, 11-го ноября. Сегодня, въ восемь часовъ утра, я уѣхала изъ Гавронцевъ и не безъ нѣкотораго чувства сожалѣнія... нѣтъ, нарушенной привычки.

Вся прислуга вышла на дворъ; я всѣмъ дала денегъ, а экономкѣ золотой браслетъ.

Снѣгъ таетъ, но его достаточно, чтобы осыпать насъ дорогой и, несмотря на все мое желаніе не закрывать лица, чтобы дѣлать философскія наблюденія, какъ Прюдонъ, я принуждена совсѣмъ закутаться.

Я отправилась прямо къ дядѣ Александру, имя котораго я разобрала на дощечкѣ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай.

Одинъ господинъ путешествовалъ вмѣстѣ съ офицеромъ и сѣлъ съ нимъ въ одинъ вагонъ. Разговоръ зашелъ о новомъ законѣ, касающемся лошадей.

— Это вы посланы въ нашъ уѣздъ? — спрашиваетъ военный.

— Да.

— Такъ, значитъ, вы записывали буланыхъ лошадей нашего предводителя Башкирцева?

— Да, я.

И офицеръ началъ разбирать ихъ достоинства и недостатки.

— Вы знаете дочь Башкирцева?

— Нѣтъ, не имѣю чести. Я только видѣлъ ее; но я знаю Башкирцева. Дочь его прелестная особа, настоящая красавица, но вмѣстѣ съ тѣмъ «независимая, оригинальная, наивная». Я встрѣтилъ ее въ вагонѣ около Петербурга, и она насъ положительно поразила, — меня и моихъ товарищей.

— Это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно слышать, такъ какъ я ея дядя.

— А моя фамилія Сумароковъ. А ваша?

— Бабанинъ.

— Очень пріятно.

— Очень радъ и т. д., и т. д.

Графъ все время повторялъ, что мое мѣсто въ Петербургѣ и что непростительно держать меня въ Полтавѣ.

Такъ вотъ какъ, милѣйшій папа́!

— Но вы навѣрно все это выдумали, дядя, — сказала я Александру.

— Чтобы мнѣ никогда не видѣть жены и дѣтей, если я сочинилъ хоть одно слово, пусть громъ падетъ на мою голову!

Отецъ бѣсится, на что я не обращаю ни малѣйшаго вниманія.

Полтава. Среда, 15 ноября. Я уѣхала съ отцомъ въ воскресенье вечеромъ, повидавшись въ послѣдніе два дня моего пребыванія въ Россіи съ княземъ Мишемъ и другими.

На поѣздъ провожали меня только родные, но много чужихъ смотрѣло на насъ съ любопытствомъ.

Одинъ переѣздъ до Вѣны стоитъ мнѣ около 500 рублей. Я за все заплатила сама. Лошади ѣдутъ съ нами подъ присмотромъ Шоколада и Кузьмы, камердинера отца.

Я хотѣла взять кого-нибудь другого, но Кузьма, горя

желаніемъ путешествовать, пришелъ просить по-русскому обычаю, чтобы его взяли съ собой. Смотрѣть за лошадьми будетъ Шоколадъ, такъ какъ Кузьма что-то въ родѣ лунатика, легко можетъ забыться, считая звѣзды, и дать украсть не только лошадей, но и свою одежду.

Онъ женился на дѣвушкѣ, которая давно его любила, и послѣ вѣнца убѣжалъ въ садъ, гдѣ проплакалъ болѣе двухъ часовъ, какъ безумный. Мнѣ кажется, онъ немного тронутъ, и его замѣчательная глупость сказывается въ его растерянномъ видѣ.

Отецъ не переставалъ сердиться. Я же гуляла по станціи, какъ у себя дома. Паша держался въ сторонѣ и не спускалъ съ меня глазъ.

Въ послѣднюю минуту замѣтили, что не хватаетъ одного пакета; поднялась суматоха, начали бѣгать во всѣ стороны. Амалія оправдывалась, я упрекала ее въ томъ, что она дурно исполняетъ свои обязанности. Публика слышала и забавлялась, и я, видя это, удвоила мое краснорѣчіе на языкѣ Данта. Меня это занимало особенно потому, что поѣздъ ждалъ насъ. Вотъ что хорошо въ этой непривлекательной странѣ: тутъ можно царствовать.

Дядя Александръ, Поль и Паша вошли въ вагонъ; но раздался третій звонокъ, и всѣ столпились вокругъ меня.

— Поль, Поль, — говорилъ Паша,—пусти меня по крайней мѣрѣ проститься съ нею.

— Пустите его, — сказала я.

Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, и я поцѣловала его въ щеку, около глаза. Въ Россіи это принято, но я еще никогда не подчинялась этому обычаю. Ждали только свистка, который не замедлилъ послѣдовать.

— Ну, что же вы? — сказала я.

— Еще есть время, — сказалъ Паша.

Поѣздъ качнулся и тихо двинулся, а Паша заговорилъ быстро, самъ не зная что.

— До свиданія, до свиданія, сходите же...

— Прощайте, до свиданія.

И онъ спрыгнулъ на платформу, еще разъ поцѣловавъ мнѣ руку: это былъ поцѣлуй вѣрной и преданной собаки.

— Что же? что же? — кричалъ отецъ изъ отдѣленія, такъ какъ мы были въ коридорѣ.

Я вошла къ отцу, но была такъ огорчена причиненнымъ

горемъ, что я тотчасъ же легла и закрыла глаза, чтобы думать свободно.

Бѣдный Паша! милый и благородный человѣкъ! Если мнѣ жаль чего-нибудь въ Россіи, то только это золотое сердце, этотъ благородный характеръ, эту прямую душу.

Дѣйствительно ли я огорчена? Да. Можно ли не чувствовать гордости при сознаніи, что имѣешь такого друга!

Эту ночь со вторника на среду я спала очень хорошо въ постели, какъ въ гостиницѣ.

Я въ Вѣнѣ. Въ физическомъ отношеніи мое путешествіе было прекрасно: я хорошо спала, ѣла, и я чувствую себя чистой. Это главное, и возможно только въ Россіи, гдѣ топятъ дровами и гдѣ въ вагонахъ есть уборныя.

Мой отецъ былъ очень милъ; мы играли въ карты и смѣялись надъ путешественниками.

Здѣсь пахнетъ Европой. Высокіе, гордые дома поднимаютъ мой духъ почти до верхнихъ этажей. Низенькія жилища Полтавы давили меня.

Суббота, 14 ноября. Сегодня утромъ въ пять часовъ мы пріѣхали въ Парижъ.

Мы нашли въ Grand-Hôtel депешу отъ мамы. Помѣщеніе взяли въ первомъ этажѣ. Я приняла ванну и стала ждать маму. Но я такъ огорчена, что ничто болѣе меня не трогаетъ.

Она пріѣхала съ Диной; Дина счастлива, спокойна и продолжаетъ исполнять роль сестры милосердія, ангела-хранителя.

Вы понимаете, что никогда еще я не была въ такомъ затрудненіи. Папа и мама! Я не знала, куда дѣваться.

Произошло нѣсколько неловкостей, но ничего особенно тревожнаго.

Мы выѣхали — мама, папа, я и Дина. Обѣдали вмѣстѣ и отправились въ театръ. Я сидѣла въ самомъ темномъ углу ложи, и глаза мои такъ отяжелѣли отъ сна, что я почти ничего не видѣла.

Я легла съ мамой и вмѣсто нѣжныхъ словъ, послѣ такого долгаго отсутствія, у меня вылился цѣлый потокъ жалобъ, который однако скоро изсякъ, такъ какъ я заснула.

Понедѣльникъ, 21 ноября. Послѣ обѣда мы отправились

смотрѣть «Павла и Виргинію», новую оперу Массэ, которую очень хвалятъ.

Парижскія ложи — орудія пытки: насъ было четверо въ лучшей ложѣ, стоющей 150 франковъ, и мы не могли двинуться. Промежутокъ въ часъ или два между обѣдомъ и театромъ, большая хорошая ложа, красивое и удобное платье: вотъ при какихъ условіяхъ можно понимать и обожать музыку. Я была въ условіяхъ какъ разъ противоположныхъ, что и мѣшало мнѣ слушать обоими ушами Энгали и смотрѣть во всѣ глаза на Капуля, любимца дамъ. Увѣренный въ успѣхѣ, счастливый артистъ ломался, какъ въ фехтовальной залѣ, испуская раздирающіе звуки.

Ужъ два часа ночи.

Мама, которая все забываетъ для моего благополучія, долго говорила съ отцомъ. Но отецъ отвѣчалъ шутками или же фразами возмутительно индифирентными.

Наконецъ, онъ сказалъ, что вполнѣ понимаетъ мой поступокъ, что даже враги мамы считали его вполнѣ натуральнымъ и что слѣдуетъ, чтобы его дочь, достигнувъ шестнадцати лѣтъ, имѣла покровителемъ отца. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ Римъ, какъ мы и хотѣли. Если-бъ я могла вѣрить!

Пятница, 25 ноября. До вечера все шло ни хорошо, ни худо, но вдругъ начался разговоръ очень серьезный, очень сдержанный, очень вѣжливый о моей будущности. Мама выражалась во всѣхъ отношеніяхъ надлежащимъ образомъ..

Но надо было видѣть въ это время моего отца. Онъ опускалъ глаза, свистѣлъ, отговаривался.

Существуетъ малороссійскій діалогъ, который характеризуетъ націю и который, въ то же время, можетъ дать понятіе о манерѣ моего отца.

Два крестьянина.

Первый крестьянинъ. — Мы шли вмѣстѣ по большой дорогѣ?

Второй крестьянинъ. — Шли.

Первый. — Мы нашли шубу?

Второй. — Нашли.

Первый. — Я тебѣ ее далъ

Второй. — Далъ.

Первый. — Ты ее взялъ?

Второй. — Взялъ.

Первый. — Гдѣ она?

Второй. — Что?
Первый. — Шуба.
Второй. — Какая шуба?
Первый. — Да мы шли по дорогѣ?
Второй. — Шли.
Первый. — Мы нашли шубу?
Второй. — Нашли.
Первый. — Я ее тебѣ далъ?
Второй. — Далъ.
Первый. — Ты ее взялъ?
Второй. — Взялъ.
Первый. — Гдѣ же она?
Второй. — Что?
Первый. — Шуба.
Второй. — Какая шуба?

И такъ до безконечности. Только, такъ какъ сюжетъ не былъ смѣшонъ для меня, я задыхалась, что-то поднималось къ горлу и причиняло мнѣ страшную боль, особенно потому, что я не позволяла себѣ плакать.

Я попросила позволенія вернуться домой съ Диной оставивъ маму съ ея мужемъ въ русскомъ ресторанѣ.

Цѣлый часъ я оставалась неподвижна, со сжатыми губами, со сдавленной грудью, не сознавая ни своихъ мыслей, ни того, что дѣлалось вокругъ меня.

Тогда отецъ началъ цѣловать мои волосы, руки, лицо съ притворными жалобами и сказалъ мнѣ:

— Въ тотъ день, когда ты будешь дѣйствительно нуждаться въ помощи или покровительствѣ, скажи мнѣ одно слово, и я протяну тебѣ руки.

Я собирала мои послѣднія силы и твердымъ голосомъ отвѣчала:

—Этотъ день насталъ, гдѣ же ваша рука?

— Ты теперь еще не нуждаешься, — отвѣтилъ онъ поспѣшно.

— Да, я нуждаюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ.

И онъ заговорилъ о другомъ.

— Вы, папа, думаете, что этотъ день настанетъ, когда мнѣ понадобятся деньги? Въ тотъ день я сдѣлаюсь пѣвицей или учительницей музыки, но ничего не попрошу у васъ.

Онъ не обидѣлся, ему достаточно было видѣть меня такой несчастной, какъ только я могу быть.

26-го ноября. Мой отецъ уѣхалъ! Послѣ четырехъ мѣсяцевъ, въ первый разъ я вздохнула свободно.

28-го ноября. Мама была со мной у доктора Фовеля, и докторъ этотъ осмотрѣлъ мое горло своимъ новымъ ларингоскопомъ. Онъ объявилъ, что у меня катарръ и хроническое воспаленіе гортани (въ чемъ я не сомнѣвалась, въ виду дурного состоянія моего горла) и что нужно энергически лѣчиться въ теченіе шести недѣль. Благодаря этому мы проведемъ зиму въ Парижѣ, увы!

Пятница, 1 декабря. Вчера мы покинули Парижъ. Мама со своими тридцатью шестью пакетами приводила меня въ отчаяніе. Ея крики, огорченія, ящички возмутительно буржуазны... Наконецъ!

Ницца. Суббота, 2 декабря. Тетя сама принесла мнѣ кофе; я велѣла распаковать нѣкоторые чемоданы и стала сама собой въ первый разъ со времени путешествія. Въ Россіи мнѣ недоставало солнца, въ Парижѣ платьевъ.

Я подумала о своемъ образѣ жизни. Укладывать, распаковывать, примѣрять, покупать, путешествовать... И такъ постоянно.

Сойдя въ садъ, я нашла тамъ г-на Пеликана съ его докторомъ, Иванова, окулиста дѣдушки, генераловъ Вольфа и Быховца и Аничковыхъ. Надо было показаться и удовлетворить моихъ маменекъ, которыя недовольны тѣмъ, что я потолстѣла.

Видите какое счастье! Но я ихъ всѣхъ покинула, чтобы увидать моихъ женщинъ съ улицы Франціи.

Вотъ такъ пріемъ! Мнѣ сообщили о свадьбахъ, о смертяхъ, о рожденіяхъ.

Я спросила, какъ идетъ торговля.

— Плохо, — отвѣчали мнѣ.

— Э, видимо все идетъ плохо съ тѣхъ поръ, какъ Франція республика, — воскликнула я.

И я начала разсказывать. Когда узнали, что я видѣла la Chambre, всѣ попятились съ большимъ уваженіемъ, потомъ столпились вокругъ меня. Подбоченившись, я сказала имъ рѣчь, перемѣшанную мѣстными поговорками и восклицаніями, въ которой изобразила республиканцевъ, какъ людей, запустившихъ руки въ народное золото, какъ я въ этотъ

рисъ, — и съ этими словами я погрузила мою руку въ мѣшокъ съ рисомъ.

Послѣ такого долгаго отсутствія небо Ниццы приводитъ меня въ восхищеніе. Мнѣ хочется прыгать, когда я вдыхаю этотъ чудный воздухъ, когда гляжу на это прозрачное небо.

Море слегка серебрится солнцемъ, спрятавшимся за нѣжно-сѣрое, теплое облако, роскошная зелень... Какъ хорошо бы было жить въ этомъ раю! Я отправилась гулять, не заботясь о непокрытой головѣ и о довольно многочисленныхъ прохожихъ. Потомъ я зашла надѣть шляпу и позвать тетю и Быховца. Доходила до Южнаго моста и возвращалась, объятая ни съ чѣмъ несравнимой грустью.

Да, дѣйствительно, семья имѣетъ прелесть. Играли въ карты, смѣялись, пили чай, и я чувствовала себя отлично среди своихъ, окруженная моими милыми собаками: Викторомъ, съ его большой черной головой, Пинчіо, бѣлымъ, какъ снѣгъ, Багатель, Пратеръ... Всѣ смотрѣли мнѣ въ глаза, и въ это время я видѣла и стариковъ за ихъ партіей, и этихъ собакъ и эту столовую... О, это меня давитъ, душитъ, я хотѣла бы убѣжать; мнѣ кажется, что меня приковываютъ, какъ это бываетъ въ кошмарахъ. **Я не могу!!!** Я не сотворена для этой жизни, я не могу!

Была минута, когда я гордилась тѣмъ, что разговаривала о серьезномъ со стариками... но въ концѣ концовъ это необразованные старики; на что они мнѣ?

Я такъ боюсь остаться въ Ниццѣ, что теряю разумъ. Мнѣ кажется, что и эта зима пропадетъ, что я ничего не сдѣлаю.

У меня отнимаютъ возможность работать!

Генералъ Быховецъ прислалъ мнѣ большую корзину цвѣтовъ, и вечеромъ мама полила ее, чтобы сохранить цвѣты... Право, эти мелочи выводятъ меня изъ себя; это буржуазное притворство приводитъ меня въ отчаяніе! Господи помилуй! Богомъ, сущимъ на небесахъ, увѣряю васъ, я не шучу.

Я ушла изъ павильона при чудномъ лунномъ свѣтѣ, освѣщавшемъ мои розы и магноліи...

Этотъ бѣдный садъ всегда вызываетъ во мнѣ печальныя мысли и страшную досаду.

Я вернулась къ себѣ съ мокрыми глазами и грустная, очень грустная.

Суббота, 2-го декабря. При воспоминаніи о Римѣ я почти

лишаюсь чувствъ... Но я не хочу возвращаться туда. Мы поѣдемъ въ Парижъ...

О, Римъ! Почему не могу я вновь его увидѣть или умереть здѣсь! Я задерживаю дыханіе и вытягиваюсь, какъ будто хочу дотянуться до Рима.

Воскресенье, 3-го декабря. Взамѣнъ всякихъ развлеченій наблюдаю небо. Вчера оно было чисто, и луна сіяла, словно блѣдное солнце. Сегодня вечеромъ оно покрыто черными тучами, кое-гдѣ прорванными, такъ что видны свѣтлыя и блестящія части вчерашняго неба... Я дѣлаю эти наблюденія, когда перехожу черезъ садъ изъ павильона къ себѣ. Въ Парижѣ нельзя имѣть этого воздуха, этой зелени и душистаго дождя, какой былъ сегодня.

Четвергъ, 7-го декабря. Мелкія домашнія непріятности изводятъ меня. Я погружаюсь въ серьезное чтеніе и съ отчаяніемъ вижу, какъ мало я знаю. Мнѣ кажется, что я никогда не буду знать все это. Я завидую ученымъ — желтымъ, сухимъ и противнымъ. У меня лихорадочная потребность учиться, а руководить мною некому.

Понедѣльникъ, 11-го декабря. Съ каждымъ днемъ я все болѣе увлекаюсь живописью. Я не выходила цѣлый день, я занималась музыкой, и это подняло мой духъ и сердце.

Нужно было два часа разговора о русской исторіи съ дѣдушкой, чтобы привести меня въ обычное состояніе духа. Я терпѣть не могу такой чувствительности... Въ молодой дѣвушкѣ это состояніе близко... ко многому... провинціальному... Дѣдушка — живая энциклопедія.

Я знаю человѣка, который меня любитъ, понимаетъ, жалѣетъ, полагаетъ жизнь на то, чтобы сдѣлать меня счастливою, который готовъ для меня на все и который никогда не измѣнитъ мнѣ, хотя и измѣнялъ прежде. И этотъ человѣкъ — **я сама.**

Не будемъ ничего ждать отъ людей; отъ нихъ мы получаемъ только обманутыя надежды и горести.

Но будемъ твердо вѣрить въ Бога и въ свои силы. И, право, разъ мы честолюбивы, оправдаемъ же чѣмъ-нибудь наше честолюбіе.

Понедѣльникъ, 18-го декабря. «Я въ отелѣ Люксембургъ съ моими сестрами; если можешь, пріѣзжай сейчасъ же».

По совѣту моихъ матерей, ровно въ часъ, я отправляюсь по этому приглашенію и прежде, чѣмъ выйти, я спрашиваю

себя опять, **прилично ли это?** Вмѣсто всякаго отвѣта, тетя Елена и мой злополучный отецъ подошли къ моей каретѣ и нѣжно увели меня къ себѣ.

Санъ-Ремо. Суббота, 23 декабря. Если я увезу моего отца? Онъ согласенъ, но вмѣстѣ съ мамой и на два дня. Ожидая маму, которой я телеграфировала, я провожу нѣсколько часовъ въ виллѣ Рокка у княгини Эристовой. Моя тетя Романова, это героическое существо, остается одна скучать въ отелѣ. Она, конечно, не хочетъ смѣшиваться съ людьми, которыхъ я часто посѣщаю. Но посмотрите, какую роль играетъ эта женщина изъ-за моего каприза? Я ее обожаю.

Понедѣльникъ, 25-го декабря. Вчера мы уѣхали изъ Санъ-Ремо — отецъ, мама и я. Что я думала во время путешествія?.. Но прелестныя мечты, заоблачныя фантазіи заглушали всѣ другія чувства и создали, какъ обыкновенно, жизнь, не имѣющую ничего общаго съ людскими дѣлами.

Это пріятное состояніе было прервано остановкой поѣзда вслѣдствіе поврежденія пути. Надо было выйти, взять свой багажъ и идти нѣсколько минутъ навстрѣчу поѣзда, который пріѣхалъ за нами. Все это происходило при колеблющемся свѣтѣ факеловъ, и на темномъ фонѣ, при яростномъ шумѣ морского прилива, было весьма живописно.

Этотъ случай заставилъ насъ начать разговоръ съ нашими спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ военный. Они несли наши вещи и поддерживали насъ самихъ во время этого труднаго перехода. Офицеръ былъ довольно образованный и интеллигентный человѣкъ. Къ его удивленію, я вела серьезный и даже необычайный разговоръ — о политикѣ.

Съ утра я была у окна, чтобы ни на минуту не терять изъ виду Римскую Кампанью.

Зачѣмъ не умѣю я высказать все то прекрасное, что она мнѣ внушаетъ и что такъ многіе уже столько разъ и такъ прекрасно высказали!

Я такъ занялась узнаваніемъ мѣстъ!.. Начало нашего поѣзда уже было подъ стеклянной крышей станціи, а я все еще искала крышу San Giovani de Laterano.

Мы остановились въ томъ же отелѣ, въ томъ же помѣщеніи. Я взошла на лѣстницу и оперлась на шаръ въ углу перилъ, какъ опиралась на него въ другой памятный вечеръ.

Я взглянула съ досадой на выходную дверь и заняла

комнату, обитую краснымъ дама́, повѣрите ли? съ мыслью о Пьетро.

1877.

Ницца. Среда, 17 января. Когда же я узна́ю, наконецъ, что такое эта любовь, о которой такъ много говорятъ?

Я бы любила А..., но я его презираю. Ребенкомъ я любила до экзальтаціи герцога Г... Я любила его за богатство, знатность, за его эксцентричность и благодаря моему воображенію, не знавшему границъ.

Вторникъ, 24 января. Вчера вечеромъ у меня былъ припадокъ отчаянія, доходившій до стоновъ и побудившій меня потопить въ морѣ столовые часы. Дина побѣжала за мною, опасаясь какого-нибудь мрачнаго намѣренія, но дѣло касалось однихъ только часовъ. Эти часы были бронзовые съ изображеніемъ Павла безъ Виргиніи, удившимъ въ хорошенькой шляпѣ. Дина пришла ко мнѣ; часы, кажется, очень забавляютъ ее; я также много смѣялась.

Бѣдные часы!

Къ намъ пріѣхала княгиня Суворова.

Четвергъ, 1 февраля. Наши дамы собирались ѣхать въ Монако, чтобы проиграть пріятнымъ образомъ нѣсколько презрѣнныхъ сотенъ франковъ. Я отговорила ихъ, сказавъ исполненную горечи рѣчь, и мы съ мамой отправились съ визитомъ къ графинѣ Б., которая такъ любезна и у которой мы давно не были, словно какія-нибудь невѣжи.

Въ «Théatre-Français» Агарь изъ «Comédie-Française» даетъ представленія. Я видѣла «Горацiевъ». Слово Римъ двадцать разъ раздалось въ моихъ ушахъ, прозвучавъ, прекрасно, чудесно.

Вернувшись домой, я читала Тита Ливія. Герои, складки тогъ... Капитолій... Куполъ... маскарадъ, Пинчіо!..

О, Римъ!

Римъ. Четвергъ, 8 февраля. Я заснула въ Винтимилѣ и проснулась только въ Римѣ какъ физически, такъ и нравственно. Противъ моего желанія, мнѣ пришлось остаться до вечера, такъ какъ поѣздъ въ Неаполь отходитъ только въ 10 часовъ. Цѣлый день въ Римѣ!

Въ девять часовъ вечера я покидаю Римъ, засыпаю, и я въ Неаполѣ. Впрочемъ, я недостаточно хорошо спала, чтобы не слышать, какъ какой-то несговорчивый господинъ жаловался кондуктору на присутствіе въ вагонѣ моей собаки. Любезный кондукторъ однако оставилъ нашу собаку въ покоѣ.

И вотъ я въ Неаполѣ. Такъ-ли бываетъ съ вами? При приближеніи къ большому и красивому городу, я волнуюсь, безпокоюсь, я чувствую желаніе овладѣть городомъ.

Больше часа ѣдемъ мы въ гостиницу Лувръ. Суматоха, крики и чудовищный безпорядокъ.

У здѣшнихъ женщинъ огромныя головы; точно это женщины, какихъ показываютъ въ звѣринцахъ вмѣстѣ со змѣями, тиграми и т. п.

Въ Римѣ я люблю только то, что сохранилось отъ древнихъ временъ. Въ Неаполѣ красиво только то, что ново.

Воскресенье, 11 февраля. Чтобы понять наше положеніе, надо знать, что такое день, когда бросаютъ coriandoli (конфеты съ известью или съ мукою). Но кто этого не видѣлъ, тотъ не можетъ себѣ представить эти тысячи протянутыхъ рукъ, черныхъ и худыхъ, эти лохмотья, эти великолѣпныя колесницы, эти движущіяся руки, эти пальцы, бѣглости которыхъ позавидовалъ бы самъ Листъ. Среди этого дождя муки, среди этихъ криковъ, среди этой кишащей толпы, Альтамура почти донесъ насъ до своего балкона. Тамъ мы застали множество дамъ... Всѣ эти люди предлагаютъ мнѣ кушать, пить, улыбаются мнѣ, говорятъ любезности! Я пошла въ полутемную гостиную и, задрапировавшись съ ногъ до головы въ мой бедуинъ, принялась проливать слезы, любуясь въ то же время античными складками шерстяной ткани. Я была очень огорчена, но мое горе было изъ тѣхъ, которыя доставляютъ удовольствіе. Находите ли вы, подобно мнѣ, прелесть въ печали?

Неаполь. Понедѣльникъ, 26 февраля. Я продолжаю мои экскурсіи. Мы ѣдемъ въ Санъ-Мартино: это древній монастырь. Никогда не видала я ничего прелестнѣе. Музеи вообще оставляютъ меня холодной, но музей Санъ-Мартино забавляетъ и привлекаетъ къ себѣ. Старинная карета синдика и галера Карла III особенно понравились мнѣ. И эти коридоры съ мозаичными полами, и эти потолки съ грандіозной лѣпной работой! Церковь и часовни просто чудесны; ихъ небольшіе размѣры позволяютъ оцѣнить частности. Это со-

браніе блестящихъ мраморовъ, драгоцѣнныхъ камней, мозаикъ, въ каждомъ углу, сверху до низу, на потолкѣ и на полу... Я немного видѣла замѣчательныхъ картинъ — впрочемъ, да, были картины Гвидо Рени, Спаньолетто, страдальческія произведенія Фра Бенавентура. Тутъ же старинный фарфоръ Капо ди Монте, портреты, сдѣланные шелкомъ, и одна картина на стеклѣ, изображающая эпизодъ съ женою Пентефрія. Дворъ изъ бѣлаго мрамора съ шестьюдесятью колоннами рѣдкой красоты.

Нашъ проводникъ сказалъ намъ, что въ монастырѣ осталось только пятеро: три монаха и два міряниина, живущіе наверху, въ пустомъ флигелѣ.

Насъ повели на какую-то башню съ двумя балконами, висящими надъ другими мѣстами, которыя кажутся пропастями. Видъ оттуда такъ хорошъ, что просто можно обезумѣть. Видны горы, виллы, неаполитанскія равнины сквозь синеватый туманъ, который есть ничто иное, какъ далекое разстояніе.

— Что происходитъ сегодня въ Неаполѣ? — спросила я, прислушиваясь.

— Да ничего, это неаполитанскій народъ, — улыбаясь, отвѣчалъ проводникъ.

— И всегда такъ бываетъ?

— Всегда.

Отъ этой груды крышъ поднимался крикъ и непрерывный вой, словно постоянные взрывы голосовъ, о которыхъ нельзя себѣ составить понятія въ самомъ городѣ. Вамъ становится какъ-то жутко, и этотъ шумъ, и этотъ голубой туманъ какимъ-то небывалымъ образомъ заставляютъ васъ чувствовать, на какой вы высотѣ, и у васъ голова кружится.

Мраморныя часовни привели меня въ восторгъ. Страна, обладающая тѣмъ, чѣмъ обладаетъ Италія, можетъ считаться самой богатой въ мірѣ. Италія въ сравненіи съ остальнымъ міромъ то же, что великолѣпная картина въ сравненіи съ выбѣленной стѣной.

Какъ смѣла я судить о Неаполѣ въ прошломъ году? Развѣ я его видѣла!

Суббота, 3 марта. Сегодня вечеромъ я отправилась въ церковь, которая находится въ самомъ зданіи гостиницы. Есть безконечная прелесть въ любовныхъ размышленіяхъ внутри церкви. Вы видите священника, образа, сіяніе свѣчей, мерцающихъ мерцающихъ во иракѣ. и я вспомнила Римъ! Бо-

жественный восторгъ, небесное благоуханіе, восхитительные порывы! Какъ писать? Чувство, овладѣвшее мною, можно выразить развѣ только пѣніемъ.

Колонны собора св. Петра, его мраморы, мозаики, таинственная глубина храма, великолѣпіе и величіе искусства, древность, средніе вѣка, великіе люди, памятники, — тутъ соединено все...

Суббота, 31 марта. Къ чему жаловаться? Мои слезы ничему не помогутъ, и я осуждена на то, чтобы быть несчастной. Еще это, а потомъ слава художника... А если... мнѣ не удастся! Будьте спокойны, я не стану жить для того, чтобы плѣсневѣть гдѣ-нибудь въ семейныхъ добродѣтеляхъ.

Я не хочу говорить о любви, потому что я употребляла это слово изъ-за пустяковъ. Я не хочу призывать Бога, я хочу умереть.

Господи Іисусе Христе, дай мнѣ умереть! Я мало жила, но испытала много: все было противъ меня. Я хочу умереть, все во мнѣ такъ же безсвязно и противорѣчиво, какъ мое писаніе, и я ненавижу себя, какъ всякое ничтожество.

Умереть... Боже мой! Умереть! Довольно съ меня!

Умереть тихой смертью съ прекрасной аріей Верди на устахъ... Теперь ничего злого не пробуждается во мнѣ, какъ прежде, когда я хотѣла жить **на зло,** чтобы **другіе** не радовались и не торжествовали. Теперь мнѣ это безразлично: я слишкомъ страдаю.

Воскресенье, 1 апрѣля. Я похожа на терпѣливаго, неутомимаго химика, проводящаго ночи надъ своими ретортами, чтобы не упустить ожидаемаго, желаннаго мгновенія. Мнѣ кажется, что **это** можетъ случиться каждый день, и я думаю и жду... и какъ знать? Я съ любопытствомъ наблюдаю за собой съ широко раскрытыми глазами, я съ тревогой спрашиваю себя, не то ли **это?** Но составила себѣ такое мнѣніе объ **этомъ,** что почти не вѣрю въ существованіе **этого** или думаю, что **это** уже было и не заключаетъ въ себѣ ничего необычайнаго.

Но къ чему же тогда мои мечты и книги, и поэты?.. Неужели они имѣли смѣлость выдумать что-нибудь несуществующее, чтобы прикрыть естественную грязь? Нѣтъ... иначе нельзя было бы объяснить предпочтенія однихъ другимъ...

Неаполь. Пятница, 6 апрѣля. Король (Викторъ Эммануилъ) пріѣхалъ вчера, и сегодня, въ десять часовъ утра, сдѣ-

лалъ визитъ прусскому принцу. Въ минуту его пріѣзда я находилась на лѣстницѣ, и когда онъ былъ лицомъ къ лицу со мною, я сказала:

— Два слова, ваше величество, сдѣлайте милость.

— Что вамъ угодно?

— Рѣшительно ничего, ваше величество; я хочу только имѣть право всю жизнь гордиться тѣмъ, что со мной говорилъ лучшій и любезнѣйшій изъ королей.

— Вы очень добры, благодарю васъ.

— Это все, ваше величество.

— Я очень благодарю васъ, я не знаю, какъ благодарить васъ, вы очень добры.

И онъ обѣими руками пожалъ мою лѣвую руку.

Благодарю этому, я буду носить перчатки въ теченіе недѣли. Я и пишу такъ оттого, что я въ перчаткахъ. Хороши будутъ черезъ недѣлю мои ногти!

Что скажете вы обо мнѣ? Я не слишкомъ испугалась.

Дѣлая то, что я сдѣлала, я предвидѣла все, кромѣ **себя самой**. Всякой другой такая выходка доставила бы кучу удовольствій, мнѣ же кучу непріятностей. Я обречена на несчастія.

Денгофъ пріѣхалъ изъ дворца, гдѣ принцъ отдалъ визитъ королю. Адъютантъ короля сказалъ: «какъ странно было со стороны молодой дѣвушки стать на дорогѣ короля!» А принцъ сказалъ королю, что дѣвушки въ Россіи восторженно любятъ царскую фамилію, что для императора онѣ готовы на все и что онѣ такъ же чисты, какъ ангелы небесные. Благодарю васъ, колбасники!

Денгофъ разсказалъ массу вещей — словомъ, онъ успокоилъ насъ.

Послѣ безумнаго волненія, оцѣпенѣнія и страха, я начинаю приходить въ себя. Никогда въ жизни я такъ не боялась. Въ одинъ часъ я прожила цѣлыхъ два года! Какъ счастливы всѣ тѣ, кто не говорилъ съ королемъ!

Всѣ гуляютъ. Пріѣхали принцесса Маргарита и Гумбертъ. Денгофъ тамъ, противъ нашихъ оконъ, съ приближенными къ королю.

(Я сняла перчатки).

Вернувшись съ прогулки, мы застали въ передней какого-то господина. Я хотѣла спросить, кто это, какъ вдругъ Розалія побѣжала ко мнѣ и сказала, отводя меня въ сторону:

— Идите скорѣе, только не волнуйтесь.

— Въ чемъ дѣло?

— Это адъютантъ короля; онъ приходитъ уже въ третій разъ: онъ пришелъ отъ короля, чтобы передать вамъ его извиненіе.

Я подошла къ господину, и мы всѣ вошли въ гостиную. Онъ говорилъ по-итальянски, и я говорила на томъ же языкѣ съ такою легкостью, что сама себѣ удивлялась.

— Mademoiselle, — началъ онъ, — я пришелъ отъ короля, который нарочно прислалъ меня, чтобы выразить вамъ сожалѣніе о тѣхъ непріятностяхъ, которыя могли случиться съ вами вчера. Его величество узналъ, что вы... получили выговоръ отъ вашей матушки, которая, можетъ быть, думала, что король былъ недоволенъ. Но это несправедливо: король въ восторгѣ, въ восхищеніи, онъ все время говорилъ о встрѣчѣ съ вами, а вечеромъ онъ позвалъ меня и сказалъ: «Пойди и скажи этой барышнѣ, что я благодарю ее за ея любезный поступокъ; скажи ей, что ея любезность и великодушный порывъ очень тронули меня, что я благодарю и ее, и все ея семейство. Я далекъ отъ того, чтобы быть недовольнымъ, я въ восторгѣ, скажи это ея мамѣ, «sua mamma», скажи, что я всегда буду это помнить». Король видѣлъ, что этотъ порывъ исходилъ изъ вашего добраго сердца, и это польстило ему; король знаетъ, что вы ни въ чемъ не нуждаетесь, что вы иностранка — именно этимъ-то онъ и тронутъ. Онъ все время говорилъ объ этомъ и послалъ меня извиниться передъ вами за непріятности, которыя вы имѣли.

«Мама» увѣрила графа Денгофа, что она заперла меня на цѣлыя сутки въ наказаніе за мое бѣгство, и этотъ слухъ тотчасъ же распространился, тѣмъ болѣе, что я сидѣла за стеклами балкона въ то время, какъ мама гуляла съ Диной.

Я десять разъ перебивала его и, наконецъ, разразилась потокомъ словъ радости и благодарности.

— Король слишкомъ, слишкомъ добръ, желая успокоить меня. Я поступила, какъ безумная, воображая, что я у себя на родинѣ... и вижу императора, съ которымъ я говорила (это правда). Я была бы въ отчаяніи, если бы король хоть сколько-нибудь былъ недоволенъ моимъ поступкомъ. Я ужас-

но боялась, что оскорбила короля. Можетъ быть, я испугала его своею рѣзкостью...

— Его величество не можетъ никогда испугаться красивой дѣвушки, «bella ragazza», и я повторяю вамъ отъ имени короля, — это его слова, я ничего не прибавляю, — что онъ далекъ отъ того, чтобы быть недовольнымъ, что онъ въ восторгѣ, въ восхищенiи и благодаритъ васъ. Вы доставили ему огромное удовольствiе. Король замѣтилъ васъ въ прошломъ году въ Римѣ и въ Неаполѣ на карнавалѣ... и король очень сѣтуетъ на графа Денгофа, имя котораго онъ запомнилъ, за то, что онъ что-то сказалъ вамъ и помѣшалъ вамъ быть тутъ, когда король выходилъ.

Надо вамъ сказать, что Денгофъ въ испугѣ заперъ дверь, чего я и не замѣтила, такъ какъ была слишкомъ взволнована, чтобы мечтать снова увидѣть короля.

— Я говорилъ все время отъ имени его величества, повторяя собственныя его слова.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, повторите ему и мои: скажите королю, что я въ восторгѣ, что для меня это слишкомъ большая честь, что такое вниманiе трогаетъ меня глубоко, что я никогда не забуду доброты и изумительной деликатности короля, что я слишкомъ счастлива и слишкомъ польщена. Скажите королю, что я поступила, какъ безумная, но такъ какъ онъ не слишкомъ недоволенъ...

— Онъ въ восхищенiи...

— То это будетъ моимъ лучшимъ воспоминанiемъ. И какъ не боготворить королевской фамилiи, когда она такъ добра, такъ привѣтлива? Я понимаю общую любовь къ королю, къ принцу Гумберту и къ принцессѣ Маргаритѣ!

Въ концѣ концовъ адъютантъ просилъ маму дать ему свою карточку, чтобы передать ее королю.

Теперь я больше не боюсь, что объ этомъ станутъ говорить, напротивъ. Гремите трубы!

Если король не сердится, то я на седьмомъ небѣ.

Въ гостиницѣ говорятъ, что онъ поцѣловалъ мнѣ руку.

(Денгофъ прiѣхалъ изъ дворца, гдѣ былъ обѣдъ на 130 персонъ. Король говорилъ обо мнѣ и повторилъ нѣсколько разъ: «Она замѣчательна красива».

Король хорошій судья, и его сужденіе дѣлаетъ меня гораздо красивѣе въ глазахъ Денгофа и всѣхъ другихъ.

Вторникъ, 17 апрѣля. Каждый гражданинъ долженъ отбыть воинскую повинность; точно также каждый человѣкъ долженъ любить. Я отбыла свои восемь дней и свободна до новаго приказа.

Remituntur ei peccata multa quare dilfit multum (Zuc.).

Dulciores sunt lacrimae orantium quam gaudia theatrorum (Augustin).

Флоренція. Вторникъ, 8 мая. Хотите знать истину? Вотъ она, только помните хорошенько, что я скажу вамъ: я не люблю никого и я полюблю только того, кто будетъ пріятно щекотать мое самолюбіе... мое тщеславіе.

Когда чувствуешь себя любимой, то дѣйствуешь для другого и не стыдишься; напротивъ, считаешь свои поступки геройскими.

Я знаю, что ничего не стану просить для себя, но для другого я сдѣлала бы сотню низостей, такъ какъ эти низости возвышаютъ.

Этимъ я хочу вамъ доказать, что величайшія дѣла совершаются изъ эгоизма... Просить для себя было бы выше всего, такъ какъ это мнѣ стоило бы... о! даже подумать объ этомъ страшно!.. Но для другого это даже удовольствіе и придаетъ вамъ видъ самоотреченія, преданности и милосердія.

И въ эту минуту самъ вѣришь въ свою заслугу. Наивно считаешь себя и добрымъ, и преданнымъ, и возвышеннымъ!

Пятница, 11 мая. Говорила ли я о томъ, что у насъ былъ Гордиджіани, ободрялъ меня и предсказывалъ мнѣ артистическую будущность, что онъ остался доволенъ моими эскизами и выразилъ желаніе написать мой портретъ?

Флоренція. Суббота, 12 мая. Сердце мое сжимается при мысли, что я покидаю Флоренцію.

Ѣхать въ Ниццу! Я готовлюсь къ этому, какъ къ переѣзду черезъ пустыню, я хотѣла бы обриться, чтобы не трудиться надъ прической.

Укладываются, уѣзжаютъ! Чернила высыхаютъ на моемъ перѣ прежде, чѣмъ я рѣшусь написать слово, — такъ я исполнена сожалѣній.

Ницца. Среда, 16 мая. Я пробѣгала все утро по магазинамъ, отыскивыя недостающія бездѣлушки для моей комнаты, но въ этой дурацкой странѣ рѣшительно ничего нѣтъ. Я была даже у живописца, разрисовывающаго церковныя окна, у жестянника и еще у многихъ другихъ.

Меня мучаетъ мысль, что мой дневникъ не будетъ интересенъ, что невозможно придать ему интересъ, избѣгая неожиданностей. Если бы я писала съ перерывами, можетъ быть, я могла бы... но эти ежедневныя замѣтки заинтересуютъ развѣ какого-нибудь мыслителя, какого-нибудь глубокаго наблюдателя человѣческой природы... Тотъ, у кого не хватитъ терпѣнія прочесть все, не прочтетъ ничего и ничего не пойметъ.

Я счастлива въ моемъ прелестномъ и нарядномъ гнѣздышкѣ, въ моемъ цвѣтущемъ саду. Ницца для меня не существуетъ, я точно у себя на дачѣ.

Ницца, Среда, 23 мая. О! когда я думаю, что живешь только одинъ разъ и что всякая прожитая минута приближаетъ насъ къ смерти, я просто съ ума схожу!

Я не боюсь смерти, но жизнь такъ коротка, что растрачивать ее подло!

Четвергъ, 24 мая. Двухъ глазъ слишкомъ мало, и приходится ничего не дѣлать. Чтеніе и рисованіе страшно утомляетъ меня, и я засыпаю, когда вечеромъ пишу эти несчастныя строки.

Какое чудное время молодость!

Съ какимъ восторгомъ буду я вспоминать эти дни ученія и искусства! Если бы я такъ жила круглый годъ, а то случайно выпадаетъ такой день, недѣля... Натуры, которымъ Богъ далъ такъ много, расходуются въ бездѣліи...

Я стараюсь успокоиться, думая, что эту зиму я навѣрно примусь за работу. При мысли о томъ, что мнѣ 17 лѣтъ, я краснѣю до ушей; мнѣ почти 17 лѣтъ, а что я сдѣлала? Ничего... Это меня убиваетъ.

Между знаменитостями я ищу такихъ, которыя начали поздно, — для того, чтобы утѣшиться; да, но мужчина въ 17 лѣтъ еще ничего, тогда какъ 17-тилѣтней женщинѣ было бы 23, если бы она была мужчиной.

Жить въ Парижѣ... на сѣверѣ, послѣ этого чуднаго солнца, послѣ этихъ чистыхъ и мягкихъ ночей! Чего можно желать, что можно любить послѣ Италіи!.. Въ Парижѣ какъ въ цен-

трѣ цивилизованнаго міра, интеллигенціи, ума, модъ, конечно, можно жить, и жить съ удовольствіемъ; туда даже слѣдуетъ поѣхать ради... многаго, чтобы вернуться съ большимъ удовольствіемъ въ страну Бога, въ страну блаженныхъ, въ очаровательную, чудесную, божественную страну, дивную красоту и таинственную прелесть которой нельзя высказать никакими словами!

Пріѣхавъ въ Италію, вы смѣетесь надъ ея домишками, надъ ея лаццарони, смѣетесь даже остроумно и справедливо, но забудьте на минуту, что вы умный человѣкъ и весело надъ всѣмъ надсмѣхаетесь, и вы, подобно мнѣ, будете въ восхищеніи, будете плакать и смѣяться отъ восторга...

Я хотѣла сказать, что луна свѣтитъ чарующимъ блескомъ, и что въ огромномъ Парижѣ я буду лишена этой тишины, этой поэзіи, этихъ божественныхъ радостей, доставляемыхъ природой и небомъ.

Вторникъ, 29 мая. Чѣмъ болѣе я приближаюсь къ старости моей молодости, тѣмъ болѣе я ловлю себя на равнодушіи. Меня волнуетъ немногое, а прежде волновало все; перечитывая мое прошедшее, я придаю слишкомъ большое значеніе мелочамъ, видя, какъ онѣ меня волновали.

Довѣрчивость и впечатлительность, составляющія основу характера, были быстро утрачены.

Тѣмъ болѣе жалѣю я объ этой свѣжести чувства, что оно уже не вернется. Дѣлаешься спокойнѣе, но зато и не такъ наслаждаешься. Разочарованія не должны бы были такъ рано постигать меня. Если бы у меня не было разочарованій, изъ меня вышло бы что-нибудь сверхъестественное, я это чувствую.

Только что проглотила книгу, которая внушила мнѣ отвращеніе къ любви. Прелестная принцесса, влюбленная въ художника! Фи! этимъ я не хочу сказать ничего оскорбительнаго художникамъ, напустить на себя глупость, но... по моему, это не подходитъ. У меня всегда были аристократическіе взгляды, и я признаю породы людей, какъ и породы животныхъ. Часто, или, вѣрнѣе, всегда роды становились благородными, вслѣдствіе нравственнаго и физическаго воспитанія, результаты котораго передавались отъ отца къ сыну. Къ чему доискиваться причины?

Среда, 30 мая. Я перелистовала время моихъ близкихъ отношеній съ А... Право, удивительно, какъ я тогда разсужда-

ла. Я изумлена и исполнена восхищенія. Я позабыла всѣ эти вѣрныя, правдивыя разсужденія, я безпокоилась, чтобы не повѣрили въ мою любовь (прошлую) къ графу А... Слава Богу, этому нельзя повѣрить, благодаря моему дорогому дневнику. Нѣтъ, право, я не думала, что высказала столько истинъ и особенно не думала, что онѣ приходили мнѣ въ голову. Прошелъ ужъ годъ, и я боялась, что написала глупости; нѣтъ, право, я довольна. Не понимаю только, какъ могла вести я себя такъ глупо и разсуждаю такъ умно?

Должна повторить себѣ, что никакіе совѣты не помѣшали бы мнѣ сдѣлать что бы то ни было и что мнѣ нужна была опытность.

Мнѣ непріятно, что я такая ученая, но это нужно и, привыкнувъ къ этому, я буду находить, что это весьма естественно; я снова возвышусь въ той идеальной чистотѣ, которая всегда затаена гдѣ-то въ глубинѣ души, и тогда будетъ еще лучше; я буду болѣе спокойна, болѣе горда, болѣе счастлива, потому что будутъ цѣнить это, хотя теперь меня это оскорбляетъ, словно дѣло идетъ о другой.

Ибо женщина, которая пишетъ, и женщина, которую я описываю,—двѣ вещи разныя. Что мнѣ до ея страданій? Я записываю, анализирую! я изображаю ежедневную жизнь моей особы; но **мнѣ, мнѣ самой** все это весьма безразлично. Страдаютъ, плачутъ, радуются моя гордость, мое самолюбіе, мои интересы, моя кожа, мои глаза; но я при этомъ только наблюдаю, чтобы записать, разсказать и холодно обсудить всѣ эти ужасныя несчастныя несчастья, какъ Гуливеръ смотрѣлъ на своихъ Лиллипутовъ.

Мнѣ еще многое нужно сказать, чтобы объсниться, но довольно.

Безумная, безумная, не видящая чего хочетъ Богъ. Богъ хочетъ, чтобы я отъ всего отказалась и посвятила себя искусству! Черезъ пять лѣтъ я буду еще совсѣмъ молодая, быть можетъ, я буду прекрасна, прекрасна моей красотой... но если я буду только артистической посредственностью, которыхъ такъ много?

Для выѣздовъ въ свѣтъ этого было бы достаточно, но посвятить на это всю жизнь и не достигнуть!.. Въ Парижѣ, какъ повсюду, есть русская колонія!!

Не эти пошлыя соображенія бѣсятъ меня, но то, что какъ

они ни пошлы, они приводятъ въ отчаяніе и мѣшаютъ мнѣ заботиться о моемъ величіи.

Что такое жизнь безъ окружающаго, что можно сдѣлать въ полномъ одиночествѣ? Это заставляетъ меня ненавидѣть весь міръ, мою семью, ненавидѣть себя, богохульствовать! Жить, жить!.. Святая Марія, Матерь Божія, Господи Іисусе Христе, Боже мой, помогите мнѣ!

Но, если посвящаешь себя искусству, надо ѣхать въ Италію!!! Да, въ Римъ. Это гранитная стѣна, о которую я постоянно разбиваю голову!..

Я остаюсь здѣсь.

Пятница, 17 августа. Я увѣрилась, что не могу жить внѣ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я просто чахну, но по крайней мѣрѣ мнѣ ничего не хочется. Я отдала бы два года жизни, чтобы поѣхать въ Римъ въ первый разъ.

Къ несчастью, мы научаемся, какъ намъ надо бы поступить, когда уже дѣло непоправимо.

Живопись приводитъ меня въ отчаяніе! Потому что я обладаю данными для того, чтобы создавать чудеса, а между тѣмъ я, въ отношеніи знаній, ничтожнѣе первой встрѣчной уличной дѣвчонки, у которой замѣтили способности и которую посылаютъ въ школу.

Покрайней мѣрѣ я надѣюсь, что, взбѣшенное потерей того, что, могла бы создать, потомство обезглавитъ всѣхъ членовъ моей семьи.

Вы думаете я еще имѣю желаніе **выѣзжать?** Нѣтъ, это прошло. Я недовольна, раздосадована, и дѣлаюсь артисткой какъ недовольные дѣлаются республиканцами.

Кажется, я клевещу на себя.

Суббота, 18 августа. Читая Гомера, я уподобляла тетю, когда она сердится, Гекубѣ во время пожара Трои. Какъ бы ни была я глупа, какъ бы ни стыдилась высказывать восхищеніе классиками, но никто, мнѣ кажется, не можетъ избѣгнуть этого восхищенія. Какое бы ни было ваше отвращеніе вѣчно повторять одно и то же, какъ бы вы ни боялись заимствовать вашихъ восторговъ у почитателей по профессіи или повторять слова вашего профессора, но въ Парижѣ не смѣютъ говорить объ этихъ вещахъ, не осмѣливаются.

А между тѣмъ ни одна современная драма, ни одинъ романъ, ни одна комедія, производящая впечатлѣнія, ни Дюма, ни Жоржъ Зандъ не оставляли во мнѣ такого чистаго воспо-

минанія, такого глубокаго, непосредственнаго впечатлѣнія, какъ описаніе взятія Трои.

Мнѣ кажется, что я присутствовала при этихъ ужасахъ, слышала эти крики, видѣла пожаръ, была съ семьей Пріама, съ несчастными, прятавшимися за алтарями боговъ, гдѣ зловѣщій огонь, пожиравшій городъ, достигъ и обнаружилъ ихъ... И кто можетъ удержаться отъ легкой дрожи, читая о появленіи призрака Креузы?

Но когда я думаю о Гекторѣ, о сошедшемъ съ городскихъ стѣнъ съ такими хорошими намѣреніями, бѣгущемъ передъ Ахилломъ и три раза обѣгающемъ городъ, не переставая быть преслѣдуемымъ... я смѣюсь!..

И герой, который пропускаетъ ремень черезъ ноги, или вокругъ ногъ мертваго врага, тащитъ его вокругъ тѣхъ же укрѣпленій; я представляю его себѣ въ видѣ ужаснаго уличнаго мальчишки, скачущаго на палкѣ съ огромной деревянной саблей съ боку.

Не знаю, право, но мнѣ кажется, что только въ Римѣ я могла бы найти удовлетвореніе моимъ всемірнымъ мечтамъ... Тамъ находишься словно на вершинѣ міра.

Я бросила къ чорту «Journal d'un diplomate en Italie»; эта французская элегантность, эта вѣжливость, это банальное восхищеніе оскорбляютъ меня за Римъ. Французъ всегда мнѣ представляется разсѣкающимъ все по косточкамъ длиннымъ инструментомъ, который онъ деликатно держитъ двумя пальцами, и съ лорнетомъ на носу.

Римъ, какъ городъ, долженъ быть тѣмъ, чѣмъ я въ моемъ представленіи была, какъ женщина. Всѣ слова, употребляющіяся и приложимыя къ другимъ, для **насъ...** профанація.

Воскресенье, 19 августа. Я прочла «Ariane» Уйда. Эта книга меня опечалила, и въ то же время я почти желаю себѣ такой же участи, какъ судьба Жіойи.

Жіойя была воспитана на Гомерѣ и Виргиліи; послѣ смерти отца, она пѣшкомъ отправилась въ Римъ. Такъ ее ждало страшное разочарованіе. Она думала, что увидитъ Римъ временъ Августа.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ она занималась въ мастерской Марикса, знаменитаго въ то время скульптора, который, самъ того не зная, любитъ ее. Она занята только искусствомъ до появленія Илларіона, поэта, который своими поэмами заставляетъ плакать весь свѣтъ, который надо всѣмъ смѣется, мил-

лiонеръ, прекрасенъ, какъ богъ, и вездѣ обожаемъ. Пока Мариксъ любитъ молча, Илларiонъ заставляетъ полюбить себя изъ каприза.

Конецъ романа меня опечалилъ, и между тѣмъ я тотчасъ бы согласилась на судьбу Жiойи. Во-первыхъ, она обожала Римъ; затѣмъ она любила всей душой. И если она и была брошена, то брошена, **имъ,** если она и страдала, то изъ-за него. Я не понимаю, какъ можно быть несчастной отчего бы то ни было, если причиной тому тотъ, кого любишь... какъ она любила и какъ могла бы любить я, если бы я когда-нибудь любила!..

Она никогда не узнала, что онъ взялъ ее изъ одного каприза.

— Онъ меня любилъ, — говорила она, — но я не сумѣла удержать его.

Она прiобрѣла славу. Ея имя повторялось съ удивленiемъ и восторгомъ.

Она никогда не переставала любить его. Онъ для нея никогда не сошелъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, она всегда считала его безукоризненнымъ, почти безсмертнымъ, не хотѣла умереть **тогда,** «потому что онъ живетъ». Какъ можно убить себя, когда тотъ, кого любишь, не умираетъ? — говорила она.

И она умерла у него на рукахъ, слыша, какъ онъ говорилъ: я васъ люблю.

Но чтобы такъ любить, надо найти Илларiона. Человѣкъ, котораго вы будете такъ любить, не долженъ быть Богъ знаетъ какого происхожденiя.

Илларiонъ былъ сынъ австрiйскаго дворянина и греческой принцессы. Человѣкъ, котораго вы будете такъ любить, никогда не долженъ нуждаться въ деньгахъ, никогда быть слабымъ игрокомъ или бояться чего бы то ни было.

Когда Жiойя становилась на колѣни и цѣловала его ноги, мнѣ хочется думать, что ногти у него на ногахъ были розовые и что у него не было мозолей.

Вотъ она, ужасная дѣйствительность! Наконецъ, этотъ человѣкъ не долженъ никогда испытывать смущенiя при входѣ во дворецъ или въ общество, никакого стѣсненiя при видѣ мрамора, который онъ хочетъ купить или неудовольствiя отъ невозможности сдѣлать что бы то ни было, хотя бы даже самое сумасшедшее. Онъ долженъ быть выше оскорбленiй, трудностей, непрiятностей прочихъ людей. Онъ можетъ быть ни-

зокъ въ любви, но низокъ, какъ Илларіонъ, который, смѣясь, разбиваетъ сердце женщины и въ то же время плачетъ при видѣ женщины, терпящей въ чемъ-нибудь недостатокъ.

Это очень понятно. Какъ разбиваютъ сердца? Не любя или переставъ любить? Намѣренно ли это? Вольны ли въ этомъ? Нѣтъ. Ну, такъ нечего и дѣлать; эти упреки такъ глупы и въ то же время такъ банальны. Всѣ осуждаютъ, не давъ себѣ труда понять.

Такой человѣкъ долженъ всегда для отдыха находить на своемъ пути дворецъ, яхту, чтобы перевезти его туда, куда влечетъ его фантазія, брилліанты, чтобы украсить женщину, — слугъ, лошадей даже флейтистовъ, чортъ возьми.

Но это сказка! Отлично, но въ такомъ случаѣ такая любовь тоже выдумка. Вы мнѣ скажете, что любовь людей, зарабатывающихъ 1.200 франковъ въ годъ или имѣющихъ 25.000 франковъ дохода, которые экономничаютъ на перчаткахъ, обдумываютъ приглашенія, но тогда уже это совсѣмъ не то, совсѣмъ, совсѣмъ!

Тогда бываютъ влюблены, любятъ, приходятъ въ отчаяніе, удушаютъ себя угаромъ, убиваютъ соперниковъ или даже самихъ себя. Иногда безропотно покоряются. Но это не то, совсѣмъ не то. О! Совсѣмъ!

Я такъ щекотлива, что каждая мелочь меня оскорбляетъ.

Мариксъ и Криспэнъ поклялись его убить, но она не понимала, какъ можно мстить.

— Мнѣ мстить, за что? — говорила она, — мстить не за что. Я была счастлива, онъ меня любилъ.

И когда Мариксъ бросился къ ея ногамъ и поклялся ей быть ея другомъ и мстителемъ, она отвернулась съ ужасомъ и отвращеніемъ.

— Моимъ другомъ? — сказала она, — и вы желаете ему зла?

Я понимаю, что можно желать смерти человѣку, котораго любила, но не тому, котораго любишь. Я никогда не полюблю такъ, или найду только то, что я уже видѣла... Я буду слишкомъ унижена въ немъ. Подумайте только: если онъ живетъ во второмъ этажѣ, у своихъ родителей, я держу пари (послѣ того, что извѣстно черезъ Висконти), что мать только два раза въ мѣсяцъ мѣняетъ ему простыни.

Но обратитесь лучше къ Бальзаку за этими микроскопи-

ческими анализами, — мои слабыя несчастныя усилія не могутъ заставить понять меня.

Четвергъ, 23 августа. Я въ Шлангенбадѣ. Какъ и почему? Потому, что я не знаю, зачѣмъ я скучаю въ разлукѣ съ другими и разъ надо страдать, лучше страдать вмѣстѣ.

Мы съ тетей взяли двѣ комнаты въ Бадегаузѣ ради моихъ ваннъ; это удобно.

Фовель назначилъ мнѣ отдыхъ, и я его имѣю. Только мнѣ кажется, я еще не поправилась, — въ непріятныхъ вещахъ я никогда не обманываюсь.

Скоро мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. Это мало для тѣхъ, кому тридцать пять, но это много для меня, которая въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ жизни, въ качествѣ молодой дѣвушки, имѣла мало удовольствій и много горестей.

Искусство? Если бы меня не манило издали это магическое слово, я бы умерла.

Но для этого нѣтъ надобности ни въ комъ, зависишь только отъ себя, а если не выдерживаешь, то значитъ ты ничто и не долженъ больше жить. Искусство! Я представляю его себѣ какъ громадный свѣточъ тамъ, очень далеко, и я забываю все остальное и пойду, устремивъ глаза на этотъ свѣтъ... Теперь, о нѣтъ, нѣтъ! теперь, о Боже, не пугай меня! Что-то ужасное говоритъ мнѣ, что... Нѣтъ! Я этого не напишу, я не хочу навлекать на себя несчастія! Боже мой... сдѣлаютъ все, чтобы его избѣгнуть и, если... Объ этомъ нечего говорить... и... да будетъ воля Божія!

Я была въ Шлангенбадѣ два года тому назадъ. Какая разница!

Тогда у меня были всевозможныя надежды: теперь никакихъ.

Дядя Степанъ съ нами, какъ и тогда: съ нами попугай, какъ два года тому назадъ. Тотъ же переѣздъ черезъ Рейнъ, тѣ же виноградники, тѣ же развалины, замки, старыя легендарныя башни...

И здѣсь, въ Шлангенбадѣ, чудные балконы, какъ гнѣздышки изъ зелени; но ни развалины, ни хорошенькіе новенькіе домики меня не плѣняютъ. Я сознаю достоинство, прелесть, красоту, разъ они есть, но не могу ничего любить, что не тамъ.

Да и дѣйствительно, что есть подобнаго на свѣтѣ! Я не

умѣю это разсказать, но поэты убѣждали, а ученые доказывали это раньше меня.

Благодаря привычкѣ возить съ собой «кучу ненужныхъ вещей», черезъ какой-нибудь часъ я всюду устраиваюсь, какъ дома; мой несессеръ, мои тетради, моя мандолина, нѣсколько славныхъ толстыхъ книгъ, **моя канцелярія** и мои портреты. Вотъ и все. Но съ этимъ какая угодно комната, гостиница дѣлается удобной. Что я особенно люблю, это мои четыре толстыхъ красныхъ словаря, зеленый толстый Титъ-Ливій, совсѣмъ маленькій Данте, Ламартинъ средняго размѣра и мой портретъ, величиной съ кабинетный, написанный масляными красками въ темно-синей бархатной рамѣ и въ ящичкѣ изъ русской кожи. Со всѣмъ этимъ мой столъ тотчасъ же становится элегантнымъ, и двѣ свѣчи, освѣщающія эти теплые и мягкіе для глазъ цвѣта, почти примиряютъ меня съ Германіей.

Дина такъ добра... такъ мила! Я бы такъ хотѣла видѣть ее счастливой.

Вотъ слово! Какая отвратительная ложь — жизнь нѣкоторыхъ личностей!

Понедѣльникъ, 27 августа. Я прибавила одно прошеніе къ моей вечерней молитвѣ: Боже, благослови наше оружіе!

Я бы сказала, что я безпокоюсь, но въ такихъ важныхъ вещахъ, могу ли я говорить что бы ни было? Я ненавижу праздныя состраданія. Я не стала бы говорить о нашей войнѣ, если бы я могла что-нибудь сдѣлать. Я довольствуюсь, **несмотря ни на что,** тѣмъ, что упорно восхищаюсь нашей Императорской фамиліей, нашими великими князьями и нашимъ бѣднымъ милымъ Императоромъ.

Говорятъ, что мы плохо дѣйствуемъ. Хотѣла бы я посмотрѣть на пруссаковъ въ этой скудной, дикой наполненной предателями и засадами странѣ! Эти чудесные пруссаки шли по богатой и плодородной странѣ, какъ Франція, гдѣ каждую минуту они находили города и деревни, гдѣ они могли ѣсть, пить и грабить сколько угодно. Желала бы я видѣть ихъ на Балканахъ.

Не говоря уже о томъ, что мы сражаемся, а они по большей части покупаютъ и затѣмъ устраиваютъ человѣческую бойню.

Наши храбрецы умираютъ, «какъ дисциплинированные скоты», — говорятъ люди противной партіи, — «какъ герои», — говорятъ честные люди.

Но всѣ согласны, что никогда еще не дрались такъ, какъ дерутся теперь русскіе. Исторія подтвердитъ это.

Среда, 29 августа. Такъ какъ меня давно мучилъ непонятный для меня переходъ отъ имперіи къ царской власти, къ окончательному раздробленію Италіи, я взяла книгу Амедея Тьерри и ушла въ лѣсъ, гдѣ я читала и спала, и узнавала, что было нужно, бродя на удачу, не зная, куда я иду, и напрасно воображая себѣ встрѣчи, подобныя той, что я описала въ прошломъ году.

Русскимъ не везетъ. Читали военныя новости: Шипкинскій проходъ, впрочемъ, еще въ нашихъ рукахъ, завтра мы узнаемъ результатъ рѣшительныхъ дѣйствій. Я дала обѣтъ молчать до завтра, только бы наши побѣдили.

Мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ, это нелѣпо! Мои незрѣлые таланты, мои надежды, мои привычки, мои капризы сдѣлаются смѣшны въ восемнадцать лѣтъ. Начинать живопись въ восемнадцать лѣтъ, стремясь все дѣлать раньше и лучше другихъ!

Нѣкоторые обманываютъ другихъ, я же обманула себя.

Четвергъ, 30 августа. Я молчала, и сегодня вечеромъ въ Висбаденѣ мы узнали, что Шипка за нами, и турки разбиты (по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту), и что къ нашимъ идутъ большія подкрѣпленія.

Суббота, 1 сентября. Я много бываю одна, думаю, читаю безъ всякаго руководства. Быть можетъ, это хорошо, но, быть можетъ, и худо.

Кто можетъ поручиться, что я не полна софизмовъ и ложныхъ идей? Объ этомъ будутъ судить послѣ моей смерти.

Прощеніе, простите. Вотъ очень употребительныя на свѣтѣ слова. Христіанство насъ учитъ прощенію.

Что такое прощеніе?

Это отказъ отъ мщенія и наказанія. Но если не было намѣренія ни мстить, ни наказывать, можно ли **простить?** И да, и нѣтъ. **Да** потому, что такъ говорятъ себѣ и другимъ и поступаютъ, какъ будто бы обиды и не существовало!

Нѣтъ потому, что никто не властенъ надъ своей памятью, мятью, и пока **помнятъ,** еще **не простили.**

Я весь день провела дома вмѣстѣ съ нашими, собственными руками чинила башмакъ изъ русской кожи для Дины; затѣмъ я вымыла большой деревянный столъ, какъ горничная, и на этомъ столѣ я начала дѣлать вареники. Мои забавлялись,

глядя, какъ я мѣсила муку съ засученными рукавами и съ черной бархатной ермолкой на головѣ «какъ Фаустъ».

Четвергъ, 6 сентября. Остаться въ Парижѣ. Я окончательно остановилась на этомъ, и мама тоже. Я была съ ней весь день. Мы не ссорились и все было бы хорошо, если бы она не была больна, особенно вечеромъ. Со вчерашняго дня она не покидаетъ постели.

Я рѣшила остаться въ Парижѣ, гдѣ буду учиться и откуда лѣтомъ для развлеченія буду ѣздить на воды. Всѣ мои фантазіи изсякли: Россія обманула меня, и я исправилась. Я чувствую, что наступило наконецъ время остановиться. Съ моими способностями въ два года я нагоню потерянное время.

Итакъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и да будетъ надо мною благословеніе Божіе. Это рѣшеніе не мимолетное, какъ многія другія, но окончательное.

Воскресенье, 9 сентября. Я плакала сегодня. Безпорядочное начало моей жизни мучитъ меня. Сохрани меня Богъ видѣть въ себѣ непризнанное божество, о право я несчастна. Уже сколько разъ я была склонна признать себя существомъ, «преслѣдуемымъ злымъ рокомъ», но каждый разъ возмущалась при этой ужасной мысли:

Nunquam anuthematis vinculis exuenda! Есть люди, которымъ все удается, а другимъ — наоборотъ. И противъ этой истины нельзя ничего возразить. И въ этомъ-то и заключается весь ужасъ положенія.

Вотъ уже три года, какъ я могла бы серьезно работать, но въ тринадцать лѣтъ я гонялась за тѣнью герцога Г..., какъ ни плачевно въ этомъ признаться... Я не обвиняю себя, потому что нельзя сказать, чтобы я сознательно расходовалась на все это. Я жалѣю себя, но не могу во всемъ упрекать себя. Обстоятельства во взаимодѣйствіи съ моей полной свободой, постоянно стѣсняемой однако, съ моимъ невѣжествомъ, моя экзальтированность, да еще воображающая себя скептицизмомъ, выработаннымъ опытностью сорокалѣтняго человѣка, — все это бросало меня изъ стороны въ сторону. Богъ знаетъ куда и какъ! Другіе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, могли бы встрѣтить какую-нибудь солидную поддержку, а это дало бы возможность приняться за работу въ Римѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, или, наконецъ, привело бы къ браку. У меня— ничего.

Я не сожалѣю о томъ, что жила все время по своему

благоусмотрѣнію; странно было бы сожалѣть объ этомъ, зная, что никакой совѣтъ мнѣ ни къ чему не служитъ. Я вѣрю только тому, что испытываю сама.

Понедѣльникъ, 10 сентября. Завтра утромъ мы выѣзжаемъ. Я очень люблю Шлангенбадъ. Здѣсь такія прекрасныя деревья, воздухъ такой мягкій... Можно ни съ кѣмъ не встрѣчаться, если хочешь.

Я знаю всѣ тропинки, всѣ аллеи. Человѣкъ, умѣющій удовольствоваться Шлангенбадомъ, можетъ быть вполнѣ счастливъ.

Мои матери не понимаютъ меня. Въ моемъ желаніи поѣхать въ Римъ онѣ усматриваютъ только прогулки на Пинчіо, оперу и «уроки живописи». Если бы я всю жизнь потратила на разъясненіе имъ своего энтузіазма, онѣ, можетъ быть, поняли бы его, но какъ нѣчто «безполезное», какъ какую-нибудь мою причуду... Мелочи обыденной жизни поглощаютъ ихъ, и потомъ, говорятъ, надо ужъ родиться съ любовью ко всему этому, иначе ничего не поймешь, будь тамъ хоть какимъ хочешь умнымъ, благороднымъ и прекраснымъ человѣкомъ. Или это я, можетъ быть, глупа?

Хотѣла бы я быть фаталисткой.

Парижъ. Среда, 19 сентября. Я перечитала всю передрягу съ А... и очень боюсь, что меня примутъ или за идіотку, или за особу довольно легкомысленную, нѣтъ. Я принадлежу къ порядочной семьѣ... однако, что я говорю!..

Я просто была глупа. Не подумайте, что называю себя глупой изъ кокетства или желая казаться милой. Я говорю это съ глубочайшей грустью, такъ какъ я убѣждена въ этомъ.

И это я, которая хотѣла поглотить міръ?.. Въ семнадцать лѣтъ я уже блазированное существо, и никто даже не знаетъ, что я существую. Я знаю, что я глупа. А. служитъ тому доказательствомъ.

А между тѣмъ, когда я говорю, я говорю умно; никогда во время — это правда, но...

Четвергъ, 20, пятница, 21 сентября. Глубокое отвращеніе къ самой себѣ. Я ненавижу все, что я дѣлаю, говорю и пишу. Я ненавижу себя, потому что не оправдала ни одной изъ своихъ надеждъ. Я обманулась.

Я глупа, у меня нѣтъ такта, и никогда не было. Укажите мнѣ хоть на одно мое умное слово или рзумный поступокъ. Ничего кромѣ глупостей! Я считала себя умной, а я нелѣпа. Я

считала себя смѣлой, а я боязлива. Я думала, что у меня талантъ, и не знаю, куда я его дѣла. И при всемъ этомъ претензія писать прелестныя вещи! Вы, можетъ быть, сочтете умнымъ то, что я только что высказала, это только такъ кажется, но на самомъ дѣлѣ не умно. У меня недостаетъ ловкости судить о себѣ вѣрно, что заставляетъ предполагать скромность и массу другихъ качествъ. Я ненавижу себя!

Суббота, 22 сентября. Не знаю, какъ это произошло, но мнѣ кажется, что я хочу остаться въ Парижѣ. Мнѣ кажется, что годъ въ мастерской Жуліана будетъ для меня хорошимъ основаніемъ.

Вторникъ, 2 октября. Сегодня мы переѣзжаемъ на новую квартиру на Champs Elysées, 71. Несмотря на всю эту суматоху, у меня нашлось время съѣздить въ мастерскую Жуліана, единственную серьезную школу для женщинъ. Тамъ работаютъ каждый день отъ восьми часовъ до полудня и отъ часу до пяти. Когда Жуліанъ ввелъ меня въ залу, то позировалъ какой-то обнаженный человѣкъ.

Среда, 3 октября. Такъ какъ среда счастливый день для меня, и кромѣ того сегодня не четвертое число, которое для меня всегда несчастливо, то я спѣшу начать сегодня какъ можно больше дѣлъ.

Я набросала у Жуліана карандашомъ эскизъ головы en trois quarts, и, судя по его словамъ, онъ не ожидалъ, что выйдетъ такъ хорошо у начинающей. Я уѣхала рано, мнѣ хотѣлось только начать сегодня. Мы поѣхали въ Булонскій лѣсъ; я сорвала пять дубовыхъ листьевъ и отправилась къ Дусэ, который въ полчаса сдѣлалъ мнѣ прелестную голубую накидку на плечи. Но чего пожелать?.. Быть милліонершей? Чтобы вернулся мой голосъ? Получить римскій призъ, скрываясь подъ мужскимъ именемъ? Выйти за Наполеона IV? Войти въ высшій свѣтъ? **Я желаю скораго возвращенія моего голоса.**

Четвергъ, 4 октября. День проходитъ скоро, когда рисуешь отъ восьми часовъ до полудня и отъ часу до пяти. На одни переѣзды идетъ почти полтора часа, и кромѣ того я немного опоздала, такъ что работала только шесть часовъ.

Когда я только подумаю о годахъ, цѣлыхъ годахъ, которые потеряны мною! Отъ гнѣва испытываешь желаніе послать все къ чорту... Но это было бы еще хуже. Итакъ, ничтожное и отвратительное существо, будь довольна и тѣмъ, что, нако-

нецъ, принялась за дѣло! Я могла бы начать въ тринадцать лѣтъ! Четыре года!

Я бы писала уже историческія картины, если бы начала четыре года тому назадъ. То, что я знаю, только вредитъ мнѣ. Все это надо передѣлывать.

Я принуждена была два раза начинать голову en face, прежде чѣмъ нарисовала удовлетворительно.

Что же касается рисунка съ живой натуры, называемаго «академіей», то я сдѣлала его безъ труда, и Жуліанъ не поправилъ ни одной линіи. Его не было, когда я пріѣхала, и одна изъ ученицъ показала мнѣ, какъ начать; я никогда раньше не видала такихъ рисунковъ.

Все, что я ни дѣлала до сихъ поръ, было никуда не годное **вранье!**

Наконецъ я работаю съ артистами, съ настоящими артистами, произведенія которыхъ выставляются въ салонѣ, которымъ платятъ за картины и портреты, которые даже даютъ уроки.

Жуліанъ доволенъ моимъ началомъ. «Къ концу зимы вы будете дѣлать очень хорошіе портреты», — сказалъ онъ мнѣ.

Онъ говоритъ, что его ученицы иногда не слабѣе его учениковъ. Я бы стала работать съ послѣдними, но они курятъ, да къ тому же нѣтъ никакой разницы. Разница еще была, когда женщины рисовали только одѣтыхъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ рисуютъ съ голой натуры, это все равно.

Служанка при мастерской такая, какія описываются въ романахъ.

— Я всегда была съ артистами, — говоритъ она,—я уже болѣе не мѣщанка, я артистка.

Я довольна, довольна!

Пятница, 5 октября.

— Вы сами это сдѣлали? — спросилъ Жуліанъ, войдя въ мастерскую.

— Да.

Я покраснѣла, точно сказала неправду.

— Ну... я очень доволенъ, очень доволенъ.

— Да.

— Очень доволенъ.

А я-то! Слѣдуютъ совѣты... я еще не ослѣплена превосходствомъ другихъ, но я уже не такъ боюсь. Все это женщины, которыя учатся уже три, четыре года въ мастерской, въ Луврѣ, занимаются серьезно.

Суббота, 6 октября. Я никого не видала, потому что была въ мастерской.

— Будьте спокойны, — сказалъ мнѣ Жуліанъ, — вы не долго будете въ дорогѣ.

А когда въ пять часовъ мама пріѣхала за мной, онъ сказалъ ей приблизительно слѣдующее:

— Я думалъ, что это капризъ балованнаго ребенка, но я долженъ сознаться, что она дѣйствительно работаетъ, что у нея есть воля, и что она хорошо одарена. Если это будетъ такъ продолжаться, то черезъ три мѣсяца ея рисунки могутъ быть приняты въ салонъ.

Каждый разъ, подходя поправлять мой рисунокъ, онъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спрашиваетъ, сама ли я его сдѣлала.

Еще бы! Я ни разу не спрашивала совѣта ни одной изъ ученицъ, за исключеніемъ одного раза въ самомъ началѣ.

Я немного усваиваю ихъ артистическія манеры...

Въ мастерской все исчезаетъ; тутъ не имѣешь ни имени, ни фамиліи; тутъ перестаешь быть дочерью своей матери, тутъ всякій самъ по себѣ, каждая личность имѣетъ передъ собой искусство и ничего болѣе. Чувствуешь себя такой довольной, такой свободной, такой гордой!

Наконецъ я такая, какою уже давно хотѣла быть. Я такъ давно хотѣла этого, что теперь даже не вѣрится.

Кстати, знаете, кого я встрѣтила на Champs Elysées?

Просто-на-просто герцога Г.., занимавшаго цѣлый фіакръ. Красивый, нѣсколько полный молодой человѣкъ, съ красноватыми волосами и красивыми усами, обратился въ толстаго англичанина, очень рыжаго съ рыжими бакенбардами.

Однако четыре года... мѣняютъ человѣка. Черезъ полчаса я ужъ не думала о немъ.

Sic transit gloria Ducis.

Какая я была экзальтированная!

Понедѣльникъ, 8-го октября. Новая модель головы, — это утромъ. Нѣчто въ родѣ пѣвицы изъ кафе-шантана, которая пѣла во время отдыховъ. Послѣ полудня нашей натурой была молодая дѣвушка.

Говорятъ, что ей только семнадцать лѣтъ, но увѣряю васъ, что ея талія успѣла уже сильно пострадать. Говорятъ, что эти нищія ведутъ невозможную жизнь.

Поза трудная, мнѣ приходится работать съ усиліемъ.

Люди потому стыдятся своей наготы, что не считаютъ себя совершенными. Если бы они были увѣрены, что на тѣлѣ нѣтъ ни одного пятна, ни одного дурно сложеннаго мускула, ни обезображенныхъ ногъ, то стали бы гулять безъ одежды и не стыдились бы. Только не даютъ себѣ отчета, но стыдятся именно по той причинѣ, а не отъ чего другого. Развѣ можно устоять и не показать что-нибудь дѣйствительно прекрасное и чѣмъ можно гордиться? Кто, начиная съ царя Кандавла, хранилъ про себя свое сокровище или красоту? Но насколько каждый легко удовлетворяется своимъ лицомъ, настолько всякій совѣстливъ относительно своего тѣла.

Стыдливость исчезаетъ только передъ совершенствомъ, ибо красота всемогуща. Съ той минуты, какъ могутъ сказать что-нибудь другое, чѣмъ «это прекрасно»!, значитъ это не **совершенство.** И тогда есть мѣсто осужденію и всему прочему.

Я только что сказала, что совершенная красота освобождаетъ отъ всякихъ стѣсненій и заставляетъ васъ забыть все. Музыка, позволяющая вамъ видѣть недостатки постановки, несовершенна. Геройскій поступокъ, который въ минуту его совершенія оставляетъ въ вашихъ чувствахъ мѣсто чему-нибудь кромѣ удивленія, не есть поступокъ безусловно героическій. **Нужно, чтобы то, что вы видите или слышите, было достаточно возвышено, чтобы наполнить всю вашу голову; тогда оно будетъ безконечно могущественно.**

Разъ вы видите нагую женщину и говорите, что это дурно, то эта женщина не есть воплощеніе красоты, потому что у васъ явилась другая мысль, чѣмъ та, которая перешла въ мозгъ черезъ глаза. Вы забываете, что это прекрасно, говоря, что она обнажена. Слѣдовательно, красоты ея не было достаточно, чтобы вполнѣ поглотить васъ. Поэтому-то тѣ, которыя показываются, стыдятся, а тѣ, которыя смотрятъ, шокируются.

Стыдятся, зная, что другіе находятъ это дурнымъ; но если бы не находили этого дурнымъ, то-есть, если бы это было всѣми принято, тогда и не стыдились бы.

Итакъ: абсолютныя совершенство и красота уничтожаютъ, даже предупреждаютъ осужденіе, слѣдовательно уничтожаютъ стыдливость.

Вторникъ, 9-го октября. Я рисовала свою пѣвицу на очень близкомъ разстояніи и въ раккурсѣ. На всю эту недѣ-

лю у меня самое дурное мѣсто въ мастерской, потому что я поздно пришла въ понедѣльникъ.

— Но это совсѣмъ недурно, — сказалъ Жуліанъ, — я даже удивленъ, что вы сдѣлали ее такъ. Это самая трудная поза, и какъ можете вы работать на такомъ близкомъ разстояніи? Ну, я вижу, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Вотъ мой міръ. Мои выѣзжаютъ, ѣздятъ въ театръ, я же рисую, въ ожиданіи масленицы въ Неаполѣ, если мои мысли не измѣнятся и не произойдетъ ничего новаго.

Среда, 10-го октября. Не думайте, пожалуйста, что я дѣлаю чудеса потому, что Жуліанъ удивляется. Онъ удивляется потому, что приготовлялся къ фантазіямъ богатой дѣвушки и при томъ начинающей. Мнѣ недостаетъ опытности, но то, что я дѣлаю, вѣрно, и я схватываю сходство. Что же касается исполненія, оно таково, каково можетъ быть послѣ восьмидневной работы.

Всѣ мои сотоварищи рисуютъ лучше меня, но ни одна не рисуетъ такъ вѣрно и такъ похоже. Что заставляетъ меня думать, что я буду рисовать лучше ихъ, это то, что, чувствуя ихъ достоинства, я не удовольствуюсь, если достигну того же, между тѣмъ какъ большинство начинающихъ всегда говоритъ: если бы только я могла рисовать, какъ та или другая!

У нихъ есть практика, знаніе, опытность, но эти сорокалѣтнія дѣвушки не сдѣлаютъ ничего лучше, чѣмъ дѣлаютъ теперь. Тѣ, которыя молоды, рисуютъ хорошо, у нихъ есть время, но нѣтъ будущаго.

Быть можетъ, я ничего не достигну, но это будетъ только изъ-за нетерпѣнія. Я готова убить себя за то, что не начала четыре года тому назадъ, и мнѣ кажется, что теперь слишкомъ поздно.

Посмотримъ.

Четвергъ, 11-го октября. Лино говоритъ, что сожалѣнія о прошломъ безплодны; я же каждую минуту говорю себѣ: какъ бы все было хорошо, если бы я училась уже три года! Теперь я уже была бы великой артисткой и могла бы и т. д. и т. д.

Жуліанъ сказалъ служанкѣ при мастерской, что я и Шепи подаемъ наибольшія надежды. Вы не знаете кто такая Шепи? Шепи это швейцарка. Какое произношеніе! Словомъ, Жуліанъ сказалъ, что я могу сдѣлаться великой артисткой.

Я узнала это черезъ Розалію. Такъ холодно, что у меня насморкъ, но я **прощаю** все ради того, что рисую.

А ради чего я рисую? Ради всего того, что я оплакиваю съ сотворенія міра! Ради всего того, чего мнѣ недоставало и недостаетъ! Чтобы добиться, благодаря моему таланту, благодаря... всему, чему угодно, но добиться! Если бы у меня было **все это,** быть можетъ, я не сдѣлала бы ничего.

Пятница, 12-го октября. Знаете что, — сказала я Жуліану, — я совсѣмъ потеряла бодрость. Еще вчера одна дама сказала мнѣ, что я не должна работать, не имѣя никакого таланта.

— Она это сказала, эта дама?

— Ну да, и очень серьезно.

— Отлично, вы можете сказать ей, что черезъ три мѣсяца, — три мѣсяца не слишкомъ много, — черезъ три мѣсяца вы сдѣлаете ея портретъ en face, en trois quarts или въ профиль, однимъ словомъ, какъ ей будетъ угодно, и не дурной портретъ, понимаете? похожій и недурно написанный. Ну, вотъ она увидитъ. Черезъ три мѣсяца, — и если я говорю это здѣсь и такъ, что всѣ здѣсь присутствующіе могутъ меня слышать, это значитъ, что я говорю не нѣчто необыкновенное, но нѣчто вѣрное.

Это собственныя его слова, сказанныя съ южнымъ акцентомъ, который даже двадцать лѣтъ жизни въ Парижѣ не могли совершенно изгладить, — и тѣмъ лучше. Я очень люблю южный акцентъ.

Суббота, 13-го октября. По субботамъ въ мастерскую пріѣзжаетъ художникъ Тони Роберъ-Флери, написавшій картину **Послѣдній день Коринѳа,** которая куплена государствомъ и помѣщена въ Люксембургѣ. Кромѣ того первые художники Парижа время отъ времени пріѣзжаютъ давать **намъ** совѣты.

Я начала въ прошлую среду, а въ субботу на той недѣлѣ онъ не былъ, такъ что для меня это было въ первый разъ. Когда онъ подошелъ къ моему мольберту и хотѣлъ высказать свои замѣчанія, я прервала его:

— Извините, но я начала только десять дней тому назадъ...

— Гдѣ вы рисовали прежде? — спросилъ онъ, смотря на мой рисунокъ.

— Да нигдѣ.

— Какъ нигдѣ?

— Такъ, я взяла тридцать два урока рисованія, для развлеченія...

— Это не значитъ учиться.

— Я знаю, а потому...

— Вы никогда не рисовали съ натуры, прежде чѣмъ попали сюда?

— Никогда.

— Это невозможно.

— Но увѣряю васъ.

— Вамъ никогда не давали совѣтовъ?

— Да... Четыре года тому назадъ я брала уроки, какъ маленькая дѣвочка: меня заставляли срисовывать гравюры.

— Это ничего не значитъ, я не объ этомъ говорю.

И, такъ какъ онъ все еще, казалось, не вѣрилъ, я должна была прибавить:

— Я могу дать вамъ въ этомъ честное слово, если хотите.

— Въ такомъ случаѣ это значитъ, что у васъ необыкновенныя способности, что вы особенно даровиты, и я совѣтую вамъ работать.

— Я только это и дѣлаю уже десять дней... Хотите посмотрѣть, что я рисовала до этой головы?

— Да, я кончу съ этими барышнями, и вернусь.

— Ну, — сказалъ онъ, — осмотрѣвъ три или четыре мольберта, покажите вашу работу.

— Вотъ, — отвѣчала я, начиная съ головы архангела, и, такъ какъ я хотѣла показать ему только два рисунка, онъ мнѣ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, покажите мнѣ все, что вы сдѣлали.

Такимъ образомъ я показала ему обнаженную фигуру, неоконченную, такъ какъ я начала только въ прошлый четвергъ; затѣмъ голову пѣвицы, въ которой онъ нашелъ много характерности; ногу, руку и фигуру Августины.

— Вы рисовали эту фигуру самостоятельно?

— Да, и я никогда не видала такихъ фигуръ, а не только что не знала, какъ ихъ дѣлаютъ.

Онъ улыбался и ничему не вѣрилъ, такъ что я снова должна была дать честное слово, и онъ опять сказалъ:

— Удивительно, и это способности необычайныя. Эта фигура очень недурна, очень, а вотъ эта часть даже хороша. Работайте... и т. д. и т. д.

Слѣдуютъ совѣты. Остальныя все это слышали, и я

возбудила къ себѣ зависть, такъ какъ ни одна изъ нихъ не слышала ничего подобнаго; а онѣ учатся годъ, два, три, дѣлаютъ академіи съ прекрасныхъ моделей, рисуютъ въ Луврѣ! Конечно съ нихъ спрашиваютъ больше, чѣмъ съ меня, но имъ можно бы было сказать что-нибудь равнозначущее, хотя и въ другомъ родѣ.

Значитъ правда, и я не... я не хочу говорить, потому что этимъ я только принесу себѣ несчастіе... но я полагаюсь на Бога. Я такъ боюсь!..

За это мнѣ пришлось послѣ полудня выслушать грубость въ третьемъ лицѣ. Испанка — до сихъ поръ добрая, крайне услужливая дѣвушка, со страстью къ рисованію, но безъ вѣрнаго глаза — такъ вотъ эта испанка, говоря о какой-то голландкѣ, сказала, что, поступая въ мастерскую, всегда всѣ поражаютъ своими быстрыми успѣхами, но что эти пустяки кажутся значительными для тѣхъ, кто ничего не знаетъ, что они даются безъ труда, но что чѣмъ больше учатся, тѣмъ больше видятъ, какъ много надо еще учиться.

Но со всѣмъ тѣмъ вѣдь есть двѣ или три начинающія! Развѣ онѣ дѣлаютъ такіе же быстрые успѣхи?

Суббота, 13 октября. Изложимъ вкратцѣ и запомнимъ повѣствованіе о нашихъ успѣхахъ.

— Ну что же? — воскликнулъ Жуліанъ, скрещивая передо мною руки.

Я даже испугалась, и, краснѣя, спросила, что съ нимъ.

— Но вѣдь это чудесно: вы и въ субботу работаете до вечера, когда всѣ даютъ себѣ небольшой отдыхъ!

— Ну такъ что же! мнѣ больше нечего дѣлать, а вѣдь надо же чѣмъ-нибудь заняться.

— Это прекрасно. Знаете, что Робертъ-Флери совсѣмъ не недоволенъ вами?

— Да, онъ мнѣ сказалъ это.

— Онъ бѣдный все еще немного боленъ.

И нашъ учитель, помѣстившись среди насъ, началъ болтать... что онъ дѣлаетъ рѣдко, и что очень цѣнится.

Роберъ-Флери, послѣ того, какъ посѣтилъ насъ, разговаривалъ съ Жуліаномъ. Понятно, что мнѣ хотѣлось узнать еще что-нибудь, такъ какъ я ожидала услышать только лестныя для себя вещи.

Поэтому я пошла за нимъ и нашла его въ дополнительномъ классѣ, гдѣ онъ поправлялъ рисунокъ одной прелестной блондинки.

— Monsieur Жуліанъ... скажите мнѣ, что сказалъ вамъ обо мнѣ Роберъ-Флери... я знаю, я знаю, что я еще плохо работаю, но онъ, онъ могъ судить... немного, по началу и, если...

— Если бы вы узнали, что онъ говорилъ о васъ, то немного покраснѣли бы...

— Ну ничего, я постараюсь выслушать и не слишкомъ...

— Онъ сказалъ мнѣ, что это сдѣлано съ большимъ пониманіемъ и что...

— Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я никогда не рисовала.

— Боже мой! конечно нѣтъ. Разговаривая со мной, онъ все еще не вѣрилъ этому, такъ что я долженъ былъ разсказать ему, какъ вы нарисовали голову архангела, которую я заставилъ васъ начать сызнова... Вы помните, какъ все было.. однимъ словомъ, какъ у человѣка ничего незнающаго.

— Да.

Мы оба засмѣялись. О! это все такъ весело!

Теперь, когда кончились всѣ эти сюпризы, удивленія, ободренія, недовѣрія, всѣ эти восхитительныя для меня вещи, теперь начнется работа. У насъ обѣдала m-me Д. Я была спокойна, сдержанна, молчалива, едва любезна. Я ни о чемъ больше не думала, исключая, рисованія.

Я писала все это и останавливалась, думая о предстоящей работѣ, о времени, о терпѣніи, о трудностяхъ...

Сдѣлаться художникомъ не такъ легко, какъ сказать это; кромѣ таланта и генія существуетъ еще эта неумолимая механическая работа... И какой-то голосъ говоритъ мнѣ: ты не почувствуешь ни времени, ни трудностей и ты навѣрно достигнешь!

И знайте, я вѣрю этому голосу! Онъ меня никогда не обманывалъ, и онъ не разъ предсказывалъ мнѣ несчастія, такъ что и на этотъ разъ не лжетъ. Я вѣрю и чувствую, что имѣю право вѣрить.

Понедѣльникъ, 15 октября. Сегодня начались вечернія занятія отъ восьми до десяти часовъ.

Жуліанъ былъ изумленъ при видѣ меня. Вечеромъ онъ работалъ съ нами, и мнѣ было очень весело.

Однако сколько же насъ было сегодня? Я, полька, Фаргаммеръ, одна француженка, Амалія (испанка), одна американка и учитель.

Дина тоже присутствовала. Это такъ интересно. Свѣтъ такъ хорошо падаетъ на модель, тѣни такъ просты!

Вторникъ, 16 октября. Послѣ полудня былъ Роберъ-Флери и отнесся ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ.

Я, по обыкновенію, весь день провела въ мастерской, отъ девяти часовъ до половины перваго. Я еще не могу достигнуть того, чтобы приходить ровно въ восемь.

Въ полдень я уѣзжаю, завтракаю и возвращаюсь къ двадцати минутамъ второго и остаюсь до пяти, а вечеромъ отъ восьми до девяти. Такимъ образомъ у меня уходитъ на это девять часовъ въ сутки.

Это меня нисколько не утомляетъ; если бы физически было возможно работать больше, я стала бы работать больше. Есть люди, которые называютъ это работой. Увѣряю васъ, что для меня это игра, а говорю это безъ всякаго фанфаронства.

Девять часовъ это такъ мало, а я не могу работать даже столько каждый день, потому что отъ Champs Elysées до улицы Вивьенъ очень далеко, потому что часто никто не хочетъ ѣхать со мной вечеромъ, потому что изъ-за этого я возвращаюсь въ половинѣ одиннадцатаго, пока я засну — уже полночь и на другой день я теряю часъ. Впрочемъ, если ѣздить правильно отъ восьми до двѣнадцати, и отъ часа до пяти, то у меня будетъ восемь часовъ.

Зимою въ четыре часа будетъ уже темно; ну что же, тогда я непремѣнно буду пріѣзжать по вечерамъ.

У насъ всегда по утрамъ бываетъ карета, а на остальной день ландо.

Видите ли, дѣло въ томъ, что въ одинъ годъ надо сдѣлать работу трехъ лѣтъ. И такъ какъ я подвигаюсь очень быстро, эти три года, заключенные въ одинъ, составятъ собою по меньшей мѣрѣ шесть лѣтъ для обыкновенныхъ способностей.

Я разсуждаю, какъ дураки, которые говорятъ: что другая сдѣлала бы въ два года, то я сдѣлаю въ шесть мѣсяцевъ. Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго.

Дѣло не въ скорости. Тогда только пришлось бы употребить побольше времени. Конечно, терпѣніемъ можно добиться извѣстныхъ результатовъ. Но того, что я смогу сдѣлать черезъ два года, датчанка никогда не сдѣлаетъ. Когда я начинаю исправлять людскія заблужденія, я путаюсь и раздражаюсь, потому что никогда не успѣваю кончить начатую фразу.

Словомъ, если бы я начала три года тому назадъ, то теперь могла бы удовольствоваться шестью часами въ день; но теперь мнѣ надо девять, десять, двѣнадцать, ну однимъ словомъ, сколько только возможно. Разумѣется, даже начавъ три года тому назадъ, надо было бы работать насколько возможно больше, но въ концѣ концовъ, что прошло... довольно!..

Гордиджани говорилъ мнѣ, что онъ работалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки.

Возьмемъ отъ двадцати четырехъ часовъ семь часовъ на сонъ, два часа на то, чтобы раздѣться, помолиться, нѣсколько разъ вымыть руки, одѣться, причесаться, однимъ словомъ все это; два часа на то, чтобы ѣсть и отдыхать немного—это составитъ одиннадцать часовъ.

Итакъ, значитъ это правда, ибо остается тринадцать часовъ.

Да, но у меня проѣзды отнимаютъ часъ съ четвртью.

Ну да, я теряю около трехъ часовъ. Когда я буду работать дома, я уже не буду ихъ терять. При томъ... при томъ, если видѣться съ людьми, бывать на прогулкахъ, въ театрѣ...

Мы постараемся избѣжать всего этого, такъ какъ въ той степени, въ какой я могу всѣмъ этимъ пользоваться, это только скучно.

Четвергъ, 18 октября. Моя академія показалась Жуліану такъ хороша, что онъ сказалъ, что это совершенно **необычайно и чудесно** для начинающей. Но право же, развѣ это не удивительно: есть и планъ, и торсъ не дуренъ, и дѣйствительно все очень пропорціонально — для начинающей...

Пока я краснѣла, всѣ ученицы встали и подошли посмотрѣть мой рисунокъ.

Боже, какъ я довольна!

Вечерняя академія была такъ плоха, что Жуліанъ посовѣтовалъ мнѣ ее передѣлать. Желая сдѣлать особенно хорошо, я ее испортила.

Третьяго дня она была недурна.

Суббота, 20 октября. Бреслау получила много похвалъ Робера-Флери, я же нѣтъ. Академія довольно хороша, но за исключеніемъ головы. Я съ ужасомъ спрашиваю себя, когда же я буду хорошо рисовать?

Равно пятнадцать дней, что я работаю, понятно кромѣ двухъ воскресеній. Пятнадцать дней!

Бреслау работаетъ уже два года въ мастерской, и ей

двадцать лѣтъ, а мнѣ семнадцать; но Бреславу много рисовала еще до поступленія.

А я! несчастная!

Я рисую только пятнадцать дней... Какъ хорошо рисуетъ эта Бреславу!

Понедѣльникъ, 22 октября. Модель была уродлива, и вся мастерская отказалась рисовать ее. Я предложила отправиться посмотрѣть картины на римскую премію, выставленныя въ Beaux-Arts.

Половина пошла пѣшкомъ, а мы, — Бреславу, m-me Симонидъ, Зильтардъ и я — въ каретѣ.

Выставка кончилась вчера. Погуляли пѣшкомъ по набережной, посмотрѣли старыя книги и гравюры, болтали объ искусствѣ. Потомъ въ **открытомъ экипажѣ** отправились въ Булонскій лѣсъ. Представляете вы себѣ меня? Я не хотѣла противорѣчить, такъ какъ это значило бы испортить имъ удовольствіе. Онѣ были такія миленькія, такія приличныя, и мы только что начали переставать стѣсняться другъ друга.

Однимъ словомъ, все было бы не слишкомъ дурно, если бы мы не встрѣтали ландо съ моей семьей, которая принялась слѣдить за нами.

Я дѣлала знаки кучеру не опережать насъ, меня видѣли, я это знала, но и не думала говорить съ ними при моихъ художницахъ. На мнѣ была моя шапочка, и у меня былъ безпорядочный и сконфуженный видъ.

Понятно, что моя семья была страшно разсержена и особенно раздосадована. Я была внѣ себя. Словомъ... тоска.

Суббота, 27 октября. Я получила много комплиментовъ, какъ говорятъ у насъ въ мастерской. Роберъ-Флери выразилъ пріятное удивленіе и сказалъ мнѣ, что я дѣлаю поразительные успѣхи и что по всей вѣроятности у меня необыкновенныя способности. «Этотъ рисунокъ очень хорошъ, очень хорошъ для васъ. Я совѣтую вамъ работать и увѣряю васъ, что, если вы будете работать, то достигнете чего-нибудь совсѣмъ недурного».

Совсѣмъ недурно — обычное его выраженіе.

Кажется онъ сказалъ: очень многія, уже много рисовавшія, не сдѣлаютъ такъ, но я не настолько увѣрена въ этомъ, чтобы записать такую лестную фразу, какъ фактъ.

Я потеряла Пинчіо и бѣдное животное, не зная, что дѣлать, вернулось въ мастерскую, куда оно обыкновенно меня

сопровождаетъ. Пинчіо маленькая римская собачка, бѣлая какъ снѣгъ, съ прямыми ушами и съ черными, какъ чернила, глазами и носикомъ.

Я ненавижу кудрявыхъ бѣлыхъ собаченокъ.

Пинчіо совсѣмъ не кудрявый и у него иногда бываютъ такія удивительно красивыя позы, какъ у козочки на скалѣ, я еще никого не встрѣчала, кто бы не любовался ею.

Онъ почти такъ же уменъ, какъ Розалія глупа. Розалія была на свадьбѣ своей сестры, она отправилась туда утромъ, проводивъ меня.

— Какъ, Розалія, — сказала ей мама,—вы оставили барышню одну въ мастерской?

— О! нѣтъ, барышня осталась съ Пинчіо.

И увѣряю васъ, что она сказала это серіозно.

Но, такъ какъ я немного сумасшедшая, я или позабыла или потеряла гдѣ-нибудь моего сторожа.

Воскресенье, 28 октября. Шепи начала мой портретъ. Я даже не думала, что существуютъ подобныя созданья. Ей никогда не придетъ въ голову, что особа, ей симпатичная, пудрится или носитъ фальшивые волосы.

Человѣкъ, который не всегда говоритъ голую правду, лицемѣръ, лжецъ, отвратителенъ. Она такихъ презираетъ.

Вчера она и Бреслау, желая меня успокоить (я завтракала), хотѣли тотчасъ же отнести мнѣ Пинчіо, но испанка и другія принялись кричать, что онѣ прислуживаются мнѣ, потому что я богата. Я много спрашивала ее о томъ, какъ относятся ко мнѣ въ мастерской.

— Васъ очень бы любили, если бы вы были менѣе талантливы, и потомъ, когда васъ тутъ нѣтъ, только и дѣлаютъ, что разбираютъ васъ. —

Значитъ, это всегда будетъ такъ; я никогда не пройду незамѣченной, какъ другіе! Это лестно и печально.

Суббота, 3 ноября. Когда я пріѣхала, Роберъ-Флери уже поправилъ всѣмъ рисунки. Я подала ему свои и, по обыкновенію, спряталась за его табуретъ, но должна была выйти оттуда, — столько пріятныхъ вещей наговорилъ онъ мнѣ!

— Въ контурахъ видна неопытность — это и понятно, но удивительно правдиво и гибко. Это движеніе дѣйствительно хорошо. Конечно, теперь вамъ недостаетъ опытности, но у васъ есть все то, чему нельзя научиться. Понимаете? **Все, чему нельзя научиться.** Тому, чего у васъ нѣтъ, выучиваются, и

вы выучитесь. Да... это удивительно и, если вы только захотите работать, вы будете дѣлать прекрасныя вещи, за это я вамъ ручаюсь.

— И я также.

Два часа, — я пользуюсь своимъ воскресеньемъ. Время отъ времени я отрываюсь отъ этой исторической хроники, чтобы заглянуть въ анатомію или въ рисунки, купленные сегодня.

Среда, 7 ноября. Пасмурно и сыро, я живу только въ дурномъ воздухѣ мастерской. Городъ, Булонскій лѣсъ — это смерть.

Я недостаточно работаю. Я молода, да, очень молода, я знаю, но для того, чего я хочу, нѣтъ... Я хотѣла быть знаменитой уже въ мои года, чтобы не нуждаться ни въ чьей рекомендаціи. Я плохо и глупо желала, ибо ограничивалась одними желаніями.

Я достигну, когда пройдетъ лучшая изъ трехъ молодостей — та, для которой я мечтала обо всемъ. По моему, существуетъ три молодости: отъ шестнадцати до двадцати, отъ двадцати до двадцати пяти и отъ двадцати пяти до... какъ пожелаютъ. Другія молодости, которыя придумываютъ, ни что иное, какъ утѣшеніе и глупости.

Въ тридцать лѣтъ начинаются зрѣлые года. Послѣ тридцати лѣтъ можно быть красивой, молодой, даже **болѣе молодой,** но уже это совсѣмъ не тотъ табакъ.

Четвергъ, 8 ноября. Только одно можетъ оторвать меня отъ мастерской раньше срока и на все до-обѣденное время— это Версаль. Какъ только были получены билеты, ко мнѣ отправили Шоколада, и я заѣхала домой перемѣнить платье.

На лѣстницѣ встрѣчаю Жуліана, который пораженъ, что я уѣзжаю такъ рано; я объясняю ему, что ничто кромѣ Версаля не могло бы заставить меня покинуть мастерскую. Онъ говоритъ, что это тѣмъ болѣе удивительно, что я легко могла бы веселиться.

— Мнѣ весело только здѣсь.

— И какъ вы правы! Вы увидите, сколько удовольствія доставитъ вамъ это черезъ два мѣсяца.

— Вы знаете, что я хочу сдѣлаться очень сильной въ живописи, и что я рисую не ради... шутки...

— Надо надѣяться! Это значило бы поступать съ золотымъ слиткомъ какъ съ мѣднымъ, это было бы грѣшно.

Увѣряю васъ, что, съ вашими способностями, — я вижу это по тѣмъ удивительнымъ вещамъ, которыя вы дѣлаете,—вамъ не надо болѣе полутора года, чтобы пріобрѣсти талантъ.

— О!

— Я повторяю, талантъ!

— Берегитесь, я уѣду въ восторгѣ.

— Я говорю правду, вы сами это увидите. Къ концу этой зимы вы будете рисовать совсѣмъ хорошо, потомъ вы еще порисуете и въ шесть мѣсяцевъ освоитесь съ красками, чтобы пріобрѣсти талантъ наконецъ!

Милосердное небо! По дорогѣ домой я смѣялась и плакала отъ радости и мечтала, что мнѣ будутъ платить по пяти тысячъ франковъ за портретъ.

Не надо ѣздить часто въ палату — это могло бы отвлечь меня отъ мастерской; заинтересовываешься, ѣздишь, ѣздишь, каждый день новая страница одной и той же книги. Я могла бы пристраститься къ политикѣ до потери сна..., но моя политика тамъ, въ улицѣ Вивьенъ, тамъ достигну я возможности иначе ѣздить въ палату, чѣмъ теперь. Полтора года; но это пустяки!

Столько счастья пугаетъ меня.

Полтора года для портретовъ, а для картинъ?.. положимъ два или три года... тамъ посмотримъ.

Я была красива, но часамъ къ восьми очень утомлена, что не помѣшало мнѣ отправиться рисовать по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ.

Суббота, 10 ноября. Насколько непріятныя впечатлѣнія сильнѣе пріятныхъ!

Цѣлый мѣсяцъ я слышу одни поощренія, за исключеніемъ одного только раза, двѣ недѣли тому назадъ: въ это утро меня побранили, и я вспоминаю только это утро, но это всегда и во всемъ бываетъ такъ. Тысяча аплодируетъ, одинъ шикаетъ или свиститъ, и его слышнѣе болѣе другихъ.

Академіи (!) (утреннія и вечернія не были исправлены). А! но мнѣ это извинительно! Вы помните, что модели мнѣ не нравились и что начали мы только во вторникъ; въ понедѣльникъ былъ безпорядокъ изъ-за моделей и потомъ особенно потому, что я сидѣла совсѣмъ en face, очень близко и смотрѣла снизу. Поза самая трудная. Не бѣда; это дурной знакъ, когда ищутъ оправданій.

Среда, 14 ноября. Была въ кварталѣ *Ecole de Médecine*, искала различныя книги и гипсовые слѣпки у Вассера,, — вы, конечно, знаете Вассера, — который продаетъ всевозможныя человѣческія формы, скелеты и т. п. Ну, вотъ тамъ у меня есть протекція, обо мнѣ говорили профессору Beau-arts Матіасу Дюваль и другимъ, и кто-нибудь будетъ давать мнѣ уроки.

Я въ восторгѣ; улицы были полны студентами, выходившими изъ разныхъ школъ; эти узкія улицы, эти инструментальныя лавки, однимъ словомъ все... А! чортъ возьми, я поняла обаяніе Латинскаго квартала.

У меня женскаго только и есть, что оболочка и оболочка чертовски женственная; что же касается остального, то оно чертовски другое. Это не я говорю, потому что я представляю себѣ, что всѣ женщины такія же, какъ я.

Разсказывайте мнѣ больше о Латинскомъ кварталѣ, на немъ я примиряюсь съ Парижемъ; чувствуешь себя далеко... почти въ Италіи; разумѣется, въ другомъ родѣ.

Люди свѣтскіе, иначе говоря люди **буржуазные** никогда не поймутъ. Я обращаюсь только **къ нашимъ.**

Несчастное юношество, прочти это!.. — Такъ мама пришла въ ужасъ при видѣ меня въ лавкѣ, гдѣ есть такія вещи... о! такія вещи!

«Голые мужики». Вотъ буржуазность! когда я нарисую прекрасную картину, видна будетъ только поэзія, цвѣты, фрукты. Никто не думаетъ о навозѣ.

Я вижу только цѣль, конецъ. И я иду къ этой цѣли.

Я обожаю бывать у книгопродавцевъ и у людей, которые принимаютъ меня, благодаря моему скромному костюму, за какую-нибудь Бреслау; они смотрятъ на васъ съ какой-то особенной благосклонностью, словно ободряютъ васъ—совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде.

Разъ утромъ я съ Розаліей отправились въ мастерскую въ фіакрѣ. За проѣздъ я подала ему двадцать франковъ.

— О! мое бѣдное дитя, у меня нѣтъ вамъ на сдачу.

Это такъ забавно!

Четвергъ, 15 ноября. Устроили конкурсъ мѣстъ; положено сдѣлать — эскизъ головы **въ часъ.**

Въ субботу судьба рѣшится; впрочемъ, я не безпокоюсь о томъ, что можетъ быть буду послѣдней, это будетъ справедливо. Я учусь тридцать дней, остальные же по крайней мѣрѣ,

для круглаго счета, по году, не говоря уже о томъ, что они учились еще до этой мастерской; они учились серьезно, какъ художники по профессіи.

Меня тревожитъ эта негодяйка Бреслау. Она удивительно одарена и увѣряю васъ, что она добьется чего-нибудь совсѣмъ недурного. Я не могу вбить себѣ въ голову, что она рисуетъ у Жуліана уже около пятисотъ дней, я же только тридцать дней, т. е. что у одного Жуліана она училась почти въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ я училась вообще. Если я дѣйствительно хорошо одарена, то черезъ шесть мѣсяцевъ я буду дѣлать то же, что она. Есть вещи удивительныя въ этомъ отношеніи, но нѣтъ чудесъ, а мнѣ ихъ-то и хотѣлось бы.

Я чувствую себя не по себѣ потому, что по прошествіи мѣсяца я не сильнѣе всѣхъ другихъ.

Пятница, 16 ноября. Я пошла навѣстить бѣдную Шепи, живущую въ пансіонѣ на avenue de la Grande-Armée.

Совершенно артистическая мансарда, но такой чистоты, что кажется почти богатой.

Бреслау живетъ тамъ же, а также многіе другіе молодые художники.

Наброски, этюды, масса интересныхъ вещей. Уже одна эта артистическая сфера, одинъ этотъ воздухъ дѣйствуютъ хорошо...

Я не прощу себѣ, что не знаю такъ многихъ вещей изъ того, что знаетъ Бреслау... Это потому, что... я ни во что не углублялась, я всего знаю понемногу и боюсь, что и теперь будетъ то же; нѣтъ, по тому, какъ я веду это дѣло, это должно быть серьезно. Изъ того, что раньше чего-нибудь не сдѣлалъ, еще не слѣдуетъ, что и потомъ этого не сдѣлаешь. При каждомъ опытѣ я чувствую недовѣріе.

Суббота, 17 ноября. Судили конкурсы, восемнадцать конкурентокъ. Я тринадцатая; слѣдовательно, пять послѣ меня, это недурно. Полька **первая**; это несправедливо! За свои академіи я получила похвалы.

Купила атласы, руководства анатоміи, склеты, и всю ночь мнѣ снилось, что приносятъ трупы для анатомированія.

Что же дѣлать? я огрубѣла, мои руки умѣютъ только рисовать и щипать струны арфы...

Но все-таки это... нелѣпо, что Бреслау рисуетъ лучше меня.

Мой эскизъ былъ законченнѣе всѣхъ.

— Это все въ часъ? — воскликнулъ Роберъ-Флери, — да, она какая-то неистовая!

И потомъ я должна вамъ сообщить, что Жуліанъ и другіе говорили въ мужской мастерской, что у меня рука, манера и способность совсѣмъ не женскія, что они хотѣли знать, могла ли я въ моей семьѣ унаслѣдовать отъ кого-нибудь столько талантливости и силы въ рисункѣ и мужества въ трудѣ.

Тѣмъ не менѣе, не глупо ли, что я не могу еще составлять композиціи?

Я не умѣю смѣло группировать человѣческія фигуры. Я попробовала нарисовать одну сцену въ мастерской. Ну, и не вышло, никуда не годится. Правда, что я дѣлаю — изъ головы, и что я никогда не обращала вниманія на то, какъ ходятъ эти милые люди. Нѣтъ... это ужасно!

Воскресенье, 18 ноября. Вечеромъ я сдѣлала набросокъ моего умывальника или, вѣрнѣе, Розаліи передъ умывальникомъ. Вышло ничего себѣ и довольно правдоподобно; мнѣ нравится расположеніе; когда я буду рисовать получше, я сдѣлаю изъ этого что-нибудь, быть можетъ даже красками. Никогда никто не изображалъ горничной около умывальника безъ любви, цвѣтовъ, безъ сломанной вазы, безъ метелочки и т. п.

Пятница, 23 ноября. Эта негодная Бреслау сдѣлала композицію. **Въ понедѣльникъ утромъ** или **Выборъ модели.** Вся мастерская тутъ, Жуліанъ около меня и Амеліи, и т. д. и т. д.

Сдѣлано вѣрно, перспектива хороша, сходство, словомъ все.

Кто можетъ сдѣлать такую вещь, будетъ великимъ художникомъ.

Вы, догадываетесь, неправда ли? я завидую. Это хорошо, такъ какъ это будетъ толкать меня впередъ.

Это ужасно — стремиться рисовать, какъ мастеръ, по прошествіи шести недѣль ученія.

Дѣдушка боленъ, и Дина на своемъ посту преданности и заботъ.

Она очень похорошѣла и такая добрая!.. Если небеса не пошлютъ ей немножечко счастья... чортъ возьми! Я начну говорить дерзости самому Господу Богу.

Понедѣльникъ, 26 ноября. Наконецъ я взяла первый урокъ анатоміи отъ четырехъ до четырехъ съ половиной часовъ, тотчасъ послѣ рисованія.

Учитъ меня г-нъ Кюйе; онъ мнѣ присланъ Матіасомъ Дювалемъ, который обѣщалъ доставить мнѣ возможность посѣтить академію художествъ. Я, конечно, начала съ костей, и одинъ изъ ящиковъ моего письменнаго стола полонъ позвонками... настоящими...

Это кажется тѣмъ болѣе отвратительно, когда подумаешь, что въ двухъ надушенная бумага, визитныя карточки и т. п.

Вторникъ, 27 ноября. Жуліанъ пришелъ немного разстроенный послѣ выраженія мнѣній Роберомъ-Флери, Буланже и Лефевромъ, и обратился къ намъ приблизительно съ слѣдующей рѣчью:

— Mesdames, эти господа указали шесть головъ послѣ медали, которую получила, какъ вы уже заете, m-lle Дельсартъ (француженка). Остальныя просто допускаются къ участію на слѣдующемъ конкурсѣ, а три послѣднія кинутъ жребій, чтобы пощадить самолюбіе этихъ дамъ...

Какой-то голосъ говорилъ мнѣ, что мнѣ придется бросать жребій; это было бы вполнѣ натурально, но мнѣ сдѣлалось досадно.

Послѣ этой небольшой рѣчи, которая произвела на всѣхъ должное впечатлѣніе, онъ прибавилъ:

— Я не знаю, кому принадлежатъ головы. Пусть кто-нибудь запишетъ имена по порядку. Первая кто?

— M-lle Викъ.

— Вторая?

— M-lle Вангъ.

— Третья?

— M-lle Бреслау.

— Четвертая?

— M-lle Нотлендеръ.

— Пятая?

— M-lle Форгамеръ.

— Шестая?

— Это m-lle Мари! — воскликнула полька.

— Я?

— Да.

— Но это странно.

Я между шестью первыми. Амелія, Зильгардъ и полька послѣ меня.

19 М. Башкирцева 2

Я послѣдняя пришла въ мастерскую, ибо нахожусь въ ней только съ третьяго октября. Ловко!

Всѣ стали поздравлять меня. M-lle Дельсартъ сказала мнѣ много любезностей, а сестра ея Мари назвала насъ двухъ героинями конкурса.

— То, чего вы добились въ такое короткое время, лучше чѣмъ медаль черезъ четыре года ученія.

Успѣхъ и какой чудесный успѣхъ!

Пятница, 30 ноября. Я наконецъ принесла въ мастерскую свою мандолину и этотъ прелестный инструментъ очаровалъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что для тѣхъ, кто не слыхалъ его прежде, я играю хорошо. И вечеромъ, когда я играла во время отдыха, а Амелія аккомпанировала мнѣ на роялѣ, вошелъ Жуліанъ и сталъ слушать. Если бы вы посмотрѣли на него, то увидѣли бы восхищеннаго человѣка.

— А я думалъ, что мандолина нѣчто въ родѣ гитары, я не зналъ, что она поетъ, а не скрипитъ, я и представить себѣ не могъ, что изъ нея можно извлекать такіе звуки. Какъ это мило! Чортъ возьми, никогда больше не буду бранить ее. Я тутъ провелъ, право, прекрасныя минуты! А! это хорошо! Пусть смѣются, если хотятъ, но увѣряю васъ, что оно... скребетъ по сердцу. Это смѣшно!

Ага, несчастный почувствовалъ!

Та же самая мандолина не имѣла никакого успѣха, когда разъ вечеромъ я играла у насъ передъ обществомъ дамъ и кавалеровъ, которые во что бы то ни стало должны были говорить комплименты. Сильный свѣтъ, открытые жилеты и рисовая пудра разрушали очарованіе. Между тѣмъ какъ обстановка мастерской, тишина, вечеръ, темная лѣстница, усталость располагаютъ ко мнѣ, что есть на свѣтѣ пріятнаго... смѣшного, милаго, очаровательнаго.

Мое ремесло поистинѣ ужасно. Восемь часовъ ежедневной работы переѣзда, и особенно этотъ добросовѣстный усидчивый трудъ. Ей Богу! Нѣтъ ничего глупѣе, какъ рисовать, не думая о томъ, что дѣлаешь, не сравнивая, не припоминая, не учась, но и это все не утомляло бы.

Если бы дни были длиннѣе, я стала бы больше работать, для того, чтобы вернуться въ Италію.

Я хочу добиться.

Суббота, 8 декабря. Была въ театрѣ; было очень смѣшно, смѣялись все время, — время потерянное, и я жалѣю о немъ.

Я плохо работала эту недѣлю.

Можно бы поразсказать много всякой всячины о мастерской, но я отношусь серьезно къ своей мастерской и не занимаюсь ничѣмъ другимъ, что ниже меня.

Я жалѣю объ этомъ вечерѣ, я не была на виду и не занималась. Я смѣялась, это правда, но это ни къ чему не служитъ, разъ оно мнѣ непріятно, разъ оно не доставляетъ мнѣ удовольствія.

Воскресенье, 9 декабря. Докторъ Шарко только что уѣхалъ отсюда. Я присутствовала на консультаціи и при томъ, что говорили доктора, такъ какъ я одна спокойна и такъ какъ ко мнѣ относятся, какъ къ третьему доктору. Во всякомъ случаѣ сейчасъ нельзя ожидать катастрофы.

Бѣдный дѣдушка, я была бы въ отчаяніи, если бы онъ умеръ теперь, потому что мы часто ссорились; но такъ какъ его болѣзнь еще продолжится нѣкоторое время, то у меня есть возможность искупить мою вспыльчивость. Я была въ его комнатѣ, когда ему было хуже всего... Впрочемъ мое появленіе около больныхъ есть признакъ опасности, такъ какъ я ненавижу излишнюю суетливость и бываю взволнована только настолько, насколько себѣ позволяю.

Замѣчаете, какъ при всякомъ удобномъ случаѣ я себя восхваляю?

Я увидѣла новую луну съ лѣвой стороны, и мнѣ это непріятно.

Сдѣлайте милость не подумайте, что я была жестка съ дѣдушкой, я только обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ; но такъ какъ онъ боленъ, то я жалѣю, что не переносила отъ него всего.

Мы его не оставляемъ одного, и онъ зоветъ всегда того, кого нѣтъ. Жоржъ около него. Дина всегда—около постели, что само собой разумѣется; мама больна отъ безпокойства, Валицкій, милый Валицкій, бѣгаетъ и хлопочетъ, и ворчитъ, и утѣшаетъ.

Я сказала, что хотѣла бы все переносить молча; я принимаю видъ несчастной, съ которой дурно обращаются; совсѣмъ нечего было и переносить, но я раздражалась и раздражала, а такъ какъ дѣдушка былъ тоже раздражителенъ, то я выходила изъ себя, отвѣчала рѣзко и иногда бывала не права. Я не хочу прикидываться ангеломъ, который прячется подъ маской злобы.

Вторникъ, 11 декабря. Дѣдушка не можетъ больше говорить... Ужасно видѣть человѣка, который еще такъ недавно былъ крѣпкій, энергичный, молодой, видѣть его такимъ... почти трупомъ.

Я продолжаю рисовать кости. Я больше, чѣмъ когда-нибудь съ Бреслау, съ Шепи и другими, даже съ швейцаркой.

Среда, 12 декрабря. Въ часъ были священникъ и дьяконъ; дѣдушку исповѣдывали. Мама громко плакала и молилась; потомъ... я пошла завтракать. Дѣло въ томъ, что животное неизбѣжно во всякомъ человѣкѣ.

Суббота, 22 декабря. Роберъ-Флери сказалъ мнѣ слѣдующее: — никогда не слѣдуетъ быть довольнымъ собою. Жуліанъ говоритъ то же самое. Но такъ какъ я никогда не была довольна собой, то принялась размышлять надъ этими словами. И когда Роберъ-Флери сказалъ мнѣ много пріятныхъ вещей, я отвѣчала ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, сказавъ мнѣ ихъ, потому что я совсѣмъ собой недовольна, обезкуражена, въ отчаяніи, что заставило его широко раскрыть, глаза отъ удивленія.

И дѣйствительно я была обезкуражена. Съ той минуты, какъ я никого не изумляю, я обезкуражена; это несчастіе!

Въ концѣ концовъ я сдѣлала успѣхи неслыханные; у меня, — мнѣ это повторяютъ — «необыкновенныя способности». У меня выходитъ «похоже», «цѣльно», «вѣрно». — «Чего же вы еще хотите? Будьте благоразумны», — закончилъ онъ.

Онъ очень долго оставался около моего мольберта.

— Когда рисуютъ такъ, — сказалъ онъ, указывая на голову, потомъ на плечи, — то не имѣютъ права дѣлать такихъ плечъ.

Швейцарки и я ходили потихоньку къ Бонна, чтобы онъ принялъ насъ въ свою мужскую мастерскую. Понятно, онъ объяснилъ намъ, что эти пятьдесятъ молодыхъ людей находятся безъ призора, что это абсолютно невозможно. Потомъ мы отправились къ Мункачи, венгерскому художнику, у котораго роскошный отель и большой талантъ.

Онъ знаетъ швейцарокъ: у нихъ было къ нему, годъ тому назадъ, рекомендательное письмо.

Суббота, 29 декабря. Роберъ-Флери былъ очень доволенъ мною. Онъ около получаса пробылъ передъ парой ногъ, въ натуральную величину, которыя я рисую и снова спраши-

валъ, рисовала ли я прежде, серьезно ли рѣшилась заняться живописью? Сколько времени могу оставаться въ Парижѣ? Выразилъ желаніе видѣть мои первые опыты красками, спрашивалъ, какъ я ихъ писала? Я отвѣчала, что писала для забавы. Такъ разговоръ продолжался, подошли остальныя, стали сзади него и, среди (я могу это сказать) всеобщаго изумленія, онъ объявилъ, что если мнѣ очень хочется, то я могу писать красками.

Но это я отвѣчала, что не умираю отъ желанія писать красками и что предпочитаю усовершенствоваться въ рисованіи.

Воскресенье, 30 и понедѣльникъ, 31 декабря. Я грустна; праздники у насъ не празднуются, и это меня огорчаетъ. Я была на елкѣ у швейцарокъ; было весело и мило, но мнѣ страшно хотѣлось спать послѣ работы до десяти часовъ вечера. Мы гадали. Бреслау получитъ вѣнки, — я римскую премію, а другія — подарки.

Все-таки все это странно.

1878.

Пятница, 4 января. Какъ странно, что прежнее сознаніе такъ славно уснуло! Ничего почти отъ него не осталось, только воспоминаніе, мелькающее время отъ времени и пробуждающее прошедшія горести; но черезъ минуту я уже думаю о... о чемъ? Объ искусствѣ?.. Просто смѣхъ!

Такъ это окончательно? Я такъ долго и такъ страшно искала этого выхода, этой возможности существовать, не проклиная цѣлыми днями себя и все мірозданіе, что едва вѣрю тому, что нашла эту возможность.

Благодаря моей черной блузѣ, во мнѣ есть нѣчто, напоминающее **Марію Антуанету въ Темплѣ.**

Я становлюсь мало-по-малу такой, какой желала быть. Увѣренная въ себѣ, спокойная по внѣшности, я избѣгаю всякихъ сплетенъ и пересудовъ, и дѣлаю мало безполезнаго.

Словомъ, — мало-по-малу я совершенствуюсь. Только условимтесь хорошенько въ словѣ «усовершенствованіе»: я говорю о личномъ усовершенствованіи.

О, время!.. На все-то оно нужно!

Когда нѣтъ другихъ препятствій, время чувствуется силь-

нѣе, чѣмъ когда-либо, кажется ужаснымъ, раздражающимъ, подавляющимъ...

Впрочемъ, что бы ни случилось, я чувствую себя болѣе подготовленной, чѣмъ прежде, когда меня приводила въ бѣшенство необходимость сознаться, что я не вполнѣ счастлива...

Воскресенье, 6 января. Прекрасно! Я раздѣляю ваше мнѣніе; время идетъ, и было бы въ сто разъ пріятнѣе проводить его, какъ я предполагала раньше; но такъ какъ это невозможно, подождемъ результатовъ отъ моего таланта; всегда успѣю...

Мы перемѣнили помѣщеніе; теперь мы на avenue d'Alma, 67. Изъ моихъ оконъ видны экипажи, проѣзжающіе съ Champs Elysées. У меня отдѣльная гостиная — мастерская.

Дѣдушку пришлось перенести; это было такъ грустно!.. Когда его принесли въ его комнату, мы съ Диной окружили его и прислуживали ему, и бѣдный дѣдушка цѣловалъ намъ руки.

Моя спальня напоминаетъ мнѣ Неаполь. Время путешествія приближается, и я чувствую, что благоуханіе прежней праздности охватываетъ меня... Напрасно!..

Понедѣльникъ, 7 января. Вѣрить или не вѣрить въ будущность художницы? Два года — еще не смерть, а черезъ два года опять начать праздное существованіе, театры, путешествія. Хочу быть знаменитой!..

И буду.

Суббота,12 января. Валицкій умеръ сегодня въ два часа ночи.

Вчера вечеромъ, когда я зашла повидать его, онъ сказалъ мнѣ, полушутливо, полугрустно: «Addio, signorina», чтобы напомнить мнѣ Италію.

Быть можетъ, это въ первый разъ въ жизни, что я проливала слезы, свободныя отъ эгоизма и досады.

Есть что-то особенно раздирательное въ смерти существа, совершенно безобиднаго и добраго; точно добрая собака, никогда никому не дѣлавшая зла.

Къ часу онъ почувствовалъ облегченіе, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ; одна тетя оставалась тамъ, когда онъ вдругъ сталъ задыхаться до такой степени, что должны были брызнуть ему водой въ лицо.

Нѣсколько очнувшись, онъ приподнялся, потому что хотѣлъ непремѣнно пойти проститься съ дѣдушкой, но, едва

выйдя въ коридоръ, онъ успѣлъ только три раза перекреститься и закричать по-русски: «Прощайте»! — такъ громко, что мама и Дина проснулись и прибѣжали въ то время, когда онъ уже упалъ на руки тети и Трифона.

Я не могу отдать себѣ отчета; мнѣ кажется это невѣроятнымъ; это такъ ужасно!

Валицкій умеръ! Это незамѣнимая утрата; трудно представить себѣ, чтобы подобный характеръ могъ существовать въ реальной жизни.

Онъ былъ преданъ нашей семьѣ, какъ собака, и притомъ совершенно платонически. О, Боже мой!

Въ книгахъ иногда встрѣчаешь такихъ людей... Да услышитъ онъ мои мысли; я надѣюсь, что Богъ позволяетъ ему чувствовать все, что о немъ говорятъ и думаютъ. Пусть же услышитъ онъ меня оттуда, гдѣ теперь находится, и если ему было когда-нибудь за что на меня пожаловаться, пусть проститъ меня ради глубокаго уваженія, моей искренней дружбы и огорченія, идущаго изъ самой глубины души!

Вторникъ, 29 января. Я такъ боялась конкурса, что бѣдной Розаліи стоило неимовѣрныхъ усилій поднять меня съ постели.

Я ожидала — или получить медаль, или остаться между самыми послѣдними. Ни того, ни другого! Я осталась на томъ же мѣстѣ, какъ два мѣсяца тому назадъ.

Была у Бреслау, которая все еще больна.

Вторникъ, 12 февраля. Сегодня вечеромъ у итальянцевъ давали «Травіату»: Альбани, Капуль и Пандольфини. Крупные артисты, но мнѣ не понравились. Однако въ послѣднемъ актѣ я уже не чувствовала желанія умереть, но я говорила себѣ, что мнѣ предстоятъ страданія и смерть именно тогда, когда все могло бы уладиться.

Это предсказаніе, которое я сама себѣ дѣлаю. Я была одѣта à la bébé, что очень красиво на тонкихъ и стройныхъ фигурахъ: бѣлые банты на плечахъ, шеѣ и открытыхъ рукахъ дѣлали меня похожей на инфанту Веласкеза...

Умереть?.. Это было бы дико, и однако мнѣ кажется, что я должна умереть. Я не могу жить: я ненормально создана; во мнѣ — бездна лишняго и слишкомъ многаго недостаетъ; такой характеръ не можетъ быть долговѣчнымъ. Если бы я была богиней, и вся вселенная была бы къ моимъ услугамъ, я находила бы, что мои владѣнія дурно устроены... Нельзя

быть болѣе причудливымъ, болѣе требовательнымъ, болѣе нетерпѣливымъ; а иногда, или можетъ быть даже всегда, во мнѣ есть извѣстная доза благоразумія, спокойствія; но я сама не вполнѣ понимаю себя, я только говорю вамъ, что жизнь моя не можетъ быть продолжительна.

Среда, 13 февраля. Мой рисунокъ не удается, и мнѣ кажется, что со мной случится какое-то несчастіе; точно я сдѣлала что-нибудь дурное и боюсь послѣдствій или какого-нибудь оскорбленія. Я жалка самой себѣ, но все-таки не могу отдѣлаться отъ безотчетнаго страха.

Мама сама виновата въ своихъ несчастіяхъ: есть вещь, которую я ее прошу и умоляю не дѣлать, а именно — не разбирать моихъ вещей, не приводить въ порядокъ моихъ комнатъ. И вотъ, что я ей ни говорю, она продолжаетъ дѣлать это съ упрямствомъ, переходящимъ въ какую-то болѣзнь. И если бы вы только знали, какъ это раздражаетъ и увеличиваетъ мою нетерпѣливость и рѣзкую манеру говорить, которая и безъ того вовсе не нуждается въ увеличеніи!

Я думаю, что она очень любитъ меня, я тоже очень люблю ее, а между тѣмъ мы двухъ минутъ не можемъ пробыть вмѣстѣ, чтобы не раздражить другъ друга до слезъ. Словомъ, «вмѣстѣ тѣсно, а врозь — скучно».

Я хочу отъ всего отказаться ради живописи. Надо твердо помнить это и въ этомъ будетъ вся жизнь.

Такимъ образомъ я создамъ себѣ независимость, а тогда придетъ все, что только можетъ придти.

Пятница, 15 февраля. Я не ѣду въ оперу завтра.

Я рисую по обыкновенію, что, однако, не мѣшаетъ мнѣ быть крайне недовольной собой. Я сказала это Роберу-Флери нѣсколько времени тому назадъ; въ субботу, исправляя наши рисунки, онъ спросилъ:

— Это вы сдѣлали?

— Да.

— Вы не рисовали цѣлыхъ фигуръ до поступленія сюда?

— Нѣтъ.

— И вы еще жаловались, кажется?

— Да.

— На то, что медленно подвигаетесь?

— О, да!

— Ну, а я такъ былъ бы очень доволенъ на вашемъ мѣстѣ.

Это было сказано съ благосклонной веселостью и стоило многихъ похвалъ.

Да когда же я смогу... писать портреты? Черезъ годъ... — я надѣюсь, по крайней мѣрѣ.

Воскресенье, 24 февраля. Съ субботы моя собачка пропала. Я все надѣялась, что она возвратится.

Бѣдная моя собака; если бы я была способна на чувство, я была бы въ отчаяніи!

Моя собачка пропала!..

Что бы это было, если бы я стала отчаиваться изъ-за всего, чего мнѣ не хватаетъ, чего у меня нѣтъ.

Въ настоящую минуту я склонна думать, что я существо **непонятное.** Это самое ужасное изъ всего, что только можно о самомъ себѣ подумать.

Сто тысячъ притязаній, изъ которыхъ ни одно еще не имѣетъ оправданія! Это то же, что биться головой объ стѣну... въ результатѣ одни синяки.

Вторникъ, 12 марта., Когда я думаю о Пинчіо, который теперь окончательно пропалъ, у меня сердце сжимается.

Я очень любила его, и эта потеря для меня почти то же, что смерть Валицкаго.

Особенно, когда я подумаю, что это маленькое животное теперь въ чужихъ рукахъ, что оно скучаетъ обо мнѣ и что я больше не увижу его маленькой мордочки и его необыкновенныхъ черныхъ глазъ и носика... Ну, вотъ, я ужъ и плачу...

О, шутъ возьми! Я думаю, право, что предпочла бы видѣть С. или не знаю кого еще раненымъ, на томъ свѣтѣ, чѣмъ лишиться моей собачки, которая такъ любила меня. Я чувствую искреннюю печаль, и мнѣ дѣла нѣтъ до всего остального.

Суббота, 16 марта. Я, право, люблю свое занятіе и счастлива сознаніемъ, что съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ этомъ все болѣе и болѣе.

— Съ нѣкотораго времени, — сказалъ мнѣ сегодня утромъ Роберъ-Флери, — образовалась какая-то граница, которой вы не можете перешагнуть; это нехорошо! Съ такими дѣйствительно серьезными способностями, какъ ваши, вы не должны затрудняться такими пустяками; тѣмъ болѣе, что вы обладаете всѣмъ, что дается дѣйствительно трудно.

Я и сама отлично знаю это! Надо бы поработать надъ портретомъ дома, а тутъ эта вѣчная домашняя суета!.. Но это

болѣе не должно смущать меня, я не хочу. С. ничего не дастъ мнѣ, тогда какъ живопись дастъ мнѣ нѣчто существенное.

Но понедѣльникъ! Я перейду границу, о которой говоритъ Роберъ-Флери! Главное — это быть убѣжденнымъ въ томъ, что нужно достигнуть и что дѣйствительно достигнешь.

Суббота, 23 марта. Я обѣщала вамъ перейти границу, о которой говорилъ Роберъ-Флери.

Я сдержала свое слово. Мной были необыкновенно довольны, мнѣ повторяли, что съ такими серьезными способностями, какъ мои, дѣйствительно стоитъ работать, что я сдѣлала удивительные успѣхи и что черезъ мѣсяцъ или два... — Вы будете считаться между самыми сильными; и замѣтьте,— прбавилъ Роберъ-Флери, взглянувъ на холстъ отсутствующей Бреслау, — замѣтьте, что я говорю и объ отсутствующихъ.

— Приготовьтесь, — сказалъ мнѣ шопотомъ Жуліанъ,— приготовьтесь къ ненависти со стороны всѣхъ здѣшнихъ, потому что мнѣ еще не приходилось видѣть никого, кто добился бы такихъ результатовъ въ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ.

— Жуліанъ, — сказалъ Роберъ-Флери при всѣхъ, — я только что долженъ былъ наговорить кучу комплиментовъ m-lle Башкирцевой, которая просто на-диво одарена.

Жуліанъ, несмотря на свою толщину, чуть не подпрыгнулъ. Такъ какъ Роберъ-Флери даетъ намъ свои указанія не за деньги, а просто изъ дружбы къ Жуліану, то весьма понятно, что онъ счастливъ, когда ученицы интересуютъ учителя.

Всѣ другія переходятъ къ краскамъ, когда кто хочетъ; но такъ какъ я нахожусь подъ особымъ руководствомъ Робера-Флери, который самъ пожелалъ этого, то я не дѣлаю ничего безъ его приказанія. Сегодня онъ велѣлъ мнѣ дѣлать время отъ времени какія-нибудь natures mortes, пока самыя простенькія, чтобы привыкнуть распоряжаться красками. Вотъ уже второй разъ, что онъ говоритъ мнѣ о живописи.

Я ему напишу на будущей или послѣбудущей недѣлѣ голову моего скелета съ гнигою, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Понедѣльникъ, 25 марта. У насъ идетъ конкурсъ. У меня довольно хорошее мѣсто, и дѣло кажется подвигается. Подумываю о томъ, чтобы не такъ утомлять себя поздними сидѣніями по ночамъ.

Роберъ-Фелри пришелъ сегодня вечеромъ и остался мной очень доволенъ; онъ спрашивалъ меня по анатоміи, и я, разумѣется, отвѣчала безъ запинки.

Это ужасно быть такой, какъ я. Но, благодаря Бога, я благоразумна и ни въ кого не влюблена. А то я просто убила бы себя отъ бѣшенства.

Четвергъ, 4 апрѣля. Я пошла въ мастерскую очень рано, чтобы узнать приговоръ, который оказался совершенно безсмысленнымъ и взбудоражилъ всѣ умы.

Викъ получила медаль (это еще естественно); потомъ идетъ Магдалина(которая почти всегда получаетъ медаль), а потомъ я. Я до такой степени изумлена, что даже не чувствую удовольствія.

Это настолько странно, что Жуліанъ пошелъ спросить у Лефевра (который былъ избранъ первымъ членомъ въ комиссіи, судящей картины въ салонѣ) — спросить его, почему онъ размѣстилъ насъ такимъ образомъ. И Лефевръ, и ученики нижняго этажа сказали, я помѣщена третьей потому, что въ моемъ рисункѣ бросается въ глаза чувство правды. Что-же касается Бреслау, то имъ показалось, что въ ея рисункѣ проглядываетъ склонность бить на эффектъ. Она просто была далеко отъ натурщика и поэтому-то въ ея рисункѣ замѣтна нѣкоторая расплывчатость, а такъ какъ профессора предубѣждены противъ женщинъ, то они приняли это за битье на эффектъ.

На мое счастье Роберъ-Флери не участвовалъ въ судѣ; Лефевръ и Буланже судили одни; иначе навѣрное сказали бы, что я помѣщена третьей по протекціи Робера-Флери.

Я какъ-то не умѣю пользоваться своими вечерами съ тѣхъ поръ, какъ закрыты вечернія занятія; и это утомляетъ меня.

Суббота, 6 апрѣля. Роберъ-Флери право уже даже слишкомъ обнадеживаетъ меня: онъ находитъ, что я заслуживала бы даже второе мѣсто, и что приговоръ нисколько не удивилъ его. Противно было видѣть бѣшенство всѣхъ остальныхъ.

Подумать только, что М., по уходѣ отъ насъ, будетъ предаваться мечтаніямъ обо мнѣ, да еще пожалуй вообразитъ, что и я о немъ думаю... А между тѣмъ — о, молодость! — какіе-нибудь два года тому назадъ я вообразила бы, что это любовь. Теперь я поумнѣла и понимаю, что это просто пріятно, когда вы чувствуете, что заставляете любить себя, или вѣрнѣе, когда вамъ кажется, что въ васъ влюбляются. **Любовь,**

которую внушаешь другимъ, это совсѣмъ особенное чувство, которое самъ живо ощущаешь и которое я прежде смѣшивала съ другимъ чувствомъ.

Боже мой, Боже мой, и я воображала, что люблю А... съ его толстоватымъ носомъ, напоминающимъ носъ М... Фи, какая гадость. И какъ я довольна, что теперь могу оправдать себя! Такъ довольна! Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не любила... и если бы вы только могли представить себѣ, до чего я чувствую себя счастливой, свободной, гордой и достойной... того, кто долженъ придти!

Вторникъ, 9 апрѣля. Сегодня я удачно работала все утро; но потомъ должна была лечь, потому что нездоровилось, я чувствовала себя больною. Это продолжалась два часа, послѣ чего я встала почти довольная испытаннымъ страданіемъ: послѣ этого всегда такъ славно чувствуешь себя, такъ пріятно, какъ бы насмѣхаешься надъ болью; хорошая вещь молодость!! А черезъ двадцать лѣтъ на это будетъ уходить цѣлый день.

Я кончила „Le Lys dans la Vallée“; эта книга очень утомительна, несмотря на всѣ свои красоты. Письмо Натальи Минервиль, которымъ оканчивается книга, очень мило и правдиво. Читать Бальзака невыгодно: употреби я это время на работу, я приблизилась бы къ тому, чтобы самой стать... Бальзакомъ въ живописи!

Пятница, 12 апрѣля. Вчера Жуліанъ встрѣтилъ въ **Кафе** Робера-Флера, и Роберъ-Флеръ сказалъ ему, что я ученица поистинѣ интересная и удивительная, и что онъ возлагаетъ на меня большія надежды. Вотъ за это я и должна держаться, особенно въ тѣ минуты, когда умъ мой подавленъ какимъ-то необъяснимымъ, но ужаснымъ страхомъ и когда мнѣ кажется, что я срываюсь въ какую-то бездну всякихъ сомнѣній и мученій безъ всякихъ реальныхъ причинъ.

Съ нѣкотораго времени у меня очень часто горятъ три свѣчи; это примѣта смерти. Ужъ не я ли это должна отправиться на тотъ свѣтъ? Мнѣ кажется, что да. А моя будущность, а моя слава? Ну, ужъ разумѣется тогда всему этому конецъ!

Если бы на моемъ горизонтѣ былъ какой-нибудь человѣкъ, я должна была бы думать, что я влюблена — до такой степени я полна тревоги; но помимо того, что такого человѣка нѣтъ, мнѣ всѣ они опротивѣли...

Бываютъ дни, когда мнѣ кажется, что вовсе не унизительно поддаваться своимъ капризамъ, что напротивъ, этимъ выказываешь только свою гордость, свое презрѣніе къ другимъ, не желая стѣснять себя. О! Но всѣ они такъ низки, такъ недостойны, что я не способна задуматься о нихъ ни на одну минуту. Начать съ того, что у всѣхъ мозоли на ногахъ, а я не простила бы этого самому королю. Вообразите только себѣ меня, мечтающей о человѣкѣ съ мозолями на ногахъ.

Я начинаю замѣчать въ себѣ серьезную страсть къ своему дѣлу, что успокаиваетъ и утѣшаетъ меня. Я не хочу ничего другого, да и все остальное слишкомъ надоѣло мнѣ, чтобы еще могла быть рѣчь о чемъ-нибудь другомъ.

Если бы не это безпокойство и страхъ, я была бы счастлива!

Погода такая чудесная, — настоящая весна; а это чувствуется такъ сильно, какъ только возможно въ Парижѣ, гдѣ даже въ самыхъ прелестныхъ уголкахъ парка, подъ деревьями, полными таинственной поэзіи, всегда можно встрѣтить какого-нибудь приказчика съ обязательнымъ засученнымъ бѣлымъ передникомъ.

Я встаю съ солнцемъ и прихожу въ мастерскую раньше натурщика.. Только бы не этотъ страхъ; это проклятое суевѣріе!

Я помню, какъ, бывало, въ дѣтствѣ я томилась какими-то предчувствіями и страхомъ почти того же характера; мнѣ все казалось, что я никогда не смогу одолѣть языковъ, — кромѣ французскаго, и что этимъ языкамъ никакъ нельзя выучиться. И вотъ вѣдь, — вы отлично видите, что все это сущій вздоръ. И однако это былъ совершенно тотъ же суевѣрный страхъ, — какъ теперь... Надѣюсь, что этотъ доводъ разубѣдитъ меня.

Я совершенно иначе представляла себѣ **«Исканіе абсолютнаго»**: я вѣдь и сама ищу абсолютнаго. Это-то и заставляетъ меня думать и записывать свои блужданія въ сорока тысячахъ направленій...

Суббота, 13 апрѣля. Въ двадцать два года я буду знаменитостью или умру.

Вы, можетъ быть, воображаете, что намъ приходится работать только глазами и пальцами? О, вы, мирные граждане! — вы и не воображаете, сколько требуется самаго бдительна-

го вниманія, непрестанныхъ сравненій, расчета, чувства и размышленія, чтобы добиться чего бы то ни было.

Да, да, что бы вы тамъ ни говорили.. впрочемъ вы вѣдь ничего не говорите, но я клянусь вамъ головой Пинчіо (вамъ это кажется глупымъ, мнѣ — нѣтъ), что я буду знаменитостью; клянусь вамъ, серьезно клянусь вамъ, клянусь вамъ Евангеліемъ, страстями Христовыми, что черезъ четыре года я буду знаменитостью...

Воскресенье, 14 апрѣля. Бѣдный дѣдушка; онъ такъ всѣмъ интересуется и ему такъ тяжело, что онъ не можетъ говорить. Я лучше всѣхъ другихъ угадываю его мысли, и онъ былъ такъ счастливъ сегодня вечеромъ; я читала ему журналы, а потомъ всѣ мы сидѣли и болтали въ его комнатѣ. Сердце мое было полно и боли, и радости, и умиленья.

А теперь — нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить мою досаду, мое бѣшенство, мое отчаяніе!! Если бы я взялась за рисованіе въ пятнадцать лѣтъ, я была бы уже извѣстна!!. Понимаете ли вы меня?..

Пятница, 19 апрѣля. Я увѣрена, что я способна къ самой идеальной любви, потому что ни въ жизни, ни въ литературѣ я не встрѣчала такой **тонкости** во всѣхъ чувствахъ.

Я часто профанирую эту чистоту и тонкость своихъ чувствъ, употребляя въ разговорѣ объ этомъ рѣзкія слова и банальныя шутки. Это потому, что мнѣ еще некуда было приложить своихъ чувствъ, пережить ихъ самой... «Бѣдная дѣвочка!» — скажете вы, — «такъ ты воображаешь, что найдутся люди, хотя бы изъ наиболѣе любящихъ тебя, которые способны будутъ понять и отвѣтить на всѣ эти дивные, тонкіе оттѣнки чувства, которые ты такъ живо себѣ рисуешь?..» Конечно долженъ найтись кто-нибудь. Я даже думаю, что N. N. къ этому способенъ, потому что онъ во всемъ такъ похожъ на меня, какъ только возможно. А не онъ, такъ найдется кто-нибудь другой, въ которомъ я найду все, чего ищу. Но только за этимъ послѣдуетъ неизбѣжное разочарованіе, и всѣ мои божественныя надежды разлетятся прахомъ; или опять начнется исканіе, пока, наконецъ, душа не устанетъ окончательно и не смирится.

М. заставляетъ меня быть грубой въ разговорѣ; а тотъ могъ бы сдѣлать изъ меня ангела; онъ возбуждалъ и могъ возбуждать во мнѣ только самыя возвышенныя мысли...

Суббота, 20 апрѣля. Вчера вечеромъ, захлопнувъ эту

тетрадь, я раскрыла тетрадь шестьдесятъ вторую, прочла нѣсколько страницъ и напала, наконецъ, на письмо А...

Это заставило меня долго мечтать, улыбаться, потомъ снова отдаваться мечтамъ. Я легла поздно, но нельзя назвать это время потеряннымъ; такого рода «трата времени» не находится всегда въ рукахъ человѣка: эти минуты возможны только въ молодости; и надо ими пользоваться, цѣнить ихъ и наслаждаться ими, какъ и всѣмъ, что дано намъ Богомъ. Люди обыкновенно не цѣнятъ своей молодости, но я знаю цѣну всему, какъ старикъ, и не хочу упустить ни одной радости.

Я не могла сегодня исповѣдаться передъ обѣдней изъ-за Робера-Флери, такъ что причастіе пришлось отложить на завтра. Исповѣдь была преоригинальная — вотъ она:

— Вы не безъ грѣховъ,—сказалъ мнѣ священникъ послѣ обычной молитвы, — не согрѣшили ли вы въ лѣности?

— Никогда.

— Въ гордости?

— Всегда.

— Вы не поститесь?

— Никогда.

— Не оскорбили ли кого-нибудь?

— Не думаю, но возможно; вообще — много всякихъ мелочей, батюшка, особеннаго — ничего.

Да проститъ васъ Богъ, дочь моя, и т. д. и т. д.

Умъ мой въ настоящее время совершенно въ порядкѣ; я имѣла возможность провѣрить это сегодня вечеромъ во время разговора, я совершенно спокойна и рѣшительно ничего не боюсь — ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи... Очень часто мнѣ случается сказать: я страшно боялась пойти туда-то или сдѣлать то-то. Это просто утрировка языка, которая свойственна рѣшительно всѣмъ и ровно ничего не означаетъ.

Что мнѣ пріятно, такъ это, что я привыкаю поддерживать общій разговоръ: это необходимо, если желаешь завести себѣ порядочный салонъ. Прежде я брала себѣ кого-нибудь одного, а всѣхъ остальныхъ оставляла на произволъ судьбы.

Воскресенье, 21 апрѣля. Въ два часа пришелъ М.; мы нѣсколько разъ оставались одни, и онъ объяснялся мнѣ въ любви, кажется серьезно; что ни говори, а это всегда волнуетъ, и когда онъ сказалъ мнѣ:

— Да развѣ вы не знаете, что я люблю васъ, что я всей

душой люблю васъ, — я почувствовала то смущеніе, которое когда-то принимала за отвѣтную любовь.

— Ну! — отвѣчала я. — Я думаю, что вы не единственный, если это даже правда.

— Если это правда! вы это отлично знаете, какъ можете вы не вѣрить этому.

Онъ схватилъ мою руку и страстно поцѣловалъ ее.

— Полноте, — сказала я, вспыхнувъ и отдергивая руку, — какъ вамъ не стыдно заставлять меня краснѣть! Право, вы ведете себя слишкомъ неблаговоспитанно для бонапартиста, потому что я думаю, что такое обращеніе съ дѣвушкой вовсе не принято во Франціи.

Но онъ еще въ теченіе десяти минутъ продолжалъ умолять меня дать ему руку, но я не дала ему, сохраняя серьезный видъ, скрывавшій непритворное волненіе.

— Вы украли этотъ поцѣлуй.

— Дайте же мнѣ ваше разрѣшеніе...

— Ни за что.

— Но вѣдь вы знаете, что этотъ поцѣлуй будетъ моей отрадой въ теченіе двадцати-пяти дней, которые я пробуду вдали отъ васъ, что...

Но тутъ кто-то вошелъ. Онъ хорошо игралъ свою роль...

Послѣ четырехъ часовъ онъ ушелъ; я нѣсколько минутъ прогулялась съ Диной, потомъ пришло нѣсколько человѣкъ гостей. Между прочимъ заговорили и объ NN., и я сказала, что я не хочу слышать о немъ ничего дурного, что я его люблю и уважаю, и что если бы мы съ нимъ и разошлись, это ровно ничего не измѣнило бы.

Неужели М. дѣйствительно любитъ меня?..

Я противопоставила его изліянію стѣну равнодушія и насмѣшекъ, что подало поводъ къ нѣкоторымъ изреченіямъ того рода, которыя вызываютъ всеобщее удивленіе.

Я открыла свои старыя тетради химіи...

Когда я достигну окончательныхъ результатовъ въ живописи, я буду учиться декламаціи: у меня голосъ и жесты драматической актрисы.

Если только Богъ дастъ мнѣ здоровья и времени, я буду заниматься **всѣмъ**; я и такъ уже много дѣлаю, но это только начало.

Я создала себѣ существованіе, достойное зависти.

Вторникъ, 23 апрѣля. М. въ сущности очень не глупъ, особенно для такого свѣтскаго молодого человѣка. Но въ сравненіе съ NN... это то же, что сравнивать какую-нибудь салонную пѣвицу съ Патти... Я надѣюсь, друзья мои, что вы отдаете должную справедливость человѣку, собирающемуся теперь окунуться въ прелести семейной жизни: вы вѣдь знаете, какъ высоко я его ставлю, а въ моей геніальности вы, конечно, не сомнѣваетесь!!

Политическій дѣятель, трибунъ, выразитель извѣстнаго принципа, извѣстной идеи, глава государственной партіи, все еще могущественной, что бы тамъ ни говорили! Насколько это болѣе блестяще, хотя, можетъ быть, и суетнѣе, чѣмъ какой-нибудь спеціальный талантъ, который работаетъ только надъ какой-нибудь одной вещью, который весь ушелъ въ одинъ предметъ, въ сущности, можетъ быть, и болѣе великій, но доступный только извѣстному кругу интеллигентныхъ людей: тогда какъ дѣятельность перваго понятна всякому, начиная съ желѣзнодорожнаго носильщика и кончая великими міра сего...

Я ужасно дурно выражаю свои мысли, и мнѣ просто обидно за тѣ мысли, которыя я хотѣла выразить; но я думаю, что все это высказано гдѣ-нибудь до меня, только лучше и точнѣе.

Если бы только мнѣ можно было теперь читать!.. Но это слишкомъ утомляетъ мнѣ зрѣніе для рисованія. Одиннадцать часовъ, и я иду спать, спокойная, гордая, нечувствительная ни къ чему печальному.

Среда, 24 апрѣля. Вмѣсто того, чтобы читать, я играла на гитарѣ. Я разучиваю наизусть пѣсню:

Говорятъ, что ты хочешь жениться,
Я не въ силахъ тотъ день пережить.

Я пою это съ достодолжнымъ чувствомъ, съ тихимъ отчаяніемъ и выраженіемъ непритворной грусти въ глазахъ. Но это только отъ пѣсни, потому что въ дѣйствительности, если я чувствую что-нибудь, то только по вечерамъ.

По просьбѣ дѣдушки я цѣлый вечеръ играла у него въ комнатѣ, но потомъ мама начала изливать разныя жалобы по поводу брака NN.

— Теперь ужъ все равно ничего не подѣлаешь, — сказала она, такъ можно все высказать. Не могло быть въ мірѣ людей, болѣе подходящихъ другъ къ другу, чѣмъ Мари и NN.

А теперь эта черноволосая лицемѣрка будетъ наслаждаться счастіемъ! и такъ далѣе. Какъ это скучно, что мама говоритъ все это; ну, положимъ, если бы даже это было чѣмъ-нибудь для меня, нужно было бы во всякомъ случаѣ оставить меня въ покоѣ. Вы знаете, когда дѣти ушибутся, они плачутъ вдвое сильнѣе, если ихъ начинаютъ утѣшать!

Я отдамся живописи. Но я чувствую себя такъ, какъ будто бы съ меня сдирали кожу и все, все, что меня наполняетъ, разлетается въ пухъ и прахъ, вотъ какъ бываетъ съ куклами, когда съ нихъ сдираютъ ихъ коленкоровую кожу, и волосъ, которымъ онѣ набиты, такъ и лѣзетъ во всѣ стороны.

Я запретила себѣ все, кромѣ живописи, а мнѣ всячески стараются смутить и умъ, и сердце, и все... Ну, полно, дитя мое! если ты плохо чувствуешь себя, думай объ одномъ: все это только вопросъ времени; время заставитъ тебя забыть его, время успокаиваетъ всѣ скорби: будемъ же терпѣливы и предадимъ себя въ руки Божіи. Но завтра NN. долженъ придти обѣдать. Если онъ дѣйствительно женится, лучше бы уже мнѣ его не видѣть; я буду бояться и... я буду бояться...

Онъ женится! Я встрѣчаю это извѣстіе невольнымъ ропотомъ, это совершенно естественно. Но кажется я могла бы остаться совершенно спокойна, если бы мама не была такъ взволнована этимъ. Я не проявляю никакой досады, но и не стѣсняюсь сказать, что это событіе не изъ пріятныхъ... Такое поведеніе подобаетъ женщинѣ, которую грязная вода вселенной принудила взобраться на вершину горы.

Уже половина одиннадцатаго, и я ложусь спать, чтобы завтра по своему обыкновенію быть въ мастерской безъ пяти восемь.

Суббота, 27 — воскресенье, 28 апрѣля. Сегодня, послѣ пасхальной заутрени въ русской церкви, наше посольство устроило ужинъ у священника, домъ котораго былъ избранъ на этотъ разъ вслѣдствіе близости къ церкви. Но разсылаетъ приглашенія и принимаетъ самъ посланникъ. Намъ пришлось сѣсть за тотъ же столъ, гдѣ былъ великій князь Лейхтенбергскій съ женой, посланникъ и самая избранная часть русской колоніи въ Парижѣ.

Почему бы князю О., который, какъ извѣстно, вдовецъ, не влюбиться въ меня и не жениться на мнѣ!.. Я была бы посланницей въ Парижѣ, чуть-чуть не императрицей! Вѣдь женился же А., бывшій посланникъ въ Тегеранѣ, на молоденькой

женщинѣ — по любви, будучи уже пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ.

Я вовсе не произвела желаннаго эффекта; Лаферрьеръ опоздала, и я должна была надѣть платье, которое ко мнѣ не шло. Отъ платья зависѣло мое настроеніе, отъ настроенія — выраженіе лица, и все остальное.

Понедѣльникъ, 29 апрѣля. Работаю съ восьми часовъ утра до шести вечера, исключая только полтора часа, уходящихъ на то, чтобы сходить позавтракать. Что можетъ быть лучше правильной работы?

Но чтобы перейти къ чему-нибудь другому, скажу вамъ, что — кажется — я никогда не смогу серьезно влюбиться. Я всегда, всегда открываю въ человѣкѣ что-нибудь смѣшное и ужъ тогда конецъ. Или если и не смѣшное, то неловкое, или глупое, или скучное; словомъ — вѣчно есть что-нибудь...

Но правда и то, что прежде, чѣмъ я найду человѣка, который сумѣлъ бы завладѣть моей душой, я не поддамся никакому очарованію. Благодаря этой склонности — докапываться въ каждомъ человѣкѣ до его недостатковъ, я смогу уберечься отъ всѣхъ Адонисовъ въ мірѣ...

До какой степени глупы люди, прогуливающіеся въ паркахъ, и какъ мнѣ непонятна эта пустая, тупая жизнь!

Пятница, 2 мая. Бываютъ минуты, когда я готова послать къ чорту это горнило умственной работы, славу и живопись, чтобы ѣхать въ Италію — жить солнцемъ, музыкой и любовью.

Суббота, 3 мая. Я обожаю все, что **просто** — въ живописи, въ чувствахъ, во всемъ. У меня никогда, никогда не было и не будетъ простыхъ чувствъ, потому что они невозможны тамъ, гдѣ царятъ всякія сомнѣнія и опасенія, основанныя на пережитыхъ фактахъ. Простыя чувства могутъ возникнуть только при счастьѣ или гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ невѣдѣніи всего того, что...

Я представляю изъ себя характеръ въ высшей степени **сложный**, столько же изъ-за избытка разныхъ тонкихъ ощущеній, сколько изъ-за самолюбія, потребности въ анализѣ всего, постояннаго исканія истины, страха пойти по невѣрному пути, различныхъ неудачъ.

А когда сердце и умъ въ вѣчной тревогѣ, въ результатѣ получается нѣчто истомленное; это конечно не мѣшаетъ быть сильнымъ, но въ то же время легко поддаешься всякимъ при-

чудамъ, экзальтаціи, легко обрываешься въ своихъ начинаніяхъ, словомъ — вѣчная мучительная неровность настроенія. Въ общемъ, это, конечно, лучше, чѣмъ безсусловное однообразіе, которое, какъ говорятъ, тоже утомляетъ. Такое однообразіе и полная ровность характера исключаетъ возможность различать во всемъ тѣ тонкіе оттѣнки, которые доставляютъ высшую радость тонкимъ, **сложнымъ** характерамъ; а эти характеры ищутъ тонкихъ ощущеній во всемъ — даже въ созерцаніи великаго и прекраснаго; да безъ этихъ тонкостей и дѣйствительно врядъ ли можно достигнуть такихъ сильныхъ и художественныхъ эффектовъ...

Можно подумать, что я что-нибудь смыслю во всемъ этомъ. А между тѣмъ — я знаю только, что пишу все, что мнѣ взбредетъ въ голову, и ни у кого ничего не краду.

Суббота, 11 мая. Я, Шепи и тетя Мари отправляемся на выставку смотрѣть картины и любоваться Донъ-Карлосомъ, который представляетъ изъ себя самаго величественаго и царственнаго человѣка, какого я только видѣла. Его можно одѣть во что угодно, гдѣ угодно поставить, всякій задается вопросомъ: кто такое этотъ человѣкъ?

Невозможно отрицать значеніе выдающихся родовъ, породы, и если люди избранной породы оказываются безобразными и не представительными, тутъ ужъ повѣрьте мнѣ — дѣло не спроста.

Воскресенье, 12 мая. Я сдѣлала свою первую nature morte: ваза изъ голубого фарфора съ букетомъ фіалокъ, а подлѣ маленькая красная, уже нѣсколько потрепанная книга. Такимъ образомъ я не перестану рисовать и пріучусь къ краскамъ, посвящая имъ всего два-три часа по воскресеньямъ. Каждое воскресенье я буду дѣлать что-нибудь новое.

Вчера я наговорила глупостей моей матери. Потомъ, вернувшись въ свою маленькую гостиную, гдѣ было совершенно темно, и упавъ на колѣни, я поклялась передъ Богомъ никогда больше не отвѣчать моей матери, когда она выведетъ меня изъ себя, а просто молчать или уйти. Она больна, долго ли до бѣды, и я никогда не утѣшилась бы въ сознаніи своихъ проступковъ противъ нея.

Четвергъ, 16 мая. Пока я собиралась взяться за голову скелета, успѣвъ уже по своему обыкновенію предварительно разболтать о своемъ проектѣ, Бреслау за эту недѣлю уже написала ее. Этотъ случай научаетъ меня не быть такой бол-

туньей. Все это дало мнѣ поводъ сказать въ разговорѣ съ другими, что должно быть и правда — мои идеи чего-нибудь да стоятъ, если находятся глупцы, подбирающіе наиболѣе плохія и невыгодныя изъ нихъ.

Пятница, 17 мая. Я была бы, кажется, готова взорвать на воздухъ всѣ дома — всѣ эти семейныя гнѣзда!.. Нужно бы, казалось, любить свое гнѣздо; ничего не можетъ быть слаще, какъ отдыхъ въ немъ, мечтать о своихъ дѣлахъ, о видѣнныхъ людяхъ, но вѣчно отдыхать!!..

День — отъ восьми утра до шести вечера — проходитъ еще туда-сюда — за работой, но вечеръ!!.. Я собираюсь заниматься по вечерамъ скульптурой, чтобы только не останавливаться мыслью на томъ, что — вотъ я молода, а время все уходитъ, и что я скучаю и возмущаюсь, и что все это такъ ужасно!

Странная это вещь — люди, которымъ не везетъ ни въ любви, ни въ дѣлахъ. Въ любви-то, положимъ, это была еще моя вина: я настраивала свое воображеніе по отношенію къ однимъ, не обращала вниманія на другихъ. Но въ дѣлѣ!..

Я пойду теперь плакать и просить Бога, чтобы онъ устроилъ мнѣ мои дѣла. Это, собственно, престранно — вести разговоръ съ Господомъ Богомъ, только это нисколько не дѣлаетъ Его добрѣе по отношенію ко мнѣ.

Но другіе не умѣютъ молиться. А вѣдь я вѣрю, и какъ я умоляю Его...

Очевидно, что я просто недостойна этого. Мнѣ кажется, что я скоро умру.

Суббота, 25 мая. — Дѣло идетъ что-то недостаточно хорошо для васъ, — сказалъ мнѣ Роберъ-Флери. — Я и сама чувствовала это, и если бы онъ не ободрилъ меня за мои natures mortes, я бы опять свалилась съ высоты своихъ надеждъ.

Мы были во французскомъ театрѣ, видѣли «Les Fourchambault». Всѣ въ восторгѣ отъ пьесы, чего не могу сказать о себѣ.

На мнѣ была шляпа... но это больше совсѣмъ не занимаетъ меня... Я забочусь только о томъ, чтобы быть одѣтой вполнѣ прилично... Послѣднее время я какъ-то нѣсколько упускала это изъ виду.

Несомнѣнно, что я буду великой художницей!!.. Какъ же иначе, если каждый разъ, что я немного выйду изъ комнаты

моихъ занятій, судьба снова загоняетъ меня въ нее ударомъ самыхъ разныхъ сортовъ. Не мечтала ли я о политическихъ салонахъ, о выѣздахъ въ свѣтъ, потомъ о богатомъ бракѣ, потомъ снова о политикѣ?.. Но когда я мечтала обо всемъ этомъ, я думала, что есть возможность найти какой-нибудь женскій человѣческій обычный выходъ изъ всего этого. Нѣтъ, ничего подобнаго нѣтъ!..

Но зато благодаря этому я пріобрѣла большое хладнокровіе, громадное презрѣніе ко всему и всѣмъ, разсудительность, благоразуміе — словомъ бездну вещей, которыя дѣлаютъ мой характеръ холоднымъ, нѣсколько высокомѣрнымъ, нечувствительнымъ, и въ то же время задѣвающимъ другихъ, рѣзкимъ, энергичнымъ. Что же касается святого огня, онъ точно спрятался, такъ что обычные зрители, профаны — и не подозрѣваютъ о немъ. Въ ихъ глазахъ — я ни на что не обращаю вниманія, отъ всего отстраняюсь, не имѣю сердца; я критикую, я презираю, я насмѣхаюсь!

А все мои нѣжныя чувства, загнанныя въ самую глубину моей души, что говорятъ они при видѣ этой высокомѣрной вывѣски, прикрывающей ходъ въ мою душу? Они ничего не говорятъ... они ропщутъ и еще глубже прячутся, оскорбленныя и огорченныя.

Я провожу свою жизнь въ томъ, что говорю разную дичь, которая мнѣ нравится, а другихъ удивляетъ... Все это было бы прекрасно, если бы въ этомъ не было оттѣнка горечи, если бы это не было плодомъ невообразимой неудачи во всемъ. Въ послѣдній разъ, что я причащалась, священникъ далъ мнѣ вино и хлѣбъ, потомъ отдѣльно еще по обыкновенію кусочекъ хлѣба безъ вина; и этотъ хлѣбъ два раза выпадалъ у меня изъ рукъ. Мнѣ стало непріятно на сердцѣ, но я ничего не сказала, надѣясь, что это не означало того, что я недостойна... Это былъ именно отказъ, повидимому.

Все это доказываетъ только, что я должна окончательно посвятить себя моему искусству... Конечно, я еще буду выскакивать изъ этой колеи подъ вліяніемъ различныхъ толчковъ, но это только на какой-нибудь часъ, послѣ чего я снова возвращусь, наказанная и благоразумная.

Понедѣльникъ, 27 мая. Къ семи часамъ я уже въ мастерской, а завтракаю за три су въ сливочной, куда иду вмѣстѣ со шведками. Я встрѣчаю тамъ рабочихъ въ блузахъ, ко-

торые приходятъ туда угоститься тѣмъ же простымъ шоколадомъ, какой пью и я.

— Начать живопись съ natures mortes— да это для васъ то же, какъ если бы здоровенному человѣку приказали упражнять свои силы, вертя эту штучку (и говоря мнѣ это, Жуліанъ сталъ опускать и поднимать ручку для пера); приступать къ цѣлымъ фигурамъ, пожалуй, дѣйствительно еще не слѣдуетъ, но пишите отдѣльныя части — ноги, другія части тѣла, словомъ, разныя модели; ничего лучше быть не можетъ.

Онъ совершенно правъ, и я теперь же примусь за какую-нибудь ногу.

Я завтракала въ мастерской; мнѣ принесли завтракъ изъ дома, потому что я разсчитала, что, отправляясь для этого домой, я каждый день теряла по цѣлому часу; а это составляетъ 6 часовъ, т. е. цѣлый день работы, въ недѣлю = четыре дня въ мѣсяцъ = сорокъ восемь дней въ годъ.

Что же касается вечеровъ... я собираюсь приняться за лѣпку; я говорила объ этомъ съ Жуліаномъ, который поговоритъ или попроситъ поговорить объ этомъ съ Дюбуа, такъ чтобы заинтересовать его.

Я дала себѣ четыре года сроку; семь мѣсяцевъ уже прошло. Я думаю, что трехъ лѣтъ будетъ довольно: такъ что мнѣ остается еще два года пять мѣсяцевъ.

Мнѣ будетъ тогда двадцать первый годъ.

Жуліанъ говоритъ, что я буду хорошо писать черезъ годъ — можетъ быть, но не **достаточно хорошо**.

Такая работа просто неестественна, — говоритъ онъ, смѣясь. — Вы забываете свѣтъ, прогулки, все! Въ этомъ долженъ скрываться какой-нибудь тайный замыселъ, какая-нибудь особенная цѣль...

Четвергъ, 30 мая. Обыкновенно родные и всѣ окружающіе не признаютъ генія великихъ людей... У насъ, напротивъ, слишкомъ высоко цѣнятъ меня, такъ что пожалуй не удивились бы, если бы я написала картину величиной съ плотъ Медузы и если бы мнѣ дали орденъ Почетнаго Легіона. Ужъ не есть ли это дурной знакъ... Надѣюсь, что нѣтъ.

Пятница, 31 мая. Я опять была у ясновидящаго сомнамбула Алексиса. Я дала ему три запечатанныхъ письма, объ авторахъ которыхъ онъ сталъ говорить мнѣ, не раскрывая конвертовъ. Первый — сказалъ онъ, — фальшивый человѣкъ, надоѣдающій мнѣ неинтересными разсужденіями о разныхъ

проявленіемъ моего характера. Второй — бѣлокурый, довольно полный, съ голубыми глазами, съ кроткимъ лицомъ и нѣсколько страннымъ взглядомъ; онъ чувствуетъ ко мнѣ возрастающее расположеніе, я его смущаю, и онъ не знаетъ, какъ ему быть... Но оба первые имѣютъ ко мнѣ гораздо меньшее отношеніе, чѣмъ третій, съ которымъ у меня большое сходство въ складѣ ума, сердца, который сильно любитъ меня, но собирается вступить въ бракъ съ какой-то высокой брюнеткой!..

Потомъ я спросила его, могу ли я быть замагнетизирована и магнетизировать другихъ.

— Замагнетизировать васъ трудно, но вы можете легко магнетизировать другихъ.

Я отправляюсь въ милый старый Парижъ, чтобы купить книгъ, трактующихъ о магнетизмѣ, и такъ какъ нѣкоторыхъ тамъ нельзя достать, меня посылаютъ къ самому барону Дюпортъ. Я иду, нахожу тамъ большую, широкую, почернѣвшую лѣстницу, какъ въ Италіи, библіотеку и стараго маніака, объявляющаго себя царемъ магнетизма.

Я хочу серьезно заняться этимъ. Въ этой могущественной силѣ мнѣ видится какой-то особенный отблескъ Божества.

Наши отправляются смотрѣть феерію въ Шателѣ; я ѣду съ ними. Видѣть одну феерію значитъ видѣть всѣ. Я скучала и, машинально разглядывая рекламы на занавѣсѣ, думала о томъ, что жизнь моя поблекла, отцвѣла, и... пропала. Такъ тяжело чувствовать вокругъ себя эту пустоту, эту тоску. Я считала себя созданной для полнаго счастья, а теперь вижу, что мнѣ суждено быть во всемъ несчастной. Это какъ разъ то же самое, только наоборотъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знала, чего держаться, все это вполнѣ сносно и больше не огорчаетъ меня, потому что я все знаю заранѣе. Увѣряю васъ, что я говорю то, что думаю. Что было ужасно, такъ это постоянное разочарованіе: встрѣчать змѣй тамъ, гдѣ надѣялся увидѣть цвѣты, — вотъ что ужасно... Но всѣ эти удары закалили меня до равнодушія. Все идетъ попрежнему вокругъ меня, но, отправляясь въ мастерскую, я ужъ ни на что не обращаю вниманія. Въ остальное время читаю газету или просто закрываю глаза на все, что дѣлается.

Вы, можетъ быть, думаете, что это покорность отчаянія?.. Причина ея, пожалуй, отчаяніе, но она спокойна и тиха, хотя и

не безъ грустнаго оттѣнка. Вмѣсто розоваго — видишь все въ сѣромъ цвѣтѣ, вотъ и все.

Я просто не узнаю себя... Это — не ощущеніе минуты, я дѣйствительно стала такой. Мнѣ кажется это смѣшнымъ, но тѣмъ не менѣе это чистая правда; я даже не чувствую больше нужды въ богатствѣ; мнѣ было-бы довольно двухъ черныхъ блузъ въ годъ, бѣлья, которое я сама стирала бы по воскресеньямъ на всю недѣлю, самой простой пищи, — только безъ луку и свѣжей, — и... возможности работать.

Каретъ не надо; можно отлично обойтись омнибусомъ, а то и пѣшкомъ.

Но въ такомъ случаѣ для чего жить? Для чего? О, вотъ тема! А надежда на лучшіе дни! Эта надежда вѣдь никогда не покидаетъ насъ.

Все относительно. Такъ, по сравненію съ моими прежними мученіями, настоящее — чистое благополучіе; я наслаждаюсь имъ, точно какимъ-нибудь пріятнымъ событіемъ. Въ ноябрѣ мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ! — Дико, невозможно. Это ужасно.

Моментами на меня находитъ желаніе изящно одѣться, отправиться на прогулку, показаться въ оперѣ, въ паркѣ, въ салонѣ — на выставкѣ. Но черезъ минуту я говорю себѣ: къ чему все это? И все разлетается...

Между каждымъ словомъ, которое я пишу, у меня проносится милліонъ мыслей; я успѣваю записывать только какіе-то обрывки.

Подумаешь, какое несчастье для потомства! — Это не несчастье для потомства, но дѣло въ томъ, что это не даетъ возможности понять меня.

Я завидую Бреслау; она рисуетъ совсѣмъ не какъ женщина. На будущей недѣлѣ я примусь за работу такъ, что вы увидите!.. Послѣполуденные часы будутъ посвящены выставкѣ... Но слѣдующую недѣлю... Я **хочу** хорошо рисовать и добьюсь.

Понедѣльникъ, 3 іюня. Безсонная ночь, работа съ восьми часовъ утра и бѣготня съ двухъ до семи вечера то по выставкѣ, то для отысканія новаго помѣщенія... И это проклятое здоровье никуда не годится! Эта энергія треплется безъ всякой пользы! Я работаю... О, прелестное положеніе дѣлъ! отъ семи до восьми часовъ въ день, отъ которыхъ не больше толку, чѣмъ отъ семи-восьми минутъ труда.

Завтра я выскажу вамъ мое настоящее мнѣніе, мое истинное мнѣніе, созданное во мнѣ не событіями, не чьимъ-нибудь вліяніемъ, я выскажу его даже сегодня вечеромъ...

Сохраненіе титуловъ, равенство передъ закономъ; всякое иное равенство невозможно. Уваженіе къ стариннымъ фамиліямъ; оказаніе чести иностраннымъ государямъ. Покровительство искусствамъ, роскошь и изящество.

Республикѣ ставятъ въ вину кровь, грязь и проч. Скажите пожалуйста! Да вглядитесь въ начало всякаго другого образа правленія, особенно если принять во вниманіе, что добрая половина все только портитъ, всему мѣшаетъ, борется... Сколько было неудачныхъ попытокъ: наполеоновскія традиціи, св. Елена...

Ну, а теперь? Остается ничтожный Шамборъ, потомъ принцы Орлеанскіе... Но Орлеанскіе — ничего изъ себя не представляютъ въ моихъ глазахъ; такія измельчавшія побочныя линіи не пользуются популярностью. Что же касается до Наполеона III, то его родъ навсегда утратилъ значеніе. Республика настоящаго времени — это истинное такъ долго ожидаемое, сошедшее на Францію благословеніе неба.

Нельзя обращать вниманіе на нѣсколькихъ вольнодумцевъ, которые встрѣчаются при какомъ угодно образѣ правленія, нельзя ссылаться на нѣкоторыя преувеличенія. Государство не салонъ.

Люди партій могутъ избирать своихъ представителей, но въ общемъ республика не есть какая-нибудь партія, это цѣлая страна, и чѣмъ большее число людей признаетъ ее, тѣмъ шире она раскроетъ свои объятія, и когда наконецъ всѣ придутъ къ этому, не будетъ ни изгнанниковъ, ни отверженныхъ, ни избранныхъ, не будетъ болѣе партіи. Будетъ единая Франція.

Республиканцамъ ставятъ въ вину то обстоятельство, что между ними встрѣчаются разные негодяи, а укажите-ка мнѣ націю, гдѣ бы ихъ не встрѣчалось? Если бы вся Франція стала легитимисткой или имперіалисткой, неужели всѣ граждане такъ-таки и были бы члены безъ пятенъ...

Однако, доброй ночи. Я заболталась... тороплюсь на всѣхъ парахъ...

Среда, 12 іюня. Съ завтрашняго дня я снова принимаюсь за работу, почти заброшенную съ субботы; я чувствую угры-

зенія совѣсти и завтра все войдетъ въ свою колею. Для моихъ дѣлъ мнѣ будетъ достаточно вечеровъ...

Руэ очень удивилъ меня во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ — своей молодостью, бодростью; я воображала его важнымъ, медлительнымъ, чуть ли не дряхлымъ; а онъ выскочилъ изъ кареты, подалъ руку, расплатился съ извозчикомъ, живо взбѣжалъ на подъѣздъ; и потомъ занялся своимъ образомъ мыслей. Полуобразованіе, — сказалъ онъ, — ведетъ только къ отрицанію всякихъ авторитетовъ. Онъ проповѣдуетъ благодѣяніе невѣжества (утверждая въ то же время, что этотъ вопросъ очень трудно рѣшить) и настаиваетъ на томъ, что журналистика — настоящій ядъ, бросаемый въ среду народа...

Представьте же себѣ, съ какимъ любопытствомъ я его разсматривала и слушала — вице-короля! Но я не собираюсь выкладывать вамъ здѣсь свои заключенія во-первыхъ потому, что я его недостаточно видѣла для этого, а во-вторыхъ — потому, что я просто не расположена къ этому сегодня вечеромъ. Онъ разсказалъ намъ много интереснаго — о покушеніи на нашего государя въ 1867 г., потомъ еще много говорилъ о нашей царской фамиліи; спрашивалъ меня, знаемъ ли мы великаго князя. Я, конечно, держала себя съ главой бонапартистовъ, какъ истая православная...

Я даже сама не могу надивиться на свои тонкія любезности и свой тактъ. Гавини и баронъ, казалось, вполнѣ одобряли мое поведеніе, и самъ Руэ былъ доволенъ, но... все это какой-то подмоченный фейерверкъ!!!

Разговоръ шелъ о голосованіи, о законахъ, о брошюрахъ, о приверженцахъ и измѣнникахъ — и все это въ моемъ присутствіи. Слушала ли я? О, еще бы. Передо мной точно двери въ рай открывались. Я выразила однако мнѣніе, что женщины не должны были бы ни во что вмѣшиваться, потому что кромѣ зла ничего не могутъ причинить, благодаря своему неумѣнью отдѣлаться отъ пристрастія.

Я сожалѣю о томъ, что я женщина, а Руэ о томъ, что онъ мужчина. У женщинъ, — сказалъ онъ, — нѣтъ такихъ тревогъ и непріятностей, какъ у насъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что и у тѣхъ, и у другихъ ихъ одинаково. Только хлопоты мужчинъ доставляютъ имъ почесть, славу, популярность, а хлопоты женщинъ ничего не приносятъ.

— Такъ вы думаете, сударыня, что наши непріятности всегда вознаграждаются такимъ образомъ?

— Я думаю, что это зависитъ отъ самихъ мужчинъ.

Но не надо думать, что я такъ сразу и ввязалась въ разговоръ; я сидѣла сначала минутъ десять нѣсколько смущенная, потому что эта старая лиса, казалось, вовсе не была въ восторгѣ отъ этого представленія.

Хотите знать одну вещь?.. Я въ восторгѣ.

Теперь мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ всѣ милыя вещи, которыя я сказала... Ну, нѣтъ, не надо. Скажу только, что я сдѣлала все отъ меня зависящее, чтобы не говорить банальностей и казаться преисполненной здраваго смысла; такъ вы лучше представите себѣ сами все, что произошло.

Суббота, 15 іюня. Подумайте! Роберъ-Флери ничего не хотѣлъ сказать мнѣ — такъ плохъ мой рисунокъ. Тогда я показала ему то, что сдѣлала на прошлой недѣлѣ, и удостоилась похвалъ. Бываютъ дни, когда все утомляетъ.

Среда, 3 іюля. М. пришелъ проститься и, такъ какъ шелъ дождь, предложилъ проводить насъ на выставку.

Предложеніе было принято, но еще до этого, оставшись наединѣ со мной, онъ сталъ умолять меня быть менѣе жестокой и т. д. и т. д.

— Вы знаете, что я безумно люблю васъ, что я страдаю... Если бъ вы знали, какъ это ужасно видѣть однѣ только насмѣшливыя улыбки, слышать только насмѣшки, — когда серьезно любишь.

— Вы забрали себѣ это въ голову...

— О, нѣтъ, клянусь вамъ, я готовъ представить вамъ всѣ доказательства... самую безусловную преданность, вѣрность, терпѣніе собаки, что хотите!.. Скажите хоть одно слово, скажите, что хоть немножко... вѣрите мнѣ... За что вы обращаетесь со мной, какъ съ какимъ-то шутомъ, какъ съ существомъ какой-то низшей расы...

— Я обращаюсь съ вами такъ же, какъ со всѣми.

— За что? Вѣдь вы же знаете, что я люблю васъ не такъ, какъ всѣ, что я вамъ такъ преданъ...

— Я привыкла къ тому, что вызываю это чувство.

— Но не такое, какъ мое... Позвольте мнѣ думать, что вы не питаете ко мнѣ ужасныхъ чувствъ...

— О, ужасныхъ! — увѣряю васъ, что нѣтъ.

— Для меня всего ужаснѣе равнодушіе.

— А! но что-же тутъ...

— Обѣщайте мнѣ не забывать меня въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ моего отсутствія.

— Это не въ моей власти.

— Позвольте мнѣ время отъ времени напомнить вамъ о своемъ существованіи. Можетъ быть я буду забавлять васъ, вызову у васъ улыбку?.. Позвольте мнѣ... надѣяться, что иногда изрѣдка вы пришлете мнѣ одно слово, одно единственное.

— Какъ вы сказали?

— О, ну, безъ подписи, просто только «я здорова»... И все тутъ!.. Я буду такъ счастливъ!

— Я подписываю все, что я пишу...

— Вы даете мнѣ позволенье?

— Я вѣдь какъ **Фигаро**, я принимаю всякія письма....

— Господи! Если бы вы знали, какъ это ужасно — никогда не добиться серьезнаго слова, подвергаться вѣчнымъ насмѣшкамъ... Нѣтъ, скажите, будемъ говорить серьезно, чтобы потомъ вамъ нельзя было упрекнуть себя въ томъ, что вы не сжалились надо мной даже въ минуту, когда я разстаюсь съ вами! Могу я надѣяться, что моя безграничная преданность, моя привязанность, моя любовь... Ставьте мнѣ какія хотите условія, какія угодно испытанья, но могу я надѣяться, что когда-нибудь вы будете мягче? Что вы не вѣчно будете насмѣхаться?

— Что касается испытаній, — говорю я довольно серьезно, — то только одно и есть.

— Какое? Я на все готовъ.

— Время.

— Ну, хорошо, пусть время. Вы увидите...

— Мнѣ будетъ это очень пріятно.

— Но скажите, вы довѣряете мнѣ хоть сколько-нибудь?

— Какъ? Я довѣряю вамъ до такой степени, что поручаю вамъ письмо, съ увѣренностью, что вы его не распечатаете.

— Какой ужасъ! Нѣтъ, но безусловное довѣріе...

— Какія сильныя выраженія!

— Да если чувство сильно? — сказалъ онъ тихо.

— Да мнѣ и самой хотѣлось бы вѣрить, — вѣдь это льститъ нашему самолюбію. И право, мнѣ и самой хочется имѣть къ вамъ нѣкоторое довѣріе.

— Правда?

— Право. Этого вамъ достаточно, неправда ли?

Мы отправляемся на выставку. Я все время чувствовала досаду: М... былъ вполнѣ счастливъ и такъ ухаживалъ за мной, какъ будто я приняла его любовь.

Сегодня вечеромъ я чувствую истинное удовлетвореніе: любовь М... производитъ на меня совершенно то же впечатлѣніе, какъ любовь А... Итакъ, вы видите, — я вовсе не любила Пьетро! Я даже не была влюблена. Потомъ я была совсѣмъ близка къ тому, чтобы полюбить... Но вы знаете, какимъ ужаснымъ разочарованіемъ это кончилось.

Вы отлично понимаете, что я не чувствую ни малѣйшаго желанія выйти замужъ за М...

—Истинная любовь всегда почтительна, — сказала я ему; вамъ нечего стыдиться ея, только не забирайте себѣ въ голову лишняго.

— Вашу дружбу!

— Пустое слово.

— Ну, такъ ваше...

— Вы неумѣренны.

— Но что сказать, если вы не позволяете мнѣ начать съ малаго, съ дружбы...

— Химеры!

— Занчитъ, любовь...

— Вы говорите нелѣпости.

— Почему?

— Потому что я чувствую къ вамъ полное пренебреженіе.

Пятница, 5 іюля. Возвращаюсь изъ концерта русскихъ цыганъ. Я не хочу уѣхать и оставить дурного впечатлѣнія. Мы были вшестеромъ: тетя, Дина, Степанъ, Филиппини, М... и я. По окончаніи концерта мы отправляемся ѣсть мороженое и подзываемъ къ себѣ двухъ наиболѣе хорошенькихъ цыганокъ и двухъ цыганятъ, которыхъ угощаемъ виномъ и мороженымъ. Было презанятно говорить съ этими молоденькими добродѣтельными дѣвушками.

Потомъ тетя даетъ руку Степану, Дина идетъ съ Филиппины, а я — съ М... Мы идемъ пѣшкомъ до самаго дома; погода такая чудная. М., успокоенный, говоритъ мнѣ о своей любви... Это опять прежняя исторія: я не люблю его, но его огонь согрѣваетъ меня; это-то я и принимала за любовь два года тому назадъ...

Онъ говоритъ такъ хорошо... Онъ даже плакалъ. Приближаясь къ дому, я смѣялась меньше, я была размягчена этой прекрасной ночью и этой пѣснью любви. Ахъ, какъ это хорошо — быть любимой!.. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что моглобы сравниться съ этимъ... Теперь я знаю, что М. любитъ меня. **Такъ** не играютъ комедію. И потомъ—если бы онъ добивался моихъ денегъ, мое пренебреженіе ужъ давно оттолкнуло бы его, и потомъ — есть Дина, которую считаютъ такой же богатой, да и мало ли еще дѣвушекъ... М. не какой-нибудь хлыщъ, это настоящій джентльменъ. Онъ бы могъ найти, и онъ еще **найдетъ** кого-нибудь другого вмѣсто меня.

М... право очень милый; я, можетъ быть, сдѣлала ошибку, оставивъ свою руку въ его рукѣ въ минуту разставанья. Онъ поцѣловалъ мою руку. Я должна была позволить ему это. И потомъ онъ такъ любитъ и уважаетъ меня, бѣдный человѣкъ! Я разспрашивала его, какъ ребенокъ, мнѣ хотѣлось знать, какъ это съ нимъ случилось, съ какихъ поръ? Кажется, онъ меня тотчасъ же полюбилъ. «Но это странная любовь,— сказалъ онъ, — другія — просто женщины, но вы стоите выше всего человѣческаго; и это — странное чувство; я знаю, что вы обращаетесь со мной, какъ съ горбатымъ шутомъ, что у васъ нѣтъ доброты, что вы безсердечны — и все-таки я люблю васъ; обыкновенно люди восхищаются сердцемъ любимой женщины. А я... у меня, такъ сказать, нѣтъ даже симпатіи къ вамъ, и въ то же время я обожаю васъ».

Я все слушала, потому что, право, увѣряю васъ, слова любви стоятъ всѣхъ зрѣлищъ въ мірѣ, исключая развѣ тѣхъ, куда идешь, чтобы показать себя. Но въ такомъ случаѣ — это тоже родъ пѣсни любви: на васъ смотрятъ, вами восхищаются, и вы расцвѣтаете, какъ цвѣтокъ подъ лучами солнца.

Соденъ. Воскресенье, 7 іюля. Въ семь часовъ мы ѣдемъ. Дѣдушкѣ хотѣлось, чтобы я осталась; но я простилась съ нимъ: тогда онъ обнялъ меня и вдругъ заплакалъ, сморщивъ носъ, раскрывъ ротъ, закрывъ глаза — точно ребенокъ! До его болѣзни — это было бы ничего, но теперь... я обожаю его. Если бы вы знали, какъ онъ интересуется малѣйшими пустяками, какъ онъ любитъ всѣхъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится въ этомъ ужасномъ состояніи. Еще одна минута, и я бы осталась... Такое безуміе быть вѣчно такой чувствительной!

Представьте себѣ существо, перенесенное изъ Парижа въ Соденъ. **Мертвая тишина**— это недостаточно передаетъ тишину, царящую въ Соденѣ. У меня отъ этого голова идетъ кругомъ такъ же, какъ отъ слишкомъ сильнаго шума.

Здѣсь будетъ время предаться размышленіямъ и писать.

Что за раздражающая тишина!.. Ну, долго ли еще вамъ придется читать мои диссертаціи на эту тему!

Докторъ Тиленіусъ только что вышелъ отъ насъ; онъ разспрашивалъ меня о моей болѣзни и не сказалъ, какъ французы:

«Это ничего, въ восемь дней мы васъ вылѣчимъ».

Завтра я начинаю курсъ лѣченія.

Деревья здѣсь такъ хороши; воздухъ чистый. Деревня идетъ къ моему лицу. Въ Парижѣ я только хорошенькая — если только я такова; здѣсь я кажусь нѣжной и поэтичной; глаза увеличиваются, щеки кажутся худѣе.

Вторникъ, 9 іюля. Какъ они всѣ мнѣ надоѣдаютъ, эти доктора! Мнѣ осматривали горло: фарингитъ, ларингитъ и катарръ. Больше ничего!..

Я занимаюсь чтеніемъ Тита Ливія. Разсчитываю дѣлать это каждый вечеръ; мнѣ необходимо познакомиться съ исторіей Рима.

Вторникъ, 16 іюля. Я хочу добиться своего — живописью или чѣмъ-либо инымъ... Не думайте, однако, что я занимаюсь искусствомъ только изъ тщеславія. Найдется, быть можетъ, не много людей, которые такъ проявляли бы свои художественныя наклонности рѣшительно во всемъ. Впрочемъ, вы, конечно, сами это замѣтили, вы, т. е. интеллигентная часть моихъ читателей; до остальныхъ мнѣ дѣла нѣтъ. Остальнымъ я покажусь только экстравагантной, потому что я дѣйствительно странный человѣкъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, не стараясь быть таковой.

Четвергъ, 1 августа. Я нарядилась старой нѣмкой съ смѣшными ужимками и маленькими странностями, и такъ какъ появленіе каждой новой личности производитъ крайнее возбужденіе среди завсегдатаевъ Курхауза, я произвела цѣлую сенсацію. Только я сдѣлала оплошность, ничего не спросивъ у кельнера; это возбудило подозрѣніе, за мной стали слѣдить, преслѣдовать по пятамъ, и тутъ ужъ тайнѣ конецъ. Увѣряю васъ, что это весьма печально: заставить умереть отъ хохота двадцать пять человѣкъ и не забавиться этимъ самой.

Пятница, 2 августа. Я думаю о Ниццѣ послѣдніе дни... Мнѣ было пятнадцать лѣтъ и какъ я была хороша. Талія, руки, ноги были, можетъ быть, еще не сформированы, но лицо было очаровательно... Съ тѣхъ поръ оно ужъ никогда такимъ не было... По возвращеніи моемъ изъ Рима, графъ К. сдѣлалъ мнѣ цѣлую сцену...

— У васъ лицо совсѣмъ измѣнилось, — говорилъ онъ, — черты, краски тѣ же; но что-то не то... Вы ужъ никогда не будете такой, какъ на этомъ портретѣ.

Онъ говорилъ о портретѣ, гдѣ я сижу, положивъ локти на столъ и опершись щекой на руки.

— Вы имѣете здѣсь такой видъ, какъ будто бы только-что откуда-то пріѣхали, облокотились и, устремивъ глаза куда-то въ будущее, спрашиваете полуиспуганно: такъ вотъ какова она, жизнь?..

Въ пятнадцать лѣтъ въ моемъ лицѣ было что-то дѣтское, чего не было ни до, ни послѣ этого. А вѣдь это выраженіе самое прелестное, что только можетъ быть въ мірѣ.

Какія мѣста для прогулокъ я открыла въ Соденѣ!.. Я не не говорю объ обыкновенныхъ, опошленныхъ мѣстностяхъ для прогулокъ, куда каждый иностранецъ считаетъ своимъ долгомъ вскарабкаться, но аллеи и рощи, гдѣ нѣтъ ни души...

Я обожаю эту тишину. Или Парижъ, или пустыня. О Римѣ я не говорю — это заставило бы меня тотчасъ расплакаться.

Старикъ Титъ Ливій такъ хорошо разсказываетъ, и когда въ какомъ-нибудь пассажѣ чувствуется, что онъ прикрываетъ какую-нибудь неудачу или старается извинить какое-нибудь униженіе — это почти трогательно... Можно сказать, что до сихъ поръ я любила только Римъ.

Представьте себѣ удовольствіе, которое я испытываю, слушая разговоры дамъ объ ихъ нервахъ, объ ихъ знакомыхъ, объ ихъ докторахъ, объ ихъ платьяхъ, объ ихъ дѣтяхъ! Но я уединяюсь, ухожу въ лѣсъ, закрываю глаза и уношусь — куда мнѣ только вздумается.

Вторникъ, 6 августа. Моя шляпа занимаетъ меня и весь Соденъ... Я купила у женщины, раздающей стаканъ воды при источникѣ, чулокъ изъ синей шерсти, который она только-что начала; въ то же время она показала мнѣ, какъ это дѣлается. Я тотчасъ же схватила теорію и чулокъ и усѣлась противъ

оконъ гостиницы, принявшись вязать чулокъ, пока тетя и другія куда-то отправились.

Я тотчасъ же перехожу въ другое настроеніе: я дѣлаюсь безмятежна, очень спокойна, кротка, — становлюсь настоящей нѣмкой; вяжу чулокъ, — чулокъ, которому конца не будетъ, потому что я не умѣю вязать пятку; я никогда не сдѣлаю ее, и чулокъ будетъ длинный, длинный, длинный...

Онъ даже не будетъ длиненъ... На дворѣ сильнѣйшій дождь. У меня бездна ума! о, тихая Германія!..

Прогулки мои не пропадаютъ даромъ; я читаю и не теряю времени. Похвалите же меня, добрые люди!

Среда, 7 августа. Господи, сдѣлай такъ, чтобы я поѣхала въ Римъ. Если бы Ты зналъ, Господи, какъ мнѣ этого хочется! Господи, будь милостивъ къ Твоей недостойной рабѣ. Господи! Сдѣлай такъ, чтобы я поѣхала въ Римъ... Это невозможно, конечно... потому что это было бы слишкомъ большое счастье!..

Это не Титъ Ливій вскружилъ мнѣ голову, потому что мой старый другъ вотъ ужъ нѣсколько дней заброшенъ. Нѣтъ, просто воспоминаніе о поляхъ вокругъ Рима, о площади del Popolo, о Пинчіо, о куполѣ, освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ...

И эта дивная чудная полутьма разсвѣта, когда солнце только встаетъ и мало-по-малу начинаешь различать предметы... Какая тогда пустота повсюду... И какое святое волненіе при одномъ воспоминаніи о чудесномъ, волшебномъ городѣ!.. Я думаю, что не только мнѣ, но каждому онъ внушаетъ эти необъяснимыя чувства, вызываемыя какимъ-то таинственнымъ вліяніемъ... какой-то комбинаціей... легендарнаго прошлаго и религіознаго настоящаго, или... не умѣю выразить... Если бы я полюбила человѣка, то привела бы его въ Римъ, чтобы сказать ему это передъ солнцемъ, заходящимъ позади священнаго купола...

Если бы меня поразило какое-нибудь огромное несчастье, я пошла бы молиться и плакать, устремивъ глаза на этотъ куполъ... Если бы я стала счастливѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, изъ всѣхъ людей, я пошла бы туда же...

И какъ подумаешь послѣ этого, что живешь въ Парижѣ...

который однако можно назвать единственнымъ сноснымъ городомъ въ мірѣ послѣ Рима.

Парижъ, **Суббота, 17 августа.** Еще этимъ утромъ мы были въ Соденѣ.

Я дала обѣтъ положить пятьсотъ земныхъ поклоновъ, если застану дѣдушку въ живыхъ. Я исполнила этотъ обѣтъ. Онъ не умеръ, но тѣмъ не менѣе ему вовсе не лучше. А между тѣмъ мой курсъ лѣченія въ Эмсѣ пропалъ. Я ненавижу Парижъ! Въ немъ можно быть счастливымъ и довольнымъ, и удовлетвореннымъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; въ Парижѣ жизнь, можетъ быть, полна, интеллигентна, украшена славой — я далека отъ того, чтобы отрицать это. Но для моего образа жизни нужно любить самый городъ. Города бываютъ мнѣ симпатичны и антипичны, какъ люди, и я не могу сказать, чтобы Парижъ мнѣ нравился.

Понедѣльникъ, 19 августа. M-lle Е., бывшая гувернанткой у N., поступила къ намъ; она будетъ чѣмъ-то въ родѣ компаньонки.

Я буду выказывать ей полное уваженіе въ магазинахъ, чтобы внушить почтеніе къ ней другимъ: она сама такъ не импозантна; маленькая, рыженькая, молодая, печальная. Лицо круглое, напоминающее луну, когда луна выглядитъ печальной. Это выраженіе лица просто смѣшитъ. Въ глазахъ какая-то комическая мечтательность... Но въ шляпѣ, сдѣланной, по моей идеѣ, все это сойдетъ; я буду ходить съ ней въ мастерскую.

Я утѣшаюсь, что не поѣхала въ Эмсъ, видя какъ счастливъ дѣдушка свиданіемъ со мной, несмотря на свое состояніе.

У меня ужасная болѣзнь. **Я противна самой себѣ.** Это ужъ не въ первый разъ, что я ненавижу себя, но отъ этого нисколько не легче.

Ненавидѣть кого-нибудь другого, кого можно избѣгать — да, но ненавидѣть самого себя! — вотъ пытка.

Суббота, 24 августа. Я употребила часъ времени на то, чтобы сдѣлать эскизъ дѣдушки въ лежачемъ положеніи. Говорятъ, что очень удачно. Только, знаете, всѣ эти бѣлыя подушки, бѣлая рубашка, бѣлыя волосы и полу-закрытые глаза —все это очень трудно передать. Сдѣланы, разумѣется,

только голова и плечи. Я очень довольна, что могу сохранить это на память о немъ.

Послѣзавтра отправлюсь въ мастерскую. Чтобы сократить время, я высчитала отъ нетерпѣнія мои ящики, разобрала краски, очинила карандаши. За эту недѣлю я справила всѣ мои дѣла.

Четвергъ, 29 августа. Не знаю, какой благой силѣ я обязана тѣмъ, что запоздала и въ девять часовъ была еще не одѣта, когда мнѣ пришли сказать, что дѣдушкѣ хуже; я одѣлась и нѣсколько разъ входила къ нему. Мама, тетя, Дина плачутъ, М. Г... преспокойно прогуливался. Я ничего не сказала ему; не читать же было ему наставленіе въ эти ужасныя минуты. Въ десять часовъ пришелъ священникъ, и черезъ нѣсколько минутъ все было кончено...

Я оставалась тамъ до конца, стоя на колѣняхъ, то проводя рукой по его лбу, то щупая пульсъ. Я видѣла, какъ онъ бѣдный, милый дѣдушка, умиралъ послѣ столькихъ страданій... Я не люблю говорить банальностей... Во время службы, происходившей у самой постели, мама упала мнѣ на руки, ее должны были уложить и унести въ постель. Всѣ плакали навзрыдъ, даже Николай; я тоже плакала, но тихо. Его положили на постель, нескладно прибранную; эти слуги — ужасны, они дѣлаютъ все это съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ, при видѣ котораго дѣлается тяжело. Я сама уложила подушки, покрывъ ихъ батистомъ, окаймленнымъ кружевомъ, и задрапировала шалью кровать, которую **онъ** любилъ — желѣзную — и которая показалась бы бѣдной другимъ. Я убрала все кругомъ бѣлой кисеей; эта бѣлизна идетъ къ честности души, только что отлетѣвшей, къ чистотѣ сердца, которое перестало биться. Я дотронулась до **его** лба, когда онъ уже похолодѣлъ, и не чувствовала при этомъ ни страха, ни отвращенія.

Всѣ ожидали этого удара, но тѣмъ не менѣе онъ какъ-то придавилъ насъ.

Я распорядилась отправить депеши и дѣловыя письма. Нужно было также позаботиться о мамѣ, у которой былъ сильнѣйшій нервный припадокъ.

Я думаю, что я была совершенно прилична, и что на томъ основаніи, что я не кричала, нельзя сказать, что я безсердечна.

Я совсѣмъ не могу различить, грезы это или реальныя ощущенія...

Атмосфера представляетъ ужасную смѣсь цвѣтовъ, ладана и трупа. На улицѣ жара, и пришлось закрыть ставни.

Въ два часа я принялась писать портретъ съ покойнаго, но въ четыре часа солнце перешло на сторону оконъ; нужно было прекратить работу; это будетъ только эскизъ...

Каждую минуту я открываю этотъ томъ, чтобы занести туда какія-нибудь происшествія.

Пятница, 30 августа. Реальная жизнь есть гадкій и скучный сонъ... и однако, какъ я могла бы быть счастлива, если бы мнѣ дано было хоть капельку счастья; я обладаю въ величайшей степени способностью создавать много изъ ничего; а то, что волнуетъ другихъ, нисколько не задѣваетъ меня...

Воскресенье, 1 сентября. Я не вижу впереди ничего... ничего кромѣ живописи. Если бы я стала великой художницей, это замѣнило бы для меня все; тогда я имѣла бы право (передъ самой собой) имѣть чувства, убѣжденія; я не чувствовала бы презрѣнія къ себѣ, записывая сюда всѣ свои треволненія! Я представляла бы изъ себя нѣчто... Я могла бы быть ничѣмъ и все-таки чувствовать себя счастливой только въ томъ случаѣ, если бы сознавала себя любимой человѣкомъ, который составилъ бы мою славу... Но теперь надо добиться чего-нибудь **самой.**

Среда, 4 сентября. Контъ утверждаетъ, что всѣ вещи существуютъ только въ нашемъ воображеніи. Это значитъ заходить уже слишкомъ далеко, но я признаю его теорію въ области чувства. Въ самомъ дѣлѣ, чувства слагаются изъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ предметами или существами; и такъ какъ онъ говоритъ, что предметы въ дѣйствительности не таковы, словомъ, что они не имѣютъ никакого **объективнаго** значенія и представляютъ изъ себя нѣчто реальное только въ нашемъ умѣ... Чтобы разобраться во всемъ этомъ, нужно было бы не быть вынужденной немедленно ложиться спать и думать о часѣ, когда нужно приняться за рисунокъ, чтобы кончить его къ субботѣ!

На обычномъ языкѣ «воображеніемъ» называютъ не то, о чемъ я теперь говорю; подъ воображеніемъ подразумѣваютъ просто какую-нибудь безсмысленнную выдумку, глупость. Но не въ этомъ, въ другомъ смыслѣ — можетъ ли существовать любовь иначе, какъ въ воображеніи? То же можно сказать и обо всѣхъ другихъ чувствахъ. Какъ видите, всѣ эти философ-

скія построенія поистинѣ удивительны, а между тѣмъ простая женщина, какъ я, можетъ показать вамъ ихъ ложную сторону.

Вещи представляютъ изъ себя нѣчто реальное только въ нашемъ представленіи. Прекрасно, а я вамъ говорю, что предметъ поражаетъ наше зрѣніе, звукъ — слухъ, и что... Иначе могло бы ничего не существовать, все было бы нашимъ **измышленіемъ.** Если же въ этомъ мірѣ ничто не существуетъ, гдѣ же существуетъ что бы то ни было? Ибо для того, чтобы утверждать, что ничто не существуетъ, все-таки нужно имѣть понятіе о реальномъ существованіи чего бы то ни было, хотя бы для того только, чтобы отдать себѣ отчетъ въ различіи между **объективнымъ** и субъективнымъ значеніемъ вещи. Конечно... обитатели другой планеты видятъ все совершенно иначе, чѣмъ мы, и въ этомъ отношеніи **они** совершенно правы. Но мы вѣдь живемъ на землѣ, останемся же на ней, будемъ изучать все, что видимъ «горѣ» и «низу», и этого совершенно достаточно.

Я невольно прихожу въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ искусныхъ, терпѣливыхъ, удивительныхъ, чудесныхъ построеній; эти разсужденія, эти дедукціи, такія сжатыя, такія умныя...

Одно только приводитъ меня въ отчаяніе: я чувствую, что это невѣрно, и не имѣю ни времени ни силы разобрать, въ чемъ именно.

Мнѣ бы такъ хотѣлесь поговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь, я такъ одинока. Но клянусь вамъ, что я вовсе не выставляю своихъ разсужденій для виду, на показъ людямъ: я просто высказываю свои мысли и съ такой охотой подчинилась бы всѣмъ убѣдительнымъ доказательствамъ, какія мнѣ привели бы...

Мнѣ было бы такъ нужно, мнѣ бы такъ хотѣлось, безъ всякихъ особенныхъ смѣшныхъ претензій, хотѣлось бы послушать ученыхъ; мнѣ бы такъ хотѣлось проникнуть въ міръ ученыхъ, смотрѣть, слушать, учиться... Но я не знаю никого, ни какъ просить объ этомъ, и остаюсь въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не зная, куда броситься и видя со всѣхъ сторонъ сокровища знанія: исторію, языки, естественныя науки, словомъ всю землю... я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ, и все знать, все изучить.

Пятница, 13 сентября. Я чувствую себя совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; я расходую по мелочамъ силы, которыхъ было бы достаточно для мужчины; я произношу рѣчи, въ отвѣтъ на

разныя домашнія дрязги, заводимыя отъ праздности. Я ничего изъ себя не представляю, и свойства, которыя могли бы считаться моими достоинствами, являются въ большинствѣ случаевъ или безполезными, или неумѣстными.

Есть большія статуи, которыя поражаютъ всѣхъ, будучи поставленными на пьедесталъ среди широкой площади; а помѣстите такую статую въ свою комнату и посмотрите, до какой степени это будетъ выглядѣть нелѣпо и громоздко! Вы будете стукаться объ нее лбомъ и локтями до десяти разъ въ день и кончити тѣмъ, что проклянете и найдете невыносимымъ то, что вызвало бы всебщій восторгъ на подобающемъ мѣстѣ.

Если вы находите, что «статуя» слишкомъ лестно для меня, я очень охотно соглашусь, что будетъ лучше сравнить меня... съ чѣмъ вамъ угодно.

Суббота, 21 сентября. Я получила одобренія и одобренія. Бреслау, возвратившаяся съ моря, привезла этюды женщинъ, головы рыбаковъ. Все это очень хорошихъ тоновъ, и бѣдняжка А., утѣшавшаяся тѣмъ, что Бреслау не хватаетъ именно этого, состроила грустную физіономію. Изъ Бреслау выйдетъ крупная художница, настоящая крупная художница, и если бы вы еще знали, какъ я взыскательна въ своихъ сужденіяхъ и какъ я презираю всякія бабьи протекціи и всѣ ихъ обожанія къ Р. потому только, что онъ, пожалуй и дѣйствительно красивъ, вы поняли бы, что я не прихожу въ восторгъ по пустякамъ; впрочемъ тогда, когда вы будете читать меня, мое предсказаніе уже исполнится.

Нужно будетъ принуждать себя рисовать наизусть, иначе я никогда не смогу какъ слѣдуетъ компонировать. Бреслау всегда дѣлаетъ разные наброски, эскизы, бездну всякихъ вещей. Она дѣлала это еще за два года до поступленія въ мастерскую, гдѣ она уже работаетъ два года слишкомъ. Она поступила сюда въ іюнѣ 1876 г., какъ разъ тогда, когда я прожигала время въ Россіи... Эдакое безуміе!!

Понедѣльникъ, 23 сентября. Жуліанъ пришелъ сообщить мнѣ, что Роберъ-Флери очень доволенъ мной, и что, подводя итоги, онъ долженъ признать, что я дѣлаю вещи удивительныя для такого короткаго времени, что вообще онъ возлагаетъ на меня большія надежды и что я, конечно, сдѣлаю ему честь, какъ ученица.

Глупо писать каждый день, когда и сказать-то нечего...

Я купила въ русскомъ отдѣлѣ волка на коверъ, который ужасно пугаетъ Пинчо II.

Неужели я дѣйствительно буду художницей? Несомнѣнно одно — я выхожу изъ мастерской только для того, чтобы браться за римскую исторію съ гравюрами, примѣчаніями, географическими картами, текстами и переводами.

И это опять-таки глупо: никто этимъ не занимается, и моя бесѣда была бы гораздо болѣе блестящей, если бы я читала вещи болѣе современныя. Кому какое дѣло до первоначальныхъ учрежденій, до числа гражданъ въ правленіе Тулла Гостилія, до священныхъ обрядовъ во времена Нумы, до борьбы трибуновъ и консуловъ?

Огромное изданіе Дюрюи, выходящее отдѣльными выпусками, настоящее сокровище.

Когда я кончу Тита Ливія, я примусь за исторію Франціи Мишле, а потомъ буду читать грековъ, съ которыми знакома только по слухамъ изъ цитатъ другихъ авторовъ, и потомъ еще... Мои книги сложены въ ящики и надо будетъ найти болѣе опредѣленную квартиру, чтобы разобрать ихъ.

Я знаю Аристофана, Плутарха, Геротода, отчасти Ксенофонта, кажется и все тутъ. Еще Эпиктета, но право все это далеко не достаточно. И потомъ Гомера — его я знаю отлично; немножко также — Платона.

Пятница, 27 сентября. Часто и повсюду приходится слышать споры о провинностяхъ мужчинъ и женщинъ; люди просто изъ себя выходятъ, доказывая, что тотъ или другой есть наиболѣе виновный. Не нужно ли вмѣшаться мнѣ, чтобы просвѣтить несчастныхъ гражданъ земли?

Мужчина, обладая извѣстнаго рода иниціативой, почти во всемъ, долженъ быть признанъ наиболѣе виновнымъ; хотя на основаніи этого онъ вовсе не можетъ считаться болѣе злымъ, чѣмъ женщина, которая, являясь существомъ въ нѣкоторомъ родѣ пассивнымъ, въ извѣстной степени избѣгаетъ отвѣтственности, не будучи однако на основаніи этого лучше, чѣмъ мужчина.

Понедѣльникъ, 30 сентября. Я въ первый разъ офиціально перехожу къ краскамъ.

Я должна была сдѣлать нѣсколько natures mortes; я написала, какъ вамъ извѣстно, голубую вазу, два апельсина и мужскую ногу. Вотъ и все.

Я обошлась совсѣмъ безъ рисовки съ гипсовъ; быть можетъ, избѣгну и этихъ natures mortes.

Я пишу К..., что хотѣла бы быть мужчиной. Я знаю, что я могла бы сдѣлаться чѣмъ-нибудь; но куда прикажете дѣваться съ своими юбками? Замужество — единственная дорога для женщины; для мужчины есть тридцать шесть выходовъ, у женщины только одинъ. Какъ же тутъ не подходить къ людямъ какъ можно ближе, когда приходится выбирать супруга!.. Никогда еще я не была въ такомъ возмущенiи противъ состоянiя женщины. Я не настолько безумна, чтобы проповѣдывать это нелѣпое равенство, которое есть чистая утопiя (и потомъ это mauvais genre!), потому что какое можетъ быть равенство между такими различными существами, какъ мужчина и женщина! Я ничего не прошу, потому что женщина уже обладаетъ всѣмъ, чѣмъ должна обладать, но я ропщу на то, что я женщина, потому что во мнѣ женскаго развѣ только одна кожа.

Онѣ кончили тѣмъ, что пришли къ заключенiю, будто конкурсы — чистый вздоръ, тѣмъ болѣе, что Лефевра вовсе нѣтъ вкуса, и онъ любитъ только рисунки, описанные съ натуры, и что Роберъ-Флери плохой колористъ! Словомъ, профессоръ ни на что не годенъ, несмотря на свою извѣстность, потому что испанка, Бреслау и Ногренъ взяли на себя судить ихъ такимъ образомъ! Я вполнѣ раздѣляю ихъ мнѣнiе, когда онѣ говорятъ, что звѣзды нашей мастерской ничего не стоятъ, потому что на каждые три человѣка найдется по крайней мѣрѣ по двѣ, которыя останутся жалкими посредственностями, считаясь первостепенными художницами мастерской сравнительно съ другими.

И это просто забавно слышать, какъ эти барышни говорятъ совершенно противоположное тому, что говорилось ими какихъ-нибудь десять мѣсяцевъ тому назадъ, когда каждая была въ полной увѣренности, что получитъ первую медаль. Это забавно, потому что это одна изъ тѣхъ вѣчныхъ комедiй, которыя разыгрываются въ этомъ мiрѣ, но это бьетъ меня по нервамъ. Можетъ быть это оттого, что у меня въ концѣ концовъ честная натура?

Эти ученическiя треволненiя мнѣ надоѣдаютъ, раздражаютъ меня, несмотря на всѣ мои разсужденiя. Я дѣйствительно съ нетерпѣнiемъ жду того времени, когда обгоню всѣхъ ихъ!

Воскресенье, 20 октября. Я заказала себѣ коляску къ

девяти часамъ и въ сопровожденіи моей demoiselle d'honneur отправилась осматривать соборъ св. Филиппа, св. Өомы Аквинскаго, Парижской Богоматери. Я взобралась на самый верхъ, ходила на колокольню, точно какая-нибудь англичанка. Что дѣйствительно очаровательно въ Парижѣ, такъ это «старый Парижъ»; и живя здѣсь, можно чувствовать себя счастливымъ только подъ условіемъ не видѣть всѣхъ этихъ бульваровъ, Елисейскихъ полей, всѣхъ этихъ новыхъ прекрасныхъ кварталовъ, которые я проклинаю, которые мнѣ невыносимы. Но тамъ — въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи — чувствуешь себя совсѣмъ иначе.

Осматривали академію художествъ. И право, просто хоть плачь! Почему я не могу учиться тамъ? Гдѣ еще можно найти такое преподаваніе, какъ тутъ? Если я когда-нибудь буду богатой, то осную школу для женщинъ.

Суббота, 26 октября. Моя живопись идетъ лучше, а рисунокъ съ натуры очень хорошъ. М. Т. судилъ конкурсъ: первая Бреслау, вторая я.

Словомъ, я должна быть довольна.

Сегодня утромъ, разговаривая въ углу съ Роберомъ-Флери о картонахъ для моей скульптуры, я слушала его, какъ ребенокъ, съ видомъ наивной дѣвочки, мѣняясь въ лицѣ, не зная, куда дѣвать руки; продолжая разговоръ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, и я тоже, — подумавъ о томъ, что отъ меня пахнетъ свѣжей фіалкой, что мои волосы, отъ природы волнистые, сухіе и мягкіе, были очаровательно освѣщены и что руки мои, въ которыхъ я что-то держала, лежали въ красивой позѣ... Бреслау говоритъ, что моя манера браться за вещи удивительно красива, хотя мои руки и не могутъ быть названы классически-красивыми. Но нужно быть художникомъ, чтобы оцѣнить эту красоту. Буржуа или какіе-нибудь свѣтскіе люди не обращаютъ вниманія на манеру браться за вещи и предпочтутъ руки пухлыя и даже толстыя моимъ рукамъ.

Отъ десяти до одиннадцати часовъ я успѣла прочесть пять газетъ и два выпуска Дюрюи.

Среда, 6 ноября. Есть въ мірѣ нѣчто истинно-прекрасное, антично-прекрасное: преклоненіе жещины передъ превосходствомъ любимаго человѣка должно быть лучшимъ удовлетвореніемъ для самолюбія возвышенной женщины.

Среда, 13 ноября. Роберъ-Флери былъ у насъ сегодня

вечеромъ. Совершенно напрасно было бы повторять вамъ всѣ тѣ одобренія, которыми онъ меня осыпалъ послѣ долгаго урока: если все, что гоорятъ обо мнѣ эти господа, правда, вы уже знаете (въ то время, когда будете читать меня), какого мнѣнія обо мнѣ слѣдуетъ придерживаться.

Но какъ бы то ни было, положительно пріятно видѣть, что васъ принимаютъ до такой степени въ серьезъ. Я глупа... Я преисполнена величайшихъ надеждъ, а когда мнѣ говорятъ это, я точно и не подозрѣвала этого и не знаю, куда дѣваться отъ радости! Я удивляюсь и ликую, какъ какой-нибудь невѣроятный уродъ, узнавшій о любви прекраснѣйшей изъ женщинъ.

Роберъ-Флери — чудный профессоръ. Онъ ведетъ васъ шагъ за шагомъ, такъ что вы сами ощущаете прогрессъ въ своихъ работахъ. Сегодня вечеромъ онъ говорилъ со мной, какъ съ ученицей, которая хорошо разучила гаммы и которой поэтому можно разрѣшить перейти къ какой-нибудь пьескѣ. Онъ какъ бы приподнялъ уголокъ занавѣса и показалъ болѣе широкій горизонтъ. Этотъ вечеръ будетъ памятнымъ въ исторіи моего ученія.

Среда, 20 ноября. Сегодня вечеромъ послѣ ванны я сдѣлалась вдругъ такой хорошенькой, что провела двадцать минутъ, глядя на себя въ зеркало. Я увѣрена, что если бы меня сегодня видѣли, я бы имѣла большой успѣхъ: цвѣтъ лица совершенно ослѣпительный и при томъ такой тонкій, нѣжный; чуть-чуть розоватыя щеки; яркими и рѣзкими оставались только губы, да глаза съ бровями... Не воображайте, пожалуйста, что я бываю слѣпа въ тѣхъ случаяхъ, когда я нехороша въ дѣйствительности, я это прекрасно вижу; и это въ первый разъ послѣ долгаго времени, что я такъ хороша. Живопись поглощаетъ все.

Четвергъ, 3 октября. Сегодня мы около четырехъ часовъ провели на драматическомъ-музыкальномъ-международномъ matinée. Давали отрывки изъ Аристофана въ ужаснѣйшихъ костюмахъ и съ такими сокращеніями и передѣлками, что было просто гадко смотрѣть.

Что было чудесно, такъ это драматическій разсказъ **Христофоръ Колумбъ** въ итальянскомъ чтеніи Росси. Какой голосъ, какая интонація, какая выразительность, какая естественность! Это было лучше всякой музыки. Я думаю, что

показалось бы прекраснымъ даже для человѣка, непонимающаго по-итальянски.

Слушая, я почти обожала его.

О, какое могущество заключаетъ въ себѣ слово, даже когда оно заучено, даже когда оно есть краснорѣчіе!

Потомъ прекрасный Муне Сюлли продекламировалъ... но о немъ не буду говорить. Росси даетъ образецъ возвышеннаго искусства; это дѣйствительно великій артистъ. Я видѣла его при выходѣ разговаривающимъ съ двумя другими людьми; онъ — какъ и всѣ люди. Онъ актеръ, но, будучи въ такой мѣрѣ художникомъ, нельзя не имѣть извѣстнаго величія въ самомъ характерѣ, даже въ мелочахъ повседневной жизни. Я посмотрѣла ему въ глаза; онъ положительно не можетъ быть обыкновеннымъ человѣкомъ, а между тѣмъ его обаяніе длится только до тѣхъ поръ, пока онъ говоритъ... О! Да вѣдь это просто чудо!.. А нигилисты еще могутъ насмѣхаться надъ искусствомъ!

Если бы я была умна... Но вѣдь я умна только на словахъ, да и при томъ только до тѣхъ поръ, пока говорю сама съ собой. Гдѣ я на самомъ дѣлѣ проявила, доказала свой умъ?

Суббота, 5 октября. Сегодня Роберъ-Флери приходитъ въ мастерскую для поправокъ. Ну, и мнѣ ужасно страшно. Онъ произноситъ на разные лады: о! о! а! а! о! о! и потомъ говоритъ:

— Вы взялись за живопись?

— Не совсѣмъ, профессоръ, я буду заниматься живописью только разъ въ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали, что начали, вы вполнѣ можете перейти къ краскамъ. Недурно, недурно...

— Я боялась, что еще не настолько сильна, чтобы взяться за краски.

— Совершенно напрасно, вы достаточно сильны; продолжайте, это недурно и т. д. и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный урокъ, который показываетъ, что дѣло **не безнадежно**, какъ говорятъ въ мастерской. Меня не любятъ въ мастерской и при каждомъ ничтожномъ успѣхѣ Б. мечетъ такіе яростные взгляды, что просто смѣшно.

Но Роберъ-Флери не хочетъ вѣрить, что я никогда не училась живописи.

Онъ оставался долго, исправляя, болтая и куря. Я получила нѣсколько совѣтовъ *extra*, и потомъ онъ спросилъ меня, какъ

я была помѣщена на послѣднемъ конкурсѣ прошлаго года. И когда я сказала, что второй...

— А въ этомъ году, — сказалъ онъ, — нужно будетъ...

— Гм?

Это такъ глупо, онъ уже сказалъ Жуліану, что, по его мнѣнію, я получу медаль. Итакъ, я уполномочена перейти къ живописи съ натуры, не останавливаясь на natures mortes! Я пропускаю ихъ, какъ пропустила гипсы.

Понедѣльникъ, 7 октября. Я пишу красками по утрамъ, а послѣобѣденное время уходитъ на рисованье.

Если я взялась теперь за перо, то потому, что, читая Бальзака, наткнулась на портретъ нѣкоего Артеца. Достигнувъ солиднаго возраста, 38 лѣтъ, онъ сохранялъ въ себѣ свѣжесть юности, подобающую человѣку, ведущему кабинетную жизнь; какъ всѣ государственные люди, онъ пріобрѣлъ нѣкоторую полноту; глаза черные, волосы густые, темные. Итакъ, она встрѣтила, наконецъ, этого возвышеннаго человѣка, о которомъ мечтаетъ каждая женщина, хотя бы для того, чтобы подпасть подъ его господство, она встрѣтила, наконецъ, это соединеніе величія разума и простоты сердца и т. д. и т. д. Благодаря какому-то неслыханному счастью, она встрѣтила всѣ эти богатства заключенными въ форму, которая сама по себѣ ей нравилась... Къ этой благородной простотѣ, которая украшала его царственную голову, Артецъ присоединялъ выраженіе наивности, чего-то, свойственнаго **дѣтямъ и какого-то трогательнаго доброжелательства...**

Какъ желала бы я знать, что сказалъ бы Бальзакъ о **томъ человѣкѣ...** Благодаря отсутствію краснорѣчія, остроумія, ловкости, употребляя самыя обыденныя слова, я только опошляю и разрушаю цѣльность представленія о людяхъ, которыхъ описываю... А вѣдь, ей-Богу, нѣтъ ничего легче какъ найти скверную или по крайней мѣрѣ обыденную сторону въ человѣкѣ, которую къ тому же еще болѣе опошляешь. Обыкновенно прислушиваются ко всякимъ толкамъ и по этимъ толкамъ, сплетнямъ, часто едва уловимымъ, и составляютъ себѣ совершенно ложное понятіе о человѣкѣ... А вѣдь это то же, что писать портретъ съ маленькой фотографической карточки!

Все, что я могу сказать, не выходитъ изъ области предположеній, такъ что въ сущности все это крайне жалко... Не знаете ли почему я такъ дурно выражаюсь? Это потому, что я боюсь писать тѣми словами, которыя мнѣ прежде всего по-

падаютъ на перо: они кажутся мнѣ то слишкомъ нѣжными, то слишкомъ серьезными; словомъ — все это изъ-за какого-то глупаго ложнаго стыда. Я стараюсь говорить въ шутливомъ тонѣ какого-нибудь «Фигаро».

Глупцы скажутъ, что я хотѣла бы изображать изъ себя Бальзака; нѣтъ. Но знаете ли, что **позволяетъ** ему быть столь удивительнымъ писателемъ? Это то, что онъ выливаетъ на бумагу все, что только проходитъ у него въ головѣ, все, совершенно просто, безъ страха и безъ аффектацiи. Почти всѣ интеллигентные люди передумали то, о чемъ онъ писалъ, но кто могъ выразить все это, какъ онъ? Тѣ же способности при иного рода умѣ не произвели бы ничего подобнаго.

Нѣтъ, нельзя сказать, что «это передумали почти всѣ интеллигентные люди»; но дѣло въ томъ, что, читая Бальзака, они были до такой степени поражены вѣрностью, правдивостью его замѣчанiй, что имъ казалось, что они сами думали объ этомъ. Но мнѣ сто разъ случалось, говоря или думая о чемъ-нибудь, нестерпимо страдать отъ мыслей, которыя я чувствовала въ себѣ, тамъ гдѣ-то, и которыя я не имѣла силъ распутать и извлечь изъ невозможнаго хаоса моей головы.

Въ то же время у меня есть одна претензiя: а именно — когда я дѣлаю какое-нибудь хорошее замѣчанiе, какое-нибудь очень тонкое наблюденiе, мнѣ кажется, что меня не поймутъ. Да, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ мои слова будутъ поняты совершенно иначе.

Ну, прощайте, добрые люди!

Роберъ-Флери и Жулiанъ строятъ на моей головѣ цѣлое зданiе; они заботятся обо мнѣ, какъ о лошади, которая можетъ доставить имъ крупный призъ. Жулiанъ говоритъ, что **все это** избалуетъ, испортитъ меня, но я увѣряю его, что все это только очень ободряетъ меня, и это совершенная правда.

Среда, 9 октября. Успѣхъ учениковъ Жулiана на конкурсѣ въ академiи искусствъ поставилъ его мастерскую на хорошую ногу. Она переполнена учениками. И каждый-то мечтаетъ получить въ концѣ-концовъ какой-нибудь pris de Rome или по крайней мѣрѣ попасть на конкурсъ въ академiю.

Женская половина мастерской раздѣляетъ этотъ успѣхъ, а Роберъ-Флери соперничаетъ съ Лефевромъ и Буланже. При каждомъ удобномъ случаѣ Жулiанъ говоритъ: «Интересно знать, что скажутъ объ этомъ внизу? Да, я хотѣлъ бы показать это нашимъ господамъ внизу».

Я очень вздыхаю, удостоившись чести видѣть одинъ изъ своихъ рисунковъ отправляющимся внизъ. Потому что имъ показываютъ наши рисунки, только чтобы похвастаться и позлить ихъ, потому что онѣ вѣдь говорятъ, что у женщинъ — все это не серьезно. Вотъ уже нѣсколько времени я думала объ этой почести отправиться внизъ.

Ну, и вотъ сегодня Жуліанъ входитъ и, вглядѣвшись въ мою работу, говоритъ слѣдующее: «Закончите-ка мнѣ это хорошенько, я отправлю это **внизъ».**

Суббота, 13 октября. Про мою работу было сказано, что «это очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо».

— О, вы прекрасно одарены, и если только вы будете работать, вы добьетесь всего, чего захотите.

Я избалована похвалами (я говорю — избалована — только для формы), а доказательство того, что Р. не лжетъ, это то, что мнѣ со всѣхъ сторонъ завидуютъ. И какъ это ни глупо, но мнѣ это больно. Нужно же, чтобы дѣйствительно что-нибудь было, если мнѣ каждый разъ говорятъ такія вещи, особенно въ виду того, что все это говоритъ человѣкъ такой серьезный и добросовѣстный, какъ Р.

Что до Жуліана, то онъ говорилъ, что если бы я знала все, что про меня говорятъ, это вскружило бы мнѣ голову.

— У васъ голова бы пошла кругомъ, m-lle Marie, говорила также женщина, убирающая мастерскую.

Я постоянно боюсь, что мои читатели воображаютъ, что меня хвалятъ изъ-за моего богатства. Но вѣдь это право ничего не значитъ: я плачу не больше, чѣмъ другія, а у другихъ еще есть протекціи, знакомство, родство съ профессорами. Впрочемъ, когда вы будете читать меня, насчетъ того, чего я дѣйствительно заслуживаю, уже не будетъ сомнѣній.

Это такъ пріятно видѣть, что вызываешь въ другихъ уваженіе своимъ личнымъ достоинствомъ.

Р... опять начинаетъ изображать Карлоса; онъ приходитъ, начинаетъ расхаживать (онъ получилъ большую медаль на всемірной выставкѣ): поправивъ рисунки, онъ болтаетъ съ нами, закуриваетъ папироску, разваливается въ креслѣ... Мнѣ до всего этого нѣтъ дѣла. Я прекрасно знаю, что онъ обожаетъ меня, какъ ученицу, такъ же, какъ и Жуліанъ.

Какъ-то разъ шведка стала давать мнѣ совѣты; тогда Жуліанъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и сталъ мнѣ говорить, что я должна слушаться только своего чутья; живопись

сначала можетъ быть не пойдетъ, но я во всякомъ случаѣ должна оставаться **собой,** «тогда какъ если вы будете слушаться другихъ, я ни за что больше не отвѣчаю».

Онъ хочетъ, чтобы я попробовала взяться за скульптуру и собирается попросить Дюбуа давать мнѣ указанія.

Среда, 16 октября. Это глупо, но мнѣ тяжело отъ зависти этихъ дѣвушекъ. Это такъ мелко, такъ гадко, такъ низко! Я никогда не умѣла завидовать: я просто сожалѣю, что не могу быть на мѣстѣ другого.

Я всегда преклоняюсь передъ всѣмъ, что выше меня; мнѣ это досадно, но я преклоняюсь, тогда какъ эти твари... эти заранѣе приготовленные разговоры, эти улыбочки, когда заговорятъ о комъ-нибудь, кѣмъ доволенъ профессоръ, эти словца по моему адресу въ разговорѣ о комъ-нибудь другомъ, которыми хотятъ показать, что спѣхъ въ мастерской еще ровно ничего не означаетъ.

Что безобразно въ жизни, такъ это то, что все это должно современемъ поблекнуть, ссохнуться и умереть!

Четвергъ, 21 ноября. Бреслау написала женскую щечку такъ хорошо и правдиво, что я женщина, художница-соперница, хотѣла бы поцѣловать эту щечку...

Но... и въ жизни часто случается такимъ образомъ: есть вещи, къ которымъ не надо подходить слишкомъ близко, потому что только испачкаешь себѣ губы и испортишь самый предметъ.

Пятница, 22 ноября. Меня начинаетъ пугать будущность Бреслау; мнѣ какъ-то тяжело, грустно.

Она уже компонируетъ и во всемъ, что она дѣлаетъ, нѣтъ ничего женскаго, банальнаго, нескладнаго. Она обратила на себя вниманіе въ салонѣ, потому что, не говоря уже о выразительности ея вещи, она не возьметъ какого-нибудь избитаго сюжета.

Право, я безумно завидую ей: я еще ребенокъ въ искусствѣ, а она уже женщина.

Сегодня дурной день; все представляется мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ.

Суббота, 23 ноября. Сегодн вечеромъ я иду еще разъ послушать «les Amants de Verone» вмѣстѣ съ Полемъ и Надиной.

Капуль и Гейльброннъ пѣли и играли удивительно. Партитура раскрывается передъ вами, какъ цвѣтокъ, по мѣрѣ то-

го, какъ вслушиваешься въ нее вторично. Нужно будетъ пойти еще разъ. Цвѣтокъ развернется еще пышнѣе и распространитъ чудное благоуханіе. Въ этой вещи есть фразы безподобныя, но чтобы оцѣнить ихъ, нужно и терпѣніе, и чутье. Эта музыка не поражаетъ съ перваго раза, нужно вслушаться, чтобы найти ея тонкую прелесть.

Воскресенье, 24 ноября. Мы были съ Надиной въ музеѣ древностей. Какая простота и какъ это прекрасно! О, Грецiя никогда больше не повторится.

Суббота, 21 декабря. Сегодня — ничего хорошаго. Живопись не идетъ. Я думаю, что мнѣ нужно будетъ больше шести мѣсяцевъ, чтобы догнать Бреслау. Она, конечно, будетъ замѣчательной женщиной... Живопись не идетъ.

Ну, полно же, дитя мое! Развѣ ты думаешь, что Бреслау писала лучше, чѣмъ ты по прошествіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ? А она къ тому же работала надъ разными natures mortes и гипсами! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ Роберъ-Флери говорилъ ей то же, что сказалъ сегодня мнѣ:

— Страно, но тонъ у васъ рѣзокъ и холоденъ. Надо отдѣлаться отъ этого. Сдѣлайте-ка одну-двѣ копіи.

Не погибла же она послѣ десяти мѣсяцевъ живописи, не погибать же мнѣ послѣ двухъ съ половиной.

Пятница, 27 декабря. Вся эта недѣля пропала для мастерской. Вотъ уже три дня, — мнѣ все хочется взяться за перо, а я и сама хорошенько не знаю,какія такія размышленія я буду записывать. Но настроенная особеннымъ образомъ пѣніемъ, доносившимся изъ второго этажа, я принялась перелистывать мой эпизодъ въ Италіи; а потомъ меня оторвали, и я потеряла нить мыслей и то особенное меланхолическое настроеніе, которое въ сущности довольно пріятно.

Что меня поражаетъ въ томъ періодѣ, такъ это легкость, съ которой я употребляла самыя многозначительныя слова, для обрисовки самыхъ простыхъ приключеній.

Но я дѣйствительно искала разныхъ великихъ чувствъ: мнѣ было просто досадно, что не было никакихъ удивительныхъ, потрясающихъ, романтическихъ чувствъ, о которыхъ я могла бы разсказать, и я **интерпретировала** свои чувства: художники поймутъ меня. Все это прекрасно; но какимъ образомъ могло случиться, что дѣвушка, считающая себя умной, могла до такой степени плохо оцѣнивать истинное значеніе людей и событій. Я говорю объ этомъ потому, что чуть было не ска-

зала вмѣсто того, что мои родители должны были бы мнѣ объяснить, сказать, что А... вовсе не былъ серьезнымъ человѣкомъ, ни вообще человѣкомъ, достойнымъ какихъ бы то ни было страданій. Надо сказать правду: мнѣ толковали обо всемъ этомъ совершенно наоборотъ, потому что моя мать еще моложе меня... Но обо всемъ этомъ ужъ нечего и говорить, потому что я сама, будучи столь высокаго о себѣ мнѣнія, должна была бы проникнуть въ его сущность и отнестись къ нему совершенно такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ, вмѣсто того, чтобы удѣлять ему такое большое мѣсто въ этомъ журналѣ и во всемъ.

Но я горѣла желаніемъ описывать романы, а между тѣмъ... до чего я была глупа! все это могло бы быть еще гораздо болѣе романтично... Словомъ, я была молода и неопытна, сколько бы я тамъ ни разглагольствовала и ни мудрила; вотъ, въ чемъ нужно наконецъ сознаться, какъ бы это ни было непріятно.

А между тѣмъ мнѣ уже слышатся слова: такая сильная женщина, какъ ты, не должна была бы давать повода къ подобному самоосужденію...

Воскресенье, 29 декабря. На этихъ словахъ я заснула, положивъ голову на спинку дивана, и проснулась только сегодня въ восемь часовъ утра. Это славно, проспать эдакъ ночь не на своей постели!..

Я совсѣмъ отбилась отъ своего искусства и ни къ чему не могу прицѣпиться. Книги мои упакованы, я разлучена съ моей латынью и моими классиками и чувствую себя совсѣмъ глупой... Одинъ видъ какого-нибудь храма, колонны итальянскаго пейзажа заставляютъ меня чувствовать приливъ отвращенія къ этому Парижу — такому сухому, всевѣдующему, все пережившему, утонченному. Люди здѣсь такъ безобразны. Этотъ «рай» можетъ быть раемъ для какихъ-нибудь высшихъ организацій, но не для меня.

О! теперь я наконецъ образумилась! Я вовсе не счастлива, и вовсе не умѣю ловко устраивать свои дѣла... Мнѣ хочется ѣхать въ Италію путешествовать, любоваться горами, озерами, деревьями, моремъ... Вмѣстѣ со всей нашей семьей, съ этими вѣчными узелками, дрязгами, разными домашними напастями, ежедневными мелкими стачками?.. О, нѣтъ, сто разъ нѣтъ. Чтобы наслаждаться всѣми благами путешествія, нужно подождать... а время уходитъ. Ну, что же, тѣмъ ху-

же!.. Я всегда смогу выйти замужъ за какого-нибудь итальянскаго князя, какъ только захочу: подождемъ же... Дѣло-то видите ли въ томъ, что, выйдя за итальянскаго князя, я могла бы предаться работѣ, потому что въ денежномъ отношенiи я была бы независима. А пока останемся здѣсь и будемъ работать надъ живописью.

Въ субботу мой рисунокъ, сдѣланный въ два дня, былъ найденъ удовлетворительнымъ. Вы вѣдь понимаете, что только съ какимъ-нибудь итальянцемъ я могла бы жить по собственному усмотрѣнiю и во Францiи, и въ Италiи, — какая прекрасная жизнь! Я раздѣлю свое время между Францiей и Италiей.

1879.

Четвергъ, 2 января. Чего мнѣ страстно хочется, такъ это возможности свободно гулять одной, уходить, приходить, садиться на скамейки въ Тюльери и особенно въ Люксембургскомъ саду, останавливаться у художественныхъ витринъ, входить въ церкви, музеи, по вечерамъ гулять по стариннымъ улицамъ; вотъ чего мнѣ страстно хочется, вотъ свобода, безъ которой нельзя сдѣлаться художницей. Думаете вы, что всѣмъ этимъ можно наслаждаться, когда васъ сопровождаютъ или, когда, отправляясь въ Луврь, надо ждать карету, компаньонку или всю семью?

А! клянусь вамъ, въ это время я бѣшусь, что я женщина. Я хочу устроить себѣ парикъ и самый простой костюмъ, я сдѣлаюсь такимъ уродомъ, что буду свободна, какъ мужчина. Вотъ та свобода, которой мнѣ недостаетъ и безъ которой нельзя достигнуть чего-нибудь серьезнаго.

Мысль скована вслѣдствiе этого глупаго, раздражающаго стѣсненiя; даже переодѣтая и обезображенная я свободна только на половину: ходить одной женщинѣ всегда опасно. А въ Италiи, въ Римѣ? Неугодно ли отправляться осматривать развалины въ ландо!

— Куда ты, Мари?

— Посмотрѣть Колизей.

— Но вѣдь ты его уже видѣла! Поѣдемъ лучше въ театръ или на гулянье, тамъ будетъ много народу.

И этого достаточно, чтобы крылья упали.

Это одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему между жен-

щинами нѣтъ артистокъ. О низменное невѣжество! о дикая рутина! Не стоитъ даже говорить объ этомъ!

Если даже сказать, что чувствуешь, тотчасъ посыплются обычныя и старыя насмѣшки, которыми преслѣдуютъ женщинъ-апостоловъ. Впрочемъ, мнѣ думается, что смѣхъ ихъ справедливъ. Женщины никогда не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ женщинами! Но все-таки... если бы ихъ воспитывали по-мужски, то неравенство, о которомъ я сожалѣю, не существовало бы, осталось бы только то, которое присуще самой природѣ. Но все-таки, что бы я ни говорила, надо кричать, не бояться быть смѣшной (я предоставляю это другимъ), чтобы черезъ сто лѣтъ добиться этого равенства.

Я же постараюсь доказать это обществу, показывая собою примѣръ женщины, которая сдѣлалась чѣмъ-нибудь, несмотря на всѣ ограниченія, которыми окружаетъ ее общество.

Пятница, 10 января. Вечеромъ въ мастерской былъ Роберъ-Флери.

Если живопись не принесетъ мнѣ довольно скоро славы, я убью себя и все тутъ. Это рѣшено уже нѣсколько мѣсяцевъ... Еще въ Россіи я хотѣла убить себя, но побоялась ада. Я убью себя въ тридцать лѣтъ, потому что до тридцати человѣкъ еще молодъ и можетъ еще надѣяться на успѣхъ, или на счастье, или на славу, или на что угодно. Итакъ, это приведено въ порядокъ и, если я буду благоразумна, я не буду больше мучиться, не только сегодня вечеромъ, но никогда.

Я говорю очень серьезно и право я довольна, придя къ окончательному рѣшенію.

Суббота, 11 января. Въ мастерской думаютъ, что я много выѣзжаю; это, вмѣстѣ съ моимъ богатствомъ, отдѣляетъ меня отъ другихъ и не позволяетъ просить у нихъ о чемъ бы то ни было, какъ онѣ это дѣлаютъ между собою, напр., идти къ какому-нибудь художнику или посѣтить мастерскую.

Я добросовѣстно работала всю недѣлю до десяти часовъ вечера субботы, потомъ вернулась и принялась плакать. До сихъ поръ я всегда обращалась къ Богу, но такъ какъ Онъ меня совсѣмъ не слышитъ, я не вѣрю... почти.

Только тотъ, кто испыталъ это чувство, пойметъ весь ужасъ его. Изъ этого не слѣдуетъ, что я хочу проповѣдывать вѣру изъ добродѣтели, но когда больше обратиться не къ кому, когда нѣтъ больше средствъ, остается Богъ. Это ни

къ чему не обязываетъ и никого не безпокоитъ, а получаетъ высшее утѣшеніе.

Существуетъ Онъ или нѣтъ, **надо вѣрить этому абсолютно,** или же быть очень счастливымъ, тогда можно обойтись и безъ этого. Но въ горѣ, въ несчастіи, наконецъ, во всѣхъ непріятностяхъ, лучше умереть, чѣмъ не вѣрить.

Богъ спасаетъ насъ отъ безконечнаго отчаянія.

Подумайте же, каково, когда къ Нему обращаешься, какъ къ своему единственному прибѣжищу, и не вѣришь!

Понедѣльникъ, январь (Новый годъ въ Россіи). Ну-съ, по обыкновенію, веселюсь до сумасшествія... Все воскресенье въ театрѣ. Утро въ Gaité, довольно скучное, а вечеръ въ Opéra Comique. Ночь провела въ мытьѣ, писаніи, чтеніи, лежала на полу, пила чай.

Четверть шестого; такимъ образомъ я рано поѣду въ мастерскую, вечеромъ захочется спать, на другой день встану рано, и потомъ это пойдетъ само собой. Не думайте, что я люблю эти жантильничанья, у меня къ нимъ глубокое отвращеніе, глубокій ужасъ. Все равно, я встрѣтила новый годъ оригинально, на полу со своими собачками... Весь день я работала.

Вторникъ, январь. Послѣ этого бодрствованія я не могла проснуться раньше половины двѣнадцатаго. Конкурсъ судили сегодня всѣ три учителя въ полномъ составѣ: Лефевръ, Буланже и Роберъ-Флери. Я пріѣхала въ мастерскую только къ часу, чтобы узнать прекрасный результатъ. На этотъ разъ конкурировали **старшія** и первое, что мнѣ сказали при моемъ входѣ:

— Ну, m-lle Мари, идите же получать вашу медаль!

Дѣйствительно, мой рисунокъ былъ приколотъ къ стѣнѣ и на немъ стояло: «Награда». На этотъ разъ я скорѣе ожидала, что гора свалится мнѣ на голову. На этотъ разъ это было для меня совсѣмъ неожиданно. Надо вамъ получше объяснить важность и значеніе конкурсовъ.

Какъ всѣ конкурсы, и эти полезны; но награды не всегда зависятъ отъ дарованія, способностей лица, получающаго ихъ. Безспорно, что Бреслау, напримѣръ, рисунокъ которой стоитъ пятымъ, во всемъ выше Бане, первой послѣ медали. Бане идетъ *piano e sano*; ея работа хорошее и добросовѣстное ремесло; но она всегда на хорошемъ счету, потому что вообще работы женщинъ непріятно поражаютъ слабостью и фанта-

стичностью, когда онѣ не представляютъ чего-нибудь совсѣмъ элементарнаго.

Моделью служилъ мальчикъ восемнадцати лѣтъ, который походитъ, если забыть форму и цвѣтъ, на кошачью голову, сдѣланную изъ кастрюли, или на кастрюлю, въ видѣ кошачьей головы. Бреслау дѣлала много рисунковъ, за которые легко могла бы получить медаль; на этотъ разъ ей не удалось. И еще внизу не цѣнятъ ни отдѣлку, ни изящество (потому что изящество не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ: оно врожденно, а отдѣлка только дополненіе къ другимъ болѣе серьезнымъ качествамъ), а **чистоту, энергію** и **чувства** правды.

Трудности не принимаются въ расчетъ, и они правы; такъ что посредственное письмо ставится ниже хорошаго рисунка.

Въ концѣ концовъ, что мы здѣсь дѣлаемъ? Мы учимся, и только съ этой точки зрѣнія и оцѣниваются наши рисунки. Эти господа насъ презираютъ и довольны только, когда работа сильная, даже грубая, потому что этотъ порокъ положительно рѣдко встрѣчается у женщинъ.

Эта работа мальчика, — сказали обо мнѣ. — Тутъ есть нервы; это натура.

— Я тебѣ говорилъ, что у насъ наверху есть одинъ мальчишка, — сказалъ Роберъ-Флери Лефевру.

— Вы получили медаль, — сказалъ мнѣ Жуліанъ, — и при томъ съ успѣхомъ, — эти господа не колебались.

Я послала за пуншемъ, какъ это принято внизу, и мы позвали Жуліана. Меня поздравляли, такъ какъ многія воображаютъ, что мое самолюбіе удовлетворено, и что онѣ избавятся отъ меня.

Викъ, которая на предпослѣднемъ конкурсѣ получила медаль, восьмая; я утѣшаю ее, повторяя ей столь вѣрную и такъ точно выражающую все это фразу Александра Дюма: — «Одна дурная пьеса не служитъ доказательствомъ того, что таланта нѣтъ, между тѣмъ, какъ одна хорошая показываетъ, что онъ есть».

Геній можетъ сдѣлать дурную вещь, но дуракъ никогда не сдѣлаетъ хорошей.

Четвергъ, январь.

Моя медаль представляетъ собою награду за двѣнадцать мѣсяцевъ работы. Послѣ страха, испытаннаго при встрѣчѣ

съ королемъ въ Неаполѣ, наиболѣе сильное впечатлѣнiе я испытала сегодня при чтенiи *l'Homme Femme.*

Удивленiе, которое я почувствовала къ Дюма, заставило меня думать нѣсколько минутъ, что я люблю его, питаю неистовую страсть къ этому пятидесятилѣтнему, никогда мной невиданному, человѣку. Я поняла Беттину и Гете.

Пятница, январь. Если бы мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я была бы счастливѣйшей женщиной въ свѣтѣ.

— Итакъ, — сказалъ Роберъ-Флери, — мы получили награду!

— Да.

— Это хорошо, и вы знаете, что вы ее вполнѣ заслужили.

— О! я рада, что вы это говорите.

— Да, вполнѣ заслужили, не только головой, представленной на конкурсѣ, но и вообще своей работой. Вы сдѣлали большiе успѣхи, и я радъ, что вы получили медаль. Вы ее вполнѣ заслужили.

Слушая эти похвалы, я покраснѣла и сконфузилась, что даже уменьшило для меня удовольствiе, но тутъ же была тетя, которая дрожала больше меня.

Среда, январь. Весь день я думала о голубомъ морѣ, о бѣлыхъ парусахъ, о небѣ, залитомъ свѣтомъ...

Вернувшись изъ мастерской, я нашла П. Этотъ старый грибъ говоритъ, что черезъ недѣлю ѣдетъ въ Римъ. Пока онъ болталъ, я чувствовала, что блѣднѣю передъ этой перспективой солнца, стараго мрамора въ зелени, развалинъ, статуй, церквей. Кампанья — пустыня, да, но я обожаю эту пустыню. И слава Богу, есть и другiе, которые тоже обожаютъ ее.

Это дивная, артистическая атмосфера, — этотъ свѣтъ, который, при одной мысли о немъ, заставляетъ меня плакать отъ бѣшенства, что я здѣсь. Какихъ живописцевъ я знаю тамъ!

Есть три категорiи людей. Первые любятъ все это, они артисты и не находятъ, что Кампанья ужасная пустыня, холодная зимою, грубая лѣтомъ. Вторые, которые не понимаютъ искусства и не чувствуютъ красоты, но не смѣютъ въ томъ признаться и стараются казаться такими, каковы первые. Эти мнѣ отчасти нравятся, потому что они понимаютъ, что они наги и хотятъ прикрыться. Наконецъ третьи такiе же, какъ вторые, но безъ этого хорошаго чувства. Вотъ этихъ-то я не терплю, потому что они осуждаютъ и леденятъ. Не чувствуя

и не понимая ничего сами, они утверждаютъ, что все это глупости и гадкіе, злые, отвратительные валяются на солнцѣ.

Понедѣльникъ, 3 февраля. Вчера ѣздила смотрѣть *assomoir* и нахожу, что это очень хорошо. Но раньше отъ четырехъ до пяти часовъ, до наступленія сумерекъ, я пыталась сдѣлать одинъ эскизъ. Надо хорошенько привыкнуть... внизу дѣлаютъ это каждое воскресенье, имъ даютъ сюжетъ, и они должны на память сдѣлать эскизъ.

Я начинаю съ самаго начала: Адамъ и Ева. А теперь, разъ начавъ, я буду продолжать такъ каждую недѣлю. Если я буду слушаться себя, мой талантъ не изсякнетъ. Какъ первая попытка, мой эскизъ очень хорошъ...

Я покажу его Жуліану, вмѣстѣ съ другими, который я еще сдѣлаю.

Вторникъ, 4 февраля. Сегодня вечеромъ не было модели; я позировала и въ то время, какъ была на столѣ, пришелъ Жуліанъ, съ которымъ я болтала о политикѣ. Я люблю болтать съ этимъ тонкимъ человѣкомъ.

Когда я весела, я смѣюсь надо всѣмъ и надо всѣми въ мастерской, декламирую, поднимаю все на смѣхъ, спѣшу, составляю политическіе проекты, а Жуліанъ говоритъ мнѣ: — «Продолжайте въ такомъ родѣ и живопись... съ такой обстановкой вы можете быть единственной въ Парижѣ». Онъ думаетъ, что я умная, знающая, что я руковожу нашимъ салономъ и имѣю вліяніе.

Среда, 5 февраля. Мы были въ Версали въ первый день президентства Гамбетты. Рѣчь, имъ прочитанная, была принята съ энтузіазмомъ; и будь она еще хуже, она была бы принята такъ же. Гамбетта читалъ дурно и отвратительнымъ голосомъ. Онъ совершенно не походитъ на президента и, кто видѣлъ Греви, спрашиваетъ себя, что станетъ дѣлать этотъ человѣкъ. Чтобы быть президентомъ, недостаточно имѣть талантъ, надо еще имѣть особый темпераментъ. Греви президентствовалъ съ какой-то механической правильностью и точностью. Первое слово его фразы походило на послѣднее. У Гамбетты есть усиленія и ослабленія, удлиненія и укорачиванія; движенія головой вверхъ и внизъ. Словомъ, онъ или говоритъ несвязно, или онъ очень хитеръ.

Воскресенье, 16 февраля. Въ субботу меня бранили.

— Не понимаю, почему вамъ, съ вашими способностями, такъ трудно даются краски.

Да, я тоже не понимаю, но я парализована. Больше нечего бороться. Надо умереть. Боже мой, милостивый Боже! Больше значитъ нечего и не отъ кого ждать! Всего возмутительнѣе то, что я наполнила дровами каминъ безъ всякой надобности; мнѣ совсѣмъ не холодно... когда быть можетъ въ ту же самую минуту есть несчастные, голодные, холодные, плачущіе отъ нищеты. Эти размышленія сразу останавливаютъ слезы, которыя я была готова проливать. Быть можетъ, это только такъ кажется, но я думаю, что предпочла бы полную нищету, такъ какъ тогда уже нечего бояться, а съ голоду не умираютъ, пока есть силы работать.

Вторникъ, 18 февраля. Сейчасъ я бросилась предъ моей постелью на колѣни и просила у Бога справедливости, милосердія или прощенія! Если я не заслуживаю своихъ мученій, пусть Онъ окажетъ мнѣ справедливость! Если я совершила дурное, пусть проститъ! Если Онъ существуетъ, если Онъ таковъ, какъ насъ учатъ, Онъ долженъ быть справедливъ, Онъ долженъ быть милосердъ, Онъ долженъ простить!

У меня Онъ одинъ, естественно, что я ищу Его и заклинаю не оставлять меня въ отчаяніи, не вводить меня въ грѣхъ, не позволять мнѣ сомнѣваться, богохульствовать, умереть.

Мой грѣхъ таковъ же, каково мое мученіе; я навѣрно ежеминутно совершаю небольшіе грѣхи, которые составляютъ ужасающій итогъ.

Сейчасъ я грубо отвѣтила тетѣ, но я не могла: она вошла въ ту минуту, когда я плакала, закрывъ лицо руками, и умоляла Бога сжалиться надо мною. О! какая я жалкая!

Не надо, чтобы видѣли, какъ я плачу; подумаютъ, что я плачу отъ любви, а я при этомъ заплакала бы отъ досады.

Среда, 19 февраля. Надо что-нибудь сдѣлать, чтобы разсѣяться. Я говорю это изъ глупаго подражанія тому, что пишутъ въ книгахъ. Къ чему разсѣиваться? Мученіе даже развлекаетъ, и потомъ я не похожа на другихъ и ненавижу всѣ заботы о себѣ нравственныя и физическія, потому что я ничему этому не вѣрю.

Ницца. Пятница, 21 февраля. Ну да! я въ Ниццѣ!

Мнѣ захотѣлось принять ванну, воздуха, погрузиться въ свѣтъ, услышать шумъ волнъ. Любите вы море? Я съ ума схожу по морю, только въ Римѣ я его забываю... почти.

Я путешествовала съ Полемъ... Насъ принимали за мужа и жену, что меня сокрушало въ высшей степени. Такъ

какъ наша вилла нанята, мы отправились въ hôtel du Parc; прежняя вилла Acqua Viva, гдѣ мы жили восемь лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ! Я путешествую для удовольствія.

Ночь прекрасна, и я удалюсь одна до десяти часовъ вечера; я отправлюсь бродить по берегу и пѣть подъ аккомпаниментъ волны. Ни одной живой души и такъ чудесно, послѣ Парижа особенно. Парижъ!

Суббота, 22 февраля. Какая разница съ Парижемъ! Здѣсь я просыпаюсь сама, окна открыты всю ночь. Я занимаю ту комнату, гдѣ брала уроки рисованія у Бенза. Мнѣ видно солнце, которое мало-по-малу освѣщаетъ деревья около маленькаго бассейна среди сада такъ же, какъ тогда; моя маленькая классная оклеена тѣми же обоями, тѣми самыми, которые я сама выбирала.

Погода чудная!

Воскресенье, 23 февраля. Вчера мы ѣздили въ Монако. Никогда не смогу высказать, до чего мнѣ отвратительно это гнѣздо кокотокъ. Я вошла только на десять минутъ въ залу, но мнѣ и этого было довольно, такъ какъ я не играла.

Слушали opéra comique въ новой залѣ, которая очень красива и въ теперешнемъ вкусѣ.

Съ наступленіемъ ночи я гуляю и восхищаюсь моремъ и небомъ. Какія краски, какая прозрачность, какая чистота, какое благополучіе!

Понедѣльникъ, 24 февраля. Я бываю счастлива, когда мнѣ удается погулять одной. Волны по красотѣ ни съ чѣмъ несравнимы; прежде чѣмъ идти слушать Патти, я слушала ихъ пѣніе. Послѣ дождя была чудная, мягкая прохлада. Такъ хорошо для глазъ смотрѣть въ темную синеву неба, моря и ночи.

Парижъ. Понедѣльникъ, 3 марта. Я уѣхала вчера въ полдень; была чудесная погода, и я готова была проливать искреннія слезы, покидая эту чудную, несравненную страну.

Мнѣ бы теперь хотѣлось уѣхать изъ Парижа, мой умъ блуждаетъ, я чувствую себя словно потерянной. Я ничего болѣе не ожидаю, ни на что не надѣюсь. Я въ отчаяніи; я предалась на волю Божію. Я думаю, думаю, ищу и, ничего не находя, испускаю одинъ изъ тѣхъ вздоховъ, послѣ которыхъ чувствуешь себя еще болѣе угнетенной, чѣмъ прежде. Скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Теперь, когда я опять въ этомъ безпощадномъ, безжа-

лостномъ Парижѣ, мнѣ кажется, что я не вполнѣ наглядѣлась на море, мнѣ бы хотѣлось увидѣть его еще разъ. Знаете, съ нами наша собачка Богатель, раздавленная въ Спа и какимъ-то чудомъ выздоровѣвшая. Жаль было оставить ее тамъ одну. Нельзя себѣ представить всю доброту, вѣрность и привязанность этого животнаго! Она не разстается со мной, помѣщается всегда подъ моимъ стуломъ и прячется съ смиренной и умоляющей миной, когда тетя начинаетъ защищать отъ нея ковры.

Среда, 5 марта. Съ завтрашняго дня вновь принимаюсь за работу. Даю себѣ еще одинъ годъ. Одинъ годъ, во время котораго буду работать еще усиленнѣе, чѣмъ прежде. Къ чему служитъ отчаяніе? Да, это фраза, которую говорятъ, когда отчаяніе уже до нѣкоторой степени миновало; но когда вы еще не вполнѣ освободились отъ него.

Въ ту минуту, когда рѣшишь не искать больше, находишь. Во всякомъ случаѣ живопись не можетъ быть мнѣ вредной. Это потому, что мнѣ никто не помогаетъ!.. **напротивъ...** Такъ, мой ангелъ, пріискивай себѣ извиненія, чтобы скрыть недостатокъ своихъ познаній.

Романы! Пѣсни! О! видите ли!!! я пишу, думаю, воображаю, изобрѣтаю, волнуюсь! А потомъ я останавливаюсь — и все та же тишина, то же одиночество, та же комната. Неподвижность мебели кажется мнѣ какимъ-то вызовомъ и насмѣшкою. Я тутъ бьюсь въ кошмарѣ въ то время, какъ другіе **живутъ**!!!

Слава? Да, слава!

Я выйду замужъ. Къ чему откладывать эту развязку? Чего я жду? Съ той минуты, какъ я отказываюсь отъ живописи, все пусто. Въ такомъ случаѣ... ѣхать въ Италію и тамъ выйти замужъ... Не въ Россіи, ибо купленный русскій былъ бы слишкомъ ужасенъ. Впрочемъ, въ Россіи я легко вышла бы замужъ, особенно въ провинціи, но я не такъ глупа. Въ Петербургѣ? Ну, что-жъ, если бы мой отецъ захотѣлъ, онъ могъ бы устроить такъ, чтобы мы провели тамъ зиму...

Итакъ, будущую зиму въ Петербургѣ! Я не думаю, что люблю свое искусство: это было средство, я покидаю его. Правда? О! я ничего не знаю... Не отложить ли на годъ? То время, что остается до срока нашей квартиры.

To be or not to be?

Года недостаточно... но по прошествіи года будетъ вид-

но, стоитъ ли продолжать... Но въ Италіи, если я услышу о молодыхъ художницахъ, я буду бѣситься и горевать, и каково мнѣ будетъ слышать похвалы какому-нибудь таланту, когда я буду въ Неаполѣ или въ Петербургѣ? И при томъ все это было бы основано на моей красотѣ. Я, если я не буду имѣть успѣха? **Потому, что недостаточно нравиться, надо нравиться именно тому, кому хочешь.**

Съ той минуты, какъ искусство отложено въ сторону, и я допускаю возможность выѣзжать, или даже возможность понравиться на улицѣ, или въ театрѣ... я теряюсь во всемъ этомъ и иду спать. Право, Петербургъ мнѣ улыбается. Ну, что-жъ, въ двадцать лѣтъ я буду еще не слишкомъ стара. Въ Парижѣ нечего надѣяться на богатыхъ мужей, что же касается бѣдныхъ, то Италія удобнѣе.

Суббота, 8 марта. Пробовала лѣпить, но я никогда не видѣла, какъ это дѣлается и ничего не знаю. Жардиньерки и вазы наполнены фіалками; онѣ въ землѣ и долго простоятъ у меня.

Голубой атласъ, фіалки, свѣтъ, падающій сверху, арфа... Тишина, ни души... Не знаю почему, я боюсь деревни; я не боюсь, но я не стараюсь попасть туда... Да, наконецъ, это восхитительно въ видѣ отдыха, а вѣдь я то не утомлена! Я скучаю.

Воскресенье, 9 марта. Знаете ли вы, какое громадное утѣшеніе писать! Есть вещи, которыя изводили бы васъ въ конецъ, если бы вы ихъ не **предназначали** для прочтенія.

Я довольна, найдя такого человѣка, какъ Дюма, который придаетъ значеніе качеству бумаги, чернилъ, пера. Потому что каждый разъ, какъ какая-нибудь принадлежность мѣшаетъ мнѣ работать, я говорю себѣ, что это лѣность и что знаменитые живописцы не имѣли маній.... Постойте... я понимаю, что это внезапно воодушевленный Рафаэль рисовалъ на днѣ бочки свою Богородицу della segiola, но все-таки я думаю, что тотъ же Рафаэль прибѣгъ ко всѣмъ своимъ любимымъ орудіямъ, когда писалъ и оканчивалъ картину, и что если бы его заставили рисовать не сходя съ мѣста и не по его вкусу, онъ былъ бы такъ же раздраженъ, какъ я, простая смертная, въ мастерской Жуліана.

Среда, 12 марта. Я хочу повѣситься! Какой бы грандіозной, невозможной и глупой ни казалась вамъ мысль, что я убью себя, все-таки придется такъ кончить.

Живопись не идетъ на ладъ. Я могла бы, конечно, сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я пишу красками, я работаю кое-какъ, съ перерывами, но это безразлично. Я, которая мечтала быть счастливой, богатой, знаменитой, окруженной... вести, влачить такое существованіе!

M-lle Эльницъ сопровождаетъ меня какъ всегда, но она, бѣдная, такъ скучна! Представьте себѣ совсѣмъ маленькое тѣльце, громадную голову съ голубыми глазами... Видали вы деревянныя головы модистокъ съ розовыми щеками и голубыми глазами?.. Ну вотъ, тѣ же черты и то же выраженіе. Прибавьте къ этой наружности томный видъ, который, впрочемъ, бываетъ также у всѣхъ такихъ манекеновъ, походку медленную, но такую тяжелую, что ее можно было бы принять за шаги мужчины, слабый, дрожащій голосъ; она роняетъ слова съ удивительной медленностью. Она всегда гдѣ-то витаетъ, никогда ничего не понимаетъ сразу и потомъ, остановившись передъ вами, созерцаетъ васъ съ серьезнымъ видомъ, который васъ или смѣшитъ, или бѣситъ.

Часто она выходитъ на середину комнаты и стоитъ не сознавая, гдѣ она. Но что всего болѣе раздражаетъ, это ея манера открывать двери; операція эта длится такъ долго, что каждый разъ у меня является страстное желаніе броситься и помочь ей. Я знаю, что она молода, ей девятнадцать лѣтъ. Я знаю, что она всегда была несчастна, что она въ чужомъ домѣ, что у нея нѣтъ ни одного друга, ни одного существа, съ которымъ она могла бы обмѣняться словомъ... Часто мнѣ становится жаль ее, я смягчаюсь ея мягкимъ, пассивнымъ видомъ; тогда я принимаю рѣшеніе поболтать съ ней... Но вотъ подите-же! она для меня такъ же противна, какъ были противны полякъ и Б... Я знаю, что это дурно, но ея идіотскій видъ парализуетъ меня.

Я знаю, что ея положеніе печально; но и у Аничковыхъ она была такая же. Прежде чѣмъ попросить у меня какой-нибудь пустякъ, напримѣръ, сыграть что-нибудь на роялѣ, она испытываетъ такія же колебанія и муки, какія испытала бы я, **прося** пригласить меня на вечеръ или на балъ.

У меня есть извиненія, я не говорю здѣсь ни съ кѣмъ, и она не составляетъ исключенія.

Я работаю въ мастерской. а дома за ѣдой читаю журналы или книгу; это привычка, отъ которой мнѣ трудно отдѣлаться; я читаю, даже упражняясь на мандолинѣ. Поэтому

малютка не можетъ думать, что съ нею обращаются хуже, чѣмъ съ другими; я каюсь, но иначе не могу!

Въ ея обществѣ я чувствую себя глубоко несчастной; переѣзды, которые я совершаю съ нею въ каретѣ, были бы настоящей пыткой, если бы я не забывала ее и не смотрѣла въ дверцу, усиленно думая о чемъ-нибудь другомъ... Забыть ее легко, нѣтъ ничего незамѣтнѣе этого бѣднаго существа, но также и ничего болѣе раздражающаго! Мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы она нашла себѣ мѣсто, гдѣ была бы счастливѣе, и уѣхала бы отсюда. Мнѣ стыдно признаться, что она портитъ мнѣ мое одиночество и мою жизнь, полную отчаянія.

О! эта живопись, если бы я могла чего-нибудь добиться!..

Пятница, 14 марта. Поль уѣхалъ противъ моего желанія; я разсердилась и объявила, что онъ не уѣдетъ; онъ далъ мнѣ честное слово въ противномъ. Я держала дверь: воспользовавшись минутой разсѣянности съ моей стороны, онъ ускользнулъ.

Это, видите ли для того, чтобы доказать, что онъ не измѣняетъ рѣшеній. Онъ поклялся уѣхать сегодня. Коротко сказать, это настойчивость слабохарактернаго, который, не будучи способенъ на что-нибудь серьезное, выказываетъ стойкость въ пустякахъ.

Это убило во мнѣ жалость къ нему. Я тотчасъ же взяла у тети двадцать франковъ, чтобы послать телеграмму (съ жалобой) отцу въ Полтаву, но въ эту минуту Розалія пришла ко мнѣ и сказала, что нельзя разсчитывать на молоденькую портниху, которая иногда дѣлаетъ мнѣ платья, такъ какъ у нея тифозная горячка; работницы ея ушли, и она совсѣмъ одна; тутъ мнѣ пришла одна идея. Я разорвала телеграмму и отослала двадцать франковъ этой женщинѣ.

Нѣтъ болѣе пріятнаго ощущенія, какъ дѣлать добро, которое не принесетъ вамъ никакой выгоды. Я бы поѣхала навѣстить ее, я не боюсь тифа, но это имѣло бы видъ, какъ будто я ищу благодарности; но если бы я не отослала ей эту бездѣлицу тотчасъ, я могла бы ее истратить и потомъ... надо признаться это не доставило бы уже мнѣ такого живого удовольствія. Ну, вотъ я чувствую въ себѣ неистощимое милосердіе.

Облегчать горести другихъ, когда никто въ свѣтѣ не облегчаетъ моихъ. Это было бы даже *assez chic*, какъ вы думаете?

Суббота, 15 марта. Если Роберъ Флери, называемый за глаза просто Тони, будетъ меня бранить сегодня, я бросаю живопись. Вы знаете, сколько зависти и непріятностей стоили мнѣ мои успѣхи. Каждый разъ, когда у меня дѣло прихрамывало, мнѣ казалось, что думаютъ: «вѣдь я же вамъ говорила, это не могло продолжаться!» Первыя полотна доставили мнѣ похвалы, а потомъ, когда наступилъ трудный моментъ, я чувствовала слишкомъ большое удовольствіе другихъ и слишкомъ отъ этого страдала. Сегодня утромъ я ждала этого урока, какъ чего-то ужаснаго, и пока это животное Тони поправлялъ другимъ и мало-по-малу приближался ко мнѣ, я читала молитвы съ такимъ жаромъ, что Небо вняло имъ, потому что мною остались довольны. Боже, какая тяжесть спала съ моего сердца! Быть можетъ, вы не имѣете понятія о такихъ волненіяхъ? Представьте себѣ это молчаніе, за которымъ я чувствовала скрытую радость, если бы я оказалась униженной; на этотъ разъ было бы къ лучшему, потому что въ такихъ случаяхъ друзья и враги одинаковы. Въ концѣ концовъ это миновало, и на будущей недѣлѣ я буду въ состояніи перенести какое угодно напряженіе.

Воскресенье, 16-го марта. Коко умеръ, раздавленный телѣжкой у воротъ.

Мнѣ сказали это, когда я позвала его обѣдать. Послѣ того горя, какое причинила мнѣ смерть перваго Пинчіо, эта потеря кажется мнѣ менѣе тяжкой!.. Но если у васъ есть собака, родившаяся въ домѣ, молодая, глупая, игрунья, уродливая, добрая, милая, прыгающая вамъ на шею, смотрящая на васъ своими безпокойными, вопрошающими, какъ у дѣтей, глазками, вы поняли бы, что мнѣ жаль потерять мою собаку.

Куда идутъ души собакъ? Это бѣдное, маленькое существо, бѣлое, ощипанное — потому что у него не было уже шерсти ни на заду, ни на плечахъ, — съ однимъ огромнымъ ухомъ, торчащимъ всегда кверху, а другимъ повисшимъ; однимъ словомъ я въ десять разъ больше люблю уродливыхъ собакъ, чѣмъ тѣхъ ужасныхъ животныхъ, за которыхъ платятъ дорого.

Онъ походилъ на апокалипсическаго звѣря или на одно изъ чудовищъ на крышѣ собора Божьей Матери.

Пинчіа кажется не замѣчаетъ потери сына; правда, что, она въ ожиданіи новаго семейства.

Я ихъ всѣхъ назову Коко. Кажется, говорятъ, что у собакъ нѣтъ души, а почему?

Вторникъ, 1 апрѣля. Почему веселье должно быть пріятнѣе скуки? Стоитъ только сказать себѣ, что скука мнѣ нравится и забавляетъ меня.

Очень ловкое заимствованіе мысли Эпиктета; но я могла бы отвѣтить, что впечатлѣнія непроизвольны; и какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, онъ всегда имѣетъ первое побужденіе, послѣ котораго ужъ можно располагать собою по желанію, но оно будетъ **всегда и несмотря ни на что.** И гораздо натуральнѣе дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ, **естественнымъ,** умѣряя или увеличивая это испытанное чувство, чѣмъ перевертывать его, искажать и уродовать свои чувства, пока они ассимилируются или, вѣрнѣе, пока все не смѣшается, не изгладится и не перестанешь думать о чемъ бы то ни было... перестанешь жить... и вотъ до чего мнѣ хочется довести себя. Было бы короче... Но нѣтъ, тогда все было бы кончено.

Самое гнусное на этомъ свѣтѣ — это не принадлежать къ нему, жить словно спрятавшись, не видѣть интересныхъ людей, не быть въ состояніи обмѣниться мыслью, не видѣть людей знаменитыхъ или блестящихъ. Вотъ это смерть, вотъ это адъ!

Теряя мужей, дѣтей, разочаровываясь въ друзьяхъ, люди жалуются и упрекаютъ судьбу, я вѣроятно поступила бы такъ же; всѣ эти проявленія въ порядкѣ вещей и Богъ ими не оскорбляется, а человѣкъ не **оскорбляется этимъ,** чувствуя, что это естественныя и неизбѣжныя слѣдствія испытываемой скорби. Вздыхаютъ, охаютъ, но не говорятъ въ глубинѣ души, что **этого не должно быть;** сами того не замѣчая, принимаютъ все какъ должное.

Вы воображаете, что я жалуюсь на тихую жизнь и жажду шума? May be, но это не то.

Я люблю уединеніе и даже думаю, что если бы я **жила,** то время отъ времени уединилась бы, чтобы читать, размышлять и отдыхать; тогда это прелесть, это тихое и чудесное блаженство. Во время сильныхъ жаровъ бываешь очень радъ спрятаться въ погребъ; но большая разница остаться тамъ надолго или навсегда!

А если бы какой-нибудь насмѣшникъ захотѣлъ взять на себя трудъ смутить меня и спросилъ бы меня, согласилась ли бы я купить себѣ жизнь цѣною смерти матери! На это я отвѣ-

тила бы, что не захотѣла бы этого даже цѣною менѣе дорогой жизни, ибо естественно, что мать любятъ больше всѣхъ.

Я бы стала страшно раскаиваться, я не согласилась бы изъ эгоизма.

Четвергъ, 3 апрѣля. Все-таки жизнь хороша, я танцую и пою, когда я одна, потому что полное одиночество есть большое наслажденіе. Но какая пытка, когда оно нарушается семьей или прислугой! Но семья?.. Послушайте, сегодня утромъ, возвращаясь изъ мастерской, я вообразила себѣ, что я счастлива, и не повѣрите, какую нѣжность я почувствовала ко всѣмъ моимъ, къ этой доброй тетѣ, представляющей собою воплощеніе преданности и самоотреченія; но вотъ, я уже не чувствую себя счастливой.

Маленькая Эльницъ отравляетъ мнѣ жизнь. Я не пью больше чаю потому, что она разливаетъ, а каково ѣсть хлѣбъ, до котораго она дотрогивалась!!!... Я получу аневризмъ, бѣгая по лѣстницамъ, какъ сумасшедшая, чтобы обогнать ее, и хоть секунду пройти безъ нея. Когда я беру графинъ или уксусницу, я стараюсь брать ихъ такъ, чтобы не коснуться того мѣста, которое она трогала. У нея, несчастной, есть насѣкомыя, а ея плачевный видъ и черные ногти противны мнѣ до тошноты.

Суббота, 5 апрѣля. Искусственная зелень на каминѣ загорѣлась и зеркало треснуло.

Но несчастья не потому случаются, что трескаются зеркала; это зеркала трескаются потому, что должны случиться несчастья; надо удовольствоваться предупрежденіемъ.

Вторникъ, 15 апрѣля. Жуліанъ объявилъ о смерти нашего императора; на меня это такъ подѣйствовало, что я ничего не понимала; всѣ поднялись, чтобы взглянуть на меня; я поблѣднѣла, на глазахъ были слезы, губы дрожали. Милѣйшій Жуліанъ, думая, что я всегда смѣюсь надо всѣмъ, вздумалъ пошутить. Дѣло въ томъ, что какой-то человѣкъ четыре раза выстрѣлилъ въ императора, но не ранилъ его.

Жуліанъ билъ себя по ляжкамъ и кричалъ, что никакъ не ожидалъ, что это меня такъ взволнуетъ. Но вѣдь и я тоже.

Пятница, 18 апрѣля. Отыскивала прическу временъ имперіи или директоріи, что заставило меня прочесть замѣтку о m-me Рекамье и понятно я почувствовала себя униженной при мысли, что у меня могъ бы быть салонъ и что его нѣтъ.

Глупцы скажутъ, что я воображаю себя такой же красивой, какъ Рекамье, и умной, какъ богиня.

Предоставимъ глупцамъ говорить, что имъ угодно и согласимся только, что я заслуживаю лучшей участи; доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ видящіе меня думаютъ, что я царствую и что я замѣчательная женщина. При этомъ я испускаю глубочайшій вздохъ и говорю себѣ: «Быть можетъ, настанетъ мой день»... Я привыкла къ Богу, я пробовала не вѣрить въ Него и не могла... это было бы полное разрушеніе, хаосъ; у меня только и есть, что Богъ, Богъ, Который обращаетъ вниманіе на все и Которому я говорю обо всемъ.

Понедѣльникъ, 21 апрѣля. Въ субботу съ Лизенъ (шведка) я ѣздила къ артистамъ въ Батиньоль, близъ кладбища Montmartre. И я открыла, что въ Парижѣ я ненавижу только бульвары и новые кварталы.

Старый Парижъ и тѣ мѣста, гдѣ я была въ субботу, исполнены поэзіи и тишины, и глубоко поразили меня.

Вторникъ, 6 мая. Я очень занята и очень довольна; я и мучилась потому только, что у меня было много свободнаго времени, я это теперь вижу.

Въ продолженіе двѣнадцати дней, т. е. трехъ недѣль, работаю отъ восьми до полудня и отъ двухъ до пяти, а возвращаюсь въ половинѣ шестого; я работаю до семи, а потомъ дѣлаю какіе-нибудь эскизы или читаю вечеромъ, или же немного играю и въ десять часовъ гожусь только на то, чтобы лечь въ постель.

Вотъ существованіе, которое не позволяетъ думать, что жизнь коротка.

Музыка, вечеръ; Неаполь!.. Вотъ что волнуетъ... Почитаемъ Плутарха.

Среда, 7 мая. Если бы эта лихорадочная работа могла продолжаться, я признала бы себя совершенно счастливой. Я обожаю и рисованіе, и живопись, и композицію, и эскизы, и карандашъ, и сепію; у меня не являлось даже тѣни желанія отдохнуть или полѣниться.

Я довольна! Одинъ мѣсяцъ такихъ дней представляетъ собою шесть мѣсяцевъ при обыкновенныхъ успѣхахъ. Это такъ занимательно и такъ чудесно, что я боюсь какъ бы это не прекратилось. Въ такія минуты я вѣрю въ себя.

Понедѣльникъ, 12 мая. Я красива, счастлива и весела. Были въ салонѣ, потомъ болтали обо всемъ на свѣтѣ, по по-

воду встрѣчи съ художникомъ Беро, котораго мы интриговали на балу и который прошелъ мимо насъ, ничего не подозрѣвая.

Картину Бреслау — большой прекрасный холстъ, посрединѣ большое прекрасное кресло изъ золоченой кожи, въ которомъ сидитъ ея подруга Марія въ темно-зеленомъ платьѣ, съ чѣмъ-то голубовато-сѣрымъ на шеѣ; въ одной рукѣ портретъ и цвѣтокъ, въ другой пакетъ писемъ, перевязанный узенькой красной шелковой ленточкой. Очень простая аранжировка, сюжетъ понятный. Рисунокъ прекрасный и большая гармонія тоновъ, которые производятъ почти чарующее впечатлѣніе.

Быть можетъ, я скажу что-нибудь невозможное, но, знаете, у насъ нѣтъ великихъ художниковъ. Существуетъ Бастьенъ-Лепажъ: другіе?.. это знаніе, привычка, условность, школа; много условности, огромная условность.

Ничего **правдиваго,** ничего такого, что бы дышало, пѣло, хватало за душу, бросало въ дрожь или заставляло плакать.

Я не говорю о скульптурѣ, я недостаточно видѣла, чтобы говорить. Отъ всѣхъ этихъ жанровыхъ картинъ, отъ этой претенціозной посредственности, отъ этихъ обыкновенныхъ или хорошихъ портретовъ становится почти тошно.

Сегодня я только и нашла хорошаго, что портретъ Виктора Гюго Бонна и потмъ, пожалуй, картину Бреслау....

Пятница, 16 мая. Салонъ вещь дурная, потому что, видя эту **мазню,** эту настоящую **мазню,** которая тамъ находится, начинаешь считать себя чѣмъ-то, когда еще ничего не достигнуто.

Понедѣльникъ, 9 іюня. По всей вѣроятности, эта жаркая тяжелая погода дѣлаетъ меня никуда не годной. Все-таки я работала цѣлый день... я твердо рѣшила не манкировать болѣе работой, но я утомлена.

Сегодня вечеромъ мы ѣдемъ на балъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я буду не хороша собой; я сонная, мнѣ очень хочется спать. Я не жажду успѣха и чувствую, что буду дурна и глупа.

Я даже не думаю болѣе о «побѣдахъ». Я одѣваюсь хорошо, но не вкладываю въ это **души** и забываю думать о производимомъ мною впечатлѣніи. Я ни на что и ни на кого не смотрю, и мнѣ скучно. Только у меня и есть, что живопись. Я уже больше не умна и не остроумна; когда я хочу говорить, я стано-

влюсь мрачна или говорю вздоръ и потомъ... Надо мнѣ сдѣлать завѣщаніе, потому что долго это не можетъ тянуться.

Суббота, 14 іюня. Эту недѣлю я рисовала, а нашли, что это недостаточно хорошо для меня.

Довольно выѣздовъ!

Воскресенье, 15 іюня. Вы увидите, что я еще не умерла... У меня бьется сердце и меня лихорадитъ при мысли, что мнѣ остается только нѣсколько мѣсяцевъ.

Жуліанъ уже замѣтилъ, что я начала серьезно работать, и увидитъ, что я никогда не буду манкировать моими еженедѣльными композиціями. У меня есть альбомъ, въ которомъ я ихъ **набрасываю,** нумерую и озаглавливаю, при чемъ отмѣчаю день.

Суббота, 21 іюня. Вотъ уже около тридцати шести часовъ я почти не перестаю плакать; вчера я легла совсѣмъ измученная.

За обѣдомъ у насъ было двое русскихъ, а также Божидаръ; но я была никуда не годна. Мой скептическій и насмѣшливый умъ куда-то исчезъ. Случилось мнѣ терять родныхъ, бывали другія горести, но мнѣ кажется, что я никогда не оплакивала никого такъ, какъ я оплакиваю того, кто только-что умеръ. И это тѣмъ поразиительнѣе, что въ сущности это не должно было совсѣмъ меня огорчать, скорѣе даже должно было бы меня радовать.

Вчера, въ полдень, когда я уѣзжала изъ мастерской, Жуліанъ позвалъ горничную; она приложила ухо къ трубѣ и тотчасъ же сказала намъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Барышни, господинъ Жуліанъ велитъ сказать вамъ, что умеръ наслѣдный принцъ.

Увѣряю васъ, что я вскрикнула совершенно искренно. Я сѣла на ящикѣ для углей. Всѣ говорили въ одинъ голосъ:

— Немного потише, mesdames, это официальное извѣстіе, получена телеграмма. Онъ убитъ зулусами. Это мнѣ сказалъ господинъ Жуліанъ.

Это уже всюду извѣстно; когда принесли «*Estafetto*», съ крупно напечатанными слѣдующими словами: «**смерть** наслѣднаго принца», я не могу разсказать вамъ, какъ у меня сжалось сердце.

При томъ, къ какой бы партіи ни принадлежать, быть ли французомъ или иностранцемъ, невозможно не поддаться общему чувству оцѣпенѣнія.

Эта страшная безвременная смерть дѣйствительно ужасна.

Но я вамъ скажу то, что не говоритъ ни одинъ журналъ, — что англичане подлецы и убійцы. Это неестественно!.. Есть или одинъ или нѣсколько виновныхъ, безчестныхъ, подкупленныхъ. Развѣ подвергаютъ опасности принца, надежду партіи? Сына!.. Нѣтъ, я не вѣрю, что есть хотя одно такое дикое животное, которое не смягчилось при мысли о матери!.. Самыя ужасныя несчастія, самыя страшныя потери всегда оставляютъ хоть что-нибудь, хоть лучъ, хоть тѣнь надежды или утѣшенія... Здѣсь ничего. Можно сказать, безъ боязни ошибиться, что это небывалое горе. Онъ уѣхалъ изъ-за нея, она ему надоѣдала, она его мучила, не давала ему даже 500 франковъ въ мѣсяцъ, дѣлала тяжелою его жизнь. Дитя уѣхало въ дурныхъ отношеніяхъ съ матерью.

Понимаете ли вы весь ужасъ этого? Видите ли эту женщину?

Есть матери столь же несчастныя, но ни одна не могла почувствовать ударъ такъ сильно; потому что общее чувство увеличиваетъ горе во столько же милліоновъ разъ, сколько шуму, сочувствія, даже оскорбленій вокругъ смерти.

Чудовище, принесшее ей это извѣстіе, сдѣлало бы лучше, если бы убило ее.

Была въ мастерской, и Роберъ-Флери очень хвалилъ меня; но вернувшись я все-таки плакала, потомъ поѣхала къ m-me G., гдѣ всѣ, начиная съ прислуги, въ траурѣ и съ заплаканными глазами.

Эти англичане всегда поступали гнусно съ Бонапартами, которые всегда имѣли глупость сноситься съ этой подлой Англіей, къ которой я чувствую ненависть и ярость.

Можно увлекаться, даже плакать, читая романъ. Какъ же не быть взволнованной до глубины души этой страшной катастрофой, этимъ ужаснымъ раздирающимъ сердце концомъ!

Въ результатѣ — цѣлая партія безъ пристанища. Имъ нужно какого-нибудь принца, хоть для вида, я думаю, что они не разъединятся; нѣкоторые, наименѣе скомпрометированные, присоединятся къ республикѣ, но другіе будутъ продолжать поддерживать какой-нибудь призракъ. Впрочемъ кто знаетъ? Разъ римскій король умеръ, не подумаютъ ли, что все кончено?

Умереть? въ такую минуту! Умереть въ двадцать три года, быть убитымъ дикарями, сражаясь за англичанъ!

Я думаю, что въ глубинѣ своихъ сердецъ самые жестокіе изъ враговъ чувствуютъ нѣчто въ родѣ угрызеній.

Я читала всѣ журналы, даже тѣ, которые бранятся; я обливала ихъ слезами.

Будь я француженка, мужчина, бонапартистъ, я не могла бы быть болѣе возмущенной, оскорбленной и безутѣшной.

Ну, подумайте только объ этомъ юношѣ, котораго заставили уѣхать глупыя шутки грязныхъ радикальныхъ журналовъ, объ юношѣ, котораго окружили и убили!

Представьте себѣ его крики, отчаянные призывы, страданіе, ужасъ и безсиліе. Умирать въ незнакомомъ углу, быть покинутымъ, почти **преданнымъ!** И какъ можно было отправиться одному съ англичанами!

А мать!

Но прочтите подробности. Его тамъ оставили три дня, и Каре уже **слишкомъ поздно** замѣтилъ, что принца нехватаетъ.

Увидавъ зулусовъ, онъ спасся съ другими, не заботясь о принцѣ.

Нѣтъ, видѣть это напечатаннымъ въ ихъ газетахъ и говорить себѣ, что эта нація не истреблена, что нельзя уничтожить ихъ проклятый островъ и этотъ холодный, варварскій, вѣроломный, подлый народъ! О! если бы это было въ Россіи; да наши солдаты всѣ бы полегли до послѣдняго.

А эти подлецы покинули его, предали!

Но прочтите же подробности, неужели вы не поражены такою безчестностью и подлостью!

Развѣ убѣгаютъ, не защищая товарищей?

И лейтенантъ Каре не будетъ повѣшенъ!

А мать, бѣдная императрица, бѣдная **императрица!** Все кончено, потеряно, уничтожено! Ничего болѣе! Осталась только бѣдная мать въ трауръ.

Понедѣльникъ, 23 іюня. Я все еще подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго событія. Публика, приходя въ себя послѣ всеобщаго оцѣпенѣнія, спрашиваетъ себя, по какой непростительной неосмотрительности несчастный юноша былъ преданъ дикарямъ.

Англійская пресса возмущается подлостью спутниковъ

принца. А у меня, которая тутъ ни при чемъ, при чтеніи этихъ вопіющихъ подробностей, захватываетъ дыханіе, и слезы выступаютъ на глаза. Никогда не была я такъ взволнована, а усилія, которыя я дѣлаю въ теченіе дня, чтобы не плакать, стѣсняютъ мнѣ грудь. Говорятъ, что императрица умерла сегодня ночью, но ни одинъ журналъ не подтверждаетъ этой ужасной, но вмѣстѣ и утѣшительной, новости. Меня бѣситъ то, что какъ легко было бы предупредить это преступленіе, это несчастье, этотъ позоръ!

На улицахъ еще видны люди, пораженные случившимся, и нѣкоторыя продавщицы газетъ еще плачутъ. А я, я поступаю какъ онѣ, вполнѣ признавая, что это необъяснимо и неестественно. Мнѣ такъ бы хотѣлось надѣть настоящій трауръ съ крепомъ. Это соотвѣтствовало бы вполнѣ моему настроенію.

— Что вамъ-то до этого? — скажутъ мнѣ. Я не знаю, что мнѣ до этого, только это меня очень огорчаетъ.

Никого нѣтъ, я заперлась у себя, мнѣ нечего рисоваться, и я заливаюсь слезами, что очень глупо, потому что это ослабляетъ глаза; я это чувствовала уже сегодня утромъ, когда рисовала. Но я не могу успокоиться, думая объ этихъ фатальныхъ, ужасныхъ, страшныхъ случайностяхъ, окружающихъ эту смерть, и о подлости его спутниковъ.

Такъ было легко избѣжать этого!

Среда, 2 іюля. Прочитавъ новыя показанія англійскихъ солдатъ, я пріѣхала въ мастерскую такая взволнованная, что пришлось выскоблить все написанное сегодня и уѣхать.

До субботы я успѣю сдѣлать профиль Дины, которая настолько же похорошѣла, насколько я подурнѣла.

Среда, 16 іюля. Я необыкновенно утомлена; говорятъ, что такъ начинается тифозная горячка.

Я видѣла дурные сны. А если я умру? И вотъ я совсѣмъ удивлена, что меня не пугаетъ смерть. Если существуетъ другая жизнь, то, конечно, не будетъ лучше, чѣмъ та, которую я веду здѣсь. А если нѣтъ ничего послѣ смерти?.. Тѣмъ болѣе нечего бояться, а надо желать, чтобы кончилась скука безъ блеска извѣстности и мученія безъ славы. Надо мнѣ сдѣлать свое завѣщаніе.

Я начинаю работать съ восьми часовъ утра, а къ пяти часамъ бываю такая усталая, что весь вечеръ потерянъ; однако же надо мнѣ написать свое завѣщаніе.

Суббота, 9 августа. Оставаться или ѣхать? Чемоданы уже уложены. Мой докторъ, кажется, не вѣритъ въ дѣйствіе водъ Mont-Dore. Не бѣда, я ѣду туда отдохнуть. По возвращеніи же оттуда мнѣ придется вести невѣроятную жизнь.

Буду писать пока свѣтло, по вечерамъ буду заниматься скульптурой.

Среда, 13 августа. Со вчерашняго дня съ часу ночи мы въ Дьеппѣ.

Неужели всѣ приморскіе города одинаковы? Я была въ Остенте, въ Кале, въ Дуврѣ и теперь я въ Дьеппѣ. Пахнетъ смолой, лодками, снастями, вощенымъ холстомъ. Вѣтренно, со всѣхъ сторонъ открыто, чувствуешь себя одинокимъ. Все напоминаетъ морскую болѣзнь. Какая разница въ сравненіи съ югомъ! Тамъ есть чѣмъ дышать, тамъ есть чѣмъ любоваться, тамъ чувствуешь себя хорошо. Я даже предпочту такое зеленое гнѣздышко, какъ Соденъ, Шлангенбадъ и какъ мнѣ представляется Mont-Dore.

Я піѣхала сюда подышать. Да, конечно, такъ. Конечно, внѣ города и гавани воздухъ лучше. Мнѣ не нравятся всѣ эти сѣверныя моря. Къ тому же изъ всѣхъ здѣшнихъ гостиницъ море видно только изъ третьяго этажа. О, Ницца, о, Сенъ-Ремо, о, Неаполь!! О, Серенто!!! Вы не пустыя слова, проводники путешественниковъ не преувеличиваютъ и не профанируютъ вашихъ красотъ, вы въ самомъ дѣлѣ прекрасны и божественны!!

Суббота, 16 августа. Мы много смѣемся, и я порядочно скучаю, но смѣхъ въ моемъ характерѣ и не зависитъ отъ моего расположенія духа.

Прежде я интересовалась гуляющими на водахъ — это меня забавляло. Теперь я дошла до полнѣйшаго равнодушія. Мнѣ безразлично, люди или собаки вокругъ меня. Мнѣ даже веселѣе, когда я одна играю или рисую. Я думала, что буду дѣлать въ этомъ мірѣ совсѣмъ не то, что дѣлаю, и разъ я дѣлаю не то что думала, не все ли равно, что я думала?

Вторникъ, 19 августа. Взяла первую морскую ванну, и это, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, заставляетъ меня искать какого-нибудь предѣла для слезъ. Лучше быть одѣтой нищей, чѣмъ мѣщанкой. Въ концѣ-концовъ у меня несчастная натура: мнѣ хотѣлось бы гармоніи во всѣхъ мелочахъ жизни; часто вещи, которыя считаются элегантными и красивыми, шокируютъ меня какимъ-то отсутствіемъ художественности,

особой грацiи и не знаю чего еще. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мама была элегантная, умная или, по крайней мѣрѣ, съ достоинствомъ гордая...

Право, нельзя такъ мучить людей...

Не мелочи ли это?.. Все относительно, и если булавка причиняетъ вамъ такую же боль, какъ ножикъ, что скажутъ тогда мудрецы?

Среда, 20 августа. Не думаю, что когда-нибудь я могла бы испытать такое чувство, въ которое не входило бы честолюбiе. Я презираю людей, которые не представляютъ изъ себя ничего.

Дьеппъ. Пятница, 22 августа. О, великiй Бальзакъ! ты величайшiй генiй въ свѣтѣ; куда ни пойдешь, вездѣ видишь твои удивительныя комедiи! Кажется, что онъ постоянно жилъ и писалъ съ натуры. Я только что видѣла двухъ женщинъ, которыя своей фигурой, своей жизнью заставляютъ меня думать о Бальзакѣ, объ этомъ великомъ, неистощимомъ, невѣроятномъ генiи.

Пятница, 22 августа. Фатализмъ — религiя лѣнивыхъ и отчаявшихся. Я отчаялась и клянусь вамъ, я не дорожу жизнью. Я не сказала бы этой пошлости, если бы это подумала на минуту, но я это думаю всегда, даже въ веселыя минуты. Я презираю смерть; если тамъ нѣтъ ничего... то все это очень просто: если есть что-нибудь, я полагаюсь на Бога.

Понедѣльникъ, 1 сентября. Надѣюсь, вы замѣтили большую перемѣну, мало-по-малу происходящую во мнѣ. Я сдѣлалась серьезной и благоразумной, и затѣмъ я прониклась глубже нѣкоторыми идеями, я понимаю многiя вещи, которыя я не понимала и о которыхъ я говорила при случаѣ безъ убѣжденiя. Я поняла сегодня, напримѣръ, что можно питать сильное чувство къ идеѣ, что ее можно любить, какъ любишь самого себя.

Преданность принцамъ, династiямъ трогаетъ меня, воспламеняетъ, заставляетъ меня плакать и, быть можетъ, заставила бы дѣйствовать подъ прямымъ влiянiемъ чего-нибудь возбуждающаго; но у меня въ глубинѣ есть какое-то чувство, которое абсолютно мѣшаетъ мнѣ признаваться во всѣхъ этихъ душевныхъ движенiяхъ. Каждый разъ, при мысли о великихъ людяхъ, служившихъ другимъ людямъ, мое удивленiе къ нимъ начинаетъ прихрамывать и разсѣиваться. Это, быть можетъ, родъ глупаго тщеславiя, но я нахожу почти презрѣнными

всѣхъ этихъ... слугъ, и я тогда только дѣйствительно дѣлаюсь роялистомъ, когда поставлю себя на мѣсто короля. Гамбетта не вульгарный честолюбецъ; и если я искренно говорю это, то значитъ совершенно и сознательно убѣждена въ этомъ. Я еще понимаю, что можно преклоняться передъ королями, но я не могу обожать или уважать человѣка, который передъ ними преклоняется. Это не значитъ, что я не хочу, чтобы на меня падали лучи... нѣтъ; и само собой разумѣется, что я была бы въ восторгѣ, если бы была женой какого-нибудь состоящаго при посольствѣ или при дворѣ. (Только всѣ эти господа безъ состоянія и ищутъ приданаго). Но здѣсь я говорю о своихъ самыхъ интимныхъ чувствахъ. Я это всегда думала, но не всегда удается высказать то, что думаешь. Мнѣ бы очень хотѣлось конституціоннаго государства, какъ въ Италіи или въ Англіи, да и то!

Аристократія не разрушается и не создается въ одинъ день; она должна поддерживать себя, но не должна запираться въ какую-то глупую цитадель.

Старый порядокъ есть отрицаніе прогресса и разума!!

Обвиняютъ людей, но это что?

Люди проходятъ и отъ нихъ можно отдѣлаться, когда они не нужны. Увѣряютъ, что республиканская партія полна испорченныхъ людей. Я говорила вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ я смотрю на это.

Мнѣ хочется ѣхать въ деревню, въ настоящую деревню, съ деревьями, полями, паркомъ. Хочется зелени, какъ въ Шлангенбадѣ или даже въ Соденѣ, вмѣсто этого глупаго пустыннаго Дьеппа! И еще говорятъ, что я не люблю деревню! Я не люблю русской деревни, сосѣдей, усадьбы и т. д., но я обожаю деревья и чистый воздухъ, и мнѣ хочется провести двѣ недѣли въ зеленомъ и душистомъ уголкѣ, какъ мнѣ хотѣлось ѣхать въ Римъ. Но о Римѣ я почти никогда не говорю; это меня слишкомъ возбуждаетъ, а я хочу остаться спокойной.

Всѣ эти мысли о зелени пришли мнѣ въ голову, когда я была въ Тюльери. Что же дѣлать? Я люблю это такъ же, какъ ненавижу пустынные, плоскіе берега... Но попробуйте-ка поѣхать недѣли на двѣ въ Швейцарію съ моей семьей, — вотъ была бы скука. Суматоха, жалобы и всѣ эти аксессуары семейнаго счастья.

Среда, 1 октября. Вотъ журналы, я только что прочла

двѣсти страницъ, составляющихъ первую книжку обозрѣнія m-me Adam. Все это меня взволновало и въ четыре часа я уѣхала изъ мастерской, чтобы покататься въ Булонскомъ лѣсу въ моей новой шляпѣ, которая производитъ сенсацію; но теперь мнѣ это безразлично. Я нахожу m-me Adam очень счастливой.

Я думаю, вы достаточно знаете меня, чтобы понять, какое впечатлѣніе производятъ на мою бѣдную голову всѣ эти жгучіе вопросы.

Перехожу къ республикѣ и къ новымъ взглядамъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, меня взволновала статья въ «Nouvelle Revue»; кто знаетъ, быть можетъ когда-нибудь я увлекусь принцемъ Наполеономъ, котораго я предпочитаю Наполеону III, и который дѣйствительно представляетъ собою нѣчто. Нѣтъ, вы понимаете, что я не шучу и что я близка къ этому, какъ не надо больше. Нужно идти со своимъ временемъ, особенно, если дѣйствительно чувствуешь къ тому желаніе и неотразимую потребность.

Четвергъ, 31 октября. Франція — прелестная и занятная страна возстанія, революціи, моды, ума, граціи, элегантности, однимъ словомъ всего, что даетъ жизни прелесть и неожиданность. Но не ищите въ ней не серьезнаго правительства,ни добродѣтельнаго человѣка (въ античномъ значеніи слова), ни брака по любви... ни даже настоящаго искусства. Французскіе художники очень сильны; но кромѣ Жерико и въ настоящее время Бастьенъ-Лепажа, имъ недостаетъ божественной искры. И никогда, никогда, никогда Франція не произведетъ того, что произвела Италія и Голландія въ извѣстномъ отношеніи.

Прекрасная страна для волокитства и для удовольствія, но для остального?.. Но это всегда такъ, и другія страны со своими солидными и достойными уваженія качествами иногда бываютъ скучны. Въ концѣ-концовъ, если я и жалуюсь на Францію, то только потому, что я еще не замужемъ. Франція для молодыхъ дѣвушекъ страна скверная, и это не слишкомъ сильно сказано. Нельзя вложить болѣе холоднаго цинизма въ союзъ двухъ существъ, чѣмъ вкладываютъ здѣсь при соединеніи браковъ мужчины и женщины.

Торговля, промышленность, спекуляція сами по себѣ слова въ извѣстномъ смыслѣ почтенныя, но въ примѣненіи къ

браку они отвратительны, а между тѣмъ нѣтъ болѣе подходящихъ понятій для опредѣленія французскихъ браковъ.

Суббота, 8 ноября. Кончила портретъ привратницы: она очень похожа. Это была безграничная радость для всей семьи: сынъ, зять, внучата, сестры, всѣ въ восторгѣ.

Къ несчастью, Гони не раздѣлилъ этого увлеченія. Сначала онъ сказалъ, что это недурно; а потомъ... дѣло идетъ не такъ хорошо, какъ должно было бы идти. Очевидно, что у меня нѣтъ такихъ способностей къ живописи, какъ къ рисованію. Рисунокъ, конструкція, форма — все это идетъ само собой. Умѣнье владѣть красками развивается недостаточно скоро. Онъ не хочетъ, чтобы я теряла свое время такимъ образомъ. Надо сдѣлать что-нибудь, чтобы дѣло пошло иначе.

— Вы не тверды, это очевидно, и такъ какъ вы необыкновенно хорошо одарены и у васъ очень большія способности, то это мнѣ надоѣдаетъ.

— Меня это забавляетъ еще менѣе, но я не знаю, что мнѣ дѣлать?

— Я давно уже хочу поговорить съ вами объ этомъ. Надо испытать всѣ средства; быть можетъ все дѣло въ томъ, чтобы отворить какую-нибудь дверь.

— Скажите же, что мнѣ надо сдѣлать — копію, гипсъ, nature morte? Я сдѣлаю все, что вы скажете.

— Вы сдѣлаете все, что я вамъ скажу сдѣлать; ну хорошо! Въ такомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены, что добьемся. Приходите ко мнѣ въ будущую субботу, и мы поболтаемъ.

Уже давно я должна бы была побывать у него въ одну изъ субботъ. Всѣ ученицы это дѣлаютъ. Да, наконецъ, онъ такой славный.

Понедѣльникъ, 10 ноября. Вчера я была въ церкви; я хожу время отъ времени, чтобы не сказали, что я нигилистка.

Часто, смѣясь, я говорю, что жизнь есть только переходъ. Я бы хотѣла серьезно вѣрить этому, чтобы утѣшиться во всѣхъ печаляхъ, во всѣхъ жестокихъ горестяхъ и недостойныхъ страданіяхъ.

И весь міръ такой мелочный! Чувствуя это отвращеніе и изумленіе передъ ежедневными мелочами, я открываю, что я чиста отъ всѣхъ этихъ пошлостей, вызывающихъ тошноту.

Пятница, 14 ноября. Если я не записываю ничего въ про-

долженіе нѣсколькихъ дней, то это потому, что не нахожу ничего интереснаго.

До сихъ поръ я была снисходительна къ моимъ ближнимъ; я никогда не говорила и не повторяла про нихъ ничего дурного; я всегда защищала всякаго, если на него нападали въ моемъ присутствіи, съ корыстной мыслью, что, быть можетъ, со мною будутъ поступать такъ же; я всегда защищала даже тѣхъ, кого не знала, прося Бога наградить меня за то; я никогда не хотѣла серьезно повредить кому бы то ни было, и если я хочу быть богатой или могущественной, то всегда у меня были мысли о великодушіи, добротѣ, милосердіи, передъ которыми преклоняюсь; но это мнѣ не удается. Я буду подавать двадцать су нищимъ на улицѣ, потому что они вызываютъ у меня слезы, но мнѣ кажется, что я дѣлаюсь дурной.

А право было бы хорошо остаться доброй, чувствуя себя раздраженной и несчастной. Но было бы также забавно сдѣлаться злой, дурной, насмѣшницей, вредной... разъ это безразлично для Бога, разъ онъ не принимаетъ ничего во вниманіе. Въ концѣ-концовъ, приходится думать, что Богъ не то, что мы воображаемъ себѣ. Богъ, быть можетъ, есть сама природа, и всѣ событія въ жизни управляются случаемъ, который приводитъ иногда странныя совпаденія и явленія, которыя заставляютъ вѣрить въ Провидѣніе. Что же касается нашихъ молитвъ, религій, обращеній къ Богу... меня ничто не можетъ склонить къ тому, чтобы считать ихъ нужными.

Чувствовать себя достаточно сильной, чтобы сдвинуть небо и землю, и не быть ничѣмъ! Я не кричу, но всѣ эти мученія выражаются на моемъ лицѣ. Думаютъ, что если молчишь, то значитъ ничего; но такія вещи всегда всплываютъ на поверхность.

Суббота, 15 ноября. Я удивляюсь Зола; но есть вещи, которыя всѣ говорятъ, но которыя я не могу рѣшиться ни сказать, ни написать. Однако, чтобы вы не подумали какихъ-нибудь ужасовъ, я вамъ скажу, что самое сильное это purgé; мнѣ досадно, непріятно, что я написала такое слово; я не колеблясь говорю каналья или другія слова въ этомъ родѣ; но что касается этихъ маленькихъ невинныхъ неприличій, то они мнѣ противны.

Воскресенье, 28 декабря. Поль женится, я на это согласна. Сейчасъ скажу вамъ почему. Она его обожаетъ и очень хочетъ выйти за него. Она довольно хорошей семьи,

изъ той же мѣстности, сосѣдка, довольно богатая, молодая, красивая и, судя по письмамъ, очень добрая. И потомъ ей этого очень хочется. Думаютъ, что ей немного вскружило голову то, что Поль сынъ предводителя дворянства и что у него семья играетъ нѣкоторую роль въ Парижѣ. Лишній поводъ для моего согласія. Благодаря небрежности Розаліи, мое письмо не дошло до Поля. Мама согласилась; молодая дѣвушка прислала ей слѣдующую телеграмму: «Довольна, счастлива, на колѣняхъ благодарю маму, возвращайтесь скорѣе. — Александра».

Говорятъ, что бѣдняжка боится парижской семьи, меня — такой гордой, высокомѣрной, жестокой.

Нѣтъ, не я скажу «нѣтъ»; хотя я никогда не любила такъ, какъ она любитъ, я все-таки не хочу причинять горя кому бы то ни было.

Легко сказать: я буду тѣмъ-то или тѣмъ-то, буду дурной, но какъ только представляется возможность сдѣлать что-нибудь непріятное одному изъ своихъ ближнихъ на землѣ, даже не приходится раздумывать. Если у меня есть мученія, то вѣдь, мучая другихъ, я отъ нихъ не избавляюсь. Я добра не по добротѣ, но потому, что это лежало бы у меня на совѣсти и мучило бы меня. Настоящіе эгоисты должны бы дѣлать только добро; дѣлая зло, человѣкъ самъ слишкомъ несчастливъ. Но, кажется, есть люди, которымъ нравится дѣлать зло... У каждаго свой вкусъ. Тѣмъ болѣе, что Поль никогда не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ помѣщикомъ.

Среда, 31 декабря. Во мнѣ, должно быть, кроется болѣзнь. Я такъ нервна, что готова плакать изъ-за ничего. Уйдя изъ мастерской, мы отправились въ магазины Лувра. Нуженъ Зола, чтобы описать эту раздражающую, противную, бѣгущую толкающуюся толпу, эти выставленные впередъ носы, эти ищущіе глаза: я готова была упасть въ обморокъ отъ жары и нервнаго раздраженія.

Какой печальный конецъ года!.. думаю, что лягу въ одиннадцать, чтобы проспать полночь, вмѣсто того, чтобы скучать... за гаданьемъ.

1880.

Четвергъ, 1 января. Утромъ была въ мастерской, чтобы, начавъ работать съ перваго дня Новаго года, продолжать

работать весь годъ. Потомъ поѣхали дѣлать визиты и были въ Булонскомъ лѣсу.

Суббота, 3 января. Я кашляю такъ сильно, какъ только возможно, но какимъ-то чудомъ я отъ этого не подурнѣла, а пріобрѣла томный видъ, который очень къ лицу.

Понедѣльникъ, 5 января. Ну! дѣло плохо!

Я снова принимаюсь за работу; но такъ какъ я не открыто прервала ее, то чувствую вялость и небывалое безсиліе. А выставка въ салонѣ приближается! Говорила обо всемъ этомъ съ великимъ Жуліаномъ, и мы оба, особенно онъ, согласны въ томъ, что я не готова.

Итакъ, я работаю два года и четыре мѣсяца, не вычитая ни потеряннаго времени, ни путешествія; это мало, но это и страшно много. Я недостаточно работала, я теряла время, я отдыхала, я... однимъ словомъ, я не готова. «Булавочные уколы сводятъ васъ съ ума, но сильный ударъ дубины вы можете перенести». Это правда.

Суббота, 17 января. Докторъ предполагаетъ, что мой кашель чисто нервный, можетъ быть, потому, что я не охрипла; у меня ни горло не болитъ, ни грудь. Я просто задыхаюсь и у меня колотье въ правомъ боку. Я возвращаюсь въ одиннадцать часовъ и, хотя и желаю сильно заболѣть и не ѣхать на балъ, но все-таки одѣваюсь. Я красива.

Вторникъ, 20 января. Вернувшись изъ мастерской, узнаю, что была m-me Ж., которая думала, что я не выхожу и которая сердита на то, что я не берегусь подобно старикамъ. И потомъ обѣщанные назавтра билеты отданы m-me Ротшильдъ.

Я не дала десять тысячъ франковъ за постоянный билетъ. Не просить билетовъ, быть независимой!

О, безплодные порывы, безплодныя и жалкія интриги, безплодные споры съ семьей, безплодные вечера, проведенные въ разговорахъ о томъ, чего бы мнѣ хотѣлось, при чемъ не дѣлается ни единаго шага, чтобы достигнуть цѣли! Безплодныя и жалкія усилія!

Суббота, 31 января. Сегодня вечеромъ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Мурціи концертъ и балъ въ Hôtel Continental подъ покровительствомъ королевы Изабеллы, которая послѣ концерта сошла въ бальныя залы и пробыла тамъ около часу.

Я не особенно люблю танцовать и мнѣ не нравится находиться такимъ образомъ въ объятіяхъ мужчинъ. Но въ общемъ мнѣ это безразлично, такъ какъ я никогда не понимала волненій, причиняемыхъ вальсомъ въ романахъ.

Танцуя, я думаю только о тѣхъ, которые смотрятъ на меня.

Четвергъ, 5 февраля. Я бы хотѣла всегда дѣлать такъ, какъ сегодня: работать отъ восьми до полудня и отъ двухъ часовъ до пяти. Въ пять часовъ приносятъ лампу, и я рисую до половины восьмого. До восьми одѣваюсь; въ восемь обѣдъ, потомъ читаю и засыпаю въ одиннадцать часовъ.

Но отъ двухъ до половины восьмого безъ отдыха немного утомительно.

Вторникъ, 10 февраля. Имѣла длинное совѣщаніе съ отцомъ Жуліаномъ по поводу салона; я представила два проекта, которые онъ находитъ хорошими. Я нарисую оба, это отниметъ три дня, и тогда мы выберемъ. Я недостаточно сильна, чтобы блестяще выполнить портретъ мужчины: сюжетъ неблагодарный; но я въ состояніи выполнить лицо (разумѣется въ натуральную величину) и нагое тѣло, что, какъ говоритъ Жуліанъ, кажется мнѣ заманчивымъ, какъ всѣмъ, чувствующимъ свою силу. Этотъ человѣкъ забавляетъ меня; онъ построилъ на моей головѣ цѣлую будущность; онъ заставитъ меня сдѣлать и то, и это, **если** я буду умницей, а послѣ нашего послѣдняго разговора я умница. На будущій годъ это будетъ портретъ какого-нибудь знаменитаго человѣка и картина. «Я хочу, чтобы вы сразу выдвинулись изъ ряда».

Въ этомъ году я «изобрѣтательница»; придумала слѣдующее: у стола сидитъ женщина, опершись подбородкомъ на ея прекрасные бѣлокурые волосы. Названіе: «Вопросъ о на руки, а локтемъ на столъ и читаетъ книгу; свѣтъ падаетъ разводѣ» Дюма. Эта книга только что появилась, и вопросъ этотъ занимаетъ всѣхъ.

Другое, просто Дина, въ бѣлой юбкѣ изъ crèpe de Chine, сидящая въ большомъ старинномъ креслѣ; руки свободно лежатъ сложенныя на колѣняхъ. Поза очень простая, но такая граціозная, что я поспѣшила набросать ее, разъ вечеромъ, когда Дина случайно сѣла такъ, и я просила ее позировать. Это немного походитъ на Рекамье, а чтобы рубашка не была слишкомъ неприлична, я надѣну цвѣтной кушакъ. Что меня притягиваетъ въ этомъ второмъ проектѣ, это — полная

простота и прекрасныя мѣста для красокъ. О! это истинный восторгъ!

Сегодня я **на высотѣ.** Я чувствую себя выдающейся, великой, счастливой, способной. Я вѣрю въ свою будущность. Словомъ, нечего говорить.

Понедѣльникъ, 16 февраля. Были у королевы (Изабеллы), которая была очень мила.

Среда, 25 февраля. Бѣгая за моделями къ Леони, я познакомилась со всѣмъ достоуважаемымъ семействомъ Бодуэнъ. Это люди прямо изъ Зола, изъ Нана; въ концѣ-концовъ, я даю это имя Леони. Смѣюсь наивности... и удивительной извращенности. Въ настоящее время она не позируетъ. «Я позировала, пока я не знала, что я дѣлаю; это не честно позировать, я въ модномъ магазинѣ, это мнѣ не нравится, но **онъ** этого хочетъ». — Кто это?

— Мой другъ, вѣдь я сижу съ однимъ господиномъ.

А ея сестра разсказываетъ мнѣ, что она влюблена въ него, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее бьетъ.

Среда, 3 марта. Теперь мнѣ не слѣдуетъ выѣзжать по вечерамъ, чтобы бодро вставать и работать съ восьми часовъ утра.

Мнѣ остается только шестнадцать дней.

Пятница, 12 марта. Итакъ, всѣ мечты на этотъ годъ улетучиваются. Ждать еще?.. цѣлый годъ. Ужъ не думаете ли вы, что это немного? Всѣ эти дни я страдаю отъ столькихъ вещей; я думала найти утѣшеніе въ моей живописи, и вотъ вы видите, какъ все складывается.

И развѣ принесеніе въ жертву моей живописи, моего честолюбія, развѣ это можетъ утѣшить или спасти Поля и его невѣсту?

Безполезныя жертвы и несчастья переносятся втрое труднѣе.

Пятница, 19 марта. Безъ четверти двѣнадцать, Тони! Почему я не начала раньше? это очень красиво, это восхитительно, какъ жаль и т. д., и т. д.; въ общемъ онъ меня успокоилъ, но надо будетъ просить отсрочки.

— Ее можно отослать такой, какова она теперь, но не стоитъ, — «вотъ мое искреннее задушевное убѣжденіе». Просите отсрочки, и вы сдѣлаете хорошую вещь. — Затѣмъ онъ засучилъ рукава, взялъ кисть, потрогалъ мою картину что-

бы дать мнѣ понять, что не хватаетъ свѣту. Но я передѣлаю... если я получу отсрочку. Онъ оставался болѣе двухъ часовъ. Онъ славный малый, мнѣ весело, я въ такомъ прекрасномъ настроенiи, что меня очень мало заботитъ, что станется съ картиной.

Жулiанъ въ восторгѣ отъ картины. «Вы настоящiй мальчикъ, и ничѣмъ меня не удивите». Онъ говорилъ всѣ эти прекрасныя вещи при m-me Симонидесъ, которая прiѣхала посмотрѣть мою картину, и при Розалiи въ мое отсутствiе.

Нѣтъ, но моя живопись! Жулiанъ безъ ума отъ нея, Тони также находитъ, что тоны хороши, что все гармонично, красиво и энергично, а Жулiанъ прибавляетъ, что это прелестно и что колористки въ мастерской глупы, думая, что тоны картины зависятъ отъ состава красокъ.

«Молодецъ, какую милую вещь она написала, милую не въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но очаровательную».

Ну, такъ я ее кончу!

Вотъ день, имѣющiй огромное значенiе.

Воскресенье, 21 марта. Былъ Сенъ-Марсо, давалъ мнѣ совѣты. Онъ мнѣ довольно нравится, хотя съ нимъ чувствуешь себя какъ-то не по себѣ. У него разсѣянный видъ, ходитъ и говоритъ быстро. Это комокъ нервовъ. Я сама такая же, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ во мнѣ чувство какой-то неловкости, хотя даже хвалилъ мою живопись.

Только вотъ что, когда не говорятъ, я недовольна, когда хвалятъ, мнѣ кажется, что на меня смотрятъ, какъ на дѣвочку, и смѣются надо мной. Въ концѣ-концовъ я не такъ довольна, какъ была вчера, потому что правая рука слишкомъ длинна... на два сантиметра длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ и, строгая къ рисунку, я чувствую себя униженной передъ такимъ скульпторомъ, какъ Сенъ-Марсо.

Понедѣльникъ, 22 марта. Тони удивленъ тѣмъ, что я сдѣлала въ такое короткое время.

— Вѣдь въ сущности это въ первый разъ вы примѣняете свои знанiя?

— Разумѣется.

— Ну такъ, знаете ли, это совсѣмъ недурно.

Онъ снимаетъ свое пальто, схватываетъ кисть и пишетъ руку, ту, которая снизу, со свойственнымъ ему бѣловатымъ оттѣнкомъ.

Онъ тронулъ также волосы, которые я совершенно пе-

редѣлала такъ же, какъ и руку. Итакъ, онъ писалъ руку, это меня забавляло, и мы болтали. Все равно, исключая фона, все и волосы, и плюшъ, все это написано грязно. Все это мазня. Я могу сдѣлать лучше. Это мнѣніе Тони; но тѣмъ не менѣе онъ доволенъ и говоритъ, что если бы можно было ожидать отказа въ салонѣ, онъ бы первый посовѣтовалъ не посылать этой вещи. Онъ говоритъ, что онъ удивленъ тѣмъ, что я сдѣлала: это закончено, хорошо задумано, хорошо построено, гармонично, элегантно, граціозно.

О! Да, да, да, но я недовольна тѣломъ! И подумать только, что скажутъ, что это моя манера!! Это мазня!

Увѣряю васъ, мнѣ дорого стоитъ выставить вещь, которая не нравится мнѣ по исполненію, которая такъ непохожа на мои обыкновенныя работы... Правда, я никогда еще не сдѣлала ни одной вещи, которая бы мнѣ нравилась... но все-таки это грязно, это мазня. Проклятая скромность! Проклятый недостатокъ довѣрія! Если бы я только не колебалась и не спрашивала себя: *To be or not to be!*. Но не будемъ совершать новую нелѣпость, оплакивая уже совершившееся дѣло.

Не знаю почему я думаю сегодня вечеромъ объ Италіи. Это жгучія мысли, которыхъ я всегда стараюсь избѣгать. Я прекратила свои римскія чтенія, потому что они меня приводили въ слишкомъ восторженное состояніе, и занялась французской революціей и Греціей. Но Римъ, но Италія, я схожу съ ума при одной мысли объ этомъ солнцѣ, объ этомъ воздухѣ, обо всемъ.

Но Неаполь... О! Неаполь, вечеромъ! Любопытно, что не вспоминаются тамошніе люди. Я схожу съ ума, думая, что я бы могла ѣхать туда. Это настолько искренно, что меня волнуютъ даже декораціи изъ Muette.

Среда, 24 марта. Этотъ милый Тони поощрялъ меня очень сдержанно, но съ большимъ чувствомъ.

Если я захочу, то могу имѣть большой талантъ, и вы понимаете, что подъ этимъ онъ подразумѣваетъ не то, что мама думаетъ обо мнѣ теперь. «Большой талантъ» — это онъ, это онъ, это Бонно, это Каролусъ, это Бастьенъ и т. д. Надо серьезно заниматься, дома писать торсы, чтобы приготовиться писать картины. Не думать ни о чемъ, кромѣ живописи, отдаться ей. Организація у меня прекрасная. Изъ женщинъ

только Бреслау и я хорошо передаемъ нагое тѣло. Немногіе художники дѣлаютъ такія академіи, какъ она или я.

Въ общемъ то, что я сдѣлала въ восемнадцать дней послѣ двухлѣтней работы, удивительно, но не надо останавливаться на такихъ успѣхахъ, «не надо довольства собою».

Буду работать, буду прилежна и достигну того, къ чему стремлюсь.

Четвергъ, 25 марта. Дѣлаю послѣдніе штрихи на своей картинѣ, но работать больше не могу, такъ какъ въ ней или больше нечего дѣлать, или же надо все передѣлать. Кончена картина, сдѣланная чортъ знаетъ какъ. Вышиною моя картина 1 метръ 70 сант. вмѣстѣ съ рамой.

Молодая женщина сидитъ около плюшеваго стола; столъ цвѣта vieux vert, прекраснаго оттѣнка. Она оперлась локтемъ правой руки и читаетъ книгу, около которой лежитъ букетъ фіалокъ. Бѣлизна книги, оттѣнокъ плюша, цвѣты около голой руки производятъ хорошее впечатлѣніе. Женщина въ утреннемъ свѣтло-голубомъ шелковомъ костюмѣ и въ косынкѣ изъ бѣлой кисеи съ старинными кружевами. Лѣвая рука упала на колѣни и едва удерживаетъ разрѣзной ножикъ.

Стулъ плюшевый, темно-синій, а вмѣсто фона бархатная драпировка. Фонъ и столъ очень хороши. Голова въ trois quarts. Волосы восхитительные, бѣлокурые, золотистые, какъ у Дины, распущены; они обрисовываютъ форму головы и полузаплетенные падаютъ по спинѣ. Въ половинѣ четвертаго пріѣхали m-r и m-me Гавини. — «Мы подумали, что надо посмотрѣть картину Мари, прежде чѣмъ ее увезутъ. Вѣдь это отъѣздъ первенца». — Славные они люди. M-r Гавини въ каретѣ проводилъ меня во дворецъ Промышленности, и два человѣка понесли холстъ. Меня брасало то въ жаръ, то въ холодъ, и мнѣ было страшно, словно на похоронахъ.

Потомъ эти большія залы, огромныя залы со скульптурой, эти лѣстницы — все это заставляетъ биться сердце. Пока искали мою квитанцію и мой номеръ, принесли портретъ М. Греви, сдѣланный Бонна, но его поставили около стѣны, такъ что свѣтъ мѣшалъ видѣть его. Во всей залѣ только и были, что картина Бонна, моя и какой-то ужасный желтый фонъ. Бонна мнѣ показался хорошъ, а видѣть здѣсь **себя** мнѣ было очень страшно.

Это мой первый дебютъ, независимый, публичный поступокъ! Чувствуешь себя одинокой, словно на возвышеніи,

окруженномъ водою... Наконецъ, все сдѣлано; мой номеръ 9091 «Mademoiselle Marie — Constantin Russ». Надѣюсь, что примутъ. Послала Тони свой номеръ.

Пятница, 26 марта. Сегодня исповѣдовались, завтра будемъ причащаться.

Нашъ священникъ исповѣдуетъ, какъ ангелъ, т. е. какъ умный человѣкъ, нѣсколько словъ, и все кончено. Впрочемъ, вы знаете мои взгляды на это. Я давно бы умерла съ отчаянія, если бы не вѣрила въ Бога.

Среда, 31 марта. Я совсѣмъ разбита! Слѣдовало послушать Тони и отдохнуть. Поѣду надоѣдать Жуліану, которому я дала слѣдующую подписку. «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь каждую недѣлю дѣлать голову и академическій рисунокъ или же этюдъ въ натуральную величину. Кромѣ того, я буду дѣлать по три композиціи въ недѣлю, если же одну, то вполнѣ отдѣланную. Если я нарушу вышесказанныя условія, то я уполномочиваю г-на Рудольфа Жуліана, художника, разглашать повсюду, что я не представляю изъ себя ничего интереснаго».

«Marie Russ».

Среда, 7 апрѣля. Не забудемъ, что сегодня утромъ Жуліанъ объявилъ мнѣ, что картина моя принята; любопытно, что я не испытываю никакого удовлетворенія. Радость мамы мнѣ непріятна. Этотъ успѣхъ недостоинъ меня.

Четвергъ, 23 апрѣля. Моя картина будетъ плохо поставлена и пройдетъ незамѣченной или же будетъ очень на виду и тогда доставитъ мнѣ много непріятностей; скажутъ, что это претенціозно, слабо и не знаю, что еще.

Понедѣльникъ, 26 апрѣля. Мнѣ мало мѣста въ мастерской. Одна прелестная американка будетъ позировать для меня съ условіемъ, что портретъ будетъ принадлежать ей.

Но ея личико такъ увлекаетъ меня, что выйдетъ почти картина; я мечтаю о чудесной обстановкѣ, и малютка такъ мила, что обѣщаетъ мнѣ позировать и удовольствоваться маленькимъ портретомъ, а картину оставить мнѣ. Если бы у меня не было картины въ салонѣ, ученицы никогда бы не имѣли ко мнѣ довѣрія и не стали бы позировать.

Жуліанъ думаетъ, что Тони работалъ въ моей картинѣ, а вы же знаете, что онъ сдѣлалъ: въ очень темныхъ мѣстахъ онъ прибавилъ нѣсколько просвѣтовъ, но я все добросовѣстно передѣлала; что же касается кисти руки, такъ онъ толь-

ко набросалъ ее, а третьяго дня я укоротила пальцы, вслѣдствіе чего пришлось всѣ передѣлать. Такъ что нѣтъ даже его рисунка, онъ мнѣ только показывалъ, какъ слѣдуетъ дѣлать. Въ общемъ я дѣлала честно, но впрочемъ это не важно.

Сегодня вечеромъ была у m-me П. Люди очень привѣтливые, но общество странное, туалеты допотопные, никого знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось спать, и я сердилась. И мама вдругъ представляетъ мнѣ какого-то мексиканца или чилійца, который смѣется. У него страшная гримаса, заставляющая его постоянно какъ-то зловѣще смѣяться; это такъ, и при этомъ громадное расплывшееся лицо. У него 27 милліоновъ и мама думаетъ, что... Выйти за этого человѣка, это почти какъ за человѣка безъ носа; какой ужасъ! Я взяла бы некрасиваго, стараго, они всѣ для меня безразличны, но чудовище — никогда!! Къ чему бы послужили милліоны съ этимъ смѣшнымъ человѣкомъ! Познакомилась со многими, но все это было снотворно. Любители, заставляющіе васъ своею музыкою скрежетать зубами; скрипачъ, котораго не слышно, и какой-то красивый господинъ, поющій серенаду Шуберта, опершись рукой на рояль и бросая на всѣхъ побѣдоносные взоры... да, это смѣшно! Не понимаю, какъ можно играть роль комедіанта на большомъ вечерѣ.

Женщины со своими прическами и этой пудрой въ волосахъ, которая придаетъ головѣ такой грязный видъ, казалось, были въ прическахъ изъ мочалы и вывалялись въ соломѣ. Какъ это уродливо! какъ это глупо!

Пятница, 30 апрѣля. Моя американочка, которую зовутъ Алиса Б., пришла въ десять часовъ, и мы вмѣстѣ отправились на открытіе выставки. Мнѣ хотѣлось пойти посмотрѣть одной, гдѣ помѣщена моя картина. Итакъ, со страхомъ отправляюсь въ салонъ, представляя себѣ всякіе ужасы для того, чтобы они не случились на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно ничего похожаго на мои предположенія; моя картина еще не повѣшена, я едва нашла ее уже около полудня съ тысячами другихъ, тоже еще не помѣщенныхъ холстовъ, но я нашла ее въ той же внѣшней галлереѣ, гдѣ мнѣ было такъ пріятно видѣть картину Бреслау...

Что касается Бастьенъ-Лепажа, то его вещь поражаетъ, при первомъ взглядѣ, какъ что-то **пустое,** какъ чистый воздухъ... Жанна Д'Аркъ, настоящая крестьянка, облокотившаяся на яблоню, держитъ одну изъ вѣтокъ лѣвой рукой, которая

написана чудесно. Правая рука свѣсилась внизъ. Это замѣчательная вещь. Голова закинута, шея вытянута и глаза **ни на что не смотрятъ**, ясные, дивные; голова изумительно эффектна; это настоящая крестьянка, выросшая среди полей; она ошеломлена; она страдаетъ отъ своего видѣнья. Окружающій ее садъ, домъ вдали — все сама природа, но... Въ общемъ недостаточно перспективы; все нѣсколько выступаетъ впередъ и портитъ фигуру.

Лицо божественно, оно такъ взволновало меня, что и теперь, пока я пишу о ней, я едва удерживаюсь отъ слезъ.

Плафонъ Тони очень граціозенъ, очень хорошъ и нравится мнѣ.

Вотъ все наиболѣе важное для меня, а теперь вотъ что: послѣ завтрака мы должны были, — по крайней мѣрѣ, я такъ думала, — отправиться всей семьей въ салонъ. Но нѣтъ, тетя поѣхала въ церковь, и мама тоже хотѣла ѣхать съ ней и, только увидавъ, что я удивлена и обижена, онѣ согласились, но очень неохотно. Не знаю, сердятся ли онѣ, что мнѣ дали такое скромное мѣсто, но это не причина и, право, жестоко имѣть такую семью! Наконецъ, устыдясь своего равнодушія, или не знаю какъ назвать это, мама поѣхала со мной, и мы, мама, Дина и я, встрѣтили сначала всю мастерскую, потомъ много знакомыхъ и, наконецъ, Жуліана.

Суббота, 1 мая. Только что выдержала одну изъ глупыхъ и ненужныхъ пытокъ! Завтра Пасха; сегодня вечеромъ или ночью мы ѣдемъ къ заутренѣ, гдѣ собирается вся русская колонія, начиная съ посольства въ полномъ составѣ. Все самое элегантное, самое красивое, все самое тщеславное выдвинется впередъ. Общій образъ русскихъ женщинъ и костюмовъ, прекрасный предметъ для пересудовъ.

Хорошо; въ послѣднюю минуту мнѣ приносятъ мое новое платье, которое похоже на плохо сшитый мѣшокъ изъ стараго грязнаго газа. Несмотря на это, я ѣду въ немъ, и никто не узнаетъ, чего мнѣ это стоило, какъ я сердилась! Талія испорчена криво и дурно сшитымъ корсажемъ, руки изуродованы слишкомъ длинными и глупыми рукавами. Однимъ словомъ, что-то съ претензіей; къ тому же я видѣла этотъ газъ только днемъ, а вечеромъ онъ кажется совершенно грязнымъ!

Чего мнѣ стоило не разорвать платья въ клочки и не убѣжать изъ церкви! Быть некрасивой, не имѣя возможности

быть лучше, еще ничего, но имѣть возможность быть красивой и показаться такимъ чудовищемъ, какъ я сегодня! Понятно, дурное расположенiе духа отразилось и на волосахъ: они растрепались, а лицо горѣло. Это отвратительно.

Четвергъ, 6 мая. Много похвалъ отъ Жулiана за мою живопись.

Пятница, 7 мая. M-me Гавини сегодня опять прiѣзжала къ мамѣ, чтобы сказать ей, что я слишкомъ утомляюсь; это правда, но причиною тому не живопись, такъ какъ тогда стоило бы только ложиться спать въ десять, одиннадцать часовъ, между тѣмъ я не сплю до часу и просыпаюсь въ семь.

Вчера причиною этого былъ этотъ идiотъ С. Я писала, а онъ пришелъ изъясняться; потомъ онъ пошелъ играть съ тетей, и тогда уже я стала ждать его, чтобы услыхать нѣсколько глупыхъ словъ о любви. Онъ двадцать разъ прощался и двадцать разъ я говорила ему «убирайтесь», и двадцать разъ онъ просилъ позволенiя цѣловать руку; я смѣялась, и, наконецъ, сказала: — «Да, хорошо, поцѣлуйте, это мнѣ безразлично». — Итакъ онъ поцѣловалъ мою руку и съ горестью я должна признаться, что мнѣ это было прiятно не изъ-за личности, но изъ-за... тысячи вещей; вѣдь все-таки же я женщина.

Сегодня утромъ я еще чувствовала этотъ поцѣлуй, такъ какъ это не былъ банальный поцѣлуй вѣжливости.

О, молодыя дѣвицы!

Думаете ли вы, что я влюблена въ этого мальчика съ широкими ноздрями? Нѣтъ, неправда ли? Отлично, съ А. было то же самое. Я сама горячила себя, чтобы влюбиться, а кардиналы и папа помогали тому... я была экзальтирована, но была ли то любовь? О! фи! Итакъ, такъ какъ мнѣ не пятнадцать лѣтъ, такъ какъ я уже не такъ глупа, то я ничего не придумываю, и дѣло остается нормальнымъ.

Поцѣлуй руки мнѣ не нравится, особенно тѣмъ, что онъ доставилъ мнѣ удовольствiе; не надо быть женщиной до такой степени. Поэтому обѣщаю быть холодной съ С.; но онъ такой славный, такой простой, что глупо было бы разыгрывать какую-нибудь комедiю; но стоитъ лучше обращаться съ нимъ, какъ съ Алексѣемъ Б.

Я это и дѣлаю. Дина, онъ и я сидѣли до одиннадцати часовъ. Дина слушала, а С. и я читали стихи и переводили на латинскiй языкъ. Я очень удивлена, что этотъ юноша такъ

силенъ въ латыни, по крайней мѣрѣ значительно сильнѣе меня; я многое забыла, а онъ отлично помнитъ всѣ пройденныя науки. Никогда я не думала, что онъ такъ образованъ. Знаете что? Я хотѣла бы сдѣлать себѣ изъ него друга... Нѣтъ, для этого онъ мнѣ недостаточно нравится, — лучше пусть онъ будетъ членомъ семьи, къ которому я равнодушна.

Суббота, 8 мая. Когда говорятъ тихо, я не слышу! Сегодня утромъ Тони спросилъ меня, видѣла ли я Перуджини, и я отвѣтила «нѣтъ», не разобравъ, что онъ сказалъ. Когда мнѣ потомъ сказали объ этомъ, я вывернулась, вывернулась плохо, говоря, что я дѣйствительно никогда не видала его и что лучше было прямо признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Понедѣльникъ, 10 мая. Мнѣ нравится идти наперекоръ моимъ склонностямъ. Я еще никогда этого не достигала; я даже не пробовала бороться; все ограничивается заранѣе принятымъ рѣшеніемъ, планомъ, которому никто никогда не слѣдуетъ. Все дѣлается подъ впечатлѣніемъ минуты, какъ понравится и какъ придется. О, дипломатія!.. можетъ быть это просто оттого, что мнѣ непріятно поступать противъ своего характера, и я ему подчиняюсь.

Воскресенье, 16 мая. Сегодня утромъ одна я ѣздила въ салонъ; тамъ были только тѣ, у кого есть билеты. Очень внимательно смотрѣла на **Жанну д'Аркъ** и особенно на **Милосердиаго Самарянина** Моро. Я сѣла съ лорнетомъ противъ Моро и изучала его. Эта картина доставила мнѣ наиболѣе полное удовольствіе въ жизни. Ничто въ ней не коробитъ, все просто, правдиво, хорошо; все натурально и ничѣмъ не напоминаетъ ужасной и условной академической красоты. Смотрѣть на картину — наслажденіе; даже голова осла хороша, пейзажъ, плащъ, копыта на ногахъ. Такъ удачно, такъ вѣрно, такъ хорошо.

А «Арлекинъ» Сенъ-Марсо!

Когда въ прошломъ году закрылся салонъ, я думала, что его почетная медаль вскружитъ мнѣ голову, произведенія же больше не было, чтобы успокоить меня. Черезъ полгода я была увѣрена, что преувеличила Сенъ-Марсо, но его «Арлекинъ» снова открылъ мнѣ глаза. Въ первый день я остановилась, какъ вкопанная, не понимая, чье бы это могло быть. Такая неблагодарная вещь — и такъ талантливо! Это болѣе чѣмъ талантливо. Это настоящій художникъ, оттого-то о немъ

и не говорятъ такъ много, какъ о другихъ... скульптурныхъ фабрикантахъ: они всѣ фабриканты передъ Сенъ-Марсо.

Вторникъ, 25 мая. Г-жа Г. пріѣзжала для своего портрета; потомъ я составила композицію.

Сюжетъ увлекаетъ меня: Марія Магдалина и другая Марія у могилы Христа. Только ничего условнаго, никакой святости; надо сдѣлать такъ, какъ думаешь, что это было; надо чувствовать то, что дѣлаешь.

Четвергъ, 27 мая. Какъ чудесно утромъ! Вниманіе, я начинаю...

Во-первыхъ, я привѣтствовала начинающійся день гармоническими звуками арфы, какъ это дѣлали жрецы Аполлона, а потомъ взялась за моихъ женъ передъ гробомъ Христовымъ.

Мнѣ очень хочется ѣхать въ Іерусалимъ и тамъ нарисовать эту картину съ тамошнихъ лицъ, на воздухѣ.

Вторникъ, 1 іюня. Знаете-ли, атеисты должны быть очень несчастны, когда чего-нибудь боятся; я же, когда чего-нибудь боюсь, тотчасъ призываю Бога, и всѣ мои сомнѣнія исчезаютъ изъ эгоизма. Это дурное чувство, но я и не стремлюсь украшать себя добродѣтелями, которыхъ у меня нѣтъ. Я нахожу, что уже слишкомъ самонадѣянно перечислять свои недостатки и низости.

Въ 1873 г. на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, во время самой сильной холеры, я была подъ защитой слѣдующихъ стиховъ изъ псалма XC, которые я привожу здѣсь:

«Крылами своими осѣнитъ тебя и подъ крылами Его укроешься, истина Его есть щитъ и огражденіе.

«Не убоишься ужасовъ ночи, стрѣлы, летящей днемъ.

«Язвы, ходящей во мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень.

«Близъ тебя падетъ тысяча, и тьма по правую руку твою, но тебя не коснется».

Вчера я думала объ этихъ божественныхъ строкахъ и перечла ихъ съ энтузіазмомъ; съ такимъ-же энтузіазмомъ, какъ въ дѣтствѣ; я не предвидѣла, что онѣ пригодятся мнѣ сегодня.

Сдѣлала свое завѣщаніе и положила въ конвертъ со слѣдующимъ адресомъ: Господину П. Башкирцеву. Въ Полтаву. Въ собственныя руки. Въ Россію.

С. остался. Сначала это была простая болтовня. Тетя

не покидала меня, она надоѣдала мнѣ, я сѣла за рояль, и онъ сказалъ мнѣ вещь, отъ которой я похолодѣла: его сестры женятъ его, но онъ не любитъ той, на которой женится.

— Тогда не женитесь, повѣрьте мнѣ, это безумiе.

Потомъ мы играли въ карты, въ дурачки, любимую игру русскихъ лакеевъ.

— Вы женитесь на m-me Б? — написала я ему на лежавшей тутъ же тетради.

— Нѣтъ, она еще старше, — отвѣчалъ онъ мнѣ такимъ-же способомъ.

Мы исписали шесть страницъ подобными фразами; ихъ было бы интересно сохранить.

Онъ меня любитъ, онъ меня обожаетъ, и всѣ фразы вертѣлись около этого жгучаго предмета.

Я запрещаю ему шутить; онъ отвѣчаетъ, что это я смѣюсь надъ нимъ. Тетя время отъ времени говоритъ, что я сумасшедшая, что мнѣ пора спать, а я ей отвѣчаю, что я больна и скоро умру.

Послѣ этой оригинальной корреспонденцiи я почти увѣрена, что онъ меня любитъ; сгодня вечеромъ его взгляды были очень многозначительны, равно какъ и пожатiя руки, подъ предлогомъ узнать, нѣтъ ли у меня лихорадки.

Въ концѣ концовъ это ни къ чему не ведетъ, но тѣмъ не менѣе я бы хотѣла удержать при себѣ этого мальчика, даже еще не зная, что я изъ него сдѣлаю. Я скажу ему, чтобы онъ попросилъ у мамы, этимъ будетъ выиграно время; мама ему откажетъ, еще отсрочка... а дальше я ничего не знаю. Это уже нѣчто, когда не знаешь, что будетъ дальше.

Понедѣльникъ, 14 iюня. Я перечла прошлое, къ которому отношусь съ восторгомъ.

Я помню, что когда входилъ К., то на меня находило какое-то помраченiе; я не могла бы опредѣлить ни его манеры держаться, ни моихъ впечатлѣнiй... Все мое существо стремилось къ нему, когда я протягивала ему руку. И потомъ я чувствовала себя ушедшей, улетѣвшей, освободившейся отъ моей тѣлесной оболочки. Я чувствовала у себя крылья и потомъ безконечный ужасъ, что часы идутъ слишкомъ быстро. И я ничего не понимала! Жаль, что характеръ этихъ записокъ не позволяетъ мнѣ выдѣлить наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, все смѣшивается. И потомъ, правду говоря, я немного притворялась, занимаясь всѣмъ на свѣтѣ, съ цѣлью пока-

зать, что существую и внѣ К. Но когда я хочу пережить вновь всѣ тѣ событія, я всегда бываю непріятно поражена, находя ихъ окруженными другимъ. Не такъ ли, неправда ли, бываетъ и въ жизни?

Между тѣмъ есть вещи, событія, люди, которыхъ хотѣлось бы выдѣлить и запереть въ драгоцѣнный ящичекъ золотымъ ключомъ.

— Когда вы почувствуете себя выше его, онъ не будетъ болѣе имѣть надъ вами власти, — говоритъ Жуліанъ.

Да развѣ не желаніе сдѣлать его портретъ заставило меня работать?

Пятница, 18 іюня. Работала цѣлый день. Моя модель такъ красива и такъ граціозна, что я со дня на день откладываю начинать писать; подготовка сдѣлана хорошо, и я боюсь испортить. Настоящее волненіе, когда приступаешь, но кажется, дѣло идетъ очень хорошо.

Вечеромъ былъ С. Я приписывала любви его разстроенный видъ, но оказалась еще другая причина: онъ долженъ ѣхать или въ Бухарестъ, или въ Лиль по дѣлу. Но кромѣ того и особенно — женитьба. А! Но онъ ее желаетъ. Я смѣюсь, говорю ему, что онъ тщеславенъ и дерзокъ, и объясняю ему, что у меня нѣтъ приданаго, потму что мое приданое пойдетъ на булавки, а мой мужъ долженъ дать мнѣ помѣщеніе, долженъ кормить, вывозить меня.

Бѣдняга, мнѣ все-таки жаль его.

Не думаю, чтобы онъ былъ въ восторгѣ отъ своего отъѣзда...

Онъ сто разъ цѣловалъ мои руки, умоляя меня думать о немъ.

— Вы будете иногда думать обо мнѣ, прошу васъ, скажите мнѣ, будете думать обо мнѣ?

— Когда будетъ время!

Но онъ такъ просилъ, что я принуждена была сказать, хотя вскользь — да. О! прощаніе было трагическое, съ его стороны по крайней мѣрѣ. Мы были около дверей залы, и, чтобы у него осталось хорошее воспоминаніе, я дала ему серьезно поцѣловать мою руку; потомъ мы также серьезно пожали другъ другу руки.

Я промечтала добрую минуту. Мнѣ будетъ недоставать этого мальчика. Онъ будетъ мнѣ писать.

Вы знаете, что уже нѣсколько дней Парижъ сходитъ съ

ума отъ маленькихъ свинокъ. Онѣ дѣлаются изъ золота, изъ эмали, изъ камней, изо всего на свѣтѣ. Я два дня носила мѣдную. Въ мастерской думаютъ, что благодаря ей я нарисовала такъ хорошо. И вотъ, бѣдный Казиміръ увезъ въ воспоминаніе обо мнѣ маленькую свинку.

Мнѣ очень хочется дать ему евангеліе отъ Матѳея съ такой надписью: «Это лучшая книга, которая соотвѣтствуетъ всѣмъ расположеніямъ души. Не надо быть сентиментальнымъ или святошей, чтобы найти въ ней успокоеніе и утѣшеніе. Берегите ее какъ талисманъ и читайте изъ нея каждый вечеръ по страницѣ въ воспоминаніе обо мнѣ, которая быть можетъ причинила вамъ горе, и вы поймете, почему это лучшая книга въ мірѣ». Но заслуживаетъ ли онъ этого? И не лучше ли ограничиться свинкой. Къ тому же онъ не пойметъ Матѳея.

Воскресенье, 27 іюня. Утромъ занималась лѣпкой. Нахожусь въ самомъ удрученномъ настроеніи, но надо казаться веселой, и отъ этой скрытой тоски я глупѣю. Я не знаю, что говорить, смѣюсь черезъ силу, выслушиваю пошлости, удерживаю слезы.

О, тоска, тоска!

Внѣ моего искусства, за которое я взялась изъ честолюбія и каприза, которое я продолжала изъ тщеславія и которое теперь обожаю, внѣ этой страсти — ибо это страсть — у меня или нѣтъ ничего или самое ужасное существованіе! Ахъ, какое мученіе! И вѣдь есть же счастливые люди! Счастливые— это слишкомъ; я бы удовлетворилась сноснымъ существованіемъ; съ тѣмъ, что я имѣю, это было бы счастьемъ.

Среда, 30 іюня. Вмѣсто того, чтобы рисовать, я беру миссъ Г., и мы ѣдемъ на Севрскую улицу и проводимъ около часу противъ дома іезуитовъ. Но уже было девять часовъ, и мы видѣли только слѣды безпорядка.

Я нахожу это разсѣяніе глупымъ. Вліяніе іезуитовъ значительно увеличится; если ненавидишь ихъ ученіе, то надо иначе браться за дѣло... и такъ трудно взяться за него, что лучше уже не трогать.

Тутъ можно было бы примѣнить только слѣдующее: дать іезуитамъ всевозможныя гарантіи, сдѣлать всевозможныя уступки, дать имъ землю построить дома, создать имъ городъ и когда они всѣ туда соберутся, взорвать ихъ.

Я не такъ ненавижу іезуитовъ, какъ боюсь ихъ, ибо не знаю, что они представляютъ изъ себя въ дѣйствительности.

Да развѣ знаетъ кто-нибудь, что такое они въ **дѣйствительности?**

Нѣтъ! Но трудно сдѣлать что-нибудь глупѣе и безполезнѣе этого возмущенія. Какъ допустилъ это Гамбетта? Одну минуту я думала, что онъ додпустилъ это, чтобы потомъ побѣдоносно вмѣшаться въ дѣло.

Пятница, 16 іюля. Жуліанъ находитъ, что мой рисунокъ очень, очень хорошъ, и А. принуждена сказать, что это недурно, потому что Жуліанъ строже, чѣмъ Тони.

Я съ ума схожу отъ похвалъ Тони.

Завтра мы уѣзжаемъ, и я испытываю всѣ мелкія непріятности кануна отъѣзда, укладки и т. п.

Хорошо, что я уѣзжаю, а то дѣло въ мастерской пошло бы хуже. Теперь я въ ней безспорный начальникъ. Я даю совѣты, я забавляю, моими произведеніями восхищаются; я кокетничаю тѣмъ, что я добра, мила, предупредительна, заставляю любить себя, сама люблю своихъ подругъ и утѣшаю ихъ фруктами и мороженымъ.

Однажды, когда я вышла, всѣ тотчасъ же начали хвалить меня. Мари Д., разсказывая это, не могла придти въ себя отъ удивленія, а Маделена, — вы вѣдь знаете, какъ она рисуетъ — хочетъ начать писать и стать подъ мое покровительство для полученія совѣтовъ. Правда, я преподаю прекрасно; я была бы очень довольна, если бы рисовала такъ же, какъ преподаю. Вообще всегда бываетъ такъ съ превосходнымъ профессоромъ. Жуліанъ очень жалѣетъ, что я не могу продолжать этой головы, которая «годилась бы для выставки». Это характерно, естественно, сильно, живо.

У малютки преоригинальная головка: очень большіе глаза съ огромными рѣсницами, огромныя, немного удивленныя, брови, вздернутый носикъ, хорошенькій ротъ, цвѣтъ лица очаровательный; она молода, но въ ней есть что-то отцвѣтшее, однако это не дѣлаетъ ее несимпатичной. Золотистые волосы, кажется, подкрашены, но прелестно падаютъ въ видѣ львиной гривы, выдѣляясь на темно-зеленомъ фонѣ.

Суббота, 17 іюля. Мнѣ хотѣлось бы ѣхать въ деревню, въ настоящую деревню, гдѣ нѣтъ никого; но и этого мало. Истиннымъ счастьемъ была бы возможность удаляться время отъ времени въ необитаемую страну, на острова, гдѣ растутъ большія неизвѣстныя деревья, къ Поль и Виржини. Совсѣмъ одной встрѣчать восходъ солнца, наслаждаться ночью

въ абсолютной тишинѣ. Хочется въ дикую страну, гдѣ деревья громадны, небо чисто, горы золотятся солнцемъ... воздухъ, о которомъ даже нелья имѣть понятія, воздухъ, который самъ по себѣ уже есть наслажденіе, непохожій на тотъ смрадъ, которымъ дышатъ здѣсь... Но для такого существованія нужны деньги, а я, въ этомъ полномъ уединеніи, не хотѣла бы видѣть даже любимаго человѣка.

Монъ-Доръ. Вторникъ, 20 іюля. Въ четыре часа В. пріѣхалъ проститься со мною еще разъ, и мы уѣхали. Въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра, пріѣхали въ Клермонъ; въ три часа въ Монъ-Доръ. Отъ Клермона до Монъ-Дора шесть часовъ ѣзды на лошадяхъ, что я, впрочемъ, предпочитаю желѣзной дорогѣ.

Только сегодня я нѣсколько освоилась; особенно потому, что я нашла интересныя вещи для живописи.

Среда, 21 іюля. Начала свое лѣченіе. За мною является закрытыя носилки. Надѣвается костюмъ изъ бѣлой фланели и плащъ съ капюшономъ.

Затѣмъ слѣдуетъ ванна, души, воды, вдыханье. Я подчиняюсь всему; я лѣчусь въ послѣдній разъ и то потому только, что боюсь оглохнуть. Моя глухота гораздо меньше, почти совсѣмъ прошла.

Четвергъ, 22 іюля. У меня такая же шляпа, какъ у здѣшнихъ крестьянъ; она мнѣ очень идетъ: я въ ней похожа на голову Грёза. Я телеграфировала и мнѣ прислали батистовыхъ платьевъ, а тутъ вдругъ стало холодно. Я начинаю обращать вниманіе на пейзажъ; до сегодняшняго вечера я была раздражена дурною пищей, раздражена, потому что ѣда занятіе недостойное, отъ котораго нельзя зависѣть.

Пятница, 23 іюля. Кто возвратитъ мнѣ мою молодость, растраченную, разбитую, потерянную? Мнѣ еще нѣтъ двадцати лѣтъ, а между тѣмъ недавно я нашла у себя три сѣдыхъ волоса; я горжусь ими; это видимое доказательство, что я не преувеличиваю. Если бы не мое дѣтское лицо, я казалась бы старухой. Развѣ въ мои года это естественно?

Нѣтъ! Знаете ли, такая буря поднимается въ глубинѣ души, что лучше покончить со всѣмъ этимъ сразу, сказавъ себѣ, что всегда есть возможность разбить голову прежде, чѣмъ меня начнутъ жалѣть.

У меня былъ замѣчательный голосъ: это былъ Божій

даръ, я его потеряла. Пѣніе для женщины то же, что краснорѣчіе для мужчины: это безграничная сила.

Теперь мнѣ лучше на нѣсколько дней, во время которыхъ огорченія будутъ накопляться, накопляться, накопляться, затѣмъ снова взрывъ, потомъ упадокъ... и такъ всегда?

Суббота, 31 іюля. Вчера начала мою картину. Это очень простая вещь по обстановкѣ. Двое дѣтей сидятъ подъ прекрасными деревьями, стволы которыхъ поросли мхомъ; вверху картины есть просвѣтъ, и черезъ него видна свѣтло-зеленая мѣстность. Мальчикъ, лѣтъ десяти, сидитъ en-face съ учебною книгою въ лѣвой рукѣ, глаза устремлены въ пространство. Дѣвочка, лѣтъ шести, одной рукой тянетъ его за плечо, а въ другой держитъ грушу. Ея головка въ профиль и видно, что она зоветъ его. Дѣти видны только до колѣнъ, такъ какъ все сдѣлано въ натуральную величину.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа я читала Индіану Жоржъ-Занда. И увѣряю васъ, что это не интересно. Прочтя только «Petite Fadete», два или три другихъ романа и Индіану, быть можетъ, я не должна была бы выводить заключенія... Но до сихъ поръ мнѣ не нравится ея талантъ.

Между тѣмъ, что-нибудь заставило же ставить ее такъ высоко... Но мнѣ это не нравится.

Это то же самое, что Святыя дѣвы Рафаэля; то, что я видѣла въ Луврѣ, мнѣ не нравится. Я видѣла Италію прежде, чѣмъ могла судить, и послѣ того, какъ я видѣла, мнѣ все-таки не нравится. Это ни небесное, ни земное, а какъ-то условно и картонно.

Думала кататься верхомъ... но у меня нѣтъ никакихъ желаній, и когда я провожу цѣлый день безъ работы, то у меня являются страшныя угрызенія совѣсти. Есть дни, когда я ничего не могу дѣлать; тогда я говорю себѣ, что если бы я хотѣла, то могла бы, и тогда начинаются ссоры съ самой собой, и все кончается проклятіемъ всему, рѣшеніемъ, что не стоитъ жить, и я начинаю курить и читать романы.

Вторникъ, 17 августа. Моя картина на открытомъ воздухѣ брошена, такъ какъ дурная погода. Я дѣлаю другую. Сцена происходитъ у столяра: налѣво женщина примѣряетъ мальчику, лѣтъ десяти, костюмъ enfant de choeur; маленькая дѣвочка, сидя на старомъ сундукѣ, изумленно смотритъ на брата; въ глубинѣ, около печки, бабушка, сложивъ руки и улыбаясь, смотритъ на мальчика. Отецъ, сидя у станка, чи-

таетъ и искоса посматриваетъ на красную одежду и бѣлый стихарь. Фонъ очень сложный: печка, старыя бутылки, инструменты, масса деталей, которыя, конечно, можно сдѣлать наскоро.

У меня нѣтъ времени кончить, но я рисую эту картину, чтобы освоиться съ подобными вещами. Люди во весь ростъ, полы, другія подробности ужасали меня, и я только съ отчаянія взялась бы писать картину внутренности дома. Теперь мнѣ это уже знакомо, не потому, что я могу сдѣлать хорошо, но потому, что я больше не боюсь, — вотъ и все.

У меня никогда недоставало настойчивости довести произведеніе до конца. Происходятъ событія, у меня являются идеи, я набрасываю свои мысли, а на слѣдующій день нахожу въ журналѣ статью, похожую на мою и дѣлающую мою ненужной; такимъ образомъ я никогда не кончаю, даже не привожу въ должное состояніе. Настойчивость въ искусствѣ показываетъ мнѣ, что нужно извѣстное усиліе, чтобы побѣдить первыя трудности; **только первый шагъ труденъ.** Никогда еще эта пословица не поражала меня своей правдивостью такъ, какъ сегодня.

И потомъ также и особенно важенъ вопросъ, въ какой находишься средѣ. Моя среда можетъ быть опредѣлена, несмотря на всевозможныя стремленія къ лучшему, какъ среда оскотинивающая.

Члены моей семьи по бо́льшей части люди необразованные и ординарные. Потомъ m-me Г., по преимуществу свѣтская женщина. И потомъ свѣтъ, т. е. приходящіе въ гости; разговариваютъ мало, а тѣхъ, кто бываетъ чаще, вы знаете: М... и т. п. безцвѣтные молодые люди. Поэтому увѣряю васъ, что если бы я не оставалась такъ часто сама съ собой и съ книгами, то была бы еще менѣе интеллигентна, чѣмъ теперь. Кажется, что я бью стекла, а подчасъ никому не можетъ быть труднѣе проявить себя. Часто я становлюсь глупа, слова толпятся на языкѣ, а говорить не могу. Я слушаю, улыбаюсь какъ-то неопредѣленно. и это все.

Четвергъ, 19 августа. Сегодня утромъ я никуда не годна; глаза и голова утомлены. И сказать, что я уѣзжаю только въ субботу! Сегодня я не успѣю; завтра пятница; если же я поѣду въ пятницу, то буду думать, чтовсѣ непріятности, которыя предстоятъ мнѣ, происходятъ именно отъ этого.

Парижъ. Воскресенье, 22 августа. 8 часовъ. Какимъ красивымъ и удобнымъ кажется мнѣ мой рабочій кабинетъ!

Прочитала всѣ еженедѣльные иллюстрированные журналы и другія брошюры... теперь все попрежнему, какъ будто бы я не уѣзжала.

Два часа пополудни. Утѣшаюсь мыслью, что мои огорченія по своимъ размѣрамъ равняются огорченіямъ всѣхъ другихъ художниковъ: вѣдь мнѣ же не приходится выносить бѣдность и тиранію родителей, а на это всегда вѣдь жалуются художники. Выйти изъ моего положенія я могу не талантомъ, а созданіемъ чего-нибудь... геніальнаго; но такія созданія и у геніевъ являются не черезъ три года ученія, особенно теперь, когда столько талантовъ. У меня хорошія намѣренія, и вдругъ я дѣлаю такія глупости, какъ во снѣ.... Я презираю себя и ненавижу, какъ презираю и ненавижу всѣхъ другихъ, въ томъ числѣ и моихъ... Вотъ такъ семейка!.. Подумайте, тетя употребляетъ сотни маленькихъ хитростей, чтобы усадить меня въ вагонѣ съ той стороны, гдѣ окно не открывается: я согласилась, не желая бороться, но съ условіемъ, что другое окно будетъ открыто; но только-что я задремала, какъ она уже закрыла его. Я проснулась и сказала, что выбью стекла каблуками, но въ это время мы уже пріѣхали. А здѣсь за завтраками страдальческіе взгляды, драматически сдвинутыя брови все изъ-за того, что я не ѣмъ. Очевидно, эти люди меня любятъ... но мнѣ кажется, однако, что слѣдовало бы лучше понимать, если любишь!..

Искреннее негодованіе дѣлаетъ человѣка краснорѣчивымъ. Мужчина, негодующій или воображающій, что онъ негодуетъ на толпу, входитъ на трибуну и составляетъ себѣ извѣстность. Женщина не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакой трибуны; кромѣ того ее осаждаютъ отецъ, свекръ, мать, свекровь, всѣ тому подобные, которые изводятъ ее цѣлый день: она негодуетъ, она краснорѣчива передъ своимъ ночнымъ столикомъ; въ результатѣ — нуль.

И потомъ... мама всегда говоритъ о Богѣ: если Богъ захочетъ, съ Божьей помощью. Бога призываютъ такъ часто только для того, чтобы избавиться отъ разныхъ мелкихъ обязанностей.

Это не вѣра, даже не набожность: это какая-то манія, слабость, подлость лѣнивыхъ, неспособныхъ, безпечныхъ! Что можетъ быть грубѣе, какъ прикрывать всѣ свои слабости

именемъ Бога? Это грубо; это даже болѣе, это преступно, если дѣйствительно вѣришь въ Бога. Если чему-либо суждено быть, то это будетъ, — говоритъ она,—чтобы избѣжать труда двинуться съ мѣста... и упрековъ совѣсти.

Если бы все было предрѣшено, Богъ былъ бы что-то въ родѣ конституціоннаго президента, а наши желанія, пороки, добродѣтели были бы синекурами.

Четвергъ, 2 сентября. «Онъ читалъ очень много, онъ давалъ себѣ то глубокое и серьезное образованіе, которое можно получить только самому и которому предаются всѣ талантливые люди между двадцатью и тридцатью годами». Фраза эта, взятая изъ Бальзака, лестна для меня.

Но вотъ что: я наняла садъ въ Пасси, чтобы дѣлать этюды на воздухѣ. Я начала съ Ирмы, которую дѣлаю нагою, стоящею подъ деревомъ, въ натуральную величину.

Пока еще довольно тепло, но надо торопиться. Вотъ такъ проходитъ жизнь. Но я люблю и это; не знаю почему, у меня явилась какая-то боязнь чего-то; мнѣ кажется, что со мною случится что-нибудь непріятное, что-нибудь... Наконецъ, запершись одна, предавшись работѣ, я буду считать себя застрахованной; но люди такъ скверны, такъ злы, что станутъ искать васъ въ вашемъ углу, чтобы дѣлать вамъ непріятности.

Но что же можетъ случиться? Я не знаю: что-нибудь да выдумаютъ или ложно истолкуютъ; мнѣ передадутъ, и это будетъ мнѣ очень непріятно...

Или случится какая-нибудь гадость... не серьезная, но печальная, унизительная, словомъ, въ моемъ жанрѣ. Все это отдаляетъ отъ меня Біаррицъ.

— Поѣзжайте-же туда, — говорила мнѣ m-me Г., — вамъ слѣдуетъ туда ѣхать, я поговорю объ этомъ съ вашей мамой или съ вашей тетей... Наконецъ, если вы поѣдете въ Біаррицъ, тамъ очень элегантно, вы увидите общество.

Чтобы ко мнѣ не приставали, мнѣ очень хочется остаться въ моемъ саду въ Пасси.

Вторникъ, 7 сентября. Дождь... передо мною проходятъ всѣ самые непріятные случаи моей жизни, и есть вещи, уже давно прошедшія, тѣмъ не менѣе заставляющія меня подпрыгивать и сжимать руки, какъ отъ испытываемой въ данный моментъ физической боли.

Для того, чтобы мнѣ стало лучше, надо было бы перемѣнить все, что меня окружаетъ... Мои домашніе мнѣ непріят-

ны; я заранѣе знаю, что скажетъ мама или тетя, что онѣ сдѣлаютъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, какъ онѣ будутъ держать себя въ гостиной, на прогулкѣ, на водахъ, и все это меня ужасно раздражаетъ... точно рѣжутъ стекло.

Надо было бы измѣнить все окружающее и потомъ, успокоившись, я бы стала ихъ любить, какъ должно. Между тѣмъ онѣ допускаютъ, чтобы я погибала отъ скуки, а если я откажусь отъ какого-нибудь кушанья, сейчасъ испуганныя лица... или пускаются на тысячи уловокъ, чтобы не подавать къ обѣду мороженаго, такъ какъ это можетъ повредить мнѣ. Или, подкрадываясь, какъ воры, запираютъ открытыя мною окна. Тысячи пустяковъ, которые раздражаютъ; но изъ-за всего этого мнѣ страшно надоѣла жизнь дома. Меня безпокоитъ то, что я ржавѣю въ этомъ одиночествѣ; всѣ эти мрачныя минуты затемняютъ способности и заставляютъ уходить въ себя. Я боюсь, чтобы эти темныя тучи не оставили навсегда слѣдъ на моемъ характерѣ, не сдѣлали бы меня непріятной, кислой, сумрачной; я не имѣю никакого желанія быть такой, но я постоянно сержусь и молчу.

Говорятъ, что я прекрасно держу себя; это говорили Аделинѣ старые бонапартисты... Нѣтъ, — знаете, надо мною всегда будетъ тяготѣть какая-то неловкость.

Я всегда боюсь быть осмѣянной, униженной, пятой спицей въ колесницѣ... и это должно оставлять слѣдъ, что бы тамъ ни говорили... Нѣтъ, право, моя семья сама не знаетъ, что сдѣлала со мной. Моя грусть пугаетъ меня только потому, что я боюсь навсегда потерять блестящія качества, необходимыя для женщины...

Къ чему жить? Что я здѣсь дѣлаю? Что у меня есть? Ни славы, ни счастья, ни даже мира!..

Пятница, 10 сентября. Сильное потрясеніе для тети. Докторъ Фовель, выслушавшій меня недѣлю тому назадъ и ничего не нашедшій, выслушивалъ меня сегодня и нашелъ, что бронхи затронуты; онъ принялъ серьезный, дѣланный видъ, немного сконфуженный тѣмъ, что не предугадалъ серьезности болѣзни; затѣмъ сдѣлалъ предписанія, какъ чахоточнымъ: рыбій жиръ, смазываніе іодомъ, теплое молоко, фланель и т. д., и т. д., и наконецъ совѣтовалъ повидать докторовъ Се или Потена, или еще лучше собрать ихъ у него для консультаціи. Вы представляете себѣ лицо тети. Меня это забавляетъ. Я давно уже подозрѣвала что-нибудь въ этомъ ро-

дѣ, такъ какъ кашляла всю зиму, да и теперь кашляю и задыхаюсь. Да, наконецъ, удивительно бы было, если бы у меня ничего не было; я была бы довольна, если бы это было серьезно и повело бы къ концу. Тетя въ ужасѣ, я торжествую. Смерть меня не пугаетъ; я не осмѣлилась бы убить себя, но я хотѣла бы покончить со всѣмъ этимъ... Знаете ли... я не надѣну фланель и не стану пачкать себя іодомъ. Я не стремлюсь выздоровѣть. И безъ того будетъ достаточно и жизни, и здоровья для того, что мнѣ нужно сдѣлать.

Пятница, 17 сентября. Вчера я вернулась отъ доктора, къ которому ѣздила изъ-за ушей. И онъ признался мнѣ, что не ожидалъ, что это такъ серьезно, что я никогда уже не буду слышать такъ хорошо, какъ прежде. Я была поражена, какъ громомъ. Это ужасно. Я не вполнѣ глуха, но я слышу, какъ иногда видятъ, точно черезъ вуаль. Такъ, я не слышу тиканья моего будильника, и быть можетъ никогда болѣе не услышу его иначе, какъ приложивъ къ самому уху. Это дѣйствительно несчастье. Иногда въ разговорѣ многое ускользаетъ отъ меня... Впрочемъ, возблагодаримъ небо за то, что пока еще не ослѣпли и не онѣмѣли.

Я пишу совсѣмъ согнувшись, если же выпрямляюсь, то чувствую жестокую боль; это у меня всегда бываетъ отъ слезъ. Я много плакала съ сегодняшняго утра.

Вторникъ, 28 сентября. Хорошій денекъ, начатый еще ночью. Мнѣ снился **«онъ»**. Я мечтала **«о немъ»**. Онъ былъ некрасивый и больной, но это ничего. Я понимаю теперь, что любятъ не за красоту. Мы болтали какъ друзья, какъ когда-то прежде; какъ будемъ болтать еще, если снова найдемъ другъ друга! Я просила только объ одномъ, чтобы наша дружба осталась въ такихъ границахъ, чтобы она могла продолжаться....

Это же было моею мечтою и наяву. Никогда еще не была я такъ счастлива, какъ сегодня ночью.

А... пріѣхалъ къ завтраку. Цѣлый потокъ комплиментовъ; я и то, и это, и этой зимою около меня составится кругъ избранныхъ; онъ привезетъ мнѣ знаменитостей, всѣхъ, представляющихъ изъ себя **«что-нибудь»**, и т. д., и т. д. Мнѣ этого не было нужно, я даже проснулась со смѣхомъ.

Дюма-сынъ говоритъ, что молодыя дѣвушки не любятъ, а только **отдаютъ предпочтеніе**, потому что онѣ не знаютъ,

что такое **любовь.** Такъ куда же, чортъ возьми, дѣваетъ любовь господинъ Дюма?

И при томъ всегда знаютъ почти достаточно, чтобы понимать... То, что Дюма называетъ **любовью,** есть только слѣдствіе и естественное дополненіе любви, а совсѣмъ не нѣчто отдѣльное, обособленное и полное, по крайней мѣрѣ для людей хотя до нѣкоторой степени чистыхъ.

— «Часто необходимое слѣдствіе, безъ котораго невозможна любовь», — говоритъ тотъ же Дюма; онъ также называетъ это «послѣднимъ выраженіемъ любви». Съ этимъ я согласна, но сказать, что дѣвушка не можетъ любить, — это безуміе. **Я ничего этого не знаю,** а между тѣмъ я чувствую, что есть что-то отталкивающее въ соединеніи съ непріятнымъ человѣкомъ и что въ этомъ — дѣйствительно «послѣднее выраженіе любви», когда любишь.

Иногда въ голову приходятъ безумныя мысли, но онѣ понятны, когда человѣкъ не производитъ на васъ отталкивающаго впечатлѣнія, и не имѣютъ ничего общаго съ любовью. Для меня было бы ужасно поцѣловать въ губы человѣка, къ которому я отношусь безразлично; мнѣ кажется, я бы никогда не могла сдѣлать этого.

Но когда любишь! О, это... совершенно не то. Итакъ, сегодня ночью во снѣ я любила, и то же случилось со мной, когда проснулась. И право это такъ чисто, такъ нѣжно, такъ прекрасно. Любовь чувство великое и чистое, и все въ немъ невинно.

Любовь у Дюма существуетъ не сама по себѣ, но только какъ слѣдствіе испытываемаго чувства, только какъ средство любить еще больше и лучше то, что любишь.

Среда, 29 сентября. Со вчерашняго дня я такая бѣленькая, свѣжая и красивая, что сама удивляюсь. Глаза оживленные и блестящіе; даже контуръ лица кажется красивѣе и тоньше. Жаль только, что все это въ такое время, когда я никого не вижу. Глупо говорить объ этомъ, но я съ полчаса съ удовольствіемъ провела передъ зеркаломъ, глядя на себя; этого со мной не случалось уже нѣсколько времени.

Воскресенье, 3 октября. Я въ отчаяніи.

Нѣтъ, ничего не подѣлаешь. Вотъ уже четыре года я лѣчусь у самыхъ знаменитыхъ докторовъ отъ воспаленія гортани и мнѣ все хуже и хуже.

Четыре дня уши были въ порядкѣ, я слышала хорошо; теперь все начинается сызнова.

И вотъ увидите, что я буду пророкомъ.

Я умру, но не сейчасъ. Сейчасъ, это положило бы конецъ всему, и это было бы слишкомъ хорошо.

Я буду влачить свое существованіе съ постоянными насморками, кашлями, лихорадками и всѣмъ прочимъ...

Понедѣльникъ, 4 октября. Я просила нотъ для мандолины у моего неаполитанскаго профессора; и вотъ его отвѣтъ.

Я сожалѣю это письмо за его итальянскій стиль, хотя оно и отъ простого смертнаго. Признаюсь, я очень люблю цвѣтистый языкъ.

Но стиль этотъ надо предоставить итальянцамъ, у другихъ онъ смѣшонъ. О, Боже! когда же мнѣ можно будетъ ѣхать въ Италію?

Какъ все безцвѣтно послѣ Италіи! Никто и ничто такъ меня не волновало, какъ воспоминаніе объ Италіи.

Почему же я не ѣду туда теперь же? А живопись? Развѣ я достаточно сильна, чтобы не заблудиться безъ руководителей? Я не знаю.

Нѣтъ. Я останусь эту зиму въ Парижѣ; въ Италіи я проведу масляницу; зиму 1881 и 1882 буду въ Петербургѣ. Если я не найду въ Петербургѣ богатаго мужа, я вернусь или въ Парижъ, или въ Италію отъ 1882 до 1883. Тогда я выйду за человѣка съ титуломъ, съ 15,000 и 20,000 франковъ годового дохода, который съ удовольствіемъ возьметъ меня съ моими доходами.

Развѣ это не благоразумно дать себѣ три года для поисковъ прежде чѣмъ сдаться на капитуляцію?

Вторникъ, 5 октября. Покориться, вѣрнѣе собраться съ духомъ, вникнуть въ самую сущность самого себя и спросить не безразлично ли все это. Не все ли равно жить такъ или иначе? Побѣдить всѣ свои чувства, вмѣстѣ съ Эпиктетомъ сказать, что человѣкъ властенъ принять злое за доброе или вѣрнѣе равнодушно относиться ко всему происходящему вокругъ. Надо ужасно страдать, чтобы умереть такого рода смертью.

Но въ сущности разъ усвоилъ себѣ это, можно по крайней мѣрѣ быть спокойной... это не мечта, **это дѣло возможное.** Но зачѣмъ тогда жить? — скажете вы. Да потому, что вы родились. Только вполнѣ понявъ, что настоящая жизнь есть

источникъ безконечныхъ несчастій, можно принять другую жизнь, т. е. спрятаться во второго рода жизни отъ первой.

Достигнувъ извѣстной стопени физическихъ страданій, теряютъ сознаніе или впадаютъ въ экстазъ, то же самое при страданіяхъ душевныхъ, когда они достигаютъ извѣстной степени; начинаютъ парить мысленно надъ облаками и удивляются тому, что страдали, все презираютъ и идутъ, высоко поднявъ голову, какъ мученики.

Не все ли равно, проведу ли я остающіяся пятьдесятъ лѣть жизни въ темницѣ или во дворцѣ, среди людей или въ одиночествѣ! Конецъ будетъ тотъ же самый. Чувства, заключенныя между началомъ и концомъ и не оставляющія никакого слѣда — вѣдь вотъ что занимаетъ. Какое намъ дѣло до вещей, которыя не продолжительны и не оставляютъ и слѣдовъ! Я могу употребить мою жизнь съ пользою, у меня будетъ талантъ; быть можетъ это оставляетъ слѣды... послѣ смерти.

Суббота, 9 октября. Я не работала эту недѣлю, а отъ бездѣйствія я глупѣю. Берегла свое путешествіе въ Россію, и оно меня очень заинтересовало. Въ Россіи я прочла по частямъ «*Mademoiselle de Maupin*», и такъ какъ это мнѣ понравилось, я перечла эту вещь. Вѣдь Теофиль Готье признанъ громаднымъ талантомъ, а «*Mademoiselle de Maupin* » считается образцовымъ произведеніемъ, особенно же предисловіе. Ну вотъ я и прочла его сегодня. Предисловіе очень хорошо, очень правдиво; но сама книга?.. Несмотря на всю ея рѣзкость, книга не занимательна, нѣкоторыя страницы просто скучны. Кричатъ: а языкъ, а стиль? и т. д. Э, полноте! ну да, это написано хорошимъ французскимъ языкомъ, человѣкомъ, хорошо знающимъ свое дѣло, но это нельзя назвать симпатичнымъ талантомъ. Потомъ, быть можетъ, я и пойму, почему это образцовое произведеніе; мнѣ бы очень хотѣлось понять теперь, что это хорошо, но, по моему, это антипатично и скучно.

Это какъ Жоржъ-Зандъ... вотъ еще писатель, которому я не симпатизирую. У Жоржъ-Занда нѣтъ даже этой силы, и той грубости, какъ у Готье, которыя внушаютъ уваженіе, если не расположеніе къ нему. Жоржъ-Зандъ... словомъ, хорошо. Я предпочитаю изъ современныхъ писателей Додэ; онъ пишетъ романы, но пересыпанные вѣрными замѣчаніями, вещи **правдивыя** и прочувствованныя. Это сама жизнь.

Что касается Зола, то мы съ нимъ въ холодныхъ отношеніяхъ; онъ въ **Фигаро** началъ нападать на Ранка и другихъ республиканцевъ въ очень дурномъ тонѣ, и не соотвѣтствующемъ ни его большому таланту, ни его литературному положенію.

Но что же видятъ въ Жоржъ-Зандъ? Красиво написанный романъ? Ну, а потомъ? Для меня ея романы скучны. Между тѣмъ, какъ Бальзакъ, оба Дюма, Зола, Додэ, Мюссе не надоѣдаютъ мнѣ никогда. Викторъ Гюго въ своей самой безумно-романической прозѣ никогда не кажется утомительнымъ. Чувствуется геній, но Жоржъ-Зандъ! Какъ возможно читать триста страницъ, наполненныхъ жестами и поступками Валентины и Бенедикта, которыхъ сопровождаютъ дядя-садовникъ и еще Богъ вѣсть кто?

Графиня, влюбленная въ своего лакея и... разсужденія по этому поводу! Вотъ талантъ Жоржъ-Занда. Конечно, это очень красивые романы, съ красивыми описаніями деревни... Но мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь больше... Я не умѣю выражаться... Вотъ чего бы никогда не слѣдовало думать; а я всегда думаю, что обращаюсь къ существамъ выше меня, передъ которыми я боюсь сказать что-нибудь претенціозное, между тѣмъ какъ вообще вездѣ однѣ только посредственности, которыя ниже тебя и которыя никогда не сумѣютъ оцѣнить скромности или признанія въ какой-нибудь слабости.

Теперь читаю **Валентину**, и это чтеніе меня раздражаетъ, потому что эта книга заинтересовала меня настолько, что я хочу дочитать ее и въ то же время я чувствую, что у меня отъ нея ничего не останется, можетъ быть только неопредѣленное непріятное впечатлѣніе; мнѣ кажется, что такое чтеніе ниже меня, я возмущаюсь и въ то же время продолжаю, ибо, чтобы я бросила ее, надо было бы быть такой же несносной, какъ **«Послѣдняя Любовь»** того же автора. Однако **«Валентина»** лучше изъ того, что я читала изъ произведеній Жоржъ-Занда. **Миркиза де Вильмеръ** тоже хорошо: помнится, тамъ нѣтъ конюха, влюбленнаго въ графиню.

Воскресенье, 10 октября. Утро провела въ Луврѣ и совсѣмъ подавлена впечатлѣніемъ; до сихъ поръ я не понимала такъ, какъ сегодня утромъ. Я смотрѣла и не видѣла. Это точно откровеніе. Прежде я смотрѣла, вѣжливо восхищалась, какъ огромное большинство людей. А если видишь и чувствуешь искусство такъ, какъ я, то значитъ обладаешь не совсѣмъ

обыденной душой. Чувствовать, что это прекрасно, и понимать, **почему** это прекрасно, вотъ это большое счастье.

Суббота, 16 октября. Среди разныхъ другихъ хорошихъ вещей, Тони сказалъ: «Въ общемъ я очень доволенъ, дѣло идетъ хорошо». — Слѣдуетъ урокъ. Я очень довольна; каждую субботу я боюсь! А потомъ радуюсь!..

Это единственная вещь, къ которой я отношусь серьезно.

Вторникъ, 19 октября. Увы! все это кончится черезъ нѣсколько лѣтъ медленной и томительной смертью.

Я отчасти предчувствовала, что это такъ кончится. Нельзя жить съ такой головой, какъ у меня, я похожа на слишкомъ умныхъ дѣтей.

Для моего счастья надо было слишкомъ много, а обстоятельства сложились такъ, что я лишена всего, кромѣ физическаго благосостоянія.

Когда года два — три, даже шесть мѣсяцевъ тому назадъ я пошла къ новому доктору, чтобы вернуть свой голосъ, онъ спрашивалъ меня, не замѣчала ли я тѣхъ или другихъ симптомовъ, и такъ какъ я отвѣчала «нѣтъ», онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Ничего нѣтъ ни въ бронхахъ, ни въ легкихъ, это просто воспаленіе гортани. — Теперь я начинаю чувствовать все то, что докторъ предвидѣлъ. Значитъ, бронхи и легкія поражены. О, это еще ничего, или почти что ничего. Фовель прописалъ іодъ и мушку; конечно я стала испускать крики ужаса, я предпочитаю сломать руку, чѣмъ допустить горчичникъ. Три года тому назадъ въ Германіи одинъ докторъ на водахъ нашелъ у меня что-то въ правомъ легкомъ. Я очень смѣялась. Потомъ еще въ Ниццѣ, пять лѣтъ тому назадъ, я чувствовала какъ будто боль въ этомъ мѣстѣ; я была убѣждена, что это растетъ горбъ, потому что у меня были двѣ горбатыя тетки, сестры отца; и вотъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на вопросъ, не чувствую ли я тамъ какой-нибудь боли, я отвѣчала «нѣтъ». Теперь же, если я кашляю или только глубоко вздыхаю, я чувствую это мѣсто направо въ спинѣ. Все, что заставляетъ меня думать, что можетъ быть дѣйствительно тамъ есть что-нибудь... Я чувствую какое-то самоудовлетвореніе въ томъ, что не показываю и вида, что я больна, но все это мнѣ совсѣмъ не нравится. Это гадкая смерть, очень медленная, четыре, пять, даже быть можетъ десять лѣтъ. И при этомъ дѣлаются такими худыми, уродливыми.

Я не особенно похудѣла, я совсѣмъ, какъ слѣдуетъ, у меня только видъ утомленный, я сильно кашляю и дышать трудно.

Случалось ли вамъ начать говорить или писать, что вы больше не вѣрите чему-нибудь, чему прежде вѣрили... и пока вы говорите: — «И сказать только, что я была въ этомъ убѣждена!» — сразу вернуться къ прежнимъ мыслямъ, опять повѣрить или, по крайней мѣрѣ, сильно усомниться? Въ одну изъ такихъ минутъ я сдѣлала эскизъ картины... Въ ожиданіи художника модель — маленькая бѣлокурая женщина — сидитъ верхомъ на стулѣ и куритъ папироску, глядя на скелетъ, въ зубы котораго была воткнута трубка. Платье разбросано по полу налѣво; направо ботинки, открытый портъ-сигаръ и маленькій букетикъ фіалокъ. Одна нога пропущена черезъ спинку стула, женщина оперлась на него локтями и подпираетъ рукою подбородокъ. Одинъ чулокъ на землѣ, другой еще виситъ на ногѣ. Это очень хорошо выходитъ красками. Кстати, я дѣлаюсь колористкой. Я говорю это смѣясь; но, шутки въ сторону, я чувствую краски и нельзя даже сравнить мои этюды за два мѣсяца до Монъ-Дора и теперь.

Вы увидите, что найдется множество вещей, привязывающихъ меня къ жизни, когда я уже буду ни къ чему непригодна, когда я буду больна, отвратительна!

Четвергъ, 24 октября. Показала Жуліану картину, написанную въ Монъ-Дорѣ. Онъ, конечно, нагрубилъ мнѣ, говоря въ то же время, что нѣкоторые современные художники нашли бы, что это очень хорошо, что это смѣсь Бастьена-Лепажа и Бувена; что **это,** соединенное съ нѣсколько болѣе усиленной работой, дало бы почти хорошую картину; въ ней есть интересныя вещи, но что я пишу, «какъ палачъ».

Что касается модели передъ скелетомъ, то это задѣло его за живое. Онъ сказалъ, что это «положительно **то, что слѣдуетъ»,** что это грубо, отталкивающе, а я прибавила: — «Да, это отталкиваетъ и именно поэтому-то это **хорошо,** это сама природа». — Только вы не можете подписаться подъ этимъ. Это произвело бы скандалъ. Но, чортъ возьми, какъ это хорошо! Я не говорю, что вы сейчасъ же сдѣлаетесь извѣстнымъ живописцемъ, но, конечно, вы прославитесь этой... оригинальной изобрѣтательностью... Эта картина заставитъ кри-

чать, особенно если узнаютъ, что эта женщина — молодая дѣвушка.

Пятница, 29 октября. Прочитавъ въ Евангеліи мѣсто, удивительно соотвѣтствующее руководившей меня мыслью, я снова вернулась къ горячей вѣрѣ и къ чудесамъ, къ Іисусу Христу и къ моимъ прежнимъ восторженнымъ молитвамъ.

Среда, 10 ноября. Ужасно работать безъ устали въ продолженіе трехъ лѣтъ и придти къ заключенію, что ничего не знаешь!

Четвергъ, 11 ноября. Приходилъ Тони и, когда я ему разсказала о своемъ упадкѣ духа, то онъ отвѣтилъ, что это доказываетъ, что я не слѣпа и совѣтовалъ мнѣ снова приняться за этюдъ, вообще продолжать занятія.

Конечно, это показываетъ, что я знаю теперь больше, чѣмъ прежде ибо вижу все яснѣе. Но какъ мнѣ грустно! какъ я нуждаюсь въ ободреніи! Я сдѣлала себѣ плащъ съ монашескимъ капюшономъ для мастерской, когда приходится занять мѣсто около окна, откуда адски дуетъ. Итакъ, у меня монашескій капюшонъ, а это всегда приноситъ мнѣ несчастье. Я плакала подъ этимъ несчастнымъ капюшономъ такъ, что эта добрая З., которая подошла посмотрѣть, не шучу ли я, была совсѣмъ поражена. Я хочу сдѣлать картину, представляющую изгнаніе монаховъ. Поэтому я пошла къ капуцинамъ на улицѣ Santé и три оставшихся монаха все мнѣ разсказали и показали мѣсто несчастія. Я предложила мое гостепріимство двумъ монахамъ въ Ниццѣ. Надѣюсь, что они не воспользуются приглашеніемъ.

Воскресенье, 14 ноября. Должна была ѣхать въ Версаль посмотрѣть, подходитъ ли для меня тамошній монастырь капуциновъ, такъ какъ тамъ было оказано всего болѣе сопротивленія. На монастырскомъ дворѣ расположены низкія кресла для колѣнопреклоненія, и, несмотря на дождь, приходящіе становятся на колѣни передъ запертыми дверями часовни. Боже! какъ все это было нелѣпо сдѣлано, и какъ монахи сумѣли этимъ воспользоваться!

Развѣ Гамбетта не самый сильный человѣкъ? Вѣдь надо же, чтобы человѣкъ взялъ верхъ... А какъ же тогда система бонапартистовъ? А принципы, а республика! Есть вещи, которыя противорѣчатъ моему здравому смыслу; это бываетъ рѣдко, но если я убѣждена **сама, въ душѣ,** то ничто въ мірѣ не можетъ заставить меня измѣнить моему взгляду, мнѣ даже

трудно не кричать о моемъ убѣжденіи на крышахъ, — такъ я довольна и горда, что я **сама** дошла до этого и что **искренно** этому вѣрю. Потому что столькими вещами, почти всѣми, увы! я дорожу только... поверхностно... ради того, что скажутъ, или чтобы не выдѣляться, или ради того, что это можетъ мнѣ быть выгодно.

Вторникъ, 16 ноября. У меня явились угрызенія совѣсти, и я поднялась съ своей постели, чтобы предаться покаянію, ибо церковь заставляетъ познать Бога, церковь сдѣлала страшно много для нравовъ, церковь принесла къ дикарямъ имя Бога и цивилизацію. Правда, мнѣ кажется, что можно бы, не оскорбляя Бога, цивилизовать и безъ католицизма, но все-таки... Католицизмъ былъ полученъ, какъ феодализмъ и, какъ и онъ, почти отжилъ свой вѣкъ.

Среда, 8 декабря. Сегодня вечеромъ мы присутствовали на еженедѣльныхъ работахъ общества «Права женщинъ»! Это происходитъ въ маленькой залѣ m-lle Оклеркъ.

Лампа на бюро налѣво; направо каминъ, на которомъ стоитъ бюстъ Республики, а посрединѣ, спиной къ окну, которое находится противъ двери, столъ, покрытый связками бумагъ и украшенный свѣчами, звонкомъ и президентомъ, который имѣетъ очень грязный и очень глупый видъ. Налѣво отъ президента m-lle Оклеркъ, которая, принимаясь говорить, каждый разъ опускаетъ глаза и потираетъ руки. Штукъ двадцать старыхъ женскихъ типовъ и нѣсколько мужчинъ — все такая дрянь, какую только возможно себѣ представить. Это юноши съ длинными волосами и невозможными прическами, которыхъ никто не хочетъ слушать въ кофейняхъ.

Мужчины кричали о пролетаріатѣ, коллективизмѣ и измѣнѣ наиболѣе выдающихся депутатовъ. M-lle Оклеркъ очень умна и понимаетъ, что дѣло идетъ не о пролетаріатѣ и не о милліонерахъ, но о женщинѣ вообще, которая требуетъ подобающихъ ей правъ. На этомъ бы и слѣдовало удержать всѣхъ. Вмѣсто этого они разсуждали о политическихъ тонкостяхъ.

Мы были записаны, вотировали, внесли деньги и т. д.

Вторникъ, 21 декабря. У меня нѣтъ больше шума въ ушахъ, и я слышу очень хорошо.

Четвергъ, 23 декабря. Такъ какъ было поздно, я оставила портретъ и стала дѣлать эскизъ, потому что я постоянно

пишу для салона. Пріѣзжаетъ Жуліанъ и находитъ, что это очень красиво, тогда я иду провожать его въ переднюю и спрашиваю, можетъ ли это быть полезнымъ для моего дѣла. Конечно очень хорошо, но только сюжетъ такой спокойный, подобающій молодой дѣвушкѣ, а онъ думалъ, что я выберу что-нибудь другое. И потомъ онъ упрекаетъ меня чуть не въ десятый разъ, что я не дѣлаю портрета m-me N. на большомъ полотнѣ, въ платьѣ, однимъ словомъ для выставки. Надо вамъ сказать, что эта скучная вещь повторяется каждый разъ при разговорѣ о салонѣ. Но чтобы вы поняли впечатлѣніе, производимое на меня этимъ, надо вамъ сказать, что этотъ портретъ мнѣ не нравится и не занимаетъ меня; я сдѣлала его только изъ одолженія, модель не имѣетъ ничего захватывающаго, я его сдѣлала, потому что я обѣщала въ одну изъ минутъ изліянія; эти идіотскія изліянія заставляютъ меня отдавать все, да еще ломать себѣ голову надъ вопросомъ, не могу ли чего-нибудь предложить и какъ доставить какое-нибудь удовольствіе кому бы то ни было, всѣмъ на свѣтѣ. И не думайте, что это случается со мной изрѣдка! Почти всегда такъ, исключая только, если мнѣ ужъ слишкомъ надоѣдятъ... да и тогда тоже.

Это даже не качество, это у меня въ натурѣ стремиться сдѣлать всѣхъ счастливыми и связать себя этою глупою мягкостью. Вы этого не знали, и я считалась эгоисткой; ну, примирите-ка все это...

Нужно же было быть такой безумной и думать, что мнѣ хоть что-нибудь удастся!

О ничтожество! Теперь все отравлено, и при мысли о салонѣ мнѣ хочется кричать. Такъ вотъ чего я добилась послѣ трехъ лѣтъ работы!

«Надо быть феноменомъ», — говорилъ Жуліанъ, но я не могла. Вотъ прошло три года, а что я сдѣлала? Что я такое? Ничто. То есть я хорошая ученица, и это все; но гдѣ же феноменъ, блескъ и трескъ?

Это поражаетъ меня, какъ великое неожиданное бѣдствіе... а истина такъ ужасна, что мнѣ бы хотѣлось думать, что я преувеличиваю. Живопись меня останавливала; пока дѣло шло о рисункѣ, я приводила профессоровъ въ изумленіе; но вотъ два года, что я пишу: я выше средняго уровня, я это знаю, я даже выказываю удивительныя способности, какъ говоритъ Тони, но мнѣ нужно было другое. А этого нѣтъ.

Я поражена этимъ, какъ сильнымъ ударомъ по головѣ, и не могу коснуться до этого мѣста даже кончикомъ мысли, не причиняя страшной боли. А слезы-то!

Вотъ что полезно для глазъ! Я разбита, убита, я въ страшномъ бѣшенствѣ! Я сама раздираю себѣ сердце. О! Боже мой!..

Я съ ума схожу, думая, что могу умереть въ безызвѣстности. Самая степень моего отчаянія показываетъ, что это должно случиться.

Пятница, 24 декабря. Послѣ грустныхъ соображеній отправилась въ мастерскую, гдѣ Жуліанъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: — «Обѣщайте мнѣ, что картина будетъ моя, и я укажу вамъ сюжетъ, который сдѣлаетъ васъ знаменитой или, по крайней мѣрѣ, извѣстной въ теченіе шести дней послѣ открытія салона». — Конечно я обѣщаю. — То же самое онъ сказалъ и А... и, послѣ того, какъ мы полусмѣясь, полусерьезно написали и подписали условіе при двухъ свидѣтельницахъ, онъ увелъ насъ въ свой кабинетъ и предложилъ мнѣ сдѣлать часть нашей мастерской съ тремя личностями на первомъ планѣ, въ натуральную величину, другихъ же, какъ аксессуары.

Онъ доказывалъ намъ преимущества этого сюжета добрые полчаса, послѣ чего я вернулась къ своему портрету взволнованная, съ головною болью и не могла ничего дѣлать цѣлый день. Все это послѣдствія вчерашняго дня.

Что касается сюжета, онъ мнѣ не особенно интересенъ; но онъ можетъ быть занимателенъ.

Воскресенье, 25 декабря. Потенъ требуетъ, чтобы я уѣзжала; я отказываюсь наотрѣзъ, а затѣмъ полусмѣясь, полусерьезно начинается жалоба на мою семью. Я спрашиваю его, вредно ли для горла бѣситься и плакать каждый день? Конечно... я не хочу уѣзжать. Путешествовать чудесно, но не съ моими, съ ихъ мелкими утомительными хлопотами. Я знаю, что я буду распоряжаться, но они меня раздражаютъ и потомъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Да и, наконецъ, я почти не кашляю. Но только все это дѣлаетъ меня несчастной; я больше не представляю себѣ возможности избавиться отъ всего этого, избавиться отъ чего? Я совсѣмъ не знаю, и слезы душатъ меня. Не подумайте, что это слезы невышедшей замужъ дѣвицы; нѣтъ; тѣ слезы

совсѣмъ не похожи на эти. Впрочемъ... быть можетъ и это. Но не думаю.

И потомъ кругомъ меня такія печальныя дѣла, и нѣтъ возможности кричать. Бѣдная тетя ведетъ такую уединенную жизнь, мы видимся такъ мало, по вечерамъ я или читаю или играю.

Есть въ насъ что-то такое, что, несмотря на прекрасныя разсужденія, несмотря на сознаніе, что все идетъ къ уничтоженію, все-таки заставляетъ насъ жаловаться! Я знаю, какъ и всѣ другіе, что я иду къ смерти, къ уничтоженію; я взвѣшиваю обстоятельства жизни, которыя, каковы бы они ни были, кажутся мнѣ ничтожными и суетными, и тѣмъ не менѣе, я не могу покориться. Значитъ это сила, значитъ это **нѣчто,** значитъ это не **«переходъ»,** не промежутокъ времени, который безразлично гдѣ бы ни провести — во дворцѣ или въ погребѣ, значитъ есть что-нибудь сильнѣе и истиннѣе, чѣмъ наши безумныя фразы обо всемъ этомъ! Значитъ жизнь не простой переходъ, не ничтожество, но... самое дорогое для насъ, все, что мы имѣемъ?

Говорятъ, что это ничто, потому что нѣтъ вѣчности. О! безумные!..

Жизнь это мы; она принадлежитъ намъ, она все, что мы имѣемъ; какъ же можно говорить, что она **ничто.** Но если это **ничто,** покажите-ка мнѣ что-нибудь, представляющее **нѣчто!**

Какой славный и милый этотъ Тони; онъ говоритъ, что наиболѣе одаренные достигли чего-нибудь только лѣтъ черезъ двѣнадцать работы; что Бонна послѣ семи лѣтъ работы былъ еще ничѣмъ; что самъ онъ выставилъ первую картину только на восьмомъ году. Я все это знала, но такъ какъ я разсчитывала достигнуть большаго къ двадцати годамъ, то вы поймете мои размышленія.

Въ полночь у меня явились подозрѣнія. Тони кажется слишкомъ довѣряетъ моимъ силамъ; я подозрѣваю какую-нибудь ужасную западню.

1881.

Суббота, 1 января. Я подарила букетикъ А...; она поцѣловала меня два раза, и такъ какъ мы были однѣ, то я стала спрашивать ее о возникновенiи и развитiи ея любви. Она разсказала мнѣ, что это тянется уже шесть лѣтъ безъ всякаго измѣненiя. Она узнаетъ его шаги по лѣстницѣ, его манеру открывать дверь, и всякiй разъ она при этомъ волнуется, какъ въ первые дни. Я это понимаю; если бы было иначе, это было бы уже не то. Говорятъ, что привычка уничтожаетъ чувство; вы видите, что это ошибка; что настоящая любовь не можетъ ни измѣниться, ни подчиниться привычкѣ.

Для меня измѣна была бы ужасна. Очень немногiе люди имѣютъ счастiе испытать настоящую любовь, которая не можетъ прекратиться, хотя бы она и была взаимна. Вообще, люди неспособны испытывать такое цѣльное чувство, что-нибудь отвлекаетъ ихъ или мѣшаетъ имъ, и они довольствуются обрывками чувствъ, которыя мѣняются, вотъ почему многiе пожимаютъ плечами, когда при нихъ говорятъ о **вѣчной** или **неизмѣнной** любви, которая встрѣчается очень рѣдко.

Настоящая любовь можетъ и не быть вѣчной, но она можетъ быть только одинъ разъ въ жизни.

Среда, 5 января. Сегодня утромъ Тони пришелъ въ мастерскую вмѣстѣ со мною. Я показала ему небольшой эскизъ, и мы поговорили о картинѣ. Комната, гдѣ мнѣ придется работать, очень маленькая, но, если снять перегородку, это еще будетъ возможно въ виду размѣровъ полотна. Но что же дѣлать!..

И потомъ, если будутъ работать двое, будетъ извѣстное соревнованiе, которое раздражаетъ. Несмотря на мой смѣлый видъ, я очень застѣнчива и при А... теряю способность поставить натуру, и... это меня стѣсняетъ, и я недовольна тѣмъ, что насъ будетъ работать двое надъ тѣмъ же самымъ.

Какъ эта картина мнѣ надоѣла! Какъ бы мнѣ хотѣлось приняться за что-нибудь другое! Невыносимо то подниматься такъ высоко, то падать такъ низко! Достаточно одного слова, чтобы ободрить меня или пригнуть къ землѣ, и для того, чтобы не впасть въ отчаянiе, необходимо, чтобы Жулiанъ

и Тони всю жизнь меня ободряли. Когда они ограничиваются совѣтами, не высказывая своего мнѣнія, я падаю духомъ.

Пятница, 7 января. Я разсказываю всѣмъ объ интригахъ, въ которыхъ сама являюсь жертвой, и такъ какъ всѣ на моей сторонѣ, то это еще подтверждаетъ мою правоту. Многіе сказали мнѣ, что считали меня сильнѣе, и что здѣсь я не удержалась. Согласна, но вѣдь такъ пріятно **предоставить** другимъ спеціальность обмановъ и интригъ. Я не совсѣмъ точно выразилась, сказавъ **предоставить**; я предоставляю имъ это потому, что сознаю себя окончательно неспособной къ интригамъ и уловкамъ. Это такъ скучно, утомительно, и я не знаю, какъ быть. Есть также удовлетвореніе въ томъ, что сознаешь себя лучше другихъ. Пасть жертвой чего-нибудь такъ, чтобы объ этомъ знали другіе, это прелестное чувство, это почти то же, что патентъ на честность, на нравственную чистоту... А совѣсть? Имѣть чистую совѣсть и видѣть низость другихъ, сознавать себя чистымъ, а другихъ грязными, даже въ ущербъ самому себѣ—при такихъ условіяхъ почти исчезаетъ наносимый себѣ ущербъ, и испытываешь тѣмъ большую радость, чѣмъ болѣе являешься жертвой.

Очевидно, при первой непріятности, мнѣ слѣдовало бы сказать: — Если такъ, я не стану писать этой картины!.. — Но это значило бы дать торжествовать А..., которая увидѣла бы, что ея старанія увѣнчиваются успѣхомъ. И я не отступаю только по этой причинѣ.

Суббота, 8 января. У меня настоящая страсть къ книгамъ, — я прибираю ихъ, читаю, разсматриваю; одинъ видъ этой массы томовъ меня радуетъ. Я отхожу немного, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на картину. У меня около семисотъ томовъ, но такъ какъ они большого формата, то это составило бы гораздо больше книгъ обыкновенной величины.

Четвергъ, 13 января (1 января, русскій новый годъ). Я все еще немного кашляю и дышу съ трудомъ. Но видимыхъ перемѣнъ нѣтъ — ни худобы, ни блѣдности. Потенъ больше не приходитъ; моя болѣзнь, повидимому, требуетъ только воздуха и солнца; Потенъ поступаетъ честно и не хочетъ пичкать меня ненужными лѣкарствами. Я знаю, что поправилась бы, проведя зиму на югѣ, но... я знаю лучше другихъ, что со мною. Горло мое всегда было подвержено болѣзнямъ, и мнѣ стало хуже отъ постоянныхъ волненій. Словомъ, у меня только кашель и неладно съ ушами; какъ видите, это пустяки.

Суббота, 15 января. Самое обыкновенное лицо въ мірѣ можетъ сдѣлаться интереснымъ, благодаря шляпѣ, берету или драпировкѣ, я говорю все это для того, чтобы сказать вамъ, что каждый вечеръ, возвратясь изъ мастерской усталая и испачканная, я умываюсь, надѣваю бѣлое платье и убираю голову бѣлой косынкой изъ индѣйской кисеи съ кружевами, какъ старухи у Шардена и дѣвочки у Греза; мое лицо дѣлается отъ того прелестнымъ — никогда нельзя было бы и подумать, что оно можетъ быть такимъ... Сегодня вечеромъ косынка легла, какъ носятъ египтянки, и я не знаю какимъ образомъ лицо мое сдѣлалось **прекраснымъ.** Это слово вообще не подходитъ къ моему лицу, но это чудо произошло благодаря головному убору. Это меня развеселило.

Теперь это сдѣлалось привычкой; мнѣ неловко оставаться вечеромъ съ непокрытой головой, и моимъ «печальнымъ мыслямъ» пріятно быть покрытыми; я чувствую себя какъ-то уютнѣе и спокойнѣе.

Среда, 26 января. Во вторникъ, когда я вернулась изъ мастерской, меня схватилъ ознобъ, и я до семи часовъ дремала въ креслѣ, съ моей картиной передъ глазами, какъ это бываетъ со мною каждую ночь уже въ теченіе недѣли.

Я выпила только немного молока, и ночь прошла еще болѣе странно. Я не спала, но видѣла картину, и мнѣ казалось, что я работаю надъ ней, но дѣлаю какъ разъ обратное тому, что нужно, стираю то, что хорошо, точно меня толкаетъ сверхъестественная сила. Это меня раздражало, я была безпокойна, страшно взволновалась, старалась увѣрить себя, что это сонъ, и не могла. — Ужъ не бредъ ли это? — спрашивала я себя. Я думаю, что это былъ бредъ, я теперь знаю, что это такое, и все это было бы ничего, если бы не утомленіе, особенно въ ногахъ.

Четвергъ, 3 февраля. Передо мною портреты матери и отца, когда они были женихомъ и невѣстой. Я повѣсила эти портреты на стѣну, какъ документы. По мнѣнію Зола и другихъ болѣе авторитетныхъ философовъ, нужно знать причины, чтобы понять слѣдствіе. Я родилась отъ замѣчательно красивой матери, молодой, здоровой, съ темными волосами и глазами и прелестнымъ цвѣтомъ лица; отецъ же мой былъ бѣлокуръ, блѣденъ, слабаго сложенія и происходилъ отъ очень здороваго отца и болѣзненной матери, которая умерла молодою; всѣ его четыре сестры болѣе или менѣе горбаты

отъ рожденія... Дѣдушка и бабушка были крѣпкаго сложенія и имѣли девять человѣкъ дѣтей, здоровыхъ, крупныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были красивы, напримѣръ мама и дядя Степанъ.

Болѣзненный отецъ знаменитаго субъекта, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлался здоровымъ и сильнымъ, а мать, которая цвѣла здоровьемъ и молодостью, сдѣлалась слабой и нервной, благодоря своей тяжелой жизни.

Третьяго дня я кончила «l'Assomoir»; я была почти больна, такъ поразила меня правдивость книги. Мнѣ казалось, что я живу и разговариваю съ этими людьми.

Суббота, 12 февраля. Тони продолжаетъ быть довольнымъ мною и совѣтуетъ мнѣ писать. Я въ восторгѣ.

Воскресенье, 13 февраля. Вотъ очень нѣжное письмо отъ мамы:

27 января, Харьковъ.

Мой обожаемый ангелъ, дорогое дитя мое Муся, если бы ты знала, какъ я несчастна безъ тебя, какъ безпокоюсь за твое здоровье и какъ я хотѣла бы поскорѣе уѣхать!

Ты моя гордость, моя слава, мое счастье, моя радость!!! Если бы ты могла себѣ представить, какъ я страдаю безъ тебя! Твое письмо къ m-me А. въ моихъ рукахъ: какъ влюбленный, я все перечитываю его и орошаю слезами. Цѣлую твои ручки и ножки и молю Бога, чтобы я имѣла возможность сдѣлать это поскорѣе на самомъ дѣлѣ.

Цѣлую нѣжно нашу дороую тетю. М. Б.

Суббота, 19 февраля. Уже дней десять я все вижу во снѣ дѣдушку, маму, моихъ.

Я вижу также во снѣ тѣхъ людей, съ которыми встрѣчаюсь на другой день, или же оконченный день продолжается во снѣ, и я никогда не сплю безъ сновъ.

Четвергъ, 3 марта. Я очень больна, я сильно кашляю, дышу съ трудомъ и у меня въ горлѣ происходитъ зловѣщій шумъ... Кажется это называется горловой чахоткой.

Я открыла Новый Завѣтъ, забытый на время, и два раза въ теченіе нѣсколькихъ дней была поражена соотвѣтствіемъ случайно попавшейся на глаза строчки съ моей мыслью. Я молюсь Христу, Богоматери.

Пятница, 18 марта. Я окончила картину; остается только еще кое-гдѣ тронуть.

Жуліанъ находитъ, что картина много выиграла въ послѣднюю недѣлю, и что теперь она хороша.

На картинѣ шестнадцать фигуръ и скелетъ, т. е. всего семнадцать.

Суббота, 19 марта. Я недовольна. Тони находитъ, что хороши отдѣльныя части, но не одобряетъ картины въ общемъ; онъ долго объяснялъ мнѣ, что нужно сдѣлать, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тронулъ кистью; я потомъ уничтожила его мазки.

Въ половинѣ пятаго пришелъ Жуліанъ. Мы поговорили. Я работала съ восьми часовъ утра и устала, и особенно устала отъ того, что не слышала отъ Тони его обычной похвалы.

Боже мой, я знаю, что картина интересна и полна движенія, но въ ней виденъ громадный недостатокъ знанія!

Жуліанъ очень сердится на то, что далъ мнѣ такой сюжетъ для первой картины. Онъ посмотрѣлъ на меня, и въ его взглядѣ выразилась надежда, что я буду способна отказаться отъ тщеславнаго желанія выставить посредственную вещь. Онъ былъ бы въ восторгѣ, если бы я отъ этого отказалась; я также, но **другіе?** Скажутъ, что моя работа была найдена профессорами слишкомъ слабою, что я неспособна написать картину и что въ салонѣ моей картины не приняли.

Вопросы: все-ли я сдѣлала, что было въ моихъ силахъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей? Да, конечно; но мнѣ пришлось натолкнуться на совершенно незнакомыя мнѣ вещи, о которыхъ я не подозрѣвала; во всякомъ случаѣ я многому научилась.

Жуліанъ находитъ, что я употребила большія старанія, что все это недурно, интересно; но что хочется рвать на себѣ волосы съ досады, когда подумаешь, какою могла бы быть эта картина. Я хотѣла бы, чтобы она провалилась, чтобы мнѣ не нужно было ее выставлять! Я принуждена это сдѣлать изъ глупаго тщеславія, заранѣе наказаннаго, потому что я боюсь равнодушія публики и насмѣшки учениковъ, и даже не насмѣшки ихъ, но боюсь, что они скажутъ: «Ну, однако, самая сильная изъ вашихъ женщинъ не очень-то сильна».

Господи! Это нужно было предвидѣть. Жуліанъ долженъ былъ бы это знать! Но онъ говоритъ, что было бы хорошо, если бы я продолжала, какъ начала. Если бы я сдѣлала это, какъ недѣльный этюдъ, я бы все уничтожала; это дурно,

рисунокъ самый обыденный, не характерный и не достойный меня: это самая плохая картина.

Страшно досадно, но что же дѣлать!?

Четвергъ, 24 марта. Я открыла у себя подъ кроватью горшокъ съ дегтемъ. Это вниманіе Розаліи къ моему здоровью, оказанное по совѣту гадалки. Моя семья находитъ это прекраснымъ выраженіемъ преданности служанки; мама пришла въ умиленіе. Я выливаю ведро воды на коверъ, подъ кровать, разбираю раму и въ гнѣвѣ ложусь въ моемъ кабинетѣ.

Это напоминаетъ мнѣ несносное теплое платье! Моя семья воображаетъ, что я усматриваю особую выгоду въ томъ, чтобы, мерзнуть; это меня раздражаетъ до такой степени, что часто я не покрываюсь, чтобы доказать имъ безполезность ихъ приставаній! О! эти люди доводятъ меня до неистовства...

Среда, 30 марта. Я сдѣлала видъ, что проспала до десяти часовъ, чтобы не идти въ мастерскую, и чувствую себя очень несчастной.

Вотъ отвѣтъ Жуліана. Онъ меня немного успокоиваетъ... Подумайте только... Вы не можете себѣ представить, что бы это было, если бы мнѣ отказали! **Мнѣ пришлось бы обвинять одну себя!** И я не знаю, что ужаснѣе: быть самому виноватымъ въ своемъ несчастіи или страдать отъ другихъ... Это былъ бы ударъ въ самое сердце; я не знаю, что я стала бы дѣлать... Нужно надѣяться...

Пятница, 1 апрѣля. Я счастлива. Жуліанъ самъ пришелъ сообщить о моемъ счастьѣ вчера, послѣ полуночи. Мы выпили пуншу въ мастерской. Божидаръ по собственному побужденію освѣдомлялся у одного изъ учениковъ и увѣряетъ, что я получила № 2. Это кажется мнѣ необычайнымъ.

Воскресенье, 3 апрѣля. Никогда еще Патти не пѣла съ такимъ воодушевленіемъ, какъ вчера; голосъ ея былъ такъ свободенъ, такъ свѣжъ и блестящъ! Она спѣла на bis болеро изъ «Сицилійской вечерни». Боже мой, какой у меня былъ прекрасный голосъ! Онъ былъ силенъ, драматиченъ, вызывалъ морозъ по кожѣ! А теперь не осталось ничего, даже не о чемъ говорить!

Неужели я не выздоровѣю? Я еще молода, и, можетъ быть, буду въ состояніи...

Патти не трогаетъ, но можетъ вызвать слезы съ изумленія; это настоящій фейерверкъ; вчера я была просто потря-

сена, когда она издала нѣсколько звуковъ—такихъ чистыхъ, высокихъ, мягкихъ!..

Вторникъ, 5 апрѣля. Неожиданность! пріѣхалъ мой отецъ. За мною прислали въ мастерскую, и я застала его въ столовой съ мамой и Диной, и всѣ въ восторгѣ отъ супружескаго счастія.

Мы вошли вмѣстѣ: папаша, мамаша и bebé. Онъ, безъ сомнѣнія, пріѣхалъ за мамой, но я еще ничего не знаю.

Среда, 6 апрѣля. Отецъ задержалъ меня до девяти часовъ, настаивая на томъ, чтобы я не шла работать; но я спѣшу къ моему торсу, который слишкомъ занимаетъ меня, я возвращаюсь только къ обѣду; потомъ всѣ уѣхали въ театръ, и я осталась одна.

Отецъ **совсѣмъ не понимаетъ**, что можно быть художникомъ, и что этимъ можно прославиться. Минутами мнѣ кажется, что онъ нарочно высказываетъ такія мысли.

Воскресенье, 1 мая. Алексѣй пріѣхалъ рано и привезъ билетъ для двоихъ; съ моимъ билетомъ мы можемъ идти вчетверомъ: папа, мама, я и Алексѣй. Мы тотчасъ же нашли мое произведеніе, которое находится въ первой залѣ, направо отъ почетной залы, во второмъ ряду. Я въ восторгѣ отъ мѣста и очень удивлена, что картина кажется такою удачною. Она не хороша, но я ожидала чего-то отвратительнаго, а вышло недурно.

По ошибкѣ мое имя пропустили въ каталогѣ; я заявила объ этомъ, и это будетъ исправлено. Въ первый день нельзя хорошо разсмотрѣть: торопишься посмотрѣть все заразъ. Мы съ Алексѣемъ немного отстали отъ нашихъ, расточая остроумныя замѣчанія направо и налѣво; наконецъ, мы совсѣмъ потеряли ихъ изъ виду и на нѣкоторое время я взяла его подъ руку; я свободно хожу взадъ и впередъ и не боюсь. Цѣлая толпа знакомыхъ, большіе комплименты, которые не казались слишкомъ принужденными. Это естественно; эти люди, не понимающіе въ этомъ ничего, видятъ довольно большую картину съ многими лицами и считаютъ ее приличной!

Съ недѣлю тому назадъ я отдала 1000 франковъ на бѣдныхъ. Никто этого не знаетъ, я была въ главномъ бюро и ушла скорѣе, чтобы не слышать благодарностей; распорядитель, вѣроятно, думалъ, что я украла эти деньги. Небо вознаграждаетъ меня за мои деньги.

Пятница, 6 мая. Я провела утро въ салонѣ, гдѣ встрѣтила Жуліана; онъ познакомилъ меня съ Лефебромъ, который сказалъ мнѣ, что въ моей картинѣ есть большія достоинства. Я еще очень маленькая дѣвочка!

Дома все идутъ разговоры о предстоящихъ перемѣнахъ. Они всѣ меня раздражаютъ! У моего отца иногда являются нелѣпыя мысли; онъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ, но упорствуетъ, говоря, что все зависитъ отъ моего согласія провести лѣто въ Россіи. «Увидятъ», — говоритъ онъ, —«что ты не стоишь внѣ семьи».

Вечеромъ, когда я полудремлю, утомившись за день, у меня въ головѣ проходятъ божественныя мелодіи. Онѣ то появляются, то исчезаютъ, за ними слѣдишь, какъ за оркестромъ, мелодія котораго развивается въ васъ и помимо вашей воли.

Суббота, 7 мая. Мой отецъ хочетъ ѣхать завтра, мама также должна ѣхать. Это все портитъ.

Уѣду ли я? Къ чему оставаться? Тамъ я буду дѣлать этюды на воздухѣ, а потомъ мы поѣхали бы въ Біаррицъ.

Съ другой стороны говорятъ, что мнѣ принесетъ пользу Эмсъ... Ахъ! мнѣ все равно! Для меня ничего не существуетъ.

Воскресенье, 8 мая. Теперь я почти съ радостью вижу, что мое здоровье разстраивается вслѣдствіе того, что небо не посылаетъ мнѣ счастья.

А когда со мной будетъ кончено, все можетъ быть перемѣниться, но будетъ уже поздно. Разумѣется, всякій для себя. Но моя семья говоритъ, что такъ любитъ меня, и ничего не дѣлаетъ... Я сама — ничто, между мною и остальнымъ міромъ — завѣса. Если бы можно было знать, что тамъ, но это неизвѣстно; впрочемъ, это любопытство сдѣлаетъ для меня смерть менѣе ужасной.

Десять разъ въ день я восклицаю, что хочу умереть, но это только выраженіе моего отчаянія. Если думаютъ, что я желаю смерти, то это неправда. Это манера говорить, что жизнь ужасна; но все-таки хочешь жить, особенно въ мои годы. Но не растрогивайтесь: меня еще хватитъ на нѣкоторое время. Обвинять никого нельзя. Это воля Божья.

Воскресенье, 15 мая. Я ѣду въ Россію, если согласятся подождать меня недѣлю. Мнѣ было бы ужасно присутствовать при раздачѣ наградъ. Это большое горе, о которомъ не

знаетъ никто, кромѣ Жуліана. Итакъ, я ѣду. Я пошла посовѣтоваться съ знаменитымъ докторомъ инкогнито. Слухъ мой поправится, но покровъ праваго легкаго уже давно тронутъ, у меня плевритъ и въ горлѣ все попорчено. Я все это спрашивала въ такихъ выраженіяхъ, что онъ былъ принужденъ сказать мнѣ правду.

Нужно ѣхать въ Алеваръ и лѣчиться. Я поѣду туда, когда вернусь изъ Россіи, а оттуда поѣду въ Біаррицъ. Въ деревнѣ я буду работать. Я буду дѣлать этюды на открытомъ воздухѣ, — это полезно. Все это я пишу въ ярости.

Но дома теперь положеніе дѣлъ плачевно. Съ одной стороны мама въ отчаяніи, что должна ѣхать, а я въ горѣ потому, что остаюсь съ тетей, — это глупый предразсудокъ. Съ другой стороны—тетя, у которой только мы, только я на свѣтѣ и которая ничего не говоритъ, но глубоко оскорблена тѣмъ, что я страдаю, оставаясь съ нею.

Пятница, 20 мая. Мои колебанія возобновляются! Я надѣялась на Потена, думая, что онъ не пуститъ меня въ Россію и этимъ дастъ возможность не слишкомъ окорблять отца. Итакъ, я не могу ѣхать.

Въ общемъ, Патенъ сообщилъ мало новаго и далъ мнѣ возможность остаться здѣсь. Но картина Бреслау! Это ужасно. Вотъ денекъ!.. Я просила Потена преувеличить мою болѣзнь и сказать моей семьѣ, что правое легкое плохо, чтобы отецъ не слишкомъ оскорбился тѣмъ, что я остаюсь.

И вотъ они оба въ отчаяніи, ходятъ на цыпочкахъ... Ихъ вниманіе меня оскорбляетъ, ихъ уступки выводятъ меня изъ себя... и нигдѣ нѣтъ точки опоры. Живопись хорошая вещь! Знаете, въ тяжелыя минуты никогда не бываешь слишкомъ несчастенъ, если есть свѣтлая точка на горизонтѣ. Я говорила себѣ: подождемъ немного, живопись спасетъ насъ. Теперь я сомнѣваюсь во всемъ, я не вѣрю ни Тони, ни Жуліану.

Понедѣльникъ, 23 мая. Наконецъ, собрались и мы на станціи. Въ минуту отъѣзда мое колебаніе заражаетъ другихъ; я начинаю плакать, за мною мама, Дина и тетя; отецъ спрашиваетъ что дѣлать? Я отвѣчаю слезами; раздается звонокъ, мы бѣжимъ въ вагонъ; для меня не взяли билета. Я хочу также войти, но вагонъ захлопываютъ; у меня нѣтъ билета, а они уѣзжаютъ, даже не простившись. Можно проклинать, ненавидѣть другъ друга, но въ минуту разлуки все забывается. Съ одной стороны мама, съ другой тетя, и отецъ

посрединѣ... Отецъ долженъ быть въ бѣшенствѣ, такъ какъ онъ былъ очень милъ со мною; но это безполезное путешествіе, трата времени... Я плакала о томъ, что нужно было ѣхать, плачу о томъ, что осталась. О Бреслау я почти забыла, но... я ничего не знаю, я думаю, что здѣсь я буду лучше лѣчиться и не буду терять времени.

Берлинъ. Среда, 25 мая. Я уѣхала вчера; тетя, которая видѣла, что мнѣ не хотѣлось оставаться въ Парижѣ, не плачетъ; она боится моихъ упрековъ въ томъ, что она меня разстраиваетъ, но на душѣ у нея смертельная тоска, и она думаетъ, что никогда больше не увидитъ меня. Бѣдная тетя, которая боготворитъ маму и боготворитъ меня вдвойнѣ! А я такъ не мила съ нею. Я спрашиваю себя, какъ можно такъ дурно платить за такую преданность. Она пріучена бабушкой съ моего рожденія видѣть во мнѣ идеалъ, теперь, что бы я ни дѣлала, она окружаетъ меня всевозможными заботами и предупредительностью, мнѣ даже нечего говорить, она угадываетъ мои капризы тѣмъ болѣе, что она знаетъ, что я очень больна и несчастна, и не можетъ помочь мнѣ ничѣмъ, развѣ облегчить мнѣ матеріальную жизнь.

Я всегда имѣла утѣшеніе видѣть на столѣ самые лучшіе фрукты, мои любимыя блюда всякій разъ, когда у меня бывала чувствительная непріятность. Эта предупредительность можетъ показаться безсмысленной, но въ ней есть что-то трогательное. Мнѣ не удается быть съ ней привѣтливой; бѣдная тетя безъ единаго слова съ моей стороны догадалась, что я по возможности избѣгаю человѣческихъ лицъ, и, позаботившись объ ужинѣ, оставила меня одну съ книгой. Я могу выносить четырехъ, пять человѣкъ родныхъ, и тогда говорю съ ними; но оставаться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ наединѣ меня стѣсняетъ, и я дуюсь, упрекая себя въ холодности относительно такой преданной, такой доброй женщины! У насъ всѣ очень добры, а тетя въ этомъ отношеніи просто ангелъ.

Я заѣзжала къ Тони, который очень боленъ и которому я оставила благодарственное письмо, и къ Жуліану, котораго не застала. Онъ, можетъ быть, заставилъ бы меня перемѣнить рѣшеніе и остаться, а мнѣ нужна была перемѣна... Въ теченіе недѣли никто въ семьѣ не смѣлъ смотрѣть другъ на друга, боясь расплакаться, а оставшись одна, я плакала все время, чувствуя тѣмъ не менѣе, что это жестоко по отношенію къ тетѣ... Но она должна была замѣтить, что я плакала,

разставаясь съ нею. Она думаетъ, что я совсѣмъ не люблю ея; а когда я думаю о полной самопожертвованія жизни этой женщины, я не могу удержать слезъ: у нея даже нѣтъ того утѣшенія, что ее любятъ, какъ добрую тетю! но я никого не люблю больше ея...

Что составляетъ верхъ ужаса — это мои уши. Это самое жестокое, что могло со мною случиться при моей натурѣ... Я боюсь всего, чего желала, и это ужасное положеніе. Теперь, когда я стала болѣе опытной, когда у меня начинаетъ появляться талантъ, когда я умѣю лучше устраивать свои дѣла... мнѣ кажется, что весь міръ принадлежалъ бы мнѣ, если бы я могла слышать какъ прежде. А при моей болѣзни глухота случается одинъ разъ на тысячу, какъ говорятъ всѣ доктора, къ которымъ я обращалась. «Успокойтесь, вы не оглохнете изъ-за вашего горла, это бываетъ очень рѣдко»! И это случилось именно со мною...

И вѣдь это сковываетъ умъ! Какъ тутъ будешь живой или остроумной? — Все пропало!

Фаскоръ за Кіевомъ. Четвергъ, 26 мая. Мнѣ нужно было это большое путешествіе; равнина, равнина, равнина со всѣхъ сторонъ. Это красиво, я въ восторгѣ отъ степей, какъ отъ чего-то новаго... Это что-то почти безконечное... когда встрѣчаешь лѣса и деревни, уже это не то... Меня восхищаетъ привѣтливость всѣхъ чиновниковъ, даже носильщиковъ, какъ только въѣдешь въ Россію; на границѣ служащіе разговариваютъ съ вами, какъ съ знакомыми. Я провела уже двадцать шесть часовъ въ вагонѣ, остается еще тридцать. Голова идетъ кругомъ отъ этихъ разстояній!

Гавронцы. Воскресенье, 26 мая. Въ деревнѣ поля еще залиты рѣкою, всюду лужи, грязь, совсѣмъ свѣжая зелень, сирень въ цвѣту... Это мѣсто низменное, и я думаю, что будетъ сыро. Нечего сказать, хорошо здѣсь лѣчиться! Все наводитъ отчаянную грусть. Я открываю рояль и импровизирую что-то похоронное. Коко жалобно воетъ. Мнѣ грустно до слезъ, и я дѣлаю планы уѣхать завтра.

Подали супъ, отъ котораго пахло лукомъ; я вышла изъ столовой...

Мама привезла всѣ журналы, гдѣ говорится обо мнѣ; изъ того, что тамъ составляло мое отчаяніе, здѣсь создается мнѣ ореолъ...

Среда, 2 іюня. Погода прекрасная, сирень въ цвѣту, весна очаровательна, но слишкомъ свѣжа для моего здоровья.

Суббота, 4 іюня. Жуліанъ пишетъ, что Тони простудился, выѣхавъ въ открытомъ экипажѣ, и что жизнь его въ опасности. Онъ плачетъ, думая, что умираетъ. Не ужасно ли это, не говоря уже о восьмидесятипятилѣтнемъ отцѣ и о матери, которой бѣдный Тони такъ боялся лишиться?

Понедѣльникъ, 6 іюня (25 мая). Тони спасенъ. Я въ восторгѣ. Розалія залилась слезами, говоря, что если бы онъ умеръ, захворала бы; это нѣсколько преувеличено, но она славная дѣвушка. Въ одно время съ депешей пришло письмо отъ Жуліана съ хорошимъ извѣстіемъ.

Вотъ что говоритъ Зола о Жюль Валессѣ:

«Чувствительность, скрываемая, какъ какая-нибудь странность, часто преднамѣренная грубость и страсть къ жизни, къ человѣческому движенію, — вотъ вся его натура; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ веселъ, постоянно шутитъ, можетъ быть изъ боязни, чтобы не стали подшучивать надъ нимъ, скрывая слезы подъ неумолимой ироніей». Я думаю, что это на меня похоже. Но это имѣетъ преглупый видъ, когда самъ оцѣниваешь себя такимъ образомъ.

Понедѣльникъ, 13 іюня (1). Я начала писать крестьянку въ натуральную величину, въ ростъ, опершуюся на плетень...

Понедѣльникъ, 7 іюня. Нини, ея сестра и Дина проводили меня въ мою комнату, и мы говорили о страшныхъ вещахъ по поводу разбитаго зеркала. А я два или три раза зажигала здѣсь три свѣчки. Неужели же я умру? Бываютъ минуты, когда я холодѣю при этой мысли. Но я вѣрю въ Бога, мнѣ не такъ страшно, хотя... я очень хочу жить. Или я ослѣпну; это было бы то же самое, такъ какъ я лишила бы себя жизни... Но что же ожидаетъ насъ **тамъ?** Не все ли равно? Избѣгаешь во всякомъ случаѣ знакомыхъ страданій. Или можетъ быть я совершенно оглохну? Я пишу это съ озлобленіемъ... Боже мой, но я не могу даже молиться, какъ въ былое время. Если это означаетъ смерть кого-нибудь близкаго... Отца! Но если мама. Я никогда не могла бы утѣшиться, что была рѣзка съ нею.

Мнѣ вредитъ то, что я отдаю себѣ отчетъ въ малѣйшихъ движеніяхъ моей души и невольно думаю, что та или другая мысль вмѣнится мнѣ въ заслугу или въ осужденіе; а съ той

минуты, какъ я сознаю, что это **хорошо,** исчезаетъ всякая заслуга. Если у меня является великодушный, добрый, христіанскій порывъ, я это тотчасъ же замѣчаю; слѣдовательно, помимо своей воли, я чувствую удовлетвореніе при мысли о томъ, что это должно, по моему мнѣнію, вознаградиться... Эти размышленія убиваютъ всякую заслугу... Вотъ сейчасъ мнѣ захотѣлось сойти внизъ, обнять маму, смириться передъ ней; за этою мыслью, естественно, послѣдовала другая, говорившая, что это дѣлаетъ мнѣ честь, и все пропало. Потомъ я чувствовала, что мнѣ было бы не особенно трудно такимъ образомъ, и что я сдѣлала бы это или слишкомъ покровительственно или по-дѣтски: между нами невозможно настоящее, серьезное, сильное изліяніе чувствъ. Меня никогда не видали съ нею и могли бы подумать, что я играю комедію.

Суббота, 9 іюля. Мы всѣ уѣхали на богомолье, оттуда ѣдемъ въ Кременчугъ и по Днѣпру.

Послѣ тысячи колебаній наконецъ рѣшаются ѣхать. Вы не можете себѣ представить, вѣдь это цѣлое событіе! Да и къ чему? А, можетъ быть, было бы лучше не ѣхать? Вѣдь еще неизвѣстно, какъ все устроится. Гдѣ придется ѣсть и спать? Наконецъ рѣшаются взять съ собою Василія, который будетъ стряпать. Около Гавронцевъ есть гора, которой нельзя объѣхать, и слѣдовало бы уже къ ней привыкнуть: такъ нѣтъ же, каждый разъ она представляется какимъ-то новымъ и непреодолимымъ препятствіемъ. Наконецъ, послѣ того, какъ каждый заявилъ въ свою очередь, что остается, или что ему сказалъ тотъ или другой, чтобы онъ оставался, мы отправляемся въ трехъ экипажахъ. Въ гостиницѣ мы застаемъ трехъ дядей.

Кажется, мы очень шумно провели день въ Полтавѣ, и объ этомъ будутъ говорить. Мы обѣдали въ саду; столъ былъ накрытъ на пятнадцать человѣкъ въ правомъ углу террасы, вдали отъ публики, которая подходитъ на самое непочтительное разстояніе, чтобы видѣть, какъ мы ѣдимъ, и слышать оркестръ, играющій для насъ, и приглашенный нами женскій хоръ: русскія и шведки пѣли очень плохо цыганскія пѣсни. Все это кончилось **къ восьми часамъ.**

Понедѣльникъ, 11 іюля. Сегодня день св. Петра и Павла. Въ Гаврoнцы пригласили военную музыку, которая играла за обѣдомъ и вечеромъ на балконѣ. При перевозѣ солдатъ и инструментовъ, одинъ изъ ямщиковъ сломалъ себѣ ногу, и ему

тотчасъ же выдали плату за день. Это моя мысль. Съ семьей насъ было четырнадцать человѣкъ. Я была одѣта прелестно; Дина даже была очаровательна. Были танцы. Папа́ танцовалъ съ мамой, противъ нихъ Поль съ женой. Зала большая и, благодаря музыкѣ, ноги расходились. Дина, какъ сумасшедшая, выдѣлываетъ одна какія-то фантастическія па,—съ большой грацiей. И я также, несмотря на свое ужасное горе (мои уши), отъ котораго у меня сѣдѣютъ волосы, — я также немного потанцовала, безъ веселости, но и безъ претензiи.

Среда, 13 iюля. Какъ ни странно это можетъ показаться, здѣсь нѣтъ ни деликатности, ни нравственности, ни скромности въ ихъ настоящемъ смылѣ.

Во Францiи, въ маленькихъ городахъ, боятя духовника, уважаютъ бабушку или старую тетку... Здѣсь — ничего подобнаго.

Женятся часто по любви и очень легко увозятъ невѣстъ, но все это скоро остываетъ.

Мы, кажется, ѣдемъ завтра.

Я остановлюсь въ Кiевѣ, чтобы заказать обѣдню. Меня тревожатъ самыя мрачныя предчувствiя, и я такъ боюсь всѣхъ этихъ предзнаменованiй! Въ день именинъ Поля я нашла восковую свѣчку на моемъ приборѣ, забытую повидимому человѣкомъ, зажигавшимъ люстры. А всѣ эти разбитыя зеркала? Боюсь, какъ бы не случилось что нибудь гадкое.

Четвергъ, 21 iюля. Мы въ Кiевѣ, въ святомъ городѣ «матери русскихъ городовъ», по выраженiю св. Владимiра, который, крестившись, крестилъ народъ, заставивъ его войти въ Днѣпръ. Но безумцы оплакивали своихъ идоловъ, которыхъ бросали въ воду въ то же время, какъ крестили народъ.

Мы идемъ сперва въ лавру, куда богомольцы стекаются ежедневно тысячами, изъ всѣхъ концовъ Россiи. Очень любопытны пещеры; онѣ тѣсны, низки, сыры и, разумѣется, темны. Каждый входитъ туда со свѣчкой; впереди идетъ монахъ, который быстро показываетъ вамъ гробы съ тѣлами святыхъ.

Мама горячо молилась; я увѣрена, что Дина и папа также молились за меня.

Богъ не исцѣлитъ меня вдругъ, въ церкви; нѣтъ, ничего подобнаго я не заслужила, но Онъ сжалится надо мною и вдохновитъ доктора, который поможетъ мнѣ... Я не перестану молиться.

Парижъ. Вторникъ, 26 іюля. Наконецъ, я здѣсь! Здѣсь жизнь. Между прочимъ, я заѣзжала въ мастерскую. Меня приняли съ восклицаніями и поцѣлуями. Такъ какъ я очень дорожу дружбой и содѣйствіемъ Жуліана, то я думала, что онъ встрѣтитъ меня не ласково, и что такимъ образомъ оправдаются дурныя предзнаменованія, разбитое зеркало и т. д. Но нѣтъ, непріятность грозитъ не съ этой стороны. Тони здоровъ.

Я была у Коллиньонъ сегодня. Она при смерти; вотъ измѣнилась-то! Розалія предупредила меня, но я была поражена: это сама смерть.

А въ комнатѣ запахъ очень крѣпкаго бульона, какой даютъ больнымъ. Это ужасно!

Меня все преслѣдуетъ этотъ запахъ. Бѣдная Коллиньонъ! Я отвезла ей бѣлаго мягкаго шелку на платье и косынку, которая мнѣ такъ нравилась, что я колебалась пять мѣсяцевъ и рѣшилась на эту громадную жертву въ надеждѣ, что небо воздастъ мнѣ за это. Эти расчеты отнимаютъ у меня всякую заслугу. Представляете ли вы себѣ меня слабой, худой, блѣдной, умирающей, мертвой?

Не ужасно-ли, что все это такъ? По крайней мѣрѣ, умирая молодою, внушаешь состраданіе всѣмъ другимъ. Я сама растрогиваюсь, думая о своей смерти. Нѣтъ, это кажется невозможнымъ. Ницца, пятнадцать лѣтъ, три граціи, Римъ, безумства въ Неаполѣ, живопись, честолюбіе, неслыханныя надежды — и все для того, чтобы окончить гробомъ, не получивъ ничего, не испытавъ даже любви!

Я такъ говорила: такіе люди, какъ я, не живутъ, особенно при такихъ обстоятельствахъ, какъ мои. Жить — значило бы имѣть слишкомъ много.

А между тѣмъ встрѣчаются же участи еще болѣе баснословныя, чѣмъ тѣ, о которой я мечтала.

Четвергъ, 9 августа. Я терплю постоянную пытку. Краснѣть передъ своими, чувствовать, что они одолжаютъ меня, стараясь говорить громче! Въ магазинахъ я дрожу каждую минуту; это еще куда ни шло, но всѣ тѣ хитрости, которыя я употребляю съ друзьями, чтобы скрыть свой недостатокъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ жестоко, слишкомъ ужасно, слишкомъ нестерпимо? Я не всегда слышу, что говорятъ мнѣ натурщики, и дрожу отъ страха при мысли, что они заговорятъ; а развѣ отъ этого не страдаетъ работа? Когда Розалія

тутъ, то она мнѣ помогаетъ: когда я одна, у меня голова идетъ кругомъ и языкъ отказывается сказать: «говорите погромче, я плохо слышу!» Боже мой, сжалься надо мною! Если я перестану вѣрить въ Бога, лучше сейчасъ же умереть съ отчаянія. На легкое перешло съ горло, отъ горла происходитъ и то, что дѣлается съ ушами. Вылѣчите-ка это!

Боже мой, неужели нужно быть разлученной съ остальнымъ міромъ такимъ ужаснымъ образомъ? И это я, я, я! Есть же люди, для которыхъ это не было бы такимъ страданіемъ, но...

О, какая это ужасная вещь!

Суббота, 13 августа. Вамъ извѣстно, что у меня попорчено правое легкое; ну, такъ я увѣрена, что вамъ доставитъ удовольствіе узнать, что и лѣвое легкое тронуто. Впрочемъ, мнѣ еще не говорилъ объ этомъ никто изъ этихъ идіотовъ докторовъ; я въ первый разъ почувствовала это въ кіевскихъ пещерахъ, но я думала, что это минутная боль отъ сырости; съ тѣхъ поръ эта боль повторяется всякій день, и сегодня вечеромъ она такъ сильна, что мнѣ трудно дышать.

А картина?

Воскресенье, 14 августа. Ночью мнѣ спалось, и сегодня утромъ мнѣ все было больно, и въ спинѣ тоже; всякій разъ, какъ я вздохну — это самъ чортъ! Всякій разъ, какъ кашляну — два чорта.

Теперь я отказываюсь отъ картины, это рѣшено. Но сколько потеряно времени! Больше мѣсяца.

Четвергъ, 18 августа. Сегодня — не читайте, если любите веселыя вещи — я провела день за работой, и во время работы обращала къ себѣ in petto самыя жестокія истины.

Я пересмотрѣла свои картины, по нимъ можно прослѣдить мои успѣхи шагъ за шагомъ. Время отъ времени я говорила себѣ, что Бреслау уже писала прежде, чѣмъ я стала рисовать... Но вы скажете, что въ этой дѣвушкѣ заключенъ для меня весь міръ? Не знаю, но только не мелкое чувство заставляетъ меня опасаться ея соперничества.

Съ первыхъ же дней, что бы ни говорили мужчины и товарищи, я угадала въ ней талантъ; вы видите, что я права. Меня волнуетъ одна мысль объ этой дѣвушкѣ; одинъ ея штрихъ на одномъ изъ моихъ рисунковъ кольнулъ меня въ самое сердце; это потому, что я чувствую силу, передъ которой я исчезаю. Она всегда сравнивала себя со мною. Представь-

те себѣ, что всѣ ничтожества въ мастерской говорили, что она никогда не будетъ писать, что у нея нѣтъ красокъ, а есть только рисунокъ. Это-же самое говорятъ обо мнѣ... Это должно бы было быть утѣшенiемъ, и это, дѣйствительно, единственное утѣшенiе, которое у меня осталось!

Я еще ничего не сказала объ отъѣздѣ О... Она уже давно хочетъ уѣхать, но ее все удерживали. Но у бѣдняжки истощаются силы, ей скучно до смерти. Подумайте только: здороваясь и прощаясь, я всякiй вечеръ упрекаю себя въ томъ, что не сказала больше, и всякiй день повторяется то же.

У меня были сотни разъ великодушные порывы сблизиться съ нею, но на этомъ дѣло и стало, и я нахожу себѣ извиненiе въ своихъ сожалѣнiяхъ.

Наконецъ, бѣдняжка уѣхала. Это просто ангельскiй характеръ, и при ея отъѣздѣ у меня сильно сжалось сердце: но ей тамъ будетъ лучше. Меня поражаетъ то, что я больше не могу поправить своей холодности и равнодушiя; я относилась къ ней, какъ къ мамѣ, къ тетѣ, къ Динѣ; но моимъ это не такъ тяжело, какъ этой чужой дѣвушкѣ, такой доброй, спокойной! Она уѣхала вчера въ девять часовъ. Я не могла говорить, боясь расплакаться, и приняла небрежный видъ; но, надѣюсь, она все замѣтила.

Суббота, 20 августа. Я отправилась одна къ скульптору Фальгеру; я назвалась американкой, показала ему рисунки и сказала ему о своемъ желанiи работать. Онъ нашелъ, что одинъ рисунокъ очень, очень хорошъ, всѣ другiе тоже хороши. Онъ направилъ меня въ мастерскую, гдѣ самъ даетъ совѣты; впрочемъ, предложилъ свои услуги, т. е. предложилъ привозить ему свои работы или прiѣзжать ко мнѣ. Это очень мило, но для этого у меня есть Сенъ-Мерсо, котораго я обожаю, и я удовольствуюсь мастерскою.

Бiаррицъ. Пятница, 16 сентября. Простившись со всѣми, мы уѣхали въ четвергъ утромъ. Мы должны были провести ночь въ Байоннѣ, но предпочли Бордо, гдѣ Сара давала представленiе. Мы взяли два мѣста на балконѣ за пятьдесятъ франковъ, и я видѣла «Даму съ камелiями». Къ несчастью, я была очень утомлена; объ этой женщинѣ такъ много говорили, что я не отдаю себѣ отчета въ моихъ впечатлѣнiяхъ. Мнѣ казалось, что она не сдѣлаетъ ничего такъ, какъ другiя, и я была нѣсколько изумлена, что она ходитъ, говоритъ, садится. Съ необыкновеннымъ вниманiемъ слѣдишь за

малѣйшимъ ея движеніемъ. Словомъ, я не знаю, но мнѣ кажется, что она очаровательна.

Но я знаю навѣрно, что Біаррицъ прелестенъ...

Море весь день было восхитительнаго цвѣта. Такіе тонкіе сѣрые тона!

Мадридъ. Воскресенье, 2 октября. Когда выйдешь изъ этого ужаснаго кроваваго мѣста, все кажется сномъ. Бой быковъ! Отвратительная бойня лошадей и быковъ, гдѣ люди, повидимому, не подвергаются никакой опасности и гдѣ они играютъ низкую роль. Единственными интересными моментами для меня было паденіе людей; одинъ изъ нихъ былъ затоптанъ быкомъ — это настоящее чудо, что онъ спасся. За это ему сдѣлали овацію. Публика кидаетъ сигары, шляпы, и ихъ очень ловко бросаютъ обратно; маханіе платками и дикіе крики со всѣхъ сторонъ.

Это жестокая игра, но доставляетъ ли она удовольствіе? Вотъ въ чемъ вопросъ. Нѣтъ, она не увлекательна, не интересна, это ужасно и низко. Въ обезумѣвшее животное, раздраженное многоцвѣтными плащами, всаживаютъ что-то въ родѣ копій; кровь течетъ, и чѣмъ больше животное движется, чѣмъ больше оно прыгаетъ, тѣмъ сильнѣе его ранятъ. Ему подводятъ несчастныхъ лошадей съ завязанными глазами, которымъ онъ распарываетъ животъ. Кишки вываливаются, но лошадь все-таки поднимается и повинуется до послѣдней крайности человѣку, который часто падаетъ вмѣстѣ съ нею, но почти всегда остается невредимымъ.

Король, королева, инфанты присутствуютъ на боѣ быковъ; всѣхъ зрителей болѣе 14.000. Это происходитъ каждое воскресенье. Нужно видѣть главу всѣхъ этихъ мрачныхъ глупцовъ, чтобы повѣрить, что можно пристраститься къ такимъ ужасамъ. Если бы это были еще настоящіе ужасы! Но эти безобидныя клячи и эти быки, которые приходятъ въ ярость только тогда, когда ихъ раздразнятъ, раненые, истязаемые...

Королева, которая родомъ изъ Австріи, вѣрно не находитъ въ этомъ удовольствія. Король имѣетъ видъ англичанина изъ Парижа. Мила только младшая инфанта. Королева Изабелла сказала мнѣ, что я на нее похожа; я этимъ польщена, такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ мила.

Мы выѣхали изъ Біаррица въ четвергъ утромъ и вечеромъ пріѣхали въ Бургосъ. Пиринеи поразили меня своею

величественной красотой; слава Богу, мы выбрались изъ картонныхъ утесовъ Біаррица.

Если вы думаете, что путешествіе съ моими матерями можетъ быть пріятнымъ, то вы сильно ошибаетесь. Впрочемъ, это понятно: онѣ не имѣютъ ни моей молодости, ни моей любознательности. Такъ какъ это дѣло прошлое, я не стану говорить о томъ, какъ онѣ меня раздражали, тѣмъ болѣе, что еще тысячу разъ буду имѣть случай говорить объ этомъ.

Со вчерашняго утра мы въ Мадридѣ. Сегодня утромъ мы были въ музеѣ. Въ сравненіи съ нимъ Лувръ очень блѣденъ: Рубенсъ, Филиппъ Шампанскій, даже Ванъ-Дикъ и итальянцы здѣсь лучше. Ничего нельзя сравнить съ Веласкезомъ, но я еще слишкомъ поражена, чтобы высказывать свое сужденіе. А Рибера? Господи Боже! Да, вотъ они настоящіе натуралисты! Можно ли видѣть что-нибудь болѣе правдивое, болѣе божественное и истинно правдивое! Какъ волнуешься и чувствуешь себя несчастнымъ при видѣ такихъ вещей! О, какъ хочется обладать геніемъ!

Краска! Чувствовать краску и не передать ея, это невозможно.

Завтра я пойду въ музей одна. Трудно повѣрить, какъ оскорбительно дѣйствуетъ глупое разсужденіе передъ великими произведеніями. Это рѣжетъ, какъ ножомъ, и если сердиться, это принимаетъ слишкомъ глупый видъ. У меня есть, кромѣ того, извѣстнаго рода застѣнчивость, которую трудно объяснить: я не хотѣла бы, чтобы видѣли, какъ я чѣмъ-нибудь любуюсь, я боюсь быть пойманной на выраженіи искренняго впечатлѣнія; я не умѣю здѣсь объясниться.

Мнѣ кажется, что можно серьезно говорить о чемъ-нибидь, глубоко трогающемъ васъ, только съ тѣмъ, съ кѣмъ вы имѣете полное духовное общеніе. Я могу по-человѣчески говорить съ Жуліаномъ; но съ нимъ у меня является всегда черта преувеличенія, чтобы энтузіазмъ имѣлъ комическую сторону и чтобы можно было найти убѣжище въ ироніи, какъ бы оно ни было легко. Но получить глубокое впечатлѣніе и высказать его просто и серьезно, какъ чувствуешь... Я не представляю себѣ, что могла бы это сдѣлать съ кѣмъ-нибудь, кромѣ человѣка, котораго любила бы всею душой... Если бы я могла это сдѣлать по отношенію къ человѣку, къ которому я равнодушна, это тотчасъ создало бы не-

видимую связь, которая потомъ была бы стѣснительной: точно вмѣстѣ совершили дурное дѣло.

Или ужъ нужно дѣлиться мыслями по-парижски, дѣлая видъ, что на все смотришь съ точки зрѣнія своей спеціальности, чтобы не казаться слишкомъ поэтичной и говорить о художествѣ словами, сдѣлавшимися уже банальными.

Вторникъ, 4 октября. Докончу описаніе вчерашняго дня. Итакъ, изъ Buon Retiro мы идемъ въ кафе слушать пѣніе и смотрѣть на пляску испанскихъ гитанъ.

Это мѣсто совершенно своеобразное. Мужчина бренчитъ на гитарѣ, и дюжина женщинъ хлопаетъ въ тактъ въ ладоши; вдругъ одна изъ нихъ начинаетъ издавать ноты въ хроматическомъ безпорядкѣ; это невозможно передать. Это нѣчто совсѣмъ арабское и уже черезъ часъ надоѣдаетъ.

Четвергъ, 6 октября. Я скопировала руку Веласкеза. Я была одѣта скромно, въ черномъ и въ мантильѣ, какъ всѣ здѣшнія женщины, но на меня многіе приходили смотрѣть, особенно одинъ господинъ. Кажется, въ Мадридѣ они еще хуже, чѣмъ въ Италіи: прогулки подъ окнами, гитары; за вами ходятъ всюду и разговариваютъ, и такъ безъ конца. Въ церквахъ обмѣниваются записками, и у молодыхъ дѣвушекъ по пяти или шести воздыхателей: съ женщинами замѣчательно вѣжливы, но эта вѣжливость не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, такъ какъ здѣсь не существуетъ полу-свѣта, какъ во Франціи; **такія женщины** презираются; но на улицѣ вамъ скажутъ, что вы красивы, что васъ обожаютъ, просятъ позволенія проводить, какъ даму, и все это вполнѣ прилично. Мужчины бросаютъ вамъ подъ ноги плащи, чтобы вы прошли по нимъ. Что касается до меня, то я нахожу это прелестнымъ; когда я выхожу одѣтая очень просто, но изящно, на меня смотрятъ, останавливаются, и я точно возрождаюсь; это какая-то новая жизнь, романтическая, съ оттѣнкомъ средневѣковаго рыцарства...

Воскресенье, 9 октября. Мама уѣхала въ Россію, и присутствіе постороннихъ при разставаніи избавило насъ отъ пролитія слезъ. Мнѣ было грустно съ утра, но ей нужно было ѣхать: отецъ вызываетъ ее по дѣламъ.

Вечеръ проходитъ въ разговорѣ объ искусствѣ съ знакомыми, и теперь я одна рисую мрачныя картины: что если мама умретъ и больше не увидитъ насъ!..

И она умерла бы, думая, что я ее не люблю, что мнѣ это все равно, что я утѣшусь и, можетъ быть, даже довольна!

Я готова ко всякимъ несчастіямъ, но не могу себѣ представить, что сдѣлалось бы со мною, если бы это случилось... Я предпочитаю все на свѣтѣ — сдѣлаться слѣпою, быть разбитой параличемъ... Меня можно было бы пожалѣть, но потерять маму при такихъ условіяхъ! Мнѣ казалось бы, что я ее убила.

Понедѣльникъ, 10 октября. Когда я работала въ музеѣ, пришли двое пожилыхъ людей; они спросили я ли m-lle Башкирцева. — Безъ сомнѣнія; тогда они поспѣшили ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ — Г. Солдатенковъ — московскій милліонеръ, который много путешествуетъ и обожаетъ искусство и художниковъ. Потомъ мнѣ сказали, что Мадрацо, сынъ директора музея и самъ художникъ, очень любовался моей копіей и хочетъ со мной познакомиться. Старикъ Солдатенковъ спросилъ меня, продаю ли я свои картины, и я имѣла глупость сказать, что нѣтъ.

Что же касается живописи, то я научаюсь многому; я вижу то, чего не видѣла прежде. Глаза мои открываются, я приподнимаюсь на цыпочки и едва дышу, боюсь, что очарованіе разрушится. Это настоящее очарованіе; кажется, что, наконецъ, можешь уловить свои мечтанія, думаешь, что знаешь, что нужно дѣлать, всѣ способности направлены къ одной цѣли, — къ живописи, не къ ремесленной живописи, а къ такой, которая вполнѣ передавала бы настоящее, живое тѣло; если добиться этого и быть истиннымъ артистомъ, можно сдѣлать чудесныя вещи. Потому что все, все — въ исполненіи. Что такое «Кузница Вулкана» или «Пряхи» Веласкеза? Отнимите у этихъ картинъ это чудное исполненіе, и останется просто мужская фигура, ничего больше. Я знаю, что возмущу многихъ: прежде всего, глупцовъ, которые такъ много кричатъ о чувствѣ... Вѣдь чувство въ живописи сводится къ краскамъ, къ поэзіи исполненія, къ очарованію кисти. Трудно отдать себѣ отчетъ, до какой степени это вѣрно! Любите ли вы живопись наивную, жидкую, прилизанную? Это любопытно и интересно, но **любить** этого нельзя. Любите ли вы чудныхъ Дѣвъ на картонахъ Рафаэля? Я могу прослыть за невѣжду, но скажу вамъ, что это меня не трогаетъ... Въ нихъ есть чувство и благородство, передъ которымъ я преклоняюсь, но котораго я не могу любить. «Аѳинская школа» того же Рафа-

эля, конечно, великолѣпна и ни съ чѣмъ несравнима, какъ и другія его произведенія, особенно въ гравюрахъ и фотографіяхъ. Тутъ есть чувство, мысль, дыханіе истиннаго генія. Замѣтьте, что я также врагъ низменныхъ тѣлесъ Рубенса и прекрасныхъ, но глупыхъ тѣлъ Тиціана. Нужно соединеніе духа и тѣла. Нужно, подобно Веласкезу, творить, какъ поэтъ, и думать, какъ умный человѣкъ.

Вторникъ, 11 октября. Мнѣ снилось, что мнѣ объяснили что у меня въ правомъ легкомъ: въ извѣстныя части его воздухъ не проникаетъ... но объ этомъ противно разсказывать, довольно и того, что оно у меня тронуто. О, я это знаю! Съ нѣкотораго времени я чувствую недомоганіе, легкую слабость; но я не та, что прежде, я чувствую себя не такъ, какъ другіе; какой-то разслабляющій паръ окутываетъ меня, говоря въ переносномъ смыслѣ, разумѣется... Кажется, что у меня дѣлается что-то странное въ груди, а у меня... но къ чему эти нелѣпости? Потомъ это будетъ видно само собою.

Пятница, 14 октября. Вчера, въ семь часовъ утра, мы уѣхали въ Толедо. Мнѣ такъ много говорили о немъ, что я вообразила Богъ знаетъ какое чудо; вопреки здравому смыслу, я представляла себѣ что-нибудь изъ эпохи Возрожденія или изъ среднихъ вѣковъ: великолѣпные остатки архитектуры, рѣзныя двери, почернѣвшіе отъ времени балконы прелестной работы и т. д. Я знала, что это будетъ что-то другое, но это ожиданіе испортило мнѣ Толедо; я увидѣла мавританскій городъ съ тонкими стѣнами и съ зазубренными воротами. Толедо стоитъ на самомъ верху, точно цитадель, и если взглянуть сверху на Кампанію и на Таго, то получается нѣчто похожее на нѣкоторые неправдоподобные фоны Леонардо-да-Винчи и Веласкеза: горы почти съ высоты птичьяго полета, голубовато-зеленаго цвѣта, видныя изъ окна, у котораго стоитъ дама или рыцарь, въ фіолетовомъ бархатѣ и съ прекрасными тонкими руками. Что касается до самаго Толедо, то это лабиринтъ кривыхъ узкихъ переулковъ, куда не проникаетъ солнце, гдѣ жители точно остановились только на время — такъ плохи всѣ эти дома. Это мумія, это Помпея, сохранившаяся въ цѣломъ видѣ, но такъ и кажется, что она распадается въ прахъ отъ древности. Соборъ великолѣпенъ, какъ и въ Бургосѣ — украшеній масса. Двери изумительны, и монастырь также, со своимъ дворомъ, полнымъ олеандрами и розовыми кустами, которые проникаютъ въ галлерею и ползутъ

вдоль по столбамъ, на которыхъ стоятъ мрачныя и грустныя статуи. Когда сюда проникаетъ лучъ солнца, это ни съ чѣмъ несравнимая поэзія!

Нельзя вообразить себѣ, что такое испанскія церкви! Проводники въ лохмотьяхъ, служащіе при церкви въ бархатѣ, иностранцы, собаки — все это ходитъ, молится, лаетъ и т. д. и все имѣетъ своеобразную прелесть. Хотѣлось бы тутъ, при входѣ изъ капеллы, встрѣтить внезапно, за колонной, идола своей души.

Просто невѣроятно, чтобы страна, лежащая такъ близко къ центру европейской испорченности, могла остаться такой нетронутой, дѣвственной, дикой!

Я сказала вамъ, что соборъ великолѣпенъ по роскоши, богатству и особенно по легкости; кажется, что эти колонки, рѣзьба и своды не могутъ противостоять времени; боишься, что такія сокровища развалятся; это такъ красиво, что чувствуешь какое-то личное опасеніе; но вотъ уже пять вѣковъ, что стоитъ чудо терпѣнія, непоколебимое и прекрасное. Вотъ мысль, которую выносишь оттуда: лишь бы это сохранилось! Чувствуешь страхъ, что это будетъ испорчено, повреждено; я желала бы, чтобы никто не имѣлъ права тронуть пальцемъ этого созданія; люди, которые ходятъ въ немъ, уже виновны, мнѣ кажется, въ томъ, что способствуютъ чрезвычайно медленному, но неизбѣжному разрушенію этого дивнаго зданія. Я знаю, что пройдетъ еще много вѣковъ, но... При выходѣ оттуда — высокія зубчатыя стѣны съ арабскими окнами, выцвѣтшими на солнцѣ, мечети съ грандіозными столбами, съ арабскими украшеніями. Но поѣзжайте въ Римъ и посмотрите, какъ садится солнце за куполъ, и всѣ эти удивительныя мелочи, всѣ эти рѣзныя камни, готическія и арабскія двери, всѣ эти мелкія и хрупкія чудеса съ ихъ надменнымъ характеромъ — все это спадетъ, какъ чешуя, и покажется вамъ дѣтскими украшеніями.

Суббота, 15 октября. Я провела день въ Эскуріалѣ съ тетей, которой было скучно и которая, принявъ равнодушный видъ, старалась обмануть меня. Если бы я не слышала, что говорилъ проводникъ, она не дала бы мнѣ осмотрѣть склеповъ... чтобы не утомлять меня, и потомъ «гробы, это такъ ужасно»! Какъ несносно путешествовать такимъ образомъ! Наконецъ я видѣла, какъ во снѣ, эту огромную глыбу гранита, мрачную, печальную, величественную. Я нахожу это вели-

колѣпнымъ; эта величественная грусть очаровательна. Дворецъ напоминаетъ по формѣ жаровню св. Лаврентія, что придаетъ ему отчасти видъ казармъ, извините за выраженіе; но онъ стоитъ среди выжженной мѣстности, мрачной, волнообразной и производитъ глубокое впечатлѣніе своими гранитными стѣнами, толщиной въ парижскій домъ, своими монастырями, колоннами, галлереями, террасами, дворами. Говорятъ, что это холодно, печально; я согласна съ этимъ, но здѣсь успокаиваются раздражающія впечатлѣнія отъ Толедо. Мы были въ королевскихъ покояхъ, отдѣланныхъ довольно некрасивыми и слишкомъ яркими обоями; впрочемъ, кабинетъ короля — прелесть; тамъ есть двери съ деревянными инкрустаціями и съ украшеніями изъ полированнаго желѣза и чистаго золота; одна гостиная, обитая парчей, тоже прелестна. Какой контрастъ съ комнатой Филиппа II! Этотъ тиранъ жилъ въ голой и бѣдной кельѣ, выходящей въ низкую мраморную часовню, которая, въ свою очередь, сообщается съ церковью. Ему виденъ былъ изъ постели алтарь, и онъ могъ въ постели слушать мессу. Я не могу припомнить всѣ залы, лѣстницы, монастыри, по которымъ насъ водили, — такъ это огромно. А длинныя галлереи съ огромными окнами, съ закрытыми ставнями, съ массивными и мало отдѣланными дверьми!

Неужели я могу предпочитать этому мрачному величію красивыя бездѣлушки! Какая своеобразность, простота — это далеко отъ нагроможденныхъ другъ на друга украшеній въ Толедо.

Потомъ насъ повели черезъ паркъ, гдѣ король охотится, кажется, на кроликовъ, и въ павильонъ, построенный, кажется, въ 1781 г. Это настоящая игрушка: лѣстницы и крыльцо изъ цвѣтного мрамора, много маленькихъ комнатъ, обвѣшанныхъ картинами, даже хорошими картинами, или обитыхъ палевымъ атласомъ съ прелестно вышитыми голубыми и розовыми цвѣтами; красиво выцвѣтшій зеленый цвѣтъ тонко выступаетъ изъ бѣлаго, который принялъ ни съ чѣмъ несравнимый оттѣнокъ слоновой кости.

Можно потерять голову отъ этихъ маленькихъ атласныхъ гостиныхъ, бѣлыхъ или блѣдно-голубыхъ съ свѣтло-желтымъ, съ прелестно разрисованными или инкрустованными потолками.

Воскресенье, 16 октября. Одна изъ самыхъ любопытныхъ вещей здѣсь это Rastro — улица, занимаемая всевоз-

можными шалашами, какъ ярмарки въ русскихъ деревняхъ, гдѣ можно найти все. И эта жизнь, одушевленіе, движеніе подъ этимъ жгучимъ солнцемъ! Это великолѣпно. Роскошныя вещи помѣщаются въ грязныхъ домахъ. Заднія лавки и лѣстницы совершенно легендарны; тамъ масса матерій, ковровъ и вышивокъ, отъ которыхъ голова идетъ кругомъ.

А эти бѣдняки кажутся совершенно беззаботными: они прокалываютъ гвоздями чудныя матеріи и вѣшаютъ ихъ на стѣны, чтобы повѣсить старыя рамки; они наступаютъ на парчу, брошенную на землю, на старую мебель, рамки, статуи, серебро, на старые заржавѣвшіе гвозди.

За нами зашелъ Эскобаръ, чтобы вмѣстѣ идти на бой быковъ. Я хотѣла посмотрѣть еще разъ, чтобы судить по второму впечатлѣнію. Было объявлено, что будетъ восемь быковъ, и это, кажется, послѣднее воскресенье. Король, королева, инфанты были налицо. Музыка, солнце, дикіе крики, топотъ, свистки, маханіе платками, бросаніе шляпъ! Это единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, увлекательное по своему величію, несравнимое ни съ чѣмъ. Я начинаю входить во вкусъ и заинтересовываться представленіемъ. Я пошла на него неохотно, съ легкимъ отвращеніемъ; но я сохранила спокойствіе передъ этой бойней съ утонченными жестокостями. Все это прекрасно, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ничего не видѣть... А кончаешь тѣмъ, что заинтересовываешься и сохраняешь храбрый видъ при всѣхъ этихъ низостяхъ уже изъ гордости. Я смотрѣла все время. Выходишь оттуда нѣсколько опьяненная кровью; еще немного, и стала бы всѣхъ людей ударять желѣзнымъ остріемъ въ затылокъ.

За обѣдомъ я разрѣзала дыню съ такимъ чувствомъ, какъ будто вонзала копье; мнѣ казалось, что мясо еще трепещетъ, только что вырѣзанное изъ быка. Отъ этого морозъ пробѣгаетъ по кожѣ и голова точно въ тискахъ; вотъ настоящая школа убійцъ.

Эту дуэль человѣка съ огромнымъ животнымъ находятъ великолѣпной; но дѣйствительно ли это дуэль, когда извѣстно заранѣе, кто изъ нихъ долженъ пасть? Когда входитъ матадоръ въ своемъ блестящемъ костюмѣ, обрисовывающемъ его формы, и три раза своеобразно привѣтствуетъ публику (онъ три раза вытягиваетъ впередъ свою руку), — спокойный, холодный, и становится передъ животнымъ съ плащемъ и шпагой... это чуть ли не лучшая часть представленія, такъ какъ

тутъ почти не проливается крови. Да, — это поистинѣ изумительно. Такъ я, значитъ, примирилась съ этимъ дикимъ удовольствіемъ! Я этого не говорю, но нахожу въ немъ прекрасную, почти величественную сторону: этотъ циркъ, эти четырнадцать или пятнадцать тысячъ зрителей — это точно видѣніе изъ древности, которую я такъ люблю. Но эта кровавая, ужасная, низкая сторона... Если бы люди были менѣе ловки, если бы они чаще получали чувствительныя раны, я не возставала бы, но меня возмущаетъ здѣсь человѣческая подлость. Впрочемъ, говорятъ, что нужно обладать львиной храбростью... Но нѣтъ, они слишкомъ ловки, слишкомъ увѣренны, чтобы не избѣгнуть страшныхъ, но наивныхъ, ожидаемыхъ и вызванныхъ нападеній животнаго... Настоящая опасность грозитъ человѣку, когда онъ бѣжитъ навстрѣчу быку, готовому поднять его на рога, и предупреждаетъ его, всаживая ему копье между плечами; тутъ нужна исключительная храбрость и ловкость.

Четвергъ, 20 октября. Сегодня утромъ я провела два часа въ Кордовѣ и имѣла только время взглянуть на городъ, который прелестенъ... въ своемъ родѣ. Я обожаю такіе города; меня приводятъ въ восторгъ остатки римскаго времени и мечеть; это настоящее чудо.

Я съ удовольствіемъ осталась бы въ Кордовѣ на мѣсяцъ. Но для этого нужно было бы путешествовать не съ тетей, которая въ десять минутъ успѣваетъ вывести васъ изъ себя десять разъ. То «нечего смотрѣть, и проводникъ нарочно водитъ насъ, чтобы заработать больше денегъ и заставить насъ пропустить поѣздъ», то нужно брать коляску, чтобы ѣхать въ мечеть — и это въ Кордовѣ, въ восемь часовъ утра! Подумайте сами, можно простудиться, и потомъ, развѣ я, умирающая, могу ходить пѣшкомъ? Вотъ пріятное, прелестное общество для артистической поѣздки по Испаніи?

Суббота, 22 октября. Наконецъ мы въ прославленной Севильѣ. Въ общемъ, я теряю здѣсь много времени. Я была бы въ музеѣ: цѣлая зала Мурильевскихъ картинъ. Я предпочла бы что-нибудь другое, особенно здѣсь, а тутъ только Дѣвы и другіе святые. Я невѣжда, дерзка и груба, но я еще не видѣла Богоматери, какою она должна была быть.

А фабрика сигаръ и папиросъ! И что тамъ за запахъ! И если бы это былъ еще одинъ табакъ! Это сборище женщинъ съ голыми руками и шеями, дѣвочекъ и дѣтей. Большею

частью, эти копошащіяся существа красивы, и вообще видѣть это любопытно. Испанки обладаютъ граціей, какой нѣтъ у другихъ женщинъ. Пѣвицы кафе, свертывающія сигары, ходятъ, какъ королевы. Какія у нихъ шеи! Руки круглыя, очень чистой формы и прекраснаго оттѣнка. Это побѣдительницы сердецъ и существа поистинѣ изумительныя.

Особенно одна, которая вставала, чтобы идти за листьями табаку: осанка королевы, мягкость кошки, божественная грація... при томъ прекрасная голова, ослѣпительное тѣло, руки, глаза, улыбка! Я не считаю ужъ тѣхъ, которыя только пикантны. Дѣвочки забавны и прелестны; попадаются некрасивыя, но мало. И даже въ некрасивыхъ есть что-то особенное.

Вторникъ, 25 октября. Я видѣла соборъ; онъ очень великъ, и по моему, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ; видѣла Альказаръ, съ его чудными садами, баню султаншъ, а потомъ мы сдѣлали прогулку по улицамъ. Я не преувеличиваю, говоря, что мы были единственныя женщины въ шляпахъ. На иностранцевъ здѣсь смотрятъ, какъ на какихъ-то ученыхъ обезьянъ; передъ ними останавливаются, ихъ осмѣиваютъ или говорятъ имъ любезности.

Дѣти меня освистываютъ, но взрослые говорятъ мнѣ, что я красивая и **соленая**; вы знаете, что здѣсь считается шикомъ быть *salada*.

Севилья вся бѣлая; улицы узки, часто коляска не можетъ по нимъ проѣхать, но все не такъ живописно, какъ хотѣлось бы. О, Толедо! Я вижу теперь свое варварство!..

Толедо — чудо. Севилья, съ ея низкими домами, выбѣленными известью, имѣетъ нѣсколько мѣщанскій характеръ. Есть и низкіе кварталы... но во всѣхъ странахъ міра худшіе кварталы интересны. Но тутъ такая гармонія и богатство тоновъ, что хотѣлось бы все это написать.

Я очень досадую, что не говорю по-испански; это очень стѣсняетъ, особенно, когда работаешь, дѣлаешь этюды.

Эти полудикія женщины и дѣти изумительнаго цвѣта, такъ же, какъ и ихъ лохмотья. Это прелестно, несмотря на грубость бѣлыхъ домовъ. Но вождь не прекращается, и потомъ я съ семьей.

Я понимаю, что жить съ семьей — счастье, и я была бы несчастна одна. Можно дѣлать покупки съ семьею, ѣздить кататься съ семьею, иногда въ театръ; можно въ семьѣ хворать, лѣчиться и дѣлать всѣ нужныя и интимныя вещи; но путеше-

ствовать съ семьею!! Это такъ же пріятно, какъ вальсировать съ своей теткой. Это смертельно скучно и даже нѣсколько смѣшно.

Четвергъ, 27 октября. О блаженство, я уѣхала изъ ужасной Севильи.

Я говорю тѣмъ болѣе «ужасной», что тепрь я въ Гренадѣ, со вчерашняго вечера, что мы бѣгаемъ съ самаго утра, что я видѣла неизбѣжный соборъ и часть цыганскихъ пещеръ. Я въ восторгѣ. Въ Біаррицѣ и въ Севильѣ у меня словно руки опустились, все, казалось, кончено. Въ три часа, проведенные въ Кордовѣ, городъ произвелъ на меня впечатлѣніе артистическаго города, т. е. я тамъ могла бы работать съ полнымъ воодушевленіемъ. Въ Гренадѣ—одно несчастье: тамъ нельзя оставаться шесть мѣсяцевъ, годъ. Не знаешь, куда броситься, столько сюжетовъ на каждомъ шагу. Улицы, силуэты, виды.

Становишься пейзажистомъ; но вдругъ появляются эти странные и интересные типы, съ ихъ яркими и гармонически-теплыми красками.

Что я видѣла здѣсь любопытнаго, это острогъ Гренады, —тюрьму, гдѣ работаютъ каторжники. Не знаю, какимъ образомъ явилась у меня эта фантазія — конечно, я не сожалѣю о ней, хотя оттуда выходишь съ шумомъ въ ушахъ, какъ послѣ боя быковъ. Комендантъ тюрьмы тотчасъ же согласился исполнить желаніе благородныхъ иностранокъ, и намъ показали все. Передъ нами шелъ сторожъ, сбоку шло по шести капраловъ, выбранныхъ изъ числа самыхъ храбрыхъ преступниковъ, вооруженныхъ палками. Я не сумѣю описать впечатлѣнія, произведеннаго этимъ стадомъ людей, обнажающихъ головы съ быстротою, обличающею страхъ передъ галунами и палками сторожей. Ихъ тутъ бьютъ, судя по словамъ проводника.

Безоружные, запертые, принуждаемые къ работѣ, какъ дѣти, эти люди внушаютъ мнѣ одно состраданіе, вмѣсто того, чтобы возбуждать во мнѣ мысль о преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, которыя ихъ тутъ собрали. Скажу болѣе, чувствуешь умиленіе, особенное умиленіе передъ этой толпой несчастныхъ, которые кланяются такъ униженно, работаютъ повидимому съ такимъ усердіемъ и показываютъ намъ тетрадки, по которымъ учатся читать — и все это съ такимъ дѣтскимъ боязливымъ видомъ.

Да, ихъ бьютъ, это видно; они похожи на тѣхъ бѣдныхъ

уличныхъ собакъ, которыя ложатся, отдавшись судьбѣ, и получаютъ удары.

Но какія головы! Мнѣ бы очень хотѣлось написать тамъ картину... Я получила на это разрѣшеніе, и если я найду уголокъ для трехъ или четырехъ фигуръ... Къ несчастію это увлекаетъ меня написать слишкомъ большую картину...

Я совѣтую посѣтить это мрачное мѣсто прежде, чѣмъ видѣть Генералифъ, сады котораго — предвкушеніе рая. Какъ описать вамъ это смѣшеніе олеандровъ, апельсинныхъ деревьевъ, самыхъ роскошныхъ и красивыхъ растеній, кипарисовыя аллеи, эти арабскія стѣны, пестрыя и увѣшанныя розами?.. Между клумбами фіалокъ протекаютъ ручьи.

Назавтра — Альгамбра и голова каторжника, которую я буду писать.

Пятница, 28 октября. Итакъ, я провела день въ гренадскихъ тюрьмахъ.

Мой бѣдняга-каторжникъ отлично позировалъ весь день; но такъ какъ я сдѣлала голову въ натуральную величину и набросала руки въ одинъ день (великій геній!), я не передала такъ хорошо, какъ обыкновенно, удивительно плутоватый характеръ этого человѣка. Я не могу сваливать это на недостатокъ времени; это произошло отъ освѣщенія, которое мѣнялось нѣсколько разъ, и отъ того, что у меня за спиной все время стояла дюжина этихъ каторжниковъ; они смѣнялись, но стояли тутъ, а это раздражаетъ, когда чувствуешь за собой взгляды. Помощникъ начальника, въ кабинетѣ котораго я работала, поставилъ за моей спиной стулья, точно для представленія, для своихъ друзей, которые смѣнялись цѣлый день.

Суббота, 29 октября. Наконецъ я видѣла Альгамбру; я нарочно не останавливалась передъ самымъ красивымъ, чтобы не привязаться къ Гренадѣ, и кромѣ того нашъ проводникъ мѣшалъ своимъ присутствіемъ моему увлеченію художника. Я непремѣнно увижу все это еще разъ.

Гренада съ башни поразительна по красотѣ. Горы, покрытыя снѣгомъ, исполинскія дервья, чудесные цвѣты и растенія, ясное небо и сама Гренада со своими бѣлыми домами, лежащая на солнцѣ, среди всѣхъ этихъ красотъ природы, арабскія стѣны, башни Генералида и Альгамбры!.. И вдали безпредѣльный горизонтъ, точно море; недостаетъ, правда, только моря, чтобы это была самая красивая мѣстность въ мірѣ. Самъ же дворецъ — **фантастической красоты.**

Арабскій костюмъ, безъ сомнѣнія, самый красивый на свѣтѣ. Нельзя ни съ чѣмъ сравнить надменное изящество этихъ чудныхъ складокъ. Я увлечена покойнымъ Боабдилемъ и его маврами и представляю его себѣ прогуливающимся въ этомъ единственномъ своемъ родѣ дворцѣ.

Воскресенье, 30 октября. Я провела цѣлый день у гитанъ, чтобы ничѣмъ не заниматься. Было очень холодно, у меня лицо потрескалось отъ холода, холстъ покрылся пескомъ и пылью; словомъ, ничего не сдѣлано. Но какіе драгоцѣнные пріиски для художника! Пробыть тамъ цѣлый день, наблюдать эти позы, эти группы, эти эффекты свѣта и тѣни! Гитаны очень привѣтливы съ иностранцами, потому что испанцы ихъ презираютъ. Слѣдовало бы пріѣхать на два или три мѣсяца и дѣлать этюды каждый день, и все еще осталось бы дѣла. Я въ восторгѣ отъ этихъ типовъ цыганъ. Ихъ позы, движенія исполнены странной и естественной граціи. Тутъ можно бы написать удивительныя картины. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны, вездѣ картины. Это ужасно, что мы пріѣхали такъ поздно; но, несмотря на самое доброе желаніе, работать невозможно: вѣтеръ съ горы, покрытой снѣгомъ, пронизываетъ насквозь, это невыносимо. Но какъ это красиво, какъ это красиво, какъ это красиво!

Среда, 2 ноября. Мы опять въ Мадридѣ, и я задаю себѣ праздникъ, работая уже три дня надъ эскизомъ Лоренцо.

Слыша, что я говорю только объ этомъ и видя мое нетерпѣніе возвратиться въ Мадридъ, совершено естественно,— неправда-ли, — что тетя входитъ ко мнѣ совсѣмъ одѣтая и говоритъ:—«Мы вѣдь посвятимъ цѣлый день покупкамъ?»— И когда я отвѣтила, что буду писать, она изумляется и говоритъ, что я сошла съ ума.

Вамъ приходитъ въ голову мысль, вамъ кажется, что вы нашли сюжетъ; вы укладываете ваши вещи, мечта начинаетъ воплощаться, вы дѣлаете эскизъ, вы отдались всецѣло работѣ, вы мучительно ищете какъ бы расположить все въ гармоніи и въ ту минуту, когда вы предчувствуете еще неясную идею, которая можетъ улетучиться прежде, чѣмъ вы ее усвоили!.. является милѣйшая семья, которая меня такъ любитъ и такъ безпокоится, когда я кашляю. Я не слишкомъ чувствительна, я считаю себя очень практичной въ сравненіи съ другими художниками... Но этого недостаточно, какъ ви-

димо... О, неразумная и беззаботная семья, она не понимаетъ, что менѣе сильная, менѣе энергичная, менѣе плодовитая, уже умерла бы на моемъ мѣстѣ!

Суббота, 5 ноября. Я въ Парижѣ! Восторгъ мой не имѣетъ предѣловъ. Я считала часы, скучая въ вагонѣ. Свѣжій воздухъ и жгучее солнце. Испанія заставляетъ меня находить прелестнымъ сѣроватую тишину прекраснаго города.

Жуліанъ думалъ, что я пріѣду гораздо позднѣе, больная, а можетъ быть и совсѣмъ не пріѣду.

О, какая пріятная вещь симпатія, но животныхъ — еще лучше.

Воскресенье, 6 ноября. Процессъ конченъ, выигранъ. Слѣдствіе показало, что не было и причины для процесса. Это кажется невозможнымъ, такъ долго это длится, а между тѣмъ, это такъ. Мы только что получили депешу отъ мамы. Это былъ счастливый день.

Четвергъ, 17 ноября. Вчера я еле могла двигаться: у меня болѣла грудь, горло, спина, я кашляла, не могла глотать и десять разъ въ день переходила отъ озноба къ жару.

Понедѣльникъ, 21 ноября. Въ среду послали за Потеномъ, онъ пришелъ сегодня, я могла бы двадцать разъ умереть за это время.

Я знала, что онъ опять пошлетъ меня на югъ; я заранѣе уже стиснула зубы при этой мысли, руки у меня дрожали, и я съ большимъ трудомъ удерживала слезы.

Ѣхать на югъ — это значитъ сдаться. Преслѣдованія моей семьи заставляютъ меня почитать за честь оставаться на ногахъ, несмотря ни на что. Уѣхать — это значитъ доставить торжество всей мелюзгѣ мастерской.

«Она очень больна; ее увезли на югъ!»

Мама и Дина пріѣхали вчера, вызванныя безумными депешами тети.

Я простудилась, но вѣдь это можетъ случиться со всякимъ.

Но нѣтъ, все кончено, мои уши въ печальномъ состояніи при этомъ насморкѣ и лихорадкѣ; на что могу я надѣяться? Что я могу имѣть? Ждать больше нечего. Точно какая-то завѣса разорвалась пять или шесть дней тому назадъ: все кончено, все кончено, все кончено!

Среда, 30 ноября. Вчера вечеромъ былъ Жуліанъ. Онъ думаетъ, что я очень больна, я это замѣтила по его напускной

веселости. Сама же я въ глубокомъ огорченіи. Я ничего не дѣлаю. А моя картина! Но особенно тяжело ничего не дѣлать! Понимаете ли вы мое отчаяніе? Быть праздной, пока другіе работаютъ, дѣлаютъ успѣхи, готовятъ свои картины!

Я думала, что Богъ оставилъ мнѣ живопись, и я заключилась въ ней, какъ въ священномъ убѣжище. И теперь она отнята у меня, и я только могу портить себѣ глаза слезами.

Я должна остаться дома еще **нѣсколько недѣль.** Это можетъ заставить утопиться!

О! какъ это жестоко со стороны судьбы! У меня были непріятности, семейныя горести, но это не проникало до глубины моего существа, и у меня были огромныя надежды... Я теряю голосъ — это первое, что затронуло меня лично, — наконецъ, я къ этому привыкаю, я этому покоряюсь, я съ этимъ примиряюсь.

А! если ты привиришься со всѣмъ этимъ, такъ у тебя отнимется возможность работать!

Ни ученья, ни картины, ничего, — и цѣлая потерянная зима! А вся моя жизнь заключалась въ трудѣ! Только тѣ, кто былъ на моемъ мѣстѣ, могутъ понять меня.

Среда, 7 декабря. Что приводитъ меня въ неистовство— это моя болѣзнь. Вчера ужасный помощникъ Потена, который приходитъ каждый день — великаго человѣка можно безпокоить только два раза въ недѣлю — этотъ помощникъ спросилъ меня небрежнымъ тономъ, не приготовляюсь ли я къ путешествію?

Ихъ югъ! О, одна только мысль объ этомъ заставляетъ меня содрогаться; я не могла ѣсть благодаря ей, и если бы не пришелъ Жуліанъ, я проплакала бы весь вечеръ съ досады.

Такъ нѣтъ же, я не поѣду на югъ!

Четвергъ, 15 декабря. Вотъ уже четыре недѣли и два дня, что я больна. Я дѣлаю сцену со слезами помощнику Потена, который не знаетъ, какъ меня успокоить. Оставивъ въ сторонѣ обычныя отговорки и вздоръ, коотрый я говорю ему, я начала оплакивать настоящими слезами мои выпавшіе волосы и говорила о дѣтскихъ горестяхъ языкомъ маленькой дѣвочки. И все это было выдумано: когда мнѣ приходится играть какую-нибудь роль, я блѣднѣю и плачу. Мнѣ кажется, я могла бы быть замѣчательной актрисой.

Мой папаша прибылъ сегодня утромъ. Все обстоитъ благополучно.

Я не говорю, что папа скученъ, напротивъ: онъ похожъ на меня и духомъ, и тѣломъ (это похвала); но этотъ человѣкъ никогда не пойметъ меня.

Подумайте, онъ собирается увезти насъ въ деревню на Пасху!

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Неделикатность слишкомъ велика! При моемъ здоровьѣ везти меня въ Россію въ февралѣ или мартѣ!!! Я предоставляю вамъ оцѣнить это. Я еще не говорю обо всемъ остальномъ!!! Нѣтъ! Я, которая отказываюсь ѣхать на югъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Воскресенье, 18 декабря. Я наединѣ изливалась въ жалобахъ Жуліану, и онъ старается утѣшить меня, совѣтуя дѣлать ежедневно эскизы всего того, что меня поражаетъ. Что же меня поражаетъ? Что могу я найти въ той средѣ, въ которой живу? Бреслау бѣдна, но живетъ въ артистическомъ кругу. Лучшая подруга Маріи — музыкантша; Шепи — оригинальна, хотя и ординарна, и остается одна Сара П., художница и философъ, съ которой говоришь о кантизмѣ, о жизни, о человѣческомъ я и о смерти, и эти разговоры заставляютъ размышлять и запечатлѣваютъ въ умѣ все, что читалъ и слышалъ. Да и самый кварталъ, гдѣ она живетъ, способствуетъ этому: Les Ternes. Кварталъ, гдѣ живу я, такъ чистъ, однообразенъ, что не видишь ни бѣдности, ни неподстриженнаго деревца, ни кривой улицы. Итакъ, я жалуюсь на богатство?.. Нѣтъ, но я утверждаю, что благосостояніе мѣшаетъ артистическому развитію и что среда, въ которой живешь, составляетъ половину человѣка.

Среда, 21 декабря Сегодня я выѣхала на воздухъ! Въ мѣхахъ, съ поднятыми окнами, съ медвѣжьимъ мѣхомъ на ногахъ. Потенъ сказалъ сегодня, что я могла бы выходить, если бы было меньше вѣтру и если я приму предосторожности. Погода была восхитительна, и все-таки — предосторожности!

Но вопросъ не въ томъ, а въ Бреслау. Моей картины въ салонѣ не будетъ. Что я могу противопоставить ея картинѣ этого лѣта?

Эта дѣвушка — сила; я согласна, что она не одна; но мы вышли изъ одной клѣтки, если не изъ одного гнѣзда, я ее угадала и предчувствовала и говорила о ней съ первыхъ же дней, хотя была тогда невѣжественна, даже очень невѣжественна. Я себя презираю, я себя отрицаю, я не понимаю, какъ

Жуліанъ и Тони могутъ говорить то, что они говорятъ. Я ничто. По сравненію съ Бреслау я кажусь себѣ маленькой непрочной картонной коробочкой рядомъ съ дубовой шкатулкой, массивной и покрытой рѣзьбою. Я отчаиваюсь въ самой себѣ и такъ убѣждена, что права, что навѣрно убѣдила бы и учителей, если бы стала говорить съ ними объ этомъ.

Но я все-таки хочу идти, съ закрытыми глазами и протянутыми впередъ руками, какъ человѣкъ, котораго готовится поглотить бездна.

Четвергъ, 29 декабря. Я снова оперяюсь: руки, худыя еще десять дней назадъ, полнѣютъ, и это доказываетъ, что мнѣ лучше, чѣмъ передъ болѣзнью.

Я пишу портретъ жены Поля; вчера я чувствовала такое возстановленіе силъ, что хотѣла сразу написать Дину, Нини и Ирму. Ирма не совсѣмъ обыкновенная модель: это, какъ говорятъ, уже исчезнувшій типъ гризетки, она забавна и сентиментальна и все это при наивномъ цинизмѣ. «Когда вы сдѣлаетесь кокоткой...» — сказала я ей какъ-то. «О! — отвѣчала она — это мнѣ не удается»! Она позируетъ умно; съ ней можно сдѣлать все, что угодно, при ея удивительной блѣдности, такъ какъ она настолько же кроткая дѣвушка, насколько полна разврата.

Она просила позволенія остаться, хотя и не была нужна, и весь день вязала у камина.

Пятница, 31 декабря. Весь день всѣ то и дѣло ссорятся...

Я ѣду, чтобы опомниться, къ Тони и показываю ему эскизъ портрета жены Поля. Онъ находитъ его очень оригинальнымъ, очень оригинальнымъ и хорошо начатымъ. Милый Тони былъ очень радъ видѣть меня здоровой.

1882.

Понедѣльникъ, 2 января. Я начинаю чувствовать настоящую страсть къ моей живописи; не считаю еще себя въ правѣ сказать «мое искусство»; чтобы говорить объ искусствѣ (о своихъ стремленіяхъ въ этой области), нужно что-нибудь изъ себя представить.

Среда, 4 января. Жуліанъ цѣлый вечеръ забавлялся насмѣшками надъ нашимъ увлеченіемъ Тони и его маленькимъ пристрастіемъ къ намъ. Въ полночь мы пьемъ шоколадъ. Д.

была очень граціозна... впрочемъ я понимаю, что можно приберегать свои прелести для знатоковъ.

Я всегда одѣваюсь съ особеннымъ тщаніемъ для художниковъ и при томъ — совсѣмъ особенно: длинныя платья, безъ корсета, драпировки; въ свѣтѣ мою талію нашли бы недостаточно тонкою, а мои платья недостаточно модными; но всѣ мои наиболѣе красивыя измышленія, слишкомъ экстравагантныя для свѣта, пригодятся мнѣ для министерства изящныхъ искусствъ... Я все мечтаю составить себѣ салонъ знаменитыхъ людей....

Пятница, 6 января. Искусство возвышаетъ душу даже самыхъ скромныхъ изъ своихъ служителей, такъ что всякій изъ нихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное сравнительно съ людьми, не принадлежащими къ этому возвышенному братству.

Воскресенье, 15 января. Я всецѣло предалась искусству; мнѣ кажется, что я вмѣстѣ съ плевритомъ пріобрѣла гдѣ-нибудь въ Испаніи и священный огонь. Я начинаю обращаться изъ ремесленника въ художника; въ головѣ моей создаются чудные образы, которые сводятъ меня съ ума... Вечеромъ я сочиняю; теперь передо мной носится образъ Офеліи... Потенъ обѣщалъ мнѣ показать сумасшедшихъ; кромѣ того, меня сильно занимаетъ старый арабъ, который сидитъ и поетъ съ чѣмъ-то въ родѣ гитары, а для будущаго салона я обдумываю большую картину — сцену изъ Карнавала... но для этого нужно ѣхать въ Ниццу. Да, взять Неаполь для моего Карнавала будетъ хорошо: чтобы написать эту картину на открытомъ воздухѣ въ Ниццѣ, у меня есть вилла и... Я говорю все это, а мнѣ хочется остаться здѣсь.

Суббота, 21 января. M-me C. заѣхала за нами, чтобы вмѣстѣ отправиться къ Бастьенъ-Лепажу. Мы встрѣтили тамъ двухъ или трехъ американокъ и увидѣли маленькаго Бастьенъ-Лепажа, который очень малъ ростомъ, бѣлокуръ, причесанъ по-бретонски. У него вздернутый носъ и юношеская борода. Видъ его обманулъ мои ожиданія. Я страшно высоко ставлю его живопись, а между тѣмъ на него нельзя смотрѣть, какъ на учителя. Съ нимъ хочется обращаться, какъ съ товарищемъ, но картины его стоятъ тутъ же и наполняютъ зрителя изумленіемъ, страхомъ и завистью. Ихъ четыре или пять; всѣ онѣ въ натуральную величину написаны на открытомъ воздухѣ. Это чудныя вещи. На одной изъ нихъ изображе-

на восьми или десятилѣтняя дѣвочка, пасущая коровъ въ полѣ; обнаженное дерево и корова вдали полны поэзіи, глаза малютки выражаютъ дѣтскую, наивную задумчивость. — Повидимому, онъ очень доволенъ собою, этотъ Бастьенъ!

Пятница, 27 января. Гамбетта уже не министръ, но по моему, это ничего. Но обратите вниманіе во всемъ этомъ на низость и недобросовѣстность людей! Тѣ, которые преслѣдуютъ Гамбетту, сами не вѣрятъ этимъ глупымъ обвиненіямъ въ стремленіи къ диктатурѣ. Я всегда буду возмущаться низостями, которыя совершаются ежедневно.

Понедѣльникъ, 30 января. Въ субботу я хорошо провела день. У насъ былъ Бастьенъ, котораго я встрѣтила наканунѣ на балу въ пользу бретонскихъ спасательныхъ лодокъ; онъ пробылъ болѣе часу; я показала ему свои работы, и онъ давалъ мнѣ совѣты съ лестною для меня серьезностью. Впрочемъ, онъ сказалъ мнѣ, что у меня замѣчательное дарованіе. Это не было сказано тономъ, допускающимъ подозрѣніе въ снисходительности; и я почувствовала такую сильную радость, что готова была обнять маленькаго человѣчка и расцѣловать его.

Все равно, я рада, что слышала это. Онъ совѣтовалъ и говорилъ мнѣ то же самое, что говорятъ Тони и Жуліанъ. Впрочемъ, развѣ онъ не ученикъ Кабанеля? У всякаго свой темпераментъ, но что касается такъ называемой грамматики искусства, то ей слѣдуетъ учиться у классиковъ. Ни Бастьенъ, и никто другой не могутъ научить своимъ отличительнымъ свойствамъ; выучиваются только тому, чему можно научиться; все остальное зависитъ отъ самого себя. . .

Понедѣльникъ, 13 февраля. Если бы я могла продолжать работать какъ эти дни, я была бы счастлива! Дѣло не въ томъ, чтобы работать какъ машина; но быть занятымъ все время и думать о томъ, что дѣлаешь, это счастье. Противъ этого не устоитъ никакое другое занятіе. И я, которая такъ часто жалуется, я благодарю Бога за эти три дня и въ то же время дрожу, что это не будетъ такъ продолжаться.

Тогда все получаетъ другой видъ, мелочи жизни уже не тревожатъ, поднимаешься выше этого и все существо проникается какимъ-то свѣтомъ: божественнымъ снисхожденіемъ къ толпѣ, которая не понимаетъ тайныхъ, перемѣнчивыхъ, разнообразныхъ причинъ вашего блаженства, которое болѣе непрочно, чѣмъ самый недолговѣчный цвѣтокъ.

Вторникъ, 14 февраля. Какія восхитительныя наблюденія можемъ дѣлать мы, читавшіе Бальзака и читающіе Зола!

Среда, 14 февраля. Глаза открываются мало-по-малу, прежде я видѣла только рисунокъ и сюжеты для картинъ, теперь... о! теперь! если бы я писала такъ, какъ я вижу; у меня былъ бы талантъ. Я **вижу** пейзажъ, я вижу и люблю пейзажъ, воду, воздухъ, краски, краски!

Понедѣльникъ, 27 февраля. Послѣ тысячи мученій я прорвала полотно. Мальчишки плохо позировали; объясняя мои неудачи моею неспособностью, я все начинала сызнова, и наконецъ... это отлично. Эти ужасные мальчишки двигались, смѣялись, кричали, дрались... Я просто дѣлаю этюдъ, чтобы не мучиться больше съ картиной; все, что я предпринимала, выходило или банально, или неуклюже, или претенціозно, хотя сначала очень нравилось мнѣ... Впрочемъ, лучше дѣлать простые этюды; я переживаю такой критическій моментъ, и такъ много времени потеряно.

Суббота, 20 мая. Процессъ былъ большимъ несчастьемъ, но это кончено. Значитъ, нападаютъ на другое, на меня... И когда я спокойно сижу одна въ моей комнатѣ, среди моихъ книгъ, послѣ восьми или десятичасовой работы, я думаю о томъ, что могутъ разсказывать обо мнѣ; что меня нравственно вырываютъ изъ моей могильной среды, раздѣваютъ, обезображиваютъ, сплетничаютъ обо мнѣ; что мнѣ приписываютъ такія мысли, такіе поступки... Говорятъ, что мнѣ двадцать-пять лѣтъ и обвиняютъ меня въ такой оскорбительной независимости, какой у меня никогда не было. Отъ всего этого опускаются руки и хочется плакать.

Вчера мы были въ салонѣ съ братомъ Бастьена и съ Б. Бастьенъ-Лепажъ напишетъ портретъ крестьянскаго мальчика, смотрящаго на радугу; это будетъ превосходно, я вамъ говорю. Что за талантъ, что за талантъ!

Понедѣльникъ, 22 мая. Я думаю, что могу полюбить... только одного, и, вѣроятно, онъ никогда не будетъ любить меня. Жуліанъ, правъ; чтобы я могла отомстить, это должно быть уничтожающее превосходство... выйти замужъ за великаго сего міра, богатаго, извѣстнаго. Это было бы отлично! Или же имѣть такой талантъ, какъ у Бастьенъ-Лепажа, благодаря которому головы всего Парижа оборачивались бы, когда вы проходите мимо. Нечего сказать, я хороша: говорю объ этомъ, какъ будто это можетъ со мной случиться! У меня

одни только несчастія. О, Боже мой, Боже мой, дай же мнѣ, наконецъ, отомстить! Я буду такъ добра ко всѣмъ страдающимъ.

Четвергъ, 25 мая. Сегодня утромъ мы были у Каролуса Дюрана. Какое удивительное и прелестное существо! Позеръ комедіантъ, все, что хотите! Не стану скрывать отъ васъ, что имѣю отвращеніе къ безцвѣтнымъ людямъ, и тѣмъ хуже для тѣхъ, кто видитъ только комическую сторону этихъ исключительныхъ натуръ, которыя рисуются, ломаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестны. Вы будете противопоставлять имъ высокіе таланты, которые остаются скромными и спокойными, — тѣмъ хуже для нихъ и для насъ!

Когда небо осыпаетъ васъ всѣми своими дарами, вы будете несовершеннымъ существомъ, если будете сидѣть въ своемъ углу и не воспользуетесь вашимъ истиннымъ достоинствомъ, чтобы немножко **поломаться,** какъ говорятъ вульгарные дураки.

Воскресенье, 28 мая. Герцогиня Фрицъ-Джемсъ пріѣзжала сегодня, чтобы сказать, что представитъ насъ вечеромъ своей невѣсткѣ. Тамъ былъ балъ. Мама увѣряла, что эта дама чрезвычайно любезна; онѣ видятся довольно часто, но вѣрнаго о ней я ничего не знаю. Итакъ, мы заѣхали за ней и отправились вмѣстѣ. Все было самое изысканное: настоящее общество, настоящія молодыя дѣвушки, свѣжія и очаровательныя; настоящіе туалеты. Имена, которыя здѣсь называли, самыя извѣстныя и аристократическія, и немногія извѣстныя мнѣ лица какъ нельзя болѣе элегантны. Что до меня, то я была въ восторгѣ отъ того, что нахожусь въ этой гостиной; но это однако не мѣшало мнѣ все время думать о пастели, дѣланной утромъ, которая казалась мнѣ неудачной и мучила меня.

Конечно, нельзя выѣзжать такимъ образомъ. Мнѣ нужно было бы по крайней мѣрѣ два мѣсяца ѣздить въ свѣтъ, чтобы увлечься этимъ. Но неужели вы думаете, что это дѣйствительно доставляетъ мнѣ удовольствіе? Есть ли что-нибудь болѣе глупое, пустое и пошлое? И подумать, что есть люди, которые только этимъ и живутъ! Я бы желала выѣзжать рѣдко, только для того, чтобы не удаляться отъ общества, — какъ знаменитые люди, которые бываютъ въ обществѣ только для отдыха; но все-таки нужно бывать довольно часто,

чтобы не производить впечатлѣнія готтентота или обывателя луны.

Понедѣльникъ, 29 мая. Сегодня утромъ я видѣла Жуліана; онъ находитъ, что портретъ Дины пастелью очень хорошъ. Но теперь дѣло идетъ о большой картинѣ для будущаго года; сюжетъ не нравится Жуліану, который слишкомъ легкомысленъ и не углубился въ него. Я очень увлечена и не смѣю признаваться въ этомъ, ибо только талантливые люди имѣютъ право увлекаться сюжетомъ; съ моей стороны это смѣшныя притязанія. Я подумала было о сценѣ изъ карнавала и отказываюсь отъ своего намѣренія. Это было бы только хвастовство красками. Я чувствую глубоко то, что хочу сдѣлать; умъ и сердце охвачены, и иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ въ теченіе двухъ лѣтъ это занимало меня... Не знаю, буду ли я достаточно сильна нынѣшней зимою, чтобы сдѣлать это хорошо. Что же, тѣмъ хуже! Пусть это будетъ посредственною картиной, но зато это будетъ исполнено всѣми другими достоинствами — правдивостью, чувствомъ и движеніемъ. Нельзя сдѣлать дурно того, чѣмъ полна вся душа, особенно когда хорошо рисуешь.

Это тотъ моментъ, когда Іосифъ Аримаѳейскій похоронилъ Христа и гробъ завалили камнями; всѣ ушли, наступаетъ ночь, и Марія Магдалина и другая Марія однѣ сидятъ у гроба.

Это одинъ изъ лучшихъ моментовъ божественной драмы и одинъ изъ наименѣе затронутыхъ.

Тутъ есть величіе и простота, что-то страшное, трогательное и человѣческое... Какое-то ужасное спокойствіе; эти двѣ несчастныя женщины, обезсиленныя горемъ... Остается еще изучить матеріальную сторону картины...

Четвергъ, 8 іюня. Уже больше четырехъ часовъ, и уже совсѣмъ свѣтло; я закрываю наглухо ставни, чтобы искусственно продлить ночь, между тѣмъ какъ на улицѣ мелькаютъ синія блузы мастеровыхъ, идущихъ уже на работы. Бѣдные люди! Дождь идетъ еще раньше 5-ти часовъ утра; эти несчастные трудятся, а мы жалуемся на наши бѣды, покоясь на кружевахъ отъ Дусе! Однако, какую я сказала пошлую и банальную фразу! Всякій страдаетъ и жалуется въ своей сферѣ и имѣетъ на то свои причины. Я въ настоящее время ни на что не жалуюсь, такъ какъ никто не виноватъ въ томъ, что у меня нѣтъ таланта. Я жалуюсь только на то, что

несправедливо, неестественно и противно, какъ многое въ прошедшемъ... и даже въ настоящемъ, хотя это уединенiе есть благо, которое можетъ быть способно было бы вызвать во мнѣ талантъ.

Я поѣду въ Бретань и буду тамъ работать.

Вторникъ, 20 iюня. О, какъ женщины достойны сожалѣнiя! Мужчины, по крайней мѣрѣ, свободны.

Совершенная независимость въ повседневной жизни, свобода идти куда угодно, выходить, обѣдать у себя или въ трактирѣ, ходить пѣшкомъ въ Булонскiй лѣсъ или въ кафе— такая свобода составляетъ половину таланта и три четверти обыкновеннаго счастья.

Но, — скажете вы, —создайте себѣ эту свободу, вы, выдающаяся женщина!

Но это невозможно, потому, что женщина, которая освобождаетъ себя такимъ образомъ (рѣчь идетъ о молодой и хорошенькой, разумѣется), почти исключается изъ общества; она становится странной, чудачкой, подвергается пересудамъ, на нее обращаютъ вниманiе, и она дѣлается, такимъ образомъ, еще менѣе свободной, чѣмъ если бы она не нарушала этихъ идiотскихъ правилъ. Итакъ, остается оплакивать свой полъ.

Среда, 21 iюня. Я все соскоблила и даже отдала холстъ, чтобы не видѣть его больше; это убiйственно. Живопись не дается мнѣ. Но только что я уничтожила то, что окончила, какъ уже чувствую себя легко, свободно и готова начать все снова.

Сегодня, въ 5 часовъ, мы ходили въ мастерскую Бастьена-Лепажа смотрѣть его эскизы; самъ онъ въ Лондонѣ и насъ принялъ братъ его Эмиль.

Я взяла съ собою Брисбанъ и Л..., и мы провели превесело цѣлый часъ, смѣялись, болтали, дѣлали наброски — и все было такъ хорошо, такъ прилично. Если бы я услышала о чемъ-нибудь подобномъ относительно Бреслау, я навѣрно стала бы жаловаться и завидовать тому, что она живетъ среди художниковъ. Я имѣю то, чего желала — развѣ у меня отъ этого прибавилось таланта?

Пятница, 23 iюня. Въ 5 часовъ Дина, Л... и я были у Эмиля Бастьена, который позируетъ для меня.

Я работаю съ настоящей палитрой настоящаго Бастьена,

его красками, его кистью, въ его мастерской и моделью служитъ мнѣ его братъ.

Конечно, все это глупости, ребячество и предразсудки; маленькая шведка хотѣла дотронуться до его палитры. Я оставила у себя его краски, бывшія на палитрѣ; рука у меня дрожала, и мы смѣялись.

Среда, 12 іюля. Я готовилась къ своей пресловутой картинѣ, которая представитъ множество затрудненій. Надо будетъ найти пейзажъ въ родѣ того, какой я себѣ представляю... и гробница должна быть высѣчена въ скалѣ... Я бы желала, чтобы можно было сдѣлать это поближе къ Парижу, на Капри: тамъ настоящій Востокъ и не такъ далеко скала... скала... какая-нибудь скала... Но мнѣ нужна была бы настоящая гробница, какія навѣрно есть въ Алжирѣ и въ особенности въ Іерусалимѣ —какая-нибудь еврейская гробница, высѣченная въ скалѣ. А модели? Тамъ-то я, конечно, найду отличныя модели, въ настоящихъ костюмахъ. Жуліанъ считаетъ это сумасшествіемъ. Онъ говоритъ, что понимаетъ, если мастера, которые уже все знаютъ, отправляются писать свои картины на мѣста, такъ какъ они ѣдутъ искать недостающаго имъ мѣстнаго колорита, сочности, настоящей правды; мнѣ же недостаетъ... всего! Пускай! но мнѣ кажется, что я именно этого и должна искать, потому что я могу имѣть успѣхъ только при полной искренности; какъ же онъ можетъ требовать отъ меня, чтобы я отказалась отъ того, что составляетъ мое единственное или почти единственное достоинство? Какой смыслъ будетъ имѣть эта картина, если я напишу ее въ Сенъ-Жерменѣ съ евреями изъ Батиньоля, въ аранжированныхъ костюмахъ? Тогда какъ тамъ я найду настоящія поношенныя, потертыя одежды и эти случайно подмѣченные тона часто даютъ больше, чѣмъ то, что дѣлаешь преднамѣренно.

О, если бы я могла сдѣлать это хорошо! Жуліанъ вполнѣ понимаетъ мою идею: я не думала (и очень ошибалась), чтобы онъ могъ такъ глубоко проникнуться красотою этой сцены. Да, это правда. Нужно, чтобы въ этомъ спокойствіи было что-то ужасное, полное отчаянія, глубокаго отчаянія... Это конецъ всего. Въ женщинѣ, которая сидитъ тамъ, должно выражаться больше, чѣмъ горе, — это драма колоссальная, полная, ужасающая. Оцѣпенѣніе души, у которой ничего не осталось. И если принять во вниманіе прошлое этого суще-

ства, то во всмъ этомъ есть что-то до того человѣчное, интересное и величественное, до того захватывающее, что чувствуешь точно какое-то дыханіе проходитъ по волосамъ.

И я не сдѣлаю этого хорошо, **когда это зависитъ отъ меня?** Я могу создать это своими руками, и моя страстная, непоколебимая, упорная рѣшимость можетъ оказаться достаточной? Неужели недостаточно того жгучаго, безумнаго желанія передать другимъ мое чувство? Полно! Какъ можно сомнѣваться въ этомъ? Какъ могу я не преодолѣть техническихъ трудностей, когда эта вещь наполняетъ мое сердце, душу, умъ и зрѣніе?

Я чувствую себя способной на все. Только одно... я могу захворать... Я каждый день буду просить Бога, чтобы этого не случилось.

Какъ можетъ моя рука оказаться неспособной выполнить то, что **хочетъ** выразить душа?.. Полно!

О, Боже мой, на колѣняхъ умоляю Тебя... не противиться этому счастью. Смиренно, простершись во прахѣ, умоляю Тебя... даже не помочь, а только позволить мнѣ работать безъ особенныхъ препятствій.

Понедѣльникъ, 7 августа. Улица! Возвращаясь отъ Робера-Флери, мы велѣли ѣхать улицами, окружающими тріумфальную арку; было около шести часовъ и при томъ лѣтомъ. Привратники, дѣти, мальчишки, рабочіе, женщины, все это толчется у дверей, сидитъ на скамейкахъ или болтаетъ передъ винными лавочками.

Но тутъ есть картины очаровательныя! Положительно очаровательныя! Я далека отъ того, чтобы сводить все на копію, это дѣло посредственностей; но въ этой жизни, въ этой правдѣ есть восхитительныя сцены! Величайшіе мастера велики только правдой.

Я вернулась восхищенная улицей, и тѣ, которые смѣются надъ натурализмомъ, дураки и не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Нужно сумѣть схватить природу и **умѣть выбирать.** Все дѣло художника **въ выборѣ.**

Четвергъ, 17 августа. Мнѣ кажется, что Роберъ-Флери составилъ обо мнѣ очень вѣрное мнѣніе; онъ принимаетъ меня за то, чѣмъ я желала бы казаться, т. е. находитъ меня очень милой или, говоря серьезно, считаетъ меня совсѣмъ еще молодой дѣвушкой, даже ребенкомъ въ томъ смыслѣ, что,

разговаривая, какъ женщина, я въ глубинѣ души и **передъ самой собой** чиста, какъ ангелъ.

Я право думаю, что онъ уважаетъ меня въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова; я была бы очень удивлена, если бы онъ въ моемъ присутствіи сказалъ что бы то ни было... неприличное. Я всегда утверждаю, что говорю обо всемъ... Да, но на все есть своя манера; въ разговорѣ можетъ быть больше, чѣмъ приличіе, можетъ быть щепетильность; я, можетъ быть, разговариваю, какъ женщина, но употребляю метафоры, маскирую выраженія такъ, что кажется, будто я и не касаюсь того, чего не слѣдуетъ. Это то же самое, какъ если бы я сказала «вещь, которую я написала», вмѣсто того, чтобы сказать «моя картина».

Никогда, даже въ разговорѣ съ Жуліаномъ, я не употребляю словъ любовникъ, любовница, связь, — этихъ обыкновенныхъ и точныхъ выраженій, которыя заставляютъ предполагать, что все говоритъ о вещахъ, хорошо знакомыхъ вамъ.

Всѣ знаютъ, конечно, что все это извѣстно, но по этимъ понятіямъ скользишь незамѣтно; даже если бы я не знала ничего, я не казалась бы смѣшною, такъ какъ есть разговоры, при которыхъ немножко ядовитости, насмѣшки надъ нѣкіимъ Амуромъ неизбѣжны, хотя бы только вскользь.

Съ Роберъ-Флёри мы по преимуществу говоримъ объ искусствѣ, да и то... Но все-таки невольно приходится касаться музыки, литературы.

Итакъ, я вижу, что Роберъ-Флери вѣрно понимаетъ... это знаніе, что онъ находитъ это весьма естественнымъ и что если я настолько откровенна, чтобы не разыгрывать изъ себя дурочку, то у него есть настолько такта, чтобы никогда не доходить до того, до чего дохожу я.

Не забудьте, что по этому журналу вы не можете знать меня, здѣсь я серьезна и безъ прикрасъ; въ обществѣ я лучше: въ моемъ разговорѣ попадаются удачные обороты, образы, новыя, свѣжія, забавныя вещи.

Я глупа и тщеславна... Я уже готова думать, будто этотъ академикъ меня понимаетъ такъ, какъ я себя понимаю, и, слѣдовательно, долженъ цѣнить мои побужденія.

Нѣтъ сомнѣнія, что собственныя достоинства всегда преувеличиваешь; приписываешь ихъ себѣ даже тогда, когда совсѣмъ ихъ не имѣешь.

Пятница, 18 августа. Мы не застали Бастьена дома; я оставила ему записку и мелькомъ взглянула на то, что онъ привезъ изъ Лондона. Тамъ, между прочимъ, есть маленькій мошенникъ разсыльный, который стоитъ опершись на тумбу; кажется, что слышишь стукъ проѣзжающихъ мимо экипажей. Фонъ совсѣмъ не отдѣланъ, но фигура! Что это за человѣкъ? О, какъ глупы тѣ, которые признаютъ въ немъ одну только технику. Это могучій, оригинальный художникъ: онъ поэтъ, философъ; остальные передъ нимъ — ремесленники... Послѣ его картинъ, никакія другія не нравятся, ибо картины прекрасны, какъ сама жизнь, какъ сама природа.

На-дняхъ Тони принужденъ былъ согласиться со мной въ томъ, что нужно быть великимъ художникомъ, чтобы копировать природу, и что только великій художникъ можетъ понять и передать ее. Идеальная сторона должна заключаться въ **выборѣ сюжета;** что до **выполненія,** то оно должно быть въ полномъ смыслѣ слова то, что невѣжды называютъ натурализмомъ.

Тамъ есть также набросокъ маленькаго портрета Коклена старшаго... я окаменѣла при видѣ его — это его гримаса, его руки шевелятся, онъ говоритъ, онъ подмигиваетъ!

Понедѣльникъ, 24 августа. Я готова... растерзать весь міръ! Я ничего не дѣлаю. А время уходитъ; вотъ уже четыре дня какъ я не позировала. Я начала этюдъ подъ открытымъ небомъ, но дождь идетъ, и вѣтеръ все опрокидываетъ: я ничего не дѣлаю.

Я вамъ говорю, что схожу съ ума передъ этой пустотой! Говорятъ, что эти мученія доказываютъ, что я не ничтожество. Къ сожалѣнію, нѣтъ! Они доказываютъ только, что я умна и все понимаю...

Впрочемъ, я пишу три года.

Дураки думаютъ, что для того, чтобы быть «современнымъ» или реалистомъ, достаточно писать первую попавшуюся вещь, не аранжируя ее. Хорошо, не аранжируйте, но **выбирайте и схватывайте,** въ этомъ все.

Среда, 23 августа. Вмѣсто того, чтобы прилежно работать надъ какимъ-нибудь этюдомъ, я гуляю. Да, барышня совершаетъ артистическія прогулки и наблюдаетъ!

Я перечла на англійскомъ языкѣ одну вещь Уйда, женщины не особенно талантливой; она называется «Аріадна».

Эта книга создана для того, чтобы волновать до послѣд-

ней степени; я двадцать разъ готова была перечесть ее вотъ уже въ продолженіе трехъ лѣтъ; но всякій разъ я отступала, зная, какъ волновала и будетъ всегда волновать меня эта вещь. Тамъ говорится о любви и искусствѣ, и дѣло происходитъ въ Римѣ — три вещи, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности достаточна, чтобы увлечь меня и наименьшая изъ нихъ— любовь. Можно было бы исключить изъ книги все, что говорится о любви, и она тѣмъ не менѣе способна была бы свести меня съ ума. Къ Риму я чувствую обожаніе, страсть, уваженіе, ни съ чѣмъ несравнимыя. Ибо Римъ художниковъ и поэтовъ, настоящій Римъ, вовсе не соединяется въ моемъ представленіи съ свѣтскимъ Римомъ, который доставилъ мнѣ страданія. Я помню только поэтическій и артистическій Римъ, передъ которымъ я преклоняюсь.

Въ этой книгѣ говорится о скульптурѣ; я постоянно готова заниматься ею.

О дивная сила искусства! О божественное, несравненное чувство, которое можетъ замѣстить вамъ все! О высочайшее наслажденіе, которое поднимаетъ васъ высоко надъ землею! Съ прерывающимся дыханіемъ и съ полными слезъ глазами я падаю ницъ передъ Богомъ, умоляя его о помощи.

Это сведетъ меня съ ума; я хочу дѣлать десять различныхъ вещей заразъ; я чувствую, вѣрю, понимаете ли, вѣрю въ то, что сдѣлаю что-нибудь выдающееся. И душа моя уносится на невѣдомыя высоты.

Дюма совершенно правъ; не вы владѣете сюжетомъ, а сюжетъ вами. Человѣкъ, который ставитъ на карту 100 су, можетъ испытывать тѣ-же муки, какія испытываетъ тотъ, кто ставитъ сто тысячъ франковъ. Итакъ, я могу слѣдить за собою.

Нѣтъ, нѣтъ! Я чувствую такую потребность передать свои впечатлѣнія, такую силу художественнаго чувства, столько смутныхъ идей толпятся въ моей головѣ, что онѣ не могутъ не проявиться когда-нибудь...

Гдѣ и какъ найти способъ выразить все это?

Вторникъ, 29 августа. Эта книга не даетъ мнѣ покоя. Уйда — не Бальзакъ, не Жоржъ-Зандъ, не Дюма; но она написала вещь, которая волнуетъ меня по профессіональнымъ причинамъ. У нея очень вѣрные взгляды на искусство — мнѣнія, собранныя въ мастерскихъ Италіи, гдѣ она жила.

Тамъ есть нѣкоторыя вещи... Она говоритъ, напримѣръ,

что у настоящихъ художниковъ, не ремесленниковъ, **замыселъ** всегда неизмѣримо превосходитъ способность выполненія. Затѣмъ, великій скульпторъ Мариксъ (все въ томъ же романѣ), видя скульптурные опыты героини, будущей геніальной женщины, говоритъ: «Пусть она придетъ работать, она сдѣлаетъ то, **что захочетъ**». «Да, — говаривалъ Тони, подолгу разсматривая мои рисунки въ мастерской,—работайте, **вы способны выполнить то, что задумаете»**.

Но я несомнѣнно работала въ ложномъ направленіи. Сенъ-Марсо сказалъ, что мои рисунки — рисунки скульптора, я всегда любила форму больше всего.

Я, конечно, обожаю и краски, но теперь, послѣ этой книги, и даже раньше... живопись кажется мнѣ жалкой въ сравненіи съ скульптурой.

Что же я дѣлаю? Маленькую дѣвочку, которая накинула на плечи свою черную юбку и держитъ открытый зонтикъ. Я работаю на воздухѣ и дождь идетъ почти каждый день. И потомъ... что это можетъ значить? Что это, въ сравненіи съ мыслью, выраженною въ мраморѣ?

— Аріадна! Жуліанъ и Тони нашли, что въ эскизѣ было чувство; меня этотъ сюжетъ волнуетъ, какъ теперешняя картина. Вотъ уже три года, что я собираюсь заняться скульптурой, чтобы выполнить этотъ замыселъ.

Тезей убѣжалъ ночью, съ наступленіемъ утра, Аріадна, увидѣвъ себя одинокой, начинаетъ обыскивать островъ по всѣмъ направленіямъ; и вотъ, при первыхъ лучахъ солнца, съ высоты крутого утеса, замѣчаетъ на горизонтѣ все уменьшающуюся точку — корабль... Тогда... Вотъ мгновеніе, которое трудно описать и которое нужно схватить: она не можетъ идти дальше, она не можетъ звать; кругомъ вода; корабль едва чернѣетъ на горизонтѣ. Тогда она падаетъ на утесъ, опустивъ голову на правую руку, и вся ея поза должна выражать весь ужасъ одиночества и отчаянія этой безсовѣстно покинутой женщины... Я не умѣю объяснить этого, но въ ея фигурѣ должно выражаться безсильное бѣшенство, полный упадокъ силъ, высшая степень подавленности, и все это страшно волнуетъ меня. Вы понимаете, она тамъ, на краю утеса, убитая горемъ и, мнѣ кажется, полная безсильной ярости; это конецъ всего, ослабленіе всего существа!.. Эта крутая скала, грубая, стихійная сила... связывающая волю... словомъ...

Четвергъ, 30 августа. Я рисую свою Магдалину; у меня

превосходная модель; впрочемъ, я три года тому назадъ **видѣла** голову, которую хочу сдѣлать, и у этой женщины какъ разъ тѣ же черты и то же напряженное, ужасное, полное отчаянія, выраженіе.

Что привлекаетъ меня къ живописи, это жизнь, современность, подвижность вещей, которыя видишь. Но какъ выразить?.. Помимо того, что это страшно трудно, почти невозможно... это не волнуетъ!

Ни одна картина не волновала меня такъ, какъ Жанна д'Аркъ Бастьена Лепажа, потому что въ ней есть что-то таинственное, необычайное. Онъ вполнѣ понялъ ея чувство; это полное, сильное выраженіе великаго вдохновенія; однимъ словомъ... онъ видѣлъ во всемъ этомъ что-то великое, гуманное, вдохновенное и божественное, **такъ какъ это и было,** и какъ никто раньше не могъ этого понять. И сколько разъ уже писали Жанну д'Аркъ! Боже мой! Столько же, сколько Маргаритъ и Офелій! Онъ собирается писать Офелію; я увѣрена, что это будетъ дивная вещь. Что же касается Маргариты, то и я, ничтожная, думаю написать ее..., такъ какъ есть одно мгновеніе... какъ въ Жаннѣ д'Аркъ.

Это тотъ моментъ, когда молодая дѣвушка, не оперная Маргарита въ платьѣ изъ тонкаго кашемира, а та, которая жила въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, — простая, не смѣйтесь, **человѣческая**; если вы поймете, вы не будете смѣяться. Когда до тѣхъ поръ **спокойная** дѣвушка возвращается домой въ свой садъ, послѣ встрѣчи съ Фаустомъ и останавливается, полуопустивъ глаза, устремленные вдаль, полуудивленная, полуулыбающаяся, полузадумчивая, чувствуя, какъ въ ней пробуждается что-то новое, невѣдомое, прекрасное и грустное... Руки едва держатъ молитвенникъ, готовый выскользнуть... Для этого я поѣду въ маленькій нѣмецкій городокъ и буду писать картину лѣтомъ, въ будущемъ году.

О, сумасшедшая, прежде всего нужно знать свое дѣло. Мысль, красота и философія живописи заключаются въ отчетливомъ пониманіи жизни.

Передать жизнь тонами, которые пѣли бы, а всѣ **правдивые** тона поютъ.

Пятница, 1 сентября. Сегодня я получила письмо отъ мамы, которая пишетъ что молодыя сосѣдки пріѣзжаютъ гостить на два мѣсяца со своими друзьями и что будутъ устроены большія охоты. Она собирается возвращаться назадъ, но

я просила предупредить меня въ случаѣ, если... И вотъ она меня предупреждаетъ. Это вызываетъ во мнѣ цѣлую бурю сомнѣній, неизвѣстности и замѣшательства. Если я поѣду, моя выставка погибла... Если бы еще я проработала все лѣто, я имѣла бы предлогъ — желаніе отдохнуть; но этого не было. Согласитесь, что это было бы превосходно, но это слишкомъ невѣроятно. Провести четверо сутокъ въ вагонѣ желѣзной дороги и пожертвовать работой цѣлаго года, чтобы поѣхать туда, попытаться понравиться и выйти замужъ за человѣка, котораго никогда до тѣхъ поръ не видѣла. Разумъ и его доводы не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакого значенія... Разъ я обсуждаю эту глупость, я способна сдѣлать ее... Я не знаю, что дѣлать... Я пойду къ гадалкѣ, къ старухѣ Жакобъ, которая предсказала мнѣ, что я буду очень больна.

За двадцать франковъ я купила себѣ счастіе, по крайней мѣрѣ, на два дня. Старуха Жакобъ наговорила мнѣ массу прелестныхъ, но немного запутанныхъ вещей. Но что постоянно повторяется, это то, что я буду имѣть огромный, блестящій успѣхъ; журналы заговорятъ обо мнѣ; у меня будетъ большой талантъ... и потомъ перемѣна судьбы, счастіе въ замужествѣ, много денегъ и путешествія, да, много путешествій.

Я отправляюсь спать, полная глупой, ребяческой радости, если хотите, но вѣдь это стоило всего 20 франковъ. Я поѣду не въ Россію, а въ Алжиръ; если это должно случиться, это случится такъ же, какъ и въ Россіи.

Покойной ночи, мнѣ такъ хорошо послѣ всего этого; завтра мнѣ будетъ легче работать.

Я только что читала Бальзака! Кстати, я схожусь съ его де-Марсэ, когда говорю объ этомъ второмъ я, которое остается равнодушнымъ наблюдателемъ перваго. И подумать, что Бальзакъ умеръ! Счастье любви можно познать только любя человѣка съ всеобъемлющимъ геніемъ... Въ Бальзакѣ вы найдете все... Я положительно горжусь тѣмъ, что иногда думала такъ же, какъ и онъ.

Въ Россіи. Суббота, 14 октября. На границѣ мы разстались съ тетей, и я продолжаю путешествіе съ Полемъ. На станціяхъ я дѣлаю эскизы, а въ вагонѣ читаю «*Tva los montes*»; такимъ образомъ я какъ будто снова въ Испаніи; эта вещь Теофиля Готье, — настоящая картина.

Четвергъ, 19 октября. Наконецъ-то они у насъ! Они пріѣхали съ Мишкой къ завтраку. Старшій Викторъ, стройный брюнетъ, съ большимъ, немного толстымъ орлинымъ носомъ и довольно толстыми губами; у него аристократическая осанка, и онъ довольно симпатиченъ. Младшій, Василій, такого-же высокаго роста, гораздо толще брата, очень бѣлокурый, краснощекій и съ плутоватыми глазами; онъ имѣетъ видъ человѣка живого, воинственнаго, сообщительнаго, грубаго и... пошлаго. На мнѣ было вчерашнее платье: бѣлое шерстяное, короткое и очень простенькое. Дѣтскіе башмаки изъ темно-красной кожи; довольно высокая прическа. Я не въ лучшемъ своемъ видѣ, но и не очень дурна.

Происшествіе. Ихъ кучеръ напился и мнѣ кажется, что это здѣсь весьма обыкновенное явленіе; тогда князь Василій вышелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и побилъ несчастнаго кулаками и сапогами со шпорами. Неправда ли, дрожь по спинѣ пробѣгаетъ? Этотъ мальчикъ ужасенъ и въ сравненіи съ нимъ старшій кажется мнѣ симпатичнымъ.

Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ меня влюбился; во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы имъ понравиться; я средняго роста, пропорціонально сложена, не очень бѣлокура; у меня сѣрые глаза, грудь не очень развита и талія не слишкомъ тоненькая... что до душевныхъ качествъ, то, безъ излишней гордости, я полагаю, что я настолько выше ихъ, что они не оцѣнятъ меня.

Какъ свѣтская женщина я едва ли привлекательнѣе многихъ женщинъ ихъ круга.

Пятница, 20 октября.— Понедѣльникъ, 23 октября. Въ субботу утромъ всеобщее смущеніе. Князья извиняются. Они не пріѣдутъ на охоту, такъ какъ отозваны телеграммой въ сосѣднее имѣніе. А я такъ старалась одѣваться! Папа позеленѣлъ, а мама покраснѣла. Я хохотала отъ души. Наконецъ мы тронулись съ досадой и давая себѣ слово не ѣхать дальше, чѣмъ до Мишеля, который приготовилъ великолѣпный завтракъ и гдѣ предполагали дать отдохнуть лошадямъ. Потомъ, немного успокоившись, мы продолжали путь, ссорясь каждыя пять минутъ изъ-за возвращенія домой. Мишкѣ сказали, что мамѣ нездоровится.

Впрочемъ, охота была великолѣпна: убили 15 волковъ и одну лисицу. Погода была превосходная; мы пили чай въ лѣсу, при чемъ на насъ смотрѣло болѣе чтырехсотъ кре-

стьянъ, которые передъ тѣмъ загоняли звѣря. Потомъ дали водки крестьянамъ.

Сегодня былъ одинъ изъ тѣхъ хорошихъ вечеровъ, какіе бывали во времена маминаго господства. Всѣ свѣчи зажжены, всѣ двери раскрыты, и семь большихъ залъ кажутся совершнно полными, хотя насъ было всего шестнадцать человѣкъ.

Вторникъ, 7 ноября. Тутъ ѣздятъ на балъ, пьянствуютъ съ товарищами; играютъ въ карты, ужинаютъ съ танцовщицами; съ дамами же разговариваютъ только тогда, когда влюблены въ нихъ.

Разговаривать просто съ знакомыми и обо всемъ, какъ во Франціи — этого въ здѣшнихъ странахъ и не знаютъ; единственный предметъ для разговора — самыя вульгарныя, самыя плоскія сплетни. Лучшее развлеченіе — гостиница: туда собираются окрестные помѣщики (дворяне) и проводятъ тамъ цѣлыя недѣли; ходятъ другъ къ другу въ гости по комнатамъ, пьютъ и играютъ въ карты. Театръ пустъ, а ко всему, что напоминаетъ интеллигентное препровожденіе времени, относятся съ отвращеніемъ.

Предъ аристократіей въ этой благословенной странѣ всѣ преклоняются. Что если бы я сдѣлалась такою? Нѣтъ, надо уѣхать!

Возвращаюсь къ князьямъ. Къ великому удивленію всей Полтавы, я продолжаю обращаться съ ними, какъ съ простыми свѣтскими людьми, мнѣ равнымии, и они мнѣ не особенно нравятся. Однако младшій, тотъ, который побилъ кучера, веселый, лубезный и неглупый человѣкъ.

Правда, онъ побилъ кучера... Но это отчасти объясняется его молодостью и страной, въ которой это происходитъ. Вы думаете, это удивляетъ или шокируетъ кого-нибудь? Въ другомъ это было бы совершенно естественно, въ князѣ Р. — прелестно! Нѣтъ, я уѣду!

Парижъ. Среда, 15 ноября. Я въ Парижѣ. Мы уѣхали въ четвергъ вечеромъ.

Четвергъ, 16 ноября. Я была у доктора — у клиническаго хирурга, неизвѣстнаго и скромнаго, чтобы онъ не обманулъ меня.

О, это не очень-то любезный господинъ. Онъ такъ преспокойно и сказалъ мнѣ: **я никогда не вылѣчусь.** Но мое состояніе можетъ улучшиться настолько, что глухота будетъ

выносимой; она и теперь выносима; можно надѣяться, что со временемъ она еще уменьшится.

Сегодня я впервые отважилась сказать прямо: господинъ докторъ, я глохну. До сихъ поръ я употребляла выраженія въ родѣ: я плохо слышу, у меня шумъ въ ушахъ и т. п. Въ этотъ разъ я рѣшилась произнести это ужасное слово, и докторъ отвѣтилъ мнѣ рѣзко и грубо, какъ истый хирургъ.

Итакъ, я никогда не вылѣчусь... Это будетъ выносимо, но между мною и остальнымъ міромъ будетъ завѣса.

Шумъ вѣтра, плескъ воды, дождь, ударяющійся о стекла оконъ... слова, произносимыя вполголоса... я не буду слышать ничего этого!

Я страдаю въ томъ, что мнѣ всего нужнѣе, всего дороже.

Только бы оно не пошло дальше!

Пятница, 17 ноября. Итакъ, я буду калѣкой, неполнымъ существомъ, по сравненію съ кѣмъ бы то ни было. Я буду нуждаться въ помощи и содѣйствіи своихъ, въ деликатности чужихъ. Свобода, независимость — все кончено.

Мнѣ, такой гордой, придется краснѣть и наблюдать за собой каждую минуту.

Да, всѣ узнаютъ или уже знаютъ это, всѣ, которымъ такъ хотѣлось оклеветать меня... Она глуха. Но, Боже мой, зачѣмъ это ужасное, возмутительное страшное несчастіе?

Вторникъ, 21 ноября. Со вчерашняго дня я работаю въ академіи, возвратившись къ самой полной простотѣ, не заботясь ни о выборѣ модели, ни о ея красотѣ, оставивъ всякія притязанія. Шесть мѣсяцевъ такой работы, говоритъ Жуліанъ, и вы сдѣлаете все, что захотите.

Они всѣ надоѣли мнѣ, я сама себѣ надоѣла! Я никогда не вылѣчусь. Чувствуете ли вы, сколько въ этомъ отчаяннаго, несправедливаго, ужаснаго?

Понимаете ли вы — на всю жизнь до самой смерти?..

Это, конечно, повліяетъ на мой характеръ и разсудокъ, не говоря уже о томъ, что у меня изъ-за этого появились сѣдые волосы.

Повторяю, я еще не вѣрю этому. Не можетъ быть, чтобы нельзя было ничего, ничего сдѣлать; чтобы это осталось навсегда, что я умру съ этой завѣсой между мной и остальнымъ міромъ и что никогда, никогда, никогда!...

Неправда ли, вѣдь нельзя вѣрить тому, что этотъ приговоръ такъ рѣшителенъ, такъ безвозвратенъ? И ни тѣни на-

дежды, ни тѣни, ни тѣни! Меня это такъ раздражаетъ во время работы; я все опасаюсь, что не услышу того, что скажетъ модель или кто-нибудь въ мастерской, или что будутъ смѣяться... или, наконецъ, будутъ говорить ради меня слишкомъ громко.

А съ моделью на дому? Что-же, ей скажутъ, просто, что... что? Что я плохо слышу! Попробуйте. Такое признаніе въ своемъ уродствѣ! И въ такомъ унизительномъ, глупомъ грустномъ уродствѣ.

Мнѣ все кажется, что я говорю о комъ-то другомъ... И и какъ убѣдиться въ реальности этого ужаснаго кошмара, этой безобразной, жестокой, возмутительной вещи?.. и это въ лучшее время жизни, въ молодости? Какъ увѣрить себя, что это былъ не дурной сонъ, что это возможно и останется такъ навсегда?

Четвергъ, 23 ноября. Все, что я сдѣлала за эту недѣлю, такъ гадко, что я сама ничего не понимаю.

Воскресенье, 3 декабря. О, Боже мой! дай мнѣ силы дѣлать только этюды, такъ какъ всѣ они того мнѣнія, что нужно сначала побѣдить техническія трудности, а затѣмъ сдѣлаешь все, что захочешь.

Я такъ хорошо разсуждаю, а у самой нѣтъ силы... Когда владѣешь техникой, все, что ни дѣлаешь, хорошо или почти хорошо; тогда какъ теперь у меня...

Два или три дня тому назадъ мы поѣхали въ отель Друо, гдѣ была выставка драгоцѣнныхъ камней; мама, тетя и Дина восхищались нѣкоторыми уборами; мнѣ же ничего не нравилось, за исключеніемъ одного ряда огромныхъ, чудесныхъ бриллiантовъ; была минута, когда мнѣ очень хотѣлось имѣть ихъ. Имѣть два изъ этихъ было бы уже очень пріятно, но лучше было и не думать о подобномъ чудѣ; итакъ, я удовольствовалась мыслью, что можетъ быть когда-нибудь, выйдя замужъ за миллiонера, я буду въ состояніи имѣть серьги такой величины или брошку, такъ какъ камни такой величины едва-ли можно носить въ ушахъ.

Это кажется былъ первый случай, когда я оцѣнила драгоцѣнные камни. И представьте, вчера вечеромъ мнѣ принесли эти два бриллiанта: оказалось, что мои матери купили ихъ для меня, хотя я только намекнула о своемъ желаніи, безъ малѣйшей надежды имѣть ихъ: «вотъ единственные камни, которые мнѣ хотѣлось бы имѣть». Они стоятъ двадцать пять

тысячъ. Камни желтоватые, иначе они стоили бы втрое дороже.

Я забавлялась ими весь вечеръ, пока лѣпила, Д. игралъ на роялѣ, а Божидаръ и другіе разговаривали. Эта два камня ночью лежали около моей постели, и я не разставалась съ ними даже во время сеанса.

Ахъ, если бы другія вещи, которыя кажутся столь же невыполнимыми, могли бы такъ же случиться!

Четвергъ, 14 декабря. Сегодня утромъ мы ѣздили смотрѣть картины, которыя Бастьенъ привезъ изъ деревни. Онъ былъ въ мастерской и подправлялъ края картинъ и кое-что въ фонахъ. Мы встрѣтились друзьями, онъ такой добродушный, такой милый.

А что если онъ вовсе не таковъ? Но онъ такъ талантливъ! Впрочемъ нѣтъ, онъ все-таки замѣчательно милъ. А бѣдный архитекторъ совсѣмъ стушевался въ присутствіи знаменитаго брата. Жюль привезъ нѣсколько этюдовъ: **«Вечеръ въ деревнѣ»**.

Сумерки переданы превосходно: наступающая тишина, крестьяне, возвращающіеся съ работы; все смолкло, слышенъ только лай собакъ. Какія краски, какая поэзія и какая прелесть!

Воскресенье, 17 декабря. Настоящій, единственный, великій Бастьенъ-Лепажъ былъ у насъ сегодня.

Раздраженная и униженная тѣмъ, что мнѣ нечего было показать ему, я принимала его, была неловка, смущена и встревожена.

Онъ оставался больше двухъ часовъ, осмотрѣвши всѣ рѣшительно холсты, какіе только были въ комнатѣ; я же была нервная, смѣялась некстати и старалась мѣшать ему разсматривать мои работы. Этотъ великій художникъ очень добръ, онъ старался успокоить меня, и мы говорили о Жуліанѣ, который виноватъ въ моемъ ужасномъ отчаяніи. Бастьенъ не смотритъ на меня какъ на свѣтскую барышню; онъ говоритъ то же, что Роберъ-Флери и Жуліанъ, но безъ этихъ ужасныхъ шуточекъ Жуліана, который увѣряетъ, что я ничего не дѣлаю, что все кончено и что я погибла. Вотъ что сводитъ меня съ ума. Бастьенъ божественъ, т. е. обожаю его талантъ. И мнѣ кажется, что въ моемъ смущеніи я дели-

катно и неожиданно говорила ему лестныя вещи. Ему должно было сильно польстить уже и то, какъ я приняла его.

Среда, 20 декабря. У меня еще ничего не начато для салона и ничего не представляется. Это просто мученіе...

Суббота, 23 декабря. Итакъ, сегодня у насъ обѣдали— **великій,** настоящій, единственный, несравненный Бастьенъ-Лепажъ и его братъ.

Кромѣ нихъ не былъ приглашенъ никто, что было немножко стѣснительно; они обѣдали въ первый разъ, и это могло казаться слишкомъ уже интимнымъ, потомъ я боялась что будетъ скучно — вы понимаете!

Что касается брата, то онъ принятъ почти такъ же просто, какъ Божидаръ, но великій единственный etc... Словомъ этотъ человѣчекъ, который, будь онъ даже весь изъ золота, все-таки не стоилъ бы своего таланта, былъ мило, какъ мнѣ кажется, польщенъ тѣмъ, что на него смотрятъ такимъ образомъ: никто еще не говорилъ ему, что онъ «геній». Я также не говорю ему этого, но обращаюсь съ нимъ какъ съ геніемъ, и искусными ребячествами заставляю его выслушивать ужасные комплименты.

Но, чтобы Бастьенъ не думалъ, что я не знаю предѣловъ въ своемъ увлеченіи, я присоединяю къ нему Сенъ-Марсо и говорю: «васъ двое».

Онъ остался до полуночи. Я нарисовала бутылку, которая ему понравилась, при чемъ онъ прибавилъ: «вотъ какъ надо работать; имѣйте терпѣніе, сосредоточьтесь, давайте все, что можете, старайтесь въ точности передать природу».

Четвергъ, 28 декабря. Да, у меня чахотка. Докторъ сказалъ мнѣ сегодня: лѣчитесь, надо стараться выздоровѣть, вы будете сожалѣть впослѣдствіи.

Мой докторъ — молодой человѣкъ и имѣетъ интеллигентный видъ; на мои возраженія противъ мушекъ и прочихъ гадостей, онъ отвѣтилъ, что я раскаюсь и что онъ никогда въ жизни не видѣлъ такой необыкновенной больной; а также, что по виду никто и никогда не угадалъ бы моей болѣзни. Дѣйствительно видъ у меня цвѣтущій, а между тѣмъ оба легкія затронуты, хотя лѣвое — гораздо меньше. Онъ спросилъ меня, не чахоточные ли у меня родители.

— Да, мой прадѣдушка и его двѣ сестры — графиня Т. и баронесса С.

— Какъ бы то ни было, ясно, что вы чахоточная.

Признаюсь, я немного пошатываясь вышла отъ этого доктора, который интересуется такой оригинальной больной

Будущей зимой предлогомъ къ поѣздкѣ на югъ будутъ «Святыя жены»; ѣхать къ этому году значило бы возобновлять прошлогоднюю путаницу. Все, за исключенiемъ юга— и да поможетъ мнѣ Богъ!

Пусть мнѣ дадутъ хотя бы не болѣе десяти лѣтъ, но въ эти десять лѣтъ — славу и любовь, и я умру въ тридцать лѣтъ довольная. Если бы было съ кѣмъ, я заключила бы условiе: умереть въ тридцать лѣтъ, но только поживъ.

Чахоточная — слово сказано, и это правда. Я поставлю какiя угодно мушки, но я хочу писать.

Можно будетъ прикрывать пятно, убирая лифъ цвѣтами, кружевомъ, тюлемъ и другими прелестными вещами, къ которымъ часто прибѣгаютъ, вовсе не нуждаясь въ нихъ. Это будетъ даже очень мило. О, я утѣшена. Всю жизнь нельзя ставить себѣ мушки. Черезъ годъ, много черезъ два года лѣченiя — я буду какъ всѣ, буду молода, буду...

Я говорила же вамъ, что должна умереть. Богъ, не будучи въ силахъ дать мнѣ то, что сдѣлало бы мою жизнь сносною, убиваетъ меня. Измучивъ меня страданiями, Онъ убиваетъ меня. Я вѣдь говорила вамъ, что скоро умру, это не могло такъ продолжаться; не могла долго продолжаться эта жажда, эти грандiозныя стремленiя. Я говорила же вамъ это еще давно въ Ниццѣ, много лѣтъ тому назадъ, когда я смутно предвидѣла то, что мнѣ нужно было для жизни.

Однако, меня занимаетъ положенiе осужденной или почти осужденной. Въ этомъ положенiи заключается волненiе, я заключаю въ себѣ тайну, смерть коснулась меня своей рукою; въ этомъ есть своего рода прелесть, и прежде всего это ново.

Говорить **серьезно** о моей смерти — очень интересно и, повторяю, это меня занимаетъ. И очень жаль, что неудобно, чтобы объ этомъ зналъ кто-нибудь, кромѣ Жулiана, моего духовнаго отца.

Воскресенье, 31 декабря. Слишкомъ темно, чтобы писать, и мы идемъ въ церковь; а потомъ еще разъ на выставку въ улицу Sèze — Бастенъ, Сенъ-Марсо и Казенъ.

Тамъ я провела время превосходно. Что это за наслажденiе! До сихъ поръ не видно скульптора, подобнаго Сенъ-

Марсо. Слова: **это сама жизнь,** употребляемыя такъ часто и ставшія отъ этого банальными, здѣсь сущая правда. И помимо этого главнаго качества, котораго достаточно, чтобы осчастливить художника, у него есть глубина мысли и сила чувства, что-то таинственное, которое дѣлаетъ изъ Сенъ-Марсо не только человѣка съ громаднымъ талантомъ, но почти геніальнаго художника.

Но онъ еще живъ и молодъ — вотъ почему кажется, что я преувеличиваю.

Подчасъ я готова предпочесть его Бастьену. Теперь у меня idée fixe: мнѣ хочется имѣть статую одного и картину другого.

1883.

Понедѣльникъ, 1 января. Гамбета, заболѣвшій или раненый нѣсколько дней тому назадъ, только что умеръ.

Я не могу выразить страннаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня его смертью. Не вѣрится какъ-то. Этотъ человѣкъ игралъ такую роль въ жизни всей страны, что нельзя себѣ ничего прдставить безъ него. Побѣды, пораженія, карикатуры, обвиненія, похвалы, шутки — все это поддерживалось только имъ. Газеты говорятъ о его паденіи, — онъ никогда не падалъ! Его министерство! Да развѣ можно судить о министерствѣ, длившемся шесть недѣль.

Умеръ несмотря на семь докторовъ, всѣ заботы о немъ, всѣ усилія спасти его! Къ чему же послѣ этого заботиться о здоровьѣ, мучиться, страдать! Смерть ужасаетъ меня теперь такъ, какъ будто бы она стояла передъ моими глазами.

Да, мнѣ кажется, что это должно случиться... скоро. О, до какой степени чувствуешь свое ничтожество! И къ чему все? Зачѣмъ?.. Должно быть что-нибудь кромѣ этого; этой скоропреходящей жизни недостаточно, она слишкомъ ничтожна сравнительно съ нашими мыслями и стремленіями. Есть что-нибудь кромѣ нея — безъ этого сама жизнь непонятна и идея Бога нелѣпа.

Будущая жизнь... бываютъ минуты, когда какъ-то смутно провидишь ее, не умѣя понять и ощущая только ужасъ.

Среда, 3 января. Чтеніе журналовъ, наполненныхъ Гамбеттою, сжимаетъ мнѣ голову, какъ желѣзнымъ кольцомъ эти патріотическія тирады, эти звучныя слова, патріотъ: великій гражданинъ, народный трауръ! Я не могу работать; я пробо-

вала, хотѣла заставить себя, и, благодаря этому напускному хладнокровію первыхъ часовъ я сдѣлала только непоправимую ошибку, о которой я буду вѣчно сожалѣть, — оставшись въ Парижѣ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ Вилль-д'Аврэ немедленно по полученіи извѣстія осмотрѣть комнату и даже сдѣлать наброски... Я никогда не буду оппортунисткой.

Четвергъ, 4 января. Гробъ перевезенъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ президентомъ палатъ. «Благодарю васъ за то, что вы озаботились его перевозкой», — говоритъ онъ Спюллеру, заливаясь слезами... И я плачу! Суровый, простой, сдержанный Бриссонъ въ слезахъ! И онъ не былъ его другомъ! — «Благодарю васъ, что вы озаботились его перевозкой»... Въ этомъ звучитъ истинное чувство, не оставляющее мѣста никакому актерству.

Мы не могли войти туда, прождавъ очереди въ теченіе двухъ часовъ. Толпа вела себя довольно почтительно, если принять въ соображеніе французскій характеръ, давку, толкотню, обязательные въ такихъ случаяхъ разговоры, потребность подвергнуть все случившееся обсужденію, разные смѣшные случаи, неизбѣжные въ такой сутолокѣ.

Когда кто-нибудь начиналъ громко смѣяться, находились люди, водворявшіе тишину: «Это непристойно! Уважьте его память!» — раздавалось въ толпѣ... Повсюду продавались портреты, медали, иллюстрированные журналы: «Жизнь, смерть Гамбетты!». Сердце сжимается отъ этого грубаго заявленія о случившемся, отъ этой громогласности его, совершенно естественной, конечно, но казавшейся, мнѣ какимъ-то святотатствомъ.

Суббота, 6 января. Мы отправляемся смотрѣть погребальную процессію изъ оконъ Мариновича, въ улицу Риволи. Трудно было бы устроиться лучше.

Въ два часа пушка возвѣщаетъ о поднятіи тѣла; мы становимся къ окнамъ.

Колесница, предшествуемая военными горнистами на лошадяхъ, музыкантами, играющими marche funébre, и тремя огромными повозками, переполненными вѣнками, возбуждали чувство какого-то изумленія. Сквозь слезы, вызванныя этимъ грандіознымъ зрѣлищемъ, я различила братьевъ Бастьенъ-Лепажей, идущихъ почти около самой колесницы, сдѣланной по ихъ проекту; архитекторъ, которому братъ, не нуждающійся въ отличіяхъ для увеличенія своей знаменитости, велико-

душно уступилъ первенство, шелъ, неся шнуръ отъ покрова. Колесница низкая, какъ-бы придавленная печалью; покровъ, изъ чернаго бархата, переброшенъ поперекъ нея, вмѣстѣ съ нѣсколькими вѣнками; крепъ; гробъ, обернутый знаменами. Мнѣ кажется, что можно было бы пожелать для колсеницы больше величественности. Можетъ быть, впрочемъ это оттого, что я привыкла къ пышности нашихъ церковныхъ обрядовъ. Но вообще они были совершенно правы, оставивъ въ сторонѣ обычный фасонъ погребальныхъ дрогъ и воспроизводя нѣчто въ родѣ античной колесницы, вызывающей въ воображеніи мысль о перевозѣ тѣла Гектора въ Трою.

Послѣ того, какъ проѣхали три повозки съ цвѣтами и пронесены были многочисленные гигантскіе вѣнки, можно было-бы подумать, что это все, но эти три повозки совершенно теряются въ безконечномъ шествіи, потому что никогда еще, по словамъ всѣхъ, не видано было такой процессіи изъ цвѣтовъ, траурныхъ знаменъ и вѣнковъ.

Признаюсь безъ всякаго стыда, что я была просто поражена всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Это зрѣлище трогаетъ, волнуетъ, возбуждаетъ — не хватаетъ словъ, чтобы выразить это чувство, непрерывно возрастающее. Какъ, еще? Да, еще, еще и еще — эти вѣнки всевозможныхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, невиданные, огромные, баснословные, хоругви и ленты съ патріотическими надписями, золотая бахрома, блестящая сквозь крепъ. Эти груды цвѣтовъ, перловъ, бахромы, эти цвѣтники розъ, качающихся на солнцѣ, горы фіалокъ и иммортелей, и потомъ снова отрядъ музыкантовъ, играющихъ въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ погребальный маршъ, грустными нотами замирающій въ отдаленіи; потомъ шумъ безчисленныхъ шаговъ по песку улицы, который можно сравнить съ шумомъ дождя отъ безчисленныхъ слезъ... И еще, и еще проходятъ делегаціи, несущія вѣнки, разныя общества, корпораціи. Парижъ, Франція, Европа, промышленность, искусство, школы — весь цвѣтъ культуры и интеллигенціи.

И снова барабаны, обернутые крепомъ, и дивные звуки музыки послѣ давящаго молчанія.

Потомъ снова безчисленные вѣнки. Наиболѣе красивые привѣтствуются одобрительнымъ ропотомъ толпы. Вотъ появляются монументальные вѣнки и трехцвѣтныя знамена въ траурѣ отъ городовъ Эльзаса и Лотарингіи, — какой-то трепетъ пробѣгаетъ по толпѣ, отъ котораго невольно выступаютъ

на глаза слезы. А процессія все продолжается, вѣнки слѣдуютъ за вѣнками, ленты и цвѣты сверкаютъ на солнцѣ сквозь черный крепъ.

Это не похороны, это какое-то тріумфальное шествіе. Весь народъ идетъ за этимъ гробомъ, и, кажется, всѣ цвѣты Франціи срѣзаны и собраны, чтобы почтить прахъ этого генія, который вополощалъ въ себѣ всѣ великодушныя стремленія великаго поколѣнія, который сумѣлъ соединить въ своей личности всю жизнь молодой страны, который былъ поэзіей, надеждой, главой всѣхъ новыхъ людей.

И этотъ человѣкъ умеръ въ сорокъ четыре года, едва только успѣвъ приготовить почву для своего великаго дѣла.

Эта невѣроятная, единственная въ своемъ родѣ процессія тянется въ теченіе двухъ съ половиной часовъ; наконецъ толпа смыкается, толпа равнодушная и шумливая, уже готовая весело смѣяться надъ испугомъ лошадей послѣднихъ кирасировъ. Никогда еще не видано было ничего подобнаго: эта музыка, эти цвѣты корпораціи, дѣти мелькали сквозь легкій туманъ, позлащенный солнцемъ, и все это слагалось въ живую картину какого-нибудь апоѳеоза. Этотъ золотистый туманъ, эти цвѣты напоминали фантастическое шествіе какого-то молодого бога...

О, да, расточай передъ нимъ теперь всѣ эти цвѣты, вѣнки и погребальные марши и знамена, и делегаціи, и всѣ эти почести — народъ нетерпѣливый, неблагодарный, несправедливый! Теперь вѣдь уже все кончено. Оберните своими трехцвѣтными флагами гробъ, хранящій только останки этой свѣтлой души. Вамъ остается только почтить этотъ обезображенный трупъ, послѣ того, какъ вы отравили ему послѣдній годъ его жизни. Все кончено! И разные маленькіе человѣки стоятъ въ какомъ-то остолбенѣніи предъ зіяющей могилой того, кто такъ стѣснялъ ихъ однимъ своимъ превосходствомъ. Сколько такихъ людей, нашептывавшихъ другъ другу, что Гамбетта становился имъ поперекъ дороги своимъ подавляющимъ геніемъ. Теперь дорога свободна передъ вами. Но его смерть не измѣнитъ вашей посредственности, завистливости и вашего ничтожества.

Мы уходимъ оттуда около трехъ часовъ. Елисейскія поля сѣры, пустынны. А еще такъ недавно этотъ человѣкъ проѣзжалъ здѣсь — такой веселый, живой, молодой, въ своемъ простомъ экипажѣ, за который его упрекали. Какая низость!..

потому что люди интеллигентные, честные, развитые, истинные патріоты **не могли** въ своей душѣ, въ своемъ сознаніи вѣрить всѣмъ клеветамъ, которыми осыпали Гамбетту.

Крыльцо палаты убрано вѣнками и завѣшано, какъ вдова, гигантскимъ черным крепомъ, спадающимъ съ фронтона окутывающимъ его своими прозрачными складками. Эта креповая вуаль — геніальное измышленіе; нельзя придумать болѣе драматическаго символа. Эффектъ ея потрясающій; сердце замираетъ, становится какъ-то жутко, какъ при видѣ черннаго флага, выкинутаго въ минуту опасности, угрожающей странѣ.

Понедѣльникъ, 8 января. Положительно этотъ человѣкъ наполнялъ собой всю Францію и даже всю Европу. Всякій долженъ чувствовать, что чего-то не хватаетъ; кажется, что теперь уже больше нечего читать въ газетахъ, нечего дѣлать въ палатѣ.

Бываютъ, разумѣется, люди болѣе полезные, незамѣтные труженики, изобрѣтатели, терпѣливые чиновники!! Никогда не будетъ у нихъ этого обаянія, этого очарованія, этого могущества. Возбуждать энтузіазмъ, самоотверженіе; группировать, объединять партіи; служить **рупоромъ** для своего отечества... это ли не полезно, не нужно, не прекрасно? Воплощать свою страну, быть знаменемъ, къ которому обращаются всѣ глаза въ минуту опасности.. неужели это не **выше** всякихъ кабинетныхъ трудовъ, всѣхъ добродѣтелей и мудрыхъ распоряженій опытныхъ гражданскихъ дѣятелей? Боже мой, умри теперь Викторъ Гюго, и это ни для кого не составило бы ничего особеннаго; его трудъ не исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ, что бы ни случилось; и умри онъ сегодня или десять лѣтъ тому назадъ — это почти безразлично — онъ закончилъ свою дѣятельность. Но Гамбетта былъ жизнью, свѣтомъ каждаго вновь наступающаго утра; онъ былъ душой республики, въ немъ отражались и слава, и паденія, и торжества, и смѣшныя стороны всей его страны. Его жизнь была живой эпопеей — въ дѣяньяхъ и рѣчахъ — изъ которой ужъ больше никто **никогда** не увидитъ ни одного жеста, не услышитъ ни одного звука его голоса.

Среда, 16 января. Эмиль Бастьенъ сопровождаетъ насъ въ Вилль д'Авре, въ домъ Гамбетты, гдѣ работаетъ его братъ.

До тѣхъ поръ, пока не увидишь своими глазами, никогда не повѣришь, до какой степени жалка внутренность его жи-

лища. Я говорю жалка, потому что сказать скромна было бы далеко недостаточно. Одна только кухня сколько-нибудь прилична въ этомъ маленькомъ домикѣ, напоминающемъ сторожку садовника.

Столовая до того мала и низка, что удивляешься только, какъ могъ въ ней помѣститься гробъ и всѣ его знаменитые друзья.

Зала только чуть-чуть побольше, но бѣдна и почти пуста. Скверная лѣстница ведетъ въ спальню, видъ которой наполняетъ меня удивленіемъ и негодованіемъ. Какъ! Въ этой жалкой коморкѣ, **до потолка которой я достаю рукой въ буквальномъ смыслѣ слова,** они могли держать въ теченіе шести недѣль больного такой комплекціи, какъ Гамбетта, зимой, съ наглухо затворенными окнами. Человѣка полнаго, страдающаго одышкой и раненаго!..

Онъ такъ и умеръ въ этой комнатѣ. Грошевые обои, темная кровать, два бюро, треснувшее зеркало между окномъ и шторой, дрянныя занавѣсы изъ красной шерстяной матеріи! Бѣдный студентъ жилъ бы не хуже этого.

Этотъ человѣкъ, столь много оплакиваемый, никогда не былъ любимъ! Окруженный разными **дѣятелями,** спекуляторами, эксплуататорами, онъ никогда не имѣлъ человѣка, который любилъ бы его **ради него самого** или, по крайней мѣрѣ, ради его славы.

Но какъ можно было оставлять его хоть часъ въ этой нездоровой и жаркой коморкѣ! Можно-ли сравнить **неудобства** часовой перевозки съ опасностью пребыванія безъ свѣжаго воздуха въ этой маленькой комнатѣ. И про этого человѣка говорили, что онъ занятъ удобствами, склоненъ къ роскоши! Это просто клевета!

Бастьенъ-Лепажъ работаетъ въ ногахъ у самой постели. Все оставлено какъ тогда: смятая простыня на свернутомъ одѣялѣ, заслоняющемъ трупъ, цвѣты на простыняхъ. Судя по гравюрамъ, нельзя составить себѣ понятія о величинѣ комнаты, въ которой кровать занимаетъ огромное мѣсто. Разстояніе между кроватью и окномъ не позволяетъ отодвинуться для срисовки ея, такъ что на картинѣ видна только та часть постели, которая ближе къ изголовью. Картина Бастьена — сама правда. Голова, закинутая назадъ, въ поворотъ en trois quarts, съ выраженіемъ успокоенія въ небытіи послѣ страданій, ясности **еще живой** и въ то же время уже неземной. Глядя

на картину, видишь самую дѣйствительность. Тѣло, вытянутое, успокоенное, только-что покинутое жизнью, производитъ потрясающее впечатлѣніе. При видѣ его, морозъ пробѣжитъ по кожѣ и колѣна дрожатъ и подгибаются.

Счастливый человѣкъ этотъ Бастьенъ-Лепажъ! Я чувствую какое-то стѣсненіе въ его присутствіи. Несмотря на наружность двадцатипятилѣтняго юноши, въ немъ есть то спокойствіе, полное благосклонности и та простота, которая свойственна великимъ людямъ — Виктору Гюго, напримѣръ. Я кончу тѣмъ, что буду находить его красивымъ; во всякомъ случаѣ онъ обладаетъ въ высшей степени тѣмъ безграничнымъ обаяніемъ, которое присуще людямъ, имѣющимъ вѣсъ, силу, которые сознаютъ это, безъ глупаго самодовольства.

Я смотрю, какъ онъ работаетъ, а онъ болтаетъ съ Диной, остальные сидятъ въ сосѣдней комнатѣ.

На стѣнѣ виденъ слѣдъ пули, убившей Гамбетту; Бастьенъ намъ показываетъ ее, и тишина этой комнаты, эти увядшіе цвѣты, солнце, свѣтящее въ окно, все это вызываетъ слезы на моихъ глазахъ. А онъ сидѣлъ спиной ко мнѣ, погруженный въ свою работу... Ну-съ, и вотъ, чтобы не потерять выгодной стороны такой чувствительности, я порывисто подала ему руку и быстро выхожу, съ лицомъ, омоченнымъ слезами. Надѣюсь, что онъ это замѣтилъ. Это глупо... Да, глупо признаться, что постоянно думаешь о производимомъ эффектѣ!

Четвергъ, 22 февраля. Голова маленькаго изъ моихъ двухъ мальчиковъ вполнѣ закончена.

Я играю Шопена на роялѣ и Россини на арфѣ, совершенно одна въ своей мастерской. Луна свѣтитъ. Большое окно позволяетъ видѣть ясно чудное синее небо. Я думаю о своихъ «Святыхъ женахъ», и душа моя полна такого восторга отъ ясности, съ которой эта картина мнѣ представляется, что меня охватываетъ безумный страхъ — какъ бы кто-нибудь другой не сдѣлалъ ее раньше меня... И это нарушаетъ глубокое спокойствіе вечера.

Но есть радости, кромѣ всего этого; я очень счастлива сегодня вечеромъ; я только-что читала Гамлета по-англійски, и музыка Амбруаза Тома тихонько убаюкиваетъ меня.

Есть драмы, вѣчно волнующія, типы безсмертные... Офелія — блѣдная и бѣлокурая — это хватаетъ за сердце. Офелія!.. Желаніе самой пережить несчастную любовь пробужда-

ается въ глубинѣ души. Нѣтъ — Офелія, цвѣты и смерть... Это прекрасно!

Должны же быть какія-нибудь формулы для такихъ грезъ, какъ сегодня, и всѣ вѣянія поэзіи, приходящія въ голову, не должны были бы пропадать безслѣдно, но излиться въ какое-нибудь твореніе. Быть можетъ этотъ журналъ будетъ?.. Нѣтъ, онъ слишкомъ длиненъ. О, если бы Богъ помогъ мнѣ выполнить мою картину — большую, настоящую. Въ этомъ году — это будетъ еще почти въ родѣ этюда... вдохновленнаго Бастьеномъ? Боже мой, да; его живопись до такой степени передаетъ природу, что чѣмъ ближе копируешь ее, тѣмъ больше походишь на него. Его головы живутъ; это не «прекрасная живопись», какъ у Каролуса Дюрана, это само тѣло, человѣческая кожа; все у него живетъ, дышитъ. Тутъ нельзя говорить о техникѣ: это просто сама природа; и это дивно хорошо!

Суббота, 24 февраля. Вы знаете, что я постоянно занята Бастьенъ-Лепажемъ; я привыкла произносить это имя и избѣгаю произносить его при всѣхъ, — какъ будто бы я была въ чемъ-нибудь виновата. А когда я говорю о немъ, то съ нѣжной фамильярностью, которая кажется мнѣ совершенно естественной въ виду его таланта и которая могла бы быть дурно истолкована.

Господи, какъ жаль, что онъ не можетъ бывать у насъ, какъ его братъ.

Но чѣмъ бы онъ могъ для меня быть? Да другомъ! О, я бы обожала своихъ знаменитыхъ друзей — не изъ тщеславія только, но ради нихъ самихъ, ихъ достоинствъ, ихъ ума, таланта, генія. Вѣдь это какая-то совсѣмъ особенная порода людей. Поднявшись надъ банальной сферой золотой посредственности, почувствовать себя въ чистой атмосферѣ, въ кругу избранныхъ, гдѣ можно взяться за руки и свиться въ стройный хороводъ... Что это, какъ я заговорилась!.. Нѣтъ, да право, у Бастьена такая прекрасная голова.

Среда, 27 февраля. Наконецъ вотъ рядъ веселыхъ дней; я пою, болтаю, смѣюсь, а имя Бастьена-Лепажа все звучитъ и звучитъ, какъ припѣвъ. Ни личность его, ни наружность, едва ли даже представленіе о его талантѣ — нѣтъ, просто его имя!.. Однако, я начинаю бояться... Что, если моя картина будетъ похожа на его?.. За послѣднее время онъ написалъ массу разныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Между прочимъ зна-

менитаго *Pas-mèche*. Можно ли представить себѣ что-нибудь прекраснѣе?

А у меня эти два мальчика, которые идутъ вдоль тротуара, взявшись за руки: старшій — лѣтъ семи — устремилъ глаза вдаль; въ зубахъ у него зеленый листокъ; мальчикъ — лѣтъ четырехъ — уставился на публику; рука его въ карманѣ панталонъ. Не знаю, что и думать: еще сегодня вечеромъ я сама была довольна. Это просто пугаетъ меня.

Но сегодня вечеромъ, сегодня вечеромъ, — безмѣрная радость. Что? — скажете вы — Сенъ-Марсо или Бастьенъ пришли? Нѣтъ, но я сдѣлала эскизъ **моей статуи.**

Я хочу тотчасъ, послѣ 15 марта, приняться за статую. Я сдѣлала на своемъ вѣку двѣ группы и два-три бюста; все это было брошено на полъ-дорогѣ, потому что, работая одна и безъ всякаго руководства, я могу привязаться только къ вещи, которая дѣйствительно интересуетъ меня, куда я вкладываю свою жизнь, свою душу, словомъ, къ какой-нибудь серьезной вещи, а не къ простому этюду.

Задумать какой-нибудь образъ и почувствовать это безмѣрное желаніе выполнить его... о, что это такое!

Можетъ быть, на этотъ разъ выйдетъ плохо. Ну, что за бѣда!.. Я рождена скульпторомъ; я люблю форму до обожанія. Никогда краски не могутъ обладать такимъ могуществомъ, какъ форма, хотя я и отъ красокъ безъ ума. Но форма! Прекрасное движеніе, прекрасная поза! Вы поворачиваете — силуэтъ мѣняется, сохраняя все свое значеніе!.. О, счастье! блаженство!

Моя статуя изображаетъ стоящую женщину, которая плачетъ, уронивъ голову на руки. Вы знаете — это движеніе плечъ, когда плачутъ.

Я готова была стать на колѣни передъ ней. Я говорила тысячу глупостей. Эскизъ — вышиною въ 30 сантиметровъ, но самая статуя будетъ въ натуральную величину...

Когда все было готово, я разорвала свою батистовую рубашку, чтобы завернуть въ нее эту хрупкую статуйку... Я больше люблю ее, чѣмъ свою кожу. И этотъ влажный бѣлый батистъ, спадающій красивыми складками съ стройной фигуры статуйки, которая уже представляется мнѣ въ своемъ будущемъ настоящемъ видѣ... до чего это красиво!.. Я завертывала ее съ какимъ-то благоговѣніемъ, и до чего это тонко, нѣжно, благородно!

У меня слабые глаза; если бы они ослабѣли настолько, что это помѣшало бы моей живописи, я взялась бы за скульптуру.

Среда, 28 февраля. Картина будетъ завтра кончена; я работала надъ ней девятнадцать дней.

Суббота, 3 марта. Тони пришелъ сегодня посмотрѣть картину. Онъ остался очень доволенъ ею. Одна изъ головокъ особенно хороша. «Вы никогда еще не дѣлали ничего подобнаго, это очень мило, и прекрасные тона. Отлично, отлично! право славная вещица!..» и такъ въ теченіе довольно долгаго времени. Словомъ все обстоитъ какъ нельзя лучше!.. Не могу вѣрить!

Да почему же это я не прихожу въ восторгъ? Вѣдь никогда еще онъ не говорилъ мнѣ ничего подобнаго. И нельзя сказать, чтобы я подозрѣвала его въ лести. О, нѣтъ!.. Но я могла бы сдѣлать еще лучше; такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, и я постараюсь добиться этого во второй фигурѣ...

Среда, 14 марта. Наконецъ пришелъ взглянуть на картину и Жуліанъ. Я не просила его объ этомъ. Былъ только обмѣнъ писемъ, нѣсколько колкихъ — съ обѣихъ сторонъ. Но онъ чувствуетъ свою неправду, а я скромно торжествую.

Онъ нашелъ, что картина очень хороша.

Четвергъ, 15 марта. Въ три часа я еще работала, когда собралось столько народу, что пришлось все бросить. Madame и m-lle Канроберъ, Божидаръ, княгиня и другіе. Вся эта компанія отправляется къ Бастьену смотрѣть его картину **Любовь въ деревнѣ.** Среди виноградника спиной къ публикѣ стоитъ дѣвушка, опустивъ голову, вертя цвѣточекъ въ рукахъ; она опирается о заборъ; по другую сторону забора молодой парень лицомъ къ зрителю; онъ опустилъ глаза и смущенно теребитъ свои пальцы. Эта картина полна чарующей поэзіи и самаго тонкаго чувства. Объ исполненіи уже и говорить нечего; это сама правда. Это не живописецъ только, — это поэтъ, психологъ, метафизикъ, творецъ!

Четвергъ, 22 марта. Вчера я позвала двухъ техниковъ, которые сдѣлали мнѣ каркасъ для моей статуи. И сегодня я уже нарисовала ее, придавъ ей желаемое движеніе... Я сильно увлечена... по части живописи — «Святыхъ женъ», которыхъ я постараюсь окончить этимъ же лѣтомъ; въ скульптурѣ — моя Аріадна просто не даетъ мнѣ покою. А пока я дѣлаю эту женскую фигуру, которая соотвѣтствуетъ по позѣ моей дру-

гой Маріи, — той, которая стоитъ, но столько въ статуѣ и безъ одѣянія; и потомъ эта молодая дѣвушка, изъ нея могла бы выйти прелестнѣйшая Навзикая. Она уронила голову на руки и плачетъ. И въ ея позѣ столько непосредственности, такое отчаяніе, такая тоска, и что-то такое молодое, искреннее, что я сама охвачена волненіемъ.

Навзикая, дочь царя ѳеаковъ, — одинъ изъ прелестнѣйшихъ образовъ древности. Образъ, обрисованный на второмъ планѣ, но глубоко трогательный и привлекательный.

Она влюбилась въ Одиссея, слушая разсказъ о его приключеніяхъ въ то время, какъ стояла опершись на колонну розоваго мрамора во дворцѣ своего отца. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ послѣ этого; онъ уѣзжаетъ искать свою страну, возвращается къ своимъ дѣламъ. А Навзикая остается на берегу, смотря за удаляющимся бѣлымъ парусомъ, и когда все опустѣло на голубомъ горизонтѣ, она роняетъ на руки свою голову и, закрывъ лицо пальцами, не думая о своей красотѣ, приподнявъ плечи и придавивъ руками грудь, отдается слезамъ.

Воскресенье, 25 марта. Со вчерашняго дня я въ ужаснѣйшей тревогѣ; вы сейчасъ поймете, почему.

Приходитъ В. и спрашиваетъ, получила ли я какія-нибудь извѣстія изъ салона.

— Нѣтъ, ничего рѣшительно. — Какъ? вы ничего не знаете? — Ровно ничего. — Вы приняты. — Я право ничего не знаю. — Да, конечно; и теперь уже дошли по фамиліямъ до буквы С. — Вотъ и все! Я едва пишу, руки такъ и дрожатъ, я чувствую себя совсѣмъ разбитой.

Я не сомнѣвалась, что я «принята»!

Я разсылаю депеши во всѣ концы, а черезъ пять минутъ получаю записку отъ Жуліана, которую привожу дословно:

«О, святая наивность!.. Вы приняты по крайней мѣрѣ съ № 3, потому что я знаю одного изъ членовъ, который требовалъ для васъ № 2. Теперь побѣда!.. Мои душевныя поздравленія!»

Среда, 27 марта. Я только что пересматривала **Одиссею.** Гомеръ не даетъ сцены, которую я себѣ представила. Правда, что она должна служить неизбѣжнымъ, вполнѣ логическимъ выводомъ изъ всего предшествующаго. Рѣчи Улисса, полныя похвалъ и удивленія при его встрѣчѣ съ Навзикаей на берегу,

должны были неизбѣжно вскружить ей голову; впрочемъ, она вѣдь и сама говоритъ объ этомъ своимъ подругамъ.

Она принимаетъ его за какого-нибудь бога, онъ выражаетъ по отношенію къ ней тѣ же чувства... Словомъ, это ужъ непремѣнно такъ.

Перечту еще разъ слова Улисса. Когда онъ появляется нагой и испачканный передъ молодыми дѣвушками, всѣ онѣ разбѣгаются. Навзикая остается одна.

«Сама Аѳина возбуждаетъ въ немъ эту рѣшимость». Этотъ старый интриганъ, такъ много переживший на своемъ вѣку, но все еще прекрасный, нуждается въ одеждѣ и покровительствѣ; и, обращаясь къ Навзикаѣ, онъ сравниваетъ ее съ Діаной. Слѣдовательно, она должна быть высока, прекрасна и стройна. «Глаза его, — говоритъ онъ, — еще никогда не видѣли такой смертной». И затѣмъ онъ сравниваетъ ее со стволомъ пальмы, которая поразила его до остолбенѣнія, когда онъ увидѣлъ ее въ Делосѣ около алтаря Аполлона, въ путешествіи, которое онъ сдѣлалъ въ сопровожденіи многочисленнаго народа и которое было для него источникомъ величайшихъ несчастій.

Такимъ образомъ онъ въ этихъ немногихъ словахъ одновременно расточаетъ ей такую тонкую лесть и обрисовываетъ себя въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ, какъ человѣка выдающагося и возбуждающаго живѣйшій интересъ своими несчастіями; онъ представляется какъ бы преслѣдуемымъ богами. Невозможно, чтобы эта дѣвушка, удостоившаяся по своему уму и красотѣ сравненія съ безсмертными, не была при этомъ сразу охвачена необыкновеннымъ чувствомъ, — особенно въ виду ея настроенія, возбужденнаго сномъ предшествующей ночи.

Пятница, 30 марта. Я работала сегодня до шести часовъ, въ шесть часовъ было еще свѣтло; я отворила двери на балконъ и сѣла слушать звонъ, разносившійся изъ церквей, дыша весеннимъ воздухомъ и играя на арфѣ.

Я такъ спокойна. Я славно поработала, потомъ вымылась, одѣлась въ бѣлое, поиграла на арфѣ и теперь взялась за перо; чувствуя себя спокойной, удовлетворенной, я вполнѣ наслаждалась этой созданной мной обстановкой, гдѣ все у меня подъ руками... И такъ хорошо жить этой жизнью... въ ожиданіи будущей славы. Но если бы она и пришла, слава,—я отдавалась бы ей вполнѣ какихъ-нибудь два мѣсяца въ году, а

остальные десять мѣсяцевъ проводила бы, запершись отъ всѣхъ и отдаваясь работѣ...

Что меня мучитъ, такъ это, что нужно будетъ выйти замужъ. Тогда ужъ больше не будетъ ни одной изъ этихъ низменныхъ тревогъ тщеславія, отъ котораго я не могу отдѣлаться.

— Почему это она не выходитъ замужъ?.. Мнѣ даютъ двадцать пять лѣтъ, и это меня бѣситъ; тогда какъ разъ выйду замужъ... Да, но за кого? Если бы я была здорова, какъ прежде... А теперь нужно, чтобы это былъ человѣкъ добрый и деликатный. Нужно, чтобы онъ любилъ меня, потому что я не настолько богата, чтобы поставить себя независимо отъ него, во всѣхъ отношеніяхъ.

Во всемъ этомъ я не удѣляю никакой роли моему сердцу. Да вѣдь нельзя всего предвидѣть, и потому — это зависитъ... И потомъ, можетъ быть, никогда ничего подобнаго и не случится...

Только что получила слѣдующую записку:

«Дворецъ Елисейскихъ полей. Общество французскихъ художниковъ, устроителей ежегодныхъ выставокъ изящныхъ искусствъ.

Пишу вамъ не выходя изъ залъ jury, чтобы сообщить вамъ, что головка-пастель имѣла истинный успѣхъ. Отъ души васъ съ этимъ привѣтствую. Нечего и говорить, что ваши работы приняты прекрасно.

На этотъ разъ — это ужъ настоящій успѣхъ для васъ, и я очень этимъ счастливъ.

Тони Роберъ-Флери».

Вы, можетъ быть, думаете, что я обезумѣла отъ радости? Я вполнѣ спокойна. Я должно быть не заслуживаю того, чтобы испытать большую радость, потому что даже такое радостное извѣстіе застаетъ меня въ такомъ настроеніи, что все это кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Я сдержана именно какъ человѣкъ, который боится, что «это невозможно, потому что это **слишкомъ** хорошо». Я боюсь обрадоваться преждевременно... и вообще напрасно.

Среда, 3 апрѣля. Погода чудо какъ хороша... Я чувствую въ себѣ такую силу, я вѣрю, что могу быть настоящей художницей. Я чувствую это, я убѣждена въ этомъ.

Солнце, весна, свѣжій воздухъ; это главный мотивъ моего настроенія. Лѣтомъ не знаешь куда дѣваться отъ жары,

зимой отъ холода, лѣтомъ только утра и вечера хороши. А теперь это просто такъ, и не воспользоваться этимъ временемъ, чтобы рисовать и писать на воздухѣ, — чистое безуміе.

Поэтому съ завтрашняго дня я начну... Я чувствую въ себѣ такую силу передать все, что поражаетъ меня. Эта вѣра въ себя утраиваетъ способности. Съ завтрашняго же дня я примусь за картину, которая кажется мнѣ прелестной; потомъ позднѣе, осенью, въ худую погоду — другую, тоже очень интересную. Мнѣ кажется, что теперь каждое мое начинаніе мнѣ удастся, и я полна какого-то дивнаго упоенія...

Среда, 4 апрѣля. Розовый день. Шестеро ребятишекъ, сгруппированныхъ голова съ головой, нарисованы только до колѣнъ. Старшему мальчику лѣтъ двѣнадцать, младшему шесть. Старшій, повернувшійся почти спиной, держитъ гнѣздо, а остальные смотрятъ въ самыхъ разнообразныхъ и правдивыхъ позахъ. Шестая фигура — дѣвочка, лѣтъ четырехъ, видна со спины; голова поднята, руки скрещены...

Все это такъ обыкновенно въ простомъ описаніи, но на самомъ дѣлѣ эти шесть головокъ, прильнувшихъ другъ къ другу, представляютъ изъ себя нѣчто необычайно интересное.

Среда, 18 апрѣля. Я только что встала изъ-за рояля. Это началось двумя божественными маршами Шопена и Бетховена, а потомъ я играла сама не знаю... что выходило, но это были такія очаровательныя вещи, что я еще до сихъ поръ сама себя слушаю. Не странно ли? Я не могла бы теперь повторить изъ всего этого ни одной нотки, и даже не могла больше сѣсть импровизировать. Нуженъ часъ, минута, не знаю что... А теперь у меня все еще проходятъ въ головѣ какія-то божественныя мелодіи. Если бы у меня былъ голосъ, какъ прежде, я могла бы пѣть вещи чудныя, драматическія, никому невѣдомыя... Зачѣмъ? Жизнь слишкомъ коротка. Не успѣваешь ничего сдѣлать! Мнѣ хотѣлось бы работать надъ скульптурой, не бросая живописи. Не то, чтобы мнѣ хотѣлось **быть скульпторомъ,** но просто мнѣ **видятся** такія чудныя вещи и я чувствую такую настоятельную потребность передать то, что я вижу.

Я научилась живописи, но я работала не потому, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать ту или другую вещь. А вѣдь тутъ — я буду работать надъ глиной, чтобы воплотить свои видѣнія.

Воскресенье, 22 апрѣля. Изъ пастелей на выставкѣ было всего двѣ, принятыхъ съ № I: одинъ — Б., другой мой. Голова Ирмы въ первомъ ряду и притомъ въ углу, — слѣдовательно на почетномъ мѣстѣ...

За обѣдомъ у насъ, какъ почти ежедневно, много народа. Я прислушиваюсь къ разговорамъ и говорю себѣ, что вотъ вѣдь всѣ эти люди только и дѣлаютъ всю свою жизнь, что говорятъ глупости. Счастливѣе ли они, чѣмъ я?.. Ихъ горести совсѣмъ другого рода, а вѣдь страдаютъ-то они столько же. А между тѣмъ, они не умѣютъ извлекать изъ всего такого наслажденія, какъ я. Какая бездна вещей ускользаетъ отъ нихъ: всѣ эти мелкія подробности, эти пустяки, представляющіе для меня безконечное поле для наблюденій, составляющіе источникъ радостей, недоступныхъ массѣ; а наслажденіе красотой природы или всѣми этими деталями Парижа! Какой-нибудь прохожій, взглядъ ребенка или женщины, какое-нибудь объявленіе, да и мало ли что еще... Когда я отправилась въ Лувръ — идешь по двору, поднимаешься по лѣстницѣ, на которой, такъ кажется, и видятся слѣды милліоновъ ногъ, топтавшихъ ее, открываешь дверь, всматриваешься во всѣхъ встрѣчныхъ, и воображеніе уже создаетъ какія-нибудь исторіи, гдѣ каждый играетъ свою роль, проникаешь мысленно въ глубину души ихъ, вся ихъ жизнь мигомъ встаетъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. И потомъ другой рядъ мыслей, другія впечатлѣнія и все это сплетается вмѣстѣ и даетъ такую пеструю картину... Тутъ представляются сюжеты для... Чего только тутъ ни придумаешь! И такимъ образомъ, если я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и стала беднѣе другихъ съ тѣхъ поръ, какъ оглохла, многое все-таки вознаграждаетъ меня...

О, нѣтъ! Всѣ, всѣ знаютъ это, и это, конечно, первое, о чемъ говорятъ, упоминая обо мнѣ: «Знаете, она вѣдь нѣсколько глуха». Не знаю какъ поворачивается у меня рука написать это... Развѣ можно привыкнуть къ этому?.. И еще случись это съ человѣкомъ пожилымъ, съ какой-нибудь старухой, съ какимъ-нибудь обиженнымъ судьбой! Но для человѣка молодого, живого, трепещущаго, захлебывающагося жизнью!!.

Пятница, 27 апрѣля. Роберъ-Флери заходилъ ко мнѣ вчера и просидѣлъ цѣлый часъ. Онъ очень поощряетъ меня въ моихъ планахъ относительно «Святыхъ женъ». Это очень трудно, но въ сущности и всегда приходится «только списывать!» Списывать. Легко сказать — списывать. Списывать

безъ художественнаго чутья, безъ всякой **внутренней идеи** — просто нелѣпо... Нѣтъ, работать приходится столько же душой, сколько глазами... Я не высказываю всего этого Роберу-Флери. Не то, чтобъ онъ не понялъ меня; но онъ облечетъ все это въ форму **классической интерпретаціи,** которой я совершенно не выношу. Вообще онъ говоритъ, что для картины такого рода нужно быть знакомымъ съ очень многими сторонами техники, о которыхъ я даже и не подозрѣваю. Напримѣръ: драпировки... *Quessaco?*

— Ну такъ что же такое! Я и сдѣлаю эти «драпировки», — вѣдь дѣлаю-же я современные костюмы.

— Это будетъ ни на что не похоже.

— Да почему же? Развѣ люди, которыхъ я должна изобразить, не были живыми и современными?

— Все равно, вы не найдете вашей картины въ дѣйствительности совершенно готовой.

Я не возражаю, потому что это заставило бы меня договориться Богъ знаетъ до чего. Но здѣсь я должна сказать... Я не найду своей картины въ дѣйствительности совершенно готовой! Скажите на милость!.. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь моя картина живетъ въ моемъ представленіи, а дѣйствительность дастъ мнѣ средства для ея выполненія.

Само собой разумѣется, что при всемъ этомъ необходимо руководящее чувство... И если я обладаю этимъ чувствомъ, все пойдетъ какъ нельзя лучше, а нѣтъ — такъ никакое изученіе драпировокъ не дастъ мнѣ того, что нужно.

Въ настоящую минуту я полна такой глубокой, восторженной, огромной увѣренности, что это должно быть хорошо. Вѣдь несомнѣнно, что силы удваиваются, когда работаешь съ любовью.

Мнѣ кажется даже, что извѣстный порывъ можетъ побѣдить все. Приведу вамъ доказательства. Напримѣръ: вотъ уже шесть или семь лѣтъ, что я не играю на роялѣ, ну, то-есть просто совсѣмъ не играю, развѣ какіе-нибудь нѣсколько тактовъ мимоходомъ. Бывали мѣсяцы, когда я не прикасалась къ роялю, чтобы вдругъ просидѣть за нимъ въ теченіе пяти-шести часовъ какой-нибудь разъ въ годъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ бѣглость пальцевъ не существуетъ, и я, конечно, не могла бы выступить передъ публикой, — первая встрѣчная барышня одержала бы надо мной верхъ.

И вотъ — стоитъ мнѣ услышать какое-нибудь замѣчательное музыкальное произведеніе — напр., маршъ Шопена или Бетховена, какъ меня охватываетъ страстное желаніе сыграть его, и въ какіе-нибудь нѣсколько дней — въ два три дня, играя по часу въ день, я достигаю того, что могу сыграть его совершенно хорошо, такъ же хорошо — ну, какъ не знаю кто.

Понедѣльникъ, 30 апрѣля. Только что имѣла счастье разговаривать съ Бастьенъ-Лепажемъ. Онъ объяснялъ мнѣ свою Офелію... Это не просто «талантливый художникъ». Онъ проводитъ въ своемъ сюжетѣ мысль, обобщеніе; все, о чемъ онъ говорилъ мнѣ по поводу Офеліи, почерпнуто изъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ человѣческой души. Онъ видитъ въ ней не просто «безумную»: нѣтъ, это несчастная въ любви; это безпредѣльное разочарованіе, горечь, отчаяніе... **Несчастная въ любви,** съ помутившимся разумомъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этого скорбнаго образа!

Я просто безъ ума отъ него. Геній — что можетъ быть прекраснѣе! Этотъ невысокій, некрасивый человѣкъ кажется мнѣ прекраснѣе и привлекательнѣе ангела. Кажется, всю жизнь готовъ былъ бы провести — слушая то, что онъ говоритъ, слѣдя за его чудными работами. И съ какой удивительной простотой онъ говоритъ! Отвѣчая кому-то изъ присутствующихъ — не помню ужъ на что, онъ сказалъ: «я нахожу столько поэзіи въ природѣ» — съ выраженіемъ такой глубокой искренности, что я до сихъ поръ нахожусь подъ вліяніемъ какого-то невыразимаго очарованія...

Я преувеличиваю, я чувствую, что преувеличиваю. Но право...

Среда, 2 мая. Я хотѣла было поѣхать въ оперу, но къ чему!.. Т. е. былъ моментъ, когда мнѣ захотѣлось поѣхать туда, чтобы добрые люди, обративъ вниманіе на мою наружность, довели это до свѣдѣнія Бастьенъ-Лепажа. Но къ чему это? Право, не могу отдавать себѣ отчета. Ну, не глупо ли это? Не безумно ли желать нравиться людямъ, до которыхъ мнѣ въ сущности нѣтъ дѣла!....

Надо будетъ подумать объ этомъ, потому что вѣдь, правда же, это значило бы стараться ради прусскаго короля, вѣдь не добиваюсь же я въ серьезъ этого великаго художника! Могла ли бы я за него выйти? Нѣтъ. Ну, слѣдовательно?..

Но къ чему вѣчно докапываться во всемъ причинъ! Я чувствую безумное желаніе нравиться этому великому человѣку — вотъ и все. И Сенъ-Марсо — тоже. Кому же изъ нихъ больше? Не знаю. Одного изъ нихъ мнѣ было бы достаточно... Все это составляетъ для меня самый насущный вопросъ. Даже наружно я измѣнилась за это время: я очень похорошѣла, кожа стала какая-то особенно бархатистая, свѣжая, глаза оживлены и блестятъ. Просто удивительно! Что же должна творить настоящая любовь, если такіе пустяки такъ дѣйствуютъ!

Пятница, 4 мая. Жюль Бастьенъ обѣдалъ у насъ сегодня; я не ребячилась, не была ни глупа, ни безобразна. Онъ былъ простъ, веселъ, милъ, мы много дурачились. Не было ни одной минуты, когда бы чувствовалась какая-нибудь натянутость. Онъ проявилъ себя человѣкомъ вполнѣ интеллигентнымъ. Впрочемъ, я вообще не допускаю, чтобы геній могъ быть узкимъ спеціалистомъ: геніальный человѣкъ можетъ и долженъ быть всѣмъ, чѣмъ захочетъ.

Понедѣльникъ, 7 мая. Я принялась за своихъ мальчиковъ совершенно заново: я дѣлаю ихъ во весь ростъ, на большомъ холстѣ; это интереснѣе.

Вторникъ, 8 мая. Я живу вся въ своемъ искусствѣ, спускаясь къ другимъ только къ обѣду, и то ни съ кѣмъ не говоря. Это новый періодъ въ отношеніи моей работы. Все кажется мелкимъ и не интереснымъ, все, исключая того, надъ чѣмъ работаешь. Жизнь могла бы быть прекрасна въ этомъ видѣ.

Среда, 9 мая. Сегодня вечеромъ у насъ совершенно особенные гости, которые могли бы очень шокировать наше обычное общество, но которые для меня представляютъ величайшій интересъ.

Жюль Бастьенъ, такъ усердно проповѣдующій экономію ума, силъ и всего для сосредоточенія на чемъ-нибудь одномъ, дѣйствительно очень сдержанъ. Но у меня — право я чувствую въ себѣ такой избытокъ всего, что, если бы я не расходовалась во многихъ направленіяхъ, просто не знаю, что бы это и было. Конечно, если чувствуешь, что разговоры или смѣхъ утомляютъ, истощаютъ тебя, то нужно воздерживаться отъ этого, но... Однако, онъ долженъ быть правъ.

Всѣ поднимаются наверхъ; моя большая картина, разу-

мѣется, повернута къ стѣнѣ, и я вступаю чуть ли не въ бой съ Бастьеномъ, чтобы не дать ему разглядѣть ея, — потому что онъ умудрился забраться между картиной и стѣной.

Я начинаю говорить въ преувеличенномъ тонѣ о Сенъ-Марсо, а Бастьенъ отвѣчаетъ, что онъ ревнуетъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы мало-по-малу развѣнчать его въ моихъ глазахъ. Онъ повторялъ это нѣсколько разъ также, какъ и въ послѣдній разъ; — и хотя я отлично знаю, что это простая шутка, все-таки это приводитъ меня въ восторгъ.

Пусть себѣ думаетъ, что Сенъ-Марсо любимъ болѣе его, — какъ художникъ, разумѣется! Я то и дѣло спрашиваю у него:

— Нѣтъ, скажите, вѣдь вы его любите? Неправда ли, вы его любите?

— Да, очень.

— Любите ли вы его такъ, какъ я?

— Ну, нѣтъ! Я вѣдь не женщина; я его люблю, но...

— Да развѣ я люблю его, какъ женщина!

— Разумѣется, къ вашему обожанію примѣшивается и этотъ оттѣнокъ.

— Да нѣтъ же, клянусь вамъ.

— Ну, какъ нѣтъ! Это безсознательно!

— Ахъ, какъ вы можете думать!..

— Да. И я ревную; я вѣдь не представляю изъ себя красиваго брюнета...

— Онъ похожъ на Шекспира.

— Ну, видите.

Мнѣ кажется, что Бастьенъ начинаетъ меня ненавидѣть! За что? Я право не знаю, и мнѣ какъ-то страшно. Между нами какъ бы пробѣгаетъ что-то враждебное, что-то такое, чего нельзя выразить словами, но что непосредственно чувствуется. Между нами нѣтъ того, что называется **симпатіей...** Я нарочно остановилась, чтобы сказать ему нѣкоторыя вещи, которыя могли бы вызвать... быть можетъ, немножко любви ко мнѣ. Мы совершенно сходимся въ нашихъ воззрѣніяхъ на искусство, а я никакъ не рѣшаюсь заговорить съ нимъ объ этомъ. Можетъ быть, именно потому, что я чувствую, что онъ меня любитъ?

Словомъ, за всѣмъ этимъ **что-то кроется...**

Суббота, 12 мая. Я была утромъ въ мастерской; мнѣ уда-

лось поймать на минутку Жуліана, чтобы попросить его зайти ко мнѣ — посмотрѣть моихъ мальчиковъ.

Мы говорили о «Святыхъ женахъ». Я объясняю ему, какъ смотрю на все это. Мы вдоволь посмѣялись надъ «драпировками» Робера-Флери. Развѣ эти женщины могутъ имѣть красиво-задрапированныя одѣянія изъ синяго или коричневаго кашемира?! Онѣ слѣдовали за Христомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; это были протестантки своего времени, отверженныя обществомъ; имъ было не до изящества, не до модъ.

А въ послѣдніе дни, когда свершилась великая драма суда и казни, онѣ должны были быть одѣты чуть что не въ лохмотья... Жуліанъ говоритъ, что это будетъ или дивно-хорошо, или прогоритъ окончательно.

Какъ бы то ни было — дѣло начато. Моя картина вполнѣ выработана. Я ее вижу, чувствую. Ничто въ мірѣ не можетъ ничего измѣнить въ ней, никакое путешествіе, никакая природа, никакіе совѣты. Мой набросокъ нравится Жуліану. Но это еще не то, чего бы мнѣ хотѣлось... Я знаю, въ какое время дня это должно происходить, — въ тотъ часъ, когда очертанія предметовъ стушевываются, сплываются, спокойствіе окружающаго составляетъ контрастъ со всѣмъ совершившимся... Вдали — фигуры людей, уходящихъ послѣ погребенія Христа... Только эти двѣ женщины остались — совершенно однѣ, точно скованныя оцѣпенѣніемъ. Магдалина видна въ профиль; локтемъ она опирается на правое колѣно, положивъ подбородокъ на руку; глаза ничего не видящіе, прикованные къ могилѣ; лѣвое колѣно опустилось до земли, лѣвая рука свѣсилась.

Другая Марія стоитъ нѣсколько позади; голова опущена на руки; плечи приподняты; только эти руки и видны, но вся ея поза должна выражать рыданіе изстрадавшейся души, усталость, отчаяніе, какую-то надорванность; голова безсильно упала на руки и во всей фигурѣ ея чувствуется изнеможеніе, полный упадокъ силъ. Все кончено для нея... Жуліанъ находитъ, что приданное положеніе превосходно: видно, что она не заботится о публикѣ, что она вся ушла въ себя, вся отдалась своему горю.

Сидящая фигура представляетъ наиболѣе трудностей. Въ ней должно выражаться и оцѣпенѣніе, и отчаяніе, и изнеможеніе, но въ то же время какое-то недоумѣніе — протестъ

души противъ всего совершившагося. И это недоумѣніе особенно трудно поддается передачѣ... Словомъ, цѣлый міръ, цѣлый міръ...

И я рѣшаюсь предпринять это? Ну да — я; и это не зависитъ отъ меня; невозможно не сдѣлать этой картины, если этого хочетъ Богъ. О, Онъ долженъ знать, что я боюсь Его, что я готова на колѣняхъ умолять Его дать мнѣ возможность работать. Я не заслуживаю ни особенныхъ Его милостей, ни помощи, но только бы Онъ далъ мнѣ возможность отдаться моей работѣ...

Моя картина, выставленная въ Салонѣ, не представляетъ особеннаго интереса. Я ее сдѣлала — такъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго и за недостаткомъ времени...

Среда, 16 мая. Днемъ такая жара, что настоящая жизнь начинается только вечеромъ. Я поднимаюсь къ себѣ и наслаждаюсь всѣмъ этимъ мирнымъ этажемъ съ открывающимся видомъ безконечнаго неба...

Но оно возбуждаетъ не чувствительность, а какое-то особенное ребяческое настроеніе.

Съ вокзала желѣзной дороги раздается свистокъ, изъ ближней церкви доносится звонъ колокола... Такая поэзія...

Въ эти чудные вечера такъ хотѣлось бы отправиться куда-нибудь въ деревню, кататься по водѣ большимъ обществомъ; только — съ какимъ это обществомъ?

Я думаю обо всемъ этомъ парижскомъ людѣ Елисейскихъ полей и Булонскаго лѣса — они **живутъ...** тогда какъ я только витаю — Богъ знаетъ гдѣ. Хорошо или дурно я дѣлаю, бросая мою молодость въ жертву своему честолюбію, которое... Словомъ, соберу ли я хоть процентъ съ затраченнаго капитала?

Свистокъ звучитъ такъ гармонически — ночью. Толпы людей возвращаются теперь изъ деревни; усталыя, счастливыя, возмущенныя, полныя смутныхъ грезъ...

Опять свистокъ...

Когда я буду знаменитой... это будетъ, можетъ быть, уже черезъ какой-нибудь годъ... Я чувствую въ себѣ способность ждать этого такъ терпѣливо, какъ будто бы я была вполнѣ увѣрена въ этомъ...

Опять свистокъ... Говорятъ, что когда слышишь такой свистокъ, то это — къ бурѣ, и вотъ невольно вспоминаются слова Доминго во время бури въ **«Полѣ и Виргиніи».**

Ужасно трудно читать Бальзака въ такомъ настроенiи, но я нарочно не возьмусь теперь ни за что другое, чтобы не возбуждать никакихъ особенныхъ мыслей.

Опять звонокъ и свистокъ поѣзда...

Пятница, 18 мая. Я собираюсь писать декоративный экранъ. Весна. Женщина, облокотившаяся о дерево и улыбающаяся, закрывъ глаза, какъ въ сладкомъ снѣ. А вокругъ мягкiй и свѣтлый пейзажъ, — нѣжная зелень, бѣло-розовые цвѣты яблонь и персиковыхъ деревьевъ, свѣжiе ростки повсюду — словомъ тутъ должны соединяться всѣ самыя обаятельныя краски весны.

Никто еще не дѣлалъ весны съ достаточною искренностью и простотой. Весеннихъ пейзажей очень много появлялось и за послѣднее время, но въ нихъ вѣчно совали какихъ-то старичковъ, причемъ, чуть что не прокаженныхъ. А у меня... это долженъ быть гармоническiй аккордъ чарующихъ тоновъ... Существуютъ тысячи весеннихъ пейзажей, но все это какъ-то картонно или бьетъ на эффектъ. Одинъ Бастьенъ могъ бы еще понять весну, какъ я, но онъ еще не брался за это. Нужно, чтобы по лицу этой женщины было видно, что она вся охвачена гармонiей этихъ красокъ, благоуханiя, пѣнiя птицъ... Нужно, чтобы слышалось журчанье ручья, бѣгущаго у ея ногъ, — какъ въ Гренадѣ среди фiалокъ. Мѣстами должно врываться весеннее солнце. Весна должна давать именно эти поющiе тона, несущiеся прямо въ душу. Это какая-то упоительная пляска нѣжныхъ нотъ... Вся картина должна быть полна чарующихъ красокъ; золотистыя пятна солнца вносятъ жизнь въ тотъ или другой уголокъ, и выдѣляютъ тѣнистыя мѣста, гдѣ уже готова зародиться какая-то тайна.

Понимаете ли вы меня?

Но Бастьенъ пишетъ или собирается писать «Похороны молодой дѣвушки», и если онъ понимаетъ, что дѣлаетъ, — пейзажъ этой картины долженъ быть именно такой, о какомъ я мечтаю... **Я надѣюсь,** что у него не хватитъ на столько сообразительности, и что онъ разодолжитъ насъ самымъ неправдоподобнымъ зеленымъ цвѣтомъ... Однако я была бы крайне огорчена, если бы онъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ сюжетомъ и подарить насъ еще однимъ дивнымъ произведенiемъ искусства...

Вторникъ, 22-го мая. Я работаю до половины восьмого. Но при каждомъ шумѣ, при каждомъ звонкѣ, при каждомъ

лаѣ Коко, у меня душа уходитъ въ пятки. Какое вѣрное выраженіе! Оно существуетъ одинаково по-русски и по-французски. Вотъ уже девять часовъ, а все еще никакихъ извѣстій. Что за состояніе!.. Если мнѣ ничего не достанется, это будетъ болѣе, чѣмъ досадно. Мнѣ столько наговорили объ этомъ заранѣе въ мастерской: и Жуліанъ, и Лефевръ, и То ни— всѣ они; невозможно, чтобы я ничего не получила.

А сердце бьется, бьется... Жалкая жизнь!.. И для чего, къ чему все это, вообще все?... Чтобы кончиться смертью?

И именно не избѣгнешь этого! Каждому предстоитъ этотъ конецъ.

Конецъ! Конецъ, прекращеніе бытія... вотъ ужасъ. Обладать такимъ геніемъ, чтобы остаться жить на вѣки... Или... писать всякій вздоръ дрожащей рукой, потому что извѣстіе о какой-то тамъ наградѣ заставляетъ ждать себя!..

Четвергъ, 24 мая. Я получила ее! Чувствую себя успокоенной, не скажу — счастливой. Можно еще сказать: довольной...

Я узнала объ этомъ изъ газетъ. Эти господа не потрудились увѣдомить меня ни однимъ словомъ.

Старая исторія —я-таки довольно вѣрю тому, что «ничто не случается такъ, какъ этого ждутъ, но такъ, какъ этого опасаются».

Въ половинѣ десятаго мы отправляемся въ Салонъ. Я прихожу въ свою залу и вижу свою картину на новомъ мѣстѣ, взгроможденной куда-то на верхъ, надъ большой картиной, изображающей тюльпаны самыхъ ослѣпительныхъ цвѣтовъ и подписанной художникомъ девятаго класса. Такъ становится возможнымъ предположеніе, что ярлыкъ съ надписью **«почетный отзывъ»** прицѣпленъ къ «Ирмѣ». Бѣгу туда. Ничуть не бывало. Иду, наконецъ, къ своей дурацкой пастели и нахожу его тамъ. Я подбѣгаю къ Жуліану и въ теченіе цѣлаго получаса торчу подлѣ него, едва шевеля губами. Просто хоть плачь! Онъ тоже, кажется, порядкомъ-таки удивленъ. Съ самаго открытія Салона, съ той минуты, какъ были замѣчены мои работы, о пастели и рѣчи не было, а относительно картины онъ былъ увѣренъ, что ее помѣстятъ гдѣ-нибудь въ первомъ ряду.

Отзывъ за пастель — это идіотство! Но это еще куда ни шла! Но взгромоздить на такое мѣсто мою картину! Эта

мысль заставляетъ меня плакать, совершенно одной, въ своей комнатѣ и съ перомъ въ рукѣ.

Я, конечно, вполнѣ допускаю, что истинный талантъ долженъ пробить себѣ дорогу совершенно самостоятельно. Разумѣется. Но для начала нужно, чтобы человѣку повезло, чтобы его не захлестнула встрѣчная волна. Самъ Бастьенъ Лепажъ вначалѣ пользовался поддержкой Кабонеля. Когда ученикъ что-нибудь обѣщаетъ, учитель долженъ нѣкоторое время подержать его голову надъ водой; если онъ удержится, онъ что-нибудь изъ себя представляетъ, если нѣтъ — ему же хуже. О, я добьюсь своего. Только я запоздала и при томъ, по своей собственной винѣ.

Божидаръ добылъ сей разлюбезный ярлыкъ и принесъ мнѣ кусокъ картона съ надписью **«почетный отзывъ»**. Я тотчасъ же прицѣпила его къ хвосту Коко, который не смѣлъ шевелиться, исполненный священнаго ужаса. Въ сущности я очень огорчена, просто въ отчаяніи. Картина на этой вышкѣ представляетъ раздирательное зрѣлище. Но мое отчаяніе представляло любопытный спектакль для окружающихъ; я вѣчно представляю изъ себя какую-то героиню спектакля для всѣхъ и потому, когда мнѣ хочется плакать, я говорю смѣшной вздоръ. Никогда не слѣдуетъ утомлять людей, нужно всегда быть для нихъ развлеченіемъ, пріятной новинкой, съ той или другой стороны. Пожалуй, можно сказать, что такова я и есть на самомъ дѣлѣ, потому что я объ этомъ забочусь.

Среда 6 іюня. Я просто совсѣмъ съ ногъ сбилась съ моими ушами. (Что за милая манера выражаться!) Вы поймете мои страданія, если я вамъ скажу, что дни, когда я слышу какъ слѣдуетъ, кажутся мнѣ какими-то радостными событіями. Можете ли вы понять весь ужасъ такого рода жизни!

И нервы, возбужденные до невѣроятности! Работа моя страдаетъ отъ этого; я занимаюсь живописью, пожираемая какими-то химерическими опасеніями. Я измышляю тысячу ужасовъ, воображеніе бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ, я уже переживаю мысленно одну позорную неудачу за другой и боюсь въ то же время допустить ихъ реальную возможность.

Я сижу, погруженная въ живопись, но думаю о томъ, что можно сказать обо мнѣ, и мнѣ приходятъ въ голову такіе ужасы, что иногда я вскакиваю съ мѣста и бѣгу на другой конецъ сада, какъ сумасшедшая, вслухъ возмущаясь сама собой.

Хороша выйдетъ картина при этихъ условіяхъ!..

Чтобы получить способность принимать что-нибудь къ сердцу, я должна засадить себя за дѣло и тогда, черезъ нѣсколько часовъ усиленной работы, я прихожу въ ужасное возбужденіе... Можетъ быть, искусственное.

Однако — Жанна д'Аркъ. Да, правда. Ну, а еще? Еще нѣкоторыя вещи.

А Лувръ?.. Портреты; потому что всѣ эти огромныя старинныя махины... Но за то портреты и эти очаровательныя вещи французской школы!

А на послѣдней выставкѣ — современные портреты — Лауранса, два-три портрета Бастьена: его братъ, Андре Терье, Сара... И потомъ... и потомъ, кто вамъ сказалъ, что я рождена художницей?

Пойди я по другой дорогѣ, я достигла бы тѣхъ же результатовъ въ силу своей интеллигентности и воли, — кромѣ развѣ математики.

Но музыка — вотъ моя страсть, и творчество легко далось бы мнѣ и въ этой области. Въ такомъ случаѣ, почему же именно живопись? Но что же на мѣсто ея?.. Это несносно — всѣ эти мысли...

Я хочу приняться за какую-нибудь крупную картину — крупную по размѣрамъ. Ищу сюжета... Мнѣ приходитъ въ голову сюжетъ изъ античной жизни: Улиссъ, разсказывающій свои приключенія царю феаковъ, Алкиною. Алкиной и царица — на тронѣ, окруженные князьями, свитой, домочадцами. Дѣло происходитъ въ галереѣ съ колоннами изъ розоваго мрамора. Навзикая, облокотившись на одну изъ колоннъ, нѣсколько позади своихъ родителей, слушаетъ героя... Все это происходитъ уже послѣ пира и пѣнія Демодока, который сидитъ въ глубинѣ сцены и смотритъ куда-то вдаль, опустивъ на колѣни свою лютню, равнодушный, какъ пѣвецъ, котораго больше не слушаютъ. Все это даетъ матеріалъ для интересныхъ позъ, группировки, вообще композиціи.

Но не это вовсе меня смущаетъ: это-то все выйдетъ хорошо; но **выполненіе** — вотъ въ чемъ ужасъ!

Я не знаю ничего, ничего, ничего! Мебель, костюмы, аксессуары... и потомъ — сфабриковать этакую махину — сколько тутъ должно быть разныхъ поисковъ.

Понедѣльникъ, 11 іюня. Мой отецъ умеръ. Сегодня въ десять часовъ пришла депеша. Тетя и Дина говорили тамъ внизу, что мама должна возвратиться немедленно, не дожида-

ясь похоронъ. Я пришла къ себѣ наверхъ очень взволнованная, но не плакала. Только когда Розалія пришла показать мнѣ драпировку платья, я сказала ей: «не стоитъ теперь... Баринъ умеръ...» и вдругъ неудержимо расплакалась.

Была ли я въ чемъ-нибудь виновата передъ нимъ? Не думаю. Я всегда старалась вести себя прилично... Но въ такія минуты всегда чувствуешь себя въ чемъ-нибудь виновнымъ... Я должна была поѣхать вмѣстѣ съ мамой.

Ему было всего пятьдесятъ лѣтъ! Перенести столько страданій!.. и притомъ въ сущности, никому не сдѣлавъ зла. Очень любимый окружающими, уважаемый, честный, врагъ всякихъ дрязгъ, очень хорошій человѣкъ.

Среда, 13 іюня. Я думаю, что, если бы я имѣла несчастье потерять маму, — я бы право почувствовала тысячу всякихъ упрековъ, тысячу угрызеній, потому что я бывала очень груба, очень жестока... за дѣло, я знаю это, но я не могла бы простить себѣ этой несдержанности въ словахъ...

Вообще мама... это было бы ужасное несчастіе: при одной мысли я не могу удержаться отъ слезъ, какіе бы тамъ недостатки я въ ней ни признавала.

Она очень хорошая женщина, но она ничего не понимаетъ и не вѣритъ въ меня... Она вѣчно думаетъ, что все само собой устроится и что не стоитъ «поднимать исторій».

Чья смерть доставила бы мнѣ еще всего больше горя, такъ это — я думаю — смерть тети, которая всю свою жизнь жертвовала собой для другихъ и которая никогда ни минуты не жила для себя, кромѣ часовъ, проведенныхъ за рулеткой въ Баденѣ и Монако.

И только мама еще мила съ ней; а я — вотъ уже мѣсяцъ, что я ни разу не обняла ее и не говорила ничего, кромѣ самыхъ безразличныхъ вещей, да еще упрековъ по разнымъ пустяшнымъ поводамъ. Все это — не по злобѣ, а потому, что я и сама чувствую себя очень несчастной, а всѣ эти препирательства съ мамой и тетей пріучили меня говорить въ сухомъ, жесткомъ, рѣзкомъ тонѣ. Если бы я заговорила съ кѣмъ-нибудь нѣжно или даже просто мягко, я бы разревѣлась, какъ дура. Однако, и не будучи нѣжною, я могла бы быть попривѣтливѣе; улыбнуться или поболтать время отъ времени — это было бы для нея такимъ счастьемъ, а мнѣ вѣдь ровно ничего не стоило бы. Но это значило бы такъ рѣзко измѣнить

своимъ манерамъ, что я почти не смѣю — изъ какого-то чувства ложнаго стыда.

И однако, мысль объ этой бѣдной женщинѣ, вся исторія которой выражается въ одномъ словѣ **самоотверженіе,** глубоко трогаетъ меня и я хотѣла бы быть съ ней поласковѣе. А если бы она умерла... вотъ человѣкъ, который оставилъ бы по себѣ безконечныя угрызенія въ моей душѣ.

Вотъ и дѣдушка, напр.: онъ часто выводилъ меня изъ себя разными старческими затѣями, но нужно относиться съ уваженіемъ къ старости. Мнѣ случалось отвѣчать ему грубо, а когда онъ былъ разбитъ параличемъ, я чувствовала такія угрызенія совѣсти, что очень часто приходила къ нему, стараясь какъ-нибудь загладить, искупить свою вину. И потомъ — дѣдушка такъ любилъ меня, что отъ одного воспоминанія о немъ я принимаюсь плакать.

Пятница,15 іюня. Канроберы написали мнѣ очень милое письмо; вообще — всѣ держатъ себя очень симпатично.

Сегодня утромъ, въ надеждѣ никого не встрѣтить, я рѣшаюсь отправиться въ залу Petit. Выставка эта chef-d'oeuvre-овъ: Деконъ, Делакруа, Фортюни, Рембрандтъ, Русссо, Миллье, Мейсонье (единственный который еще живъ) и другіе. Прежде всего, я должна извиниться передъ Мейсонье, котораго я плохо знала и который прислалъ на послѣднюю выставку портретовъ вещи сравнительно слабыя. Но что побудило меня выйти, несмотря на мой креповый вуаль, это желаніе видѣть Миллье, котораго я совсѣмъ не знала и разсказами о которомъ мнѣ прожужжали уши. Говорили, что Бастьенъ Лепажъ только слабый подражатель его. Словомъ, я жаждала его видѣть. Я видѣла и пойду еще разъ... Бастьенъ его подражатель, если угодно... потому что оба они пишутъ картины изъ крестьянскаго быта, оба великіе художники, потому, наконецъ, что всѣ великія произведенія имѣютъ въ себѣ нѣчто общее. Казенъ въ своихъ пейзажахъ имѣетъ гораздо больше сходства съ Миллье, чѣмъ Бастьенъ. Что особенно замѣчательно у Миллье въ его шести холстахъ, которые я тамъ видѣла, это — общая гармонія цѣлаго, воздухъ, переливы тоновъ. Это маленькія человѣческія фигуры, написанныя широкой и вѣрной кистью, а что составляетъ особенную силу Бастьена, выдвигающую его изъ ряда другихъ художниковъ нашего времени, — это именно его вдумчивое, сильное, поразительно живое изображеніе человѣческихъ фигуръ, его без-

подобное подражаніе природѣ — словомъ жизни. Его **Вечеръ въ деревнѣ** небольшая, но выразительная картина — по типу, конечно, подходитъ къ Миллье; тамъ всего только двѣ маленькія фигурки, затерявшіяся въ полутьмѣ сумерекъ. Я знаю, что большимъ картинамъ гораздо труднѣе сообщить эту глубину, нѣжность и въ то же время силу — качество, особенно характеризующее Миллье (но нужно будетъ добиться этого). Въ маленькихъ картинахъ очень многое стушевывается; я говорю о маленькихъ картинахъ, такъ сказать, передающихъ общее впечатлѣніе. Здѣсь часто удается выразить это «ничто» и въ то же время «все», не находящееся ни въ какой опредѣленной точкѣ, но проникающее все и составляющее всю прелесть — нѣсколькими счастливыми ударами кисти; между тѣмъ у него въ большой картинѣ все это измѣняется и становится страшно-труднымъ, потому что здѣсь чувство должно выражаться при помощи знанія.

Суббота, 16 іюня. Итакъ, я отнимаю у картинъ Бастьена наименованіе chef-d'oeuvre'овъ? Почему? Потому ли что недовольна его **Любовью въ деревнѣ** или просто потому, что у меня не хватаетъ смѣлости убѣжденія? Вѣдь обоготворять людей рѣшаются только послѣ ихъ смерти. Интересно, что сказали бы о Миллье, если бы онъ былъ живъ. И къ тому же тамъ было всего шесть холстовъ Миллье. Развѣ не нашлось бы шести картинъ соотвѣтственнаго достоинства у Бастьена? *Pas-mèche* — **1, Жанна д'Аркъ — 2, портретъ брата — 3, вечеръ въ деревнѣ — 4, сѣнокосъ — 5;** я не все знаю, а онъ вѣдь еще живъ. Бастьена не столько можно назвать сыномъ Миллье, сколько Казена, который очень напоминаетъ его, хотя — слабѣе. Бастьенъ — оригиналенъ, онъ всегда является самимъ собой. Всегда вѣдь сначала заимствуется отъ кого-нибудь, но потомъ личность выдвигается. Впрочемъ, поэзія, сила, очарованіе — всегда одни и тѣ же, и если бы искать ихъ значило — подражать — можно было бы придти въ отчаяніе. Вы чувствуете живѣйшее впечатлѣніе, останавливаясь передъ Миллье; тоже самое ощущаете и передъ Бастьеномъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Поверхностные люди говорятъ: **подражаніе.** Это невѣрно; два различные актера, въ двухъ различныхъ пьесахъ могутъ одинаково взволновать васъ, потому что чувства истинныя, глубоко человѣческія, сильныя — всегда одни и тѣ же.

E incelle посвящаетъ мнѣ дюжину строчекъ самаго лю-

безнаго свойства. Я — замѣчательный художникъ, прелестная молодая дѣвушка и ученица Бастьенъ-Лепажа. Вотъ вамъ!

Понедѣльникъ, 18 іюня. Вниманіе! Дѣло идетъ о нѣкоторомъ маломъ событіи! — Сегодня, въ одиннадцать часовъ утра у меня назначена аудіенція корреспонденту **Новаго Времени** (изъ Петербурга), который письмомъ просилъ меня объ этомъ. Это очень большая газета, и этотъ М. Б. посылаетъ туда, между прочимъ, этюды о нашихъ парижскихъ художникахъ, «а такъ какъ вы занимаете между ними видное мѣсто, надѣюсь — вы мнѣ позволите, и т. д.». Ого! Прежде, чѣмъ сойти къ нему, я оставляю его на нѣсколько минутъ съ тетей, которая предуготовляетъ мой выходъ, говоря о моей молодости и всевозможныхъ вещахъ, могущихъ благопріятно выставить насъ! Онъ осматриваетъ всѣ холсты и дѣлаетъ замѣтки: когда я начала? гдѣ? сколькихъ лѣтъ и когда? различныя подробности, примѣчанія... Итакъ, я художница, которой будетъ посвященъ этюдъ корреспондентомъ большой газеты.

Это начало, и въ то же время — заслуженная награда, и... Только бы эта статья была хороша; я навѣрное не знаю, какія замѣтки онъ тамъ дѣлалъ, потому что я не разслышала всего, какъ слѣдуетъ, и это просто возмутительно. Тетя и Дина говорили тамъ... но что? Жду статьи съ мучительнымъ нетерпѣніемъ... а придется прождать добрыхъ двѣ недѣли... Онѣ особенно налегали на мою молодость.

Пятница, 21 іюня. Завтра — раздача наградъ; мнѣ прислали списокъ наградъ... съ моимъ именемъ въ отдѣлѣ живописи. Это выглядитъ довольно хорошо... но я еще колеблюсь, идти ли мнѣ. Не стоитъ; и потомъ... Богъ знаетъ что? Какой-то страхъ — чего и сама не знаю.

Пятница, 22 іюня. Божидаръ уже тамъ съ девяти часовъ. Любопытное это существо: главная черта этой славянской натуры — причудливой, беззаботной, — это любовь ко всякаго рода неожиданнымъ измышленіямъ... Впрочемъ, разъ онъ съ кѣмъ-нибудь друженъ, все его воображеніе служитъ къ прославленію его друзей; онъ страстно привязывается къ людямъ на нѣкоторое время...

Бѣдные эти художники!.. Нѣкоторые были очень взволнованы. Люди сорока-пяти лѣтъ — блѣдные, растрепанные, въ нескладно сидящихъ сюртукахъ, шли, чтобы получить свою медаль и пожать руку Жюля-Ферри, — министра.

Какой-то скульпторъ — видный дѣтина, — взявъ пред-

назначенный ему маленькій футляръ, принялся тутъ же на мѣстѣ открывать его, невольно улыбаясь счастливой дѣтской улыбкой.

Я тоже была нѣсколько взволнована, глядя на другихъ, и одну минуту мнѣ показалось даже, что это будетъ ужасно страшно подняться и подойти къ этому столу. Тетя и Дина сидѣли сзади меня на скамейкѣ, потому что награждаемые имѣютъ право на мѣста для близкихъ...

И вотъ — прошелъ этотъ день награды! Я представляла его себѣ совсѣмъ иначе.

О! Въ будущемъ году — схватить медаль!... И тогда все пойдетъ какъ въ какомъ-то снѣ!.. Быть предметомъ восторговъ, торжествовать!

Это было бы ужъ слишкомъ прекрасно и просто невозможно, если бы я не была такъ несчастна. Ну, а когда вы получите вторую медаль — вы пожелаете получить большую? Разумѣется. А потомъ — орденъ? — А почему бы и нѣтъ? — Ну, а потомъ? — А потомъ наслаждаться результатами своего труда, своихъ усилій, работать постоянно, постоянно поддерживать себя на извѣстной высотѣ и попытаться быть счастливой — полюбить, кого-нибудь. Ну, да это еще будетъ видно, это все не сейчасъ. А если бы я вышла замужъ теперь, я стала бы потомъ пожалуй сама жалѣть. Но въ концѣ концовъ надо-таки будетъ выйти замужъ; только — за человѣка, который **серьзно любилъ бы меня;** иначе я была бы несчастнѣйшей изъ женщинъ. Но нужно также, чтобы этотъ человѣкъ хотя сколько-нибудь подходилъ ко мнѣ!

Быть знаменитой, быть знаменитой, извѣстной! Отъ этого все будетъ зависѣть... Нѣтъ... разсчитывать на встрѣчу какого-нибудь идеальнаго существа, которое уважало, любило бы меня и въ то же время представляло **хорошую партію** — невозможно. Знаменитыя женщины пугаютъ людей обыкновенныхъ, а геніи рѣдки...

24 іюня. Думаю о глупостяхъ, которыя я писала относительно Піетро. Я говорила, что думаю о немъ каждый вечеръ, что я жду его и что если бы онъ пріѣхалъ въ Ниццу, я бросилась бы въ его объятія. И всѣ думали, что я была влюблена, и всѣ читающіе подумаютъ, что... И никогда-то, никогда, никогда этого не было; нѣтъ никогда!.. Въ минуты скуки, вечеромъ — особенно лѣтнимъ — часто представляется такимъ счастьемъ возможность броситься въ объятія како-

го-нибудь влюбленнаго человѣка... Мнѣ самой сотни разъ представлялось это. Ну, а тогда нашлось имя, которымъ можно было обозначать это дѣйствительное существо, которое можно было называть — Пietро. Ну, Пietро — такъ Пietро! А тутъ еще фантазія называться племянницей великаго кардинала, который могъ сдѣлаться... папой, но... Нѣтъ, я никогда не была влюблена и никогда этого теперь уже не будетъ. Теперь — чтобы понравиться мнѣ, чееловѣкъ долженъ быть такимъ возвышеннымъ; я такъ требовательна, нужно, чтобы это былъ... А просто влюбиться въ какого-нибудь хорошенькаго мальчика — нѣтъ, этого уже никогда не можетъ быть.

Четвергъ, 28 іюня. Минутами мнѣ кажется, что этотъ безконечный журналъ содержитъ сокровища мысли, чувствъ, оригинальности. Я изливаюсь въ него вся — вотъ уже сколько лѣтъ. Это просто потребность — безъ всякой задней мысли, какъ потребность дышать. Но прежде всего надо найти покой, выйдя замужъ — чтобы не висѣла надо мной эта забота. И тогда всѣмъ существомъ отдаться работѣ...

Вторникъ, 3 іюля. Картина не идетъ; такая тоска. И вообще ничего утѣшительнаго!!!

Вотъ наконецъ и статья **Новаго Времени.** Она очень хороша, но нѣсколько конфузитъ меня, потому что въ ней сказано, что мнѣ всего девятнадцать лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности больше, а на видъ и того больше. Но эффектъ въ Россіи будетъ очень великъ.

Четвергъ, 12 іюля. За завтракомъ у насъ — Канроберы, а затѣмъ мы отправляемся на выставку rue de Séze. Боже мой — мнѣ нужно только одно: обладать талантомъ. Боже мой, мнѣ кажется, что лучше этого ничего въ мірѣ нѣтъ.

Туалеты, кокетство — все это больше для меня не существуетъ. Я одѣваюсь хорошо, потому что это вѣдь тоже своего рода искусство,и я не мгла бы одѣваться пугаломъ, но вообще...

Отъ настоящей работы я становлюсь некрасива; я запираюсь, хоронюсь отъ всѣхъ; а что получу я взамѣнъ этого?.. Вѣдь это легко сказать, когда геній уже далъ себя почувствовать, а такъ!.. Я нахожу, что Бенвенуто-Челлини, сжигающій свою мебель, дѣлалъ не столько, сколько я: я бросаю въ огонь нѣчто гораздо большее, гораздо болѣе драгоцѣнное; а

что получу я взамѣнъ этого? Онъ зналъ къ чему это приведетъ, а я!..

Какъ только я отдѣлаюсь отъ своихъ «мальчиковъ», я поѣду въ деревню, въ настоящую деревню, съ широкимъ горизонтомъ, степями — безъ всякихъ горъ. Чудесные солнечные закаты, распаханная земля, трава и полевые цвѣты, шиповникъ и просторъ, просторъ. И тамъ напишу картину — небо, безконечно уходящее вдаль... трава и полевые цвѣты.

Пятница, 13 іюля. Романтична я въ смѣшномъ смыслѣ слова, или дѣйствительно стою выше всего обкновеннаго, потому что чувства мои совпадаютъ только съ тѣмъ, что есть самаго возвышеннаго и чистаго въ литературѣ? Но въ любви?.. Впрочемъ, я вѣдь никогда и не испытала ея, потому что эти преходящія тщеславныя увлеченія нечего и считать. Я предпочитала того или другого человѣка потому, что мнѣ нужны были объекты для моихъ измышленій; они предпочитались другимъ только потому, что это была потребность моей «великой души», а вовсе не потому, чтобы они дѣйствительно производили на меня впечатлѣніе. Вотъ въ чемъ различіе. И оно огромно.

Перейдемъ, однако, безъ дальнѣйшихъ разсужденій къ искусству. Я не вижу, куда я иду въ живописи. Я повторяю Бастьенъ-Лепажа и это — пагуба. Потому что сравняться съ тѣмъ, кому подражаешь, невозможно. Великимъ можетъ быть только тотъ, кто откроетъ свой новый путь, возможность передавать свои особенныя впечатлѣнія, выразить **свою индивидуальность.**

Мое искусство еще не существуетъ. Я провижу его немножко въ **Святыхъ женахъ.** — А еще? Въ скульптурѣ, — но это ужъ другое дѣло. Но въ живописи!!..

Въ **Святыхъ женахъ** я никому не подражаю и вѣрю въ большой успѣхъ потому, что хочу вложить величайшую искренность въ исполненіе; и потомъ — волненіе, охватывающее меня, когда я останавливаюсь на этомъ сюжетѣ!..

Мальчики все-таки напоминаютъ Бастьенъ-Лепажа, хотя сюжетъ взятъ мной прямо съ улицы и хотя это самая заурядная, самая правдивая, самая обыденная сценка. Этотъ художникъ вѣчно составляетъ предметъ моей тревоги.

Суббота, 14 іюля. Читали вы **Любовь** Стендаля? Я теперь читаю именно эту вещь. Я никогда еще не любила въ жиз-

ни или не переставала быть влюбленной въ какое-то воображаемое лицо. Вотъ вѣдь какого рода дѣло!

Прочтите эту книгу. Это еще тоньше, чѣмъ Бальзакъ, еще болѣе **правдиво,** цѣльно и поэтично. И это дивно выражаетъ то, что всякій самъ перечувствовалъ, даже я. Только я — я всегда все слишкомъ анализировала. Если я когда-нибудь была дѣйствительно влюблена, такъ это только въ Ниццѣ, будучи еще ребенкомъ, да и то по недоумѣнію. А потомъ болѣзненное увлеченіе этимъ чучелой Піетро...

Понедѣльникъ, 16 іюля. Вопросъ о «кристаллизаціи» любви интересуетъ меня живѣйшимъ образомъ; я увѣрена, что можно было бы написать цѣлый томъ о «кристаллизаціяхъ» совершенно невиннаго характера, ни къ чему особенному не приводящихъ.

Вотъ я, напримѣръ, для которой любовь **полная** мыслима только въ бракѣ, или вообще всякая другая дѣвушка или замужняя женщина съ твердыми принципами — мы тѣмъ не менѣе вполнѣ доступны внутреннимъ движеніямъ, характеризующимъ «кристаллизацію». Только эта кристаллизація не завершается; нужно впрочемъ замѣтить, что слово **кристаллизація** мнѣ не нравится, но — какъ говоритъ Стендаль — оно позволяетъ избѣгнуть длинной объяснительной фразы; и такъ я употребляю его. Кристаллизація начинается. Если «объектъ» имѣетъ всѣ совершенства, мы отдаемся этому внутреннему процессу и доходимъ до любви, т. е. любимъ, главное — разумѣется въ томъ, чтобы дѣйствительно **любить,** а не практиковать то, что у Александра Дюма называется «любовью». Если же «объектъ» не имѣетъ нужныхъ совершенствъ, или мы открываемъ въ немъ недостатокъ — будь то безобразіе, будь то что-нибудь смѣшное или какой-нибудь умственный недочетъ, — дѣло останавливается на полдорогѣ. Я думаю также, что можно остановить его усиліемъ собственной воли.

Вторникъ, 17 іюля. По прежнему преисполнена кристаллизаціями — увы! — безпредметными.

Воскресенье, 22 іюля. Вчера вечеромъ поставила себѣ на груди мушку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ легкое. Рѣшилась-таки, наконецъ; это будетъ желтое пятно на три или четыре мѣсяца; но по крайней мѣрѣ — я не умру въ чахоткѣ.

Среда, 25 іюля. М. Х. приноситъ намъ два бюста, купленныхъ по ста франковъ за каждый. Мы оставляемъ его обѣдать. Онъ имѣетъ видъ очень растерянный, хотя и ста-

рается придать себѣ нѣкоторый апломбъ. Говоритъ, что онъ бѣденъ. Все это очень тяжело; мнѣ такъ стыдно, что за двѣ художественныя работы я дала цѣну какой-нибудь шляпки. А между тѣмъ — вмѣсто того, чтобы быть съ нимъ любезнѣе обыкновеннаго, я — подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ — сдѣлалась, по виду только, еще менѣе радушной; и мнѣ это ужасно досадно. Бѣдный человѣкъ скинулъ свое пальто въ залѣ и положилъ его на диванъ... Онъ совсѣмъ не разговариваетъ. Мы занимались музыкой; это сдѣлало его нѣсколько болѣе развязнымъ, а то онъ совсѣмъ не зналъ, какъ себя держать. Я не усматриваю въ немъ большого ума, а между тѣмъ, судя по его таланту, онъ долженъ быть интеллигентенъ. Но мы совсѣмъ не умѣли обращаться съ нимъ такъ, чтобы онъ чувствовалъ себя свободно; вообще, это какая-то дикая натура; онъ должно быть гордъ и очень несчастенъ. Но во всякомъ случаѣ — дѣло въ томъ, что онъ бѣденъ, а я купила два бюста за двѣсти франковъ! Мнѣ такъ стыдно. Я хотѣла бы послать ему еще сто франковъ, потому что имѣю капиталъ въ сто пятьдесятъ франковъ, да не знаю, какъ бы это сдѣлать.

Четвергъ, 26 іюля. По отношенію къ картинамъ — у меня теперь самое неопредѣленное время; глиняныя группы — всѣ размочены, кромѣ одной, еще не установленной. Ну, въ такое же время и нужно, разумѣется, появиться Сенъ-Марсо! На сцену появляются сердцебіенія, кристаллизаціи и пр. Я надѣваю, снимаю и опять надѣваю два платья, заставляю его долго ждать и, наконецъ, принимаю его, нескладно одѣтая и красная.

Онъ очень интересенъ: по прежнему негодуетъ противъ современной школы натуралистовъ и «человѣческихъ» документовъ.

Нужно сумѣть найти то нѣчто, составляющее искусство и неподдающееся объясненію.

Я понимаю, но... Онъ видѣлъ только мою ничтожную группу и сказалъ, чтобы я такъ и продолжала ее, вотъ и все! Я не получила никакого комплимента, только за этотъ вѣчный портретъ Дины, который находятъ почему-то очень удачнымъ... Онъ очень милъ, Сенъ-Марсо, оригиналенъ, остроуменъ, нервенъ, порывистъ; онъ не стѣсняется рѣзко судить обо всемъ; это лучше чѣмъ лицемѣрная манера признавать талантъ во всякомъ встрѣчномъ-поперечномъ. Онъ видѣлъ моихъ мальчиковъ, и говоритъ, что еще это не Богъ

вѣсть, какъ трудно — дѣлать эти штучки, всѣхъ этихъ мужиковъ, мальчишекъ, словомъ всѣ эти шаржи. А вотъ сдѣлайте-ка вещь красивую, изящную, тонкую и **въ то же время характерную,** — вотъ гдѣ трудность! И главное, вдохните въ нее то необъяснимое нѣчто, которое и составляетъ искусство и которое мы находимъ **только въ собственной** душѣ!..

Ну, что, развѣ я не говорила того же самаго? Итакъ долой — ничтожныхъ копировальщиковъ, фотографовъ-натуралистовъ.

Пятница, 3 августа. Бастьенъ-Лепажъ можетъ привести въ отчаяніе. Изучая природу вблизи и желая вполнѣ передать ее на полотнѣ, невозможно не думать все время объ этомъ огромномъ художникѣ. Онъ владѣетъ всѣми тайнами эпидермы. Все что дѣлаютъ другіе — все-таки остается только живописью; у него — это сама природа. Говорятъ о реалистахъ; но эти реалисты сами не знаютъ, что такое реальность: они просто грубы, а воображаютъ, что это правдивость. **Реализмъ состоитъ вовсе не въ изображеніи грубо-простыхъ вещей, но въ выполненіи, которое должно быть совершеннымъ.**

Я не хочу, чтобы это была живопись, я хочу, чтобы это была настоящая кожа, чтобы все это жило передъ моими глазами.

Воскресенье, 5 августа. Говорятъ, что у меня былъ романъ съ С. и что поэтому-то я и не выхожу замужъ. Иначе не могутъ объяснить себѣ, какъ это я — имѣя хорошее приданое — не сдѣлалась до сихъ поръ ни графиней, ни маркизой.

Дурачье!.. Къ счастью, вы, горсть избранныхъ существъ, возвышенныхъ людей, вы, дорогіе любимые мои повѣренные, читающіе меня, — вы вѣдь знаете, въ чемъ тутъ дѣло. Но, когда вы будете читать меня, всѣ тѣ, о которыхъ я говорила, по всей вѣроятности, уже не будутъ жить на бѣломъ свѣтѣ; и С. унесетъ въ могилу сладостное убѣжденіе въ томъ, что онъ былъ любимъ молодой прекрасной иностранкой, которая, плѣненная этимъ рыцаремъ... и т. д. Дуракъ! И другіе — того же мнѣнія! Дураки! Но вы вѣдь отлично знаете, что — это не такъ. Это было бы можетъ быть весьма поэтично — отказывать разнымъ маркизикамъ изъ-за любви: но увы! — я отказываю имъ, руководствуясь разсудкомъ.

Вторникъ, 7 августа. Я краснѣю до ушей, думая о томъ, что черезъ недѣлю будетъ вотъ уже пять мѣсяцевъ, что я кончила картину для Салона. Что я сдѣлала за пять мѣся-

уже изысканіе чистой любознательности. Въ вашей волѣ, конечно, узнать составъ слезъ и изучать ихъ логически и научно, чтобы составить себѣ понятіе о ихъ цвѣтѣ! Я же предпочитаю взглянуть, какъ онѣ блестятъ на глазахъ и изобразить ихъ, какъ я вижу, не заботясь о томъ, почему онѣ выглядятъ такъ, а не иначе.

Воскресенье, 12 августа. Мысль, что Бастьенъ Лепажъ долженъ придти, волнуетъ меня до такой степени, что я не могла ничего дѣлать. Смѣшно, право! быть такой впечатлительной.

За обѣдомъ мы много болтали, Бастьенъ Лепажъ въ высшей степени интеллигентенъ, но менѣе блестящъ, чѣмъ Сенъ-Марсо.

Я не показала ему ни одного холста, ничего, ничего, ничего. Я ничего не сказала, ничѣмъ не блистала и когда онъ начиналъ интересный разговоръ, я не умѣла отвѣчать, ни даже услѣдить за его сжатыми фразами, кратко передающими всю суть предмета, какъ его живопись. Если бы это было съ Жуліаномъ, я сумѣла бы отвѣчать, потому что этотъ родъ разговора всего болѣе подходитъ ко мнѣ. Онъ уменъ, онъ все понимаетъ, онъ даже образованъ — я боялась извѣстнаго недостатка образованія.

Но когда онъ говорилъ вещи, на которыя я должна была бы отвѣчать, обнаруживая при этомъ прекрасныя качества моего ума и сердца, я оставляла его говорить одного, молча, какъ дура!

Не могу даже писать сегодня, такой ужъ это день — я вся точно развинтилась.

Хочется остаться одной, совсѣмъ одной, чтобы отдать себѣ отчетъ во впечатлѣніи, интересномъ и сильномъ. Черезъ десять минутъ послѣ его ухода я мысленно сдалась и признала его вліяніе.

И ничего-то я не сказала изъ всего, что слѣдовало! Онъ по прежнему — богъ и вполнѣ сознаетъ себя таковымъ. И я еще утвердила его въ этомъ мнѣніи. Онъ малъ ростомъ и безобразенъ для обыкновенныхъ людей. Но для меня и людей моего склада эта голова прекрасна. Что онъ можетъ думать обо мнѣ? Я была неловка, слишкомъ часто смѣялась. Онъ говоритъ, что ревнуетъ къ Сенъ-Марсо. Нечего сказать, большое утѣшеніе.

Четвергъ, 16 августа. Сказать «большое несчастье» зна-

чило бы, можетъ быть, преувеличить; но даже разсудительные люди согласятся, что случившееся можетъ быть названо «хорошо разсчитаннымъ ударомъ по головѣ».

И вѣдь глупо же! какъ всѣ мои печали, впрочемъ. Я послала на выставку свою картину, разсчитывая, что послѣднiй срокъ прiема — 20 августа, а оказывается, что срокъ истекаетъ не 20-го, а 16-го, сегодня.

У меня щекотанье въ носу, боль въ спинѣ и отяжелѣвшiя руки. Что-нибудь въ этомъ родѣ должны чувствовать люди, которыхъ сильно отколотили.

Въ виду всего этого, чтобы выплакать всѣ свои печали, я запрятываюсь въ кабинетъ — единственное, довольно плачевное мѣсто, гдѣ я могу оставаться одна, не будучи заподозрѣнной. Если бъ я заперлась въ своей комнатѣ, всѣ сейчасъ догадались бы, въ чемъ дѣло — послѣ такого удара. Кажется, это въ первый разъ, что мнѣ приходится прятаться, чтобы выплакаться до дна съ закрытыми глазами и гримасами, какъ у дѣтей или дикарей.

Ну, а потомъ сижу себѣ въ мастерской, пока глаза не придутъ въ нормальное состоянiе.

Я плакала разъ въ объятiяхъ мамы, и это раздѣленное страданiе оставило во мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ чувство такого жестокаго униженiя, что я никогда не при комъ не буду больше плакать отъ горя. Можно плакать передъ кѣмъ угодно отъ досады, или по поводу смерти Гамбетты, но излить передъ другими всю свою слабость, свое убожество, свое ничтожество, свое униженiе — никогда! Если это и облегчаетъ на минуту, зато потомъ раскаиваешься въ этомъ, какъ въ ненужномъ признаньѣ.

И въ то же время, какъ я плакала въ вышеозначенномъ мѣстѣ, я вдругъ отыскала взглядъ моей Магдалины: она не глядитъ на гробницу, она никуда не глядитъ, какъ я сiю минуту. Глаза широко раскрыты — какъ всегда послѣ слезъ... Наконецъ-то, наконецъ, наконецъ!

Пятница, 17 августа. Никто не хочетъ вѣрить въ мою застѣнчивость, а между тѣмъ она легко объясняется избыткомъ гордости.

Я чувствую настоящiй страхъ, ужасъ и отчаянiе, когда приходится просить; нужно, чтобы люди сами предложили мнѣ. Въ какую-нибудь необыкновенную минуту я рѣшаюсь

попросить, но изъ этого никогда ничего не выходитъ: вѣчно попрошу слишкомъ поздно, или совсѣмъ некстати.

Я блѣднѣю и краснѣю нѣсколько разъ прежде, чѣмъ осмѣлиться заявить о своемъ желанiи выставить что-нибудь или написать такую-то картину; мнѣ кажется, что всѣ смѣются надо мной, что я ничего не знаю, что я притязательна и смѣшна.

Когда глядятъ (**глядятъ...** — какой-нибудь художникъ, разумѣется) на мою картину, я ухожу куда-нибудь за двѣ комнаты, такъ я боюсь какого-нибудь слова или взгляда. А между тѣмъ Роберъ-Флери и не подозрѣваетъ, до какой степени во мнѣ мало самоувѣренности. Я говорю съ апломбомъ, и онъ воображаетъ, что я очень цѣню себя и приписываю себѣ талантъ. Поэтому онъ даже не считаетъ нужнымъ ободрять меня, и если бы я сообщила ему всѣ мои колебанiи и страхи, онъ бы засмѣялся. Я ему разъ стала высказывать это — а онъ принялъ все это за шутку, за комедiю. Вотъ вѣдь въ какую ошибку я могу ввести!.. Бастьенъ-Лепажъ знаетъ, я думаю, что я ужасно боюсь его, и считаетъ себя богомъ...

Понедѣльникъ, 20 августа. Я пою, луна свѣтитъ черезъ большое окно мастерской; все такъ хорошо. Счастье должно быть возможно. Да, если только есть возможность полюбить. Полюбить кого?

Вторникъ, 21 августа. Нѣтъ, я умру только около 40 лѣтъ, какъ m-lle C.; къ 35 годамъ я разболѣюсь окончательно и въ 36—37 лѣтъ окончу зимой, въ своей постели. А мое завѣщанiе? Я ограничусь въ немъ просьбой статуи и картины—Сенъ Марсо и Жюля Бастьена Лепажа,—помѣстить въ какой-нибудь парижской часовнѣ, окруженной цвѣтами, стоящей на видномъ мѣстѣ; и въ каждую годовщину пусть исполняютъ надо мной мессы Верди и Перголезе и другiя вещи — лучшими пѣвцами Парижа.

Впрочемъ, я хочу еще основать стипендiю для художниковъ — женщинъ и мужчинъ.

Но вмѣсто того, чтобы заниматься всѣмъ этимъ, я хочу жить... Но у меня нѣтъ генiя и въ концѣ концовъ все-таки лучше умереть...

Понедѣльникъ, 27 августа. Я дала на лотерею въ пользу Искiи моего **Рыбака на ловлѣ;** всѣ выигрыши выставлены въ залѣ Petit. Онъ-таки очень недуренъ—мой рыбакъ, и вода — совсѣмъ хороша. Вотъ не воображала-то! О, рамка! О, обста-

новка! Всѣ мы какіе-то безумцы! Зачѣмъ работать надъ произведеніями искусства? толпа, вѣдь ровно ничего въ немъ не смыслитъ... И однако, ты вѣдь любишь толпу, другъ любезный? Да; т. е. желаю составить себѣ всѣми признанную репутацію, чтобы возбуждать въ людяхъ еще большій восторгъ и удивленіе.

Среда, 29 августа. Я кашляю все время, несмотря на жары; а сегодня, послѣ полудня, въ то время, какъ мой натурщикъ отдыхалъ, я впала въ какое-то полузабытье, сидя на диванѣ, и вдругъ... я представилась себѣ лежащей съ большой восковой свѣчей въ изголовьѣ.

Такъ вотъ какова будетъ развязка всѣхъ моихъ треволненій. Умереть! Я такъ боюсь.

И я не хочу. Это ужасно. Я не знаю, какъ это дѣлается у разныхъ счастливцевъ, но я по-истинѣ достойна сожалѣнія съ тѣхъ поръ, какъ перестала возлагать надежды на Бога, Когда это послѣднее высшее прибѣжище измѣняетъ, остается только умереть. Безъ Бога нѣтъ ни поэзіи, ни глубокихъ чувствъ, ни генія, ни любви, ни честолюбія.

Страсти бросаютъ насъ изъ стороны въ сторону въ ненадежныя области разныхъ стремленій, желаній, нелѣпыхъ крайностей мысли. Человѣкъ непремѣнно нуждается въ чемъ-нибудь высшемъ, стоящемъ надъ его жизнью, въ Богѣ, Которому онъ несъ бы свои гимны и свои молитвы, въ Богѣ, къ Которому могъ бы прибѣгнуть со своими прошеніями, который всемогущъ и передъ которымъ можно излить всю душу. Я хотѣла бы слышать признаніе всѣхъ, когда-либо жившихъ, замѣчательныхъ людей: неужели они не прибѣгали къ Богу въ своей любви, въ своихъ страданіяхъ, въ своихъ мечтахъ о славѣ.

Обыденныя натуры — хотя бы и самыя умныя и ученыя, могутъ обойтись безъ этого. Но тѣ, въ комъ тлѣетъ искра святого огня — будь они ученые, хоть какъ сама наука, даже и сомнѣваясь разумомъ, вѣрятъ страстно... по крайней мѣрѣ моментами.

Я не учена, но всѣ мои размышленія сводятся къ слѣдующему:

Богъ католическій... нѣтъ, нечего и говорить о немъ... Но Богъ геніальныхъ людей, Богъ философовъ, Богъ людей просто интеллигентныхъ, вотъ какъ мы... этого Бога... если бы его не было — откуда эта потребность поклоняться ему у всѣхъ

народовъ и во всѣ времена? Возможно ли, чтобы **ничто** не отвѣчало этимъ душевнымъ порывамъ, врожденнымъ у всѣхъ людей, этому инстинкту, побуждающему насъ искать высшаго существа, великаго властелина — Бога?..

Четвергъ, 13 сентября. Стендаль говоритъ, что несчастья и непріятности кажутся менѣе горькими, если мы ихъ идеализируемъ. Это въ высшей степени вѣрно. Но какъ идеализировать мои? Невозможно! До того они горьки, до того плоски, до того ужасны, что я не могу говорить о нихъ даже здѣсь, не нанося себѣ лишней ужасной раны. Какъ признаться, что иногда я плохо слышу!.. Но да исполнится воля Божья. Фраза эта приходитъ мнѣ на умъ какъ-то машинально, но это почти то, что я дѣйствительно думаю. Потому что я вѣдь умру, — преспокойно умру, какъ бы тамъ ни лѣчилась... Да оно и лучше, потому что я еще вдобавокъ боюсь за мои глаза: вотъ уже пятнадцать дней, что я сидѣла безъ работы и безъ чтенія и мнѣ вовсе не лучше. Какое-то странное мельканіе въ воздухѣ... Это можетъ зависить отъ того, что вотъ уже пятнадцать дней, что у меня бронхитъ, который хоть кого свалилъ бы съ ногъ, и съ которымъ я однако прогуливаюсь какъ ни въ чемъ не бывало.

Я работала надъ портретомъ Дины въ такомъ трагическомъ расположеніи духа, что у меня навѣрно еще прибавится сѣдыхъ волосъ.

Суббота, 15 сентября. Я въ конецъ разболѣлась. Налѣпляю себѣ на грудь огромнѣйшую мушку. Сомнѣвайтесь послѣ это въ моемъ мужествѣ и моемъ желаньи жить! Впрочемъ, никто не знаетъ объ этомъ, кромѣ Розаліи. Я преспокойно прогуливаюсь по мастерской, читаю, болтаю и пою — почти прекраснымъ голосомъ. Такъ какъ по воскрсеньямъ я часто ничего не дѣлаю, это никого особенно не удивляетъ.

Среда, 18 сентября. Благодаря тому, что русская пресса обратила на меня вниманіе, кажется, и всѣ по немножку заинтересовались мной, между прочимъ Великая Княгиня Екатерина Михайловна. Мама близка съ ея камергеромъ и его семьей, и тамъ совершенно серьезно говорили о назначеніи меня фрейлиной. Для этого нужно еще быть представленной Великой Княгинѣ. Обо всемъ этомъ было уже переговорено, но мама сдѣлала ошибку, уѣхала оттуда и оставила все это дѣло на произволъ судьбы... Но не въ томъ дѣло... Моя душа ищетъ родной души. Но у меня никогда не будетъ подруги.

Клара говоритъ, что я не могу быть дружна съ какой-нибудь дѣвушкой, потому что у меня нѣтъ разныхъ маленькихъ тайнъ и маленькихъ дѣвичьихъ исторій.

— Вы слишкомъ хорошая. Вамъ нечего скрывать...

Среда, 26 сентября. Теперь, когда всѣ непріятности преданы забвенію, я вспоминаю только о томъ, что было въ моемъ отцѣ хорошаго, оригинальнаго, умнаго. Онъ былъ безразсуденъ и казался для обыкновенныхъ людей легкомысленнымъ и даже чудакомъ. Было въ немъ, можетъ быть, немного сухости и хитрости... Но кто не имѣетъ недостатковъ! Хоть бы и я сама... И я невольно обвиняю себя и плачу. Если бы я тогда поѣхала... Это было бы только изъ приличія, потому что вѣдь побуждающаго къ этому чувства не было... Имѣло ли бы это все-таки какую-нибудь цѣну? Не думаю.

У меня не хватило на это чувства, и Богъ накажетъ меня за это. Но моя ли это вина?.. И потомъ, зачтутся ли мнѣ чувства, сегодня мной испытываемыя?.. Отвѣтственны ли мы за наши **непосредственныя** чувства?

Нужно исполнить свой долгъ, скажете вы. Но дѣло шло не о долгѣ. Я говорю о **чувствѣ,** и если у меня тогда не было потребности поѣхать, какимъ образомъ будетъ судить меня за это Богъ?

Да, мнѣ жаль, что я не могла раньше почувствовать этого порыва. И онъ уже умеръ, и это не поправимо. И что стоило мнѣ поѣхать исполнить мой долгъ, **потому что вѣдь это былъ мой долгъ** — поѣхать къ умирающему отцу. А я не поняла этого, и теперь чувствую себя далеко не безупречной. Я не исполнила своего долга. Нужно было сдѣлать это. И это будетъ вѣчное сожалѣніе. Да, я нехорошо поступила, и я раскаиваюсь, и мнѣ такъ стыдно передъ самой собой; это очень тяжело... Я не хотѣла бы оправдываться, но не думаете ли вы, что мама должна была бы высказать мнѣ это тогда. О, да. А она побоялась, что я утомлюсь: и потомъ разсужденія: что если, молъ, Мари поѣдетъ съ матерью, то онѣ застрянутъ тамъ на полгода, а если Мари останется, мать возвратится скорѣе... Всѣ эти семейные доводы!.. Увы! вѣчно-то человѣкъ поддается чьему-нибудь вліянію, самъ не замѣчая этого...

Понедѣльникъ, 1 октября. Сегодня отправляли въ Россію тѣло нашего великаго писателя Тургенева, умершаго двѣ недѣли тому назадъ. На вокзалѣ — очень торжественные проводы. Говорили Ренанъ, Абу и Вырубовъ, который своей пре-

красной рѣчью, на французскомъ языкѣ, тронулъ присутствующихъ болѣе, чѣмъ другіе. Абу говорилъ очень тихо, такъ что я плохо слышала, а Ренанъ былъ очень хорошъ и на послѣднемъ прости у него дротнулъ голосъ. Я очень горжусь при видѣ почестей, оказываемыхъ русскому этими ужасными гордецами — французами. Я ихъ люблю, но презираю. Они покинули Наполеона на Святой Еленѣ... Это преступленіе огромное, чудовищное, ужасное, это вѣчный позоръ...

У другихъ народовъ, однако, былъ же убитъ Цезарь... И потомъ они не оцѣнили Ламартина, который въ древности удостоился бы алтарей, какъ справедливо замѣчаетъ Дюма-сынъ. И потомъ еще у меня противъ нихъ зубъ личнаго характера: они не признаютъ таланта Бастьена-Лепажа. Мы были послѣ проводовъ Тургенева въ Салонѣ, и я не могу видѣть его живописи безъ изліяній восторга — внутреннихъ изліяній, потому что подумаютъ еще, пожалуй, что я влюблена.

Суббота, 6 октября. Добрѣйшій, милѣйшій, Роберъ-Флери пришелъ взглянуть на мою картину. Добрѣйшій, милѣйшій! Это уже конечно заставляетъ васъ предчувствовать, что онъ меня сегодня не разнесъ. Первыя слова были:

— Это премило выглядитъ.

Я тотчасъ же перебила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы говорите это, щадя меня, я не хочу этого. Этотъ ужасный Жуліанъ говоритъ, что меня постоянно щадятъ, что въ сущности я ничего не знаю, что...

— А вы поддаетесь ему: вѣдь онъ дразнитъ.

И добрѣйшій человѣкъ хохочетъ отъ всего сердца надъ моей наивностью.

Въ общемъ, вотъ что говоритъ онъ о моей картинѣ: она очень хороша. Нѣкоторыя мѣста безусловно хороши, **настолько, что я можетъ быть никогда не сдѣлаю ничего лучшаго.** (Я привожу его собственныя слова). Мальчуганъ справа и потомъ другой на первомъ планѣ, повернувшійся спиной, — безусловно хороши. Но фонъ долженъ быть сдѣланъ нѣсколько свѣтлѣе, особенно справа; отъ этого должны очень сильно выиграть самыя фигуры, къ которымъ я не должна больше прикасаться... Это работа на два часа...

Я должна была бы быть безъ ума отъ радости; но ничего подобнаго я не ощущаю, потому что я вѣдь не раздѣляю мнѣнія моего превосходнаго учителя. Я могу сдѣлать лучше. И

такъ, то, что я сдѣлала, нехорошо? Недостаточно... я вижу лучше, я должна была бы сдѣлать, какъ вижу.

Что-то скажетъ публика? Такая ли это вещь, чтобы быть замѣченной? Какъ знать! Онъ находитъ, что хорошо. Но всѣ эти **хорошо** — относительны, а такого относительнаго **хорошо** — я не желаю. Для другого это можетъ быть и хорошо; но для меня — не для всѣхъ... Сильно ли это? Онъ находитъ, что маленькій человѣчекъ, повернувшійся спиной, превосходно нарисованъ: такъ и чувствуешь его ножонки сквозь панталоны, говоритъ онъ. Ужъ не воображаетъ ли онъ, что это благодаря анатоміи.

Я просто **списала** то, что видѣла, ни о чемъ не думая. Впрочемъ, мнѣ кажется, что талантъ вообще безсознателенъ.

Суббота, 6 октября. Прочла романъ Тургенева въ одинъ присѣстъ, чтобы составить понятіе о впечатлѣніи иностранцевъ.

Это былъ великій писатель, очень тонкій умъ, глубокій аналистъ, истинный поэтъ, своего рода Бастьенъ-Лепажъ. Его пейзажи такъ же хороши, а потомъ эта манера описывать мельчайшія ощущенія, какъ это дѣлаетъ кистью Бастьенъ-Лепажъ.

Все, что я только встрѣчаю великаго, поэтическаго, прекраснаго, тонкаго, правдиваго — въ музыкѣ, въ литературѣ, во всемъ— все заставляетъ меня вновь и вновь возвращаться мысленно къ этому дивному художнику, къ этому поэту. Онъ беретъ сюжеты, въ глазахъ свѣтскихъ людей самые пустые, грубые, и извлекаетъ изъ нихъ чарующую поэзію.

Что можетъ быть обыкновеннѣе маленькой дѣвочки, стерегущей корову, или бабы, работающей на полѣ... Но никто не умѣлъ сдѣлать этого, какъ онъ. И онъ вполнѣ правъ: да, въ одномъ холстѣ можетъ заключаться триста страницъ. Но насъ, понимающихъ его, наберется можетъ быть всего какихъ-нибудь полтора десятка.

Тургеневъ тоже изображалъ крестьянъ — простого бѣднаго русскаго крестьянина, и съ какой силой, съ какой простотой и искренностью. Къ сожалѣнію, за границей эти вещи его не могутъ быть поняты, и извѣстность его основана скорѣе на произведеніяхъ, посвященныхъ изображенію русскаго общества.

Вторникъ, 9 октября. Портретъ Божидара кажется... хорошъ. Жуліанъ говоритъ, что онъ можетъ имѣть большой ус-

пѣхъ, что это очень оригинально, очень ново... Въ глазахъ всѣхъ — сходство очень велико, но я хотѣла бы видѣть еще нѣчто — въ маскѣ. Голова и тѣло очень правдивы, даже на мой взглядъ. Остается сдѣлать только руку.

Но въ половинѣ шестого я вдругъ улавливаю своеобразный эффектъ красноватаго вечерняго неба съ серпомъ восходящаго мѣсяца: именно, именно, именно то, что мнѣ нужно для моихъ **Святыхъ женъ;** въ одинъ моментъ я дѣлаю набросокъ. Въ другой разъ вѣдь не заставишь позировать такое небо... И теперь мнѣ ужасно хочется приняться за картину сейчасъ же: **теперь** я сдѣлала бы ее въ три недѣли. Нужно всегда браться за вещи въ благопріятный, психологически-благопріятный моментъ.

Итакъ, у меня есть теперь небо. А для пейзажа и растеній я отправляюсь на югъ. Но когда же именно?.. Или еще подождать? Можетъ быть это лучше, потому что я хорошо сдѣлала, что ждала до сихъ поръ: всего какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совсѣмъ погубила бы дѣло... И потомъ я хотѣла бы прежде сдѣлаться извѣстной и тогда уже съ извѣстнымъ именемъ послать картину; а то еще и вниманія не обратятъ. Съ кѣмъ посовѣтоваться? Кто будетъ искрененъ, кто сумѣетъ разобрать дѣло?.. Это опять будешь ты, мой единственный другъ, ты будешь по крайней мѣрѣ искренна и ты любишь меня. Да, я люблю себя, одна я!!!

Понедѣльникъ, 22 октября. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы моя чахотка оказалась плодомъ моего воображенія.

Было, кажется, такое время, когда чахотка была въ модѣ, и всякій старался казаться чахоточнымъ или дѣйствительно воображалъ себя больнымъ. О, если бы это оказалось однимъ только воображеніемъ! Я вѣдь хочу жить во что-бы то ни стало и несмотря ни на что; я не страдаю отъ любви, у меня нѣтъ никакой маніи, ничего такого. Я хотѣла бы быть знаменитой и пользоваться всѣмъ, что есть хорошаго на землѣ... вѣдь это такъ просто.

Воскресенье, 28 октября. Я собираюсь писать туманъ на берегахъ Сены — изъ лодки. Эта мысль оживляетъ меня.

Я вскакиваю въ часъ ночи, чтобы сказать, что я наконецъ собираюсь взяться за нѣчто опредѣленное. Страданія мои происходили именно отъ отсутствія опредѣленнаго желанія взяться за что-нибудь.

Точно какое-то пламя охватываетъ васъ, и все поднима-

ется, поднимается; это то же, что видъ человѣка, предпочитаемаго вами всѣмъ другимъ, — впечатлѣніе чего-то горячаго, свѣтлаго. Я краснѣю отъ этого, сидя совершенно одна... Да, я хочу писать лѣсъ съ его огненной листвой — съ этими дивными октябрьскими тонами, — красными, золотыми, зелеными...

И однако — все-таки это еще не та картина, гдѣ я покажу себя. Только въ **Святыхъ женахъ** я должна буду проявить себя... а я не смѣю приняться за нихъ, положительно не смѣю... Ну, пойдемъ спать.

Четвергъ, 1 ноября. Отправляюсь работать въ Grande Jotte. Аллея древьевъ съ золотистыми тонами; холстъ средней величины. Къ счастью Божидаръ отправился со мной, потому что я и не подумала, что сегодня праздникъ, и придя туда, мы встрѣчаемъ тамъ ватагу лодочниковъ, такъ что Розаліи было бы недостаточно въ качествѣ porte-respect. Вообще, чтобы имѣть возможность сидѣть за работой на этомъ миломъ островкѣ, я одѣваюсь какъ старая нѣмка; два-три шерстяныхъ трико, чтобы обезобразить талію, пальто въ 27 франковъ и на головѣ большой черный вязаный платокъ. И подъ ногами грѣлки.

Понедѣльникъ, 5 ноября. Листья опали, и я не знаю, какъ кончить мою картину. Картина въ лодкѣ, все установлено, а я не знаю — продолжать ли ее... О, да, но скорѣе, скорѣе, скорѣе! Окончить въ пятнадцать дней и показать пораженному Роберъ-Флери и Жуліану.

Если бы я это сдѣлала, я бы ожила. Я страдаю отъ сознанія, что ничего не сдѣлала за это лѣто; это составляетъ для меня предметъ ужаснѣйшихъ угрызеній.

Я хотѣла бы точнѣе опредѣлить свое странное состояніе. Я чувствую себя ослабѣвшей; какое-то особенное спокойствіе. Я подозрѣваю, что люди, только что подвергавшіеся кровопусканію, испытываютъ что-нибудь подобное.

И такъ, я мирюсь на время со своей долей... до мая... А почему, спрашивается, въ маѣ можетъ что-нибудь измѣниться?.. Да какъ знать!.. И это наводитъ меня на мысль о томъ, что могло бы произойти хорошаго, замѣчательнаго; и мало-помалу, подъ вліяніемъ этихъ мыслей я успокаиваюсь.

И благодаря этому за обѣдомъ я болтаю съ моей семьей, болтаю самымъ милымъ образомъ, естественно, спокойно, ласково. Словомъ, я, наконецъ, успокоилась; и работа теперь

пойдетъ спокойно, и мнѣ кажется даже, что всѣ мои движенія будутъ спокойными, плавными, что я на весь міръ буду смотрѣть съ кроткимъ снисхожденіемъ.

Я спокойна, какъ будто бы я была сильна, а можетъ быть и дѣйствительно поэтому... И терпѣлива, какъ будто бы была увѣрена въ будущемъ. Кто знаетъ? Право, чувствую, какъ въ меня проникаетъ какое-то достоинство; я вѣрю въ себя. Я представляю изъ себя силу. Значитъ... что же? Вѣдь однако же не любовь? Нѣтъ. А между тѣмъ ничто не интересуетъ меня внѣ этого... Ну, и прекрасно, сударыня, чего же лучше; и занимайтесь себѣ своимъ искусствомъ.

Четвергъ, 8 ноября. Прочла я въ газетѣ, что вчера на открытіи промышленной выставки было большое стеченіе публики и наши Великіе Князья. Я должна была быть тамъ и пропустила день!

Нѣтъ, оставимъ борьбу, судьба мнѣ не благопріятствуетъ... Но все это заставляетъ меня только пѣть подъ аккомпаниментъ арфы. Вѣдь если бы я была вполнѣ счастлива, я бы не могла можетъ быть работать. Говорятъ, что у всякаго артиста всегда бываетъ какой-нибудь конекъ; мой конекъ — это всѣ мои неудачи и горести, вновь и вновь приводящія меня къ подножію искусства, составляющаго единственный смыслъ и двигатель моей жизни.

О, стать знаменитостью!

Когда я представляю себѣ въ воображеніи, что я знаменита, — это точно какая-то молнія, точно электрическій токъ; я невольно вскакиваю и принимаюсь ходить по комнатѣ.

Мнѣ скажутъ, что если бы меня выдали замужъ въ семнадцать лѣтъ, я была бы совершенно какъ всѣ другія. Величайшее заблужденіе. **Для того, чтобы меня могли выдать замужъ, какъ всякую другую, нужно было, чтобы я была совсѣмъ другая.**

Думаете вы, что я когда-нибудь любила? Я не думаю. Всѣ эти мимолетныя увлеченія можетъ быть и смахиваютъ на любовь, только это не должно быть названо любовью.

Продолжаю ощущать большую слабость. Точно ослабѣвшія струны на какомъ-нибудь инструментѣ. Почему? Жуліанъ говоритъ, что я имѣю видъ осенняго пейзажа, — покинутой аллеи, окутанной мглой грустно наступающей зимы...

Какъ разъ то, что я только что написала!

Онъ-таки иногда вѣрно попадаетъ въ цѣль, папенька Жуліанъ!

— Показывали вы свою картину великому человѣку?

— Скорѣе выскочила бы изъ пятаго этажа.

— Ну, такъ это доказываетъ, что вы чувствуете какіе-нибудь недостатки и что можете пойти дальше этого...

Весьма вѣрно.

Воскресенье, 11 ноября. Обѣдали сегодня въ Жуи. Мнѣ право кажется, что я люблю этихъ людей. Они интеллигентны и милы. Я нахожу почти удовольствіе въ свиданіи съ ними.

Быстрая перемѣна декорацій; все мнѣ улыбается, все кажется спокойнымъ и прекраснымъ. Я знаю, что хочу сдѣлать, и все идетъ, какъ по маслу.

Понедѣльникъ, 12 ноября. Друмонъ, участникъ *Liberté*, былъ у насъ сегодня. Онъ терпѣть не можетъ жанръ того характера, надъ которымъ я работаю, но расточаетъ мнѣ комплименты, съ изумленіемъ спрашивая меня въ то же время, какимъ образомъ я, окруженная роскошью и изяществомъ, могу любить безобразное. Онъ находитъ, что мои мальчики— безобразны.

— Почему бы вамъ не выбрать красивыхъ дѣтей? Это было бы премило.

— Я выбрала **выразительныхъ.** Да и гдѣ вы встрѣтите между уличными ребятишками какихъ-нибудь писаныхъ красавцевъ! Для этого нужно было бы отправиться въ Елисейскія поля, да и описывать тамъ себѣ несчастныхъ маленькихъ болванчиковъ, заверченныхъ въ ленты и окруженныхъ гувернантками!.. Только гдѣ же тутъ движеніе? Гдѣ **естественность,** свобода, непосредственность? Гдѣ **настоящая** выразительность? Въ хорошо воспитанныхъ дѣтяхъ проявляется уже рисовка.

И потомъ... словомъ, я права.

Суббота, 17 ноября. Жуи. Деревня заставляетъ съ особенной силой чувствовать красоту картинъ Бастьена-Лепажа... **Парижане** не могутъ достаточно оцѣнить его, но если бы только они взглянули на деревенскую природу, такую величественную, простую, поэтическую...

Каждая травка, деревья, земля, взглядъ проходящихъ женщинъ, позы дѣтей, походка стариковъ, цвѣтъ ихъ одежды — все гармонируетъ съ пейзажемъ.

Жуи всегда заставляетъ меня браться за перо. Всякій

разъ я привожу оттуда исписанные листки. Когда же соберу я изъ нихъ цѣлую книгу?

Четвергъ 22 ноября. Всемірная Иллюстрація (русская) напечатала на первой страницѣ снимокъ съ моей картины «Жанъ и Жакъ». Это самый большой изъ иллюстрированныхъ русскихъ журналовъ, и я въ немъ размѣстилась какъ дома!.. Но это все не доставляетъ мнѣ особенной радости. Почему? Мнѣ это пріятно, но радости это мнѣ не доставляетъ. Да почему же?

Потому, что этого не **достаточно** для моего честолюбія. Вотъ если бы два года тому назадъ я получила почетный отзывъ, я бы того и гляди упала въ обморокъ! Если бы въ прошломъ году мнѣ дали медаль, я разревѣлась бы, уткнувшись носомъ въ жилетку Жуліана!.. Но теперь...

Событія — увы! логичны. Все связано, сцѣплено между собой, одно вытекаетъ изъ другого, все подготавливается мало-по-малу... А для того, чтобы радость чувствовалась очень сильно, она должна быть неожиданной, представлять изъ себя нѣчто въ родѣ сюрприза.

Впрочемъ, тутъ дѣло не въ самой медали, а въ сопровождающемъ ее успѣхѣ со стороны публики.

Среда, 28 ноября. Вчерашняя барышня, перелистывая мои альбомы, заставила меня наткнуться на старый набросокъ: убійство Цезаря. И это вновь захватило меня за душу... Я бросаюсь къ Плутарху и Светонію. Монтескье обожаетъ описаніе этого убійства у Плутарха. Да, это настоящій академикъ. Все у него разставлено въ порядкѣ, все краснорѣчиво, тогда какъ Светоній заставляетъ васъ содрогаться: это какой-то судейскій протоколъ, отъ котораго морозъ подираетъ по спинѣ... Какимъ удивительнымъ обаяніемъ обладаютъ великіе люди, если по прошествіи многихъ лѣтъ ихъ жизнь и ихъ смерть заставляютъ насъ трепетать и плакать. Я плакала о Гамбеттѣ. Каждый разъ, перечитывая исторію, я оплакиваю Наполеона, Александра, Цезаря. Но Александръ окончилъ жизнь дурно, тогда какъ Цезарь!..

Эту картину я напишу для себя — какъ выраженіе моихъ чувствъ, и для толпы, потому что это римляне, потому что здѣсь есть анатомія, кровь; потому что я женщина, а женщины еще не сдѣлали ничего классическаго въ большихъ размѣрахъ; я хочу пустить въ ходъ всѣ свои способности композиціи и рисунка... и это будетъ очень хорошо. Мнѣ досадно только,

что дѣло происходитъ въ сенатѣ, а не на улицѣ. При такихъ условіяхъ работа будетъ представлять одной трудностью меньше, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы онѣ были всѣ!..

Когда я сознаю, что приступаю къ вещамъ особенно труднымъ, я становлюсь вдругъ необыкновенно рѣшительна, необыкновенно хладнокровна; я какъ-то подбираюсь, сосредоточиваюсь и достигаю большаго, чѣмъ въ вещахъ, которыя по силамъ всякому. Не нужно ѣхать въ Римъ, чтобы писать картину; я начну ее. Однако, въ мартѣ и апрѣлѣ весна сообщаетъ такіе прелестные тона природѣ, и я хотѣла было отправиться писать деревья въ цвѣту въ Аржантель... Такъ много дѣла въ жизни, а жизнь такъ коротка! Я не знаю, успѣю ли я выполнить даже и то, что задумано... **Святыя жены, Большой барельефъ, Весна, Юлій Цезарь, Аріадна...** Голова идетъ кругомъ, хотѣлось бы все сдѣлать тотчасъ же... а между тѣмъ, все будетъ создаваться постепенно, въ свое время, съ замедленіями и охлажденіями и разочарованіями... Жизнь логична: все связано въ ней въ одну непрерывную цѣпь!..

Я чувствую въ себѣ такой подъемъ духа, такіе порывы къ великому, что ноги мои уже не касаются земли. Что меня постоянно преслѣдуетъ, такъ это боязнь, что я не успѣю выполнить всего задуманнаго. Это состояніе утомительное, хотя чувствуешь себя счастливой... Вѣдь я не проживу долго: знаете... дѣти слишкомъ умныя... И потомъ, мнѣ кажется, что свѣча разбита на четыре части и горитъ со всѣхъ концовъ...

Суббота, 1 декабря. Ужъ не вдалась ли я, право, въ обманъ. Кто вознаградитъ меня за мои лучшіе годы, потраченные... можетъ быть напрасно. Но на всѣ эти сомнѣнія вульгарная половина моего «я» отвѣчаетъ мнѣ, что ничего лучшаго мнѣ и не представлялось, что живи я, какъ другія, мнѣ пришлось бы слишкомъ много страдать... Тогда я не достигла бы того развитія, которое, ставя меня выше другихъ, такъ... затрудняетъ меня. Стендаль имѣлъ по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ людей, способныхъ понимать его, а у меня... это просто ужасно: всѣ такъ плоски, и даже люди, которыхъ прежде находила умными, кажутся мнѣ теперь просто глупыми. Ужъ не выйдетъ ли изъ меня въ концѣ концовъ такъ называемая **непонятная личность?** Нѣтъ, но право... Мнѣ кажется, однако, что я имѣю полное основаніе быть удивленной, когда во мнѣ предполагаютъ вещи, на которыя я положительно неспособна и которыя не совмѣстны ни съ моимъ достоинствомъ, ни съ

моей тонкостью, ни, наконецъ, съ моей склонностью къ изящному.

Вотъ если бы кого-нибудь... кто вполнѣ понялъ бы меня, передъ кѣмъ я могла бы вся высказаться... Кто понялъ бы все, и въ рѣчахъ кого я узнала бы свои собственныя мысли!.. Такъ вѣдь это же была бы любовь, дитя мое! Можетъ быть. Но и не ходя такъ далеко — ну просто людей, которые трактовали бы о васъ мало-мальски интеллигентно, съ которыми можно было бы поболтать, и это ужъ было бы такъ пріятно. Но я никого такого не знаю. Жуліанъ былъ единственный, да вотъ и онъ теперь все больше и больше уползаетъ въ свою раковинку... И онъ даже просто несносенъ, когда онъ начинаетъ свои безконечныя шуточки, попадающія не въ глазъ, а въ бровь; особенно, когда дѣло зайдетъ объ искусствѣ: онъ не понимаетъ, что я вижу ясно и что я хочу добиться, онъ воображаетъ, что я полна только сама собой. Вообще... впрочемъ, моментами онъ все-таки является моимъ единственнымъ конфидентомъ.

Но для любви нужно безусловное сходство... «Родственная душа»... Мнѣ кажется, что этотъ образъ, которымъ можетъ быть слишкомъ злоупотребляли, очень вѣренъ. Но, гдѣ-же она, эта душа? Гдѣ нибудь такъ запрятана, что мнѣ не увидѣть и кончика ея уха!

Нужно, чтобы ни одно слово, ни одинъ взглядъ не шли въ разрѣзъ съ тѣмъ образомъ, который я себѣ составила. Я не хочу этимъ сказать, что я ищу какое-то немыслимое на землѣ совершенство, какое-нибудь существо, не имѣющее въ себѣ ничего человѣческаго. Но мнѣ нужно, чтобы самые его недостатки были интересны и не унижали его въ моихъ глазахъ. Чтобы онъ былъ воплощеніемъ мечты моей — не банальной мечты невозможнаго совершенства, но... чтобы все мнѣ въ немъ нравилось, чтобы я не могла немедленно усмотрѣть въ какомъ-нибудь уголкѣ души его нелѣпости, или пошлости, или ничтожества, или мелочности, или фальши, или корыстолюбія; одного изъ этихъ пятенъ—будь оно хоть самое маленькое — достаточно, чтобъ все погубить въ моихъ глазахъ.

Воскресенье, 2 декабря. Вообще сердце мое совершенно пусто, пусто, пусто... Чтобы сколько-нибудь занять себя, мнѣ нужны мечты, грезы... И однако, я испытала почти все, о чемъ Стендаль говоритъ по поводу истинной любви, которую онъ

называетъ любовью-страстью. Всѣ эти тысячи глупостей, мелькающихъ въ воображеніи, это ребячество, о которомъ онъ говоритъ... Такъ, напримѣръ, мнѣ приходилось съ радостью встрѣчаться съ скучнѣйшими людьми потому только, что они въ этотъ день видѣли этого человѣка...

Впрочемъ, я думаю, что всякій человѣкъ одинаково — мужчина или женщина — вѣчно работающій и занятый мечтами о славѣ, любитъ не такъ, какъ тѣ, кто этимъ только и занимается. Да вотъ и Бальзакъ, и Жюль (не Цезарь разумѣется) говорятъ то же самое; сумма энергіи — одна, если ее истратить направо, то налѣво отъ нея уже ничего не останется, или, раздѣливъ силу — получишь меньше и съ той и съ другой стороны.

«Если вы посылаете пять тысячъ человѣкъ на Рейнъ, они не могутъ въ то же время быть и подъ стѣнами Парижа».

Поэтому, весьма вѣроятно, что мои... нѣжныя чувства — ускользаютъ изъ моей жизни именно въ силу этой теоріи.

Понедѣльникъ, 3 декабря. Я интеллигентна, я считаю себя умной, проницательной... словомъ, приписываю себѣ всевозможныя умственныя достоинства, и притомъ я человѣкъ справедливый. Ну, согласитесь: почему бы при такихъ условіяхъ я не могла бы быть собственнымъ судьей себѣ? Это должно быть вполнѣ въ предѣлахъ возможнаго, если я дѣйствительно проницательна.

Представляю ли я изъ себя въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное, буду ли я чѣмъ-нибудь дѣйствительно значительнымъ въ искусствѣ?.. **Что я сама о себѣ думаю?** О, это ужасные вопросы!.. Потому что, по сравненію съ идеаломъ, котораго я хотѣла бы достигнуть, я плохого о себѣ мнѣнія; но съ другой стороны... по сравненію съ другими...

Нѣтъ, нельзя самому судить о себѣ; и потомъ если ужъ не приходится говорить о геніальности... да и потомъ я еще ничего такого не сдѣлала, почему можно было бы судить обо мнѣ даже мнѣ самой.

Я прихожу въ совершенное отчаяніе отъ всего, что я дѣлаю; каждый разъ, какъ только вещь окончена, я готова все начать сначала, я нахожу, что все это никуда не годится, потому что **сравниваю** я всегда съ тѣмъ, чѣмъ это должно было бы быть по моему мнѣнію. Вообще, въ глубинѣ души я неважнаго мнѣнія о себѣ, какъ о художницѣ; я прямо признаюсь въ этомъ (въ надеждѣ, что все-таки это ошибка)... Во-

первыхъ, если бы я считала себя геніемъ, я никогда ни на что не жаловалась бы... Но это слово геній — такъ ужасно огромно, что я смѣюсь, примѣняя его къ себѣ даже и въ отрицательномъ смыслѣ. Если бы я могла приписать его себѣ, я бы съума сошла... Однако... Да, вотъ какъ я выражусь: я не думаю, что я геніальна, но я надѣюсь, что люди вообразятъ меня геніемъ.

Понедѣльникъ, 10 декабря. Утромъ—скульптура. Послѣ полудня кончаю корсажъ и букетъ смѣющейся головки. Это — плутовка, полутанцовщица, полунатурщица, и смѣется она презабавно. Эта вещь — кончена. При газѣ — рисунокъ читающей женщины. Тоже кончено. Вотъ если бы такъ шли всѣ дни, это было бы славно.

Но десятки никому неизвѣстныхъ людей дѣлаютъ тоже что я, и не жалуются на удушье отъ избытка генія! Если ты, матушка, жалуешься, что геній твой душитъ тебя, такъ это просто-на-просто значитъ, что его вовсе и нѣтъ. Люди, дѣйствительно обладающіе геніемъ, имѣютъ и достаточно силъ, чтобы выносить его.

Слово **геній** обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, что и слово **любовь.** Въ первый разъ едва рѣшаешься написать его, а какъ разъ написалъ, и пойдешь употреблять его каждый день по поводу каждаго пустяка. Впрочемъ, это же можно сказать и обо всемъ, что кажется съ перваго раза огромнымъ, страшнымъ, неприступнымъ; какъ разъ коснулся-таки его, и ну возиться съ нимъ, точно для того, чтобы вознаградить себя за долгую нерѣшительность! Это глубокомысленное наблюденіе, кажется, однако, не очень-то ясно! Ну, да вѣдь надо же такъ или иначе истратить ту порцію самой себя, которая предназначена на этотъ день. До семи часовъ я работала, но часть еще осталась, надо же излить ее хоть при помощи пера!

Я худѣю... О, Господи, будь милостивъ ко мнѣ!

Воскресенье, 23 декабря. Истинные художники не могутъ быть счастливы; во-первыхъ, они отлично знаютъ, что толпа не понимаетъ ихъ, они знаютъ, что работаютъ для какой-нибудь сотни людей, а всѣ остальные руководствуются въ своихъ сужденіяхъ своимъ сквернымъ вкусомъ или какимъ-нибудь **Фигаро.** Невѣжество въ вопросахъ искусства поистинѣ ужасающее во всѣхъ классахъ общества. Люди, разсуждающіе толково, придерживаются того, что они вычитали, или слышали отъ такъ называемыхъ знатоковъ.

Вообще... однако мнѣ кажется, что бываютъ дни, когда относишься ко всѣмъ этимъ мелочамъ какъ-то ужъ слишкомъ непосредственно. Бываютъ дни, когда нелѣпый разговоръ какъ-то особенно невыносимъ, когда весь этотъ вздоръ причиняетъ вамъ страданіе, когда, прослушавъ въ теченіе двухъ часовъ обмѣнъ нелѣпостей, не имѣющихъ даже достоинства веселости или свѣтскаго блеска, впадаешь въ настоящую тоску.

Замѣтьте при этомъ, что я вовсе не принадлежу къ тѣмъ избраннымъ душамъ, которыя плачутъ, будучи обязанными выслушивать салонныя банальности, обычные комплименты или разглагольствованія о погодѣ или итальянской оперѣ. Я не настолько глупа, чтобы требовать повсюду интересныхъ разговоровъ, и вся эта свѣтская банальность, иногда веселая, иногда безцвѣтная, оставляетъ меня спокойной; за то всѣ эти плоскости, всѣ эти глупости, этотъ недостатокъ... словомъ, въ концѣ концовъ, эта самая свѣтская банальность и недостатокъ... это просто смерть на медленномъ огнѣ.

Суббота, 29 декабря. Бываютъ дни черные, печальные, ужасные! Всѣ эти сплетни, все, что только люди способны говорить, воображать, выдумывать... Но вѣдь я же никогда не дѣлала ничего безнравственнаго! И подумать только!.. О, друзья мои, теряйте все, но заботьтесь о томъ, чтобы не давать повода ко всему этому.

Всѣ эти нелѣпыя тревоги дѣлаютъ меня глубоко несчастной. Если люди **смѣютъ** говорить глупости, то они уже въ своемъ родѣ правы, хотя бы это была самая подлая выдумка. И всѣ эти презрѣнныя мелкія нелѣпости, въ которыхъ меня совершенно невинно обвиняютъ и которыхъ нельзя изгладить... О, Боже мой! Бываютъ дни печальные, черные, ужасные... Меня осыпаютъ клеветой!

А я вѣдь никому ничего не сдѣлала, ни себѣ, ни другимъ. Клара и В. работаютъ себѣ, а я плачу съ перомъ въ рукѣ на другомъ концѣ библіотеки.

Бываютъ дни, когда точно разливаешь свѣтъ вокругъ себя; а въ другіе походишь на какой-то потухшій фонарь: я потухла!

Понедѣльникъ, 31 декабря. Канроберы обѣдали у принцессы Матильды, и Клара разсказала мнѣ, что Лефевръ говорилъ ей, что онъ знакомъ съ моимъ талантомъ, очень серьезнымъ, что я—личность довольно необыкновенная, но что я выѣзжаю въ свѣтъ по вечерамъ и что мной **руководитъ** (съ лука-

вымъ видомъ) знаменитый художникъ. Клара, глядя ему прямо въ глаза: — Какой знаменитый художникъ: Жуліанъ?.. Лефевръ: — Нѣтъ, Бастьенъ-Лепажъ. Клара: — Нѣтъ, вы совершенно ошибаетесь: она выѣзжаетъ очень рѣдко и цѣлыми днями работаетъ. А что до Бастьенъ-Лепажа, то она видитъ его въ салонѣ своей матери, и онъ даже никогда не бываетъ въ мастерской.

Что за прелесть эта дѣвушка! И она сказала чистую правду, потому что вѣдь вы уже знаете... о, Господи! что этотъ злодѣй Жюль ни въ чемъ не помогаетъ мнѣ, А Лефевръ-то кажется серьезно думалъ это!

Уже два часа. Новый годъ уже наступилъ, и ровно въ полночь, въ театрѣ, съ часами въ рукахъ, я произношу свое пожеланіе въ одномъ единственномъ словѣ — словѣ прекрасномъ, звучномъ, великолѣпномъ, опьянительномъ:

Слава!

1884.

Пятница, 4 января. Да, я чахоточная и болѣзнь подвигается.

Я больна, никто ничего объ этомъ не знаетъ, но у меня каждый вечеръ лихорадка, вообще плохо, и мнѣ скучно говорить объ этомъ.

Понедѣльникъ, 14 января. Мнѣ кажется, что я сама побывала въ Дарвиллерѣ. Эмиль Бастьенъ разсказалъ намъ все: проектъ картины, образъ жизни... онъ ничего не совершаетъ въ тайнѣ, онъ не запрещаетъ говорить о себѣ; онъ не... Если онъ не пригласилъ насъ посмотрѣть этюды изъ Канкарно, то только потому, что онъ никогда никого не приглашаетъ; онъ даже подумалъ бы, что слишкомъ самоувѣренно приглашать смотрѣть этюды, сдѣланные кое-какъ въ Канкарно, куда онъ ѣздилъ для отдыха; да, наконецъ, нашъ радушный пріемъ уничтожилъ всѣ эти церемоніи; онъ былъ бы въ восторгѣ, если бы мы пріѣхали и т. д. И даже для большихъ картинъ онъ никогда никого не приглашаетъ; онъ только проситъ своего покорнаго брата предупредить нѣкоторыхъ друзей...

Но вотъ что серьезнѣе: когда братъ говорилъ ему о моей картинѣ, онъ сказалъ: почему ты не предупредилъ меня объ этомъ въ Парижѣ, я бы посмотрѣлъ ее.

— Я ничего не сказалъ ему въ Парижѣ, потому что,

если бы онъ пришелъ, вы, по обыкновенію, все бы спрятали; онъ не знаетъ ничего изъ вашихъ вещей, кромѣ тѣхъ, что въ залѣ. Вы перевертываете ваши холсты. Да, наконецъ, знаете, онъ никогда бы больше не захотѣлъ смотрѣть на ваши вещи, если бы вы это сдѣлали?..

— Онъ захочетъ, если я хочу, если я попрошу его совѣтовъ.

— Онъ будетъ въ восторгѣ.

— Но къ сожалѣнію я не его ученица!..

— Да почему же! Онъ не желаетъ ничего лучшаго, онъ будетъ очень польщенъ, если вы будете совѣтоваться съ нимъ, и дастъ вамъ совѣты, безкорыстные, хорошіе совѣты. Онъ судитъ очень вѣрно, безъ предвзятой мысли... онъ былъ бы счастливъ имѣть интересную ученицу... Повѣрьте мнѣ, онъ былъ бы очень польщенъ и очень доволенъ.

Среда, 16 января. Архитекторъ сказалъ мнѣ, что между другими многочисленными проектами братъ его имѣлъ въ виду **Виѳлеемскихъ пастуховъ.**

Въ теченіе двухъ дней голова моя работала, и сегодня днемъ я имѣла передъ глазами совершенно живое представленіе. Да, Виѳлеемскіе пастухи чудный сюжетъ, а онъ съумѣетъ придать ему еще болѣе прелести. Да, я имѣла живое, образное представленіе, и впечатлѣніе мое таково, что его можно сравнить только съ впечатлѣніемъ самихъ пастуховъ: несказанный восторгъ, безграничный энтузіазмъ!

Ахъ, вы не можете себѣ представить этого! Это будетъ вечеръ, я увѣрена. Знаменитая звѣзда... чувствуете ли вы, сколько онъ вложитъ сюда таинственности, нѣжности, грандіозной простоты!

Можно себѣ вообразить это, зная его произведенія и установивъ мысленно таинственную, фантастическую связь между **Жанной д'Аркъ и Вечеромъ въ деревнѣ.** Нѣтъ, какъ вамъ это нравится: я прихожу въ восторгъ отъ картинъ, которыхъ еще не видала и которыхъ и на свѣтѣ то еще не существуетъ! Положимъ, въ глазахъ большинства я кажусь смѣшною; два или три мечтателя за одно со мной, да въ крайнемъ случаѣ я обошлась бы и безъ нихъ... И потомъ эффектъ **Пастуховъ** тотъ же самый, что въ **Святыхъ женахъ.** Нѣтъ, впрочемъ, только въ томъ отношеніи, что это вечеръ, потому что основныя чувства совершенно различны. Тамъ это будетъ нѣчто великое, сильное, нѣжное, лучезарное, таинствен-

ное, полное святого и кроткаго чувства, потрясающей, приводящей въ экстазъ таинственности.

У меня это тоже будетъ вечеръ, но ужасный, проникнутый чувствомъ смятенія изстрадавшейся любви. Что-то совершилось, и преобладающей нотой будетъ изумленіе, ужасъ.

Однако, я, кажется, съума сошла: осмѣливаюсь сравнивать себя съ геніальнымъ человѣкомъ; впрочемъ, я и не сравниваю: я только говорю, какимъ образомъ я понимаю картину, которую хотѣла бы написать...

Но какъ передать, какъ сообщить мою вѣру массѣ? Да и зачѣмъ? Развѣ масса когда-нибудь понимала возвышенное искусство? Однако, въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ признаютъ геніемъ Милле?..

Жанна д'Аркъ не была понята во Франціи, но передъ ней преклоняются въ Америкѣ...

Жанна д'Аркъ это chef-d'oeuvre по выполненію и по чувству. Надо было слышать, что только говорили о ней въ Парижѣ. Это позоръ! Но неужели же надо окончательно признать, что только въ чужихъ странахъ можно добиться заслуженнаго успѣха? И дѣйствительно, развѣ можно сказать, что публика любила Милле, Руссо, Коро? Ихъ любили только тогда, когда они были въ модѣ.

Что особенно постыдно для нашей эпохи — это дурное обыкновеніе просвѣщенныхъ людей, которые дѣлаютъ видъ, что они не считаютъ это искусство ни серьезнымъ, ни возвышеннымъ и въ то же время кадятъ послѣдователямъ классическихъ мастеровъ!

Что же такое возвышенное искусство, если не то искусство, которое, изображая передъ нами тѣло, волосы, одежду, деревья съ полнѣйшей реальностью, доходящей почти до обмана чувствъ, передаетъ въ то же время душу, мысль, жизнь! Неужели **Жанна д'Аркъ** не есть произведеніе возвышеннаго искусства, потому что онъ представилъ ее намъ крестьянкой, а не съ бѣлыми ручками и не въ вооруженіи?

Его **Любовь въ деревнѣ** слабѣе **Жанны д'Аркъ,** этой исторической крестьянки... Мы всѣ изображаемъ тѣло, но намъ не хватаетъ чего-то **сверхъ этого**; нѣтъ въ насъ того божественнаго огня, которымъ онъ обладаетъ! И кто кромѣ него? Право никто! Въ глазахъ его портретовъ для меня отражается вся жизнь этихъ личностей; мнѣ кажется, будто я знакома съ

ними. Я пробовала вызвать въ себѣ это чувство, останавливаясь передъ другими холстами, и не могла.

То, чѣмъ онъ обладаетъ, этотъ несравненный художникъ, можно найти только въ религіозныхъ картинахъ итальянскихъ мастеровъ, которые писали и вѣрили!

Воспоминаніе о **Поклоненіи волхвовъ** Джеральдо-дель-Потти сохранилось въ моей душѣ, какъ какое-то чудное видѣніе. Я не могу отдать себѣ отчета ни въ выполненіи, ни въ академическихъ достоинствахъ картины, но въ памяти моей остались, будто живые, образы взволнованныхъ, восхищенныхъ пастуховъ передъ Божественнымъ Младенцемъ и,— чтобы выразить все однимъ словомъ,—о прозаическая Франція! — пастухи, Святая Дѣва, Младенецъ и я — всѣ мы были убѣждены, что это **дѣйствительно случилось.** Да! Заставьте публику повѣрить, что это дѣйствительно случилось: въ этомъ все и ничего другого не нужно. Людямъ, которые мнѣ скажутъ: «Но какимъ образомъ можете вы, вы — натуралистка, браться за древніе сюжеты, которыхъ вы не видѣли?»... Я имъ отвѣчу относительно, напримѣръ, **Пастуховъ:** «Развѣ вамъ никогда не случалось остаться вечеромъ одному, въ деревнѣ, подъ совершенно яснымъ небомъ, и почувствовать себя взволнованнымъ, охваченнымъ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ, стремленіемъ къ безконечному, почувствовать себя какъ бы въ ожиданіи какого-то великаго событія, чего-то сверхъестественнаго и развѣ вы никогда не испытывали, что такое грезы, уносящія въ какіе-то невѣдомые міры?.. Если нѣтъ, вы никогда не поймете меня...

Все должно состоять въ той прелести, которую я съумѣю придать атмосферѣ; да, надо, чтобы чувствовался воздухъ, чувствовалось, что это вечеръ, тотъ часъ, когда поднимающійся на небосклонѣ серпъ мѣсяца кажется еще очень блѣднымъ.

Бастьенъ долженъ былъ сдѣлать пятьдесятъ этюдовъ, чтобы уловить задуманный эффектъ: ну, что-жъ, я сдѣлаю ихъ сто для моихъ **Святыхъ женъ.**

Воскресенье, 20 января. Это грустно, но у меня нѣтъ подруги, я никого не люблю и меня никто не любитъ.

У меня нѣтъ подругъ потому (я отлично это понимаю), что невольно я слишкомъ ясно даю видѣть, «съ какой высоты я созерцаю толпу».

Никто не любитъ быть униженнымъ. Я могла бы утѣ-

шиться, думая, что личности истинно высокія никогда не были любимы. Ихъ окружаютъ, согрѣваются ихъ лучами, но въ душѣ ихъ проклинаютъ и, при первой возможности, злословятъ. Въ настоящее время рѣшается вопросъ о статуѣ Бальзака, и журналы печатаютъ воспоминанія и справки, собранныя у друзей великаго человѣка. Отъ отвращенія къ такимъ друзьямъ становится просто тошно. Вотъ кто всегда постарается разгласить всякую дурную черту, все смѣшное, все низкое.

Я предпочитаю враговъ, — имъ меньше вѣрятъ.

Суббота, 23 февраля. Я въ очень дурномъ расположеніи духа, взбѣшена. По всей вѣроятности это потому, что я скоро умру; вся моя жизнь съ самаго начала и со всѣми подробностями проходитъ предо мной; много глупыхъ вещей, которыя заставляютъ меня плакать; никогда не выѣзжала я такъ часто, какъ другія; три, четыре бала въ годъ; часто выѣзжать я могу вотъ эти два года, но теперь это уже не можетъ интересовать меня.

И великій артистъ сожалѣетъ объ этомъ? Честное слово, да... А теперь? Теперь другое: не балы, а собранія, гдѣ встрѣчается все, что думаетъ, пишетъ, рисуетъ, работаетъ, поетъ, все, что составляетъ жизнь разумныхъ существъ.

Наиболѣе философскіе и умные люди не пренебрегаютъ возможностью встрѣчаться разъ въ недѣлю или два раза въ мѣсяцъ съ людьми составляющими цвѣтъ парижской интеллигенціи... Я все это объясняю потому, что, мнѣ кажется, я умираю. Я всегда и во всемъ была несчастна! Цѣной работы я достигла связей въ настоящемъ свѣтѣ, но и это еще униженіе.

Человѣкъ слишкомъ несчастенъ, чтобы не надѣяться, что существуетъ Богъ, Который сжалится надъ нами; но что такое сдѣлала я, что такъ несчастна?

Можно вѣрить только въ одного Бога.. абстрактнаго, философскаго, великую тайну земли, неба всего. — **Панъ.**

Этого Бога созерцаютъ и представляютъ себѣ, глядя на звѣзды и думая о научныхъ вопросахъ, духовно, какъ Ренанъ... Но Богъ, который все знаетъ и у котораго можно всего просить... Я очень бы хотѣла вѣрить въ такого Бога.

Вторникъ, 11 марта. Идетъ дождь. Но не только это... мнѣ нездоровится... Все это такъ несправедливо. Небо слишкомъ жестоко ко мнѣ.

Я еще въ тѣхъ годахъ, когда можешь входить въ извѣстный экстазъ даже при мысли о смерти.

Мнѣ кажется, что никто не любитъ всего такъ, какъ я люблю: искусство, музыку, живопись, книги, свѣтъ, платья, роскошь, шумъ, тишину, смѣхъ, грусть, тоску, шутки, любовь, холодъ, солнце, всѣ времена года, всякую погоду спокойныя равнины Россіи и горы вокругъ Неаполя, снѣгъ зимою, дождь осенью, весну съ ея тревогой, спокойные лѣтніе дни и прекрасныя ночи съ сверкающими звѣздами... я все люблю до обожанія. Все представляется мнѣ со своихъ интересныхъ и прекрасныхъ сторонъ: я хотѣла бы все видѣть, все имѣть, все обнять, слиться со всѣмъ и умереть, если надо, черезъ два года, или въ 30 лѣтъ, умереть съ экстазомъ, чтобы извѣдать эту послѣднюю тайну, этотъ конецъ всего или божественное начало.

Эта всемірная любовь не есть чувство чахоточной: я всегда была такая, и я помню какъ разъ, десять лѣтъ тому назадъ, я писала (1874 г.), перечисливъ прелести различныхъ временъ года: «Напрасно захотѣла бы я выбрать: всѣ времена года хороши, всѣ возрасты — вся жизнь».

«Надо все!».

«Надо природу, передъ ней все ничтожно».

«Однимъ словомъ, все въ жизни мнѣ нравится, мнѣ все пріятно и, прося счастья, нахожу свою прелесть и въ несчастьи. Мое тѣло плачетъ, и кричитъ, но что-то, что выше меня, радуется жизни, несмотря ни на что!»

Я забыла сказать, что мои мальчишки называются: **Митингъ.**

Суббота, 15 марта. Погода чудная и, начиная съ понедѣльника или вторника, я буду работать въ деревнѣ. Я больше не хочу поклоняться Бастьенъ-Лепажу, я почти не знаю его, и потомъ это натура... замкнутая, и потомъ лучше работать надъ собственнымъ талантомъ, чѣмъ расходоваться на это поклоненіе.

Воскресенье, 16 марта. Картины отосланы.

Я вернулась въ половинѣ седьмого въ состояніи такого утомленія, что это было даже восхитительно... Вы не вѣрите, что это восхитительно, но для меня всякое цѣльное впечатлѣніе, доведенное до крайняго предѣла, даже ощущеніе боли, есть наслажденіе.

Когда я повредила себѣ палецъ, боль была такая острая въ продолженіе получаса, что я наслаждалась ею.

То же самое сегодняшняя усталость: тѣло не оказывающее ни малѣйшаго сопротивленія воздуху, еще ослабленное ванной и протянутое на постели; руки и ноги тяжелы, голова полна какими-то туманными, несвязными образами... я заснула, произнося время отъ времени слова, относящіяся къ проходящимъ въ головѣ мыслямъ.

Среда, 19 марта. Вчера была баллотировка въ члены кружка русскихъ артистовъ. Я была выбрана единогласно.

Клара видѣла одного господина, который видѣлъ Бастьенъ-Лепажа и который нашелъ, что онъ очень боленъ; на другой день этотъ господинъ встрѣтилъ доктора, который сказалъ: этотъ человѣкъ очень боленъ, но не думаю, что ревматизмомъ, онъ боленъ вотъ чѣмъ (похлопывая по желудку). Значитъ, онъ дѣйствительно боленъ?.. онъ уѣхалъ со своей матерью въ Блидэ, дня на три, на четыре.

Понедѣльникъ, 24 марта. Вотъ уже нѣсколько дней вокругъ меня точно туманъ какой-то... который отдѣляетъ меня отъ всего міра и заставляетъ чувствовать реальность моего внутренняго міра. Поэтому... Нѣтъ, все такъ печально, что нельзя даже жаловаться... это тяжелое одурѣніе... я только что перечла книгу, которой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я мала восхищалась и которая очень хороша: это *Madame Bovary*.

Литературная форма, стиль... да... въ общемъ это только отдѣлка.

Но дѣло не въ томъ; среди тумана, меня окутывающаго, я вижу дѣйствительность еще яснѣе... дѣйствительность такую жестокую, такую горькую, что если стану писать про нее, то заплачу. Но я даже не смогла бы написать. И потомъ, къ чему? Къ чему все? Провести шесть лѣтъ, работая ежедневно по десяти часовъ, чтобы достигнуть чего? Начала таланта и смертельной болѣзни.

Сегодня я была у моего доктора и болтала такъ мило, что онъ мнѣ сказалъ: «Я вижу, вы всегда веселы».

Чтобы упорно надѣяться, что «слава» вознаградитъ меня за все, надо будетъ жить, а чтобы жить, надо будетъ **заботиться о себѣ...**

Вотъ видѣнія, вотъ ужасная **дѣйствительность.**

Никогда не вѣрятъ... пока... Я помню, я была еще со-

всѣмъ маленькая и путешествовала въ первый разъ по желѣзной дорогѣ въ обществѣ чужихъ; я размѣстилась, занявъ два мѣста разными вещами, когда вошли два пассажира. — Эти мѣста заняты, сказала я съ апломбомъ. — Отлично, отвѣчалъ господинъ, я позову кондуктора.

Я думала, что это угроза, **какъ дома:** что это неправда и — ничѣмъ нельзя изобразить тотъ странный холодъ, который охватилъ меня, когда кондукторъ освободилъ мѣсто, и пасажиръ сѣлъ на него. Это было первое знакомство съ **дѣйствительностью.**

Давно уже я грожу сама себѣ болѣзнью, въ то же время не вѣря этому... Наконецъ!..

И мартовскій вѣтеръ, и небо сѣрое, тяжелое...

Вчера начала довольно большую картину въ старомъ саду въ Севрѣ: молодая дѣвушка сидитъ подъ цвѣтущей яблоней, дорожка уходитъ вдаль и всюду вѣтви фруктовыхъ деревьевъ въ цвѣту, и свѣжая трава, фіалки и маленкіе желтые цвѣточки. Женщина сидитъ и мечтаетъ съ закрытыми глазами; она положила голову на лѣвую руку, локоть которой опирается о колѣно.

Это должно быть очень просто и должно чувствоваться вѣяніе весны, заставляющее эту женщину мечтать.

Надо, чтобы между вѣтвями было солнце. Эта вещь въ два метра длины и немного болѣе вышиною.

Итакъ, я принята только съ № 3!

Отсюда глубокое и безнадежное уныніе; никто не виноватъ въ томъ, что у меня нѣтъ таланта... Да, это ясно показало мнѣ, что если бы я не надѣялась на мое искусство, я тотчасъ же умерла бы. И если эта надежда измѣнитъ, какъ сегодня... да, тогда останется только смерть безъ всякихъ фразъ.

Понедѣльникъ, 31 марта. Почти ничего не сдѣлано; моя картина будетъ плохо помѣщена, и я не получу медали.

Потомъ я сѣла въ очень теплую ванну и пробыла въ ней болѣе часу, послѣ чего у меня пошла кровь горломъ.

Это глупо, скажете вы; возможно, но у меня нѣтъ болѣе мудрости, я въ уныніи и наполовину сошла съума отъ всей этой борьбы со всѣмъ.

Наконецъ... что говорить, что дѣлать... если такъ будетъ продолжаться, меня хватитъ года на полтора, но если бы я была спокойна, я могла бы жить еще двадцать лѣтъ.

Да, трудно переварить этотъ № 3. Это страшный ударъ. Однако, я вижу ясно и **я вижу себя;** нѣтъ, нечего говорить... Мнѣ начинаетъ казаться, что будь моя картина очень хороша...

Ахъ! никогда, никогда, никогда я не была въ такомъ отчаяніи, какъ сегодня. Пока летишь внизъ, это еще не смерть, но дотронуться ногами до чернаго и вязкаго дна... сказать себѣ: это не изъ-за обстоятельствъ, не изъ-за семьи, не изъ-за общества, но изъ-за **недостатка таланта.** Ахъ! это слишкомъ ужасно, потому что никто не можетъ помочь: ни люди, ни Богъ. Я не вижу болѣе возможности ра́ботать: все кажется, кончено.

Вотъ вамъ цѣльное чувство. Да. Ну, такъ по твоей теоріи это должно быть наслажденіе. Поймана!

Мнѣ все равно; приму брому, это заставитъ меня спать, и потомъ, Богъ великъ, и у меня всегда бываетъ какое-нибудь маленькое утѣшеніе послѣ глубокихъ несчастій.

И сказать только, что мнѣ даже нельзя разсказать все это, помѣняться мыслями, утѣшиться, разсказавъ кому-нибудь... Ничего, никого, никого!..

Вы видите. Это конецъ. Это должно быть наслажденіе. Это было бы такъ, если бы были зрители моихъ несчастій...

Горести людей, сдѣлавшихся потомъ знаменитыми, разсказываются друзьями, потому что у нихъ есть друзья, люди, съ которыми они разговариваютъ. У меня ихъ нѣтъ. И если бы я жаловалась! Если бы я говорила: «Нѣтъ, я не буду больше рисовать!» Это ни для кого не будетъ потерей: у меня нѣтъ таланта.

Тогда-то все то, что надо затаить въ себѣ и до чего никому дѣла нѣтъ... Вотъ оно самое тяжелое мученіе, самое унизительное, потому что **знаешь, чувствуешь, вѣришь** самъ, что ты — ничто.

Если бы это состояніе продлилось, его нельзя было бы вынести.

Вторникъ, 1 апрѣля. Это состояніе продолжается, а такъ какъ надо найти какой-нибудь исходъ, то я прихожу къ слѣдующему: А вдругъ я ошибаюсь? Но отъ слезъ у меня болятъ глаза.

Мнѣ говорятъ: да вѣдь вы же знаете, что номеръ имѣетъ очень мало значенія.

Да, но мѣсто, гдѣ помѣщена картина!

Среда, 2 апрѣля. Была у Робера-Флери и съ очень веселымъ видомъ спросила: Ну, какъ же прошла моя картина?

— Да очень хорошо, потому что, когда дошла очередь до вашей картины, они сказали — не одинъ или двое, но вся группа — «**Послушайте, вѣдь это хорошо,** второй номеръ!»

— Не можетъ быть!

— Ну да, не думайте пожалуйста, что я говорю это для вашего удовольствія: такъ было на самомъ дѣлѣ. Тогда вотировали и если бы въ тотъ день президентомъ не былъ тупица, вы получили бы второй номеръ. Вашу картину признали хорошей и приняли ее симпатично.

— У меня третій номеръ.

— Да, но это благодаря особому роду несчастья, просто неудача какая-то: вы должны были бы получить второй номеръ.

— Но какіе недостатки они находятъ въ картинѣ?

— Никакихъ.

— Какъ никакихъ, значитъ — она недурна?

— Она хороша.

— Но въ такомъ случаѣ?

— Въ такомъ случаѣ это несчастье, и все тутъ; въ такомъ случаѣ, если вы найдете какого-нибудь члена комиссіи и попросите его, то вашу картину помѣстятъ на лучшемъ мѣстѣ, такъ какъ она хороша.

— А вы?

— Я членъ, спеціально назначенный наблюдать, чтобы соблюдались номера, но повѣрьте, если кто-нибудь изъ нашихъ попроситъ, я ничего не скажу противъ того.

Была потомъ у Жуліана, который слегка подсмѣивается надъ совѣтами Робера-Флери и говоритъ, что я могу быть почти спокойна и что онъ будетъ очень удивленъ, если моя картина не будетъ переставлена, и что... Въ концѣ концовъ Роберъ-Флери сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, я заслуживаю второго номера и что нравственно я его имѣю. Нравственно!!! И что, наконецъ, это было бы только справедливо.

А! нѣтъ! просить изъ милости того, что мнѣ слѣдуетъ по справедливости, это слишкомъ!

Пятница, 4 апрѣля. Конечно выставка Бастьенъ-Лепажа блестяща, но выставлены почти все старыя вещи.

Ему тридцать пять лѣтъ. Рафаэль умеръ тридцати шести, сдѣлавъ больше. Но Рафаэль съ двѣнадцати лѣтъ былъ

окруженъ герцогинями и кардиналами, которые ласкали его и заставляли работать у великаго Перуджини. Рафаэль пятнадцати лѣтъ дѣлалъ такія копіи своего учителя, что ихъ было трудно отличить отъ оригинала, и съ пятнадцати же лѣтъ былъ причисленъ къ великимъ артистамъ. Затѣмъ, въ громадныхъ картинахъ, которыя поражаютъ насъ и временемъ, которое онѣ представляютъ, и своими качествами, въ этихъ картинахъ, вся черновая работа исполнена учениками, и во многихъ изъ этихъ картинъ Рафаэлю принадлежитъ только картонъ.

А Бастьенъ-Лепажъ, чтобы существовать въ Парижѣ, долженъ былъ первое время сортировать на почтѣ письма отъ трехъ до семи часовъ утра. Первую вещь онъ выставилъ, кажется, въ 1869 г.

Однимъ словомъ, у него не было ни герцогинь, ни кардиналовъ, ни Перуджини. Кажется, онъ пришелъ въ Парижъ лѣтъ пятнадцати, шестнадцати.

Но все-таки это лучше чѣмъ я; я всегда жила въ средѣ мало артистической, въ дѣтствѣ я взяла всего нѣсколько уроковъ, какъ всѣ дѣти; потомъ, уроковъ пятнадцать въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, потомъ опять, все та же среда... Такимъ образомъ, выходитъ шесть лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ; но въ это же время я путешествовала и была сильно больна. Наконецъ... гдѣ же я?

Достигла ли я того, чего Бастьенъ-Лепажъ достигъ въ 1874 году? Этотъ вопросъ неумѣстенъ.

Если бы я сказала при другихъ; даже при художникахъ, все это про Бастьена, они сказали бы, что я сошла съума, одни съ убѣжденіемъ, другіе изъ принципа и не желая признать превосходство младшаго.

Суббота, 5 апрѣля. Вотъ мои проекты:

Сначала кончу картину въ Геврѣ. Затѣмъ снова примусь серьезно за статую, это по утрамъ, а послѣ завтрака — этюдъ нагой натуры, эскизъ уже сдѣланъ сегодня. Это продолжится до іюля. Въ іюлѣ я начну **Вечеръ,** картина будетъ представлять большую дорогу безъ деревьевъ; равнина, дорога, сливающаяся съ небомъ, закатъ солнца.

На дорогѣ телѣга, запряженная двумя волами... и наполненная сѣномъ, на которомъ лежитъ на животѣ старикъ, опершись подбородкомъ на руки. Профиль чернымъ силуэтомъ выдѣляется на закатѣ. Быковъ ведетъ мальчишка.

Это должно быть просто, величественно, поэтично, и т. д. и т. д.

Окончивъ это и двѣ или три изъ начатыхъ небольшихъ картинокъ, я ѣду въ Іерусалимъ, гдѣ проведу зиму ради моей картины и моего здоровья.

И въ будущемъ маѣ Бастьенъ признаетъ меня великой художницей.

Я разсказываю все это потому, что интересно видѣть, что дѣлается съ нашими проектами.

Суббота, 12 апрѣля. Жуліанъ пишетъ, что моя картина переставлена.

Среда, 30 апрѣля. Несчастье не такъ уже велико, такъ какъ *Gaulois* говоритъ обо мнѣ очень хорошо. **Обо мнѣ** отдѣльная замѣтка. Это большой шикъ, ибо Фуко, тотъ же Вольфъ въ *Gaulois* и *Gaulois* появляется съ отчетомъ о Салонѣ въ одинъ день съ **Фигаро** и, кажется, имѣетъ такое же значеніе.

Voltaire печатаетъ замѣтку въ томъ же родѣ и отзывается обо мнѣ какъ и *Gaulois*. Это главные органы.

Journal des Arts, который печатаетъ отчетъ «съ птичьяго полета», также называетъ меня. *Intransigeant* въ своей замѣткѣ отзывается обо мнѣ тоже хорошо. Другіе журналы тоже мало-по-малу дадутъ свои отзывы. Только **Фигаро,** *Gaulois* и дѣлаютъ это въ первое же утро выставки.

Довольна ли я? Это вопросъ простой. Ни слишкомъ довольна, ни слишкомъ недовольна...

Довольна какъ разъ на столько, что не прихожу въ отчаяніе, вотъ и все.

Я вернулась изъ Салона. Мы поѣхали туда только въ полдень, а вернулись только въ 5 часовъ, за часъ до окончанія. У меня мигрень.

Мы долго сидѣли на скамейкѣ, передъ картиной.

На нее смотрятъ много. Мнѣ было смѣшно, когда я думала, что всѣ эти люди никакъ бы не подумали, что создатель этой картины молодая, элегантная дѣвушка, которая сидитъ тутъ же, показывая свои маленькія и хорошо обутыя ножки.

А! это гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году.

Что же это, успѣхъ? въ **настоящемъ, серьезномъ** смыслѣ разумѣется? Честное слово, почти что такъ.

Бастьенъ-Лепажъ выставилъ только свою маленькую прошлогоднюю картину: **Кузницу.**

Онъ все еще не настолько здоровъ, чтобы работать. Бѣдный архитекторъ очень печаленъ и говоритъ, что готовъ утопиться.

Я тоже печальна и мнѣ кажется, что, несмотря на мою живопись, на мою скульптуру, на мою музыку, мою литературу, несмотря на все это, мнѣ кажется, что я скучаю.

Суббота, 3 мая. Въ половинѣ двѣнадцатаго является Эмиль Бастьенъ-Лепажъ, я выхожу къ нему очень удивленная! У него цѣлый запасъ любезностей для меня. Я имѣю **настоящій большой успѣхъ.**

— Не въ отношеніи къ вамъ и вашимъ товарищамъ по мастерской, но относительно всѣхъ. Я видѣлъ вчера Олендорфа, который сказалъ мнѣ, что если бы эта картина была написана французомъ, то она была бы куплена государствомъ. — «О, да, этотъ г. М. Башкирцевъ, очень способный человѣкъ». (Картина подписана М. Башкирцевъ). Тогда я сказалъ ему, что вы молодая дѣвушка и прибавилъ «хорошенькая». «Нѣтъ»!!. онъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. И всѣ говорятъ мнѣ о большомъ успѣхѣ. Ахъ!! я начинаю этому понемногу вѣрить. Потому что изъ боязни повѣрить слишкомъ много, я позволяю себѣ чувствовать небольшое удовлетвореніе съ такими предосторожностями, о которыхъ вы не имѣете даже представленія.

Я послѣдняя повѣрю, что въ меня вѣрятъ. Но кажется, что картина хороша.

— Настоящій и большой артистическій успѣхъ, говоритъ Эмиль Бастьенъ. Значитъ, какъ Жюль Бастьенъ въ 1874 или 1875 гг.? О! Создатель! Я еще не захлебнулась отъ радости, потому что я едва вѣрю этому.

Я должна была бы **захлебываться** отъ радости. Этотъ превосходный другъ просилъ меня подписать полномочіе для Шарля Бодъ, гравера, интимнаго друга его брата.

Этотъ Бодъ имѣетъ фотографію съ моей картины для *Monde Illustré*; это хорошо.

Онъ мнѣ сказалъ также, что Фріанъ (у котораго есть талантъ) **пришелъ въ восторгъ** отъ моей картины.

Люди, которыхъ я не знаю, говорятъ обо мнѣ, интересуются мною, судятъ меня. Какое счастье!!. Просто не вѣрится этому, хотя передъ этимъ я такъ желала и ждала этого.

Я хорошо сдѣлала, подождавъ давать полномочіе на снятіе фотографіи съ моей картины. У меня просили этого письменно, не знаю кто, еще третьяго дня. Мнѣ пріятнѣе позволить это Боду, кого Бастьенъ зоветъ Шарло и кому онъ пишетъ письма по восьми страницъ.

Сошла въ гостиную мамы принять поздравленія отъ всѣхъ этихъ дураковъ, которые думаютъ, что я занимаюсь живописью, какъ принято въ свѣтѣ, и которые расточаютъ тѣ же комплименты Алисѣ и другимъ дурочкамъ.

Такъ-то!

Мнѣ кажется, **мой успѣхъ** всѣхъ живѣе чувствуетъ Розалія. Она съума сходитъ отъ радости, говоритъ со мною, какъ старая кормилица, и разсказываетъ подробности направо и налѣво. Для нея нѣчто совершилось, произошло важное событіе.

Понедѣльникъ, 5 мая. Умереть, это слово легко сказать, написать, но думать, **вѣрить,** что скоро умрешь! А развѣ я **вѣрю** этому? Нѣтъ, но я **боюсь** этого.

Не къ чему скрывать: у меня чахотка. Правое легкое сильно поражено и лѣвое начинаетъ портиться понемногу уже въ продолженіе цѣлаго года. Обѣ стороны задѣты. При другомъ тѣлосложеніи я была бы почти худа. Конечно я полнѣе, чѣмъ большинство молодыхъ дѣвушекъ, но я не то, что было прежде. Однимъ словомъ, **я заражена** безвозвратно. Но, несчастное созданіе, заботься же о себѣ! Да, я забочусь и притомъ основательно. Я прижгла себѣ грудь съ обѣихъ сторонъ и мнѣ нельзя будетъ декольтироваться въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. И мнѣ придется время отъ времени повторять эти прижиганія, чтобы быть въ состояніи **спать.** О выздоровленіи не можетъ быть и рѣчи. Все написанное имѣетъ видъ преувеличенія; но нѣтъ, это только правда. Да и кромѣ мушекъ, столько есть разныхъ разностей! Я все исполняю. Тресковый жиръ, мышьякъ, козье молоко. Мнѣ купили козу.

Я могу протянуть, но все-таки я погибшій человѣкъ.

Я слишкомъ много волновалась и мучилась. Я умираю вслѣдствіе этого, это логично, но ужасно. Въ жизни такъ много интереснаго! Одно чтеніе чего стоитъ! Мнѣ принесли всего Зола, всего Ренана, нѣсколько томовъ Тэна; мнѣ лучше нравится **Революція** Тэна, чѣмъ Мишлэ; Мишлэ туманенъ и буржуазенъ, несмотря на его поклоненіе высокому.

А живопись! Вотъ когда хотѣлось бы вѣрить въ добраго Бога, который является и все устраиваетъ.

Вторникъ, 6 мая. Литература заставляетъ меня терять голову. Я читаю Зола цѣликомъ. Это гигантъ.

Милые французы, вотъ еще одинъ, котораго вы не хотите понять!

Среда, 7 мая. Получила отъ Дюссельдорфа просьбу отгравировать и отпечатать мою картину, а также и другія мои картины, если я найду это удобнымъ. Забавно.

Со времени открытія Салона не было ни одного журнала, который бы не говорилъ о моей картинѣ; да, но все-таки это еще не то! Сегодня утромъ *Etincelle* пишетъ статейку **Свѣтскія женщины-живописцы.**

Это чудесно! — Я слѣдую тотчасъ же за Кларой, и обо мнѣ столько же строкъ, какъ о ней! — Я Грезъ, я блондинка съ рѣшительнымъ лбомъ, какъ у существа, которое будетъ чѣмъ-нибудь, у меня глубокіе глаза! Я очень элегантна, у меня талантъ и я **хорошій** реалистъ, въ родѣ Бастьенъ-Лепажа. Такъ! Это еще не все, — у меня притягательная улыбка и грація ребенка!!! И я не въ восторгѣ? — Ну, такъ знайте-же: нисколько!

Пятница, 9 мая. Я читаю и обожаю Зола! Его критическіе статьи и этюды превосходны: я влюблена въ нихъ до безумія. Можно все сдѣлать, чтобы понравиться такому человѣку! И вы считаете меня способной къ любви, какъ всѣхъ другихъ. О, Господи!

Бастьена-Лепажа я любила, какъ люблю Зола, котораго я никогда не видѣла, которому 44 года, у котораго есть жена и брюшко. Спрашиваю васъ, неужели не смѣшны до безобразія эти свѣтскіе люди, за которыхъ выходятъ замужъ? Что бы я стала говорить съ подобнымъ господиномъ въ теченіе цѣлаго дня?

Эмиль Бастьенъ обѣдалъ у насъ и сказалъ, что въ четвергъ придетъ ко мнѣ съ довольно извѣстнымъ любителемъ, г. Г.

У него есть картины Делакруа, Коро, Бастьена-Лепажа; онъ умѣетъ распознавать будущихъ великихъ художниковъ.

— Какъ вы это находите?

— Это очень хорошо, вы знаете художника? Что, онъ молодъ?.. и т. д. и т. д.

Этотъ Г. слѣдитъ за мною съ прошлаго года, замѣтивъ мою пастель и мою теперешнюю картину...

Словомъ, они придутъ въ четвергъ... Онъ хочетъ купить у меня что-нибудь.

Понедѣльникъ, 12 мая. Послѣ холодовъ наступили вдругъ жаркіе дни: уже три дня 28, 29 градусовъ.

Жара изводитъ меня. Я кончаю этюдъ дѣвочки въ саду, въ надеждѣ на визитъ любителя.

По всѣмъ признакамъ у Бастьена-Лепажа ракъ въ желудкѣ. Такъ онъ значитъ погибъ? Можетъ быть, это еще ошибка. Бѣдняга не можетъ спать. Это нелѣпо! А его дворникъ, вѣроятно, пользуется отличнымъ здоровьемъ. Это нелѣпо!

Четвергъ, 15 мая. Въ 10 часовъ утра явился Эмиль Бастьенъ вмѣстѣ съ г. Г.

Не странно ли это? Мнѣ это кажется невѣроятнымъ. Я — артистъ и у меня есть талантъ. И это серьезно. И вотъ человѣкъ, какъ г. Г., приходитъ ко мнѣ, интересуется моими работами; возможно ли это?

Суббота, 17 мая. Я вернулась изъ Булонскаго лѣса и застала Багницкаго, который сказалъ мнѣ, что у художника Боголюбова говорили о Салонѣ; и что кто-то сказалъ, что моя картина **похожа** на картины Бастьенъ-Лепажа.

Въ общемъ, мнѣ лестны всѣ эти толки о моей картинѣ. Мнѣ завидуютъ, обо мнѣ сплетничаютъ, я что-то изъ себя представляю. Позвольте же мнѣ порисоваться немножко, если мнѣ этого хочется.

Но нѣтъ, говорю вамъ: развѣ это не ужасно и развѣ можно не огорчаться? Шесть лѣтъ, шесть лучшихъ лѣтъ моей жизни я работаю, какъ каторжникъ; не вижу никого, ничѣмъ не пользуюсь въ жизни! Черезъ шесть лѣтъ я создаю хорошую вещь и еще смѣютъ говорить, что мнѣ помогали! Награда за такіе труды обращается въ ужасную клевету!!!

Я говорю это, сидя на медвѣжьей шкурѣ, опустивъ руки, говорю искренно и въ то же время рисуюсь. Мама понимаетъ меня буквально, и отъ этого я прихожу въ отчаяніе.

Вотъ вамъ мама. Предположите, что почетную медаль дали X... Конечно, я кричу, что это недостойно, позорно, я возмущена, я въ ярости и т. д. Мама: «да нѣтъ-же, нѣтъ, не волнуйся такъ. Господи, да она не получила награды! Это неправда! А если ей ее и дали, то только нарочно: всѣ знаютъ,

что ты придешь въ бѣшенство. Это сдѣлано нарочно, а ты даешь провести себя, какъ дурочка! Полно же!»

Это не преувеличено, это только преждевременно: дайте только X. получить почетную медаль, и вы увидите, что она скажетъ все это.

Другой примѣръ. Жалкій романъ Y***, который теперь въ модѣ, выдерживаетъ нѣсколько изданій. Разумѣется, я негодую: такъ вотъ пища большинства, вотъ что любитъ толпа! *O tempora! O mores!* Я готова побиться объ закладъ, что мама начнетъ ту же тираду, какъ въ предыдущемъ случаѣ! Это случалось уже не разъ. Она боится, что я сломаюсь, что я умру отъ малѣйшаго толчка, и въ своей наивности хочетъ предохранить меня такими средствами, отъ которыхъ у меня можетъ сдѣлаться горячка.

Приходитъ X., Y или Z; и говоритъ: — знаете, балъ у Ларошфуко былъ великолѣпенъ.

Я дѣлаюсь мрачной.

Мама это видитъ и черезъ пять минутъ разсказываетъ, при мнѣ что-нибудь, что должно разочаровать меня относительно этого бала; еще хорошо, если она не начнетъ увѣрять меня, что бала совсѣмъ не было.

Постоянно ребяческія выдумки и уловки, а я бѣшусь, что могутъ считать меня такой легковѣрной.

Вторникъ, 20 мая. Въ десять часовъ была въ Салонѣ съ Г. Онъ говоритъ, что моя картина такъ хороша, что мнѣ навѣрно помогали.

Это ужасно!

Онъ осмѣливается также сказать, что Бастьенъ никогда не умѣлъ сдѣлать картины, что онъ пишетъ портреты, что его картины — тѣ же портреты, что онъ не можетъ писать нагого тѣла.

Оттуда мы направились къ Роберу-Флери. Я съ волненіемъ разсказываю ему, что меня обвиняютъ въ томъ, что я не сама написала мою картину.

Онъ объ этомъ не слышалъ; онъ говоритъ, что въ jury объ этомъ не было и рѣчи и что если бы подняли объ этомъ вопросъ, онъ бы заступился. Онъ думаетъ, что мы гораздо болѣе взволнованы, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и мы уводимъ его завтракать къ намъ, чтобы онъ успокоилъ и утѣшилъ насъ. — Какъ можно такъ волноваться изъ-за всего? Такую грязь можно отшвыривать ногами.

— Я бы желалъ, чтобы при мнѣ сказали такую вещь въ jury, восклицалъ онъ, — я бы тогда показалъ имъ! Если бы кто-нибудь осмѣлился сказать, это, я бы уничтожилъ его тутъ же, на мѣстѣ!

— О, благодарю васъ.

— Нѣтъ, здѣсь дѣло совсѣмъ не въ дружбѣ, тутъ дѣло въ истинѣ, которая мнѣ извѣстна лучше, чѣмъ кому-либо.

Онъ еще повторяетъ намъ эти вещи, говоритъ, что я имѣю шансы получить медаль, ибо никогда нельзя знать заранѣе; кажется, у меня даже много шансовъ на это.

Суббота, 24 мая. Жарко, и я устала, *France Illustrée* проситъ позволенія воспроизвести мою картину. О томъ же проситъ какой-то Лекардъ. Я подписываю и подписываю: воспроизводите!

Думаю, что медали достанутся картинамъ, которыя хуже моей! Это очевидно. О! я совершенно спокойна: настоящій талантъ выбьется во что-бы то ни стало: но это будетъ запаздываніемъ и это скучно. Я предпочитаю не разсчитывать на это. Отзывъ мнѣ обѣщали навѣрно; медаль еще сомнительна, но это будетъ несправедливо!

Вторникъ, 27 мая. Кончено. Я ничего не получила. Но это ужасно досадно; я надѣялась до сегодняшняго утра. И если бы вы знали, за какія вещи назначены медали!!!

Но почему это не приводитъ меня въ отчаяніе? Я очень удивляюсь. Если моя картина хороша, почему я не получаю награды?

Скажутъ, что это каверзы...

Все равно, если это хорошо, какъ же случилось, что картина не получила награды? Я не хочу прикидываться благородною наивностью, которая не подозрѣваетъ, что существуютъ интриги; но мнѣ кажется, что за хорошую вещь...

Такъ значитъ это вещь плохая? Нѣтъ.

У меня есть глаза даже для самой себя... и потомъ отзывы другихъ! А сорокъ журналовъ!

Четвергъ, 29 мая. Благодаря лихорадкѣ, продолжавшейся всю ночь, я нахожусь сегодня въ состояніи какого-то бѣшенаго раздраженія, въ состояніи, отъ котораго хоть съ ума сойти. Все это, разумѣется, не изъ-за медали, а изъ-за безсонной ночи.

Къ чему влачить это жалкое существованіе? Смерть дастъ

по крайней мѣрѣ возможность узнать, что такое представляетъ изъ себя эта пресловутая «будущая жизнь».

Пятница, 30 мая. Я нахожу, что съ моей стороны очень глупо не заняться единственной вещью, стоющей того, единственной вещью, дающей счастье, заставляющей забывать всѣ горести — любовью; да, любовью — само собой разумѣется.

Два любящихъ существа представляются другъ другу абсолютно совершенными въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, особенно въ нравственномъ. Человѣкъ, любящій васъ, дѣлается справедливъ, добръ, великодушенъ и готовъ съ полнѣйшей простотой совершать самые геройскіе подвиги.

Двумъ любящимъ существамъ вся вселенная представляется чѣмъ-то чудеснымъ и совершеннымъ, словомъ тѣмъ, чѣмъ представляли ее себѣ такіе философы, какъ Аристотель и я! Вотъ въ чемъ, по моему, заключается великая притягательная сила любви.

При родственныхъ отношеніяхъ, въ дружбѣ, въ свѣтѣ — вездѣ проглядываетъ такъ или иначе какой-нибудь уголокъ свойственной людямъ грязи: тамъ промелькнетъ своекорыстіе, тамъ глупость, тамъ зависть, низость, несправедливость, подлость. Да и потомъ лучшій другъ имѣетъ свои, никому не доступныя мысли, и, какъ говоритъ Мопассанъ, человѣкъ всегда **одинъ**, потому что онъ не можетъ проникнуть въ сокровенныя мысли своего лучшаго друга, стоящаго прямо противъ него, глядящаго ему въ глаза и изливающаго передъ нимъ свою душу.

Ну, а любовь совершаетъ чудо сліянія двухъ душъ... Правда, любовь открываетъ просторъ иллюзіямъ; но что за бѣда. **То, что представляется существующимъ, существуетъ!** Это ужъ я вамъ говорю! Любовь даетъ возможность представить себѣ міръ такимъ, какимъ бы онъ долженъ былъ быть...

Суббота, 31 мая. В. приходитъ сообщить мнѣ, что мнѣ не дали медали за то, что я надѣлала столько шуму изъ-за прошлогодняго «отзыва» и громогласно называла jury — идіотскимъ. Это правда, что я такъ говорила.

Моя живопись можетъ быть недостаточно широка и свободна, но вѣдь иначе — **Митингъ** былъ бы настоящимъ chef-d'oeuvr'омъ. А развѣ для какой-нибудь маленькой третьей медали нужны chef-d'oeuvr'ы? Гравюра Бода появилась вмѣстѣ съ замѣткой, въ которой говорится, что публика

возмущается тѣмъ, что меня обошли медалью. Моя живопись суха? Но вѣдь это же говорятъ и про Бастьена.

Воскресенье, 1 іюня. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я ничего не дѣлаю. Со вчерашняго утра читаю Сюлли Прюдома. У меня подъ рукой два тома; и онъ мнѣ очень нравится.

Мнѣ очень мало дѣла до самыхъ стиховъ; мнѣ до нихъ есть дѣло только тогда, когда они плохи и затрудняютъ самое чтеніе: значеніе для меня имѣетъ только выражаемая ими идея. Угодно имъ риѳмовать — пусть себѣ риѳмуютъ. Только чтобы это не било въ глаза... И такъ, тонкія идеи Сюлли Прюдома безконечно мнѣ нравятся. Есть у него одна сторона — очень возвышенная, почти отвлеченная, очень тонкая, очень сильная, вполнѣ совпадающая съ моимъ образомъ чувствъ.

Я только что прочла, то лежа на диванѣ, то прохаживаясь по балкону, предисловіе и самую книгу Лукреція: *De natura rerum*. Тѣ, кто знаютъ эту вещь, поймутъ меня.

Для того, чтобы понять все, требуется большое напряженіе ума. Эта вещь должна читаться съ трудомъ даже тѣмъ, кто привыкъ возиться съ такого рода предметами. Я все поняла, моментами оно ускользало, но я возвращалась и заставляла себя усвоить. Я должна очень уважать Сюлли-Прюдома за то, что онъ написалъ вещь, дающуюся мнѣ съ такимъ трудомъ. Онъ владѣетъ и распоряжается всѣми этими идеями, какъ я распоряжаюсь моими красками. Онъ значитъ тоже долженъ былъ-бы имѣть благоговѣйное уваженіе ко мнѣ, создающей **посредствомъ какихъ-то грязныхъ красокъ** — какъ говоритъ антипатичный Теофиль Готье — лица, отражающія человѣческія чувствованія, картины, передающія природу, деревья, воздухъ, даль. Самъ-то онъ, конечно, считаетъ себя въ тысячу разъ выше какого-нибудь художника, хотя его раскапыванье механизма человѣческой мысли въ сущности совершенно безполезно. Что въ самомъ дѣлѣ даетъ онъ себѣ и другимъ этимъ способомъ?

Какимъ образомъ работаетъ умъ, давая имена всѣмъ этимъ внутреннимъ движеніямъ, быстрымъ до неуловимости... Я, бѣдная невѣжда, думаю, что вся эта философія никого ничему не научитъ; это изысканіе — занятіе утонченное и трудное, но только къ чему оно? Развѣ благодаря умѣнью давать имена всѣмъ этимъ отвлеченнымъ чудеснымъ вещамъ создаются геніи, оставляющіе прекрасныя книги, или замѣчательные люди, мыслящіе во главѣ вселенной?

Если бы я получила разумное воспитаніе, изъ меня вышло бы нѣчто очень замѣчательное. Я всему училась сама, я сама составила планъ моихъ занятій съ учителями лицея въ Ниццѣ — отчасти благодаря какой-то интуиціи, отчасти благодаря тому, что я вычитала изъ книгъ. Я хотѣла знать такую-то и такую-то вещь. Потомъ я научилась читать по-гречески и по-латыни, прочла французскихъ и англійскихъ классиковъ, да современныхъ писателей — вотъ все. Но это какой-то хаосъ, какъ я ни стараюсь упорядочить все это изъ любви къ гармоніи во всемъ.

Четвергъ, 5 іюня. Пратеръ умеръ. Онъ выросъ со мной вмѣстѣ, мнѣ купили его въ 1870 г. въ Вѣнѣ; ему было всего три недѣли, и онъ постоянно забивался за сундуки, въ бумагу отъ покупокъ, которыя мы дѣлали.

Онъ былъ преданной, вѣрной собакой; онъ плакалъ, когда я выходила и цѣлыми часами поджидалъ меня, сидя на окошкѣ. А потомъ, въ Римѣ, я самымъ глупѣйшимъ образомъ увлеклась другой собакой, и Пратеръ перешелъ къ мамѣ, не переставая ревновать меня, со своей желтой львиной шерстью и чудесными глазами. Когда я только подумаю теперь о моемъ безсердечіи!..

О, я очень мила со всѣми моими нѣжными чувствами! О, подлый характеръ, я плачу надъ этими строками и не могу удержаться отъ мысли, что слѣды моихъ слезъ на бумагѣ послужатъ доказательствомъ доброты моего сердца въ глазахъ моихъ читателей...

Воскресенье, 8 іюня. На вечерѣ въ посольствѣ я была настолько хороша, на сколько только способна. Платье производило очаровательнѣйшій эффектъ. И лицо расцвѣло, какъ бывало въ Ниццѣ или въ Римѣ. Люди, видящіе меня ежедневно, рты разинули отъ удивленія.

Мы пріѣхали довольно поздно. Я чувствовала себя очень спокойно и очень хорошо... Довольно много знакомыхъ. Madame А., которую я встрѣчала у Г... и которая мнѣ не кланялась, раскланивается со мной любезнѣйшимъ образомъ. Я была подъ руку съ Г., который представляетъ мнѣ Менабреа, итальянскаго министра. Мы разговариваемъ объ искусствѣ. Потомъ Лессепсъ разсказываетъ мнѣ длиннѣйшую исторію о ребятахъ и кормилицахъ и о дѣйствіяхъ на Суэзскомъ каналѣ. Мы проболтали съ нимъ довольно долго.

Потомъ я говорила съ бывшими тамъ художниками; они всѣ пожелали мнѣ представиться, очень мною заинтересованные. Но я была такъ красива и такъ хорошо одѣта, что они вынесутъ убѣжденіе въ томъ, что я не очень-то самостоятельно пишу свои картины. Тамъ были Шереметьевъ, Леманъ, пожилой человѣкъ, очень симпатичный, значительный талантъ и, наконецъ, Эдельфельдъ — тоже не безъ таланта. Вообще все шло очень хорошо. Вы видите, что главное — быть красивой. Это даетъ все остальное.

Вторникъ, 10 іюня. Боже мой, до чего это интересно... улица!.. Всѣ эти человѣческія физіономіи, всѣ эти индивидуальныя особенности, эти незнакомыя души, въ которыя мысленно погружаешься...

Вызвать къ жизни всѣхъ ихъ или, вѣрнѣе, схватить жизнь каждаго изъ нихъ! Дѣлаютъ же художники какой-нибудь «бой римскихъ гладіаторовъ», которыхъ и въ глаза не видали — съ парижскими натурщиками. Почему бы не написать «борцовъ Парижа» съ французской черныо. Черезъ пять, шесть вѣковъ это сдѣлается «античнымъ», и глупцы того времени воздадутъ этому произведенію должное почтеніе.

Была въ Севрѣ, но скоро возвратилась. Натурщица моя совсѣмъ не подходитъ для деревенской дѣвушки, и я опять возьму нашу судомойку. Съ этой Армандиной дѣло не пойдетъ на ладъ: очень ужъ отдаетъ отъ нея балетомъ. И это я-то, претендующая на изображеніе нравственнаго міра человѣка, чуть было не написала маленькую потаскушку въ крестьянскомъ платьѣ... Нѣтъ мнѣ нужно настоящую здоровенную дивчину, которая не то дремлетъ, не то мечтаетъ на жаркомъ воздухѣ и которой завладѣетъ первый встрѣчный парень.

Но эта Армандина — вотъ идеальная глупость! Я стараюсь заставить ее разговаривать. Когда глупость не сердитъ, она забавляетъ. Слушаешь себѣ съ благосклонной любознательностью и наблюдаешь нравы! Всѣ эти наблюденія я дополняю моей интуиціей, которую, если позволите, я назову по-истинѣ замѣчательной.

Пятница, 20 іюня. Архитекторъ пишетъ мнѣ изъ Алжира. Мое письмо оканчивалось тремя нашими портретами, каждый съ медалью на шеѣ. Жюль съ почетной медалью; я— съ первой медалью, архитекторъ — со второй. Я послала ему, между прочимъ, фотографическій снимокъ съ **Митинга.** Онъ говоритъ, что показывалъ его брату, который былъ очень

радъ составить себѣ понятіе о картинѣ, про которую ему столько наговорили; онъ находитъ, что она очень хороша, и воскликнулъ даже:

— Какъ это глупо, что они не дали ей медали. Я нахожу, что эта картина безусловно удачна! — Онъ хотѣлъ бы самъ написать мнѣ, но это невозможно, онъ слишкомъ страдаетъ. Но несмотря на это, онъ рѣшилъ выѣхать сюда, считая съ сегодняшняго дня черезъ восемь дней. Онъ проситъ архитектора передать мнѣ его дружескія пожеланія и поблагодарить меня за вышивку.

Годъ тому назадъ я была бы на седьмомъ небѣ отъ радости. Онъ хотѣлъ бы написать мнѣ! Но я радуюсь только... заднимъ числомъ, потому что теперь это для меня почти все равно.

Въ концѣ его письма — тоже моя голова съ почетной медалью за 1886 годъ.

Онъ будетъ тронутъ той деликатной манерой, которой я стараюсь въ моемъ письмѣ утѣшить его брата; письмо начиналось серьезно, потомъ шли «слова ободренія», и все это заканчивалось шутками, наиболѣе привычной для меня манерой разговаривать.

Среда, 25 іюня. Перечтите мои тетради 1875, 1876 и 1877 гг. На что я тамъ только ни жалуюсь; это постоянное стремленіе къ чему-то... неопредѣленному. Я сидѣла каждый вечеръ, разбитая и обезсиленная этимъ постояннымъ исканіемъ, **что дѣлать,** со своей яростью и отчаяніемъ. Поѣхать въ Италію? Остаться въ Парижѣ? Выйти замужъ? Взяться за живопись? Что сдѣлать съ собой? Уѣзжая въ Италію, я не была бы уже въ Парижѣ, а это была жажда — быть заразъ повсюду!! Сколько во всемъ этомъ было силы!!!

Будь я мужчиной, я покоряла бы Европу. Въ моей роли молодой дѣвушки я расходовалась только на безумныя словоизліянія и эксцентрическія выходки...

Бываютъ дни, когда наивно считаешь себя способной ко всему. «Если бы хватало времени, я была бы скульпторомъ, писательницей, музыкантшей»...

Какой-то внутренній огонь пожираетъ васъ. А смерть ждетъ въ концѣ концовъ, неизбѣжная смерть, — все равно, буду ли я горѣть своими неисполнимыми желаніями или нѣтъ.

Но если я ничто, если мнѣ суждено быть ничѣмъ, почему

эти мечты о славѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сознаю себя? И что означаютъ эти вдохновенные порывы къ великому, къ величію, представлявшемуся мнѣ когда-то въ формѣ богатствъ и титуловъ? Почему — съ тѣхъ поръ, какъ я была способна связать двѣ мысли, съ четырехъ лѣтъ, живетъ во мнѣ эта потребность въ чемъ-то великомъ, славномъ... смутномъ, но огромномъ?.. Чѣмъ я только ни перебывала въ моемъ дѣтскомъ воображеніи!.. Сначала я была танцовщицей — знаменитой танцовщицей Петипа, обожаемой Петербургомъ. Каждый вечеръ я надѣвала открытое платье, убирала цвѣтами голову и съ серьезнѣйшимъ видомъ танцовала въ залѣ, при стеченіи всей нашей семьи. Потомъ я была первой пѣвицей въ мірѣ. Я пѣла, аккомпанируя себѣ на арфѣ, и меня уносили съ тріумфомъ... не знаю кто и куда. Потомъ я электризовала массы силой моего слова... Императоръ женился на мнѣ, чтобы удержаться на тронѣ, я жила въ непосредственномъ общеніи съ моимъ народомъ, я произносила передъ нимъ рѣчи, выясняя ему свою политику, и народъ былъ тронутъ мною до слезъ... Словомъ, во всемъ, во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ чувствахъ и человѣческихъ удовлетвореніяхъ я искала чего-то неправдоподобно-великаго... И если это не можетъ осуществиться, лучше ужъ умереть...

Пятница, 27 іюня. Мы собирались ѣхать кататься въ Булонскій лѣсъ, когда архитекторъ подошелъ къ коляскѣ: они пріѣхали сегодня утромъ, и онъ пришелъ сказать, что Жюлю немного лучше, хотя онъ еще не можетъ выходить. Ему бы такъ хотѣлось разсказать мнѣ объ успѣхѣ моей картины у всѣхъ, кому онъ показывалъ въ Алжирѣ фотографическій снимокъ съ нея.

— Въ такомъ случаѣ, мы навѣстимъ его завтра, — говоритъ мама.

— Вы не можете доставить ему большаго удовольствія. Онъ говоритъ, что ваша картина... впрочемъ нѣтъ, онъ самъ вамъ скажетъ, это будетъ лучше.

Суббота, 28 іюня. И такъ, мы отправляемся въ улицу Лежандръ.

Онъ встаетъ, чтобы принять насъ, и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ; онъ показался мнѣ какъ бы сконфуженнымъ своей перемѣной. Очень измѣнился, о, очень измѣнился! Но онъ боленъ не желудкомъ, я не докторъ, но это видно

по лицу. Я нашла его настолько измѣнившимся, что только и проговорила:

— Ну, вотъ вы и пріѣхали.

Въ немъ нѣтъ ничего отталкивающаго. Онъ былъ тотчасъ же такъ милъ, такъ дружелюбно, такъ благосклонно говорилъ о моей живописи, постоянно повторяя, чтобы я не заботилась о медаляхъ и довольствовалась успѣхомъ.

Я смѣшу его, говоря ему, что болѣзнь пошла ему впрокъ, потому что онъ начинаетъ теперь толстѣть. Архитекторъ казался въ восторгѣ, видя своего больного такимъ веселымъ и милымъ... И, ободрившись, я становлюсь болтлива. Онъ посадилъ меня у своихъ ногъ, на длинномъ стулѣ... Бѣдныя похудѣвшія ноги!.. Глаза, увеличившіеся и страшно ясные, спутанные волосы...

Но онъ очень интересенъ, и такъ какъ онъ просилъ меня объ этомъ, я пойду еще разъ.

Архитекторъ, провожавшій насъ до низу, также просилъ меня объ этомъ. «Это доставляетъ такое большое удовольствіе Жюлю, онъ такъ радъ васъ видѣть; онъ говоритъ, что у васъ большой талантъ, ей-Богу...»

Я такъ подчеркиваю его хорошій пріемъ, потому что я очень довольна этимъ.

Но это, какъ бы материнское чувство — очень спокойное, очень нѣжное, и я горжусь имъ какъ силой.

Понедѣльникъ, 30 іюня. Мнѣ стоило такихъ усилій удержаться, чтобы не прорвать моего холста ударомъ ножа. Ни одинъ уголокъ не вышелъ такъ, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Остается еще сдѣлать руку! А когда рука будетъ сдѣлана, придется еще столько передѣлывать!!! Этакое проклятіе.

И три мѣсяца, три мѣсяца.

Нѣтъ!!!

Я забавлялась, составляя корзинку земляники, какихъ обыкновенно нигдѣ не увидишь. Я набрала сама, съ длинными стеблями, настоящія вѣточки, и вмѣстѣ съ зелеными, изъ любви къ краскамъ... и потомъ листьевъ... Словомъ чудеснѣйшая земляника, собранная руками художницы со всевозможной изысканностью и кокетствомъ, какъ когда дѣлаешь вещь совершенно непривычную... И потомъ еще цѣлая вѣтка красной смородины.

Я ѣхала такъ по улицамъ Севра и въ конкѣ, старательно поддерживая корзинку на воздухѣ, чтобы вѣтеръ обвѣвалъ

ее, и не побекли бы отъ жары ягоды, изъ коихъ не было ни одной съ пятномъ или царапиной. Розалія смѣялась; если бы кто-нибудь изъ домашнихъ увидѣлъ васъ, барышня!

Возможно ли!..

Но это онъ своей живописью заслуживаетъ моего вниманія, а не своей особой. Но его живопись заслуживаетъ всевозможнаго вниманія!.. Такъ значитъ, это его картина будетъ ѣсть землянику?..

Вторникъ, 1 іюля. Опять этотъ ужасный Севръ!

Но я возвращаюсь рано — къ пяти часамъ. Картина почти кончена.

Но смертельная тоска мучитъ меня; ничто не идетъ у меня на ладъ.

До сихъ поръ послѣ дней самой ужасной тоски, всегда находилось что-нибудь, вновь призывавшее меня къ жизни. О, Господи, зачѣмъ Ты допускаешь меня разсуждать! Мнѣ такъ хотѣлось бы вѣрить безусловно. Я и вѣрю и не вѣрю. Когда я размышляю, я не могу вѣрить.

Но въ минуты горя или радости — первая мысль моя обращена къ Богу.

Четвергъ, 3 іюля. Сегодня въ семь часовъ утра я была у Потена. Онъ осмотрѣлъ меня довольно небрежно и посылаетъ въ *Eaux-Bonnes*. Посмотримъ еще. Но я прочла письмо, которое онъ посылалъ своему товарищу на водахъ; я его преспокойно распечатала. Онъ пишетъ, что верхушка праваго легкаго попорчена, и что я самая безалаберная и безпечная больная въ мірѣ.

Потомъ, такъ какъ еще не было восьми часовъ, я отправляюсь къ маленькому доктору въ улицу Лишенье. Онъ показался мнѣ серьезнымъ малымъ, потому что мое состояніе вызываетъ въ немъ замѣтное непріятное удивленіе, и онъ очень настаиваетъ, чтобы я пошла къ царю-науки — какому-то тамъ Бушару Гранше. Онъ говоритъ, что теперь это осложненіе моей хронической болѣзни... Вообще, онъ во что-бы то ни стало хочетъ тащить меня къ этому Гранше.

Пойду.

Чахотка! Скажите на милость!

Это, да и все остальное, да и вообще все... не Богъ вѣсть какъ забавно!

И ничего хорошаго, ничего, что могло бы меня утѣшить хоть немножко.

Парижъ, 4 іюля. Она здѣсь, въ мастерской, моя Севрская картина. Можно назвать ее **Апрѣль.** Это безразлично; только этотъ апрѣль кажется мнѣ изъ рукъ вонъ плохимъ!!!

Фонъ ярко-зеленый и въ то же время какой-то грязноватый.

Женщина совсѣмъ не то, что мнѣ хотѣлось сдѣлать, совсѣмъ не то.

Я ее намазала такъ себѣ, но это вовсе не то чувство, которое я хотѣла выразить, вовсе не то. Три мѣсяца канули въ воду!

Суббота, 4 іюля. У меня хорошенькое платье изъ сѣрой холстинки, съ корсажемъ въ родѣ рабочей блузы, безъ всякаго украшенія, кромѣ кружева на воротникѣ и рукавахъ; идеальная шляпа съ большимъ кокетливымъ кружевнымъ бантомъ въ старинномъ вкусѣ. Все это такъ идетъ ко мнѣ, что я почувствовала большое желаніе отправиться въ улицу Лежандръ... Только очень ужъ часто... Ну, такъ что-жъ! Нужно ходить по просту, по товарищески, въ качествѣ его почитательницы! онъ вѣдь такъ боленъ.

И такъ мы отправляемся туда. Мать его въ восторгѣ, похлопываетъ меня по плечу, хвалитъ мои волосы... Великому художнику немного лучше. Онъ ѣстъ передъ нами свой бульонъ и яйцо; мать его суетится, сама приноситъ то или другое, чтобы не входилъ слуга; она сама прислуживаетъ ему. Онъ находитъ все это въ порядкѣ вещей и принимаетъ наши услуги вполнѣ хладнокровно, ничему не удивляясь. Говоря о томъ, какъ онъ выглядитъ, кто-то сказалъ, что онъ долженъ былъ бы подстричь волосы, а мама разсказываетъ, что она стригла волосы своему сыну, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и своему отцу во время его болѣзни.

— Хотите я васъ подстригу, у меня рука легкая!

Всѣ смѣются, но онъ тотчасъ же соглашается; мать его приноситъ накидку, мама приступаетъ къ дѣлу, и выходитъ изъ него съ честью. Я тоже хотѣла стригнуть одинъ разокъ, но это чудище говоритъ, что я выкину какую-нибудь глупость, и я льщу ему, сравнивая его съ Самсономъ, остриженнымъ Далилой! Это моя слѣдующая картина.

Онъ усмѣхается.

Братъ его предлагаетъ также подрѣзать бороду и приступаетъ къ этому съ благоговѣніемъ, медленно съ нѣсколько дрожащими руками.

Это мѣняетъ его лицо, и онъ не кажется больше такимъ больнымъ и измѣнившимся, мать издаетъ радостные крики: Я опять вижу его, моего мальчика, мое милое дитя!

Что за славная женщина! Такая простая, добрая, преисполненная обожанія къ своему великому сыну... Такіе славные люди.

Понедѣльникъ, 14 іюля. Я начала курсъ лѣченія, которое должно возстановить меня. И я вполнѣ спокойна. И даже живопись пошла лучше.

Общественная скамья на Boulevard des Batignoles, или даже на avenue Wagram — всматривались ли вы въ нее, съ окружающемъ ее пейзажемъ и проходящими мимо людьми?! Чего только ни заключаетъ въ себѣ эта скамья, — какого романа, какой драмы!.. Неудачникъ, одной рукой облокотившійся о спинку скамьи, другую опустившій на колѣни, со взглядомъ, безцѣльно скользящимъ по поверхности предметовъ. Женщина и ребенокъ у нея на колѣняхъ. На первомъ планѣ женщина изъ простонародья. Приказчикъ изъ бакалейной лавки, присѣвшій, чтобы прочесть грошевую газетку. Задремавшій рабочій. Философъ или разочарованный, задумчиво курящій папироску... Быть можетъ, я вижу ужъ много, однако — всмотритесь хорошенько около пяти или шести часовъ вечера...

Вотъ оно! Вотъ оно! Мнѣ кажется, что я нашла; да, да. Быть можетъ, я не успѣю выполнить этой картины, но умъ мой успокоился. И я готова прыгнуть на одной ножкѣ.

Бываютъ, право, такія различныя минуты: иногда я рѣшительно ничего не вижу въ жизни, а потомъ съ новой силой вспыхиваетъ любовь ко всему окружающему.

Это какъ бы нахлынувшая волна...

А между тѣмъ не произошло ничего, чему можно было бы радоваться.

А! Ну, такъ вотъ же: буду находить веселыя прекрасныя стороны въ самой моей смерти; я была создана для счастья, но...

Pourquoi dans ton oeuvre céléste
Tant d'éléments si peu d'accord?..

Вторникъ, 15 іюня. Итакъ, я возвращаюсь къ своему прежнему проекту, который захватываетъ меня цѣликомъ каждый разъ, когда я вижу весь этотъ людъ на общественныхъ скамьяхъ. Всегда надо лучше брать для картины такія

сцены или фигуры, которыя не двигаются. Я само собой разумѣется, не ратую противъ воспроизведенія движенія въ искусствѣ, но только сцены бурныя не даютъ иллюзіи и истиннаго наслажденія для публики утонченной. Эти руки, поднятыя для удара и недвигающіяся, эти ноги, бѣгущія и оставшіяся на томъ же мѣстѣ, всегда производятъ какое-то тягостное впечатлѣніе, хотя это можетъ быть и безотчетно. Бываютъ однако положенія, очень оживленныя, въ которыхъ можно предположить **неподвижность** на нѣсколько секундъ —этого уже достаточно... И въ такихъ случаяхъ всегда лучше брать моментъ, слѣдующій за сильнымъ движеніемъ, чѣмъ предшествующій ему. Такъ, напр. Жанна д'Аркъ Бастьенъ-Лепажа: она услышала голоса, она бросилась куда-то впередъ, опрокинувъ свою прялку, и вдругъ остановилась, прислонясь спиной къ дереву... Но взгляните на сцены, гдѣ поднятыя руки какъ бы должны **дѣйствовать** — это можетъ быть очень сильно, но только никогда не дастъ полнаго удовлетворенія.

Или вотъ напр... **Раздача знаменъ императоромъ въ Версалѣ.** Всѣ бросаются, руки у всѣхъ подняты — однако это очень хорошо, потому что эти руки **ожидали;** и это васъ захватываетъ, трогаетъ, волненіе этихъ людей сообщается и вамъ, вы раздѣляете ихъ нетерпѣніе. Стремительность и движеніе тутъ поразительны, и именно потому, что **можно представить себѣ** моментъ остановки, когда всѣ они **замерли**, моментъ, когда вы можете **спокойно созерцать** эту сцену, какъ нѣчто **дѣйствительно существующее,** а не простую картину.

Но ничто не можетъ сравниться съ величіемъ сюжетовъ, изображающихъ покой — одинаково какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ.

Человѣкъ посредственнаго дарованія можетъ еще сдѣлать что нибудь съ драматическимъ сюжетомъ, но онъ ничего не подѣлаетъ съ сюжетомъ, изображающимъ покой.

Посмотрите на **Моисея** Микель-Анджело Онъ **неподвиженъ, но онъ живетъ. Его Мыслитель** не двигается, не говоритъ, но только потому, что еще не хочетъ говорить; это совершенно живой человѣкъ, погрузившійся въ свои мысли.

Pas-mèche Бастьенъ-Лепажа смотритъ на васъ и слушаетъ, и того гляди — заговоритъ, до того онъ живой. Въ его **Сѣнокосѣ** — человѣкъ, лежащій на спинѣ, съ лицомъ, закрытымъ шляпой, спитъ, но онъ живетъ. Сидящая и мечтающая

женщина не движется, и все-таки чувствуешь, что она живая. Только сюжетъ, изображающій покой, можетъ дать полное удовлетвореніе; онъ даетъ время вникнуть, углубиться въ него, прозрѣть въ немъ его жизнь.

Невѣжды воображаютъ, что это легче сдѣлать.

Скажите на милость!

«Я когда-нибудь умру отъ негодованія передъ безконечностью человѣческой глупости», какъ говоритъ Флоберъ. Вѣдь вотъ уже тридцать лѣтъ, что въ Россіи пишутъ дивныя вещи. Читая **Войну и миръ** Толстого, я была до того поражена, что воскликнула: да вѣдь это второй Зола!

Теперь, правда, они посвящаютъ, наконецъ, нашему Толстому этюдъ въ *Revue des deux mondes*, и мое русское сердце прыгаетъ отъ радости. Этотъ этюдъ принадлежитъ Вогюэ, который былъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ и, изучивъ литературу и нравы, посвятилъ уже нѣсколько этюдовъ моей великой прекрасной родинѣ. А ты, негодная! Ты живешь во Франціи и предпочитаешь быть иностранкой! Если ты такъ любишь свою прекрасную, великую, чудесную Россію, поѣзжай туда и работай тамъ. Но я работаю также во славу моей родины... если у меня со временемъ разовьется такой талантъ, какъ у Толстого.

Но если бы у меня не было моей живописи, я бы поѣхала! Честное слово, я бы поѣхала. Но моя работа поглощаетъ всѣ мои способности, и все остальное является только интермедіей, только забавой.

Понедѣльникъ, 21 іюня. Я гуляла болѣе четырехъ часовъ, отыскивая уголокъ, который могъ бы послужить фономъ для моей картины. Это улица или даже одинъ изъ внѣшнихъ бульваровъ; надо еще выбрать... Очевидно, что общественная скамья внѣшняго бульвара носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ скамья на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ садятся только консіержи, грумы, кормилицы съ дѣтьми, да еще какіе-нибудь хлыщи. Скамья внѣшняго бульвара представляетъ больше матеріала для изученія: тамъ больше души, больше драматизма!.. И какая поэзія въ одномъ этомъ неудачникѣ, присѣвшемъ на краю скамейки: въ немъ дѣйствительно видишь **человѣка...** Это достойно Шекспира...

И вотъ меня уже охватила безумная тревога передъ открытымъ мною сокровищемъ: если оно ускользнетъ отъ меня,

если я не смогу этого выполнить, если мнѣ не хватитъ времени, если... Послушайте, если у меня нѣтъ таланта, небо просто издѣвается надо мной, потому что оно заставляетъ меня переживать всѣ муки генія!..

Пятница, 1 августа. Когда я буду угощать васъ чувствительными фразами, не поддавайтесь слишкомъ большому впечатлѣнію. Изъ двухъ моихъ **я**, стремящихся къ жизни, одно говоритъ другому: — «А ну-ка, испытай что-нибудь...» И это другое **я**, готовое расчувствоваться, всегда подавлено первымъ **я**, «я» — зрителемъ, вѣчно стоящимъ на своемъ наблюдательномъ посту и стерегущимъ другого.

Неужели это всегда такъ будетъ?.. Какъ же любовь-то? Да знаете, мнѣ кажется, что это невозможно, когда вѣчно видишь человѣческую природу подъ микроскопомъ. Другіе — настоящіе счастливцы; они видятъ все какъ разъ настолько, насколько нужно.

А я... если угодно, я даже не живописецъ, не скульпторъ, не музыкантъ, не женщина, не подруга: **все** обращается для меня въ предметъ наблюденія, размышленія, анализа. Взглядъ, образъ, звукъ, радость, горе — все это немедленно изслѣдуется, взвѣшивается, провѣряется, классифицируется, отмѣчается, и когда я сказала или записала, я удовлетворена.

Суббота, 9 августа. Моя картина уже набросана красками. Но часто силы оставляютъ меня.

Я должна бросать кисти и лежа отдыхать; а когда я поднимаюсь, голова у меня такъ кружится, что на нѣсколько секундъ я ровно ничего не вижу... И до такой степени, что въ пять часовъ я должна была бросить мой холстъ и отправиться въ лѣсъ, погулять въ его пустынныхъ аллеяхъ.

Понедѣльникъ, 11 августа. Я вышла изъ дому въ пять часовъ утра, чтобы набросать эскизъ, но на улицахъ уже былъ народъ, и я съ бѣшенствомъ должна была вернуться. Ихъ собралось до двадцати человѣкъ вокругъ кареты!

Вторникъ, 12 августа. Вообще, друзья мои, все это означаетъ, что я больна. Я сдерживаюсь и борюсь; но сегодня утромъ, мнѣ казалось, я была на одинъ мигъ отъ того, чтобы сложить руки, лечь и ни за что больше не приниматься... но тутъ же почувствовала, что силы понемногу возвращаются и пошла отыскивать аксессуары для своей картины. Моя слабость и мои постоянныя занятія какъ бы удаляютъ меня отъ реальнаго міра; но никогда еще я не понимала его съ такой

ясностью, съ какой-то особенной отчетливостью, невозможной при обыкновенныхъ условіяхъ.

Все представляется такъ подробно, все кажется такъ прозрачно, что сердце почему-то сжимается грустью...

И я, круглая невѣжда и въ сущности слишкомъ еще молодая, разбираю нескладныя фразы величайшихъ писателей и глупыя измышленія знаменитѣйшихъ поэтовъ... А что касается газетъ и журналовъ, — я просто не могу прочесть трехъ строкъ, не возмущаясь до глубины души. И не только изъ-за этого кухоннаго языка, но изъ-за идей ихъ... ни слова правды! все условлено или оплачено!

Нигдѣ — ни доброжелательства, ни искренности.

А когда видишь всѣми уважаемыхъ, **почтенныхъ** людей, которые, въ интересахъ своей партіи, лгутъ напропалую или говорятъ вздоръ, которому сами не могутъ вѣрить! Глаза бы не глядѣли!...

Мы возвратились къ обѣду отъ Бастьена, который все еще лежитъ, но лицо его спокойно и глаза прояснились. У него сѣрые глаза, чарующая красота которыхъ недоступна, разумѣется, для обыкновенныхъ людей. Понимаете ли вы меня? — Глаза, видѣвшіе **Жанну д'Аркъ.** Мы съ нимъ говорили о ней. Онъ жалуется на то, что не былъ понятъ. А я говорю ему, что онъ былъ понятъ всѣми, кто только что-нибудь изъ себя представляетъ, и что о его **Жаннѣ д'Аркъ** — думаютъ такія вещи, которыя невозможно высказать ему въ глаза.

Суббота, 16 августа. Сегодня первый день, что я по настоящему работала на извозчикѣ, и я такъ разбита этой работой, что должна была взять душъ и т. п. Но какъ славно себя чувствуешь! Архитекторъ устанавливалъ сегодня мой холстъ. Брату получше. Онъ былъ сегодня въ Булонскомъ лѣсу. Его спустили и подняли на лѣстницу въ креслѣ.

Итакъ, онъ, значитъ, ускользаетъ отъ насъ, если ему лучше... Невозможно же въ самомъ дѣлѣ бывать у человѣка, который уже выходитъ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать. Онъ былъ въ лѣсу, снесенный въ креслѣ, а потомъ долженъ былъ лечь... Это еще не значитъ, что онъ выходитъ.

Вторникъ, 19 августа. Я до того измучена, что едва въ силахъ надѣть холстинковое платье безъ корсета, чтобы выйти и пойти къ Бастьену. Его мать встрѣчаетъ насъ упреками. Три дня! Цѣлые три дня не приходили! Это ужасъ, что такое.

А при входѣ въ комнату Эмиль повторяетъ: «Какъ? Значитъ конецъ нашей дружбѣ!..»

— Что же это? Вы меня совсѣмъ покинули! — говорилъ **онъ** самъ. — Это нехорошо съ вашей стороны!

Мое тщеславіе требовало бы, чтобы я повторила здѣсь всѣ его любезные упреки и увѣренія, что ни въ какомъ, ни въ какомъ случаѣ ему не можетъ показаться, что мы приходимъ слишкомъ часто.

Пятница, 22 августа. Все кончено. Онъ приговоренъ. Бодъ сказалъ это мамѣ.

Бодъ его большой другъ; онъ ему написалъ большое письмо изъ Алжира. То, которое я читала.

Такъ кончено! Возможно ли?

Но я еще не могу отдать себѣ отчета, какое впечатлѣніе производитъ на меня это ужасное извѣстіе. Это совсѣмъ новое чувство: видѣть человѣка, приговореннаго къ смерти.

Вторникъ, 26 августа. Всѣ смутныя мысли, кружившіяся и наполнявшія мой мозгъ, остановились и сосредоточились на этой черной точкѣ. Вѣдь это въ первый разъ представлялся случай... это нѣчто совсѣмъ новое: человѣкъ... человѣкъ, великій художникъ и... какъ вы уже знаете...

Приговоренный къ смерти...

И это серьезно.

И я заранѣе буду думать каждый день, что онъ умираетъ? Это ужасно.

Я какъ-то вся подобралась, втянувъ голову между плечами, и жду удара.

Не было ли такъ и всю мою жизнь?.. Когда долженъ придти ударъ, я жду его стойко и твердо. Потомъ уже я обсуждаю его и возмущаюсь и начинаю живо ощущать его, — когда все уже кончено.

Не могу двухъ словъ связать вмѣстѣ... Но не думайте, что я въ отчаяніи, я только пришиблена и невольно спрашиваю себя, что же это такое будетъ?

Суббота, 30 августа, Дѣло пошло не на шутку. Я ничего не дѣлаю... Съ тѣхъ поръ, какъ я кончила мою Севрскую картину, я ничего не сдѣлала, кромѣ какихъ-то двухъ жалкихъ экрановъ.

Я сплю цѣлыми часами средь бѣла дня... Я, правда, хорошо сдѣлала свой маленькій этюдъ, да вѣдь это что-жъ, — курамъ на смѣхъ!

Картина уже установлена, все готово, только меня не достаетъ.

А если бы я сказала все!.. Такое ужасное опасеніе...

На дворѣ сентябрь, скверное время уже не далеко.

Малѣйшая простуда можетъ свалить меня съ ногъ на два мѣсяца; потомъ еще выздоровленіе... А картина-то!.. Всѣмъ пожертвовать и въ результатѣ...

О, вотъ когда хотѣлось бы вѣрить въ Бога и молиться...

Да, это боязнь заболѣть; въ томъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь, какой-нибудь плевритъ въ шесть недѣль покончитъ со мной.

Такъ вотъ какъ я покончу...

Я буду работать надъ картиной... несмотря ни на что, какъ бы холодно ни было... Все равно, не за работой, такъ на какой-нибудь прогулкѣ: тѣ, которые не занимаются живописью, тоже вѣдь умираютъ...

Такъ вотъ онъ, конецъ всѣхъ этихъ треволненій! Столько стремленій, столько желаній, столько проектовъ, столько... чтобы умереть въ 24 года на порогѣ всего!..

И вѣдь я предвидѣла это: Богъ не могъ дать мнѣ — безъ особеннаго, несправедливаго пристрастія ко мнѣ — все необходимое для моей жизни, и потому пошлетъ мнѣ смерть.

Среда, 2 сентября. Я дѣлаю рисунокъ для **Фигаро,** но съ часовымъ перерывомъ. Ужасная лихорадка. Я больше не могу. Я еще никогда не была такъ больна; но такъ какъ я никому не говорю объ этомъ, я выхожу и работаю. Къ чему говорить? Я больна. И того довольно! Развѣ это поможетъ, если я буду болтать объ этомъ! Но выходить?.. Это такая болѣзнь, которая позволяетъ выходить въ минуты, когда чувствуешь себя нѣсколько лучше.

Четвергъ, 11 сентября. Я начала во вторникъ этюдъ голенькаго ребенка; это пригодится для какого-нибудь сюжета, если только удастся.

Вчера приходилъ архитекторъ. Братъ его спрашиваетъ, почему мы такъ давно не были. Мы отправляемся въ Булонскій лѣсъ уже довольно поздно, къ тому времени, когда онъ дѣлаетъ свою обычную прогулку. Я прихожу, усаживаюсь на его обычное мѣсто. Можно себѣ представить удивленіе всѣхъ трехъ ихъ, когда они насъ тамъ находятъ. Онъ протягиваетъ мнѣ обѣ руки, а на возвратномъ пути онъ ѣдетъ въ нашей каретѣ, а тетя — съ его матерью.

Суббота, 13 сентября. Мы друзья, онъ насъ любитъ, онъ меня уважаетъ, онъ меня любитъ, я интересую его. Онъ сказалъ вчера, что напрасно я мучусь, что я должна была бы... считать себя очень счастливой... Ни одна женщина, говоритъ онъ, не имѣла еще такого успѣха, да еще въ такое короткое время работы...

— Васъ знаютъ. Такъ и говорятъ: m-lle Башкирцева, — и всѣ знаютъ васъ. Настоящій успѣхъ! Да вѣдь вамъ—этого мало: подавай вамъ два **Салона** въ годъ. Достигнуть, достигнуть какъ можно скорѣе... Впрочемъ это естественно — при честолюбіи. Я самъ прошелъ черезъ это и т. п.

А сегодня онъ говоритъ:

— Меня видятъ съ вами въ одномъ экипажѣ! Хорошо еще, что я боленъ, а то сказали бы, что я дѣлаю ваши картины.

— Да и такъ ужъ говорили! — прибавилъ архитекторъ.

— Да не въ печати, по крайней мѣрѣ...

— Этого еще не доставало!

Среда, 17 сентября. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы я не мучилась воспоминаніемъ о моемъ отцѣ. Я должна была поѣхать и ухаживать за нимъ до самаго конца. Онъ ничего не сказалъ, но это потому, что онъ—въ родѣ меня,—но онъ долженъ былъ жестоко чувствовать мое отсутствіе. Какъ могла я!.. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Бастьенъ-Лапажъ тутъ, и мы такъ часто бываемъ у него, балуя и ублажая его на всѣ лады... Какъ это было дурно... Мама — это совсѣмъ другое дѣло, — она не жила съ нимъ очень долго, и сошлась опять только какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ; но я — дочь!

И Богъ накажетъ меня за это... А между тѣмъ — Господи! если поглубже всмотрѣться въ дѣло... мы ничѣмъ не обязаны нашимъ родителямъ, если они не окружаютъ насъ своими заботами послѣ нашего появленія на свѣтъ.

И тѣмъ не менѣе... Но мнѣ некогда какъ слѣдуетъ обсудить этотъ вопросъ. Не только Бастьенъ-Лепажъ вызываетъ во мнѣ угрызеніе... У меня есть совѣсть, и эта совѣсть упрекаетъ меня за мой поступокъ.

Я ровно ничего не знаю... и все-таки я молюсь — вопреки разуму:

Si le ciel est dèsert, n'offensons personne;
Si quelqu'un nous entend, qu'il nous prenne en pitié.

Четвергъ. 18 сентября. Я видѣла Жуліана. Мнѣ его не хватало. Но мы уже такъ давно не видались, что намъ почти не о чемъ говорить. Онъ находитъ, что я имѣю видъ человѣка, достигшаго своего, успокоеннаго, живущаго только для искусства, — остальное не стоитъ вниманія.

У Бастьена-Лепажа собралась вся его семья: мать и дочери. Онѣ останутся до самаго конца; но онѣ, повидимому, самыя обыкновенныя болтушки.

Это чудовище Бастьенъ-Лепажъ заботится обо мнѣ; онъ хочетъ, чтобы я въ одинъ мѣсяцъ вылѣчилась отъ моего кашля; онъ застегиваетъ мнѣ мою кофточку и безпокоится, хорошо ли я укутана.

Одинъ разъ, когда онъ легъ, и всѣ собравшіеся около него сѣли, по обыкновенію, слѣва отъ него, а я сѣла справа, онъ повернулся ко всѣмъ спиной, устроился поудобнѣе, и принялся тихонько говорить со мной объ искусствѣ.

Да, конечно, онъ ко мнѣ расположенъ, и даже есть нѣкоторый оттѣнокъ эгоизма въ его расположеніи. Когда я ему сказала, что съ завтрашняго дня примусь за работу, онъ отвѣтилъ:

О, нѣтъ еще! Не покидайте меня.

Пятница, 19 сентября. Ему хуже. Мы не знали, что дѣлать — уйти или остаться — передъ этимъ человѣкомъ, кричавшимъ отъ боли, потомъ улыбавшимся намъ. Уйти — значитъ показать ему, что онъ плохъ, а остаться — какъ на какомъ-нибудь зрѣлищѣ, — въ то время, какъ онъ корчился отъ боли...

Я ужасна, я говорю объ этомъ такъ неделикатно, мнѣ кажется, что можно было бы найти выраженія болѣе... т. е. менѣе... Бѣдный!

1 октября. Такая усталость и такая тоска!

Къ чему писать?

Бастьенъ-Лепажу со дня на день — хуже.

Я не могу работать.

Картина моя не будетъ кончена...

Вотъ, вотъ, вотъ...

Онъ уходитъ отъ насъ и очень страдаетъ. Когда находишься тамъ, какъ будто отрываешься отъ земли; онъ паритъ уже гдѣ-то выше насъ. Бываютъ дни, когда и я чувствую себя такъ. Видишь людей, они говорятъ съ тобой, отвѣчаешь имъ, но уже не чувствуешь себя на землѣ — какое-то спокойное,

уже не мучительное равнодушіе, какъ будто грезы въ опіумѣ... Такъ онъ умираетъ. Я иду туда только по привычкѣ. Это только тѣнь его. Я тоже на половину только тѣнь. Къ чему же? Онъ не чувствуетъ особенно моего присутствія; я не нужна ему; я не обладаю даромъ оживлять глаза его. Ему пріятно видѣть меня — вотъ и все. Да, онъ умираетъ, и мнѣ это все равно. Точно что-то ускользаетъ мало-по-малу.

Впрочемъ — все кончено. Все кончено. Въ 1885 г.—меня похоронятъ.

Четвергъ, 9 октября. Вы видите — я ничего не дѣлаю. У меня все время лихорадка. Оба мои доктора ничего не стоятъ. Я позвала Потена и опять отдалась въ его лапы. Онъ меня вылѣчилъ одинъ разъ. Онъ добръ, внимателенъ, честенъ. Но кажется, что моя худоба и все остальное зависитъ не отъ груди; это совершенно случайная, схваченная мною штука, о которой я не говорила, надѣясь, что и такъ пройдетъ, и заботясь только о легкихъ, которыя не въ худшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Но къ чему докучать вамъ всѣми моими недугами! Дѣло въ томъ, что я не могу ничего дѣлать!.. Ничего! Вчера я начала одѣваться, чтобы поѣхать въ лѣсъ, и два раза готова была отказаться отъ этого—такая слабость. Но все-таки я туда добралась. M-me Бастьенъ-Лепажъ уѣхала въ Дамвиллерсъ, на виноградный сборъ, но хотя около него и остались другія дамы, онъ все-таки радъ намъ.

Воскресенье, 12 октября. Я уже не могла выйти.

Я совсѣмъ больна, хотя и не лежу.

О, Боже мой, Боже мой! А моя картина, моя картина, моя картина!

Жуліанъ пришелъ навѣстить меня. Такъ, значитъ, уже говорятъ, что я больна?

Увы! какъ скрыть это? И какъ пойти къ Бастьенъ-Лепажу.

Четвергъ, 16 октября. У меня ежедневно ужасныя истощающія лихорадки. Я провожу цѣлые дни въ залѣ, переходя съ кресла на диванъ.

Дина читаетъ мнѣ романъ.

Я болѣе совсѣмъ не могу выходить, но бѣдный Бастьенъ-Лепажъ выходитъ. Его приносятъ сюда, онъ устраивается въ креслѣ, вытянувъ ноги на подушкахъ. Я — совсѣмъ подлѣ, въ другомъ креслѣ, и такъ время проходитъ до шести часовъ. Я укутана массой кружевъ, плюша. Все это бѣлое

только разныхъ оттѣнковъ. У Бастьенъ-Лепажа глаза расширяются отъ удовольствія.

— О, если бы я могъ писать!

А я!

Кончена картина этого года.

Суббота, 18 октября. Бастьенъ-Лепажъ приходитъ почти ежедневно. Мать его возвратилась, и пришли всѣ втроемъ.

Потенъ приходилъ вчера. Мнѣ не лучше.

Воскресенье, 19 октября. За обѣдомъ у насъ были Тони и Жуліанъ.

Понедѣльникъ, 20 октября. Несмотря на прекрасную погоду Бастьенъ-Лепажъ вмѣсто того, чтобы отправиться въ лѣсъ приходитъ ко мнѣ. Онъ почти не можетъ ходить, братъ поддерживаетъ его подъ руки, почти несетъ его.

Одинъ разъ въ креслѣ ему сдѣлалось дурно... А разные бездѣльники преспокойно здравствуютъ... Эмиль — превосходный братъ. Онъ сноситъ и втаскиваетъ Жюля на своихъ плечахъ въ ихъ третій этажъ. Дина оказываетъ мнѣ такую же преданность.—Вотъ уже два дня какъ постель моя въ большой гостиной, но она разгорожена ширмами, табуретами, рояземъ, такъ что совсѣмъ незамѣтно... Мнѣ слишкомъ трудно подниматься по лѣстницѣ...

. . . .

. . . .

(На этомъ кончается дневникъ. — Марія Башкирцева умерла одиннадцать дней спустя, 31 октября 1884 года).

Конецъ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ